

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ
НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА
ТОМ I и II

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ Ш. ДВОЛАЙЦКОГО

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
В. МОТЫЛЕВА

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934 ЛЕНИНГРАД

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	V
------------------	---

ТОМ ПЕРВЫЙ НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА

(К вопросу об экономическом объяснении империализма)

Предисловие автора.....	3
-------------------------	---

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ. ПРОБЛЕМА ВОСПРОИЗВОДСТВА

Глава первая. Предмет исследования	5
Глава вторая. Анализ процесса воспроизводства у Кэнэ и у Адама Смита..	18
Глава третья. Критика смитовского анализа.....	30
Глава четвертая. Марксова схема простого воспроизводства	40
Глава пятая. Денежное обращение.....	54
Глава шестая. Расширенное воспроизводство.....	65
Глава седьмая. Анализ марксовой схемы расширенного воспроизводства..	75
Глава восьмая. Попытка разрешить затруднение у Маркса.....	89
Глава девятая. Трудности проблемы под углом зрения процесса обращения.....	102

ОТДЕЛ ВТОРОЙ. ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ

ПЕРВЫЙ СПОР. (Сисмонди-Мальтус и Сэй-Рикардо, Мак Куллох).

Глава десятая. Теория воспроизводства Сисмонди.....	114
Глава одиннадцатая. Мак Куллох против Сисмонди.....	127
Глава двенадцатая. Рикардо против Сисмонди	136
Глава тринадцатая. Сэй против Сисмонди.....	142
Глава четырнадцатая. Мальтус	148

ВТОРОЙ СПОР. Спор между Родбертусом и Кирхманом

Глава пятнадцатая. Кирхмановская теория воспроизводства	153
Глава шестнадцатая. Родбертусовская критика классической школы.....	161
Глава семнадцатая. Родбертусовский анализ воспроизводства.....	171

ТРЕТИЙ СПОР. (Струве-Булгаков-Туган-Барановский против Воронцова-Николая-она).

Глава восемнадцатая. Проблема в новом издании.....	185
Глава девятнадцатая. Господин Воронцов и его «излишек».....	189

Глава двадцатая. Николай -он	194
Глава двадцать первая. «Третьи лица» и три великих державы Струве	200
Глава двадцать вторая. Булгаков и его дополнение к анализу Маркса.....	205
Глава двадцать третья. Диспропорциональность г-на Туган-Барановского	215
Глава двадцать четвертая. Исход русского «легального» марксизма.....	225

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ. ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ НАКОПЛЕНИЯ.

Глава двадцать пятая. Противоречия схемы расширенного воспроизводства	228
Глава двадцать шестая. Воспроизводство капитала и его среда.....	242
Глава двадцать седьмая. Борьба против натурального хозяйства.....	259
Глава двадцать восьмая. Введение товарного хозяйства.....	273
Глава двадцать девятая. Борьба против крестьянского хозяйства	280
Глава тридцатая. Международный заем	299
Глава тридцать первая. Охранительные пошлины и накопление	320
Глава тридцать вторая. Militarизм как поприще капиталистического на- копления.....	326

ОТТО БАУЭР. НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА

Накопление и потребительская сила	339
Накопление и рост населения.....	342
Реализация прибавочной стоимости	347
Недостаточное накопление и перенакопление.....	354
Объяснение империализма.....	358

ГУСТАВ ЭКШТЕЙН. О КНИГЕ Р. ЛЮКСЕМБУРГ «НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА»

I. Отношение между общественным производством и потреблением у К. Маркса.....	361
II. Схема Маркса и кризисы.....	363
III. Постановка проблемы у Розы Люксембург.....	365
IV. Использование схем Розой Люксембург.....	366
V. Денежное обращение.....	369
VI. Решение проблемы.....	—

ТОМ ВТОРОЙ

Накопление капитала или что эпигоны сделали из теории Маркса (Антикритика)

I.....	375
II.....	411

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТОМУ ИЗДАНИЮ

Вряд ли можно назвать другое произведение в марксистской экономической литературе, которое характеризовалось бы таким несоответствием между субъективно-революционными намерениями автора и объективным антиреволюционным смыслом его центральных идей, как «Накопление капитала» Розы Люксембург. Этот труд Р. Люксембург вызвал странную на первый взгляд, но далеко не случайную, группировку сторонников и противников. Против теории накопления Р. Люксембург выступили, с одной стороны, официальные социал-реформистские теоретики, и, с другой стороны, коммунистические теоретики. Последовательными сторонниками этой теории оказались преимущественно ренегаты коммунизма (Тальгеймер и др.). Ее методологические установки встретили также сочувствие среди отдельных «левых» с.-д. (Штернберг, Гроссман и др.). В последние же годы, как мы покажем ниже, среди «левых» с.-д. усилились тенденции опереться в той или иной степени на теорию накопления Р. Люксембург для обоснования «левых» фраз о современном капитализме. Попытки выступать под знаменем люксембургианства наблюдаются в последние годы и со стороны троцкистов.

Причины этой группировки противников и сторонников теории накопления Р. Люксембург станут понятными ниже, после выяснения существа ее ошибок. Совершенно очевидно однако, что критика социал-фашистов и коммунистов не может не отличаться в корне как по своим исходным позициям и существу, так и по своим выводам.

I. ТЕОРИИ РЕАЛИЗАЦИИ К. МАРКСА И Р. ЛЮКСЕМБУРГ

Теория реализации Р. Люксембург противопоставляется ею теории расширенного воспроизводства Маркса, развитой им в отделе III второго тома «Капитала».

Маркс рассматривает, как известно, проблему воспроизводства в «идеальном», «чистом» капиталистическом хозяйстве, состоящем из двух классов – буржуазии и пролетариата. Такая абстракция необходима для того, чтобы установить имманентные закономерности

воспроизводства в капиталистической системе хозяйства как таковой. Но тем самым Маркс устанавливает имманентные закономерности воспроизводства в реальном капиталистическом хозяйстве, ибо капиталистическая система в нем господствует, и остатки докапиталистических систем в основном подчиняются законам развития капитализма, лишь частично их модифицируя.

Р. Люксембург, не возражая против правильности этой предпосылки Маркса при исследовании простого воспроизводства, решительно выступает однако против ее допустимости при исследовании расширенного воспроизводства.

«Теоретическое допущение общества, – пишет она, – состоящего из одних лишь капиталистов и рабочих... кажется мне неприменимым и мешающим анализу там, где речь идет о накоплении общественного капитала, взятого в целом. Так как последнее представляет действительный исторический процесс капиталистического, развития, то его, по моему, невозможно понять, если отвлечься от всех условий этой исторической действительности. Капиталистическое накопление как исторический процесс с первого до последнего дня развивается в среде различных докапиталистических формаций, в постоянной политической борьбе и непрерывном экономическом взаимодействии с ними. Как же можно правильно понять этот процесс и внутренние законы его развития в бескровной теоретической фикции, которая объявляет несуществующими всю эту среду, эту борьбу и это взаимодействие?»¹.

В этой цитате обращает на себя внимание странность аргументации Р. Люксембург. Ведь все процессы, исследуемые в «Капитале» Маркса, являются «действительными историческими процессами», все логические категории, отражающие капиталистическую экономику, являются историческими. Рассматривая эти процессы на определенной ступени абстракции, т. е. отвлекаясь от некоторых (а не всех) условий исторической действительности, Маркс тем самым обеспечивает возможность подлинного познания той же исторической действительности. «Все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее»².

Вопреки утверждению Р. Люксембург, методологические предпосылки абстрактной теории расширенного воспроизводства Маркса вовсе не являются «бескровной теоретической фикцией». Маркс в действительности не абстрагируется в теории расширенного воспроизводства от всех исторических условий. То обстоятельство, что (c), (v) и (m) в схемах Маркса означают постоянный капитал, переменный капитал и прибавочную стоимость, свидетельствует, что проблема анализируется Марксом в условиях капиталистического хозяйства. То, общее всем системам общественного хозяйства, что есть в схемах Маркса (необходимость известной пропорциональности между подразделениями общественного воспроизводства и т. п.), дано в них в особенном, специфическом, историческом. Социальная природа и количественная опре-

¹ «Антикритика», стр. 389, разрядка наша.

² IX Ленинский сборник, стр. 183.

деленность частей подразделений и их соотношений отражают специфические особенности к а п и т а л и с т и ч е с к о г о хозяйства.

Таким образом Маркс во втором томе «Капитала» абстрагируется при исследовании расширенного воспроизводства не от всех исторических условий, а лишь от таких, которые усложняют действие и м м а н е н т н ы х законов расширенного воспроизводства в капиталистическом хозяйстве. Если Р. Люксембург предпосылки исследования Маркса кажутся «бескровной теоретической фикцией», то в этом повинно отрицание ею самой в о з м о ж н о с т и расширенного воспроизводства в чистом капиталистическом хозяйстве.

Будучи несогласной с этой методологической предпосылкой исследования Маркса, Р. Люксембург пытается даже представить дело так, что эта предпосылка носит случайный характер, так как Маркс не успел будто бы проверить ее применимость к данной проблеме. В «Антикритике» она заявляет, что «Маркс специально в вопросе о накоплении не пошел дальше конструирования нескольких схем и начала их анализа» (стр. 376), что он «только поставил вопрос о накоплении совокупного общественного капитала, но не ответил на него» (стр. 389), что «для наглядности своей концепции он составил несколько математических схем, но едва только он приступил к объяснению их социальной практической возможности и к проверке их с этой точки зрения, как болезнь и смерть вырвали из рук его перо» (стр. 389).

Эти заявления Р. Люксембург вступают однако в резкое противоречие с тем фактом, что Маркс указывал на необходимость абстрактного анализа проблемы расширенного воспроизводства неоднократно как в «Капитале», так и в «Теориях прибавочной стоимости». Р. Люксембург вынуждена сама привести в гл. 25 «Накопления» ряд цитат из этих работ Маркса, которые доказывают, что необходимости исследования проблемы расширенного воспроизводства в «чистом» капитализме была им достаточно продумана. Р. Люксембург права, что «математические схемы служили Марксу лишь примером, иллюстрацией его экономических мыслей», но в том-то и дело, что эти иллюстрации с о о т в е т с т в у ю т экономическим рассуждениям Маркса, иллюстрируют его п о д л и н н ы е взгляды.

Р. Люксембург утверждает, что в чистом капитализме не может быть покупателей для товаров, в которых овеществлена прибавочная стоимость, подлежащая накоплению. Мы не будем здесь воспроизводить ее рассуждений и аргументов по этому вопросу, так как читатель может познакомиться с ними в данной книге – в «Накоплении капитала» (гл. VII, VIII, XXV, XXVI) и в «Антикритике» (стр. 375,-' 390)¹.

Обратимся непосредственно к анализу критических замечаний Р. Люксембург.

Когда Р. Люксембург ставит вопрос: «Кто же является покупателем, потребителем той части всех общественных товаров, продажа которой только и делает возможным накопление?» и отвечает на него: «Ясно одно: этими покупателями не могут быть ни рабочие, ни капи-

¹ Читателю, впервые приступающему к ознакомлению с теорией накопления Р. Люксембург, мы рекомендуем начать чтение не с «Накопления капитала», а с первой, положительной части «Антикритики», стр. 375-390.

талисты», – то в этом ответе отсутствует ясность в главном вопросе: о каких рабочих и какой покупательной способности капиталистов идет речь. Речь ведь идет в данном случае о накоплении. Накопление же предполагает наличие дополнительного спроса капиталистов на средства производства и дополнительного их спроса на рабочую силу, т. е. дополнительного спроса рабочих на средства потребления.

Р. Люксембург замечает лишь тот факт, что все капиталисты выступают на рынке с предложением тех товаров, в которых овеществлена подлежащая накоплению часть прибавочной стоимости. Но ведь именно потому, что эта часть прибавочной стоимости подлежит накоплению, каждый капиталист стремится к продаже своих товаров лишь для того, чтобы купить чужие. Таким образом в действительности все капиталисты нуждаются в товарах друг друга (в дополнительных средствах производства и средствах существования для дополнительных рабочих), т. е. наряду с предложением существует и спрос. Если необходимая пропорциональность не нарушена (а это – предпосылка схем), то спрос на эти товары создается самой необходимостью расширения производства.

Вопрос, который Р. Люксембург считает неразрешимым в чистом капиталистическом хозяйстве, разрешается таким образом, что спрос на товары, в которых овеществлена накапливаемая прибавочная стоимость, предъявляют дополнительно сами капиталисты (на средства производства) и нанятые ими дополнительные рабочие (на средства потребления).

Р. Люксембург подходит сама к подобному, т. е. правильному, решению вопроса, но немедленно отвергает его.

«Может быть, – пишет она, – мы уподобляемся тому всаднику, который безнадежно разыскивал коня, на котором он сидел? Может быть капиталисты сами покупают друг у друга этот остаток товаров и притом не для того, чтобы прокутить их в свое удовольствие, а затратить именно на расширение производства с целью накопления? Ибо что такое накопление, как не расширение капиталистического производства? Но для того чтобы удовлетворять этой цели, указанные товары должны состоять не из предметов роскоши для частного потребления капиталистов, а из разного рода средств производства (нового постоянного капитала) и средств существования для рабочих.

«Пусть это будет так. Но подобное решение лишь переносит затруднение с данного момента на следующий. В самом деле, допустив, что накопление началось и что расширенное производство в следующем году выбрасывает на рынок еще большую массу товаров, чем в этом году, мы снова наталкиваемся на вопрос: где же мы тогда найдем покупателей для еще более возросшего количества товаров?

«Если нам ответят, что это возросшее количество товаров и в следующем году будет обменено капиталистами между собой и затрачивается ими всеми опять-таки для расширения производства, и так из года в год, – то мы будем иметь перед собой карусель, которая вращается сама собой в пустом пространстве. Это будет в таком случае не капиталистическое накопление, т. е. не накопление денежного капитала, а нечто противоположное: производство товаров ради производства,

стало быть, с точки зрения капитала, совершеннейшая бессмыслица»¹.

Признав таким образом возможность реализации подлежащей накоплению прибавочной стоимости, Р. Люксембург тут же отвергает ее (возможность) по тем соображениям, что: 1) такое производство ради производства с точки зрения капитала является бессмыслицей и 2) накопление должно представлять накопление денежного капитала.

Рассмотрим прежде всего первое соображение. Этот аргумент Р. Люксембург повторяет неоднократно, он является одним из ее центральных методологических положений. В той же «Антикритике» она заявляет: «Где здесь начало, инициатива импульса, – не видно. Мы явственно вращаемся в кругу, и проблема исчезает у нас под руками» (стр. 378).

Еще более резко этот вопрос формулирован ею в основной работе – «Накопление капитала».

«Но для того чтобы дать работу новым рабочим и приводить в движение новые средства производства, прежде всего, с капиталистической точки зрения, должна быть налицо какая-нибудь цель для расширения производства, должен быть дополнительный спрос на продукты, подлежащие изготовлению» (стр. 85, разрядка наша. – В. М.).

«Д л я к о г о происходит это прогрессирующее расширение: производства, – это на основании предпосылок марксовской схемы, определить невозможно... Спрашивается, д л я к о г о же капиталисты производят, когда и поскольку они не потребляют, а проявляют «подвиги воздержания», т. е. накапливают?.. Эти капиталисты являются, стало быть, фанатиками расширения производства ради расширения производства» (стр. 232, разрядка наша. – В. М.).

Тот факт, что такая постановка вопроса повторяется Р. Люксембург неоднократно, показывает, что она стала жертвой глубоко ошибочного методологического подхода по данному вопросу к капиталистическому хозяйству. Ведь непосредственной целью, стимулом капиталистического производства является прогрессирующее производство прибавочной стоимости – получение прибыли. Капиталисты расширяют производство для того, чтобы обеспечить рост прибыли. В то же время капиталистическое производство, как и всякое общественное производство, существует для удовлетворения общественных потребностей, хотя это достигается в нем лишь косвенно и в весьма ограниченной и понижающейся степени. «Производство ради производства» и является в капиталистическом хозяйстве выражением того, что непосредственно оно стимулируется не необходимостью удовлетворения общественных потребностей, а стремлением к прибыли. Таким образом все выражения о «бессмыслице», «абсурде» прогрессирующего производства ради производства, вопросы «для кого» и т. д. являются результатом забвения элементарных особенностей капиталистического хозяйства.

В том же «Накоплении капитала» Р. Люксембург дала правильные формулировки действительных стимулов производства для производ-

¹ «Антикритика», стр. 384-385.

ства. Мы приведем несколько кратких цитат, которые прекрасно отвечают на вопросы, поставленные ею в той же работе, о цели, стимулах и т. п. расширенного воспроизводства как производства ради производства.

«Следовательно прибыль как конечная цель и определяющий момент господствует здесь не только над производством, но и над воспроизводством» (стр. 7).

«Целью и движущим мотивом капиталистического производства является не просто прибавочная стоимость в любом количестве и однократное присвоение ее, а прибавочная стоимость неограниченная, ее непрерывное нарастание, все увеличивающиеся количества ее» (стр. 11).

Чем же тогда объяснить эту странную aberrацию, это странное забвение Р. Люксембург установленных ею в той же работе элементарных особенностей капиталистического хозяйства? Роковую роль сыграл очевидно в данном случае телеологический подход Р. Люксембург к воспроизводству общественного капитала, непонимание ею связи, существующей между мотивами отдельных капиталистов и движением общественного капитала в целом.

Не лучше обстоит дело и с другим критическим соображением Р. Люксембург о том, что накопление должно представлять накопление денежного капитала. Этот аргумент приведен ею в «Антикритике» и в развернутом виде. Она утверждает там, что «накапливать капитал не значит производить все большие горы товаров, а превращать все больше товаров в денежный капитал». Рассматривая то объяснение вопроса, согласно которому деньги попеременно обслуживают реализацию прибылей отдельных капиталистов, Р. Люксембург заявляет: «Итак, мы остаемся при старом: совокупный общественный капитал приносит постоянно – и притом в денежной форме – совокупную прибыль, которая в целях совокупного процесса накопления должна постоянно возрастать. Но как эта сумма может возрастать, если слагаемые только путешествуют из одного кармана в другой?»¹.

Р. Люксембург и в данном случае делает существенную ошибку. В действительности накопление совокупного общественного капитала происходит главным образом в материальной форме – в форме средств производства и т. п. Денежный капитал есть не что иное как достигшая самостоятельности, обособившаяся функциональная форма кругооборота промышленного капитала, которую последний принимает, то отторгает в процессе своего кругооборота. Совокупная прибыль («сумма») может возрастать и в натуральном виде, ибо отдельные ее составные части лишь проходят денежную форму. Индивидуальный капиталист знает, что он может превратить свой капитал и свою прибыль в деньги, в денежный капитал. Рост общественного капитала сопровождается обычно известным ростом денежного капитала, но оба процесса не идентичны.

Не считая целесообразным подвергать здесь рассмотрению все возражения, выдвинутые Р. Люксембург по вопросу о роли денег

¹ «Антикритика», стр. 397.

в процессе расширенного воспроизводства, мы считаем однако необходимым отметить имеющиеся у ней по этому вопросу противоречия. С одной стороны, Р. Люксембург упрекает Маркса в том, что вопрос, «откуда берется спрос на прибавочную стоимость», он подменил вопросом, «откуда берутся деньги для реализации прибавочной стоимости». С другой стороны, Р. Люксембург сама чрезвычайно преувеличивает значение денег, рисуя накопление капитала как накопление денежного капитала. В действительности Марксу чужды ошибки, приписываемые ему Р. Люксембург. Вопрос, «откуда берется спрос на прибавочную стоимость», он выясняет, как мы убедились выше, при помощи схем. Вопрос же об источнике денег фигурирует у него как особый вопрос.

Обратимся теперь к той теории реализации, которую Р. Люксембург противопоставила марксовой. Считая невозможной реализацию прибавочной стоимости, подлежащей накоплению, в чистом капиталистическом хозяйстве, Р. Люксембург выдвигает в качестве необходимой предпосылки осуществления в капитализме расширенного воспроизводства существование некапиталистической среды, в которой капиталисты могли бы реализовать товары, представляющие накапливаемую часть прибавочной стоимости.

«Таким образом между капиталистическим производством и его некапиталистической средой с самого начала должны были развиваться отношения обмена, при которых для капитала создавалась возможность реализовать в чистом золоте свою собственную прибавочную стоимость для целей дальнейшей капитализации, обеспечивать себя всякого рода необходимыми ему для расширения собственного производства товарами и, наконец, путем разрушения этих некапиталистических форм производства получать все новый и новый приток пролетаризованной рабочей силы»¹.

Мы не станем здесь излагать подробно теорию Р. Люксембург, ибо читатель может познакомиться с ней в настоящей книге².

Рассмотрим теорию реализации Р. Люксембург по существу.

В том же отделе III тома второго «Капитала», в котором изложена критикуемая Р. Люксембург абстрактная теория реализации Маркса, последний, в связи с вопросом о допустимости абстрагирования от внешней торговли, высказывает мысли, которые имеют прямое отношение и к вопросу о допустимости абстрагирования от некапиталистической среды.

«Капиталистическое производство, – пишет Маркс, – вообще не существует без внешней торговли. Но если мы предполагаем нормальное годовое воспроизводство в раз данном масштабе, мы тем самым представляем дело так, что внешняя торговля лишь замещает туземные предметы предметами иной потребительной или натуральной формы, причем она не оказывает влияния на отношения стоимости, а следовательно, и на те отношения стоимости, в которых обмениваются друг на друга две категории: средства производства и средства потребления, равно как на отношения постоянного капитала, пере-

¹ «Антикритика», стр. 385-387.

² «Накопление капитала», отдел III, в особенности гл. XXV и XXVI, «Антикритика», стр. 375-390.

менного капитала и прибавочной стоимости, на которые может быть разложена стоимость продукта каждой из этих двух категорий. Поэтому привлечение внешней торговли к анализу ежегодно воспроизводимой стоимости продукта, не давая ничего нового ни для проблемы, ни для ее разрешения, может лишь внести путаницу. Следовательно, необходимо совершенно абстрагироваться от нее»¹.

Достаточно вдуматься в смысл аргументации Маркса, чтобы стало ясно, что она может быть целиком отнесена и к теории накопления Р. Люксембург.

На самом деле, если внешняя торговля лишь замещает одни потребительные стоимости другими, то это означает, что она не дает с точки зрения абстрактной теории реализации никаких новых возможностей реализации накапливаемой прибавочной стоимости по сравнению с теми, которые имеются и в чистом капитализме. Если мы теоретически предполагаем мировое чистое капиталистическое хозяйство, в котором производятся все необходимые потребительные стоимости, то ведь и в нем проблема реализации прибавочной стоимости, подлежащей накоплению, может быть разрешена замещением одних потребительных стоимостей другими. Если это возможно, как полагает Р. Люксембург, при наличии некапиталистической среды, то почему это невозможно в чистом капиталистическом хозяйстве?

Логическую несостоятельность припутывания внешней торговли при рассмотрении абстрактной теории реализации неоднократно подчеркивал и Ленин. Так например в своей работе «К характеристике экономического романтизма», критикуя теорию «третьих лиц» Сисмонди (с которой теория реализации Р. Люксембург в основном тождественна), Ленин заявлял следующее:

«А внешний рынок? Не отрицаем ли мы необходимости внешнего рынка для капитализма? Конечно, нет. Но только вопрос о внешнем рынке не имеет абсолютно ничего общего с вопросом реализации, и попытка связать их в одно целое характеризует лишь романтические пожелания «задержать» капитализм и романтическую неспособность к логике. Теория, разъяснившая вопрос о реализации, показала это с полной точностью. Романтик говорит: капиталисты не могут потребить сверхстоимость и потому должны сбывать ее за границу. Спрашивается, не даром ли уже отдают капиталисты свои продукты иностранцам или не бросают ли они их в море? Продают – значит получают эквивалент; вывозят одни продукты – значит ввозят другие. Если мы говорим о реализации общественного продукта, то мы этим самым устраняем уже денежное обращение и предполагаем лишь обмен продуктов на продукты, ибо вопрос о реализации в том и состоит, чтобы анализировать во всем ее и во всех частях общественного продукта по стоимости и по материальной форме. Поэтому начать рассуждение о реализации и кончить его тем, что «сбудут-де продукт за деньги», – так же смешно, как если бы на вопрос о реализации постоянного капитала в предметах потребления был дан ответ: «продадут». Это просто грубый логический промах: люди сбываются с вопроса о реализации всего обществен-

¹ «Капитал», т. II, гл. XX, раздел XII.

ного продукта на точку зрения единичного предпринимателя, которого, кроме «продажи иностранцу», ничто дальше не интересует. Припутывать внешнюю торговлю, вывоз к вопросу о реализации – это значит увертываться от вопроса, о т о д в и г а я его лишь на более широкое поле, но н и с - к о л ь к о н е в ы я с н я я его. Вопрос о реализации ни на йоту не подвинется вперед, если мы вместо рынка одной страны возьмем рынок известного комплекса стран»¹.

Утверждение Ленина, что припутывание внешней торговли (а значит и некапиталистической среды) лишь отодвигает вопрос о реализации на более широкое поле, нисколько не выясняя его, можно проиллюстрировать следующим примером.

Допустим, что схема расширенного воспроизводства включает также производство некапиталистических товаропроизводителей, т. е. что выполнено основное требование Р. Люксембург об анализе проблемы расширенного воспроизводства в некапиталистической среде. Чтобы не усложнять дела новыми вычислениями, примем, что та схема расширенного воспроизводства, которая фигурирует у Маркса, отражает соотношение не только в чистом капиталистическом хозяйстве, но и в среде некапиталистических товаропроизводителей, т. е. что в (с) входит, кроме постоянного капитала капиталистов, стоимость средств производства самостоятельных товаропроизводителей, в (v), кроме переменного капитала, – та часть дохода некапиталистических товаропроизводителей, которая идет на личное потребление этих производителей и их семей, в накапливаемую часть (m) – накопление (очень незначительное) некоторых групп этих товаропроизводителей. Хотя подобное включение в схемы простого товарного хозяйства весьма условно, оно все же для иллюстративных целей допустимо.

Спрашивается: изменится что-либо в проблеме реализации по сравнению с тем ее содержанием, которое она имеет в чистом капиталистическом хозяйстве? Применяя метод рассуждения Р. Люксембург, мы неизбежно должны прийти к выводу, что и в этом случае нет покупателей накапливаемой части (m). В самом деле, ведь покупательная способность капиталистов, рабочих и некапиталистических товаропроизводителей ограничена (с+v) плюс потребляемая часть (m). Раз другую часть (m) капиталисты и некапиталистические товаропроизводители хотят накопить, то по методу рассуждений Р. Люксембург для нее не должно оказаться покупателей. Кому в таком случае можно продать товары, в которых овеществлена эта часть (m)? Ведь покупательная способность некапиталистической среды уже учтена в нашем примере².

Таким образом спасительная роль некапиталистической среды оказывается мнимой. У сторонников Р. Люксембург остаются лишь два выхода: либо отрицать

¹ Ленин, Соч., т. II, «К характеристике экономического романтизма», гл. VI.

² Попытка такой конкретизации утверждений Маркса и Ленина была впервые, если не ошибаемся, сделана т. Крицманом в его статье «О накоплении и “третьих лицах”» (см. «Вести, Ком. акад.» № 5). Наш пример отличается от примера т. Крицмана тем, что мы не видим нужды предполагать существование в теоретически мыслимом простом товарном хозяйстве эксплуататоров. Кроме того мы не видим нужды припутывать к примеру натуральное хозяйство.

возможность накопления и при существовании некапиталистической среды, либо признать возможность реализации и в абстрактном чистом капитализме.

II. ПРОТИВОРЕЧИЯ РАСШИРЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА И КРИЗИСЫ.

Абстрактная теория реализации объясняет ту возможность расширенного воспроизводства, которая находит проявление в среднем в итоге цикла. Но эта теория отнюдь не утверждает, что возможность, расширенного воспроизводства реализуется без трудностей и нарушений.

«Абстрактная теория реализации, – пишет Ленин, – предполагает и должна предполагать пропорциональное распределение продукта между различными отраслями капиталистического производства. Но, предполагая это, теория реализации отнюдь не утверждает, что в капиталистическом обществе продукты всегда распределяются или могут распределяться пропорционально... Поскольку мы берем абстрактную теорию реализации... постольку неизбежен вывод о возможности реализации. Но, излагая абстрактную теорию, надо указать на те противоречия, которые присущи действительному процессу реализации»¹.

Исследуя, как происходит воспроизводство и обращение общественного капитала, схема Маркса предполагает наличие необходимой пропорциональности. Тем не менее неизбежность нарушений этой пропорциональности вытекает из самой сущности схемы. Поскольку последняя рассматривает, как отмечено было выше, процесс расширенного воспроизводства в капиталистическом хозяйстве, постольку в схему включено противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Между тем именно это противоречие объясняет необходимость кризисов.

Устанавливая условия необходимой пропорциональности, при которых возможен процесс расширенного воспроизводства в капиталистическом хозяйстве, схема выясняет тем самым линии неизбежного нарушения этой пропорциональности, ибо в анархическом хозяйстве необходимая пропорциональность может реализоваться лишь через механизм нарушений этой пропорциональности и вызываемых ими тенденций к ее восстановлению.

Состояние необходимой пропорциональности, которое дается Марксом в схемах, не является для капитализма, а значит и для его теоретического изучения, исходным. Исходным при изучении капиталистического воспроизводства является движение антагонистических противоречий этого воспроизводства. Схемы непосредственно рисуют рост антагонистических противоречий капиталистического воспроизводства: в о-п е р в ы х, они показывают, что расширенное воспроизводство означает расширенное воспроизводство классовых отношений и противоречий капитализма, так как, с одной стороны, растет богатство капиталистов и воспроизводится в расширенном масштабе их классовое господство и, с другой – происходит расширенное воспроизводство класса наем-

¹ Ленин, Соч., т. II, стр. 407, изд. 3-е.

ных рабочих и нищеты масс; в о-в т о р ы х, в силу этого более быстрый рост первого подразделения, производящего средства производства, по сравнению со вторым подразделением, производящим средства потребления, отражает рост и обострение в капиталистическом обществе противоречия между производством и потреблением. Схемы показывают, что потребление рабочих масс образует узкий базис капиталистического воспроизводства. Таким образом в схемах Маркс не только не отвлекается от противоречий капиталистического воспроизводства, но именно их исследует.

Всего этого не понимает Р. Люксембург. Справедливо выступая против ряда апологетических взглядов критиков-эпигонов (Экштейна, Бауэра и др.), она в пылу антикритики углубляет свои ошибки. Она утверждает, что на основе схемы расширенного воспроизводства Маркса кризисы как периодическое явление становятся необъяснимыми.

«Капиталистические кризисы становятся необъяснимым явлением. Или у нас в таком случае остается лишь одно объяснение – кризисы вытекают не из несоответствия между способностью к расширению капиталистического производства и способностью к расширению рынка сбыта, а исключительно только из диспропорциональности между различными отраслями капиталистического производства»¹.

Больше того, в гл. XXV «Накопления» Р. Люксембург утверждает, что теория расширенного воспроизводства, развитая Марксом в отделе III тома второго «Капитала», противоречит той характеристике хода капиталистического накопления, которую Маркс дал на протяжении всего «Капитала» и в особенности в третьем томе².

Такое противоречие Р. Люксембург усматривает прежде всего в том, что «схемы не учитывают регрессирующей производительности труда». Она пытается доказать, что при учете роста органического строения капитала основные отношения марксовых схем нарушатся. Оставляя здесь в стороне некоторые другие «противоречия», открытые Р. Люксембург, отметим далее, что весьма существенное противоречие между т. II и III «Капитала» она усматривает в том, что схема расширенного воспроизводства исключает установленное Марксом «глубокое основное противоречие между производительной и потребительной способностью капиталистического общества». Мы не будем воспроизводить здесь ее аргументацию по этим вопросам, отсылая читателей к гл. XXV «Накопления».

Что касается замечаний Р. Люксембург о противоречиях, связанных с ростом органического строения капитала, то те отдельные верные мысли, которые имеются в этих замечаниях, свидетельствуют не о невозможности расширенного воспроизводства в чистом капитализме, а о том, что оно может совершаться лишь среди трудностей и нарушений. Поэтому в абстрактной теории воспроизводства Маркс мог абстрагироваться от роста органического строения капитала.

¹ «Антикритика», стр. 399,

² Следует отметить, что в этом отношении Р. Люксембург не оригинальна. О противоречии между отделом III тома второго «Капитала» и теоретическими положениями тома третьего писал задолго до нее Туган-Барановский. Ленин подверг утверждения Тугана уничтожающей критике.

Утверждение же Р. Люксембург, что из схемы расширенного воспроизводства будто бы исключено противоречие между производством и потреблением, что кризисы могут объясняться на основе схемы лишь диспропорциональностью между различными отраслями капиталистического производства, – является конечно глубоко ошибочным. Мы отметили уже выше, что схема включает противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения, а значит и вытекающее из него противоречие между производством и потреблением. Деление внутри подразделений на постоянный и переменный капитал и деление всего общественного воспроизводства на подразделения средств производства и средств потребления показывают, что в условия необходимой пропорциональности схем включена и пропорциональность между производством и потреблением.

Таким образом пропорциональность отраслей производства предполагает также пропорциональность между производством и потреблением.

«Потребительная сила общества», – пишет Ленин, – и «пропорциональность различных отраслей производства», – это вовсе не какие-то отдельные, самостоятельные, не связанные друг с другом условия. Напротив, известное состояние потребления есть один из элементов пропорциональности»¹.

При этом то обстоятельство, что определенное состояние потребления является элементом пропорциональности и не может быть поэтому противопоставляемо пропорциональности отдельных отраслей, отнюдь не противоречит о с о б о м у х а р а к т е р у и о с о б о м у з н а ч е н и ю противоречия между производством и потреблением. Потребление является таким элементом пропорциональности, который оказывается наиболее «узким местом» этой пропорциональности. Хотя в периоды подъема и расцвета, предшествующие кризисам, потребление повышается, его рост отстает от роста производства. Поэтому в нарушениях пропорциональности процесса воспроизводства периодическое отставание роста потребления от роста производства играет особую роль.

Ленин подчеркивает неоднократно в своих статьях, ссылаясь на цитаты из работ Маркса, что «в к о н е ч н о м с ч е т е изготовление средств производства необходимо связано с изготовлением предметов потребления, ибо средства производства изготавливаются не ради самых же средств производства, а лишь ради того, что все больше и больше средств производства требуется в отраслях промышленности, изготавливающих предметы потребления»². В то же время Ленин подчеркивает, что противоречие между производством и потреблением существует даже при предположении идеально-гладкого хода процесса воспроизводства.

«Д а ж е при идеально-гладком и пропорциональном воспроизводстве и обращении всего общественного капитала неизбежно противоречие между ростом производства и ограниченными пределами потребления. В действительности же к р о м е т о г о процесс

¹ Ленин, Соч., т. II, изд. 3-е, стр. 430.

² Там же, стр. 424.

реализации идет не с идеально-гладкой пропорциональностью, а лишь среди „затруднений“, „колебаний“, „кризисов“ и пр.»¹.

Маркс, Ленин не считали, в отличие от Р. Люксембург, что противоречие между производством и потреблением должно приводить к систематическому, хроническому перепроизводству, к систематическому диспропорции между производством и потреблением.

«Я нигде не говорил, – писал Ленин, – что это противоречие должно систематически давать избыточный продукт; я этого не думаю, и подобного взгляда нельзя вывести из слов Маркса. Противоречие между производством и потреблением, присущее капитализму, состоит в том, что производство растет с громадной быстротой, что конкуренция сообщает ему тенденцию безграничного расширения, тогда как потребление (личное), если и растет, то крайне слабо; пролетарское состояние народных масс не дает возможности быстро расти личному потреблению»².

Эта тенденция капиталистического хозяйства к безграничному расширению производства и к одновременному ограничению потребления и находит свое проявление в периодических нарушениях пропорциональности в народном хозяйстве, в периодических кризисах. Неправильно однако отрывать противоречие между производством и потреблением от всей системы противоречий капиталистического хозяйства, вырастающих на основе противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения. «Кризисы, – заявляет Маркс, – должны рассматриваться как реальное соединение и насильственное выравнивание в с е х противоречий буржуазной экономики»³.

В отличие от Маркса, Энгельса и Ленина Р. Люксембург отрывает противоречие между производством и потреблением, как от основного противоречия капитализма, противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения, так и от остальных противоречий, вырастающих из этого основного противоречия.

Р. Люксембург придает особое значение тому истолкованию схем расширенного воспроизводства Маркса, которое дано было Туган-Барановским в его теории накопления. Эту теорию Туган-Барановского она выдвигает в качестве пугала против схем расширенного воспроизводства Маркса. Между тем схемы Туган-Барановского имеют лишь формальное сходство со схемами Маркса, в корне противореча им по существу. Схемы Маркса, являясь иллюстрацией его экономического исследования, не только не абстрагируются от противоречия между производством и потреблением, но, как мы убедились выше, включают это противоречие. Наоборот, у Туган-Барановского связь между производством и потреблением оказывается по существу разорванной. Строя схемы, в которых потребление систематически падает, и доказывая на этом основании возможность реализации при любом сокращении потребления, Туган-Барановский лишает схемы

¹ Ленин, Соч., т. II, изд. 3-е, стр. 415-416.

² Там же, стр. 422.

³ «Теории прибавочной, стоимости», т. II, ч. 2, изд. 1932 г., стр. 186, разрядка наша.

всякого социального содержания. В то время как схемы Маркса являются содержательными абстракциями, отражающими имманентные соотношения воспроизводства и обращения общественного капитала, – схемы Туган-Барановского являются пустыми и бессодержательными абстракциями, арифметическими упражнениями, не имеющими никакого отношения к действительности капиталистического хозяйства.

Поскольку капиталистическое хозяйство характеризуется противоречием между производством и потреблением, и рост богатства правящих классов сопровождается в нем ростом народной нищеты, оно удовлетворяет общественные потребности в весьма ограниченной и понижающейся степени. Однако и в капиталистическом хозяйстве производство средств производства необходимо связано с производством предметов потребления и служит в конечном счете именно этому производству. Поэтому личное потребление образует и в капиталистическом хозяйстве базис воспроизводства в целом. Из того обстоятельства, что этот базис является весьма узким, отнюдь не вытекает однако возможность абстрагирования от потребления, от связи между производством и потреблением, от противоречия между ними. Вместе с тем отсюда не вытекает невозможность расширенного воспроизводства в капиталистическом хозяйстве.

«Это противоречие, – заявляет Ленин, – не означает невозможности капитализма, но оно означает необходимость превращения в высшую форму: чем сильнее становится это противоречие, тем дальше развиваются как объективные условия этого превращения, так и субъективные условия, т. е. сознание противоречия работниками»

III. ТЕОРИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА Р. ЛЮКСЕМБУРГ

Разбор основных возражений Р. Люксембург против теории реализации Маркса и основных положений ее собственной теории реализации дает нам возможность перейти теперь к теории империализма Р. Люксембург. Необходимость экономического объяснения империализма является, как это подчеркивается Р. Люксембург, не только в подзаголовке к названию книжки, но и неоднократно в тексте, – центральн ой задачей ее книги.

Р. Люксембург не ограничивается формулировкой собственной теории империализма, но пытается также доказать, что предпосылки схем Маркса исключают самую возможность объяснения империализма. «Но Маркс, как мы видели, допускает во втором томе своего «Капитала», что весь мир является лишь „одной капиталистической нацией“ и что все другие хозяйственные и общественные формы исчезли. Как же, спрашивается, объяснить империализм в таком обществе, где для него совершенно не осталось места?..»².

Это возражение, кажущееся на первый взгляд весьма убедительным, обнаруживает однако вопиющее непонимание методологического подхода Маркса к интересующим Р. Люксембург проблемам внешней торговли, экспорта капитала и т. п. Исследуя в отделе III вто-

¹ Ленин, т. II, изд. 3-е, стр. 424.

² «Антикритика», стр. 339.

рого тома «Капитала», как происходит процесс воспроизводства и обращения общественного капитала, Маркс для выяснения этой проблемы абстрагируется от некапиталистической среды, ибо ее существование с точки зрения абстрактной теории реализации, предполагающей наличие пропорциональности и т. д., несколько не облегчает познание процесса реализации и наоборот затрудняет выяснение соотношений воспроизводства общественного капитала. Но это не только не исключает, но именно предполагает необходимость продолжения восхождения от абстрактного к конкретному, а значит – и исследования в дальнейшем, в частности, вопроса о подлинной роли некапиталистической среды.

Вместе с тем в этом возращении проглядывает одна из центральных ошибок люксембургских воззрений на империализм. Как явствует из этой цитаты, Р. Люксембург усматривает корни империализма, самую его необходимость лишь во взаимоотношениях капитализма с некапиталистической средой. В отношениях капиталистических стран друг к другу она необходимости империализма не видит. Мы покажем ниже, что в этом вопросе Р. Люксембург смыкается с Каутским.

Больше того, Р. Люксембург считает, что на основе теории расширенного воспроизводства Маркса нельзя понять не только такие яркие проявления империализма, как «стремительность в погоне за отдаленнейшими рынками сбыта и вывозом капитала», но даже самый факт существования внешней торговли.

«Если капиталистическое производство само для себя образует достаточный рынок и допускает расширение за счет всей накопленной прибавочной стоимости, то становится загадочным еще другое явление современного развития: стремительность в погоне за отдаленнейшими рынками сбыта и вывозом капитала, т. е. наиболее яркие явления современного империализма. В самом деле, зачем же весь этот шум? К чему завоевание колоний, война из-за опиума в 40-х и 60-х гг. и к чему наконец современная драка из-за болот Конго и месопотамских пустынь? Ведь капитал может остаться у себя дома и добросовестно питаться»¹.

«С точки зрения изложенного выше понимания воспроизводства для внешней торговли на самом деле нет места. Если капитализм в любой стране с самого начала своего развития образует тот знаменитый «замкнутый круг», в котором он вращается, подобно кошке вокруг своего собственного хвоста, и «сам себе довлеет», в котором он для себя создает неограниченный сбыт и сам же создает препятствия для своего расширения, то и каждая капиталистическая страна представляет собой в экономическом отношении замкнутое «самодовлеющее» целое. Только в одном случае была бы тогда понятна внешняя торговля: она была бы понятна как средство для покрытия естественного недостатка данной страны в определенных продуктах почвы и климата путем ввоза их из-за границы, – только как необходимый ввоз сырых материалов и средств питания»².

¹ «Антикритика», стр. 400.

² «Накопление», стр. 212.

Нам придется остановиться на этих возражениях несколько подробнее, так как они имеют большое значение для выявления существа ошибок Р. Люксембург в теории империализма.

Утверждение Р. Люксембург, что с точки зрения критикуемой ею теории реализации не остается места для внешней торговли, свидетельствует о непонимании ею действительных причин необходимости внешней торговли при капитализме.

Если абстрактная теория реализации, рассматривающая мировое хозяйство как одну капиталистическую нацию и предполагающая наличие необходимой пропорциональности, абстрагируется тем самым по праву от внешней торговли, то это отнюдь не преуменьшает значение внешней торговли в конкретном капитализме. Если бы нормы прибыли при продаже товаров внутри страны и за границей были равны, если бы капитализм не развивался неравномерно, если бы всегда сохранялась необходимая пропорциональность, то необходимость внешней торговли могла бы быть объяснена действительно лишь географическим разделением труда. Но капитализм не был бы тогда капитализмом.

Возможность реализации при посредстве внешней торговли повышенной нормы прибыли вытекает прежде всего из разницы в уровне национальных рыночных стоимостей (т. е. общественно-необходимого рабочего времени), из того факта, что передовая страна, продавая товары в отсталой (хотя бы и капиталистической) стране даже ниже рыночной стоимости этой страны, продает их все же выше своей рыночной стоимости, т. е. присваивает неоплаченный труд отсталой страны и реализует тем самым сверхприбыль. Отсталая страна подвергается в этом случае эксплуатации, несмотря на то, что обмен выгоден и ей, так как она получает товары дешевле, чем смогла бы их произвести сама.

«Капиталы, вложенные во внешнюю торговлю, – пишет Маркс, – могут давать более высокую норму прибыли, так как, во-первых, здесь идет конкуренция с товарами, которые производятся другими странами при менее благоприятных условиях производства, так что более передовая страна продает свои товары выше их стоимости, хотя дешевле конкурирующих стран. Поскольку труд более передовой страны оценивается при этом как труд более высокого удельного веса, норма прибыли повышается, потому что труд, не оплачиваемый как труд более высокого качества, продается как таковой. То же самое может иметь место по отношению к той стране, в которую отправляются товары и из которой покупаются товары; именно такая страна отдает овеществленного труда *in natura* более, чем получает, и все-таки получает при этом товары дешевле, чем могла бы сама их производить»¹.

Далее капитализму свойственна тенденция к безграничному расширению производства. Когда определенные отрасли производства достигают внутри страны такого уровня развития, что емкость внутреннего рынка для их продукции оказывается исчерпанной, то стремления к максимальной прибыли и давление конкурент-

¹ «Капитал», т. III, гл. XIV, раздел V.

ной борьбы вынуждают их продолжать расширение производства путем вывоза товаров за границу.

Наконец неизбежные в анархическом хозяйстве нарушения пропорций и альфонсности побуждают искать выхода в расширении внешнего поля сбыта.

При этом следует подчеркнуть, что необходимость внешней торговли во всех этих случаях существует не только для реализации накапливаемой прибавочной стоимости, но и для реализации тех товаров, в которых овеществлена стоимость постоянного капитала, переменного капитала и потребляемая часть прибавочной стоимости.

«Не только продукты (или части продуктов), возмещающие сверхстоимость, – пишет Ленин, – но и продукты, возмещающие переменный капитал; не только продукты, возмещающие переменный капитал, но и продукты, возмещающие постоянный капитал... не только продукты, существующие в форме предметов потребления, но и продукты, существующие в форме средств производства, – все одинаково реализуется лишь среди «затруднений», среди постоянных колебаний, которые становятся все сильнее по мере роста капитализма, среди бешеной конкуренции, которая принуждает каждого предпринимателя стремиться к безграничному расширению производства, выходя за пределы данного государства, отправляясь на поиски новых рынков в странах, еще не втянутых в капиталистическое обращение товаров. Мы подошли теперь и к вопросу о том, почему необходим внешний рынок для капиталистической страны? Совсем не потому, что продукт вообще не может быть реализован в капиталистическом строе. Это вздор. Внешний рынок необходим потому, что капиталистическому производству присуще стремление к безграничному расширению – в противоположность всем старым способам производства, ограниченными пределами общины, вотчины, племени, территориального округа или государства. Между тем как при всех старых хозяйственных режимах производство возобновлялось каждый раз в том же виде и в тех же размерах, в которых шло раньше, – в капиталистическом строе это возобновление в том же виде становится невозможным, и законом производства становится безграничное расширение, вечное движение вперед»¹. Все эти причины объясняют экономическую необходимость внешней торговли в конкретном капитализме даже при наличии возможности с точки зрения абстрактной теории реализации расширенного воспроизводства в чистом капитализме.

Что касается экспорта капитала, то основной его причиной также является разница в нормах прибыли. В отсталых странах, где органическое строение капитала является низким и в то же время рабочие руки, сырье и т. д. дешевы, – норма прибыли значительно выше, чем в передовых. Это и вызывает экспорт капитала в отсталые страны и борьбу за возможность наиболее выгодного его приложения.

«Что касается капиталов, – пишет Маркс, – вложенных в колониях и т. д., то они могут давать более высокие нормы прибыли, так

¹ Ленин, Соч., т. II, изд. 3-е, стр. 33-34; см. также т. III, гл. I, раздел VIII.

как там вследствие более низкого развития норма прибыли вообще стоит выше, а при условии применения рабов, кули и т. п. стоит выше и эксплуатация труда»¹.

«Если капитал, – пишет Маркс, – посылается за границу, то это происходит не потому, чтобы он абсолютно не мог найти применения внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли»².

Отмеченные выше причины, вызывавшие экспорт товаров и капиталов и до эпохи империализма, продолжают действовать и при империализме. Но господство монополий, развитие новых форм конкурентной борьбы и борьба за передел мира оказывают существенное модифицирующее влияние, создавая в эпоху империализма н е о б х о д и м о с т ь экспорта капитала.

Рост монопольных цен ограничивает в передовых капиталистических странах емкость внутреннего рынка, обостряет нищету масс, тормозит развитие сельского хозяйства. В результате этого усиливается нужда во внешних рынках сбыта для товаров и внешних сферах приложения для капиталов. Необходимость экспорта капитала усиливается также тем обстоятельством, что приложение его в картелированных отраслях не всегда возможно, а в некартелированных норма прибыли очень низка. Далее рост картельного протекционизма, затрудняя проникновение товаров в соответствующие страны, делает в то же время особенно выгодным экспорт в них капитала. «Необходимость вывоза капитала создается тем, что в немногих странах капитализм „перезрел“, и капиталу недостает (при условии неразвитости земледелия и нищеты масс) поприщ „прибыльного“ помещения»³.

Наконец экспорт капитала становится о р у д и е м борьбы монополистических объединений за м о н о п о л ь н о е владение источниками дешевого сырья и рынками сбыта, за передел мира. Поэтому при одновременном обострении необходимости экспорта товаров и капиталов, – экспорт капитала «приобретает особо важное значение» (Ленин). Экспорт товаров оказывается в существенной зависимости от экспорта капитала.

Таким образом, вопреки мнению Р. Люксембург, «стремительность в погоне за отдаленнейшими рынками сбыта и вывозом капитала» может быть понята и объяснена именно на основе марксовой теории реализации, но при условии учета всей системы противоречий капитализма и, в особенности, тех противоречий, которые порождаются господством монополий и их политикой. Наоборот теория реализации Р. Люксембург не может объяснить, как мы убедились выше, даже в о з м о ж н о с т и реализации к а к т а к о в о й.

Р. Люксембург правильно отмечает в «Антикритике», что «объяснение экономического корня империализма должно быть выведено специально из закона накопления капиталов и приведено с ними в соответствие». Но в том-то и дело, что исследование процесса накопления и его результатов она подменила исследованием лишь пробле-

¹ «Капитал», т. III, гл. XIV, раздел V.

² Там же, гл. XV, раздел III.

³ Ленин, Соч., т. XIX, изд. 3-е, стр. 120.

мы реализации, выводя теорию империализма непосредственно из теории реализации.

Ленинская же теория империализма исходит именно из процесса накопления капитала, концентрации производства и роста на этой основе монополий. Ленин, как и Р. Люксембург, доказывает э к о н о м и ч е с к у ю н е о б х о д и м о с т ь империализма. Но в отличие от Р. Люксембург империализм, по Ленину, это – с т а д и я развития капитализма и при этом – п о с л е д н я я его стадия, а не только п о л и т и к а.

Мы не станем здесь излагать всех рассуждений Р. Люксембург о природе империализма, так как читатель может познакомиться с ними в настоящей книге¹. Но и из изложенного ясно, что империализм в понимании Р. Люксембург сопровождает капитализм с первого дня его появления как постоянная, необходимая особенность. Таким образом с п е ц и ф и ч н о с т ь империализма как п о с л е д н е й с т а д и и капитализма не укладывается в рамки люксембургской теории.

Вместе с тем теория реализации Р. Люксембург вызвала чрезвычайно одностороннее и ошибочное понимание ею империализма даже как политики. Она дает например такие определения империализма:

«Империализм является политическим выражением процесса накопления капитала в его конкурентной борьбе за остатки некапиталистической мировой среды, на которые никто еще не наложил своей руки»².

«Его сущность состоит именно в распространении господства капитала из старых капиталистических стран на новые области и в хозяйственной и политической конкурентной борьбе этих стран из-за подобных областей»³.

Всякому, знакомому с определением империализма Каутским, должно сразу броситься в глаза сходство определения Р. Люксембург с определением Каутского. Последний писал, что империализм состоит «в стремлении каждой промышленной капиталистической нации присоединять к себе или подчинять все большие а г р а р н ы е (подчеркнуто Каутским) области». Если учесть, что некапиталистические области являются по существу аграрными, то сходство определения Р. Люксембург с определением Каутского становится очевидным. Весьма показательным поэтому, что и сам Каутский в «Материалистическом понимании истории» истолковывает теорию накопления Р. Люксембург в духе своего понимания взаимоотношения промышленности и сельского хозяйства и в этом толковании одобряет ее (солидаризируясь в то же время с социал-фашистской критикой ее теории в целом и решительно отвергая ее теорию краха капитализма⁴).

¹ «Накопление», отдел III, «Антикритика», стр. 386-400.

² «Накопление», стр. 320.

³ «Антикритика», стр. 389.

⁴ Этому вопросу Каутский посвящает в «Материалистическом понимании истории» особую главу (том II, раздел VIII, гл. VIII – «Границы капиталистической аккумуляции»). «В настоящее время, – пишет он в этой главе, – лишь промышленность является настоящей областью капиталистического производства. В сельское хозяйство капиталистическое производство мало проникло;

Поэтому та критика, которую Ленин направил против определения Каутского, бьет в огромной степени и позицию Р. Люксембург. Сосредоточив свое внимание лишь на вопросе об отношении капитализма к некапиталистической среде и поняв это отношение односторонне вследствие ошибочной теории реализации, Р. Люксембург «не заметила», что борьба идет не только из-за новых, некапиталистических стран, но из-за самых промышленных высококапиталистических областей мира.

IV. ИМПЕРИАЛИЗМ И ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ НАКОПЛЕНИЯ

Не ограничиваясь теоретическим анализом проблемы империализма, Р. Люксембург пытается показать правильность своей теории и на характеристике исторических условий накопления. Она пытается показать, что история колониальных завоеваний, история раздела мира есть выражение конкурентной борьбы капитала за остатки некапиталистической мировой среды. Характеризуя на большом историческом материале хозяйничание капитала в колониях и отсталых странах, она доказывает, что в целях создания необходимой некапиталистической среды для реализации прибавочной стоимости капитал ведет борьбу с натуральным хозяйством, стремясь разложить его и ввести товарное хозяйство, что орудием этой политики оказываются международные займы и охранительные пошлины и т. д. Эта часть «Накопления капитала» (отдел третий) привлекает обычно наименьшее внимание критиков.

Между тем ошибочность теории накопления Р. Люксембург предопределила глубоко ошибочное освещение тех исторических явлений и фактов, которые она приводит для обоснования своей концепции. И все же, несмотря на это, приводимые Р. Люксембург исторические иллюстрации даже в ее изложении вовсе не подтверждают того, что она пытается при их помощи обосновать, а в ряде случаев доказывают даже обратное. Особенно резко это проявляется в гл. XXVIII и XXX.

В гл. XXVIII Р. Люксембург характеризует процесс «вовлечения натурально-хозяйственных образований – после их разрушения и в процессе их разрушения – в товарное обращение и в товарное хозяйство». Смысл этого процесса она видит в создании рынка для реализации прибавочной стоимости. Далее следует подробное описание войны Англии с Китаем из-за опиума, которая «заставила Китай покупать яд индийских плантаций, чтобы превратить его в деньги для английских капиталистов» (стр. 274). Как и почему внедрение
опия

так обстоит дело даже в высококапиталистических странах. Невольно под капиталистическим производством всегда подразумевается промышленность, а под докапиталистическими формами всегда имеется в виду сельское хозяйство. Это как раз и служит бессознательной подосновой точки зрения Люксембург. Совершенно бесспорный факт, заключающийся в том, что промышленность не может обойтись без сельского хозяйства и что накопление в промышленности требует расширения производства в аграрных областях, связанных с промышленностью приняло у нее такой вид, что капиталистическое производство не может существовать без связи с докапиталистическими областями, а расширение этого производства постоянно требует в качестве своей предпосылки расширения зависимых от него докапиталистических областей» (стр. 551 русского перевода).

и н д и с к и х плантаций должно было осуществить реализацию прибавочной стоимости капиталистических предприятий Англии – остается секретом. В этом отношении вся аргументация Р. Люксембург оказывается действующей вхолостую. Если же вдуматься в излагаемые Р. Люксембург исторические факты, то они свидетельствуют как раз о другом – о том, что в основе этих разбойничьих войн лежало не стремление к «реализации прибавочной стоимости», а погоня за гигантскими разбойничьими сверхприбылями путем осуществления неэквивалентного обмена и всесторонней эксплуатации трудящихся масс Китая. Усматривая весь смысл описываемых ею событий в создании рынка для реализации прибавочной стоимости, Р. Люксембург не только искажает подлинный смысл этих событий, но и вовсе не подтверждает приводимыми иллюстрациями свою концепцию. Недаром эта глава вызвала следующее ироническое замечание Ленина на полях книги: «Забавно!.. В начале: «реализование» Mehrwert (прибавочной стоимости. – В. М.)... – и рассказ о насильственном введении опиума в Китае!!! Рассказ очень и очень интересен, подробный: сколько джонок потоплено 7.IX.1839 и т. п.!! О, ученость!!»¹.

Характеризуя в следующей, гл. XXIX, посвященной «Борьбе с крестьянским хозяйством», процесс истребления индейцев, разорение фермерства и рост крупнокапиталистических предприятий в США, разорение буров в Южной Африке и т. п., Р. Люксембург снова упрощает и искажает содержание этих явлений, сводя их лишь к процессу реализации прибавочной стоимости. В действительности и здесь содержание характеризуемых процессов глубже, многостороннее. Распространение капитализма вширь, на новые территории и слои населения, ведет к м н о г о с т о р о н н е й эксплуатации и экспроприации мелких производителей, – к неэквивалентному обмену с ними, к выжиманию из них арендных платежей, к экспроприации их доходов путем высоких цен на землю и т. п. Поверхностность и односторонность освещения Р. Люксембург процессов разложения натурального и простого товарного хозяйства в гл. XXVIII и XXIX нашли следующую убийственную оценку в замечаниях Ленину на полях книги: «Опиум в Китае – цитата из Н.-она о "bonanza farms" (крупное капиталистическое с.-х. предприятие. – В. М.) и т. п. – буры, истязание негров в Южной Африке и т. д. Шумно, пестро, бессодержательно»².

Противоречие между теоретическими установками Р. Люксембург и действительным смыслом приводимых ею исторических иллюстраций достигает особой остроты в гл. XXX, посвященной проблеме международных займов. Вывоз капитала из передовых капиталистических стран в отсталые Р. Люксембург объясняет следующим образом; «Свободный капитал внутри страны не имел возможности накапливаться, потому что не было потребности в добавочном продукте. Но за границей, где не развилось еще никакого капиталистического производства, возник или насильственно создан новый спрос в среде некапиталистических слоев. Именно то обстоятельство, что «потребление» продукта переносится на д р у г и х, и имеет решающее

¹ XXII Ленинский сборник, стр. 384.

² Там же.

значение для капитала, так как потребление классов капиталистической страны – капиталистов и рабочих – при накоплении в счет не идет»¹. Однако та характеристика экспорта капитала (внешних займов, вложений в железные дороги и пр.), которую Р. Люксембург дает в этой главе, показывает, что действительный стимул внешних займов и вложений заключается вовсе не в «перенесении потребления продуктов на других», а в ростовщических доходах, в возможности выколачивать из крестьян их доходы, экспроприровать их земли и т. д. «Если отрешиться от маскирующих посредствующих звеньев, – пишет в этой главе Р. Люксембург, – то окажется, что европейский капитал пожирал египетское крестьянское хозяйство: огромные пространства земли, бесчисленные рабочие силы и масса продуктов труда, которые в виде налогов вносились государству, все это в последнем счете превращалось в европейский капитал и подверглось накоплению. Ясно, что эта операция, которая свела нормальный ход многолетнего исторического развития к двум-трем десятилетиям, стала возможной только благодаря кнуту из кожи гиппопотама и что именно примитивность социальных отношений Египта создала несравненный операционный базис для накопления капитала»².

Таким образом Р. Люксембург вынуждена сама признать, что действительный смысл внешних займов и вложений заключался в «пожирании» европейским капиталом крестьянского хозяйства. Именно это пожирание, само по себе, как источник колоссальных сверхприбылей, а отнюдь не необходимость р е а л и з а ц и и прибавочной стоимости, и составляло очевидно движущую силу хозяйничанья английских капиталистов в Египте. «Примитивность социальных отношений» сыграла лишь ту роль, что облегчала процесс в с е с т о р о н н е й эксплуатации и экспроприации, процесс выколачивания гигантских с в е р х п р и б ы л е й. Ленин по поводу изложения Р. Люксембург процесса закабаления Египта замечает на полях книги: «Гибель Египта очень хорошо, по Ротштейну и т. д. Вывод: „nur durch die Nilpferdpeitsche“ (только благодаря кнуту из кожи гиппопотама. – В. М.). Именно! Счет сама себя Р. Люксембург! Не ради „реализации Mehrwert“, а ради у д о б с т в эксплуатации („Peitschen“, даровой труд etc) переселился капитал в дикие страны. Процент больше! Вот и все. Грабеж земли (дарма), займы по 12-13% etc. etc. – вот где к о р е н ь»³.

Итак, вопреки намерениям и утверждениям Р. Люксембург, приводимая ею характеристика исторических условий накопления вовсе не подтверждает ее теории. Даже из ее изложения явствует, что экспансия капитала в отсталые страны обусловлена не невозможностью реализации прибавочной стоимости внутри капиталистического хозяйства, а стремлением к получению – прямо или косвенно – большей прибыли, сверхприбыли, к завоеванию с этой целью новых рынков, источников дешевого сырья, сфер приложения капитала. Правда, в эпоху империализма необходимость экспорта капитала вызывается тем, что капиталу в монополистических странах не-

¹ «Накопление», стр. 305.

² Там же, стр. 314.

³ XXII Ленинский сборник, стр. 390.

хватает поприщ прибыльного помещения. Однако, как мы убедились выше, это вызывается вовсе не имманентной невозможностью реализации прибавочной стоимости внутри капиталистического хозяйства, а влиянием монополий и монопольных цен на емкость внутреннего рынка, протекционизмом и т. п. Далее, даже в тех случаях, когда капитал вывозится не посредственно не ради сверхприбылей (например при вывозе в страны «старого» капитализма – из Франции в Швейцарию, из Голландии в Германию и т. п.), – в конечном счете, косвенно он служит все же и этой цели, так как усиливает в том или ином отношении позиции соответствующих групп финансового капитала и расширяет вообще их возможности получения сверхприбылей.

Оставив вне рамок своего труда, посвященного экономическому объяснению империализма, монополистические объединения капитала и их господство в новейшем капитализме, Р. Люксембург лишила себя тем самым возможности понять действительные движущие силы империалистической экспансии. Даже в тех случаях, когда простое описание явлений подводит Р. Люксембург вплотную к проблеме роли монополий и финансового капитала, усвоенная ею догма о роли некапиталистической среды направляет ее внимание по ложному пути и толкает к ошибочным выводам. Так например, рассматривая в гл. XXXI факт роста протекционизма в эпоху империализма, Р. Люксембург оказывается не в силах понять обусловленности этого протекционизма господством монополий. Она замечает лишь рост так называемых охранительных или покровительственных пошлин. Вследствие этого такие специфические явления империалистического протекционизма как картельные пошлины, бросовой экспорт и т. п., оказываются вне сферы ее внимания.

Неправильным является также объяснение Р. Люксембург природы и роли милитаризма. Милитаризм оказывается в ее трактовке лишь орудием борьбы за некапиталистические страны и поприщем капиталистического накопления. Связь новейшего милитаризма с политикой монополий и финансового капитала, с их стремлением к монопольному владению рынками сбыта, источниками сырья, сферами приложения капитала, связь его со стремлением империалистических держав к монопольному владению территориями и к переделу мира, связь его с усилением и обострением неравномерности развития, – остается вне сферы внимания Р. Люксембург. Поглощенная надуманной проблемой реализации прибавочной стоимости, Р. Люксембург не замечает, что милитаризм служит делу выколачивания сверхприбылей – и внутри монополистических стран (путем военных заказов по высоким ценам), и за границей (путем обеспечения военным давлением привилегий и т. п.).

Концепция Р. Люксембург ведет к упрощению и искажению проблемы эксплуатации колониальных народов. Под углом зрения этой концепции центр тяжести переносится на реализацию произведенной в метрополии прибавочной стоимости – и только. Все другие методы эксплуатации, описываемые Р. Люксембург, оказываются лишь средством осуществления этой основной потребности капитала. Проблема выколачивания монополистических

сверхприбылей

лей путем всесторонней эксплуатации колоний в этой постановке, либо вовсе исчезает, либо отступает на задний план. И если в изложении Р. Люксембург исторических условий накопления дана местами неплохая характеристика методов хозяйничанья империалистов в колониях, то это получилось не благодаря ее концепции, а вопреки ей, – и соответствующий материал вовсе не подтверждает ее взглядов. Таким образом концепция Р. Люксембург ведет объективно к недоучету многосторонности и интенсивности эксплуатации колониальных народов, а значит к недооценке остроты возникающих на этой основе противоречий.

Наиболее яркое выражение все это находит в том факте, что концепция Р. Люксембург приводит ее по существу к теории деколонизации. Под углом зрения «проблемы» реализации прибавочной стоимости Р. Люксембург видит в колониях лишь процесс превращения натурального хозяйства в простое товарное и последнего – в капиталистическое. Приведем несколько характерных цитат.

«Процесс накопления имеет тенденцию ставить всюду на место натурального хозяйства простое товарное хозяйство, на место последнего – капиталистическое хозяйство: он стремится осуществить во всех странах и отраслях абсолютное господство капиталистического производства как единственного и исключительного способа производства»¹.

«Империалистическая фаза накопления капитала... совпадает с индустриализацией и капиталистической эмансипацией прежних гинтерландов капитала, в которых происходила реализация его прибавочной стоимости»².

Эти цитаты, число которых можно было бы легко умножить, доказывают, что теория накопления Р. Люксембург подводит ее вплотную к теории деколонизации. Правда, в «Накоплении капитала» (в особенности в гл. XXVI) сама Р. Люксембург вынуждена признать, что империалистические державы консервируют в колониях докапиталистические формы хозяйства. Однако преобладают все же – в полном соответствии с логикой теории накопления Р. Люксембург – утверждения и рассуждения в духе деколонизации.

Вообще, не поняв сущности империализма как монополистического капитализма, Р. Люксембург оказалась не в силах теоретически осмыслить всю сложную и богатую действительность эпохи империализма. В своей «Антикритике» она правильно подчеркивает, что «лишь ясное теоретическое понимание сущности проблемы может нам дать в нашей практике борьбы с империализмом ту уверенность, ту ясность цели и ту ударную силу, которые столь необходимы в политике пролетариата». К сожалению этого-то понимания она не дала. Это становится особенно ясным при рассмотрении ее теории краха капитализма.

¹ «Накопление», стр. 298.

² Там же, стр. 299.

V. ПРОБЛЕМА КРАХА КАПИТАЛИЗМА

Непосредственным выводом из теорий реализации и империализма Р. Люксембург является ее теория краха капитализма. Теория эта несложна. Раз капитализм не может существовать без некапиталистической среды и в то же время ее разъедает и вытесняет, значит он автоматически приближается к краху. Р. Люксембург формулирует свою теорию краха капитализма чрезвычайно ярко в пределах двух страниц¹. Приведем небольшую выдержку, дающую отчетливое представление о понимании ею этого вопроса:

«Таким образом капитализм все более и более расширяется, благодаря взаимодействию с некапиталистическими общественными кругами и странами: он накапливает за их счет, но в то же время на каждом шагу разъедает и вытесняет их, чтобы самому стать на их место...

«Но этим процессом капитал двояким образом подготавливает свою собственную гибель: во-первых, он своим расширением за счет всех некапиталистических форм производства держит курс на тот момент, когда все человечество в действительности будет состоять из одних лишь капиталистов и наемных пролетариев и когда дальнейшее расширение, следовательно, накопление, станет поэтому невозможным; во-вторых, он в то же самое время, по мере того как эта тенденция находит свое выражение, обостряет классовые противоречия, международную хозяйственную и политическую анархию настолько, что он должен вызвать восстание международного пролетариата против существования капиталистического господства задолго до осуществления крайнего результата экономического развития, т. е. задолго до того момента, когда будет достигнуто абсолютное и безраздельное господство капиталистического производства во всем мире»².

Эта схема подкупает своей внешней стройностью, отчетливостью и законченностью. В ее формулировках нашел яркое выражение революционный подход Р. Люксембург к империализму, ее субъективно-действенная революционная установка. И тем не менее достаточно вдуматься в смысл этой концепции, чтобы стало ясно, что между субъективной установкой Р. Люксембург и объективным смыслом ее теории имеется вопиющее противоречие.

В самом деле, если гибель капитализма зависит в основном от вытеснения некапиталистической среды, то имеются ли основания рассматривать современный период как период гибели капитализма? Ведь некапиталистические производители составляют еще огромное большинство человечества. Правда, с точки зрения Р. Люксембург в той мере, в какой они являются товаропроизводителями, их покупательная способность уже используется капитализмом, и в дальнейшем их вытеснение должно сокращать рынок. Но, во-первых, в пределах мирового хозяйства имеются еще (в Азии, Африке и т. д.) внушительные остатки натуральных форм хозяйства, охватывающие полностью или частично многие миллионы мелких производителей. Их разложение, их превращение в товаропроизводителей может еще значи-

¹ «Антикритика», стр. 387-388.

² Там же.

но расширять рынок; во-вторых, количество некапиталистических товаропроизводителей вообще так велико, что их вытеснение не может не растянуться на длительную историческую эпоху. Таким образом, оставаясь на почве теории Р. Люксембург, нельзя утверждать, что экономически предел капитализма очень близок и тем более, – что он уже достигнут.

Любопытно, что Р. Люксембург сама это признала в другой работе – «Введение в политическую экономию», написанной после «Накопления капитала». В главе «Тенденции капиталистического хозяйства» она пишет:

«Правда, капиталистическое развитие само по себе и м е е т п е р е д с о - б о ю е щ е б о л ь ш о й п у т ь, так как капиталистическое производство как таковое составляет еще самую незначительную долю всего производства на земном шаре... Капиталистический способ производства сам по себе мог бы еще пережить колоссальное расширение, если бы ему удалось повсеместно вытеснить более отсталые формы производства.. Но именно в ходе этого развития капитализм запутывается в основном противоречии»¹.

Итак, когда Р. Люксембург попыталась сделать логический вывод из своей теории накопления, этот вывод оказался весьма неревOLUTIONционным: Р. Люксембург показала сама, что из ее теории вытекает долговечность капитализма.

Но гораздо важнее другая сторона вопроса. С у б ь е к т и в н о Р. Люксембург делает в «Накоплении капитала» революционные выводы. Являются ли это однако обязательным при ее теоретической позиции? Вытекает ли это из существа ее теории? Нетрудно убедиться, что теория побуждает к обратному.

Если капитализм а в т о м а т и ч е с к и, м е х а н и ч е с к и, с а м п о с е - б е идет к гибели, то роль пролетариата как могильщика буржуазного строя ступшевывается. Раз буржуазный строй должен погибнуть сам по себе в силу автоматических процессов, то роль сознательной борьбы пролетариата не является р е ш а ю щ е й. Теория автоматического краха капитализма демобилизует поэтому авангард пролетариата, ведет неминуемо к недооценке роли партии и ее сознательной борьбы, роли союзников пролетариата и т. д.

Между тем теория эта неверна п о с у щ е с т в у. Мы убедились, выше, что теория реализации Р. Люксембург ошибочна, что капитализм не гибнет автоматически от сокращения некапиталистической среды. При таких условиях теория автоматического краха сеет вредные и л л ю з и и.

Р. Люксембург убеждена, что при ином взгляде на проблему краха капитализма «из-под социализма вырывается гранитная основа его объективной исторической необходимости». Больше того, она переходит именно в этом пункте в самое решительное наступление на противников, упрекая их в отказе от научного социализма.

«Если капиталистическое производство, – пишет она, – образует само для себя достаточный рынок сбыта, то капиталистическое

¹ «Введение в политическую экономию», стр. 276, разрядка наша.

накопление (объективно говоря) представляет собой неограниченный процесс. Так как производство может беспрепятственно расти, т. е. неограниченно развивать производительные силы, и в том случае, когда положительно над всем миром будет господствовать капитал и когда все человечество будет состоять из одних только капиталистов и наемных пролетариев, и так как э к о н о м и ч е с к о м у развитию капитализма этим самым не поставлены никакие границы, то падает одна из основных марксовых опор социализма. По Марксу, восстание рабочих, их классовая борьба – а именно в ней кроется залог его победоносной силы – является лишь идеологическим отражением объективной исторической необходимости социализма, вытекающей из объективной хозяйственной невозможности капитализма на определенной ступени его развития...

«Если мы, напротив того, вместе со «специалистами» станем на точку зрения экономической безграничности капиталистического накопления, то из-под социализма вырывается гранитная основа его объективной исторической необходимости. Мы впадаем в таком случае в болезнь домарксовых систем и школ, которые выводили социализм исключительно только из несправедливости и ужасов современного мира и из революционной решимости трудящихся классов»¹.

Если учесть, что под «границей экономического развития капитализма» и под «объективной хозяйственной невозможностью капитализма на определенной ступени его развития» Р. Люксембург понимает такое состояние, которое наступает автоматически, механически, само по себе и означает а б с о л ю т н у ю невозможность накопления, – то эти критические замечания Р. Люксембург теряют всякую убедительность.

Бесспорно, что объективная необходимость социализма является результатом экономических условий. Но сущность экономических процессов, которые обуславливают неизбежность гибели капитализма, Р. Люксембург поняла неправильно.

Основным противоречием капитализма является противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. С развитием производительных сил и с ростом концентрации производства это противоречие нарастает и обостряется. Высшей своей ступени оно достигает в эпоху империализма, когда гигантское обобществление производительных сил оказывается в особенно остром противоречии с частным характером присвоения. Тот факт, что развитие монополий не устраняет конкуренцию, «а существует над ней и рядом с ней», порождает «ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов»².

Господство капиталистических монополий порождает тенденцию капитализма к паразитизму и загниванию. Но сосуществование монополий и конкуренции ведет к тому, что процессы загнивания и развития отраслей и стран переплетаются и чередуются во времени и в пространстве. В результате происходит частое и резкое изменение соотношения сил, ведущее в условиях завершеного раздела мира к борьбе за его передел, к конфликтам и катастрофам. Решающей силой

¹ «Антикритика», стр. 399-000.

² Ленин, Империализм как высшая стадия капитализма, гл. VII.

империалистического развития становится неравномерность развития, обостряющаяся и усиливающаяся в эпоху империализма.

Усиление неравномерности развития и вызываемое им резкое и частое изменение соотношения сил в условиях, когда незанятых территорий больше уже не имеется, ведет неизбежно к военным столкновениям из-за передела уже поделенного мира, к ослаблению фронта мирового империализма, возможности прорыва этого фронта пролетарскими революциями, к возможности победы социализма в отдельных странах.

Вместе с тем гигантская сила монополистических групп капитала и финансовой олигархии делает недостаточными и менее эффективными прежние методы классовой борьбы. Гнет монополий и финансового капитала подводит рабочий класс к необходимости революции.

В то же время усиление эксплуатации финансовым капиталом колоний вызывает в них подъем национально-освободительного движения; создается возможность соединения под руководством пролетариата его революционной борьбы против империализма с революционной борьбой трудящихся масс колоний. Союзником пролетариата в его борьбе с империализмом становится также в возрастающей степени и крестьянство капиталистических стран, угнетаемое и разоряемое финансовым капиталом при посредстве монопольных цен, «ножниц», ростовщического кредита и т. д.

В результате всего этого империализм оказывается, по определению Ленина, умирающим капитализмом, ибо он «доводит противоречия капитализма до последней черты, до крайних пределов, за которыми начинается революция» (Сталин).

В работе «Социализм и война», опубликованной в 1915 г., Ленин писал следующее; «Капитализм из прогрессивного стал реакционным, он развил производительные силы настолько, что человечеству предстоит либо перейти к социализму, либо годами и даже десятилетиями переживать вооруженную борьбу «великих» держав за искусственное сохранение капитализма посредством колоний, монополий, привилегий и национальных угнетений всяческого рода»¹.

Констатируя, что производительные силы созрели для социализма, что капитализм стал реакционной системой хозяйства, Ленин не делал однако отсюда того вывода, что капитализм автоматически, сам по себе, может погибнуть. Наоборот в своих заметках об «Экономике переходного времени» Бухарина Ленин подверг критике те замечания Бухарина, которые рисовали крах капитализма как автоматический. В других своих работах Ленин подчеркивал, что абсолютно безвыходных положений для буржуазии нет, и переносил центр тяжести на вопрос о субъективных факторах, подчеркивая решающую роль пролетариата и его партии в осуществлении краха капитализма.

Со времени мировой империалистической войны начался общий кризис капитализма. Война, «развязавшая», по выражению программы Коминтерна, общий кризис капитализма, являлась сама показателем его наступления. Она выражала такую степень обострения противоречий, свойственных монополистической стадии капитализма.

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, изд. 3-е, стр. 195.

ма, которая делала неизбежным начало эры мировой социалистической революции. «Война принесла неслыханное обострение всех капиталистических противоречий»¹. Таким образом возникновение общего-кризиса капитализма неразрывно связано с особенностями империализма как монополистической стадии капитализма. Тенденции к загниванию и умиранию, свойственные этой стадии, до такой степени развились и углубились, что капитализм вступил со времени войны в период общего кризиса. Наиболее ярким выражением кризиса и важнейшим фактором его дальнейшего углубления является существование Советского союза и победоносное социалистическое строительство в нем.

Предельное обострение противоречий, свойственных империализму как монополистическому, загнивающему, умирающему капитализму, породило период общего кризиса капитализма, являющийся периодом войны и революции, раскола мирового хозяйства на социалистическую и капиталистическую системы, борьбы двух систем. Однако развитие общего кризиса капитализма отнюдь не представляет собою автоматический процесс. Капитализм может погибнуть лишь в результате созревания революционных кризисов и перерастания их в революции. Решающую роль играют в этом отношении факторы субъективные, т. е. связанные с сознательной борьбой пролетариата под руководством компартий.

В свете этих положений ошибочность теории краха Р. Люксембург совершенно очевидна. Вопреки ее мнению, отказ от ее узко экономической теории автоматического краха капитализма не только не представляет собою отказа от научного социализма, но вытекает как раз из правильного понимания последнего.

Правда, и в «Накоплении капитала», и во «Введении в политическую экономию», и в ряде других своих работ Р. Люксембург писала о необходимости «восстания международного рабочего класса против капиталистического господства», о необходимости «политической революции» для перехода к социализму. Но в том-то и дело, что это не является логическим выводом из ее учения о накоплении капитала. Концепция Р. Люксембург переносит центр тяжести не на классовые противоречия капиталистического общества, а на взаимоотношения капитализма и некапиталистической среды. Ставя теоретически гибель капитализма в зависимость от сужения некапиталистической среды, Р. Люксембург отвлечает тем самым внимание от проблемы внутренних противоречий капитализма, а значит и от борьбы пролетариата с буржуазией. Вот почему в ее объемистом труде, посвященном экономическому объяснению империализма, не уделяется почти никакого внимания положению и борьбе пролетариата, вот почему ее утверждения о роли пролетарской революции носят декларативный характер, не вытекают из всего изложения. Переноса центр тяжести на объективный экономический предел капитализма, Р. Люксембург превращает пролетарскую революцию в подчиненный момент процесса автоматического краха капитализма.

¹ Ленин, Доклад на II конгрессе Коминтерна.

VI. МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Р. ЛЮКСЕМБУРГ

В предыдущих разделах выявлены уже отдельные методологические ошибки Р. Люксембург. Последовательный разбор ее взглядов подвел нас теперь к вопросу о характере и особенностях той методологии, которая лежит в основе ее теории в целом. Наличие у Р. Люксембург целостной своеобразной концепции по ряду важнейших проблем экономической теории капитализма свидетельствует несомненно и о наличии у нее своеобразной методологии исследования этих проблем.

Сама Р. Люксембург считает очевидно, что исследуемые проблемы разрешаются ею в духе марксовой диалектики. «Решение проблемы в духе марксова учения, – заявляет она, – заключается в диалектическом противоречии: капиталистическое накопление для своего движения нуждается в некапиталистических общественных формациях как в окружающей его среде; оно прогрессирует в постоянном обмене веществ с этими формациями и может существовать лишь до тех пор, пока оно находит эту среду»¹.

Таким образом установленную ею зависимость движения (и гибели) капитализма от некапиталистической среды Р. Люксембург считает соответствующей духу марксовой диалектики.

Нетрудно однако показать, что в этом положении Р. Люксембург ничего общего с марксовой диалектикой нет.

Марксова диалектика, диалектический материализм учит, что источник движения, двигательная сила последнего находится не вне данной системы, данного процесса, а в н и х с а м и х. Все процессы и явления мира могут быть познаны лишь в их с а м о д в и ж е н и и. Источником этого самодвижения, его двигательной силой является борьба противоположностей, образующая развитие данного явления, данной системы. Именно борьба противоположностей ведет «к уничтожению старого и возникновению нового» (Ленин).

Таким образом двигательную силу развития и гибели капитализма надо искать не вне капиталистической системы, а в ней самой, в ее имманентных противоречиях. Поэтому для выяснения основных законов развития капитализма Маркс концентрирует в «Капитале» внимание именно на капитализме как таковом, на «чистом» капитализме. Всеобщий закон капиталистического накопления, являющийся по существу основным законом развития и гибели капитализма, выведен Марксом из внутренних противоречий капитализма, из его самодвижения. Маркс показывает как на основе концентрации и централизации капитала, роста органического состава капитала, роста относительного перенаселения обостряется противоречие между общественным производством и частным присвоением, как обострение этого противоречия находит выражение в обострении противоречий между буржуазией и пролетариатом, – как борьба противоположностей ведет капитализм к гибели в результате неизбежной пролетарской революции.

«Наряду с постоянным уменьшением числа магнатов капитала, – доказывает Маркс, – которые узурпируют и монополизируют все

¹ «Накопление», стр. 258.

выгоды этого процесса переворота, растет масса нищеты, гнета, порабощения, вырождения и эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самым механизмом капиталистического процесса производства»¹. Ленин и Сталин показали, что это гениальное утверждение Маркса находит свое решающее выражение в эпоху империализма и, в особенности, в ее заключительную фазу – в период общего кризиса капитализма.

Концентрируя внимание на самодвижении капитализма, на выяснении его законов, классики марксизма не игнорировали однако вопроса о взаимоотношениях капитализма и докапиталистических формаций. Маркс в «Капитале», Ленин в «Развитии капитализма в России», в работах по аграрному вопросу и т. д. показали, что при господстве капитализма остатки докапиталистических формаций подчиняются ему и движутся на его основе. Это конечно не означает, что они не имеют вовсе самодвижения, что их движение является лишь отраженным. Но все же в основном их движение подчинено капитализму, претерпело соответствующие глубокие изменения и не может вносить принципиальные отклонения от законов движения капиталистической системы.

Все это показывает, что методология Р. Люксембург, ставящая движение и гибель капитализма в зависимость от взаимоотношений между капитализмом и некапиталистической средой, ничего общего с марксовой диалектикой не имеет. Капитализм должен погибнуть, согласно воззрениям Р. Люксембург, в силу исчерпания в н е ш н е й среды. Капитализм сам по себе, без внешней среды, оказывается неспособным к движению. Значение в н у т р е н н и х противоречий капитализма стушевывается, отступает на задний план.

Концепция, ставящая движение и гибель системы в зависимость от среды, является несомненно механистической. Таким образом, вопреки утверждению Р. Люксембург, ее теория разрешает проблему не в духе марксовой диалектики, а в духе механицизма, в духе «теории равновесия».

Однако было бы неправильно думать, что этим особенности методологии Р. Люксембург исчерпываются. Неменьшего внимания заслуживает отчетливо выраженная в ее исследованиях м е н о в а я к о н ц е п ц и я. Р. Люксембург ищет законы движения и гибели капитализма не в сфере производства, производственных отношений, а в сфере о б р а щ е н и я. Главные трудности и противоречия капитализма она усматривает в области с б ы т а, р е а л и з а ц и и произведенной прибавочной стоимости. Преобладающим моментом оказывается в ее концепции не производство, а обмен, обращение. Наряду с этим Р. Люксембург неправильно понимает и соотношение производства и потребления. Она не понимает того, что развитие производства раздвигает рамки потребления, что противоречие между производством и потреблением, свойственное всегда капитализму, имеет однако циклическую форму движения, приводящую лишь периодически к кризисам.

¹ «Капитал», т. I, изд. 8-е, стр. 612-613.

Чтобы показать, что в «Накоплении капитала» Р. Люксембург мы сталкиваемся не с изолированными методологическими ошибками, а с существенными особенностями ее методологии, предрешающими в огромной степени ошибочность ее самостоятельных экономических теорий, – остановимся кратко на другой экономической работе Р. Люксембург, связанной с «Накоплением капитала», – на ее «Введении в политическую экономию». Р. Люксембург подчеркивает сама в предисловии к «Накоплению капитала» связь этой работы с «Введением».

«Толчок к настоящей работе, – пишет она, – дало мне популярное введение в политическую экономию, которое я уже довольно долго подготавливаю для того же самого издательства... Когда я в январе текущего года, после выборов в рейхстаг, снова взялась за работу, чтобы по крайней мере в основных чертах закончить эту популяризацию экономического учения Маркса, я натолкнулась на неожиданное затруднение. Мне не удавалось представить с достаточной ясностью совокупный процесс капиталистического производства в его конкретных отношениях, а также его объективные исторические границы. При ближайшем рассмотрении я пришла к убеждению, что здесь дело идет не только о вопросе изложения, но что перед нами проблема, которая теоретически находится в связи с содержанием тома второго «Капитала» Маркса и в то же время связана с практикой современной империалистической политики и ее экономическими корнями».

Это «Введение» посвящено самым общим вопросам экономической теории капитализма. Р. Люксембург выясняет в нем предмет политической экономии, делает обширный экскурс в историю народного хозяйства, дает теоретическую характеристику товарного производства, закона заработной платы, тенденций капиталистического хозяйства. Однако, несмотря на то, что, по заявлению Р. Люксембург, «Введение» должно было популяризировать экономическое учение Маркса, оно в ряде вопросов его искажает и извращает. Не ставя себе здесь задачи подробного разбора «Введения» в целом, отметим лишь те методологические особенности этой работы Р. Люксембург, которые нашли отражение и развитие в «Накоплении капитала».

В этой книге, в особенности в главе о товарном производстве, прежде всего бросается в глаза более или менее резко выраженная меновая концепция. Р. Люксембург противопоставляет товарное производство как неорганизованное, бесплановое, анархическое – предшествующим общественно-экономическим формациям как организованным. Этот момент выпячивается ею на первый план как решающий.

Маркс, Энгельс, Ленин рассматривали бесплановость, анархию капиталистического производства как выражение основного противоречия капиталистического производства, противоречия между общественным производством и частным присвоением. Например Энгельс в «Анти-Дюринге» писал, что «противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу как противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе»¹.

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XIV, стр. 276.

Ленин в полемике с народниками заявил: «Анархия производства», «отсутствие планомерности производства» – о чем говорят эти выражения? О противоречии между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения»¹.

Между тем, Р. Люксембург бесплановость, анархию капиталистического производства выводит не из этого основного противоречия, а непосредственно из факта господства обмена как основной связи товарного общества. В результате получается примат обмена над производством. Она утверждает например, что «обмен создал новую связь между разрозненными, оторванными друг от друга частными производителями»², что обмен представляет «единственное экономическое связующее звено между членами общества»³ и т. п. Больше того, объединяя изложенные ею отдельные моменты, она утверждает, что «уже один факт товарного обмена, без всякого вмешательства и регулирования, определяет тройкого рода важные отношения: 1. У ч а с т и е каждого члена общества в общественном т р у д е... 2. Д о л я каждого члена общества в общественном богатстве... 3. И наконец механизм обмена регулируется и самое общественное р а з д е л е н и е труда»⁴.

Такая переоценка роли обмена вытекает очевидно из непонимания определяющего влияния разделения труда и его особого характера в товарном обществе, определяющего влияния структуры производства и его развития на факт товарного обмена и на развитие последнего. Р. Люксембург неоднократно наталкивается на вопрос о роли разделения труда, но разрешает его не в духе Маркса. Чтоб показать это, сопоставим, напр., высказывание Р. Люксембург с высказыванием Маркса.

Р. Люксембург

К. Маркс

«Таким образом мы натываемся на странное противоречие: обмен возможен лишь при частной собственности и развитии разделения труда, разделение же труда может возникнуть при наличии обмена и частной собственности, частная же собственность, со своей стороны, возникает лишь благодаря обмену... Как возможно подобное переплетение? Мы очевидно вертимся в заколдованном кругу... Но эта безвыходность положения лишь кажущаяся... Что сегодня является причиной другого явления, то завтра будет его следствием и наоборот, причем эти непрерывные перемены в отношениях не задерживают течения жизни общества»⁵.

«Обмен представляется независимым и индеферентным по отношению к производству только в последней стадии, когда продукт непосредственно обменивается для потребления. Однако: 1) не существует обмена без разделения труда, будь последний результатом естественных или исторических условий, 2) частный обмен предполагает частное производство, 3) интенсивность обмена, его распространение, так же как и его форма, определяются развитием и структурой производства, например, обмен между городом и деревней, обмен в деревне, обмен в городе и т. д. Обмен, таким образом, во всех своих моментах или непосредственно заключен в производстве, или определяется этим последним»⁶.

¹ Ленин, Соч., т. II, стр. 39.

² «Введение», стр. 189.

³ Там же, стр. 197.

⁴ Там же, стр. 193-194.

⁵ Там же, стр. 205-209.

⁶ «Введение к критике политической экономии», § 2.

В то время как Р. Люксембург в этой цитате ограничивается примитивной концепцией взаимодействия, а в других местах книги чаще склоняется к концепции примата обмена, Маркс четко и убедительно формулирует и развивает концепцию примата производства над обменом, хотя вслед за проводимой нами цитатой и он отмечает взаимодействие производства и обмена.

Взаимодействие не только не исключает, но именно предполагает примат производства над обменом, потреблением и распределением.

Тот факт, что Р. Люксембург склоняется в своих экономических работах к меновой концепции и в ряде вопросов проводит ее вполне отчетливо, заслуживает особого внимания. Меновая концепция является, как известно, существенной особенностью «методологии» социал-фашистских теоретиков. Концентрируя внимание на сфере обращения и всячески преувеличивая и раздувая ее роль и влияние, социал-фашистские теоретики стремятся этим путем затушевать коренные противоречия капитализма и отвлечь от них внимание рабочих масс, запугать рабочие массы сложностью и хрупкостью сферы обращения, внушить им идею наличия общих интересов у пролетариата и буржуазии в области обращения и, главное, убедить их в невозможности и бесполезности непосредственной экспроприации экспроприаторов, непосредственной социализации, производства. Р. Люксембург, проводя концепцию примата обмена, не преследует конечно этих задач. Но все же и в ее трактовке меновая концепция объективно ведет, как показано выше, к затушевыванию коренных противоречий капитализма и к отвлечению внимания от этих противоречий. Таким образом в ее трактовке меновая концепция играет антиреволюционную роль, оказывается существенным поменьшевицким элементом методологии.

«Введение в политическую экономию» свидетельствует, как и «Накопление капитала», о неспособности Р. Люксембург понять и применить в ряде вопросов марксову диалектику. Начиная исследование капиталистического общества с его простейшей клеточки, с товара, Маркс вскрывает в последнем единство противоположностей – потребительной стоимости и стоимости. За противоречием товара Маркс вскрывает противоречие труда – абстрактного и конкретного, общественного и частного. Он показывает, как внутреннее противоречие, заключенное в товаре, находит внешнюю форму проявления в раздвоении товара на товар и деньги, как это ведет к дальнейшему движению и росту этого противоречия – к превращению денег в капитал, к развитию противоречия между общественным производством и капиталистическим присвоением, к всеобщему закону капиталистического накопления и т. д.

«У Маркса в „Капитале“, – пишет Ленин, – сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся о т н о ш е н и е буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке“ буржуазного общества) в с е противоречия (resp. зародыши в с е х противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост

и движение) этих противоречий и этого общества, в сумме его отдельных частей, от его начала до его конца»¹.

«Введение» Р. Люксембург не только не отражает этой марксовой диалектики, но – в решающих главах – прямо противоречит ей. Например в главе о товарном производстве анализ противоречий товара и движения этого противоречия подменяется описанием и противопоставлением планового и беспланового хозяйства, ошибочной характеристикой роли обмена и т. п. Необходимость денег выводится, как у буржуазных экономистов, из организационно-технических моментов удобства обмена. В главе о тенденциях капиталистического хозяйства центр тяжести переносится на расширение капитализма, сужение некапиталистической среды и т. п. В этой главе Р. Люксембург развивает концепцию, аналогичную «Накоплению капитала».

Было бы неправильным рисовать методологию экономических работ Р. Люксембург как выдержанно-механистическую. Во-первых, по ряду вопросов Р. Люксембург излагает Маркса правильно, понимая правильно и его методологию. Во-вторых, в то же время методология Р. Люксембург характеризуется не только сильнейшим механицизмом, но и наличием элементов идеализма. Таким идеалистическим элементом ее методологии является например меновая концепция, ибо эта концепция отрывает явления обмена от производственных, материальных общественных отношений, подчиняет последние зависимым от них меновым отношениям. Таким идеалистическим элементом является далее понимание Р. Люксембург простого воспроизводства. В то время как Маркс рассматривает простое воспроизводство как составную часть, и притом самую значительную часть, расширенного воспроизводства, т. е. анализирует простое воспроизводство как реальное явление, Роза Люксембург считает простое воспроизводство научной фикцией. Число таких примеров можно умножить. Все это дает право характеризовать методологию Розы Люксембург как *э к л е к т и ч е с к у ю*. Именно *с в о е о б р а з н ы й э к л е к т и ч е с к и й* характер методологии Р. Люксембург, – сочетание в ней механистической концепции соотношения системы и среды, концепции примата обмена над производством, вульгарного понимания противоречия между производством и потреблением и т. п. – объясняет особенности теории накопления Р. Люксембург.

Отказ Р. Люксембург от марксовой диалектики при экономическом объяснении империализма привел к тому, что это объяснение оказалось глубоко ошибочным, искажающим и затемняющим действительную природу империализма.

VII. СТОРОННИКИ И ПРОТИВНИКИ ТЕОРИИ НАКОПЛЕНИЯ Р. ЛЮКСЕМБУРГ

Экономическая концепция Р. Люксембург теснейшим образом связана со всей системой ее полуменьшевистских ошибок, являясь по существу их экономической основой.

Из этой концепции объективно вытекает, как показано было выше, ступенивание роли классовой борьбы пролетариата, превращение проблемы пролетарской революции в подчиненный момент процесса

¹ Ленин, Соч., т. XIII, стр. 302.

автоматического крушения капитализма, недооценка интенсивности и многосторонности эксплуатации колониальных народов, непонимание проблемы союзников пролетариата и т. п. Поэтому типичные ошибки люксембургизма – переоценка роли стихийности в рабочем движении, недооценка и принижение роли партии, непонимание значения крестьянского и национально-колониального вопросов в эпоху империализма, отрицательное отношение к лозунгу права наций на самоопределение и т. п. – опираются в большой степени на глубоко ошибочное понимание экономического процесса как стихийно, автоматически ведущего капитализм к крушению.

Правда, Р. Люксембург преодолевала свои полуменьшевистские ошибки и в последний период жизни большую часть этих ошибок исправила. Но тот факт, что она не успела проделать это до конца, что в частности экономические ее теории не были ею пересмотрены, создает возможность использования ее полуменьшевистских ошибок «левыми» социал-демократами.

Не случайно, что сторонниками Р. Люксембург оказались в большей или меньшей степени ренегаты коммунизма (Тальгеймер и др.) и «левые» социал-демократы (Штернберг, Гроссман и др.). В условиях обостряющегося общего кризиса капитализма «левые» социал-демократы нуждаются в такой теории, которая, с одной стороны, позволяла бы признать в той или иной степени наличие этого кризиса, но, с другой стороны, переносила центр тяжести на стихийные процессы и не требовала от них действенных лозунгов, подлинной революционной борьбы и т. д. Такой теорией и оказывается для них в условиях общего кризиса капитализма теория накопления Р. Люксембург.

Революционный авторитет Р. Люксембург и эти особенности ее теории накопления используются «левыми» социал-демократами для подкрепления их революционной фразеологии. С другой стороны, идея автоматического краха капитализма позволяет им пропагандировать пассивность и бездейственность в условиях назревающего революционного кризиса, т. е. фактически оказывать услуги буржуазии.

Весьма любопытны те поправки, которые внесены в автоматическую теорию краха Штернбергом и Гроссманом. Штернберг¹ вынужден признать, что теория накопления Р. Люксембург в том виде, в каком она была разработана ею, не доказывает невозможности накопления в чистом капитализме. Он развивает поэтому новый вариант этой теории. Он пытается доказать, что в чистом капитализме не может быть реализована не вся накапливаемая прибавочная стоимость, а лишь некоторая часть ее во втором подразделении. Больше того, под давлением критики Штернберг вынужден был даже признать абстрактную возможность существования чистого капитализма, но с преобладанием депрессивного состояния. Характерно однако, что при всех его поправках к теории Р. Люксембург он остается все же верен теории автоматического краха капитализма.

¹ См. следующие его работы: «Der Imperialismus», Berlin 1926; «Der Imperialismus und seine Kritiker», Berlin 1929; «Империализм и кризисы», 1930 г., изд. Коммун. академии. Последняя книга представляет стенограмму доклада в Комакадемии и прения по этому докладу.

Гроссман¹ сконструировал «новую» теорию краха капитализма, по которой капитализм терпит крах от падения нормы прибыли. Он даже вычислил, что к такому краху капитализм может прийти при определенных предпосылках через 35 лет. Хотя Р. Люксембург зло высмеяла в «Антикритике» в одном из примечаний подобную «теорию» краха капитализма (см. стр. 400), тем не менее следует признать, что методологически работа Гроссмана близка по объективному смыслу к автоматической теории краха Р. Люксембург.

В последние годы среди «левых» группировок в австро-германской социал-демократии усилилась тенденция опереться на Р. Люксембург. В коллективной работе о кризисе капитализма, выпущенной группой редакторов и сотрудников «левого» социал-демократического журнала «Дер Классенкамф» к лейпцигскому партейтагу, мы сталкиваемся с попыткой опереться как на прежние ошибки Р. Люксембург в организационном вопросе, так и на ее теорию накопления. В предисловии к этой книге Зейдевиц в оправдание того, что авторы книги не хотят «давать рецепты для всех мыслимых тактических ситуаций», т. е. в оправдание революционных фраз о современном капитализме без отказа от социал-фашизма, ссылается при этом на цитату из прежних ошибочных высказываний Р. Люксембург по организационному вопросу, эксплуатируя в социал-демократических интересах прежние ошибки Р. Люксембург. Эта же тенденция наблюдается в статье Петриха о теории кризиса. Выступая против правого социал-демократического теоретика Браунталя, Петрих в то же время весьма сочувственно, хотя и не без оговорок, отзывается о теориях империализма Р. Люксембург и Штернберга.

«Оба теоретика империализма, – пишет Петрих, – имеют несомненно ту заслугу, что подвергли анализу современную ситуацию совокупного капитализма, достигнув существенных и ценных выводов относительно новейшего развития капитализма. Они показывают обостренную борьбу за рынки сбыта, сферы приложения капитала, источники сырья, возможности эксплуатации; они рисуют с большой убедительностью проблему взаимоотношений между капиталистической экономикой и политикой; они выясняют пролетариату беспримерный масштаб его исторических задач. Если обозреть развитие империализма до сих пор, его современное положение и ближайшее будущее, то теория империализма Люксембург-Штернберга находит существенное подтверждение, оказывается важным средством ориентации»².

Наряду с этими попытками «левых» социал-фашистов опереться на полуменьшевицкие ошибки Р. Люксембург и эксплуатировать их в своих интересах, весьма показателен тот факт, что последние годы наблюдаются также и попытки троцкистов выступать под знаменем люксембургизма. Между идеологией и методологией троц-

¹ См. Henryk Grossmann, Das Akkumulations – und Zusammenbruchsgesetz des kapitalistischen Systems (zugleich eine Krisentheorie, Leipzig. 1929). Критику этой работы Гроссмана см. в статье Варга «Накопление и крах капитализма», «Проблемы экономики», № 3, 1930 г.

² «Die Krise des Kapitalismus und die Aufgabe der Arbeiterklasse», von Max Seydewitz, G. Engelbert, Graf, Eduard Weckerle, Max Adler, Franz Petrich; Berlin 1931, S. 176-177.

кизма и люксембургизма имеется в действительности известное сходство. В частности в области экономического объяснения империализма сходство заключается в том, что и троцкистское объяснение империализма характеризуется меновой концепцией и склоняется к теории автоматического краха капитализма. Теории стагнации производительных сил Троцкого и концепция Преображенского в «Закате капитализма» представляют собою варианты теории автоматического краха капитализма, ибо переносят центр тяжести на достижение капитализмом объективного экономического предела, на закупорку производительных сил. Наличие идеологического и методологического сходства между концепциями троцкизма и люксембургизма нашло яркое проявление в том факте, что теория перманентной революции Парвуса и Р. Люксембург была подхвачена Троцким и противопоставлена им ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую. Таким образом попытки троцкистов использовать идеи люксембургизма не представляют чего-либо принципиально нового или случайного. Но возобновление этой тактики на данном этапе весьма характерно и знаменательно. Причины этой тактики ярко сформулированы т. Кагановичем после опубликования исторического письма т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция».

«... Дело в том, товарищи, – заявил т. Каганович в речи на собрании, посвященном десятилетию ИКП, – и в этом новое сегодняшнего дня, – что троцкисты, настоящие троцкисты, стыдливые, белеющие, краснеющие, чернеющие в прямом и переносном смысле этого слова, троцкисты не могут сейчас выступать под опозоренным, контрреволюционным знаменем Троцкого, которое подхвачено теперь самыми лютыми, злейшими врагами пролетарской диктатуры. А поэтому открытые и скрытые троцкисты подхватывают новое знамя, знамя люксембургизма, знамя Розы Люксембург, замученной немецкими социал-демократами, чтобы злоупотреблять им в своих троцкистских целях»¹.

Историческое письмо т. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» обратило внимание партии на необходимость последовательной большевистской критики ошибок люксембургизма, на необходимость непримиримой большевистской борьбы с троцкистскою контрабандою в нашей литературе. Это относится в частности к теории накопления Р. Люксембург и ко всем разновидностям люксембургизма и троцкистских вариантов теорий автоматического краха капитализма.

Коммунистическая мысль, воспитанная на работах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, не могла пройти мимо ревизионистского характера главных идей «Накопления капитала» Р. Люксембург не могла не заметить, что их объективный смысл является антиреволюционным.

Поэтому теория накопления Р. Люксембург встретила уже критику со стороны коммунистических теоретиков². Однако на современном,

¹ Л. М. Каганович, За большевистское изучение истории партии, Огиз, «Московский рабочий», 1931 г., стр. 28-29.

² Правда, и среди экономистов-коммунистов оказались отдельные защитники теории накопления Р. Люксембург, но они являлись исключением. Считаю необходимым отметить, что в двух статьях о теории накопления Р. Люксембург,

этапе, когда люксембургские идеи подхватываются «левыми» социал-демократами и троцкистами и используются в качестве орудия борьбы с Коминтерном, – задача теоретического разоблачения люксембургства вообще и люксембургской теории накопления в частности, становится особенно актуальной.

«Накопление капитала» Р. Люксембург встретило, как известно, критику и со стороны официальных теоретиков социал-демократии. Они понимали, что эта книга по замыслу автора направлена против них. В отличие от социал-демократических теоретиков, рассматривавших империализм как нечто такое, что может быть устранено и при сохранении капитализма, Р. Люксембург доказывала в своей книге не о б х о д и м о с т ь империализма, его органическую связь с природой капитализма. Она доказывала неизбежность к р у ш е н и я капитализма, выступая тем самым против назревавших тогда теорий организованного капитализма, госкапитализма, хозяйственной демократии и т. д. «Накопление капитала» появилось в период, когда Р. Люксембург вела ожесточенную борьбу с социал-реформизмом. Зная, что эта книга принадлежит перу революционера, официальные теоретики социал-демократии с тем большим рвением использовали удачную возможность выступить против ее автора. Критику теории накопления Р. Люксембург они вели естественно с апологетических позиций. Ошибки этой теории они пытались использовать для противопоставления ей своих апологетических теорий, часто более или менее искусно замаскированных (напр. Отто Бауэр, Экштейн и др.).

Возражая в «Антикритике» критикам-эпигонам и доказывая, что они скатываются к вульгарному «гармонисту» Сэю, Р. Люксембург проявила большую чуткость и прозорливость. То, что в статьях ее критиков-эпигонов выступало в замаскированном виде, в дальнейшем высказывалось теоретиками социал-фашизма открыто. Так например один из современных теоретиков австро-германской социал-демократии Альфред Браунталь прямо заявляет в своей книге «Современное хозяйство и его законы», что «исследование отношений обмена между сферами производства привело Маркса по существу к подтверждению теории Сэя о путях сбыта»¹. Однако ошибочная позиция самой Р. Люксембург в теории реализации привела к тому, что критика эпигонов перерастает у нее в критику Маркса.

Критикуя полуменьшевистские ошибки Р. Люксембург, в частности ее теорию накопления, нельзя вместе с тем не разделять то презрительное отношение, которое Р. Люксембург проявила к своим, критикам-эпигонам, то бурное негодование революционера, с которым она выступила против них.

Р. Люксембург вступила на путь преодоления и исправления своих полуменьшевистских ошибок, и лишь подлая рука убийцы помешала тому, чтобы она это проделала до конца. Критикуя ошибки Р. Люксембург, коммунисты делают то, что делала бы она сама в порядке

опубликованных мною в 1923-1924 г., критика ее ошибок была недостаточной и половинчатой, и в основных вопросах я солидаризировался по существу с ее ошибочными взглядами. Отдельные ошибки в критике люксембургства были допущены мною и в предисловии к четвертому изданию этой книги.

¹ Alfred Brauntal, Die Wirtschaft der Gegenwart und ihre Gesetze, Berlin 1930, S. 162.

большевистской самокритики. Отношение коммунистов к Р. Люксембург прекрасно выяснил Ленин в связи с попытками ренегатов коммунизма опереться на ее ошибки.

«Павел Леви, – писал Ленин, – желает теперь особо выслуживаться перед буржуазией – и, с л е д о в а т е л ь н о, перед 2 и 2^{1/2} Интернационалами, ее агентами, – переиздавая как раз те сочинения Розы Люксембург, в которых она была неправа. Мы ответим на это двумя строками из одной хорошей русской басни; орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда, как орлы, не подняться. Роза Люксембург ошибалась в вопросе о независимости Польши; ошибалась в 1903 г. в оценке меньшевизма; ошибалась в теории накопления капитала; ошибалась, защищая в июле 1914 г., рядом с Плехановым, Вандервельдом, Каутским и др., объединение большевиков с меньшевиками; ошибалась в своих тюремных писаниях 1918 г. (причем сама же по выходе из тюрьмы в конце 1918 и 1919 гг. исправила большую часть своих ошибок). Но, несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом; и не только память о ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но ее биография и п о л н о е собрание ее сочинений... будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира. «Немецкая социал-демократия после 4 августа 1914 г. – смердящий труп» – вот с каким изречением Розы Люксембург войдет ее имя в историю всемирного рабочего движения»¹.

В. МОТЫЛЕВ.

ТОМ ПЕРВЫЙ

НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА

(К вопросу об экономическом объяснении империализма)

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Толчок к настоящей работе дало мне популярное введение в политическую экономию, которое я уже довольно долго готовлю для того же самого издательства («Vorwärts»), но окончание которого все время тормозилось то моей работой в партийной школе, то моей агитационной деятельностью. Когда я в январе текущего года, после выборов в рейхстаг, снова взялась за работу, чтобы по крайней мере в основных чертах закончить эту популяризацию экономического учения Маркса, я натолкнулась на неожиданное затруднение. Мне не удавалось представить с достаточной ясностью совокупный процесс капиталистического производства в его конкретных отношениях, а также его объективные исторические границы. При ближайшем рассмотрении я пришла к убеждению, что здесь дело идет не только о вопросе изложения, но что перед нами проблема, которая теоретически находится в связи с содержанием II тома «Капитала» Маркса и в то же время связана с практикой современной империалистической политики и ее экономическими корнями. Если попытка дать научное решение этой проблемы мне удалась, то моя работа, помимо чисто теоретического интереса, как мне кажется, должна иметь и некоторое значение для нашей практической борьбы с империализмом.

Р. Л.
Декабрь 1912 г.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПРОБЛЕМА ВОСПРОИЗВОДСТВА

Глава первая

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

К неувядаемым заслугам Карла Маркса в области теории политической экономии принадлежит постановка проблемы воспроизводства всего общественного капитала. Характерно, что в истории политической экономии мы находим лишь две попытки точной постановки этой проблемы: одну – в эпоху зарождения политической экономии, у отца школы физиократов Кенэ, другую – на исходе этой науки, у Карла Маркса. За период, их разделяющий, эта проблема не перестает мучить буржуазную политическую экономию, которая не только не сумела разрешить эту проблему, но даже поставить ее в ее чистом виде, освобожденную от родственных ей и переkreщивающих ее побочных проблем. При основной важности этой проблемы можно, однако, основываясь на попытках ее разрешения, до известной степени проследить вообще судьбу теоретической экономии.

В чем состоит проблема воспроизводства (репродукции) совокупного общественного капитала?

Репродукция означает буквально воспроизводство, повторение, возобновление процесса производства, причем с первого взгляда может быть неясно, чем, собственно, понятие воспроизводства отличается от ясного для всех понятия производства, и для чего здесь нужно новое непривычное выражение. Но как раз в повторении, в постоянном возобновлении процесса производства кроется момент, имеющий, сам по себе существенное значение. Регулярное повторение процесса производства является прежде всего общей предпосылкой и основой регулярного потребления, а потому и предварительным условием культурного существования человеческого общества на всем пути его исторического развития. В этом смысле понятие воспроизводства включает в себе культурно-исторический момент. Производство не может быть возобновляемо, и воспроизводство не может иметь места, если нет налицо определенных предварительных условий: орудий, сырых материалов и рабочей силы, являющихся результатом предшествующего периода производства. Но на самых первоначальных ступенях культурного развития, в начале завоевания внешней природы, возможность возобновления производства всякий раз в большей или меньшей мере зависит еще от случая. Пока основой существования общества являются по преимуществу охота и рыбная ловля,

регулярное повторение процесса производства прерывается периодами общей голодовки. У некоторых первобытных народов условия производства, как регулярно возобновляющегося процесса, уже очень рано нашли свое традиционное и общественно-связующее выражение в определенных церемониях религиозного характера. Так, согласно обстоятельным исследованиям Спенсера и Гиллена, культ тотемизма у австралийских негров по существу представляет собой не что иное, как застывшую в религиозных обрядах традицию, возникшую на почве определенных, с незапамятных времен регулярно повторявшихся мероприятий общественных групп, – мероприятий, направленных к добыванию и сохранению их животной и растительной пищи. Лишь переход к мотыжному земледелию, приручение домашних животных и разведение в целях питания скота делают возможным регулярный кругооборот потребления и производства, который является признаком воспроизводства. В этом смысле само понятие воспроизводства включает в себе нечто большее, чем простое повторение: оно уже предполагает определенную ступень завоевания обществом внешней природы или, выражаясь экономически, – определенную высоту производительности труда.

С другой стороны, самый процесс производства на всех ступенях общественного развития представляет собой единство двух различных, хотя и тесно связанных между собой, моментов: он является единством технических условий, т. е. определенных отношений людей к природе, и общественных условий, т. е. отношений людей между собой. Воспроизводство в равной мере зависит от обоих моментов. Насколько оно связано с условиями человеческой трудовой техники и насколько оно само является результатом определенной высоты производительности труда, мы только что отметили. Но не меньшее значение имеют существующие в данное время общественные формы производства. В первобытной коммунистической земельной общине воспроизводство, как и весь план хозяйственной жизни, определяется всеми работающими и их демократическими органами; решение о возобновлении работы, о ее организации, забота о необходимых предварительных условиях – о сырых материалах, об орудиях и рабочей силе – и, наконец, определение размеров и распределение воспроизводства по отраслям, все это – результат планомерной совместной работы всех трудящихся в пределах общины. В рабовладельческом или в барщинном хозяйстве воспроизводство совершается и во всех деталях регулируется на основе принуждения, покоящегося на отношении личного господства. Пределы для размеров воспроизводства определяются при этом правом распоряжения господствующего центра над большим или меньшим кругом чужой рабочей силы. В капиталистически производящем обществе воспроизводство принимает совершенно своеобразный вид. Определенные, резко выделяющиеся моменты убеждают нас в этом с первого взгляда. Во всяком другом исторически известном обществе воспроизводство протекает регулярно, поскольку это допускается наличием предварительных условий – средств производства и рабочей силы. Только внешние воздействия – опустошительная война или большая эпидемия чумы, вызывающие сокращения населения и вместе с тем массовое уничтожение рабочей силы и запасов средств производства, – обычно служи-

ли причиной того, что на огромных пространствах прежней культурной жизни воспроизводство в течение более или менее продолжительных периодов или вовсе не возобновлялось, или возобновлялось лишь в незначительной части. Подобные же явления могут быть вызваны отчасти и деспотическим установлением плана производства. Если воля какого-нибудь фараона в древнем Египте приковывала на десятки лет тысячи феллахов к постройке пирамид, если Измаил-паша в новом Египте отправил в качестве крепостных (Fronknechte) 20 000 феллахов на постройку Суэцкого канала, или если император Ши-Хоанг-Ти, основатель династии Тзин, за 200 лет до христианской эры дал погибнуть 400 000 человек от голода и истощения и истребил целое поколение, чтобы выстроить на северной границе Китая «Великую Стену», то результатом всего этого было то, что колоссальные пространства крестьянской земли остались необработанными, что регулярная хозяйственная жизнь была здесь прервана на долгие периоды. Но в каждом из указанных случаев перерывы воспроизводства имели совершенно очевидные и ясные причины; они заключались в одностороннем, основанном на отношениях господства, распоряжении над всем планом воспроизводства в целом. В капиталистически производящем обществе мы видим другое. В определенные периоды мы видим, что имеются налицо все необходимые материальные средства производства и рабочая сила для возобновления процесса воспроизводства, что, с другой стороны, потребности общества остаются неудовлетворенными, и, наконец, что воспроизводство, несмотря на это, отчасти совершенно прервано, а отчасти происходит лишь в сокращенных размерах. Но здесь нет никаких деспотических вторжений в хозяйственный план, которые были бы ответственны за затруднения в процессе воспроизводства. Возобновление воспроизводства, кроме всех технических условий, зависит здесь скорее от чисто общественных условий: производятся только те продукты, относительно которых есть надежда, что они будут реализованы, обменены на деньги, и не только вообще реализованы, а реализованы с определенной прибылью, обычной для данной страны. Следовательно, прибыль как конечная цель и определяющий момент господствует здесь не только над производством, но и над воспроизводством, т. е. от нее зависит не только то, что производится и как производится, что распределяется и как распределяется, но и вопрос, будет ли после завершения одного рабочего периода вновь начат процесс воспроизводства, в каком размере, в каком направлении. «Если производство имеет капиталистическую форму, то и воспроизводство имеет такую же форму»¹.

Итак, вследствие таких чисто социально-исторических моментов процесс воспроизводства в капиталистическом обществе в целом принимает вид своеобразной, весьма запутанной проблемы. Уже внешняя характеристика капиталистического процесса воспроизводства показывает его специфическую историческую особенность: он охватывает не только производство, но и обращение (процесс обмена), он является единством того и другого.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 572, изд. 1920. Здесь, как и в дальнейшем, мы указываем страницы по русскому переводу «Капитала».- *Прим. пер.*

Прежде всего капиталистическое производство представляет собой производство бесчисленного множества частных производителей без всякого планомерного регулирования. Единственной общественной связью между ними является обмен. Воспроизводство находит здесь точку опоры для определения общественных потребностей исключительно только в опыте предшествующего рабочего периода. Но этот опыт представляет собой личный опыт отдельных производителей, который не находит себе единого общественного выражения. Кроме того этот опыт не дает положительных и прямых указаний относительно потребностей общества, а лишь отрицательные и косвенные: из движения цен он позволяет делать заключение об избытке или недостатке произведенной массы продуктов по отношению к платежеспособному спросу. Но к воспроизводству всегда приступают на основании опыта, приобретенного отдельными частными производителями за предшествующий период производства. Благодаря этому в следующий период также может получиться избыток или недостаток; отдельные отрасли производства идут своими особыми путями, и в одной отрасли может обнаружиться избыток, а в другой, напротив того, – недостаток. Но благодаря взаимной технической зависимости почти всех отдельных отраслей производства избыток или недостаток произведенных продуктов в нескольких крупных, руководящих отраслях производства влечет за собой подобное же явление в большинстве остальных отраслей. Так время от времени обнаруживается попеременно то всеобщий излишек, то всеобщий недостаток продуктов по отношению к спросу, предъявляемому обществом. Уже отсюда следует, что воспроизводство в капиталистическом обществе принимает своеобразный вид, отличный от всех прочих исторических форм производства. Во-первых, каждая отрасль производства совершает внутри определенных границ независимое движение, которое время от времени ведет к более или менее продолжительным перерывам в воспроизводстве. Во-вторых, отклонения воспроизводства в отдельных отраслях от общественных потребностей периодически суммируются в общее несовпадение (*Inkongruenz*) с последними, за которым следует всеобщий перерыв воспроизводства. Капиталистическое воспроизводство этим самым являет собой весьма своеобразную картину. В то время как воспроизводство при всех прочих хозяйственных формах, – мы оставляем в стороне внешние насильственные вторжения, – протекает как непрерывный и равномерный кругооборот, капиталистическое воспроизводство, если применить известное выражение Сисмонди, может быть представлено только как бесконечный ряд отдельных спиралей, обороты которых вначале малы, затем возрастают и, наконец, становятся очень большими, для того чтобы после этого съезжиться и начать вновь описывать следующие спирали с малыми оборотами и чтобы далее, до следующего перерыва, повторять ту же самую фигуру.

Периодическая смена наибольшего расширения воспроизводства и его сокращения вплоть до частичного перерыва, т. е. то, что называют периодическими циклами низкой конъюнктуры, высокой конъюнктуры и кризиса, представляет собой наиболее яркую особенность капиталистического воспроизводства.

Однако очень важно установить с самого начала, что периодическая

смена конъюнктур и кризис, правда, представляют собой существенные моменты воспроизводства, но не самую проблему капиталистического воспроизводства как таковую. Периодическая смена конъюнктур и кризисы являются специфической формой движения в капиталистическом хозяйстве, но не самым движением. Чтобы представить в чистом виде проблему капиталистического воспроизводства, мы, напротив того, должны именно отвлекаться от периодической смены конъюнктур и кризисов. Как бы это ни казалось странным, это все же вполне рациональный метод; более того, это с научной точки зрения единственно приемлемый метод исследования. Чтобы представить в чистом виде и разрешить проблему стоимости, мы должны отвлекаться от колебаний цен. Вульгарно-экономическое понимание всегда пытается разрешить проблему стоимости ссылками на колебание спроса и предложения. Классическая экономия от Смита до Маркса подходила к вопросу с противоположной стороны: она заявляла, что колебания спроса и предложения могут только объяснить отклонения цен от стоимости, а не самую стоимость. Чтобы найти, что такое стоимость товаров, мы должны подойти к проблеме, предполагая, что спрос и предложение находятся в состоянии равновесия, т. е. что цена и стоимость товаров совпадают. Научная проблема стоимости начинается, следовательно, как раз там, где кончается влияние спроса и предложения. То же самое можно сказать и о проблеме воспроизводства всего общественного капитала. Периодическая смена конъюнктур и кризисы приводят к тому, что капиталистическое воспроизводство, как правило, колеблется вокруг суммы платежеспособных потребностей общества, что оно то подымается над ними, то опускается ниже их, падая почти до полного своего прекращения. Однако если взять более длительный период, целый цикл с меняющимися конъюнктурами, то высокая конъюнктура и кризис, т. е. высшее напряжение воспроизводства с его упадком и перерывом, уравниваются, и мы в итоге получаем для всего цикла некоторую среднюю величину воспроизводства. Эта средняя величина представляет собой не только теоретическую, идеальную величину, но и реальный, объективный факт. Ибо, несмотря на резкие подъемы и падения конъюнктуры, несмотря на кризисы, потребности общества так или иначе удовлетворяются, воспроизводство идет вперед своим запутанным ходом, и производительные силы продолжают развиваться. Каким же образом это совершается, если мы отвлекаемся от кризисов и от смены конъюнктур? – Здесь начинается вопрос по существу, и попытка разрешить проблему воспроизводства ссылками на периодичность кризисов в основе своей столь же вульгарна с экономической точки зрения, как и попытка разрешить проблему стоимости колебаниями спроса и предложения. Несмотря на это, мы далее увидим, что политическая экономия постоянно проявляет эту склонность, и стоит ей только полусознательно поставить проблему воспроизводства или всего-на-всего догадаться о ее существовании, как она неожиданно заменяет ее проблемой кризисов, чтобы этим самым закрыть себе путь к разрешению вопроса. Если мы в дальнейшем говорим о капиталистическом воспроизводстве, то под этим всегда надо понимать тот итог, который получается как средний вывод из смены конъюнктур внутри цикла.

Все капиталистическое производство осуществляется бесконечным и постоянно колеблющимся числом частных производителей, которые производят независимо друг от друга, без всякого общественного контроля, кроме наблюдения за колебаниями цен, и без всякой общественной связи, кроме товарного обмена. Как же из этих бесчисленных, не связанных друг с другом движений складывается все действительное производство? Когда вопрос ставится таким образом, - а это первая общая форма, в которой непосредственно представляется проблема, - то при этом упускается из виду, что частные производители в данном случае являются не простыми товаро-производителями, а к а п и т а л и с т и ч е с к и м и, что и все общественное производство представляет собой не просто производство для удовлетворения человеческих потребностей, даже не простое товарное производство, а производство к а п и т а л и с т и ч е с к о е. Посмотрим, какие изменения это вносит в проблему.

Производитель, который производит не просто товары, но капитал, должен прежде всего производить прибавочную стоимость. Прибавочная стоимость является конечной целью и движущим мотивом капиталистического производителя. Произведенные товары после их реализации должны принести ему не только все его издержки, но сверх того еще некоторую стоимость, которой не соответствует никакая затрата с его стороны и которая представляет собой чистый излишек. С точки зрения производства прибавочной стоимости авансированный капиталистом капитал, - помимо его сознания и вопреки его пустым разговорам об основном и оборотном капитале, которыми он обманывает себя и весь мир, - распадается на две части: на часть, которая представляет собой его издержки на средства производства - на здания, в которых производится работа, на сырье и вспомогательные материалы и инструменты, - и на другую часть, затрачиваемую на заработную плату. Первую часть, которая при ее потреблении в процессе труда переносит свою стоимость на продукт не измененной, Маркс называет постоянной частью капитала; вторую часть, которая вследствие присвоения неоплаченного труда ведет к приращению стоимости, к созданию прибавочной стоимости, он называет переменной частью капитала. С этой точки зрения стоимость всякого товара, произведенного капиталистически, составляется нормально по формуле

$$c+v+m,$$

причем (с) представляет собой затраченную постоянную капитальную стоимость, т. е. перенесенную на товар часть стоимости потребленных неодушевленных средств производства, (v) обозначает переменную часть капитала, затраченную на заработную плату, и, наконец, (m)- прибавочную стоимость, т. е. приращение стоимости, происходящее из неоплаченной части наемного труда. Все эти три части стоимости воплощаются одновременно в конкретной форме произведенного товара, - в форме каждого отдельного товара, как и всей массы товаров, рассматриваемой как нечто единое, - независимо от того, идет ли речь о бумажных тканях, о балетных представлениях, о чугунных трубах или либеральных газетах. Производство товаров является для капиталистического производителя не целью, а лишь средством

для присвоения прибавочной стоимости. Но пока прибавочная стоимость воплощена в форме товара, она не может быть потреблена капиталистом. После ее производства она должна быть реализована, превращена в чистую форму стоимости, т. е. деньги. Для того, чтобы это имело место и чтобы прибавочная стоимость могла быть присвоена капиталистом в денежной форме, все его капитальные затраты также должны сбросить свою товарную форму и вернуться к нему в денежной форме. Только когда это удалось, когда, следовательно, вся масса товаров отчуждена по своей стоимости за деньги, цель производства достигнута. Формула $c+v+m$ относится тогда в точности к количественному составу вырученных от продажи товаров денег, как она раньше относилась к составу стоимости товаров: одна часть (c) возмещает капиталисту издержки на потребленные средства производства, другая часть (v) – его издержки на заработную плату, последняя часть (m) образует ожидаемый излишек, «чистую прибыль» капиталиста наличными¹. Это превращение капитала из первоначальной формы, которая представляет собой исходный пункт всякого капиталистического производства, в неодушевленные и одушевленные средства производства (т. е. в сырые материалы, инструменты и рабочую силу), из них через живой процесс труда – в товары и, наконец, из товаров через процесс обмена опять в деньги, и притом в большее количество денег, чем на начальной стадии, – это превращение капитала необходимо, однако, не только для производства и присвоения прибавочной стоимости: целью и движущим мотивом капиталистического производства являются не просто прибавочная стоимость в любом количестве и однократное присвоение ее, а прибавочная стоимость не ограниченная, ее непрерывное нарастание, все увеличивающиеся количества ее. Но это может быть достигнуто опять-таки при помощи того же самого волшебного средства – при помощи капиталистического производства, т. е. путем присвоения неоплаченного наемного труда в процессе производства товаров и реализации произведенных таким образом товаров. Постоянное возобновление производства, т. е. воспроизводство как регулярное явление, этим самым приобретает в капиталистическом обществе совершенно новый мотив, не известный всем прочим формам производства. При всякой другой исторически известной форме хозяйства определяющим моментом воспроизводства являются постоянные потребности общества, будь это потребности, регулируемые демократически всеми трудящимися земельной коммунистической общины, или же потребности антагонистического классового общества, рабовладельческого барщинного хозяйства и т. п., т. е. потребности, регулируемые деспотически. При капиталистическом способе производства для отдельного частного производителя, – а только такового приходится принимать в расчет, – потребности общества не являются мотивом к производству. Для него существует только платежеспособный спрос,

¹ Мы отождествляем здесь прибавочную стоимость с прибылью, что вполне правильно по отношению ко всему общественному производству, о котором в дальнейшем только и идет речь. Мы не обращаем также внимания на распадение прибавочной стоимости на отдельные части – на предпринимательскую прибыль, на процент на капитал и на ренту, – так как это имеет значение для проблемы воспроизводства.

и то лишь как необходимое средство для реализации прибавочной стоимости. Хотя производство продуктов для потребления, которое удовлетворяет платежеспособные потребности общества, является поэтому для отдельных капиталистов велением необходимости, но оно вместе с тем представляется окольным путем с точки зрения истинной цели, т. е. присвоения прибавочной стоимости. Это же является и мотивом, побуждающим к постоянному возобновлению воспроизводства. Производство прибавочной стоимости превращает в капиталистическом обществе воспроизводство жизненных потребностей, взятое в целом, в *perpetuum mobile*. С своей стороны капиталистическое воспроизводство, начальным моментом которого является всегда капитал, и притом в его чистой форме стоимости, в денежной форме, очевидно, лишь тогда может быть начато, когда реализованы продукты предшествующего периода, т. е. когда товары этого периода превращены в их денежную форму. Следовательно, в качестве первого условия воспроизводства для капиталистического производителя выступает удачная реализация товаров, произведенных в течение предшествующего периода производства.

Теперь мы пришли ко второму важному обстоятельству. Определение размера воспроизводства в условиях частного хозяйства покоится на соизволении и благоусмотрении отдельного капиталиста. Но его движущим мотивом является присвоение прибавочной стоимости, и притом присвоение возможно более быстро прогрессирующее. Ускорение в присвоении прибавочной стоимости возможно, однако, только благодаря расширению капиталистического производства, создающего прибавочную стоимость. Крупное предприятие при производстве прибавочной стоимости имеет во всех отношениях преимущество по сравнению с мелким. Капиталистический способ производства создает, следовательно, не просто постоянный мотив для воспроизводства вообще, – он создает еще мотив для постоянного расширения воспроизводства, для возобновления производства в больших размерах, чем раньше.

Но этого мало. Капиталистический способ производства не просто создает в жажде капиталиста получить прибавочную стоимость импульс к беспрепятственному расширению воспроизводства, – он превращает это расширение прямо-таки в принудительный закон, в условие хозяйственного существования для отдельного капиталиста. При господстве конкуренции самым важным оружием отдельного капиталиста в борьбе за место на рынке сбыта является дешевизна товаров. Но все методы, имеющие целью устойчивое понижение издержек производства товаров, т. е. направленные к повышению прибавочной стоимости сверх обычной нормы не путем уменьшения заработной платы и удлинения рабочего дня, что, кстати сказать, наталкивается на разного рода затруднения, – сводятся к расширению производства. Идет ли речь об экономии на постройки и орудия производства, о применении наиболее продуктивных средств производства, о прогрессирующей замене ручного труда машинами или же о быстром использовании благоприятной рыночной конъюнктуры для приобретения дешевого сырья, – во всех этих случаях крупное производство имеет преимущества над мелким и средним производством.

Эти преимущества возрастают в весьма значительных размерах вместе с расширением предприятия. Поэтому всякое расширение одной части капиталистических предприятий в силу самой конкуренции навязывается другим как условие их существования. Так создается непрерывная тенденция к расширению воспроизводства, которая распространяется механически непрерывно, волнообразно по всей поверхности частного производства.

Для отдельного капиталиста расширение воспроизводства проявляется в том, что он прибавляет часть присвоенной прибавочной стоимости к капиталу, – в том, что он н а к о п л я е т. Накопление, т. е. превращение прибавочной стоимости в действующий капитал, представляет собой капиталистическое выражение расширенного воспроизводства.

Расширенное воспроизводство не есть изобретение капитала. Напротив того, оно издавна является правилом для всякой исторической общественной формы, которая обнаруживает хозяйственный и культурный прогресс. Правда, простое воспроизводство, т. е. постоянное повторение процесса производства в прежнем масштабе, возможно, и мы можем его наблюдать на протяжении огромных периодов общественного развития. Таковы, например, первобытные коммунистические деревенские общины, в которых прирост населения делается возможным не благодаря постепенному расширению производства, а благодаря периодическому выделению прироста населения и основанию столь же крошечных и самодовлеющих филиальных общин. Маленькие древние ремесленные предприятия Индии или Китая также дают пример традиционного повторения производства в тех же формах и в том же масштабе, – повторения, идущего по наследству от поколения к поколению. Но во всех подобных случаях простое воспроизводство является основой и верным признаком всеобщего хозяйственного и культурного застоя. Все значительные успехи производства и памятники культуры, каковы огромные водные сооружения Востока, египетские пирамиды, большие римские дороги, греческие искусства и науки, развитие ремесла и городов средневековья, были бы невозможны без расширенного воспроизводства, ибо только постепенное расширение производства сверх непосредственных нужд и постоянный рост населения и его потребностей образуют в одно и то же время хозяйственную основу и социальное побуждение к решающим культурным успехам. Обмен, а вместе с ним возникновение классового общества и его историческое развитие вплоть до капиталистической формы хозяйства также были бы немыслимы без расширенного воспроизводства. Но в капиталистическом обществе к расширенному воспроизводству прибавляются некоторые новые характерные черты. Прежде всего оно становится здесь, как уже указано, принудительным законом для отдельного капиталиста. Простое воспроизводство и даже попятное движение в воспроизводстве не исключены и при капиталистическом способе производства; напротив того, они образуют периодические явления кризисов, следующих за периодическим чрезмерным напряжением расширенного воспроизводства при высокой конъюнктуре. Но общее движение воспроизводства, проходя через периодические колебания циклической

смены конъюнктур, все же идет в направлении непрерывного его расширения. Для отдельного капиталиста невозможность идти в ногу с этим общим движением означает выход из конкурентной борьбы, хозяйственную смерть.

Далее сюда присоединяются еще другие черты. При всяком чисто натуральнохозяйственном или по преимуществу натуральнохозяйственном способе производства – в аграрно-коммунистической деревенской общине Индии или в римской вилле с рабским трудом, или в феодально-крепостной вотчине средневековья – понятие и цель расширенного воспроизводства относятся только к количеству продуктов, к массе произведенных предметов потребления. Потребление как цель господствует над размером и характером как процесса труда в частности, так и воспроизводства вообще. Иное мы видим при капиталистическом способе производства. Капиталистическое производство является не производством, преследующим цели потребления, а производством стоимостей. Отношения стоимости господствуют над всем процессом производства и воспроизводства. Капиталистическое производство представляет собой не производство предметов потребления, даже не производство просто товаров, а производство прибавочной стоимости. Таким образом, расширенное воспроизводство означает с капиталистической точки зрения расширение производства прибавочной стоимости. Правда, производство прибавочной стоимости протекает в форме производства товаров и, следовательно, в конечном счете как производство предметов потребления. Однако в процессе воспроизводства эти два момента постоянно разделяются благодаря изменениям в производительности труда. Одно и то же количество капитала и прибавочной стоимости будет благодаря росту производительности представляться в виде прогрессивно увеличивающегося количества предметов потребления. Таким образом, одно лишь расширение производства в смысле изготовления большей массы потребительных стоимостей не является обязательно расширенным воспроизводством в капиталистическом смысле. Наоборот, капитал без изменения производительности труда может в известных пределах извлечь большую прибавочную стоимость путем увеличения степени эксплуатации – например уменьшением заработной платы, – не производя при этом большей массы продуктов. Но и в том и в другом случаях элементы расширенного воспроизводства одинаково производятся капиталистически. Ибо эти элементы представляют собою и прибавочную стоимость как некоторое количество стоимости и сумму вещественных средств производства. Расширение производства прибавочной стоимости как правило обуславливается увеличением капитала, а последнее – присоединением части присвоенной прибавочной стоимости к капиталу. При этом безразлично, применяется ли капиталистическая прибавочная стоимость для расширения старого предприятия или для основания нового. Расширенное воспроизводство в капиталистическом смысле приобретает, следовательно, специфическое выражение роста капитала через прогрессивное капитализирование прибавочной стоимости или, как Маркс это называет, через *н а к о п л е н и е к а - п и т а л а*. Всеобщая формула расширенного воспроизводства при господстве капитала принимает таким, образом следующий вид:

$$(c + v) + m/x + m',$$

где m/x представляет собой капитализированную часть присвоенной в продолжение предыдущего периода прибавочной стоимости, а m' – новую прибавочную стоимость, произведенную при помощи возросшего уже капитала. Часть этой новой прибавочной стоимости в свою очередь капитализируется. Постоянное течение этих последовательных присвоений прибавочной стоимости и ее капитализаций – явлений, которые взаимно обуславливаются, – образует процесс расширенного воспроизводства в капиталистическом смысле.

Только здесь мы пришли к всеобщей абстрактной формуле воспроизводства. Рассмотрим ближе те конкретные условия, которые необходимы для осуществления этой формулы в действительности.

Сбросивши удачно на рынке свою товарную форму, присвоенная прибавочная стоимость выступает в виде определенной денежной суммы. В этом виде она обладает абсолютной формой стоимости, с которой она может начать свое движение в качестве капитала. Но в этой форме она в то же время стоит лишь у исходной точки своего движения: деньги сами по себе не могут создавать прибавочную стоимость.

Для того, чтобы часть прибавочной стоимости, предназначенная для накопления, действительно была капитализирована, она должна принять ту конкретную форму, которая только и делает ее способной действовать в виде производительного капитала, т. е. капитала, приносящего прибавочную стоимость. Для этого необходимо, чтобы она, подобно первоначальному капиталу распалась на две части: на постоянную часть – на неодушевленные средства производства, и на переменную часть, представляющую собой заработную плату. Лишь тогда ее можно будет по примеру старого капитала подвести под формулу

$$c + v + m.$$

Но для этого недостаточно доброй воли капиталиста к накоплению, недостаточно и его «бережливости» и «воздержания», благодаря которым он употребляет большую часть прибавочной стоимости на воспроизводство, вместо того, чтобы растратить ее на свои личные удовольствия. Для этого необходимо, чтобы он нашел на товарном рынке те конкретные формы, которые он намерен придать приращению своего капитала. Он должен, во-первых, найти вещественные средства производства – сырые материалы, машины и т. д., – которые нужны ему для намеченного и избранного им рода производства, чтобы таким образом придать постоянной части капитала производительную форму. Во-вторых, доля капитала, предназначенная служить его переменной частью, также должна претерпеть превращение, а для этого необходимы двоякого рода условия: прежде всего, чтобы на рабочем рынке имелись добавочные рабочие силы в количестве, достаточном для того, чтобы привести в движение новый прирост капитала, а затем, чтобы на товарном рынке, – ведь рабочие не могут жить золотом, – имелись добавочные средства существования, на которые вновь поступающие в предприятие рабочие могли бы обменивать полученную от капиталиста переменную часть капитала.

Если все эти предварительные условия налицо, капиталист может привести в движение капитализированную им прибавочную стоимость и использовать ее как функционирующий капитал для создания новой прибавочной стоимости. Но этим задача еще не решена окончательно. Новый капитал вместе с созданной прибавочной стоимостью пока еще воплощен в форме новой добавочной массы товаров определенного сорта. В этой форме новый капитал пока только еще авансирован, а созданная им прибавочная стоимость имеется лишь в форме, непригодной для ее потребления капиталистом. Чтобы новый капитал мог выполнить цель своей жизни, он должен сбросить свою товарную форму и вместе с созданной им прибавочной стоимостью вернуться в руки капиталиста в чистой форме стоимости, в виде денег. Если это не удастся, то новый капитал и прибавочная стоимость целиком или частью пропадают, капитализирование прибавочной стоимости терпит неудачу, и накопление не имеет места. Следовательно, для того, чтобы накопление действительно было произведено, безусловно необходимо, чтобы добавочная масса товаров, произведенная новым капиталом, завоевала для себя место на рынке чтобы она, таким образом, могла быть реализована.

Итак, мы видим, что расширенное воспроизводство при капиталистических условиях, т. е. накопление капитала, связано с целым рядом своеобразных условий. Рассмотрим ближе эти условия. Первое условие: производство должно создавать прибавочную стоимость, так как последняя представляет собой элементарную форму, при которой только и возможно расширение капиталистического производства. Это условие должно быть соблюдено в самом процессе производства, в отношениях между капиталистом и рабочим, в производстве товаров. Второе условие: для того, чтобы прибавочная стоимость, предназначенная для расширения воспроизводства, была присвоена, она по соблюдении первого условия должна быть сперва реализована, т. е. превращена в денежную форму. Это условие ведет нас на товарный рынок, где шансы обмена решают дальнейшие судьбы прибавочной стоимости, а следовательно, и предстоящего воспроизводства. Третье условие: предполагая, что реализация прибавочной стоимости удалась и что часть реализованной прибавочной стоимости прибавлена с целью накопления к капиталу, новый капитал должен сперва принять производительную форму, т. е. форму неодушевленных средств производства и рабочей силы; далее часть капитала, обмененная на рабочую силу, должна принять форму средств существования для рабочих. Это условие ведет нас опять на товарный рынок и на рынок труда. Если здесь найдено все необходимое, то расширенное воспроизводство товаров имеет место. Но тут выступает четвертое условие: добавочная масса товаров, которая представляет новый капитал вместе с новой прибавочной стоимостью, должна быть реализована, превращена в деньги. И только если это удалось, мы можем сказать, что расширенное воспроизводство в капиталистическом смысле имело место. Это последнее условие ведет нас опять на товарный рынок.

Так капиталистическое воспроизводство и производство беспрестанно разыгрываются между местом производства и товарным рынком, между частной конторой и фабричным помещением, куда «вход

посторонним строго воспрещается» и где суверенная воля отдельного капиталиста является высшим законом, – и товарным рынком, которому никто не пишет законов, и где никакая воля и никакой разум не имеют никакого значения. Но именно в произволе и анархии, господствующих на рынке, дает себя чувствовать зависимость отдельного капиталиста от общества, от совокупности производящих и потребляющих отдельных членов его. Для расширения процесса воспроизводства ему нужны дополнительные средства производства и рабочая сила, а также средства существования для ее обладателей, но наличность всех этих элементов зависит от таких моментов, обстоятельств и фактов, которые совершаются за его спиной совершенно независимо от него. Чтобы он был в состоянии реализовать возросшую массу своих продуктов, ему нужен расширенный рынок сбыта, но фактическое расширение спроса вообще и спроса на товары поставляемого им сорта в частности представляет собой явление, по отношению к которому он совершенно безвластен.

Все названные условия, в которых находит свое выражение имманентное противоречие между частным производством и потреблением и общественной связью того и другого, не представляют собой новых моментов, которые выступают лишь при воспроизводстве. Это – общие противоречия капиталистического производства, но они представляются в виде особых затруднений процесса воспроизводства, и вот по каким причинам: под углом зрения воспроизводства, в особенности воспроизводства расширенного, капиталистический способ производства выступает не только в своих общих и основных характерных чертах, но и в определенном ритме движения, как процесс в его непрерывности, причем выступает наружу специфическое сцепление между отдельными зубчатыми колесиками его периодов производства. С этой точки зрения вопрос ставится, следовательно, не в его общей формулировке, которая гласит так: как может отдельный капиталист найти нужные ему средства производства и рабочие силы, как может он сбыть на рынке произведенные товары, несмотря на то, что нет никакого общественного контроля и плановости, которые приводили бы в соответствие производство и спрос? Ответ на этот общий вопрос таков: с одной стороны, тяга отдельных капиталов к прибавочной стоимости конкуренция между ними, а также автоматическое действие капиталистической эксплуатации и капиталистической конкуренции заботятся как о том, чтобы были произведены разные, товары – в том числе средства производства, – так и о том, чтобы в распоряжении капиталиста был растущий класс пролетаризированных рабочих; с другой стороны, отсутствие в этих связях плановости проявляется в том, что согласование спроса и предложения двигается во всех областях только благодаря постоянным отклонениям от их точки совпадения, благодаря ежечасным колебаниям цен и периодическим колебаниям конъюнктур и кризисов.

Под углом зрения воспроизводства вопрос ставится иначе: как возможно, что протекающее без всякого плана снабжение рынка средствами производства и рабочей силой и неподдающиеся предвидению изменчивые условия сбыта обеспечивают отдельному капиталисту соответствующие потребностям его накопления – и, следовательно, возрастающие в известных количественных отношениях – массы и

сорта средств производства, рабочие силы и возможность сбыта?

Рассмотрим ближе этот вопрос. Пусть капиталист производит согласно известной нам формуле в следующей пропорции:

$$40c + 10v + 10m,$$

где постоянный капитал в четыре раза больше переменного, и норма эксплуатации равняется 100%. Количество товара представит тогда стоимость в 60 единиц. Предположим, что капиталист в состоянии капитализировать половину своей прибавочной стоимости и что он прибавляет ее к старому капиталу соответственно его составу.

Следующий период производства можно было бы выразить в такой формуле:

$$44c + 11v + 11m = 66.$$

Положим, что капиталист и в дальнейшем будет в состоянии капитализировать половину своей прибавочной стоимости, и что он может это проделывать каждый год. Для того чтобы он мог это осуществлять, недостаточно, чтобы он вообще находил средства производства, рабочие силы и рынок для сбыта, – он должен находить их в определенной прогрессии, соответствующей прогрессу его накопления.

Глава вторая

АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ВОСПРОИЗВОДСТВА

У КЕНЭ И У АДАМА СМИТА

До сих пор мы рассматривали воспроизводство с точки зрения отдельного капиталиста, этого типичного представителя и агента воспроизводства, которое всегда осуществляется отдельными частнокапиталистическими предприятиями. Это рассмотрение уже достаточно выявило перед нами трудности проблемы. Но трудности необыкновенно возрастают и усложняются, лишь только мы от отдельного капиталиста обращаемся ко всей совокупности капиталистов.

Уже поверхностный взгляд на вещи показывает, что капиталистическое воспроизводство как общественное целое не следует понимать просто как механическую сумму воспроизводств отдельных частных капиталистов. Мы видели, например, что одной из основных предпосылок для расширенного воспроизводства отдельного капиталиста является соответствующее расширение возможности сбыта на товарном рынке. Это расширение возможности сбыта может удаваться отдельному капиталисту не только благодаря абсолютному расширению рамок сбыта, взятого целиком, но и благодаря конкурентной борьбе с другими разрозненными капиталистами, так что одному идет на пользу то, что для другого или для многих других вытесненных с рынка капиталистов является убытком. В этом случае один капиталист расширяет воспроизводство за счет сокращения воспроизводства, на которое вынуждается другой капиталист. Один капиталист сумеет осуществить расширенное воспроизводство, а другие не смогут даже вести простого воспроизводства; в капиталистическом же обществе в целом произойдет лишь внутреннее перемещение, а не коли-

чественное изменение воспроизводства. Расширенное воспроизводство одного капиталиста может быть осуществлено за счет тех средств производства и рабочих сил, которые освободились вследствие банкротства, т. е. полной или частичной остановки воспроизводства других капиталистов.

Эти повседневные явления показывают, что воспроизводство всего общественного капитала представляет собой нечто иное, чем бесконечно возрастающее воспроизводство отдельного капиталиста; более того, что процессы воспроизводства отдельных капиталов беспрестанно перекрещиваются и что их действия могут во всякий момент парализовать друг друга в большей или меньшей степени. Следовательно, прежде чем исследовать механизм и законы всего капиталистического воспроизводства, необходимо поставить вопрос, что мы, собственно, должны понимать под воспроизводством капитала, взятого в целом, и возможно ли вообще из всей беспорядочной массы бесчисленных движений отдельных капиталов, – движений, которые каждое мгновение меняются согласно законам, не поддающимся контролю и предвидению, и которые отчасти протекают параллельно друг другу, а отчасти перекрещиваются и парализуют друг друга, – возможно ли нечто подобное конструировать как воспроизводство всего капитала? Существует ли вообще совокупный общественный капитал, и, во всяком случае, что представляет собой это понятие в реальной действительности? Это первый вопрос, который должно себе поставить научное исследование законов воспроизводства. Отец школы физиократов Кенэ, который на заре политической экономии и буржуазного хозяйственного строя подошел к проблеме с классическим бесстрашием и простотой, без всяких околичностей принял существование совокупного капитала как реально действующей величины, как чего-то само собой понятного. Его знаменитое и никем до Маркса не разгаданное «Tableau economique» представляет в нескольких цифрах движение воспроизводства всего капитала, причем Кенэ в то же время обращает внимание на то, что это движение следует понимать в форме товарного обмена, т. е. как процесс обращения. «Tableau», показывает, как годовой продукт национального производства определенной стоимости распределяется посредством обращения так, чтобы производство снова могло вступить в свои права. «Бесчисленные индивидуальные акты обращения с самого начала объединяются в характерно-общественное массовое движение – в обращение между крупными функционально-определенными экономическими классами общества»¹.

По Кенэ общество состоит из трех классов: из класса производительного, т. е. из сельских хозяев, из класса бесплодного (sterile), охватывающего всякую деятельность, кроме сельского хозяйства, – промышленность, торговлю и либеральные профессии, – и из класса земельных собственников, включая сюда суверенов и получателей десятины. Весь национальный продукт выступает перед нами как масса средств продовольствия и сырых материалов стоимостью в 5 миллиардов ливров, находящаяся в руках производительного класса. Из этой суммы два миллиарда представляют собой годовой оборотный

¹ Ср. «Капитал», т. II, стр. 343, изд. 1918 г.

капитал сельского хозяйства, один миллиард – годовое снашивание основного капитала, а два миллиарда – чистый доход, который переходит к земельным собственникам. Кроме этого совокупного продукта, сельские хозяева, – которые мыслятся здесь чисто капиталистически, как арендаторы, – имеют на руках два миллиарда ливров деньгами. Обращение протекает таким образом: класс арендаторов уплачивает земельным собственникам в качестве арендной платы два миллиарда деньгами (результат предшествующего периода обращения), на эту сумму класс земельных собственников покупает на один миллиард средства существования у арендаторов, а на другой миллиард – продукты промышленности у класса бесплодных. Арендаторы, с своей стороны, покупают на вернувшийся к ним миллиард продукты промышленности, после чего бесплодный класс покупает на имеющиеся у него на руках два миллиарда продукты сельского хозяйства: за один миллиард он покупает сырье и проч. для возмещения годового капитала предприятий и за один миллиард – средства существования. Так деньги, наконец, возвращаются к своей исходной точке – к классу арендаторов, продукт распределен между всеми классами, так что потребление всех обеспечено, производительный и бесплодный классы в то же время возобновили свои средства производства, а класс земельных собственников получил свой доход. Предпосылки воспроизводства все налицо, условия обращения все соблюдены, и воспроизводство может начать свой регулярный ход¹. Насколько неудовлетворительно и примитивно это представление при всей гениальности его замысла, мы увидим в ходе дальнейшего исследования. Во всяком случае Кенэ нужно здесь воздать должное за то, что он на заре научной политической экономии не питал ни малейшего сомнения в возможности представить весь общественный капитал и его воспроизводство как нечто целое. Однако уже Адам Смит, давая более глубокий анализ капиталистических отношений, в то же время начинает вносить путаницу в ясные и мощные штрихи картины, данной физиократами. Смит разрушил всю основу научного понимания капиталистического процесса, взятого в целом. Он сделал это, дав тот ложный анализ цен, который, начиная с него, долгое время господствовал в буржуазной экономике. Мы говорим именно о той теории, согласно которой стоимость товара хотя и представляет собой массу затраченного на него труда, но цена в то же время складывается из трех составных частей: из заработной платы, прибыли на капитал и земельной ренты. Так как это должно, очевидно, относиться и ко всей совокупности товаров, ко всему национальному продукту, то мы приходим к поразительному открытию: стоимость капиталистически произведенных товаров в ее совокупности представляет собою сумму всей выплаченной заработной платы плюс прибыль на капитал

¹ См. *Analyse du Tableau economique* в *Journal de l'Agriculture, du commerce et des finances* Дюпона, 1766 г., стр. 305 и сл. онкенского издания *Oeuvres de F. Quesnay*. Кенэ подчеркивает, что описанное им обращение предполагает два условия: свободное торговое обращение и систему налогов, которые ложатся только на ренту: «Mais ces donnees ont des conditions sine quibus non; elles supposent que la liberte du commerce soutient le debit des productions a un bon prix, – elles supposent d'ailleurs que le cultivateur n'ait a payer directement ou indirectement d'autres charges que le revenu, dont une partie par exemple les deux septimes, doit former le revenu du souverain». (L. c., стр. 311).

и рента, т. е. плюс совокупная прибавочная стоимость; она, следовательно, может возместить все эти элементы; постоянному же капиталу, примененному при производстве этих товаров, не соответствует никакая часть стоимости товарной массы, $v+m$ – такова по Смит формула стоимости всего капиталистического продукта. «Эти три части (заработная плата, прибыль и земельная рента), – говорит Смит, выясняя свой взгляд на примере зернового хлеба, – оказывается, составляют непосредственно или в последнем итоге всю цену зернового хлеба. Можно было бы, быть может, признать необходимым прибавить еще четвертую часть, чтобы возместить снашивание рабочего скота и орудий. Но следует принять во внимание, что цена какой бы то ни было принадлежности земледелия складывается опять-таки из тех же трех частей; так, например, цена рабочей лошади составляется, во-первых, из ренты на землю, на которой она выращена, во-вторых, из труда по уходу за ней и, в-третьих, из прибыли арендатора, который авансирует ренту с этой земли и плату за этот труд. Следовательно, если цена зернового хлеба содержит стоимость лошади, равно как и издержки по ее содержанию, то она все же косвенно или непосредственно распадается на три названные составные части: на земельную ренту, на труд и на прибыль на капитал»¹. Отсылая нас таким образом по выражению Маркса от Понтия к Пилату, Смит беспрестанно все снова и снова разлагает постоянный капитал на $v+m$. У Смита, конечно, были иногда сомнения, и он высказывал противоположные мнения. Во второй книге он говорит: «В первой книге показано, что цена большинства товаров распадается на три части, из коих одна идет на заработную плату, другая – на прибыль на капитал и третья – на земельную ренту, – на части, которые были затрачены на производство товара и на его доставку на рынок. Так как это справедливо по отношению ко всякому отдельно взятому товару, то это, как уже замечено, должно быть справедливо для всех товаров в их совокупности, составляющих весь годовой продукт земли и труда каждой страны. Вся цена или меновая стоимость этого годового дохода должна распадаться на те же три части и распределяться между различными обитателями страны или как плата за их труд, или как прибыль на их капитал, или как рента с их земли». Здесь Смит приходит в смущение и непосредственно после этого заявляет:

«Хотя совокупная стоимость названного годового дохода и распределяется подобным образом между разными жителями страны, образуя их доход, но мы в последнем точно так же, как и в ренте частного имения, должны отличать валовую ренту от чистой ренты».

«Валовая рента частного имения состоит из того, что уплачивает арендатор, чистая рента – из того, что остается у земельного собственника после вычета расходов по управлению, ремонту и проч., или из того, что он без вреда для своего имения может отнести к своему потребительскому запасу и израсходовать на стол, на семью, на украшение квартиры, на домашнюю утварь, на личные удовольствия»

¹ Adam Smith, *Natur und Ursachen des Volkswohlstandes*, немецкий перевод Левенталя, 2-е изд., стр. 53.

и развлечения. Его действительное богатство зависит не от его валовой ренты, а от его чистой ренты».

«Валовой доход всех обитателей большой страны включает в себе весь годовой продукт земли и труда, чистый доход – часть, остающуюся в их распоряжении за вычетом из валового дохода расходов по содержанию, во-первых, их основного капитала, во-вторых, оборотного капитала, или ту часть, которую они, не трогая своего капитала, могут отнести к своему потребительскому запасу или израсходовать на свое содержание, комфорт и удовольствия. Их действительное богатство тоже пропорционально не валовому, а чистому доходу»¹.

Но Смит вводит сюда часть стоимости совокупного продукта, соответствующую постоянному капиталу только для того, чтобы тотчас же устранить ее, разложивши ее на заработную плату, прибыль и ренту. И он в конце концов остается при своем объяснении:

«...Как машины, инструменты и пр., составляющие основной капитал отдельных людей или всей их совокупности, не представляют собой части валового чистого дохода, точно так же и деньги, при посредстве которых весь общественный доход распределяется равномерно между всеми членами общества, не представляют собой составной части этого дохода»².

Постоянный капитал [который называется у Смита основным (fixed), а в неуклюжем переводе Левенталя «прочноележащим» (festliegend)] ставится таким образом на одну ступень с деньгами; он вообще не входит в совокупный продукт общества (в его «валовой доход»); постоянный капитал и не существует как часть стоимости совокупного продукта!

Но так как даже король теряет свои права там, где ничего нет, то очевидно, что из обращения, из взаимного обмена частей составленного таким образом совокупного продукта можно добиться лишь реализации заработных плат (v) и прибавочной стоимости (m), но отнюдь не возместить постоянный капитал. Продолжение воспроизводства оказывается невозможным. Правда, Смит хорошо знал, и ему не приходило в голову отрицать, что каждый отдельный капиталист, кроме фонда заработной платы, т. е. переменного капитала, нуждается для производства еще в постоянном капитале. Но в приведенном выше анализе цен товаров постоянный капитал загадочным образом исчез бесследно для всего капиталистического производства, и проблема воспроизводства всего общественного капитала была тем самым совершенно запутана. Если самая элементарная предпосылка проблемы воспроизводства – анализ совокупного общественного капитала – потерпела фиаско, то ясно, что такая же судьба должна была постигнуть и весь анализ в целом. Ошибочную теорию Адама Смита переняли Рикардо, Сэй, Сисмонди и др., и все они при рассмотрении проблемы воспроизводства спотыкались на этом элементарном затруднении – на анализе совокупного капитала.

С самого начала научного анализа к этой трудности примешивалась другая. Что такое совокупный капитал общества? Применитель-

¹ Л. с., стр. 291-292.

² Л. с., стр. 95.

но к отдельному капиталисту дело ясно: его затраты на предприятие составляют его капитал. Стоимость его продукта, – предполагая капиталистический способ производства и, следовательно, наемный труд, – приносит ему, кроме всех его издержек, еще некоторый излишек, прибавочную стоимость, которая является не возмещением, его капитала, а чистым доходом, и которую он может потребить целиком без ущерба для своего капитала; она, таким образом, является его потребительным фондом. Капиталист может, конечно, «сберечь» часть этого чистого дохода, он может, не израсходовав ее на личное потребление, присоединить ее к капиталу, но это уже нечто другое, – это новый процесс, образование нового капитала, который вместе с соответствующим излишком также возмещается из последующего воспроизводства. Но во всех случаях капитал отдельного лица представляет собой то, что ему нужно было для производства в качестве аванса для предприятия, а доход – то, что он израсходовал или мог израсходовать как фонд потребления. Если мы обратимся к капиталисту и спросим его, что такое заработная плата, которую он уплачивает своим рабочим, то он ответит, что это, очевидно, часть капитала его предприятия. Но если мы спросим, что представляет собой эта заработная плата для рабочих, получивших ее, то ответ отнюдь не будет гласить, что это – капитал, ибо для рабочих полученная ими заработная плата представляет собой не капитал, а доход, фонд потребления. Возьмем другой пример. Собственник машиностроительного завода производит машины; его ежегодный продукт складывается из известного количества машин. В этом годовом продукте, в его стоимости, заключен как авансированный капитал, так и добытый чистый доход. Одна часть произведенных в его предприятии машин вследствие этого представляет его доход и предназначена реализовать этот доход в процессе обращения, в обмене. Но тот, кто покупает у нашего заводчика его машины, покупает их, очевидно, не как доход и не для того, чтобы потребить их, а для того, чтобы применить их как средства производства; для него эти машины являются капиталом.

Эти примеры приводят нас к следующему выводу: то, что для одного является капиталом, является для другого доходом, и наоборот. Как же при данных обстоятельствах может быть конструирован совокупный капитал общества? На деле почти вся научная экономия до Маркса пришла к заключению, что совокупного общественного капитала вовсе не существует¹. У Смита точно также, как и у Рикардо, мы находим еще в этом вопросе колебания и противоречия. Какой-нибудь Сэй заявляет уже категорически:

«Таким образом происходит распределение в обществе совокупной стоимости продуктов. Я говорю с о в о к у п н о й стоимости, ибо, если моя прибыль представляет лишь часть стоимости продукта, в производстве которого я принимал участие, то остальная часть образует прибыль моих сопроизводителей. Суконный фабрикант покупает у фермера шерсть, он выплачивает заработную плату разного рода рабочим и продает полученное таким образом сукно по цене,

¹ О Родбертусе с его специфическим понятием «национальный капитал» см. ниже – во втором отделе.

которая возвращает ему издержки и оставляет некоторую прибыль. Как прибыль, как фонд дохода его предприятия, он рассматривает только то, что у него после вычета его издержек остается в виде чистого дохода. Но эти издержки были не чем иным, как авансами, которые он дает другим производителям разных частей дохода и которые он возмещает себе из валовой стоимости сукна. То, что он заплатил фермеру за шерсть, было доходом сельского хозяина, его пастухов и собственника арендуемого имения. Своим ч и с т ы м п р о д у к т о м арендатор считает только то, что у него остается после расчета с рабочими и с собственником арендуемой им земли, но то, что он уплатил им, является частью их дохода: для рабочих это была заработная плата, а для землевладельца – арендная плата; следовательно, для одного это был доход от его труда, для другого доход от его земли. И стоимость сукна все это возместила. Нельзя себе представить ни одной части стоимости этого сукна, которая не служила бы для того, чтобы оплатить чей-нибудь доход. Вся стоимость сукна исчерпывается именно таким образом.

Отсюда видно, что выражение ч и с т ы й п р о д у к т приложимо только к отдельному предпринимателю, но что доход отдельных лиц, взятых вместе, или доход общества равняется национальному с ы р о м у п р о д у к т у земли, капиталов и индустрии (Сэй называет так труд). Это разрушает (guine) систему экономистов восемнадцатого века (физиократов), которые считали доходом общества только чистый продукт земли и выводили отсюда, что общество может потребить лишь стоимость, соответствующую этому чистому продукту, как будто бы общество не могло потребить всю созданную им стоимость»¹.

Сэй обосновывает эту теорию характерным образом. В то время как А д а м С м и т пытался доказать свою теорию тем, что он переносил каждый частный капитал на место его производства, чтобы представить его только как продукт труда, и понимал всякий продукт труда строго капиталистически, как сумму оплаченного и неоплаченного труда, как $v+m$, и таким образом приходил в конце концов к разложению всего продукта общества на $v+m$, – Сэй, конечно, ничтоже сумняшеся, спешит перевести эти классические ошибки на язык плоской вульгарщины. Ход доказательства Сэя покоится на том, что предприниматель на любой стадии производства п л а т и т за средства производства (которые д л я н е г о являются капиталом) другим лицам, именно представителям предыдущих стадий производства, и что эти лица, со своей стороны, часть этой платы оставляют в собственном кармане как доход, а часть ее употребляют для возмещения издержек, которые они сами авансировали для того, чтобы оплатить доход еще других лиц. Смитовская бесконечная цепь процессов труда превращается у Сэя в бесконечную цепь взаимных авансов дохода и их возвращения благодаря продаже; даже рабочий выступает здесь как лицо, находящееся в совершенно одинаковом положении с предпринима-

¹ I. B. Say, Traite d'Economie Politique, Livre second, Chap. V, 8-eme ed., Paris, 1876, стр. 376.

телем: в виде заработной платы ему «авансируется» его доход, который он оплачивает выполненной работой. Таким образом окончательная стоимость совокупного общественного продукта представляется как сумма, состоящая исключительно только из «авансированных» доходов; она целиком уходит на то, чтобы в процессе обмена возместить все авансы. Для поверхностности Сэя характерно, что он демонстрирует общественные связи капиталистического воспроизводства на примере производства часов, – на отрасли в ту пору (а отчасти еще и теперь) чисто мануфактурной, – в котором «рабочие» фигурируют и как мелкие предприниматели, а процесс производства прибавочной стоимости маскируется последовательными меновыми актами простого товарного производства.

Таким путем Сэй приводит внесенную Смитом путаницу к самому грубому выражению: вся производимая ежегодно обществом масса продуктов входит своей стоимостью только в доход; она, следовательно, ежегодно целиком потребляется. Возобновление производства без капитала, без средств производства, выступает как загадка, а капиталистическое воспроизводство – как неразрешимая проблема.

Если оценить сдвиг, который претерпела проблема воспроизводства от физиократов до Адама Смита, то нельзя не признать, что она отчасти подвинулась вперед, но отчасти сделала и шаг назад. Для экономической системы физиократов было характерно предположение, что только сельское хозяйство создает излишек, т. е. прибавочную стоимость, что земледельческий труд является единственным – в капиталистическом смысле – производительным трудом. Соответственно этому мы видим в «Tableau economique», что «стерильный» класс мануфактурных рабочих создает лишь стоимость тех двух миллиардов, которые он потребляет в виде сырых материалов и средств существования. Соответственно этому же все мануфактурные товары переходят наполовину к классу арендаторов, а наполовину к классу земельных собственников, в то время как сам мануфактурный класс вовсе не потребляет собственных продуктов. Таким образом мануфактурный класс в своей товарной стоимости воспроизводит, собственно говоря, только потребленный оборотный капитал; дохода класса предпринимателей здесь вовсе не создается. Единственный доход общества сверх всех капитальных затрат, выступающий в обращение, создается в сельском хозяйстве и в виде земельной ренты потребляется земельными собственниками, в то время как класс арендаторов (фермеров) только возмещает свой капитал: 1 миллиард процентов на основной капитал и 2 миллиарда оборотного капитала, который во всех своих материальных частях состоит на две трети из сырых материалов и средств существования и на одну треть из продуктов мануфактур. Далее обращает на себя внимание то обстоятельство, что Кенэ допускает существование основного капитала, – который он, в отличие от *avances annuelles*, называет *avances primitives*, – вообще только в сельском хозяйстве. Мануфактура у него работает, повидимому, без всякого основного капитала, только с ежегодно оборачивающимся оборотным капиталом; соответственно этому она в своей годовой товарной массе совершенно не создает части стоимости для возмещения изна-

шивания основного капитала (как построек, орудий производства и так далее)¹.

По сравнению с этими очевидными недостатками английская классическая школа делает решительный шаг вперед прежде всего тем, что она объявляет в с я к и й род труда производительным, т. е. тем, что она открывает создание прибавочной стоимости как в мануфактуре, так и в сельском хозяйстве. Мы говорим: английская классическая школа, потому что даже Адам Смит в этом отношении, несмотря на ясность и определенность своих заявлений в указанном смысле, при случае сам преспокойно возвращается к физиократическим воззрениям; лишь у Рикардо теория трудовой стоимости получает то высшее и последовательнейшее развитие, какого она только могла достигнуть в рамках буржуазного понимания. А отсюда получился вывод, что мы в мануфактурной части всего общественного производства должны точно так же, как и в сельском хозяйстве, допустить ежегодное производство некоторого излишка над всеми затратами капитала – некоторого чистого дохода, т. е. прибавочной стоимости². С другой стороны, Смит, благодаря открытию производительного свойства – свойства создавать прибавочную стоимость – в л ю б о г о рода труде – в мануфактуре или в сельском хозяйстве, безразлично, – пришел к тому, что сельскохозяйственный труд, помимо земельной ренты для класса земельных собственников, должен еще производить и для класса арендаторов излишек над всеми затратами капитала. Так рядом с возмещением капитала возник и ежегодный доход класса арендаторов³. Наконец,

¹ Впрочем, надо заметить, что Мирабо в своих «Explications» к «Tableau» отчетливо упоминает об основном капитале стерильного класса. «Les avances primitives de cette classe pour etablissement de manufactures, pour instruments, machines, moulins, forges et autres usines... 2.000.000.000 l». («Tableau Economique avec ses explications». Mille sept cent soixante, стр. 82). В своем крайне путанном наброске самого «Tableau» Мирабо, конечно, тоже не принимает в расчет этого основного капитала стерильного класса.

² Впрочем и Смит дает этому общую формулировку: «Стоимость (а не «прибавочная стоимость», как произвольно переводит г-н Левенталь), которую рабочие прибавляют к обрабатываемым материалам, при этом, стало быть, распадается на две части: на часть, которая покрывает их заработную плату, и на часть, которая представляет собой прибыль их работодателя на весь капитал, авансированный на материалы и на заработную плату» (А. Смит, I. с., стр. 51. В подлиннике: «The value which the workmen add to the materials, therefore, resolves itself in this case into two parts, of which the one pays their wages, the other the profits of their employer upon the whole stock of materials and wages which he advanced». (Wealth of Nations, ed. Mc Culloch, 1828, т. 1, стр. 83). Во втором томе в главе III он специально о промышленном труде говорит:

«Труд фабричного рабочего (прибавляет) к стоимости обрабатываемых им сырых материалов стоимость его собственного содержания и прибыли его хозяина; напротив, труд слуги не прибавляет никакой новой стоимости. Хотя фабричный рабочий и получает заработную плату от своего хозяина в виде аванса, но он в действительности не вводит последнего в издержки, потому что он повышенной стоимостью выработанных предметов обыкновенно возмещает ему эти издержки с прибавлением некоторой прибыли». (I. с., стр. 341.)

³ «Наемные рабочие, занятые сельскохозяйственным трудом..., таким образом воспроизводят не только стоимость, равную их собственному потреблению или приводимому ими в движение капиталу вместе с прибылью капиталистов – как это делает фабричный рабочий, – но стоимость гораздо большую. Кроме капитала арендатора вместе со всей его прибылью они регулярно воспроизводят также ренту для земельного собственника». (I. с., стр. 377.)

Смит путем систематической разработки введенных Кенэ понятий *avances primitives* и *avances annuelles* под рубрикой основного и оборотного капитала между прочим выяснил, что мануфактурная часть общественного производства точно так же, как и сельское хозяйство, нуждается, помимо оборотного капитала, еще в основном капитале, а следовательно, и в соответствующей части стоимости для возмещения изнашивания этого капитала. Таким образом Смит шел прямо к тому, чтобы привести в систему понятия капитал и общественный доход и дать им точное определение. Достигнутый им в этом отношении апогей ясности выражается в следующей формулировке:

«Хотя весь годовой продукт земли и труда любой страны в последнем счете, несомненно, предназначен для потребления ее жителей и для того, чтобы доставлять этим последним доход, но лишь только он отделяется от земли, которая его произвела, или выходит из рук производительных рабочих, как он естественно распадается на две части. Одна из этих частей – и часто наибольшая – предназначена прежде всего для восстановления капитала или для возобновления средств существования, сырых материалов и готовых товаров, взятых из капитала; другая часть предназначена образовывать доход или для собственника этого капитала как его прибыль, или для кого-нибудь другого как его земельная рента¹.

Валовой доход всех обитателей большой страны включает в себе весь годовой продукт земли и труда; чистый доход – часть, остающуюся в их распоряжении за вычетом из валового дохода расходов по содержанию, во-первых, их основного капитала, во-вторых, их оборотного капитала; или ту часть, которую они, не трогая своего капитала, могут отнести к своему потребительскому запасу или израсходовать на свое содержание, комфорт и удовольствия. Их действительное богатство тоже пропорционально не их валовому, а чистому доходу»².

Понятия общественного капитала и дохода выступают здесь в общей и более строгой формулировке, чем в «*Tableau economique*»; понятие общественный доход уже не связывается исключительно с сельским хозяйством; капитал в его двух формах – в форме основного и оборотного капиталов – становится основой всего общественного производства. Вместо чреватого ошибками разграничения между двумя отраслями производства, между сельским хозяйством и мануфактурой, здесь выдвигаются на первый план другие категории функционального значения; различие между капиталом и доходом и, далее, между основным и оборотным капиталом. Отсюда Смит переходит к анализу взаимоотношений и превращений этих категорий в их общественном движении: в производстве и в обращении,

¹ L. c., I, стр. 342. Правда, в следующем за этим предложении Смит превращает капитал целиком в заработную плату, в переменный капитал: «That part of the annual produce of the land and labour of any country which replaces a capital, never is immediately employed to maintain any but productive hands. It pays the wages of productive labour only. That which is immediately destined for constituting a revenue, either as profit or des cent, may maitain indifferently either productive or unproductive hands». (Ed. Mc Culloch, т. II, стр. 98).

² L. c., стр. 292.

т. е. в их общественном процессе воспроизводства. Он отмечает коренное различие между основным и оборотным капиталом с общественной точки зрения: «Все затраты на поддержание основного капитала, очевидно, подлежат исключению из чистого дохода общества. В этот доход не могут входить в качестве составных частей ни сырые материалы, необходимые для содержания в надлежащем виде его полезных машин, промышленных орудий, строений и т. д., ни продукт труда, который требуется для превращения этих сырых материалов в надлежащую форму. Цена этого труда, конечно, будет составлять часть совокупного чистого дохода, так как рабочие, занятые в этой области, могут свою заработную плату вложить в запас, предназначенный для их непосредственного потребления. Но в других областях труда в этот фонд потребления входит как цена, так и продукт; его цена входит в фонд потребления рабочего, а его продукт – в соответствующий фонд других лиц, жизненные средства, комфорт и удовольствия которых повышаются благодаря труду этих рабочих»¹.

Здесь Смит наталкивается на важнейшее различие между рабочими, производящими средства производства, и рабочими, производящими средства потребления. Относительно первых он замечает, что та составная часть стоимости, которую они создают для возмещения их заработной платы, появляется на свет в виде средств производства (как сырье, машины и пр.), т. е. что часть продукта, составляющая доход рабочего, существует в такой натуральной форме, которая никак не может служить для потребления. Что касается последней категории рабочих, то Смит замечает, что здесь, напротив того, совокупный продукт, следовательно, как содержащаяся в нем часть стоимости, которая возмещает заработную плату (доход) рабочих, так и остальная часть (Смит этого не высказывает, но по смыслу его вывод должен гласить следующее: так и часть, представляющая потребленный основной капитал) выступает в виде средств потребления. Мы увидим дальше, насколько близко подошел здесь Смит к тому исходному положению, с которого Маркс начал анализ проблемы. Однако общее заключение, при котором остался сам Смит, не проследив далее основного вопроса, таково: все то, что предназначено для содержания и возобновления основного капитала общества, нельзя считать чистым доходом последнего.

Другое дело – оборотный капитал.

«Если таким образом все расходы по содержанию основного капитала по необходимости исключаются из чистого дохода общества, то этого однако нельзя сказать об оборотном капитале. Из четырех составных частей оборотного капитала – денег, средств существования, сырых материалов и готовых товаров – три последние части, как уже указано, регулярно извлекаются из него и приобщаются либо к основному капиталу, либо к запасу общества, предназначенному для непосредственного потребления. Та часть этих годных для потребления товаров, которая не обращается на содержание основного капитала, присоединяется к запасу, предназначенному для потребления, и образует часть чистого дохода общества. Следова-

¹ Л. с., I, стр. 292.

тельно, содержание этих трех составных частей оборотного капитала отнимает от чистого дохода общества лишь столько, сколько необходимо взять из ежегодного дохода для содержания основного капитала»¹.

Итак Смит объединил здесь под категорией оборотного капитала попросту все, кроме приложенного уже постоянного капитала, – следовательно, как средства существования и сырые материалы, так и весь не реализованный еще товарный капитал (сюда вошли, стало быть, отчасти вторично те же средства существования и сырые материалы и отчасти товары, которые соответственно своей вещественной форме предназначены для возмещения основного капитала), – и сделал понятие оборотного капитала двусмысленным и неопределенным. Но среди этой путаницы он проводит дальнейшее очень важное различие:

«Оборотный капитал общества в этом отношении отличается от оборотного капитала отдельного лица. Оборотный капитал последнего ни в коем случае не является частью его чистого дохода, который должен происходить исключительно только из прибыли. Но хотя оборотный капитал каждого отдельного лица составляет часть оборотного капитала общества, к которому это лицо принадлежит, однако он отнюдь не безусловно исключается из чистого дохода этого общества».

Смит разъясняет сказанное следующим примером:

«Хотя все товары в лавке торговца отнюдь не могут быть отнесены к запасу, предназначенному для его собственного непосредственного потребления, тем не менее они могут входить в потребительный фонд других людей, которые доходами, полученными иными путями, регулярно возмещают торговцу стоимость его товаров вместе с его прибылью, так что это не влечет за собой уменьшения ни его, ни их капитала»².

Смит вывел здесь фундаментальные категории по отношению к воспроизводству и движению всего общественного капитала. Основной и оборотный капитал, частный капитал и общественный капитал, частный доход и общественный доход, средства производства и средства потребления выдвигаются здесь как важные категории и отчасти намечены в их действительном, объективном перекрещивании, отчасти же тонут в субъективных теоретических противоречиях смитовского анализа. Сжатая, строгая и классически ясная схема физиократов превращена здесь в грудку понятий и соотношений, которые на первый взгляд представляют собой хаос. Но из этого хаоса выступают уже наполовину новые связи общественного процесса воспроизводства, схваченные глубже, современнее и жизненнее, чем у Кенэ, но они остаются в этом хаосе незаконченными, подобно рабу Микель Анджело в глыбе мрамора.

Это то, что Смит вносит в проблему. Но он в то же время берет за нее совсем с другой стороны – со стороны анализа стоимости. Как раз теория о способности всякого труда создавать стоимость – теория, вышедшая за пределы физиократических представлений, -

¹ Л. с., I, стр. 294

² Л. с., I, стр. 294.

равно как строгое капиталистическое разграничение всякого труда на труд оплаченный (возмещающий заработную плату) и неоплаченный (создающий прибавочную стоимость) и, наконец, строгое разделение прибавочной стоимости на ее две главные категории: на прибыль и земельную ренту, – все эти положения, являющиеся прогрессом по отношению к физиократическому анализу, привели Смита к тому странному утверждению, согласно которому цена всякого товара состоит из заработной платы плюс прибыль, плюс земельная рента или, короче, в символах Маркса, из $v+m$. Отсюда вытекало, что совокупность ежегодно производимых обществом товаров по своей общей стоимости распадается без остатка на две части: на заработную плату и прибавочную стоимость. Категория капитала здесь внезапно совершенно исчезла; общество не производит ничего, кроме дохода, ничего, кроме средств потребления, которые целиком и потребляются обществом. Воспроизводство без капитала становится загадкой, а анализ проблемы в целом делает огромный шаг назад по сравнению с физиократами.

Последователи Смита берутся за его двойственную теорию как раз с ее неправильной стороны. В то время как серьезные попытки к точной постановке проблемы, которые он делает во второй книге, вплоть до Маркса никем не затрагивались, данный им в первой книге неправильный в своей основе анализ цен большинством его последователей был превознесен в виде драгоценного наследия и принят без критики, как у Р и к а р д о, или закреплен в виде плоской догмы, как у Сэя. Там, где у Смита были чудотворные сомнения и будящие мысль противоречия, у Сэя выступила высокомерная самоуверенность вульгаризатора. Смитовское наблюдение, согласно которому то, что для одного является капиталом, может быть для другого доходом, для Сэя становится основанием, чтобы вообще объявить абсурдом всякое различие между капиталом и доходом в общественном масштабе. Напротив того, абсурдное положение, по которому вся стоимость годового производства входит единственно только в доходы и потребляется, Сэй возводит в дозу абсолютной значимости. Так как общество таким образом потребляет ежегодно без остатка весь продукт, то общественное воспроизводство, которое начинается при этом без средств производства, обращается в ежегодное повторение библейского чуда – сотворения мира из ничего. В таком положении проблема воспроизводства оставалась до Маркса.

Глава третья

КРИТИКА СМИТОВСКОГО АНАЛИЗА

Резюмируем выводы, к которым привел смитовский анализ. Они могут быть выражены в следующих положениях:

1. Существует основной капитал общества, который ни одной своей частью не входит в чистый доход последнего. Этот основной капитал образуют «сырые материалы, при помощи которых должны содержаться в исправности полезные машины, и промышленные ору-

дия», и «продукт труда, который требуется для превращения этих сырых материалов в надлежащий вид». Смит еще резко противопоставляет производство этого основного капитала производству непосредственных средств существования, как особую категорию. Этим самым он фактически превращает основной капитал в то, что Маркс называет постоянным, т. е. в часть капитала, которая в противоположность рабочей силе состоит из вещественных средств производства.

2. Существует оборотный капитал общества. Но после выделения из него «основного» (читай: постоянного) капитала остается лишь категория средств существования, которая однако образует для общества не капитал, а чистый доход, фонд потребления.

3. Капитал и чистый доход отдельных лиц не совпадают с капиталом и чистым доходом общества. То, что для общества является только основным (читай: постоянным) капиталом, для отдельных лиц может быть не капиталом, а доходом, фондом потребления, именно в тех частях стоимости основного капитала, которые представляют собою заработную плату и прибыль капиталистов. Наоборот, оборотный капитал отдельных лиц может быть для общества доходом, а не капиталом, именно поскольку он представляет средства существования.

4. Производимый ежегодно совокупный общественный продукт вообще не содержит в своей стоимости ни атома капитала, а целиком распадается на три вида дохода: на заработную плату, прибыль на капитал и земельную ренту.

Тот, кто из приведенных здесь фрагментов мысли пожелал бы составить себе картину годового воспроизводства всего общественного капитала и его механизма, должен был бы отчаяться в этой задаче. Как общественный капитал при всем этом ежегодно обновляется, как потребление всех гарантируется доходом и как совместить с этим точки зрения отдельных лиц на их капитал и доход, – все это еще бесконечно далеко от разрешения. Но нужно себе представить всю путаницу идей и всю массу противоречивых точек зрения, чтобы судить о том, сколько света внес впервые Маркс в эту проблему.

Если мы начнем с последнего догмата Адама Смита, то этого одного достаточно, чтобы проблема воспроизводства в классической политической экономии потерпела крушение. Корень странного смитовского представления, согласно которому стоимость всего продукта общества должна без остатка распадаться исключительно на заработную плату, прибыль и земельную ренту, покоится как раз на его своеобразном научном понимании теории стоимости. Труд – источник всякой стоимости. Всякий товар, рассматриваемый как стоимость, является продуктом труда, и только. Но всякий выполненный труд, как труд наемный, – это отождествление человеческого труда с капиталистическим наемным трудом как раз является у Смита классическим, – в то же время представляет собой возмещение затраченных заработных плат плюс излишек от неоплаченного труда в виде прибыли капиталистов и ренты земельных собственников. То, что верно для отдельного товара, должно быть верно и для всех товаров, взятых вместе. Вся товарная масса, которая ежегодно производится обществом как некоторое количество

стоимости, является продуктом труда, и притом как оплаченного, так и неоплаченного; она, стало быть, тоже распадается только на заработную плату, прибыль и земельную ренту. Конечно, при всякой работе принимаются еще во внимание сырые материалы, орудия и т. д. Однако что же такое эти сырые материалы и орудия, как не продукты труда, и притом опять-таки труда отчасти оплаченного и отчасти неоплаченного? Мы можем до бесконечности продолжать цепь смитовских рассуждений и как угодно поворачивать вопрос, но мы в стоимости и в цене любого товара не найдем ничего такого, что не было бы просто человеческим трудом. Но всякий труд распадается на часть, которая возмещает заработные платы, и на другую часть, которая, идет капиталистам и земельным собственникам. Нет ничего, кроме заработной платы и прибыли, но есть все же капитал – капитал отдельных лиц и капитал общества. Итак, как выйти из этого явного противоречия? Что здесь действительно был налицо крайне сложный теоретический вопрос, доказывает тот факт, что сам Маркс, – как это можно проследить по его «Теориям прибавочной стоимости», ч. I, стр. 179-252, – долгое время вникал в сущность проблемы, не подвигаясь вперед и не находя ее решения. Но решение проблемы все же блестяще ему удалось, именно на основе его теории стоимости. Смит был вполне прав: стоимость всякого товара, взятого в отдельности, или всех товаров в их совокупности представляет собой не что иное, как труд. Он был прав и далее, когда он говорил: всякий труд (рассматриваемый капиталистически) распадается на труд оплаченный (возмещающий заработные платы) и неоплаченный (который в виде прибавочной стоимости переходит к разным классам, владеющим орудиями производства). Но он забыл или, скорее, упустил из виду, что труд наряду со способностью создавать новую стоимость, обладает еще способностью переносить на новый товар, произведенный при помощи средств производства, старую стоимость, воплощенную в последних. Десятичасовой рабочий день пекаря не может создавать стоимость большую, чем 10 часов, и эти 10 часов капиталистически распадаются на оплаченные и на неоплаченные, на $v+m$. Но произведенный в эти 10 часов товар будет представлять собой стоимость большую, чем стоимость десятичасовой работы. Он будет содержать в себе еще стоимость муки, использованной печи, построек, топлива и т. д., словом, всех средств производства, необходимых для печения хлеба. Стоимость товара можно было бы представить просто как $v+m$ только при том условии, если бы человек работал в пустом пространстве, без сырых материалов, без рабочих инструментов и без мастерской. Но так как всякий материальный труд предполагает какие-нибудь средства производства, которые являются продуктом прошлого труда, то он должен этот прошлый труд, т. е. стоимость, созданную до него, перенести на новый продукт.

Здесь идет речь не о явлении, имеющем место лишь в капиталистическом производстве, но об общих основах человеческого труда, независимых от исторической формы общества. Оперирование с искусственными орудиями труда является основным культурно-историческим признаком человеческого общества. Понятие прошлого труда, который предшествует всякому новому труду и подготовляет

для него операционный базис, выражает культурно-историческую связь между человеком и природой, непрерывную цепь друг друга поглощающих трудовых усилий человеческого общества, – цепь с началом, которое теряется в ранних сумерках общественного бытия человека, и с концом, который может быть достигнут только с гибелью всего культурного человечества. Мы должны таким образом всякий человеческий труд представлять себе совершающимся при помощи средств труда, которые сами являются продуктами прошлого труда. Стало быть, во всяком новом продукте воплощен не только новый труд, который придал ему его последнюю форму, но и прошлый труд, который доставил для него материал, орудия труда и т. д. В производстве стоимостей, т. е. в товарном производстве, к которому принадлежит и производство капиталистическое, это явление не исчезает, оно получает только специфическое выражение. Оно выражается в двойственном характере производящего товары труда, который, с одной стороны, как полезный конкретный труд какого-нибудь определенного вида, создает полезную вещь – потребительную стоимость, а с другой стороны, как абстрактный, всеобщий и общественно-необходимый труд, – создает стоимость. Как конкретный труд, он делает то, что всегда делал человеческий труд: он переносит на новый продукт прошлый труд, воплощенный в использованных средствах производства, причем этот прошлый труд выступает теперь как стоимость – как старая стоимость. Как труд абстрактный, он создает новую стоимость, которая капиталистически распадается на оплаченный и не оплаченный труд, на $v+m$. Следовательно, стоимость всякого товара должна содержать как старую стоимость, которую труд в своем качестве полезного, конкретного труда переносит со средств производства на товар, так и новую стоимость, которую создает тот же труд в своем качестве общественно-полезного труда самым фактом своего расходования в продолжение определенного времени. Этого различия Смит провести не мог, потому что он не различал двойственного характера труда, создающего стоимость. Маркс в одном месте думает, что в этой фундаментальной ошибке смитовской теории стоимости следует даже усматривать истинный и глубочайший источник его странного догмата о распадении всей произведенной массы стоимости без остатка на $v+m$ ¹. Игнорирование различия между обеими сторонами труда, создающего товары, – между трудом конкретным, полезным, и абстрактным общественно-необходимым трудом, – является фактически отличительным признаком не только смитовской теории стоимости, но и теории стоимости всей классической школы.

Не задумываясь над всеми социальными выводами, классическая экономия признала человеческий труд единственным фактором, создающим стоимость; она развила эту теорию до той степени ясности, которую мы находим в изложении Рикардо. Но коренная разница между рикардовской и марксовской теориями трудовой стоимости – разница, которую не сумели оценить буржуазные экономисты и которая почти всегда оставляется без внимания в популяризациях учения Маркса, – заключается в том, что Рикардо, соответственно

¹ «Капитал», т. II, стр. 362.

своему общему естественно-правовому пониманию буржуазного хозяйства, считал и создание стоимости естественным свойством человеческого труда, индивидуального конкретного труда отдельного человека.

Это понимание выступает еще резче у Адама Смита, который, например, «склонность к обмену» прямо объявил особенностью человеческой природы, после того как он раньше тщетно искал ее у животных, например, у собак и др.

Впрочем если Смит и сомневался насчет «склонности к обмену» у животных, то он все же приписывает труду животного наравне с трудом человека свойство создавать стоимость, он делает это там, где он изредка возвращается к физиократической концепции:

«Никакой другой капитал одинаковой величины не приводит в движение большее количество производительного труда, чем Капитал фермера. Не только его рабочая прислуга, но и его рабочий скот состоит из производительных работников... Итак, занятые в земледелии рабочие и рабочий скот не только воспроизводят стоимость, равную их собственному потреблению, или капиталу, дающему им занятия, вместе с прибылью капиталиста, как это делают фабричные рабочие: они воспроизводят гораздо большую стоимость. Сверх капитала арендатора и всей его прибыли они регулярно воспроизводят еще и ренту для земледельца»¹.

Здесь находит наиболее резкое выражение тот факт, что Смит прямо считал создание стоимости физиологическим свойством труда как проявления животного организма человека. Точно так же как паук производит из своего тела паутину, так создает стоимость работающий человек, – всякий человек, который создает полезные вещи, – потому что работающий человек с самого начала является товаропроизводителем, как человеческое общество от природы является обществом, покоящимся на обмене, а товарное хозяйство – нормальной формой человеческого хозяйства.

Лишь Маркс впервые увидел в стоимости особое общественное отношение, возникающее при определенных исторических условиях; он пришел вследствие этого к разграничению между обеими сторонами труда, создающего товар: между конкретным, индивидуальным и безразличным общественным трудом – к разграничению, благодаря которому решение денежной загадки бросилось в глаза, как при свете ослепительного фонаря.

Чтобы этим путем в пределах буржуазного хозяйства с т а т и ч е с к и различить двойственный характер труда работающего человека и создающего стоимость товаропроизводителя, Маркс должен был сперва д и н а м и ч е с к и, в исторической последовательности, провести разницу между товаропроизводителем и просто работающим человеком; это значит, что он должен был признать товарное производство лишь определенной исторической формой общественного производства. Словом, чтобы разгадать иероглифы капиталистического хозяйства, Маркс должен был приступить к исследованию с д е д у к ц и е й, противоположной дедукции классиков; вместо того, чтобы рассматривать буржуазный способ производства

¹ А. Смит, I. с., т. I, стр. 376.

как нечто отвечающее нормальной природе человека, он должен был бы понять его как явление исторически преходящее; метафизическую дедукцию классиков он должен был превратить в ее противоположность, в дедукцию диалектическую¹.

Этим самым сказано, что Смит не мог провести ясное различие между обеими сторонами труда, создающего стоимость, поскольку последний, с одной стороны, переносит старую стоимость средств производства на новый продукт и, с другой стороны, в то же время создает новую стоимость. Нам кажется однако, что его догмат о распадении совокупной стоимости на $v+m$ вытекает еще из другого источника. Нельзя допустить, чтобы Смит упустил из виду тот факт, что всякий произведенный товар содержит не только стоимость, созданную при его непосредственном производстве, но и стоимость всех средств производства, использованных при его изготовлении. Как раз тем, что он для безостаточного разложения совокупной стоимости на $v+m$ все время отсылает нас от данной стадии производства к предыдущей – от Понтия к Пилату, как выражается Маркс, – он доказывает, что он сам хорошо сознавал этот факт. Замечательно при этом только то, что он и старую стоимость средств производства разлагает на $v+m$ и в конце концов сводит таким образом всю стоимость, содержащуюся в товаре, к этой формуле.

Так, в цитированном уже нами месте относительно цены хлеба он говорит: «Часть цены зерна, например, оплачивает ренту землевладельца, другая часть оплачивает заработную плату или содержание рабочих и содержание рабочего скота, а третья часть оплачивает прибыль фермера. Эти три части, как кажется, или непосредственно, или в конечном счете составляют всю цену зерна. Необходима, повидимому, и четвертая часть, чтобы возместить капитал арендатора или чтобы возместить снашивание его рабочего скота и других сельскохозяйственных принадлежностей. Но следует принять во внимание, что цена какой бы то ни было принадлежности земледелия, например, цена рабочей лошади, в свою очередь, слагается из трех частей: во-первых, из ренты на землю, на которой она выращена, во-вторых, из труда по уходу за лошадью и, в-третьих, из прибыли фермера, который авансирует и ренту с этой земли, и плату за этот труд. Поэтому, хотя цена зерна и может возместить как цену, так и издержки по содержанию лошади, все же цена непосредственно или в конечном счете целиком разлагается на те же три части: земельную ренту, труд и прибыль».

Что спутало Смита, так это, как нам кажется, следующее:

1. Всякая работа совершается с какими-нибудь средствами производства, но то, что для данной работы было средствами производства (сырым материалом, орудием и т. д.), само является продуктом прежнего труда. Для пекаря мука является средством производства, к которому он присоединяет новый труд, но мука сама произошла от труда мельника, где она была не средством производства, а продуктом, каковым является теперь выпеченный хлеб. Для этого продукта необходимо было зерно как средство производства, но если мы спустимся ступенью ниже, то окажется, что для крестья-

¹ R. Luxemburg, Die Neue Zeit, XVIII, II т., стр. 184.

нина зерно было не средством производства, а продуктом. Нельзя найти средства производства, содержащего стоимость, которое само не было бы продуктом прежнего труда.

2. Выражаясь капиталистически, отсюда следует, что всякий капитал, который был потреблен для производства товара от начала до конца, можно в конце концов представить как известное количество выполняемого труда.

3. Вся стоимость товара, включая и затраты капитала, представляется таким образом просто как определенное количество труда. И то, что относится к каждому отдельному товару, должно иметь место и по отношению ко всей массе товаров, ежегодно производимой обществом: ее стоимость тоже представляется в виде определенное количества выполненного труда.

4. Всякий капиталистически выполненный труд распадается на две части: на труд оплаченный, который возмещает заработную плату, и на труд неоплаченный, который создает прибыль и ренту, т. е. прибавочную стоимость. Всякому капиталистически выполненному труду соответствует формула $v+m$ ¹.

Все приведенные до сих пор тезисы совершенно правильны и неоспоримы, и если они были постигнуты Смитом, то это свидетельствует о силе и последовательности его научного анализа, а также о том, что он в теории стоимости и прибавочной стоимости пошел дальше физиократов. Но он иногда сильно грешит в отношении третьего тезиса, умозаключая, что вся стоимость ежегодно производимой массы товаров представляется как количество труда, выполненного в э т о м г о д у, в то время как он сам в других местах показывает, что ему хорошо известно, что стоимость товара, произведенного нацией за данный год, необходимо включает и труд прежних лет, именно труд, заключенный в перешедших от прежних лет средствах производства.

И тем не менее смитовский вывод, что вся стоимость любого товара, равно как и годовой товарной массы общества, распадается без остатка на $v+m$, – вывод, сделанный на основании вышеприведенных четырех совершенно правильных тезисов, должен быть признан ошибочным. Правильный тезис, согласно которому вся стоимость товара представляет только общественный труд, Смит отождествляет с другим тезисом, по которому вся стоимость товара представляет только $v+m$. Формула $v+m$ выражает функцию живого труда при капиталистических хозяйственных отношениях, именно его двойственную функцию: во-первых, возмещение переменного капитала (заработной платы) и, во-вторых, создание прибавочной стоимости для капиталиста. Эту функцию наемный труд выполняет во время применения его капиталистом, а капиталист, реализуя товарную стоимость в деньгах, извлекает обратно авансированный на заработную плату переменный капитал и кладет себе в карман прибавочную стоимость; $v+m$ выражает, следовательно, от-

¹ Мы оставляем здесь без внимания, что у Смита проскальзывает и противоположный взгляд, согласно которому не цена товаров распадается на $v+m$, а стоимость товаров составляет из $v + m$! Это *qui pro quo* важнее для смитовской теории стоимости, чем в той связи, в которой нас сейчас интересует его формула $v+m$.

ношение между наемным рабочим и капиталистом, – отношение, которое прекращается всякий раз, когда кончается производство товара. Когда товар продан и отношение $v+m$ реализовано для капиталиста в деньгах, в товаре исчезает всякий след этого отношения. Товар и его стоимость абсолютно ничего не говорят нам ни о той пропорции, в которой оплаченный и неоплаченный труд участвовали при их создании, ни о том, применялся ли неоплаченный труд вообще. Единственным несомненным фактом является то обстоятельство, что товар содержит определенное количество общественно-необходимого труда, что находит свое выражение в обмене товара. Следовательно, для обмена, равно как и для потребления товара, совершенно безразлично, распадается ли труд, который его производит, на $v+m$ или нет. Только количество труда как стоимость играет роль в обмене, и только ее конкретные свойства, ее полезность играют роль в потреблении. Следовательно, формула $v+m$ выражает только, так сказать, интимное отношение между капиталом и трудом; она выражает социальную функцию наемного труда, которая совершенно исчезает в продукте. Иначе обстоит дело с израсходованной частью капитала, вложенной в средства производства, т. е. с постоянным капиталом. Кроме наемного труда, капиталист должен запастись еще средствами производства, ибо каждый труд, – для того, чтобы он мог функционировать, – нуждается в определенных сырых материалах, орудиях и постройках. Капиталистический характер этого условия производства находит свое выражение в том, что эти средства производства выступают, как (с), как к а п и т а л, т. е. во-первых, как собственность лица, не принадлежащего к рабочим, как нечто отделенное от рабочей силы, как собственность неработающих; во-вторых, как простой аванс, как затрата, имеющая целью создание прибавочной стоимости. Постоянный капитал с выступает здесь лишь как основа для $v+m$. Но постоянный капитал выражает и нечто большее, именно функцию средств производства в процессе человеческого труда, независимо от какой бы то ни было общественно-исторической формы. В сырых материалах и инструментах для работы нуждаются в одинаковой мере житель Огненной Земли при изготовлении своего семейного челнока, коммунистическая крестьянская община в Индии при обработке общинного поля, египетский феллах при возделывании его полей и при постройке пирамид для фараона, греческий раб в маленькой афинской мануфактуре, феодальный крепостной крестьянин, средневековый цеховой ремесленник и современный наемный рабочий. Созданные уже человеческим трудом средства производства являются выражением соприкосновения человеческого труда с природой, а вследствие этого вечным и всеобщим условием процесса человеческого производства. Символ (с) в формуле $c+v+m$ выражает таким образом определенную функцию средств производства – функцию, которая не исчезает с окончанием работы. В то время как для обмена и потребления товара совершенно безразлично, произведен ли он оплаченным или неоплаченным трудом, произведен ли он наемным, крепостным, рабским или еще каким-нибудь другим трудом, для потребления товара имеет решающее значение вопрос о том, является ли он средством производства или средством существования. Тот факт, что при про-

изготовлении машины применен оплаченный и неоплаченный труд, имеет значение только для фабриканта машины и его рабочих; для общества, которое приобретает эту машину путем обмена, имеет значение только ее качество, как средства производства, только ее функция в процессе производства. И как всякое производящее общество всегда должно было считаться с важной функцией средств производства и заботиться в каждом периоде производства об изготовлении средств производства, потребных для следующего периода, точно так же капиталистическое общество может ежегодно приступать к производству стоимостей по формуле $v+m$, т. е. приступать к эксплуатации наемного труда только тогда, когда имеется налицо потребное для образования постоянного капитала количество средств производства как продукта предшествующего периода производства. Эта специфическая связь всякого истекшего периода производства с последующим – связь, которая образует всеобщую и вечную основу общественного процесса воспроизводства и которая состоит в том, что часть продукта каждого периода предназначена для того, чтобы образовать средства производства для следующего периода, – эта связь ускользнула от взора Смита. В средствах производства его интересовала не их специфическая функция в процессе производства, в котором они применяются, а лишь тот факт, что они, как всякий другой товар, сами являются продуктом капиталистически примененного наемного труда. Специфически капиталистическая функция наемного труда в процессе производства прибавочной стоимости совершенно скрыла от него вечную и всеобщую функцию средств производства в процессе труда. Благодаря своей буржуазной предвзятой точке зрения, он за особым социальным отношением между наемным трудом и капиталом совершенно проглядел всеобщее отношение между человеком и природой. Нам кажется, что здесь кроется действительный источник странного догмата Адама Смита о распадении общей стоимости всего общественного годового продукта на $v+m$. Смит упустил из виду, что (c) , как первый член формулы $c+v+m$, является необходимым выражением для всеобщей общественной основы капиталистической эксплуатации наемного труда.

Итак, стоимость товара должна быть выражена формулой:

$$c + v + m.$$

Но спрашивается, насколько это применимо ко всей совокупности товаров какого-нибудь общества. Обратимся к сомнению Смита по этому поводу, именно к его положению, что основной и оборотный капиталы, равно как и доход отдельного лица, не совпадают с теми же категориями, взятыми с общественной точки зрения (стр. 44, пункт 3). То, что для одного является оборотным капиталом, является для другого не капиталом, а доходом; так, например, авансы капитала на заработную плату. Это утверждение покоится на ошибке. Когда капиталист уплачивает рабочим заработную плату, то он отдает не переменный капитал, который переходит в руки рабочих, чтобы превратиться в их доход, он отдает только форму стоимости своего переменного капитала за его натуральную форму, за рабочую силу.

Переменный капитал всегда находится в руках капиталиста – сперва в денежной форме, потом в виде рабочей силы, которую он покупает, затем в форме части стоимости произведенных товаров, чтобы в конце концов, после реализации товаров, в денежной форме вернуться к нему с приращением. Напротив того, рабочий никогда не становится владельцем переменного капитала. Для него рабочая сила никогда не является капиталом: она представляет собой лишь его способность к труду, единственное достояние, которым он обладает. Если он ее продал и получил в качестве заработной платы деньги, то эта плата тоже не является для него капиталом, а ценой проданного им товара. Наконец, тот факт, что рабочий на полученную им заработную плату покупает средства существования, имеет так же мало общего с функцией, которую выполняли эти деньги в виде переменного капитала в руках капиталистов, как и частное потребление, которое любой продавец товара дает вырученным им деньгам. Итак, не переменный капитал капиталиста становится доходом рабочего, а цена проданного последним товара – рабочей силы, тогда как переменный капитал все время остается в руках капиталиста и функционирует как таковой. Точно так же неправильно представление, что доход (прибавочная стоимость) одного капиталиста – например собственника машиностроительного завода, – заключающийся в непроданных еще машинах, является основным капиталом для другого, именно для покупателя машин. Доходом заводчика являются не машины и не часть машин, а воплощенная в них прибавочная стоимость, стало быть, оплаченный труд его наемных рабочих. После продажи машины этот доход, как и раньше, остается в руках заводчика, он изменил только свою форму проявления, превратившись из формы машины в денежную форму. И обратно: покупка машины вовсе не означает, что ее покупатель только в этот момент вступил в обладание своим основным капиталом, он имел его уже раньше как денежный капитал определенной величины. Покупкой машины он только придал своему капиталу соответствующую вещественную форму – форму, которая нужна ему для того, чтобы заставить этот капитал функционировать производительно. Как до, так и после продажи машины доход (прибавочная стоимость) остается в руках заводчика, а основной капитал – в руках другого лица, капиталистического покупателя машины, подобно тому как в первом примере переменный капитал постоянно находился в руках капиталиста, а доход – в руках рабочего.

Путаница понятий привела Смита и его последователей к тому, что они в капиталистическом товарообмене смешивают потребительную стоимость товаров с их отношениями стоимости, и далее к тому, что они не разделяют отдельных процессов обращения капитала и обращения товаров – процессов, которые переплетаются друг с другом на каждом шагу. Один и тот же акт товарообмена можно рассматривать, с одной стороны, как обращение капитала, с другой стороны, как простой товарообмен, направленный к удовлетворению потребления. Ошибочное положение, согласно которому то, что для одного является капиталом, является для другого доходом, и, наоборот, сводится таким образом к следующему правильному положению: то, что для одного является обращением капитала, для другого является

простым товарообменом, и наоборот. Этим выражается только способность превращения, которую капитал проявляет в своем движении, и взаимное переплетение различных сфер интересов в общественном процессе обмена, но в то же время не стирается резкая грань между доходом и капиталом в его двух характерных формах постоянного и переменного капитала. И тем не менее Смит в своих утверждениях, что капитал и доход отдельных лиц не покрывают целиком соответствующих категорий всего общества, подходит очень близко к истине, но для того, чтобы вскрыть со всей ясностью рассмотренную связь, ему нужны были еще другие промежуточные звенья.

Глава четвертая

МАРКSOVA CXEMA ПPOCTOГO BOСПPOИЗBOДCTBA

Рассмотрим формулу $c+v+m$ как выражение всего общественного продукта. Имеем ли мы здесь дело только с теоретической конструкцией, с абстрактной схемой, или эта формула обладает в применении ко всему обществу реальным смыслом и имеет объективное общественное существование?

(c), постоянный капитал, был теоретически впервые введен Марксом как категория основного значения. Уже сам Смит, который оперирует исключительно с категориями основного и оборотного капитала, фактически бессознательно превращает основной капитал в постоянный, т. е. понимает под этим не только те средства производства, которые снашиваются в продолжение нескольких лет, но и те, которые ежегодно целиком затрачиваются в производстве¹. Его собственный догмат о распадении совокупной стоимости на $v+m$ и ход доказательства, которое он для этого применяет, приводят его к различению двух категорий условий производства: живого труда и всех неодушевленных средств производства. С другой стороны, когда он пытается конструировать общественный процесс производства из отдельных капиталов отдельных доходов, у него в качестве «основного» капитала на самом деле остается постоянный капитал.

Каждый отдельный капиталист применяет для производства своих товаров определенные вещественные средства производства: постройки, сырые материалы и орудия. Для производства всей совокупности товаров необходимы, очевидно, все вещественные средства производства, примененные в данном обществе отдельными капиталистами. Существование в обществе этих средств производства является совершенно реальным фактом, хотя бы они и существовали исключительно только в форме отдельных частных капиталов. В этом находит свое выражение всеобщее абсолютное условие общественного производства при всех его исторических формах. Специфически капиталистическая форма проявляется в том, что вещественные средства производства функционируют как (c), как капитал, т. е. как собствен-

¹ Здесь, как и дальше, мы для простоты и в духе обычного словоупотребления говорим все время о годовом производстве, которое имеет место большей частью только в сельском хозяйстве. Промышленный период производства и оборот капитала вовсе не должны совпадать со сменой года.

ность неработающих, как противоположный полюс пролетаризированной рабочей силе, как противоположность наемному труду.

(v), переменный капитал, представляет собой сумму заработных плат, действительно уплаченных в течение годового производства. Этот факт тоже имеет реальное объективное существование, хотя он и выступает перед нами в виде бесчисленного множества отдельных заработных плат. Во всяком обществе число действительно занятых в производстве рабочих сил и их содержание в течение года являются вопросами первостепенной важности. Особая капиталистическая форма этой категории как (v), как переменного капитала, означает, что средства существования рабочих противостоят им, во-первых, как заработная плата, т. е. как цена проданной ими рабочей силы, как капитал (Kapitaleigentum), находящийся в руках других лиц, не принадлежащих к трудящимся и владеющих вещественными средствами производства, во-вторых, как денежная сумма, т. е. как форма стоимости их средств существования, (v) выражает как то, что рабочие «свободны» – «свободны» в двояком смысле: лично свободны и свободны от всяких средств производства – так и то, что товарное производство является всеобщей формой производства в данном обществе.

Наконец, (m) – прибавочная стоимость – представляет собой сумму всех прибавочных стоимостей, добытых отдельными капиталистами. Прибавочный труд существует во всяком обществе и должен будет существовать, например, в обществе социалистическом, и притом в тройном смысле: как количество труда, необходимое для содержания неработающих (неработоспособных, детей, стариков, увечных, должностных лиц и так называемых лиц свободных профессий, которые не принимают непосредственного участия в процессе производства)¹, как страховой фонд общества против стихийных бедствий, которые отражаются неблагоприятно на количестве произведенных за год продуктов (неурожай, лесной пожар, наводнение), и, наконец, как фонд для расширения производства, независимо от того, является ли это расширение результатом прироста населения или культурного повышения потребностей. Капиталистическая форма проявляется в двояком смысле, во-первых, в том, что прибавочный труд существует в виде прибавочной стоимости, т. е. в товарной форме, которая может быть реализована в деньгах, и, во-вторых, в том, что она выступает как собственность нетрудящихся, владельцев средств производства.

Наконец, оба символа $v+m$ представляют собою в сумме объективную, общезначимую величину: всю сумму выполненного в обществе в течение года живого труда. Всякое человеческое общество какой бы то ни было исторической формы должно интересоваться этим фактом как в отношении к достигнутым результатам, так и вообще в отношении к наличным рабочим силам, имеющимся в его распоряжении. Разделение на $v+m$ тоже представляет собой всеобщее явление,

¹ Разделение труда между трудом умственным и материальным в обществе, планомерно регулируемом и основанном на общественности, на средства производства, вовсе не связано с особыми категориями населения. Но оно во всякое время будет проявляться в наличности определенного числа лиц, которые работают умственно и должны получать материальное содержание. В таком обществе люди будут попеременно выполнять умственную и физическую работу.

независимое от особых исторических форм общества. Капиталистическое выражение этой формулы проявляется не только в отмеченных уже качественных особенностях (m) и (v), но и в их количественном отношении, – в том, что (v) обнаруживает тенденцию быть низведенным к физиологическому и социальному минимуму, необходимому для существования рабочего, и что (m) имеет тенденцию постоянно расти за счет (v) и в отношении к нему.

Наконец, последнее обстоятельство выражает главную особенность капиталистического производства; оно выражает тот факт, что создание и присвоение прибавочной стоимости является конечной целью и движущей силой этого производства.

Итак, отношения, лежащие в основе капиталистической формулы всего общественного продукта, обладают всеобщей значимостью; при планомерно организованной форме хозяйства они становятся предметом сознательного регулирования со стороны общества, со стороны всех трудящихся и их демократических органов (в обществе коммунистическом) и со стороны имущего центра и его деспотической власти (в обществе, основанном на классовом господстве). При капиталистической форме производства не существует планомерного регулирования хозяйства, взятого в целом. Совокупность всех капиталов и товаров общества в действительности состоит из суммы бесчисленного множества разрозненных отдельных капиталов и отдельных масс товаров.

Таким образом может возникнуть вопрос, не представляют ли сами эти суммы в капиталистическом хозяйстве попросту статистические данные и притом еще данные неточные и колеблющиеся? Однако с точки зрения общества, взятого в целом, совершенно самостоятельное и раздельное существование суверенных частно-капиталистических предприятий является лишь исторически обусловленной формой, в то время как общественная связь является основой. Несмотря на то, что отдельные капиталы действуют совершенно независимо и что общественное регулирование совершенно отсутствует, общее движение всех капиталов совершается как единое целое. Это общее движение также проявляется в специфически капиталистических формах. В то время как регулирование при всякой планомерно организованной форме производства имеет в виду прежде всего отношение между всем выполненным и подлежащим выполнению трудом, с одной стороны, и средствами производства, с другой (выражаясь в символах нашей формулы: между $(v+m)$ и (c)), – или отношение между суммой необходимых средств существования и необходимых средств производства (формулой то же самое выражается, как отношение $(v+m)$ к (c)), – общественный труд, необходимый для поддержания мертвых средств производства и живых рабочих сил, рассматривается капиталистически как нечто целое, как капитал, которому выполненный прибавочный труд противопоставляется, как прибавочная стоимость. Отношение этих обеих величин, (m) и $(c+v)$, является реальным, объективным и осязательным отношением капиталистического общества, именно с р е д н е й н о р м о й п р и б ы л и, которая фактически рассматривает каждый частный капитал только как часть общего целого, как часть всего общественного капитала, и которая определяет размер прибыли на частный капитал как часть

всей выжатой в пределах общества прибавочной стоимости, соответствующую его величине и приходящуюся на его долю, независимо от того количества прибавочной стоимости, которое он фактически произвел. Следовательно, весь общественный капитал вместе со всей общественной прибавочной стоимостью является не только объективно существующими реальными величинами: их отношение, средняя прибыль направляет – при посредстве механизма закона стоимости – весь обмен; оно определяет количественные отношения обмена отдельных видов товара, независимо от их особых отношений стоимости; далее, оно направляет общественное разделение труда, т. е. предоставление соответствующих частей капитала и рабочих сил отдельным сферам производства; средняя прибыль определяет развитие производительности труда, т. е., с одной стороны, дает толчок отдельным капиталам к выступлению в качестве пионеров в новых отраслях производства, что дает возможность подняться над средней нормой прибыли, и с другой стороны, способствует распространению успехов, достигнутых отдельными лицами, на все производство и т. д. Словом, совокупный общественный капитал при посредстве средней нормы прибыли господствует целиком над самостоятельными, на первый взгляд, движениями отдельных капиталов¹.

Следовательно, формула $c+v+m$ приложима к составу стоимости не только каждого отдельного товара, но и ко всей совокупности капиталистически произведенных в данном обществе товаров. Но это относится только к составу стоимости. За пределами этого аналогия прекращается.

Указанная формула совершенно точна, если мы хотим разложить на соответствующие составные части весь продукт капиталистически производящего общества как целое, как продукт труда одного года. Символ (c) показывает нам, сколько прошлого труда, выполненного в предыдущие годы, вошло в виде средств производства в продукт этого года. Символ ($v+m$) показывает ту составную часть стоимости продукта, которая создана новым трудом исключительно за последний год; наконец, отношение (v) к (m) показывает распределение годового труда общества на две части: на часть, идущую на содержание работающих, и часть, идущую на содержание неработающих. Этот анализ остается правильным и сохраняет свое значение и для воспроизводства отдельного капитала вне всякой зависимости от вещественной формы созданного им продукта. У капиталиста машинной промышленности (c), (v) и (m) одинаково воспроизводятся в виде машин или частей машин. У его коллеги в сахарном производстве (c), (v) и (m) выходят из процесса производства в виде сахара. Для собственника

¹ «Говоря об общественной точке зрения, следовательно, рассматривая весь общественный продукт, который предполагает и воспроизводство общественного капитала и индивидуальное потребление, не следует впадать в манеру, заимствованную Прудоном у буржуазной экономии, и смотреть на дело таким образом, как будто общество капиталистического способа производства, взятое en bloc, как целое, утрачивает этот свой специфический историко-экономический характер. Напротив. В таком случае приходится иметь дело с коллективным капиталистом. Весь капитал представляется как бы акционерным капиталом всей совокупности отдельных капиталистов. И такое акционерное общество имеет то общее со многими другими акционерными обществами, что всякий знает, что он вложил, но не знает, что он получит обратно» («Капитал», т. II, стр. 421).

кафешантана они овеществляются в телесных прелестях и «эксцентриках». В однородном продукте (c), (v) и (m) различаются только как составные части стоимости этого продукта. И этого вполне достаточно для воспроизводства отдельного капитала, ибо оно начинается с чистой формы стоимости капитала, ибо его исходной точкой является определенная сумма денег, которая получается из реализации произведенного продукта. Формула ($c+v+m$) является в этом случае основанием для деления указанной суммы на три части: 1) на часть, предназначенную для покупки вещественных средств производства, 2) часть, предназначенную для покупки рабочей силы, и 3) на часть, которая идет на личное потребление капиталиста, – это имеет место в рассматриваемом нами случае простого воспроизводства, – или только отчасти на личное потребление, а отчасти на увеличение капитала, что имеет место в случае расширенного воспроизводства. Что он для фактического воспроизводства должен снова отправиться на товарный рынок с распределенным указанным образом денежным капиталом, чтобы приобрести вещественные средства производства – сырые материалы, орудия и т. д. – и рабочие силы, это понятно само собой. Тот факт, что отдельный капиталист действительно находит на рынке потребные для его предприятия средства производства и рабочие силы, тоже кажется само собой понятным отдельному капиталисту и его научному идеологу – вульгарному экономисту.

Другое мы видим во всем общественном производстве. С точки зрения всего общества, товарный обмен может только произвести транслокацию, всестороннее перемещение отдельных частей всего продукта, но он не может изменить его вещественного состава. Как до, так и после этого перемещения воспроизводство всего капитала только тогда может иметь место, когда во всем продукте, произведенном в прошлый период производства, имеется, во-первых, достаточное количество средств производства, во-вторых, средства существования в количестве, достаточном для содержания прежнего числа рабочих сил, в-третьих, *last not least*, средства существования, потребные для содержания класса капиталистов и связанных с ним групп, и притом для содержания, «приличествующего их званию». Мы переходим здесь в новую область – от чистых отношений стоимости к вещественной точке зрения. Теперь дело идет о потребительной форме всего общественного продукта. То, что для отдельного капиталиста было совершенно безразлично, для собирательного капиталиста представляется серьезной заботой. В то время как для отдельного капиталиста совершенно безразлично, является ли произведенный им товар машиной, сахаром, искусственным удобрением или свободомыслящей газетой, лишь бы ему удалось сбыть этот товар и выручить свой капитал вместе с прибавочной стоимостью, – для собирательного капиталиста необыкновенно важно, чтобы весь его продукт имел строго определенную потребительную форму, чтобы в нем имелись троякого рода продукты: средства производства для возобновления процесса труда, обыкновенные средства существования для поддержания рабочего класса и средства существования лучшего качества, а также необходимые предметы роскоши для содержания самого собирательного капиталиста. Мало того, потребность в указанных трех элемен-

тах ощущается не в общей и смутной форме, но принимает вполне точное количественное выражение. Если мы спросим, как велики потребные для собирательного капиталиста количества продуктов всех трех категорий, то мы, предполагая простое воспроизводство как исходный пункт, найдем в составных частях стоимости всего продукта последнего года точную смету. Формула $(c+v+m)$, которую мы до сих пор понимали – как в применении ко всему капиталу, так и в применении к отдельному капиталу – просто как количественное разделение всей стоимости, т. е. количества труда, воплощенного в годовом продукте общества, выступает теперь в то же время и как основание для вещественного разделения продукта. Для того, чтобы начать воспроизводство в тех же самых размерах, собирательный капиталист, очевидно, должен найти в своем новом совокупном продукте такое количество средств производства, которое соответствует величине (c) , такое количество обыкновенных средств существования для рабочих, которое соответствует сумме заработных плат (v) , и такое количество средств существования лучшего качества для класса капиталистов и его придатков, которого требует величина (m) . Следовательно, состав стоимости годового продукта общества выражается в вещественной форме этого продукта следующим образом: совокупное (c) общества должно выступать перед нами как равное ему количество средств производства; то же самое должно иметь место по отношению к (v) как к средствам существования рабочих и к (m) как к средствам существования капиталистов. В противном случае простое воспроизводство невозможно.

Здесь мы приходим к осязаемому различию между отдельным и собирательным капиталистом. Первый всякий раз воспроизводит свой постоянный и переменный капитал и свою прибавочную стоимость так, что, во-первых, все три части воплощаются в однородном продукте, имеющем одну и ту же вещественную форму, и что, во-вторых, эта конкретная форма продукта, различная у каждого отдельного капиталиста, не имеет для него никакого значения. Собирательный капиталист воспроизводит каждую часть стоимости своего годового продукта в иной вещественной форме: (c) как средства производства, (v) как средства существования рабочих и (m) как средства существования капиталистов. Если принять наличность вещественных условий воспроизводства как явление понятное само собой, то для воспроизводства отдельного капитала имеют значение только отношения стоимости. Для воспроизводства всего капитала одинаково имеют значение и отношения стоимости и его вещественный состав. Впрочем, совершенно ясно, что отдельный капитал лишь постольку может становиться исключительно на точку зрения стоимости и рассматривать вещественные условия воспроизводства как данный свыше закон, поскольку весь капитал считается с вещественными моментами. Если совокупное (c) общества не воспроизводится ежегодно в виде того же самого количества средств производства, то отдельный капиталист со своим (c) , реализованным в деньгах, будет напрасно ходить по товарному рынку; он не найдет вещественных условий, необходимых для его индивидуального воспроизводства. Следовательно, с точки зрения воспроизводства общая формула $(c+v+m)$ в применении ко всему капиталу оказывается недостаточной – лишнее доказательство,

что понятие воспроизводства есть нечто реальное и представляет собой нечто большее, чем парафраз понятия производство. Мы должны провести различия вещественного характера и представить весь капитал не как единое целое, а в его трех главных частях или же в целях упрощения, – так как это теоретически пока не может повредить, – рассматривать его в двух подразделениях: как производство средств производства и как производство средств существования для рабочих и капиталистов. Каждое подразделение должно быть рассматриваемо особо, причем в каждом из них должны быть соблюдены основные условия капиталистического производства. Но в то же самое время мы должны с точки зрения воспроизводства остановиться на взаимной связи обоих подразделений. Ибо только взятые в связи они дают основы для воспроизводства всего общественного капитала как целого.

Так, если мы будем представлять себе совокупный капитал и весь его продукт, исходя из отдельного капитала, то мы столкнемся с известным перемещением его элементов. Количественно, по своей стоимости, (с) общества в точности составляется из суммы постоянных частей отдельных капиталов; то же самое относится и к обоим другим символам (v) и (m). Но форма проявления их изменилась. В то время как (с) отдельных капиталов вновь выходит из процесса производства как стоимость самых разнообразных вещей, оно в совокупном продукте выступает, если можно так выразиться, сведенным воедино, в определенную массу средств производства. То же можно сказать и о (v) и (m), которые у отдельных капиталов то и дело выплывают как части товарной массы (Warenbrei) самого пестрого вида, а в общественном продукте складываются в соответствующие массы средств существования для рабочих и капиталистов. Это и есть тот факт, на который почти натолкнулся Смит, рассматривая несовпадение категорий постоянного капитала, переменного капитала и дохода у отдельного капиталиста и у общества.

Мы пришли к следующим результатам:

1) Производство всего общества, взятого в целом, может быть точно так же, как и производство отдельного капиталиста, выражена формулой (с+v+m).

2) Общественное производство распадается на два подразделения: на производство средств производства и на производство средств существования.

3) Оба подразделения ведутся капиталистически, т. е. как производство прибавочной стоимости; следовательно, формула (с+v+m) находит применение к каждому из этих подразделений в отдельности.

4) Оба эти подразделения находятся во взаимной зависимости; они поэтому должны находиться в известных количественных отношениях друг к другу, а именно: одно подразделение должно производить все средства производства для обоих подразделений, другое – средства существования для рабочих и капиталистов обоих же подразделений.

Исходя из этих точек зрения, Маркс конструирует следующую формулу капиталистического воспроизводства:

$$I. 4\ 000\ c + 1\ 000\ v + 1\ 000\ m = 6\ 000\ \text{средств производства.}$$

$$\text{II. } 2\ 000\ c + 500\ v + 500\ m = 3\ 000\ \text{средств потребления}^1.$$

Числовые значения этой формулы выражают величины стоимости, следовательно, денежные суммы; сами по себе они взяты произвольно, но в точной пропорции друг к другу. Оба подразделения отличаются друг от друга потребительной формой произведенных товаров. Их взаимное обращение протекает следующим образом. Первое подразделение доставляет средства производства для всего производства, следовательно, как для себя, так и для второго подразделения; а отсюда уже вытекает, что для беспрепятственного хода воспроизводства (мы все время кладем еще в основу простое воспроизводство – воспроизводство в прежнем масштабе) весь продукт первого подразделения (6 000 I) должен быть равен по стоимости сумме постоянных капиталов обоих подразделений (I 4 000 c + II 2 000 c). Второе подразделение должно доставлять средства существования для всего общества, т. е. как для своих рабочих и капиталистов, так и для рабочих и капиталистов первого подразделения. Отсюда следует, что для беспрепятственного хода потребления и производства и для их возобновления в прежнем масштабе необходимо, чтобы вся масса средств существования, доставленная вторым подразделением, равнялась по стоимости доходам всех занятых рабочих и капиталистов общества (здесь $3\ 000\ \text{II} = (1\ 000\ v + 1\ 000\ m)\ \text{I} + (500\ v + 500\ m)\ \text{II}$).

Здесь мы собственно выразили лишь в отношениях стоимости тот факт, который является основой не только капиталистического воспроизводства, но и воспроизводства всякого общества. Во всяком производящем обществе, какова бы ни была его социальная форма, – будь это первобытная маленькая сельская община бразильских бакаири, большой рабовладельческий ойкос Тимона Афинского или императорское барщинное имение Карла Великого, – находящаяся в распоряжении общества масса труда должна быть распределена таким образом, чтобы средства производства и средства существования производились в достаточном количестве. При этом первых должно хватать как для непосредственного производства средств существования, так и для предстоящего возобновления самых средств производства; средств существования должно хватать для содержания рабочих, занятых как в производстве этих средств существования, так и в производстве средств производства, и сверх того еще для содержания неработающих. В этом отношении марксова схема в ее общей пропорции является всеобщей абсолютной основой общественного воспроизводства с той только особенностью, что общественно-необходимый труд выступает здесь как стоимость, средства производства – как постоянный капитал, труд, необходимый для содержания рабочих, – как переменный капитал, а труд, необходимый для содержания неработающих, – как прибавочная стоимость.

Но обращение между названными двумя крупными подразделениями покоится в капиталистическом обществе на товарообмене, на обмене эквивалентов. Рабочие и капиталисты подразделения I могут получить лишь столько средств существования от подразделения II, сколько они сами могут дать этому последнему из собственного това-

¹ «Капитал», т. II, стр. 383.

ра в виде средств производства. Но потребность подразделения II в средствах производства измеряется величиной его постоянного капитала. Отсюда вытекает, что сумма переменного капитала и прибавочной стоимости в производстве средств производства (в данном случае $(1\ 000\ v + 1\ 000\ m\ I)$) должна равняться постоянному капиталу в производстве средств существования (в данном случае $2\ 000\ с\ II$).

По поводу приведенной схемы нужно еще сделать одно важное замечание. Указанный постоянный капитал обоих подразделений в действительности является только частью примененного обществом постоянного капитала. Последний распадается, во-первых, на основной капитал – постройки, орудия и рабочий скот, – который функционирует в продолжение нескольких периодов производства, но в продолжение каждого периода производства входит в продукт лишь частью своей стоимости, соответствующей его собственному изнашиванию, и, во-вторых, на оборотный капитал – сырье, вспомогательные материалы, топливо и осветительный материал, – который в продолжение каждого периода производства входит в новый продукт всей своей стоимостью. Но при воспроизводстве принимается во внимание только та часть средств производства, которая действительно вошла в производство стоимости; остальную часть основного капитала, оставшуюся вне продукта и продолжающую функционировать, не следует упускать из виду, но при точном представлении общественного обращения ее все же можно без ущерба для правильности этого представления не принимать во внимание. Это можно легко доказать.

Предположим, что $6\ 000\ с$, постоянный капитал подразделений I и II, действительно входящие в годовой продукт I, состоят из $1\ 500\ с$ основного и $4\ 500\ с$ оборотного капитала, причем эти $1\ 500\ с$ основного капитала представляют собой годовое изнашивание построек, машин, рабочего скота и т. д. Пусть это изнашивание равно 10% стоимости всего применяемого основного капитала. Тогда мы фактически имели бы в обоих подразделениях $15\ 000\ с$ основного + $4\ 500\ с$ оборотного капитала, а всего, стало быть, $19\ 500\ с + 1\ 500\ с$ совокупного, общественного капитала. Однако весь основной капитал, продолжительность жизни которого (при 10% годового изнашивания) принята за 10, должен быть возобновлен лишь через 10 лет. В течение этого времени в общественный продукт входит ежегодно одна десятая часть стоимости основного капитала. Если бы все части всего основного капитала общества изнашивались равномерно и если бы они обладали одинаковой продолжительностью существования, то при нашем предположении его пришлось бы возобновлять целиком каждые десять лет в один прием. Но этого на самом деле нет. Из различных потребительных форм и частей основного капитала одни служат дольше, другие меньше: степень изнашивания и продолжительность существования различны для основного капитала и зависят от его видовых и индивидуальных свойств. Отсюда вытекает, что и возобновление основного капитала в его конкретной потребительной форме, т. е. его воспроизводство, отнюдь не должно быть производимо сразу для всего основного капитала, но что в различных пунктах общественного производства все время происходит возобновление одних частей основного капитала, в то время как другие части еще продол-

жают функционировать в своей старой форме. Следовательно, принятое в нашем примере 10% изнашивание основного капитала означает не то, что каждые 10 лет должно иметь место однократное воспроизводство основного капитала стоимостью в 15 000 с; оно означает, что в среднем ежегодно должно происходить возобновление и восстановление части всего основного капитала общества, которая соответствует десятой части стоимости этого капитала. Это значит, что в подразделении I, которое должно покрыть всю потребность общества в средствах производства, ежегодно рядом с воспроизводством всего сырья, всех вспомогательных материалов и прочих вещественных элементов оборотного капитала стоимостью в 4 500 должно еще иметь место производство потребительных форм основного капитала, следовательно, построек, машин и проч., всего стоимостью в 1 500, которые соответствуют фактическому изнашиванию основного капитала. Всего таким образом должно быть воспроизведено 6 000 с, которые приняты и в схеме. Если подразделение I будет продолжать таким путем возобновлять ежегодно десятую часть основного капитала в его потребительной форме, то окажется, что весь основной капитал общества за десять лет обновился от начала до конца, а это значит, что вышеприведенная схема вполне учитывает воспроизводство тех частей основного капитала, стоимости которых мы не приняли во внимание.

Практически этот факт проявляется в том, что капиталист после реализации товаров отчисляет из своего годового производства известную денежную сумму для амортизации основного капитала. Эти отдельные годовые списывания должны достигнуть известной величины, прежде чем капиталист действительно возобновит свой основной капитал, т. е. прежде чем он заменит его новыми экземплярами, более пригодными для производства. Эти попеременные отчисления денежных сумм для возобновления основного капитала и периодическое применение собранных денег для фактического его возобновления не совпадают во времени у различных индивидуальных капиталистов, так что одни еще делают отчисления в то время, как другие уже принимают за обновление основного капитала. Этим путем происходит ежегодно возобновление части основного капитала. Денежные отношения только маскируют здесь те действительные явления, которые характерны для процесса воспроизводства основного капитала. И это при ближайшем рассмотрении оказывается вполне в порядке вещей. Основной капитал целиком принимает участие в процессе производства, но только как масса потребительных предметов. Постройки, машины и рабочий скот участвуют в процессе труда как предметы неделимые. Но в производство стоимости они входят лишь частью своей стоимости, а в этом как раз и состоит их особенность как основного капитала. Так как в процессе воспроизводства (предполагая простое воспроизводство) важно только, чтобы стоимости, действительно потребленные в продолжение годового производства в виде средств существования и средств производства, были восстановлены в их натуральной форме, то основной капитал лишь постольку принимается во внимание для воспроизводства, поскольку он действительно входит в произведенные товары. Остальная часть стоимости основного капитала, заключенная в его потребительной форме, имеет решающее значение для производства как процесса труда, но

не существует для годового воспроизводства общества как процесса, создающего стоимость.

Впрочем этот процесс, выражающийся здесь в отношении стоимости, оказывается вполне верным для всякого общества, даже не производящего товаров. Если, например, в древнем Египте для создания Меридова озера и связанных с ним нильских каналов, для создания того чудесного озера, о котором Геродот нам рассказывает, что «оно было сделано руками», потребовалась, скажем, десятилетняя работа 1 000 феллахов, и если для содержания в исправности этого величайшего водного сооружения в мире требовалась ежегодно рабочая сила дальнейших ста феллахов (числа взяты, понятно, произвольно), то можно сказать, что Меридово озеро с его каналами воспроизводилось через каждые сто лет, хотя эти сооружения в действительности вовсе не создавались заново раз в столетие. И это действительно так: когда с бурными превратностями политической истории и с вторжениями чужеземцев началось обычное грубое запускание старых произведений культуры, – как это произошло, например, в Индии при англичанах, – когда исчезло сознание необходимости воспроизводства древней культуры, тогда с течением времени исчезло и Меридово озеро с его водами, плотинами, каналами, с обеими пирамидами в середине его, с возвышающимся над всем этим колоссом и с другими чудесными сооружениями, и исчезло настолько бесследно, как будто всего этого никогда и не существовало. Лишь десять строчек у Геродота, пятнышко на птолемеевой карте мира, и следы древних культур, больших деревень и городов свидетельствуют о том, что там, где теперь тянутся безлюдные песчаные пустыни внутренней Ливии и необитаемые болота, идущие вдоль морского побережья, некогда, благодаря грандиозному водному сооружению, была ключом жизнь, полная достатка.

В одном только случае марксова схема простого воспроизводства могла бы нам показаться неудовлетворительной и неполной с точки зрения основного капитала; это случилось бы тогда, если бы мы перенеслись в тот период производства, когда весь основной капитал был только что создан. В самом деле, общество владеет большим количеством овеществленного труда, чем та часть основного капитала, которая периодически переходит на стоимость годового продукта, а затем вновь ею восстанавливается. Выражая эту мысль в числовых значениях нашего примера, мы получим, что весь общественный капитал составляет не $6\ 000\ с + 1\ 500\ v$, как в схеме, а $19\ 500\ с + 1\ 500\ v$. Хотя $1\ 500$ основного капитала, составляющего по нашему предположению $15\ 000\ с$, и воспроизводится ежегодно в виде соответствующих средств производства, но такое же количество потребляется ежегодно в том же производстве. Хотя весь основной капитал в его потребительной форме как совокупность определенных предметов и обновляется целиком каждые десять лет, но общество по истечении десяти лет, как и в любом году, будет обладать $15\ 000\ с$, в то время как оно ежегодно производит только $6\ 000\ с$; или, производя только $6\ 000\ с$, оно обладает в общей сложности $19\ 500$ постоянного капитала. Очевидно, что этот излишек в $13\ 500$ основного капитала оно должно было создать своим трудом; оно владеет большим количеством накопленного прошедшего труда, чем это вытекает из нашей схемы воспроизводства. Каждый общественный годовой рабочий день опирается уже

на нескольких истекших накопленных годовых рабочих днях как на предварительно данном базисе. Но с вопросом о прошлом труде, образующем основу всякого теперешнего труда, мы переносимся к тому «началу всех начал», которое столь же мало уясняет хозяйственное развитие человека, как и естественное развитие материи. Схема воспроизводства не должна и не может изображать начальный момент – общественный процесс *in statu nascenti*: она схватывает его в движении как звено «бесконечной цепи бытия». Прошлый труд всегда является предпосылкой общественного процесса воспроизводства, как бы далеко мы ни возвращались к его началу. Как общественный труд не имеет конца, так не имеет он и начала. Возникновение первоначальной основы для процесса воспроизводства теряется в тех же мифических сумерках истории культуры, в которых теряется история возникновения геродотовского Меридова озера. С техническим прогрессом и культурным развитием изменяется и характер средств, производства; неуклюжие палеолиты заменяются шлифованными орудиями, каменные орудия – изящными орудиями из бронзы и железа, ручные инструменты – паровую машину. Но при наличии всех этих изменений характера средств производства и общественных форм процесса производства общество в качестве основы для процесса труда всегда обладает известной массой овеществленного прошлого труда, который служит базисом для ежегодного воспроизводства.

При капиталистическом способе производства накопленный в средствах производства прошлый труд общества получает форму капитала, вопрос о происхождении прошлого труда, образующего основу процесса воспроизводства, превращается в вопрос о генезисе капитала. А генезис имеет, конечно, гораздо менее мифический характер: он кровавыми буквами записан в истории нового времени в виде главы о так называемом первоначальном накоплении. Но тот самый факт, что мы не можем себе мыслить простое воспроизводство иначе, как при условии наличия прошлого накопленного труда, который количественно превосходит труд, затрачиваемый ежегодно для содержания общества, – этот самый факт затрагивает большое место простого воспроизводства и показывает, что оно является фикцией не только для капиталистического производства, но и для всякого культурного прогресса вообще. Чтобы представить себе точно – в схеме – эту фикцию, мы в качестве ее предпосылки должны принять наличие результатов прошлого процесса труда – процесса, который сам по себе никак не мог ограничиваться простым воспроизводством, а напротив того, уже основывался на расширенном воспроизводстве. Чтобы пояснить этот факт на примере, мы можем сравнить весь основной капитал общества с железной дорогой. Продолжительность существования, а следовательно, и ежегодное изнашивание различных частей железной дороги весьма различны. Такие части, как виадук и туннели, могут служить столетия, локомотивы – десятилетия, прочий подвижной состав изнашивается в совсем короткие периоды, некоторые его части даже в несколько месяцев. При всем том получается, однако, некоторый средний период изнашивания, который определяется, скажем, в 30 лет. Следовательно, ежегодная потеря стоимости железной дороги будет равняться $\frac{1}{10}$ всей ее стоимости. Обновляя сегодня вагон, завтра часть локомотива, а послезавтра часть полот-

на, мы непрерывно возмещаем эту потерю стоимости частичным воспроизводством железной дороги (которое может иметь характер починок). Таким путем старая железная дорога по истечении (согласно нашему предположению) 30 лет заменяется новой, причем общество из года в год выполняет одну и ту же массу труда, следовательно, имеет место простое воспроизводство. Но так железная дорога может быть воспроизведена, а не произведена. Чтобы можно было пользоваться железной дорогой и постепенно восстанавливать ее постепенное же изнашивание от употребления, железная дорога должна быть когда-нибудь выстроена целиком. Железную дорогу можно чинить частями, но использовать ее частями – сегодня ось, а завтра вагон – невозможно. Ибо для основного капитала как раз характерно то, что он в своей вещественной форме как потребительная стоимость во всякое время входит в процесс труда целиком. Следовательно, чтобы создать его потребительную форму целиком, общество сразу должно концентрировать на его производстве увеличенную массу труда. Переводя эту мысль на числовые значения нашего примера, можно сказать, что оно должно всю тридцатилетнюю массу труда, затраченную на починки, втиснуть, скажем, всего лишь в два или три года. В течение периода постройки общество должно затратить количество труда, превышающее обычную среднюю норму: оно должно, стало быть, прибегнуть к расширенному воспроизводству, после чего – в данном случае после окончания постройки железной дороги – оно опять может перейти к простому воспроизводству. Конечно, весь основной капитал общества не следует представлять себе при этом как целостный предмет или как комплекс предметов, который должен быть всегда создаваем в один прием; но все-таки все важнейшие рабочие инструменты, постройки, средства сообщения и сельскохозяйственные сооружения требуют для своего производства более значительной концентрации трудовых затрат, а это относится в равной мере как к современной железной дороге и воздушному кораблю, так и к нешлифованному каменному топору и ручной мельнице. Отсюда вытекает, что само по себе простое воспроизводство мыслимо только в периодическом чередовании с воспроизводством расширенным. Это обуславливается не только прогрессом культуры и ростом населения вообще, но и экономической формой основного капитала или средств производства, которые в каждом обществе соответствуют основному капиталу.

Маркс занимается прямо этим противоречием между формой основного капитала и простым воспроизводством. Что он особенно отмечает, так это необходимость постоянного «перепроизводства», следовательно, расширенного воспроизводства в связи с неравномерными долями изнашивания основного капитала, которые в одном году больше, в другом меньше. В случае, если бы простое воспроизводство строго соблюдалось, последствием этого был бы периодический дефицит в воспроизводстве. Но, следовательно, рассматривает здесь расширенное воспроизводство с точки зрения общественного страхового фонда для основного капитала, а не с точки зрения его производства¹.

¹ «Капитал», т. II, стр. 457-450. Ср. также о необходимости расширенного воспроизводства с точки зрения страхового фонда вообще, стр. 149.

В совершенно иной связи Маркс косвенно, как нам кажется, вполне подтверждает изложенное выше понимание. При анализе превращения прибыли в капитал во 2-й части тома II «Теорий прибавочной стоимости» он рассматривает своеобразное воспроизводство основного капитала, восстановление которого само по себе дает фонд накопления, и выводит следующие заключения:

«Но мы приходим здесь к следующему. Если бы весь капитал, примененный в машиностроении, был лишь настолько велик, чтобы возместить ежегодное изнашивание машин, то он уже производил бы много больше машин, чем это необходимо каждый год, потому что изнашивание существует отчасти *idealiter*, и *realiter* его приходится восстанавливать *in natura* лишь по истечении известного ряда лет. Примененный таким образом капитал доставляет ежегодно массу машин, которые предназначаются для новых затрат капитала и сами антиципируют эти затраты. Обратимся к примеру. Машиностроитель начинает свое производство в течение данного года. Пусть он в продолжение года доставляет на 12 000 фунтов стерлингов машин. Тогда ему в продолжение каждого из одиннадцати следующих лет при простом воспроизводстве производимых им машин пришлось бы производить на 1 000 фунтов стерлингов, и даже это ежегодное производство не подвергалось бы ежегодно потреблению. Тем более, если он станет применять весь свой капитал. Чтобы капитал остался в действии и продолжал ежегодно просто воспроизводиться, необходимо, чтобы имело место непрерывное расширение производства, которое потребляет эти машины. Это тем более необходимо, если он сам накапливает. Следовательно, даже е с л и б ы в л о ж е н н ы й в э т у с ф е р у п р о и з в о д с т в а к а п и т а л т о л ь к о в о с п р о и з в о д и л с я, было бы необходимо постоянное накопление во всех прочих сферах производства»¹.

Машиностроителя марксова примера мы можем себе мыслить как сферу производства основного капитала всего общества. А отсюда вытекает, что при соблюдении в этой сфере простого воспроизводства, когда общество ежегодно затрачивает на производство основного капитала одно и то же количество труда (что, впрочем практически невозможно), – общество ежегодно должно будет приниматься за расширение производства во всех остальных сферах. Но если оно держится только в пределах простого воспроизводства, то оно должно затрачивать для простого возобновления уже раз созданного основного капитала лишь незначительную часть примененного для его производства труда. Или, – если дать вопросу обратную формулировку, – чтобы получить возможность одновременных крупных затрат основного капитала, общество даже при условии простого воспроизводства должно периодически применять расширенное воспроизводство.

С прогрессом культуры меняется не только форма, но и величина стоимости средств производства, вернее – накопленный в них общественный труд. Кроме труда, необходимого для непосредственного содержания общества, оно сберегает все большее количество рабочего времени и рабочих сил, которые оно во все возрастающем мас-

¹ «Theorien», I. с. стр. 248. Подчеркнуто у Маркса.

штабе применяет для производства средств производства. Но как это выражается в процессе воспроизводства? Выражаясь капиталистически, как общество из своего годового труда создает больше капитала чем тот, которым оно обладало раньше? Этот вопрос связан с расширенным воспроизводством, которым мы пока еще не занимаемся.

Глава пятая

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

До сих пор мы при рассмотрении процесса воспроизводства абстрагировались от обращения денег, но не денег как выражения и мерила стоимости. Все отношения общественного труда были нами приняты выраженными в деньгах и деньгами же измерялись. Теперь необходимо данную схему простого воспроизводства подвергнуть испытанию и с точки зрения денег как средства обращения.

Для понимания общественного процесса воспроизводства необходимо, как полагал уже старик Кенэ, предположить, что общество, кроме определенных средств производства и потребления, обладает еще определенной суммой денег¹. Спрашивается, во-первых, в чьих руках должна находиться эта сумма, и, во-вторых, как велика она должна быть? Первое, что не подлежит сомнению, это тот факт, что наемный рабочий должен получать свою заработную плату в деньгах, чтобы покупать на них средства существования. С точки зрения общественной, это выражается в процессе воспроизводства в том, что рабочие получают право на определенный фонд средств существования, который предоставляется в их распоряжение во всяком обществе, независимо от исторической формы производства. Но то обстоятельство, что рабочие получают здесь средства существования не непосредственно, а через товарообмен, столь же существенно для капиталистической формы производства, как и то, что они предоставляют свою рабочую силу собственникам средств производства не непосредственно на основе отношений личного господства, а путем продажи ее. Продажа рабочей силы и свободная покупка рабочими средств существования являются решающим моментом производства капитала. И то и другое выражается и совершается при посредстве денежной формы переменного капитала (v).

Итак, деньги прежде всего вступают в обращение через выплачиваемую заработную плату. Следовательно, капиталисты обоих подразделений, т. е. все капиталисты, должны раньше всего бросить в обращение деньги – каждый в сумме выплаченных им заработных

¹ В своем седьмом комментарии к «Tableau» Кенэ, закончив полемику против теории денег меркантилистов, согласно которой деньги тождественны с богатством говорит: «La masse d'argent ne peut accroître dans une nation qu'autant que cette reproduction elle-même s'y accroît; autrement, l'accroissement de la masse d'argent ne pourrait se faire qu'au préjudice de la reproduction annuelle des richesses. – Ce n'est donc pas par le plus ou le moins d'argent qu'on doit juger de l'opulence des États: aussi estime-t-on qu'un pecule, égal au revenu des propriétaires des terres, est beaucoup plus que suffisant pour une nation agricole ou la circulation se fait régulièrement et où le commerce s'exerce avec confiance et en pleine liberté». (Analyse du Tableau économique. Изд. Онкен, стр. 324-325).

плат. Капиталисты I должны обладать 1 000, а капиталисты II 500 в деньгах, которые они выплачивают своим рабочим. По нашей схеме в обращение вступают таким образом две суммы денег: I 1 000 v и II 500 v. Обе эти суммы затрачиваются рабочими на средства существования, т. е. на продукты подразделения II. Этим поддерживается рабочая сила, т. е. переменный капитал общества воспроизводится в своей натуральной форме как основа воспроизводства остального капитала. Этим путем капиталисты II освобождаются в то же самое время от 1 500 единиц всего своего продукта: 500 переходит к их собственным рабочим, а 1 000 к рабочим другого подразделения. В результате этого обмена капиталисты II получили 1 500 деньгами: 500 вернулись к ним как их собственный переменный капитал, который снова сможет функционировать как таковой и который пока, следовательно, закончил свое движение; 1 000 же приобретена ими вновь от реализации третьей части их собственного продукта. На эту 1 000 в деньгах капиталисты II покупают у капиталистов I средства производства для обновления потребленного ими постоянного капитала. Этой покупкой подразделение II обновило половину необходимого ему постоянного капитала (Ic) в натуральной форме, зато денежная сумма 1 000 перешла к капиталистам I. Для последних эта сумма является лишь их собственными деньгами, которые они выплатили своим рабочим в виде заработной платы и которые после двух меновых актов вернулись к ним, чтобы потом опять функционировать как переменный капитал; пока движение указанной денежной суммы этим исчерпывается. Общественное обращение однако еще не закончилось. Капиталисты I не реализовали еще своей прибавочной стоимости, которая воплощена в непригодной для их потребления форме средств производства, чтобы купить для себя средства существования, а капиталисты II не обновили еще второй половины своего постоянного капитала. Эти два меновых акта покрывают друг друга как по величине стоимости, так и материально. Ибо капиталисты I получают средства существования от подразделения II, реализуя таким образом свою прибавочную стоимость I 1 000 m, и в то же самое время доставляют со своей стороны капиталистам II недостающие им средства производства II 1 000 c. Для этого обмена необходимо однако посредничество новой денежной суммы. Правда, мы могли бы еще раз бросить в обращение приведенные раньше в движение денежные суммы. Теоретически против этого ничего нельзя было бы возразить, но практически этого принять нельзя, ибо потребление капиталистов должно удовлетворяться так же непрерывно, как и потребление рабочих; то и другое идет параллельно процессу производства и должно совершаться при посредстве особой денежной суммы. Отсюда вытекает, что капиталисты обоих подразделений, т. е. все капиталисты, должны, кроме денежной суммы для переменного капитала, иметь еще на руках запас денег для реализации их собственной прибавочной стоимости в предметах потребления. С другой стороны, параллельно с производством, – стало быть, до реализации совокупного продукта, – идет непрерывная закупка определенных частей постоянного капитала, именно его оборотной части (сырья, вспомогательных и осветительных материалов и пр.). Отсюда вытекает, что не только капиталисты I должны иметь на руках известную денежную сумму для удовле-

творения своего собственного потребления, но и капиталисты II должны иметь деньги для покрытия своих потребностей в постоянном капитале. Обмен I 1 000 m в средствах производства на II 1 000 c в средствах существования производится, следовательно, при посредстве денег, которые авансируются отчасти капиталистами I на нужды их потребления, а отчасти капиталистами II для потребностей их производства¹. Из необходимой для этого обмена денежной суммы в 1000 каждое подразделение капиталистов может авансировать по 500 или распределить между собой эту сумму в другой пропорции; во всяком случае устанавливаются два положения: во-первых, их общей запасной суммы должно хватать для того, чтобы посредством нее осуществить обмен I 1 000 m и II 1000 c, во-вторых, как бы эта сумма ни была распределена, каждая группа капиталистов по окончании всего общественного обмена будет обладать такой же суммой денег, какую она бросила в обращение. Последнее вообще относится ко всему общественному обращению; после того как обращение закончилось, деньги всегда возвращаются к своей исходной точке, так что все капиталисты после всестороннего обмена достигают двойной цели: во-первых, они обменивают свои продукты, натуральная форма которых для них не имеет значения, на такие продукты, натуральную форму которых они потребляют как средства производства или как средства собственного потребления; во-вторых, деньги, которые они сами бросили в обращение для производства этих меновых актов, опять возвращаются в их руки.

С точки зрения простого товарного обращения это непонятный феномен. Товары и деньги меняют здесь постоянно свое место; обладание товаром исключает обладание деньгами; деньги всегда занимают место, освобожденное товаром, и наоборот. Это относится целиком к каждому индивидуальному акту товарообмена, под формой которого протекает общественное обращение. Но само общественное обращение представляет собой нечто большее, чем товарообмен; оно является обращением капитала. А для последнего как раз характерно и существенно то, что оно не только возвращает в руки капиталистов стоимость капитала вместе с прибылью, – прибавочной стоимостью, – но и выступает как посредник при общественном воспроизводстве и, следовательно, обеспечивает натуральную форму производительного капитала (средства производства и рабочую силу), а также содержание неработающих. Так как весь общественный процесс обращения исходит от капиталистов, владеющих как средствами производства, так и деньгами, необходимыми для обращения, то после каждого кругооборота общественного капитала все должно снова очутиться в их руках и притом у каждой группы и у каждого отдельного капиталиста в сумме, соответствующей их затратам. В руках рабочих деньги находятся только временно и служат посредником для обмена денежной формы переменного капитала на его натуральную форму: в руках капи-

¹ Для этого обмена Маркс («Капитал», т. II, стр. 402) принимает только денежную затрату со стороны капиталистов II. В конечном результате обращения это ничего не меняет, как правильно замечает Энгельс в подстрочном примечании, но, как предпосылка общественного обращения, это допущение неточно; правильное представление у самого Маркса.

талистов деньги выступают как форма проявления их капитала, а потому они постоянно должны к ним возвращаться. До сих пор мы рассматривали обращение лишь постольку, поскольку оно совершается между двумя крупными подразделениями производства. Но кроме этого у нас остались еще: 1) от продукта первого подразделения 4 000 в форме средств производства, которые остаются в подразделении I, чтобы обновить его собственный постоянный капитал 4 000 с, и 2) во втором подразделении 500 в средствах существования, которые также остаются в том же подразделении как средства потребления соответствующей части капиталистов и составляют их прибавочную стоимость на сумму II 500 т. Так как производство имеет в обоих подразделениях капиталистический характер, т. е. так как оно представляет собой нерегулируемое частное производство, то распределение собственного продукта каждого подразделения между относящимися к нему капиталистами – как средств производства подразделения I или как средств потребления подразделения II – не может произойти иначе, как путем товарообмена, следовательно, в результате большого числа отдельных актов купли-продажи, происходящих между капиталистами одного и того же подразделения. Для этого обмена, стало быть, для возобновления средств производства I 4 000 с и для возобновления средств потребления класса капиталистов II 500 т, капиталисты обоих подразделений тоже должны иметь на руках определенные денежные суммы. Эта часть обращения сама по себе не представляет особого интереса, так как она носит характер простого товарного обращения (покупатели и продавцы принадлежат к одной и той же категории агентов производства) и обуславливает лишь то обстоятельство, что деньги и товар обмениваются местами в пределах одного и того же класса и подразделения. Тем не менее деньги, необходимые для этого обращения, должны заранее находиться в руках капиталистов и являются частью их капитала.

До сих пор обращение всего общественного капитала, даже с точки зрения обращения денег, не представляло собой ничего особенного. То обстоятельство, что общество для этого обращения должно обладать известной суммой денег, вытекает как нечто само собой понятное из следующих причин: во-первых, всеобщей формой капиталистического способа производства является товарное производство, а этим уже дается денежное обращение; во-вторых, обращение капитала покоится на постоянной метаморфозе трех форм капитала – денежного капитала, производительного капитала и товарного капитала. Для того, чтобы эти метаморфозы могли совершаться, должны быть налично деньги, которые могли бы выполнять роль денежного капитала. Наконец, так как эти деньги функционируют в данном случае как капитал, – в нашей схеме мы имеем дело исключительно с капиталистическим производством, – то отсюда явствует, что эти деньги, как и капитал во всякой его форме, должны быть собственностью класса капиталистов и выбрасываться последним в обращение с тем, чтобы они из обращения к нему же вернулись обратно.

Только одна деталь может нас с первого взгляда озадачить. Если все циркулирующие в обществе деньги брошены в обращение капи-

талистами, то отсюда следует, что капиталисты сами должны авансировать деньги даже для реализации своей собственной прибавочной стоимости. Это похоже на то, как будто бы капиталисты как класс оплачивали свою собственную прибавочную стоимость своими же деньгами. А так как соответствующие деньги еще до реализации продукта каждого периода производства, т. е. уже заблаговременно, должны составлять собственность класса капиталистов, то на первый взгляд может показаться, что присвоение прибавочной стоимости основано не на неоплаченном труде наемных рабочих, как это имеет место в действительности, но что оно является результатом простого товарообмена, для которого сами капиталисты доставляют соответствующие суммы денег. Но стоит немного подумать, чтобы эта обманчивая видимость рассеялась как дым. Как до, так и после окончания процесса обращения класс капиталистов имеет на руках свои деньги, которые либо вернулись к нему, либо оставались у него, а между тем он приобрел и потребил на равную сумму средств существования, – надо заметить, что мы все время остаемся при основном условии схемы воспроизводства, – при простом воспроизводстве; мы предполагаем возобновление производства в старом масштабе и расходование всей производственной прибавочной стоимости на личное потребление класса капиталистов.

Но эта обманчивая видимость исчезает впрочем совершенно, если мы остановимся не на одном периоде воспроизводства, а рассмотрим несколько периодов в их последовательности и взаимном сплетении. То, что капиталисты в данный момент бросают в обращение в виде денег для реализации своей собственной прибавочной стоимости, представляет собою не что иное, как денежную форму их прибавочной стоимости, истекшего периода производства. Если капиталист должен из собственного кармана авансировать деньги для покупки средств существования, так как его вновь произведенная прибавочная стоимость имеет негодную для его потребления форму, а в ее годной для потребления форме она находится в руках другого, то те деньги, которые он сам теперь авансирует, в свою очередь очутились у него в кармане в результате реализации его прибавочной стоимости предыдущего периода. Эти деньги также вернутся к нему, когда он реализует свою новую прибавочную стоимость, воплощенную в товарной форме. Итак, из наблюдения над несколькими периодами получается следующая картина: класс капиталистов вылавливает из обращения не только все натуральные формы своего капитала, но и предметы собственного потребления; при этом его начальная денежная сумма, не изменяясь в своей величине, всегда остается его собственностью.

Из рассмотрения денежного обращения вытекает, что отдельный капиталист никогда не может превратить весь свой денежный капитал в средства производства, напротив того, он всегда должен оставлять известную часть капитала в денежной форме для переменного капитала, для заработных плат и отложить некоторый запас капитала для закупки в продолжение периода производства средств производства. Кроме этого запаса капитала, он должен еще обладать денежным запасом для личного потребления.

Отсюда вытекает, что для процесса воспроизводства всего общественно-го капитала необходимо производство и воспроизводство денежного материала. Но так как воспроизводство денежного материала тоже должно мыслиться, согласно нашему допущению, как производство капиталистическое, – в рассмотренной схеме Маркса мы имеем в виду только капиталистическое производство, – то схема, собственно, должна показаться неполной. Рядом с двумя крупными подразделениями общественного производства – производством средств производства и производством средств потребления – следовало бы в виде третьего подразделения поставить производство средств обмена, для которых как раз характерно то, что они не служат ни для производства, ни для потребления, а представляют общественный труд в безразличном, негодном для потребления товаре. Правда, деньги и производство денег, равно как и обмен и товарное производство, много старше, чем капиталистический способ производства, но при капиталистическом способе производства денежное обращение впервые стало всеобщей формой общественного обращения, а потому и существенным элементом общественного процесса воспроизводства. Лишь представление производства и воспроизводства денег в их органическом сплетении с двумя другими подразделениями общественного производства дало бы исчерпывающую схему всего капиталистического процесса в его существенных пунктах.

Здесь мы, без сомнения, уклоняемся от Маркса. Маркс относит производство золота (ради простоты все производство денег сводится к производству золота) к первому подразделению общественного производства. «Производство золота, как и вообще производство металлов, относится к классу I, к категории, которая охватывает производство средств производства»¹. Это верно лишь постольку, поскольку речь идет о производстве золота в смысле производства металла, т. е. металла для промышленных целей (для украшений, зубных пломб и т. д.); как деньги, золото – не металл, а олицетворение абстрактного общественного труда; а как таковые, они не являются ни средствами производства, ни средствами потребления. Впрочем один только взгляд на схему воспроизводства показывает, к каким неудобствам должно повести смешение средств обмена со средствами производства. Если мы рядом с обоими подразделениями общественного производства поставим схематическую картину годового производства золота (в смысле денежного материала), то мы получим следующие три ряда:

$$\begin{array}{l} \text{I. } 4\ 000\ c + 1\ 000\ v + 1\ 000\ m = 6\ 000\ \text{средств производства.} \\ \text{II. } 2\ 000\ c + 500\ v + 500\ m = 3\ 000\ \text{средств потребления.} \\ \text{III. } 20\ c + 5\ v + 5\ m = 30\ \text{денежных средств.} \end{array}$$

Величина стоимости в 30 (выбранная для примера Марксом), очевидно, не соответствует количеству денег, ежегодно обращающихся в обществе, она соответствует лишь ежегодно воспроизводимой части этой суммы денег, следовательно, ежегодному снашиванию денежного материала, которое при неизменном размере общественного воспроизводства, при неизменной продолжительности

¹ «Капитал», т. II, стр. 460.

оборота капитала и при неизменной быстроте обращения товаров в среднем остается одним и тем же. Если мы, согласно Марксу, рассмотрим третий ряд как составную часть первого, то обнаружится следующее затруднение. Постоянный капитал третьего подразделения 20 с состоит, как и в прочих двух подразделениях, из действительных, конкретных средств производства (строений, орудий, вспомогательных материалов, приборов и т.д.), но продукт этого подразделения 30 д, представляющий собою деньги, ни в каком процессе производства не может функционировать в своей натуральной форме как постоянный капитал. Следовательно, если мы примем этот продукт – 30 д – за составную часть продукта первого подразделения 6 000 сп., то мы получим общественный дефицит в средствах производства стоимостью в 30, – дефицит, который сделает невозможным воспроизводство в прежнем масштабе либо в подразделении I, либо в подразделении II. Согласно сделанному допущению, – которое образует основу всей марксовой схемы, – продукт каждого из обоих подразделений в своей вещественной, потребительной форме является исходной точкой воспроизводства, взятого в целом; пропорции марксовой схемы базируются именно на этом допущении – без него они приняли бы совершенно хаотический вид. Так, первая основная связь между стоимостями покоится на уравнении $I \ 6\ 000 \text{ сп} = I \ 4\ 000 \text{ с} + II \ 2\ 000 \text{ с}$. К продукту III 30 д это соотношение неприменимо, так как золото (хотя бы, например, в пропорции $I \ 20 \text{ с} + II \ 10 \text{ с}$) не может быть применено ни одним из подразделений как средство производства. Вторая основная связь, выведенная из первой, основывалась на уравнении $I \ 1\ 000 \text{ в} + 1\ 000 \text{ т} = II \ 2\ 000 \text{ с}$. Для производства золота это означало бы, что оно отнимает у подразделения II столько средств потребления, сколько оно дает ему средств производства. Но и это не имеет места. Правда, производство золота отнимает от всего общественного продукта как конкретные средства производства, которые оно применяет как постоянный капитал, так и конкретные средства потребления для его капиталистов и рабочих в количестве, соответствующем его переменному капиталу и прибавочной стоимости, но его собственный продукт так же мало может функционировать в качестве средств производства в каком-нибудь производстве, как входит в качестве средств существования в человеческое потребление. Включение производства денег в подразделение I нарушило бы все вещественные соотношения и пропорции стоимости марксовой схемы и лишило бы ее всякого значения.

Попытка подвести производство золота под подразделение I (средства производства) как часть его приводит Маркса к сомнительным результатам. Первый акт обращения между этим новым подразделением второго порядка, – которое Маркс называет I д, – и подразделением II (средства потребления) состоит в том, что рабочие подразделения I д покупают на денежную сумму (5 в), полученную от капиталистов в виде заработной платы, средства потребления у подразделения II. Употребленные для этого деньги еще не являются продуктом нового производства: они представляют собой денежный запас капиталистов I д из той денежной суммы, которая уже раньше имела в стране, что вполне в порядке вещей. Но тут Маркс заставляет капиталистов II купить у I д за счет полученных 5 в деньгах

на 2 золота как «товарного материала»; он перескакивает таким образом от производства денег к производству золота для промышленных целей, к производству, которое имеет столько же общего с проблемой производства денег, как производство сапожной ваксы. Но так как из полученных I д 5 v все еще остается 3, для которых капиталисты II не могут найти применения по той причине, что они не могут их потратить в виде постоянного капитала, то Маркс заставляет их накапливать эту сумму как денежное сокровище. Но чтобы не возник дефицит в постоянном капитале II, который ведь должен быть целиком обменен на средства производства (I v+m), Маркс находит следующий выход: «Эти деньги целиком подлежат перенесению из II с в II m, заключается ли последнее в средствах существования или в средствах роскоши, и, напротив, соответственная товарная стоимость подлежит перенесению из II m в II с. Результат: часть прибавочной стоимости накапливается как денежное сокровище»¹. Результат – довольно странный. При рассмотрении воспроизводства ежегодного изнашивания денежного материала внезапно обнаруживалось накопление денег в виде, сокровища, т. е. избыток в денежном материале. Этот избыток – неизвестно почему – возникает за счет капиталистов подразделения средств существования, которые должны поститься и притом не для того, чтобы расширить собственные производства прибавочной стоимости, но для того, чтобы работающие в производстве золота имели достаточное количество средств существования.

Но за эту христианскую добродетель капиталисты подразделения II получают достаточно плохую награду. Несмотря на «воздержание», они не только не могут приняться за расширение своего производства, но не в состоянии даже продолжать его в прежнем размере. Ибо если даже и перенести «товарную стоимость» из II m в II с, то ведь дело зависит не от одной стоимости, но и от вещественной конкретной формы этой стоимости; и так как часть продукта I состоит теперь из денег, которые не могут быть потреблены как средства производства, то II, несмотря на воздержание, фактически не может обновить свой постоянный капитал в полном объеме. Таким образом условие схемы – простое воспроизводство – было бы нарушено в двух направлениях: во-первых, обнаружилось бы накопление прибавочной стоимости в виде сокровища, и, во-вторых, обнаружился бы дефицит в постоянном капитале. Эти полученные Марксом результаты показывают, что производство денег нельзя подвести ни под одно из двух подразделений его схемы, не разрушая самой схемы. Это обнаруживается уже из первого обмена между подразделениями I и II. Задуманного Марксом исследования об обмене вновь произведенного золота, совершающемся в пределах постоянного капитала подразделения I, в рукописи, как отмечает Фр. Энгельс («Капитал», т. II, стр. 463, прим. 59), не оказалось. Оно бы только увеличило затруднения. Впрочем сам Маркс подтверждает наше понимание и исчерпывает вопрос в двух словах, когда он так сжато и метко заявляет, что «деньги сами по себе не составляют элемента действительного воспроизводства»².

¹ «Капитал», т. II, стр. 462.

² Там же, стр. 480,

Представление производства денег как особого третьего подразделения всего общественного производства имеет еще одно веское основание. Марксова схема простого воспроизводства как основа и исходная точка процесса воспроизводства имеет силу не только для капиталистического, но *mutatis mutandis* и для всякого планомерно регулируемого хозяйственного строя, например, для социалистического. Напротив того, производство денег отпадает вместе с товарной формой продукта, т. е. с частной собственностью на средства производства. Оно образует «ложные расходы» (*falsche Kosten*) анархического способа хозяйства при капитализме, специфическое бремя частнохозяйственного общества, находящее свое выражение в ежегодном расходовании значительной массы труда на производство продуктов, которые не могут служить ни средствами производства, ни средствами потребления. Эта специфическая затрата труда капиталистически производящего общества, – затрата, которая отпадает в общественно регулируемом хозяйстве, – находит самое точное выражение в особом подразделении процесса воспроизводства всего капитала. При этом совершенно безразлично, представляем ли мы себе такую страну, которая сама производит золото, или такую, которая получает его из-за границы. В последнем случае посредством обмена производится та же самая затрата общественного труда, которая нужна была для непосредственного производства золота.

Из сказанного до сих пор видно, что проблема воспроизводства всего общественного капитала не так проста, как это часто представляется исключительно с точки зрения кризисов. С точки зрения кризисов вопрос ставится примерно так: как это возможно, что в хозяйстве бесконечного числа отдельных капиталистов, в хозяйстве, лишенном всякого плана, все потребности общества покрываются его производством? Ответом на этот вопрос должна служить ссылка на постоянные колебания производства около спроса, т. е. ссылка на периодическую смену конъюнктур. При этом понимании, когда весь общественный продукт рассматривается как одна сплошная товарная масса, а общественные потребности соответствующим образом трактуются в общей и неясной форме, совершенно упускается из виду самое главное – *differentia specifica* капиталистического способа производства. Проблема капиталистического воспроизводства, как мы видели, таит в себе целый ряд точных соотношений, которые относятся как к специфически капиталистическим категориям, так и – *mutatis mutandis* – к всеобщим категориям человеческого труда, – соотношений, которые будучи объединены в их противоречии и в их совпадении, и составляют действительную проблему капиталистического воспроизводства. Марксова схема является научным разрешением этой проблемы.

Мы должны себе поставить вопрос, какое значение имеет анализированная схема процесса воспроизводства в действительности. Согласно этой схеме, весь общественный продукт входит в обращение без всякого остатка, все запросы потребления удовлетворены, воспроизводство протекает гладко, денежное обращение следует за товарным обращением, круг движения общественного капитала замыкается правильно. Но как это выглядит на деле? Для планомерно направляемого производства, – предполагая, опять-таки, простое

воспроизводство, т. е. неизменный размер производства, – схема в своих соотношениях дает точное основание для разделения общественного труда. Но в капиталистическом хозяйстве нет никакой планомерной организации всего процесса. Поэтому он и не протекает в капиталистическом хозяйстве так гладко по математической формуле, как это показывает схема. Напротив того, кругооборот воспроизводства протекает при постоянных отклонениях от соотношений схемы. Это проявляется:

в ежедневном колебании цен,
в постоянных изменениях прибыли,
в беспрестанном передвижении капиталов из одной отрасли в другую,
в периодическом циклическом колебании воспроизводства между чрезмерным напряжением и кризисом.

Но марксова схема при всех этих отклонениях представляет собой ту необходимую общественную среднюю, вокруг которой совершаются указанные движения и к которой они снова стремятся после того, как они от нее отклонились. Благодаря этой средней достигается то, что колебательные движения отдельных капиталов не вырождаются в хаос, а удерживаются в пределах известной закономерности, которая гарантирует обществу дальнейшее существование, несмотря на отсутствие в нем планомерности.

Если сравнивать марксову схему воспроизводства с «Tableau economique» Кенэ, то сходство, равно как и громадная разница, сразу бросается в глаза. Обе эти схемы, из которых одна начинается, а другая заканчивается период развития классической политической экономии, являются единственными попытками точного представления того кажущегося хаоса, который представляет собой все движения капиталистического производства и потребления в их взаимном сплетении и распадении на бесчисленное множество частных производителей и потребителей. Обе схемы сводят беспорядочное движение отдельных капиталов к нескольким простым связям, на которых держится возможность существования и развития капиталистического общества, несмотря на то, что оно носит анархический и нерегулируемый характер. Обе они объединяют двойственную точку зрения, которая лежит в основе движения всего общественного капитала, – оно в одно и то же время, как движение капитала, является производством и присвоением прибавочной стоимости и, как общественное движение, – производством и потреблением вещественных предметов, необходимых для культурного существования человечества. В обеих схемах весь процесс совершается при посредстве обращения продуктов как обращения товаров, а движение денег следует за обращением товаров на его поверхности и является лишь его внешним выражением.

Но в самом характере проведения этих основных линий есть глубокая разница. Кенэ в «Tableau» делает производство прибавочной стоимости одним из полюсов всего общественного производства, но прибавочную стоимость он рассматривает еще в наивной феодальной форме земельной ренты и принимает, следовательно, часть за целое.

Вещественные различия в массе всего продукта «Tableau» делает вторым полюсом общественного воспроизводства, но эти веществен-

ные различия оно рассматривает под углом зрения наивного противопоставления сельскохозяйственных и мануфактурных продуктов; оно принимает таким образом внешние различия в материи, с которой работающему человеку приходится иметь дело, за основные категории процесса человеческого труда вообще.

Маркс понимает производство прибавочной стоимости в ее чистой и всеобщей, а следовательно, и абсолютной форме производства капитала. В то же самое время Маркс рассматривает вечные вещественные условия производства, проводя основное разделение между производством средств производства и производством средств потребления; соотношение между тем и другим он сводит к точным пропорциям стоимости.

На вопрос о том, почему решение проблемы, так удачно начатое Кенэ, потерпело крушение в позднейшей буржуазной политической экономии, и что потребовалось для того огромного шага вперед, который был сделан анализом проблемы при помощи марксовой схемы, – придется ответить, что здесь имели значение главным образом два предварительных условия. Прежде всего марксова схема воспроизводства покоится на проведении ясного и резкого различия между двумя сторонами труда в товарном производстве: между полезным конкретным трудом, создающим определенные потребительные стоимости, и абстрактным общечеловеческим трудом, создающим общественно-необходимые стоимости. Эта гениальная основная мысль марксовой теории стоимости, которая между прочим сделала для него возможным решение денежной проблемы, привела его к разделению и соединению обеих точек зрения во всем процессе воспроизводства: точки зрения стоимости и точки зрения вещественных отношений. Далее в основе марксовой схемы лежит резкое разделение между постоянным и переменным капиталом, – разделение, при котором только и стало возможно вскрыть внутренний механизм производства прибавочной стоимости и привести ее как отношение стоимости в точную связь с обеими вещественными категориями производства – со средствами производства и средствами потребления.

С этими положениями почти что столкнулась классическая экономия после Кенэ в лице Смита и Рикардо. У Рикардо теория стоимости получила то строгое изложение, благодаря которому ее часто смешивают с теорией Маркса. С точки зрения своей теории стоимости Рикардо признал, неправильным смитовское разложение цены всех товаров на $(v+m)$, которое наделало столько бед в анализе воспроизводства; но он не думал дальше над этой ошибкой Смита и не интересовался проблемой всего воспроизводства, взятого в целом. Вообще рикардовский анализ сделал в известном смысле шаг назад по отношению к Смигу, который со своей стороны отчасти сделал шаг назад по сравнению с физиократами. Если Рикардо разработал основные категории буржуазной экономики – стоимость, заработную плату, прибавочную стоимость, капитал – гораздо резче и последовательнее, чем все его предшественники, то он зато придал им более неподвижную форму.

Ад. Смит проявил гораздо больше понимания живых связей и движения в его целом. Если Смигу подчас ничего не стоило дать для

одной и той же проблемы два и, как в случае проблемы стоимости, даже три и четыре различных решения и в различных частях анализа впадать в явное противоречие с самим собой, то именно его противоречия приводили его к тому, что он рассматривал проблему, взятую целиком, со всех сторон и мыслил ее в состоянии движения. Препятствием, на котором потерпели крушение и Смит и Рикардо, был их ограниченно-буржуазный горизонт. Чтобы понять основные категории капиталистического производства – стоимость и прибавочную стоимость – в их живом движении как общественный процесс воспроизводства, надо было понять это движение исторически, а самые категории – как исторически обусловленные формы всеобщих отношений труда. Отсюда следует, что проблема воспроизводства всего общественного капитала могла быть разрешена только социалистом. Между «Tableau economique» и схемой воспроизводства во II томе «Капитала» лежит расцвет и исход буржуазной экономики не только по времени, но и по ее содержанию.

Глава шестая

РАСШИРЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

Недостаточность схемы простого воспроизводства очевидна: она дает законы такой формы воспроизводства, которая встречается при капиталистических производственных отношениях только как случайное исключение. Для капиталистического способа хозяйства еще в большей мере, чем для всякого другого хозяйства, типично не простое, а расширенное воспроизводство¹. Несмотря на это, схема имеет вполне научное значение и притом в двояком смысле. Практически даже при расширенном воспроизводстве наибольшая часть всего продукта постоянно уместается в рамки простого воспроизводства. Последнее образует широкий базис, на котором происходит постоянное расширение производства за пределы прежних границ. Теоретически анализ простого воспроизводства образует необходимую исходную точку всякого точного научного представления расширенного воспроизводства. Этим самым проблема простого воспроизводства всего общественного капитала сама ведет к проблеме расширенного воспроизводства всего капитала.

Мы знаем уже историческую особенность расширенного воспроизводства на капиталистическом базисе; оно должно выступать в виде **н а к о п л е - н и я к а п и т а л а**, которое является в одно и то же

¹ «Предположение, допускаемое при простом воспроизводстве, именно, что $I(v+m) = IIc$, не только несовместимо с капиталистическим производством, – это впрочем не исключает того, что в промышленном цикле в 10-11 лет все производство одного какого-нибудь года часто бывает меньше, чем в предыдущем году, так что по сравнению с предыдущим годом не происходит даже простого воспроизводства, – но кроме того при естественном годовом приросте населения простое воспроизводство могло бы происходить лишь постольку, поскольку соответственно большее количество непроизводительной прислуги принимало бы участие в потреблении тех 1 500, которые представляют всю прибавочную стоимость. Напротив, накопление капитала, т. е. действительное капиталистическое производство, при этом было бы невозможно». («Капитал», т. II, стр. 512-13).

время его специфической формой и его условием. Это значит, что все общественное производство, которое на капиталистическом базисе является производством прибавочной стоимости, может расширяться лишь в том смысле и в той мере, поскольку общественный капитал, действовавший до момента расширения производства, получает прирост за счет созданной им прибавочной стоимости. Применение части прибавочной стоимости, и притом части все возрастающей, для производительных целей, вместо того, чтобы расходовать ее на личное потребление класса капиталистов или накапливать в виде денежного сокровища, – таков базис расширенного воспроизводства при капиталистических отношениях производства.

Элементом расширенного воспроизводства всего общественного капитала точно так же, как при простом воспроизводстве, которое предполагалось нами до сих пор, является воспроизводство отдельного капитала. Ибо все производство в целом, – станем ли мы рассматривать его как простое, или как расширенное, – совершается фактически в виде бесчисленного множества самостоятельных процессов воспроизводства отдельных частных капиталов. Первый исчерпывающий анализ накопления отдельного капитала дан в первом томе «Капитала» Маркса в седьмом отделе, в главах 22 и 23. Здесь Маркс рассматривает разделение прибавочной стоимости на капитал и доход, обстоятельства, определяющие размер накопления независимо от той пропорции, в которой прибавочная стоимость распадается на капитал и доход, степень эксплуатации рабочей силы и производительность труда, далее, рост основного капитала по сравнению с оборотным как момент накопления и, наконец, прогрессивное возрастание промышленной резервной армии, которая является одновременно и следствием и предпосылкой процесса накопления. Попутно Маркс разделяется здесь с двумя выдумками буржуазной экономии относительно накопления: во-первых, с вульгарно-экономической «теорией воздержания», которая выдает акт деления прибавочной стоимости на капитал и доход, а следовательно, и само накопление за этический подвиг капиталистов, и, во-вторых, с ошибкой классической экономии, по которой вся капитализированная часть прибавочной стоимости идет на «потребление производительных рабочих», т. е. расходуется на заработную плату для вновь занимаемых рабочих. Это неправильное допущение, которое совершенно упускает из виду, что всякое расширение производства должно выражаться не только в увеличении числа занятых рабочих, но и в увеличении вещественных средств производства (построек, инструментов и уже во всяком случае сырых материалов), покоится на рассмотренном уже неправильном «догмате» Ад. Смита. Ошибочное представление, по которому цена всех товаров – при полном игнорировании постоянного капитала – распадается только на заработную плату и прибавочную стоимость, обуславливало и допущение, что для расширения производства достаточно затратить больше капитала на заработную плату. Удивительно, что даже Рикардо, который подчас по крайней мере признавал ошибки смитовского учения, определенно перенимает ошибочные выводы этой теории, когда он пишет: «Необходимо понять, что все продукты страны потребляются; но величайшее различие, которое можно себе представить, состоит в том,

по-

требляются ли они теми, кто воспроизводит новую стоимость, или теми, кто ее не воспроизводит. Если мы говорим, что доход сберегается и превращается в капитал, то мы разумеем под этим, что та часть дохода, о которой говорится, что она превратилась в капитал, потребляется производителями, а не непродуцированными рабочими». Согласно этому странному представлению, по которому все произведенные продукты потребляются людьми, вследствие чего в совокупном общественном продукте совершенно не остается места для несъедобных средств производства, каковы орудия, машины, сырые материалы и постройки, – расширенное воспроизводство осуществляется, как это ни странно, таким образом, что вместо части более утонченных средств существования для класса капиталистов производятся обыкновенные средства существования для новых рабочих в количестве, соответствующем капитализированной части прибавочной стоимости. Иного изменения, кроме того, которое происходит внутри производства средств существования, классическая теория расширенного воспроизводства не знает. После того, что изложено выше, само собой понятно, что Маркс шутя справился с этой элементарной ошибкой Смита-Рикардо. Как при простом воспроизводстве рядом с производством необходимой для рабочих и капиталистов массы средств существования должно иметь место регулярное возобновление постоянного капитала – вещественных средств производства, так и при расширенном воспроизводстве часть нового добавочного капитала должна быть затрачена на увеличение постоянной части его, т. е. на увеличение количества вещественных средств производства. Здесь выступает еще другой открытый Марксом закон. Постоянная часть капитала, забываемая всегда классической экономией, неизменно растет в отношении к переменной части капитала, затраченной на заработную плату. Это – лишь капиталистическое выражение общих результатов возрастающей производительности труда. С техническим прогрессом живой труд приобретает возможность в меньшие промежутки времени приводить в движение все увеличивающиеся массы средств производства и вырабатывать все большие массы продуктов. Капиталистически это означает прогрессивное уменьшение издержек на живой труд, т. е. на заработную плату, по сравнению с издержками на мертвые средства производства. Следовательно, расширенное воспроизводство должно не только – вопреки допущению Смита-Рикардо – начинаться с разделения капитализированной части прибавочной стоимости на постоянный и переменный капитал: это деление с техническим прогрессом производства должно происходить таким образом, чтобы относительно все большая доля приходилась на постоянный капитал и относительно все меньшая доля – на переменный. Это непрерывное количественное изменение в составе капитала образует специфическую форму проявления процесса накопления капитала, т. е. расширенного воспроизводства на капиталистическом базисе¹.

¹ «Специфически капиталистический способ производства, соответствующее ему развитие производительной силы труда, вызываемое им изменение органического состава капитала не только идут рука об руку с прогрессом накопления или с возрастанием общественного богатства, – они идут несравненно быстрее, потому что простое накопление или абсолютное увеличение всего общественного

Другая сторона этого постоянного изменения отношения постоянной части капитала к переменной состоит в том, что Маркс называет образованием относительного, т. е. для средних потребностей капитала избыточного, а потому излишнего или добавочного рабочего населения. Производство этих резервов незанятых промышленных рабочих (это понятие здесь употреблено в широком смысле, оно включает и пролетариев, которые находятся под властью торгового капитала), имеющих всегда в запасе и обращающих со своей стороны необходимую предпосылку внезапного расширения производства во времена высокой конъюнктуры, входит в число специфических условий накопления капитала¹.

Итак, из накопления отдельного капитала мы можем вывести четыре следующих момента расширенного воспроизводства:

1. Размер расширенного воспроизводства в известных границах независим от прироста капитала и может переступить пределы этого прироста. Методы, которыми это достигается, состоят в повышении эксплуатации рабочей силы и сил природы и в повышении производительности труда (включая в последнее повышение деятельности основной части капитала).

2. Исходной точкой всякого действительного накопления является деление подлежащей капитализации части прибавочной стоимости на постоянный и переменный капитал.

3. Накопление как общественный процесс сопровождается постоянным изменением отношения постоянного капитала к перемен-

капитала сопровождается централизацией его индивидуальных элементов, а технический переворот в добавочном капитале – техническим переворотом в первоначальном капитале. С прогрессом накопления отношение постоянной к переменной части капитала изменяется таким образом, что если первоначально оно составляет 1:1, то потом оно превращается в 2:1, 3:1, 4:1, 5:1, 7:1 и т. д., так что по мере возрастания капитала в рабочую силу превращается не $\frac{1}{2}$ его общей стоимости, а прогрессивно лишь $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{8}$ и т. д., в средства же производства – $\frac{2}{3}$, $\frac{3}{4}$, $\frac{4}{5}$, $\frac{5}{6}$, $\frac{7}{8}$ и т. д. Так как спрос на труд определяется не размером всего капитала, а размером его переменной составной части, то он прогрессивно уменьшается по мере возрастания всего капитала вместо того, чтобы, как мы предполагали раньше, увеличиваться пропорционально этому возрастанию. Он понижается относительно по сравнению с величиной всего капитала, понижается в прогрессии, ускоряющейся с возрастанием этой величины. Хотя с возрастанием всего капитала увеличивается и его переменная составная часть или включаемая в его состав рабочая сила, но увеличивается она в постоянно убывающей пропорции. Промежутки, на протяжении которых накопление действует как простое расширение производства на данном техническом базисе, все сокращаются. Ускоряющаяся в растущей прогрессии накопление всего капитала становится условием того, чтобы можно было поглотить определенное добавочное число рабочих, и даже того, чтобы, несмотря на постоянные метаморфозы старого капитала, уже функционирующие рабочие сохранили работу. Мало того, это возрастающее накопление и централизация в свою очередь сами превращаются в источник нового изменения состава капитала или нового ускоренного уменьшения его переменной части по сравнению с постоянной». («Капитал», т. I, стр. 646).

¹ «Характерный жизненный путь современной промышленности, представляющий форму прерываемого небольшими колебаниями десятилетнего цикла периодов среднего оживления производства под высоким давлением, кризиса и застоя, покоится на постоянном образовании, большем или меньшем поглощении и снова образовании промышленной резервной армии или перенаселения. Превратности промышленного цикла в свою очередь увеличивают перенаселение и становятся одним из наиболее энергичных факторов его воспроизводства». («Капитал», т. I, стр. 650).

ному, при этом часть капитала, затраченная на неодушевленные средства производства, постоянно растет в отношении к части капитала, затраченной на заработные платы.

4. Другое попутное явление и условие процесса накопления состоит в образовании промышленной резервной армии.

Уже эти моменты, полученные из рассмотрения процесса воспроизводства отдельного капитала, представляют огромный шаг вперед по сравнению с анализом буржуазной экономии. Но теперь дело идет о том, чтобы, исходя из движения отдельного капитала, дать картину накопления всего капитала. Как и в схеме простого воспроизводства, производство прибавочной стоимости, как таковой, и вещественный процесс труда (производство средств производства и производство средств потребления) должны быть и для расширенного воспроизводства приведены в точное соотношение между собой под углом зрения накопления.

Самое существенное различие между расширенным воспроизводством и простым состоит в том, что при последнем вся прибавочная стоимость потребляется классом капиталистов и его придатками, в то время как при первом часть прибавочной стоимости отнимается от фонда личного потребления ее владельца, но не для того, чтобы накапливать ее в виде денежного сокровища, а для того, чтобы прибавить ее к действующему капиталу, иначе говоря, чтобы капитализировать ее. Однако для того, чтобы последнее действительно могло иметь место, необходимо, чтобы новый добавочный капитал нашел предварительно данными вещественные условия своей деятельности. Следовательно, здесь должен быть принят во внимание конкретный состав всего общественного продукта. Уже при рассмотрении накопления отдельного капитала в I томе «Капитала» Маркс говорит:

«Прежде всего годовое производство должно доставить все те предметы (потребительные стоимости), на счет которых могут быть возмещены вещественные составные части капитала, потребленные в течение года. За исключением этой части остается чистый или прибавочный продукт, в котором заключается прибавочная стоимость. Но из чего состоит этот прибавочный продукт? Быть может, из предметов, предназначенных для удовлетворения потребностей и прихотей класса капиталистов, – предметов, входящих таким образом в их потребительный фонд? Если бы это было так, то прибавочная стоимость была бы прокучена до последнего гроша, и мы имели бы перед собой простое воспроизводство. Для того, чтобы накапливать, необходимо часть прибавочного продукта превращать в капитал. Но, не совершая чуда, можно превращать в капитал лишь такие предметы, которые могут быть применены в процессе труда, т. е. средства производства, и далее, такие предметы, которые способны поддерживать жизнь рабочего, т. е. средства существования. Следовательно, часть годового прибавочного труда должна быть употреблена на изготовление добавочных средств производства и существования, избыточных по сравнению с тем их количеством, которое необходимо для возмещения авансированного капитала. Одним словом, прибавочная стоимость лишь потому может быть превращена в капитал, что прибавочный продукт, стоимостью которого она является, уже

заключает в себе вещественные составные части нового капитала»¹.

Но добавочных средств производства и добавочных средств существования, разумеется, еще недостаточно, чтобы осуществить расширенное воспроизводство: необходимы еще добавочные рабочие силы. Но это условие, по Марксу, не сулит особых затруднений: «Об этом также позаботился самый механизм капиталистического производства: он воспроизводит рабочий класс как класс, зависящий от заработной платы, обычный уровень которой достаточен не только для его самосохранения, но и для его размножения. Эти добавочные рабочие силы различных возрастов ежегодно доставляются капиталу самим рабочим классом, так что остается только соединить их с добавочными средствами производства, уже заключающимися в продукте годового производства, – и превращение прибавочной стоимости в капитал готово»².

Здесь мы имеем первое решение, которое Маркс дает для проблемы накопления всего капитала. Не занимаясь дальше этой стороной вопроса в томе I «Капитала», Маркс возвращается к этой проблеме лишь в конце тома II своего главного труда: последняя, 21 глава этого тома посвящена накоплению и расширенному воспроизводству всего общественного капитала.

Рассмотрим теперь поближе схематическое изображение накопления у Маркса. По примеру уже известной нам схемы простого воспроизводства Маркс конструирует схему расширенного воспроизводства. При сравнении обеих схем яснее всего обнаруживается различие между ними.

Допустим, что весь годичный продукт общества представляет собой величину в 9 000 (под которыми можно понимать миллионы рабочих часов, или, выражаясь капиталистически, – в деньгах – любую сумму денег). Пусть весь этот продукт распределяется следующим образом:

$$\begin{array}{l} \text{I. } 4\,000\ c + 1\,000\ v + 1\,000\ m = 6\,000 \\ \text{II. } 2\,000\ c + 500\ v + 500\ m = 3\,000 \end{array} \quad \left. \vphantom{\begin{array}{l} \text{I. } \\ \text{II. } \end{array}} \right\} \text{ сумма } 9\,000$$

Первое подразделение представляет средства производства, второе – средства существования. Один лишь взгляд на числовые отношения показывает, что здесь может иметь место только простое воспроизводство. Средства производства, изготовленные в первом подразделении, равняются сумме действительно потребленных в обоих подразделениях средств производства, простое обновление которых допускает лишь повторение производства в прежнем масштабе. С другой стороны, весь продукт второго подразделения, представляющего производство средств существования, равняется сумме заработных плат и прибавочных стоимостей обоих подразделений; это показывает, что и наличные средства существования дают возможность занимать лишь прежнее количество рабочих сил и что вся прибавочная стоимость уходит на средства существования класса капиталистов, т. е. на их личное потребление.

¹ «Капитал», т. I, стр. 588-589.

² Л. с., т. I, стр. 589.

Но возьмем тот же совокупный продукт в 9 000 в следующем составе:

$$\begin{array}{l} \text{I. } 4\,000\ c + 1\,000\ v + 1\,000\ m = 6\,000 \\ \text{II. } 1\,500\ c + 750\ v + 750\ m = 3\,000 \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{l} \text{I. } \\ \text{II. } \end{array}} \right\} \text{сумма } 9\,000$$

Здесь бросаются в глаза двоякого рода несоразмерности. Изготовленная масса средств производства (6 000) по стоимости на 500 больше количества средств производства, действительно потребленных обществом (4 000 c + 1 500 v). В то же самое время количество произведенных средств существования (3 000) на 500 меньше итога, который получается от сложения суммы выплаченных заработных плат, т. е. потребностей рабочих (1 000 v + 750 v), и суммы произведенной прибавочной стоимости (1 000 m + 750 m). Но так как возможность уменьшения количества занятых рабочих исключена, то отсюда следует, что потребление класса капиталистов должно быть меньше выжатой ими прибавочной стоимости. Этим самым соблюдаются оба предварительных условия, которые необходимы для расширенного воспроизводства на капиталистическом базисе: часть присвоенной прибавочной стоимости не потребляется, а применяется для производительных целей и в то же время производится увеличенное количество средств производства, дабы капитализированная прибавочная стоимость действительно могла быть применена для расширения производства.

Если мы при рассмотрении схемы простого воспроизводства нашли, что его основные общественные условия заключаются в следующем точном соотношении: сумма произведенных средств производства (продукт подразделения I) должна по своей стоимости равняться постоянному капиталу обоих подразделений, а сумма произведенных средств существования (продукт подразделения II) – сумме переменных капиталов и прибавочных стоимостей обоих подразделений, – то мы для расширенного воспроизводства должны вывести два противоположных соотношения. Всеобщая предпосылка расширенного воспроизводства состоит в следующем: продукт подразделения I по стоимости больше постоянного капитала обоих подразделений, продукт подразделения II – опять-таки по стоимости – меньше суммы переменных капиталов и прибавочных стоимостей обоих подразделений.

Но этим мы далеко еще не исчерпали анализа расширенного воспроизводства. Напротив того, мы только едва к нему подошли.

Мы должны проследить выведенные для схемы соотношения в их дальнейшем движении, в процессе обращения воспроизводства. Если простое воспроизводство можно сравнить с движением по раз навсегда проложенному кругу, то расширенное воспроизводство, по выражению Сисмонди, идет по спирали, которая все расширяется. Нам предстоит таким образом прежде всего ближе исследовать обороты этой спирали. Первый общий вопрос, который при этом возникает, таков: каким образом действительное накопление в обоих подразделениях совершается при известных нам теперь предварительных условиях так, чтобы капиталисты, капитализируя часть прибавочной стоимости, находили в то же самое время необходимые вещественные условия для расширенного воспроизводства?

Маркс разъясняет этот вопрос на следующей схематической картине.

Положим, что половина прибавочной стоимости I идет на накопление. Следовательно, капиталисты затрачивают 500 на свое потребление, а 500 прибавляют к капиталу. Чтобы дать занятие этому дополнительному капиталу в 500, он, как мы уже знаем, должен быть разделен на постоянный и переменный капитал. Положим, что отношение между последними, несмотря на расширение производства, остается так и же, как и в первоначальном капитале, т. е. равным отношению 4:1. В таком случае капиталисты подразделения I распределяют свой добавочный капитал в 500 следующим образом: на 400 они купят средства производства, а на 100 новую рабочую силу. Приобретение на 400 новых средств производства не представляет никаких затруднений; мы знаем, что подразделение I уже произвело избыточных средств производства на 500. Стало быть из этого количества $\frac{4}{5}$ будут применены в пределах подразделения I для того, чтобы осуществить расширение производства. Но для соответствующего увеличения переменного капитала недостаточно 100 единиц в деньгах: новые, добавочные, рабочие силы должны найти соответствующие средства существования, и эти последние могут быть получены только от подразделения II. Следовательно, обращение между нашими двумя большими подразделениями теперь видоизменяется. Прежде, при простом воспроизводстве, подразделение I должно было взять у подразделения II на 1 000 средств существования для своих собственных рабочих. Теперь оно должно выйти за пределы этой суммы и взять у подразделения II еще на 100 средств существования для рабочих. Подразделение I начнет таким образом расширенное воспроизводство с

$$4\ 400\ c + 1\ 010\ v.$$

Подразделение II со своей стороны получает возможность через продажу дополнительных средств существования на 100 приобрести у подразделения I на 100 единиц больше средств производства, чем раньше. В самом деле, от всего избытка продукта подразделения I осталось как раз 100. Это количество приобретает подразделение II, чтобы со своей стороны приняться за расширение производства. Но одним только увеличением количества средств производства и здесь ничего не сделаешь. Чтобы привести их в движение, необходимы дополнительные рабочие силы. Если мы допустим, что капитал сохраняет свой прежний состав, т. е. что отношение постоянного капитала к переменному остается равным отношению 2:1, то для приведения в движение дополнительных средств производства на 100 необходимо иметь новых рабочих сил на 50. Но для новых рабочих сил нужны еще новые средства существования на сумму, равную их заработной плате; эти последние поставляет само подразделение II. Соответственно этому из всего продукта подразделения II помимо дополнительных средств существования в 100 для новых рабочих подразделения I, для рабочих подразделения II должно быть затрачено средств существования на 50 больше, чем раньше. Следовательно, второе подразделение начинает расширенное воспроизводство следующими соотношениями:

$$1\ 600\ c + 800\ v.$$

Теперь весь продукт подразделения I (6 000) целиком исчерпан в обращении: 5 500 были необходимы для простого возобновления старых потребленных средств производства в обоих подразделениях, 400 были употреблены на расширение производства в подразделении I, а 100 – для той же цели в подразделении II. Что касается всего продукта подразделения II (3 000), то 1 900 из этого количества затрачены на возросший штат рабочих сил обоих подразделений. Остальные 1 100 в средствах существования служат для личного потребления капиталистов, для потребления их прибавочной стоимости; при этом 500 потребляются в подразделении I, а 600 идут на потребление капиталистов подразделения II, которые из своей прибавочной стоимости в 750 капитализируют лишь 150 (100 для средств производства и 50 для заработной платы).

Теперь расширенное воспроизводство может начаться. Если мы оставим норму эксплуатации равной 100%, как при начальном капитале, то мы для следующего периода получим:

$$\begin{array}{l} \text{I. } 4\,400\,c + 1\,100\,v + 1\,100\,m = 6\,600 \\ \text{II. } 1\,600\,c + 800\,v + 800\,m = 3\,200 \end{array} \quad \left. \vphantom{\begin{array}{l} \text{I. } \\ \text{II. } \end{array}} \right\} \text{сумма } 9\,800$$

Весь продукт общества возрос с 9 000 до 9 800, прибавочная стоимость подразделения I – с 1 000 до 1 100, прибавочная стоимость подразделения II – с 750 до 800, и цель капиталистического расширения производства – увеличенное производство прибавочной стоимости – достигнута. Но в то же самое время вещественный состав всего общественного продукта опять обнаруживает, во-первых, излишек средств производства (6 600) величиной в 600 над количеством средств производства, которое было потреблено в действительности (4 400 + 1 600), и, во-вторых, дефицит в средствах существования (3 200) по сравнению с суммой выплаченных в истекший период заработных плат (1 100 v + 800 v) и добытой за это время прибавочной стоимости (1 100 m + 800 m). Но этим уже опять дается вещественное основание и необходимость употребить некоторую часть прибавочной стоимости не на потребление капиталистов, а на новое расширение процесса производства.

Таким образом вторичное расширение производства и увеличенное производство прибавочной стоимости с их математически точными соотношениями вытекают сами собой из первого. Раз начавшееся накопление капитала продолжается уже чисто механически. Круг обратился в спираль, которая, описывая все более широкие обороты, нарастает таким образом, как будто бы это происходило под принудительным давлением математически точного закона природы. Если мы и для следующих лет примем капитализацию половины прибавочной стоимости подразделения I и сохраним прежний состав капитала и норму эксплуатации, то мы получим следующую прогрессию для воспроизводства всего общественного капитала:

Второй год:

$$\begin{array}{l} \text{I. } 4\,840\,c + 1\,210\,v + 1\,210\,m = 7\,260 \\ \text{II. } 1\,760\,c + 880\,v + 880\,m = 3\,520 \end{array} \quad \left. \vphantom{\begin{array}{l} \text{I. } \\ \text{II. } \end{array}} \right\} \text{сумма } 10\,780$$

Третий год:

$$\begin{array}{l} \text{I. } 5\,324\,c + 1\,331\,v + 1\,331\,m = 7\,986 \\ \text{II. } 1\,936\,c + 968\,v + 968\,m = 3\,872 \end{array} \quad \left. \vphantom{\begin{array}{l} \text{I. } \\ \text{II. } \end{array}} \right\} \text{сумма } 11\,858$$

Четвертый год:

$$\begin{array}{l} \text{I. } 5\,856\,c + 1\,464\,v + 1\,464\,m = 8\,784 \\ \text{II. } 2\,129\,c + 1\,065\,v + 1\,065\,m = 4\,249^1 \end{array} \quad \left. \vphantom{\begin{array}{l} \text{I. } \\ \text{II. } \end{array}} \right\} \text{сумма } 13\,033$$

Пятый год:

$$\begin{array}{l} \text{I. } 6\,442\,c + 1\,610\,v + 1\,610\,m = 9\,662 \\ \text{II. } 2\,342\,c + 1\,172\,v + 1\,172\,m = 4\,686 \end{array} \quad \left. \vphantom{\begin{array}{l} \text{I. } \\ \text{II. } \end{array}} \right\} \text{сумма } 14\,348$$

Таким образом, за пять лет накопления весь общественный продукт возрос бы с 9 000 до 14 348, весь общественный капитал – с $5\,400\,c + 1\,750\,v = 7\,150$ до $8\,784\,c + 2\,782\,v = 11\,566$, а прибавочная стоимость – с $1\,000\,m + 500\,m = 1\,500$ до $1\,464\,m + 1\,065\,m = 2\,529$; при этом личное потребление капиталистами прибавочной стоимости увеличилось с 1 500 в начале накопления до $732 + 958$ (в последнем году) = $1\,690^2$. Таким образом, класс капиталистов больше капитализировал, проявил большее «воздержание» и в то же время мог жить более широко, чем раньше. Общество стало богаче как в вещественном отношении, – оно богаче средствами производства и средствами существования, – так и в капиталистическом смысле, – оно производит все возрастающую прибавочную стоимость. Весь общественный продукт целиком расходуется в процессе общественного обращения: он служит отчасти для расширения воспроизводства, отчасти для целей потребления. В то же самое время потребности капиталистического накопления совпадают с вещественным составом всего общественного продукта; дело происходит так, как указывал Маркс в I томе «Капитала»: возросшая прибавочная стоимость именно потому может быть прибавлена к капиталу, что общественный прибавочный продукт рождается на свет прямо в вещественной форме средств производства – в форме, которая не допускает иного потребления, кроме применения в процессе производства. Расширение воспроизводства протекает при этом при строгом соблюдении законов обращения. Взаимное обеспечение обоих подразделений производства дополнительными средствами производства и средствами существования протекает как обмен эквивалентами, как товарообмен, причем накопление в одном подразделении делает возможным и обуславливает накопление в другом подразделении. Сложная проблема накопления превратилась таким образом в схематическую прогрессию поразительной простоты. Начатую выше цепь равенств можно продолжать до бесконечности. Нужно только принять во внимание следующие простые правила: увеличению постоянного капитала в первом подразделении всегда должно соответствовать определенное увеличение его переменного капитала; этим увеличением а priori дается, как велико может быть увеличение постоянного капитала во втором подразделении; это последнее уве-

¹ Должно быть 4 259. Та же ошибка и во II томе «Капитала». Прим. пер.

² «Капитал», т. II, стр. 502-505.

личение со своей стороны должно сопровождаться соответствующим увеличением переменного капитала; наконец, величиной возросшего переменного капитала в обоих подразделениях всегда дается, какая часть из всей массы средств существования остается для личного потребления класса капиталистов. При этом окажется также, что масса средств существования, остающаяся для частного потребления капиталистов, по стоимости в точности совпадает с некапитализированной частью прибавочной стоимости обоих подразделений.

Продолжение схематического развития накопления на основании приведения двух легких правил, как сказано, может быть продолжено до бесконечности. Но здесь настала пора посмотреть, не потому ли мы пришли к таким поразительно простым результатам, что мы все время только производим известные математические упражнения с сложением и вычитанием – упражнения, которые не сулят никаких неожиданностей, и не потому ли процесс накопления идет так гладко до бесконечности, что бумага терпит всякие математические уравнения? Другими словами, наступила пора оглянуться на конкретные общественные условия накопления.

Глава седьмая

АНАЛИЗ МАРКСОВОЙ СХЕМЫ

РАСШИРЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

$$\begin{array}{l} \text{I. } 4\ 400\ c + 1\ 100\ v + 1\ 100\ m = 6\ 600 \\ \text{II. } 1\ 600\ c + 800\ v + 800\ m = 3\ 200 \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{l} \text{I.} \\ \text{II.} \end{array}} \right\} \text{сумма } 9\ 800$$

Здесь уже находит свое отчетливое выражение взаимная зависимость процессов накопления в обоих подразделениях. Но эта зависимость имеет своеобразную природу. Накопление начинается здесь с подразделения I, подразделение II только следует этому движению, и размер накопления определяет при этом исключительно только подразделение I. Маркс заставляет накопление совершаться таким образом: он предоставляет I капитализировать половину прибавочной стоимости, а II – лишь столько, сколько необходимо для того, чтобы обеспечить производство и накопление в первом. При этом он заставляет капиталистов подразделения II потратить 600 m, в то время как капиталисты первого подразделения, присваивающие себе двойную стоимость и гораздо большую прибавочную стоимость, потребляют всего только 500. В следующем году он опять заставляет капиталистов I капитализировать половину их прибавочной стоимости, а капиталистов II он на этот раз еще в большей мере, чем в прошлом году, «принуждает», и притом произвольно, капитализировать в той мере, в какой это нужно для I; при этом для потребления капиталистов II на сей раз остается 560 m – меньше, чем в прошлом году, что опять-таки является весьма странным последствием накопления. Маркс рисует процесс следующим образом:

«Накопление в I будет продолжаться в такой же пропорции; следовательно, 550 будет расходоваться как доход, а 550 m накопляться.

В таком случае прежде всего 1 100 I v будут возмещены посредством 1 100 II c, далее еще должны быть реализованы 550 I m в товарах II равной стоимости, т. е. в общем итоге 1 650 I (v+m). Но подлежащий возмещению постоянный капитал II составляет только 1600, следовательно (!), остальные 50 должны быть пополнены из 800 II m. Если на время оставить в стороне деньги, то в результате такой сделки получится следующее:

I. 4 400 c + 550 m (которые подлежат капитализации); кроме того, в потребительном фонде капиталистов и рабочих 1 650 (v+m), реализованные в товарах II c.

II. 1 650 c (в том числе 50, как сказано выше, добавлены из II m) + 800 v + 750 m (потребительный фонд капиталистов).

Но если во II между (v) и (c) сохраняется прежняя пропорция, то на 50 c придется еще затратить 25 v; их можно взять из 750 m; таким образом, мы получим:

$$\text{II. } 1\ 650\ c + 825\ v + 725\ m.$$

В I капитализации подлежит 550 m; если сохраняется прежняя пропорция, то 440 из них составляют постоянный капитал и 110 переменный капитал. Эти 110 могут (!) быть заимствованы и из 725 II m, т. е. средства потребления стоимостью в 110 будут потреблены рабочими I, вместо капиталистов II; следовательно, последние будут вынуждены (!) капитализировать эти 110 m, которых они не могут потребить. Таким образом из 725 II m остается 615 II m. Но если II таким образом превращает эти 110 в дополнительный постоянный капитал, то ему понадобится еще 55 дополнительного переменного капитала; их он должен будет взять опять-таки из своей прибавочной стоимости; если вычесть их из 615 II m, то для потребления капиталистов II останется 560; совершив все эти действительные и потенциальные перемещения, мы получим такую капитальную стоимость:

$$\begin{array}{l} \text{I. } (4400c+440c) + (1100v+110v) = 4840c+1210v = 6050 \\ \text{II. } (1600c+50c+110c) + (800v+25v+55v) = 1760c+880v = 2640 \end{array} \quad \left. \vphantom{\begin{array}{l} \text{I.} \\ \text{II.} \end{array}} \right\} \text{ сумма } 8690$$

Мы привели эту пространную цитату, потому что она необыкновенно ясно показывает, как Маркс достигает накопления в I за счет подразделения II. Не менее сурово поступает он с капиталистами подразделения средств существования в последующие годы. В третьем году он заставляет их, согласно тому же правилу, накопить 264 m и потребить 616, – на этот раз больше, чем в оба истекших года. В четвертом году он заставляет их 290 m капитализировать и 678 потребить, в пятом году они накапливают 320 m и потребляют 745 m. Маркс при этом даже говорит следующее: «Для того, чтобы дело шло нормально, накопление во втором должно совершаться быстрее, чем в первом, так как часть I (v+m), которая должна быть обменена на товары II c, возрастает быстрее, чем II c, на которое она только и может быть обменена»¹. Но приведенные цифры показывают, что

¹ «Капитал», т. II, стр. 504.

во втором подразделении происходит не более быстрое, а, скорее, колеблющееся накопление, при этом правилом служит следующее. Маркс ведет накопление все дальше, заставляя подразделение I производить на более широком базисе; во втором подразделении накопление выступает как следствие и условие накопления в I: оно накапливает, во-первых, для того, чтобы поглотить избыточные средства производства, и, во-вторых, для того, чтобы доставить необходимый избыток средств потребления для дополнительных рабочих сил. Инициатива движения все время остается на стороне подразделения I, подразделение II является лишь пассивным придатком. Так, капиталисты II должны всякий раз накапливать и потреблять столько, сколько это необходимо для накопления в I. В то время как подразделение I всякий раз капитализирует половину прибавочной стоимости, а другую половину потребляет, – а это означает равномерное расширение производства и личного потребления класса капиталистов, – капитализация и потребление прибавочной стоимости классом капиталистов во втором подразделении протекает скачками:

в 1-м году капитализируется 150,	потребляется 600
» 2-м » » 240,	» 560
» 3-м » » 254 ¹ ,	» 626 ¹
» 4-м » » 290,	» 678
» 5-м » » 320,	» 745

В ходе этого накопления и потребления нельзя усмотреть никакой закономерности; и то и другое служит лишь потребностям накопления в I. Что абсолютные числовые значения в каждом уравнении схемы произвольны, понятно само собой, и это не умаляет их научной ценности. Что здесь важно, так это о т н о ш е н и я в е л и ч и н, которые должны выражать точные пропорции. Но в данном случае получается, что отношения накопления подразделения I с их ясной закономерностью покупаются совершенно произвольной конструкцией отношений в подразделении II, и это обстоятельство подает повод для проверки внутренних связей анализа.

Но можно было бы подумать, что здесь выбран не особенно удачный пример. Сам Маркс не удовлетворяется приведенной схемой, и он сейчас же после первого дает второй пример для пояснения процесса накопления. В этом примере числовые значения уравнения выбраны следующим образом:

$$\begin{array}{l} \text{I. } 5\,000\,c + 1\,000\,v + 1\,000\,m = 7\,000 \\ \text{II. } 1\,430\,c + 285\,v + 285\,m = 2\,000 \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{l} \text{I. } \\ \text{II. } \end{array}} \right\} \text{сумма } 9\,000$$

Отличие этого примера от приведенного раньше, как видно, заключается в том, что здесь состав капитала в обоих подразделениях один и тот же: отношение постоянного капитала к переменному равняется 5:1. Это предполагает уже значительное развитие капиталистического производства и соответственно с этим производительности

¹ Должно быть 264 и 616. Прим. пер.

² «Капитал», т. II, стр. 506.

общественного труда, значительное, имевшее уже раньше место расширение производства, и, наконец, развитие всех условий, которые производят в рабочем классе относительное перенаселение. Мы, следовательно, уже не делаем, как в первом примере, первоначального перехода от простого к расширенному воспроизводству, которое имеет по существу лишь абстрактно-теоретическое значение, а рассматриваем процесс накопления в его движении – уже на высокой ступени развития. Сами по себе эти допущения вполне позволительны, они ничего не изменяют в тех правилах, которыми мы должны руководиться при проведении отдельных оборотов спирали воспроизводства. Маркс здесь опять берет за исходную точку капитализирование половины прибавочной стоимости подразделения I.

«Предположим теперь, что класс капиталистов I половину прибавочной стоимости = 500 потребляет, а другую половину накапливает. Тогда (1 000 c + 500 m) I = 1 500 подлежал бы обмену на 1 500 II c. Но так как II c составляет в этом случае только 1 403, то 70 должны быть добавлены из прибавочной стоимости; вычитая их из 285 II m, получаем в остатке 215 II m. Следовательно, мы имеем:

I. 5 000 c + 500 m (для капитализации) + 1 500 (v+m) в потребительном фонде капиталистов и рабочих.

II. 1 430 c + 70 m (для капитализации) + 285 v + 215 m.

Так как при этом 70 II m прямо присоединяется к II c, то для того, чтобы привести в движение этот дополнительный постоянный капитал, требуется переменный капитал в $70/5=14$; эти 14 опять берутся из 215 II m; остается 201 II m, и мы имеем:

II. (1 430 c + 70 c) + (285 v + 14 v) + 201 m.

После этих предварительных действий капитализирование может начаться. Оно происходит следующим образом:

В I подлежащие капитализированию 500 m распределяются на $\frac{5}{6} = 417$ c + $\frac{1}{6} = 83$ v. Эти 83 v заимствуют такую же сумму у II m, которое покупает элементы постоянного капитала, 83 v прибавляются таким образом к II c. Увеличение II c на 83 обуславливает увеличение II v на $\frac{1}{5}$ от 83 = 17. После этого перемещения мы получаем:

I. (5000c+417m) + (1000v+83m)v = 5417c+1083v = 6500 } сумма 8399

II. (1500c+83m) + (299v+17m)v = 1583c+316v = 1899

Капитал в I возрос с 6 000 до 6 500, следовательно, на $\frac{1}{12}$, во II – с 1 715 до 1 899, следовательно, без малого на $\frac{1}{9}$.

Воспроизводство на такой основе дает в конце следующего года:

I. 5 417 c + 1 083 v + 1 083 m = 7 583 } сумма 9 798.

II. 1 583 c + 316 v + 316 m = 2 215

Если накопление протекает дальше в той же пропорции, то мы в конце второго года будем иметь:

I. 5 869 c + 1 173 v + 1 173 m = 8 215 } сумма 10 614.

II. 1 715 c + 342 v + 342 m = 2 399

И в конце третьего года:

$$\begin{array}{l} \text{I. } 6\,358\,c + 1\,271\,v + 1\,271\,m = 8\,900 \\ \text{II. } 1\,858\,c + 371\,v + 371\,m = 2\,600 \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{l} \text{I. } \\ \text{II. } \end{array}} \right\} \text{сумма } 11\,500.$$

За три года весь общественный капитал увеличился с $6\,000\,I + 1\,715\,II = 7\,715$ до $7\,629\,I + 2\,229\,II = 9\,858$, а весь продукт с $9\,000$ до $11\,500$.

В отличие от первого примера накопление здесь шло равномерно в обоих подразделениях: как в I, так и во II, начиная со второго года, половина прибавочной стоимости капитализировалась, а половина потреблялась. Может показаться, что произвольное в первом примере кроется лишь в неудачно выбранных числовых рядах. Мы должны однако проверить, представляет ли собой на этот раз гладкий ход накопления нечто большее, чем математические действия над удачно выбранными числами.

Как общее правило накопления, и в первом и во втором примере одинаково бросается в глаза следующее: для того, чтобы накопление вообще могло начаться, подразделение II должно всякий раз настолько увеличить свой постоянный капитал, насколько подразделение I увеличивает, во-первых, потребленную часть прибавочной стоимости и, во-вторых, переменный капитал. Иллюстрируя это на примере первого года, нужно сказать, что к постоянному капиталу в II должно быть прежде всего прибавлено 70. Почему? Потому, что этот капитал до сих пор представлял собою 1 430. Но если капиталисты I половину своей прибавочной стоимости (1 000) накапливают, а половину потребляют, то они нуждаются в средствах существования для себя и для своих рабочих всего на сумму в 1 500. Эти средства существования они могут получить от подразделения II только в обмен на свой собственный продукт – на средства производства. Но так как подразделение II может покрыть свою собственную потребность в средствах производства только в сумме своего постоянного капитала (1 430), то обмен может осуществиться только в том случае, если подразделение II приходит к решению увеличить свой постоянный капитал на 70, т. е. расширить собственное производство, а это может быть проведено не иначе как капитализацией соответствующей части прибавочной стоимости. Если прибавочная стоимость подразделения II равняется 285 m, то 70 из этой суммы должно быть прибавлено к постоянному капиталу. Первый шаг к расширению производства у II определяется здесь как условие и следствие расширения потребления капиталистов I. Пойдем дальше. Пока класс капиталистов I в состоянии только обратить половину своей прибавочной стоимости (500) на личное потребление. Чтобы он мог капитализировать вторую половину, он должен распределить ее стоимость, равную 500, по крайней мере соответственно прежнему составу капитала: он должен, стало быть, прибавить 417 к постоянному и 83 к переменному капиталу. Первая операция не сопряжена ни с какими затруднениями: капиталисты I располагают избытком в 500 собственного продукта – избытком, состоящим из средств производства и обладающим, следовательно, той натуральной формой, которая дает возможность применить его сразу в процессе произ-

водства; так в подразделении I образуется расширение постоянного капитала за счет соответствующего количества продуктов этого самого подразделения. Но для того, чтобы применить упомянутые 83, как переменный капитал, необходимо иметь такое же количество средств существования для вновь нанимаемых рабочих. Здесь вторично выступает наружу зависимость накопления в I от подразделения II. I должен заимствовать у II на 83 больше средств существования для своих рабочих, чем раньше. Но так как это опять-таки совершается только при помощи товарообмена, то указанная потребность подразделения I может быть удовлетворена только при том условии, что подразделение II со своей стороны изъявит готовность принять от I на 83 продуктов, т. е. средств производства. Но так как II может применить эти средства производства только в процессе производства, то для него создается возможность и в то же время необходимость снова расширить свой постоянный капитал и притом на 83; этим самым из прибавочной стоимости этого подразделения опять берется 83, которые идут на капитализирование вместо того, чтобы быть затраченными на личное потребление. Второй шаг при расширении производства II обусловлен расширением переменного капитала у I. Теперь в I все вещественные условия накопления налицо, и расширенное воспроизводство может начаться. Напротив того, в II пока что имело лишь место двукратное расширение постоянного капитала. Из этого факта вытекает, что если вновь приобретенные средства производства действительно будут использованы, то создается необходимость соответствующего увеличения количества рабочих сил. При сохранении прежнего состава капитала для нового постоянного капитала в 153 необходим новый переменный капитал в 31. Этим самым сказано, что снова должно быть капитализировано такое же количество прибавочной стоимости. Фонд личного потребления капиталистов II оказывается при этом остатком прибавочной стоимости (285 m) величиной в 101 – остатком, который получается после вычитания из прибавочной стоимости суммы, равной двукратному увеличению постоянного капитала (70+83) плюс соответствующее увеличение переменного капитала (31), т. е. 184. Если мы будем производить подобные же манипуляции, то мы во втором году накопления II получим распределение прибавочной стоимости на 185 для капитализации и на 158 для потребления капиталистов, в третьем году – 172 и 170.

Мы подробно шаг за шагом проследили ход накопления. Мы сделали это потому, что здесь ясно обнаруживается, что накопление в подразделении II целиком зависит от накопления в I, которое господствует над ним. Правда, эта зависимость уже не выражается больше в том, что распределение на части прибавочной стоимости II изменяется произвольно, как это имело место в первом примере марксовой схемы; но факт зависимости накопления II от накопления I остается, несмотря на то, что прибавочная стоимость обоих подразделений великолепно распадается теперь на две равные части, из которых одна предназначена для целей капитализации, другая – для личного потребления. Несмотря на то, что в цифровом отношении не существует никакого различия между капиталистами обоих подразделений, ясно однако, что весь процесс накопления активно направляется I, в

то время как II принимает лишь пассивное участие. Эта зависимость находит свое выражение в следующем точном правиле: накопление может происходить только одновременно в обоих подразделениях и при том условии, что подразделение средств существования будет как раз настолько расширять свой постоянный капитал, насколько капиталисты подразделения средств производства расширяют свой переменный капитал и фонд своего личного потребления. Эта пропорция (прирост II $c =$ приросту I $v +$ прирост I m) является математической основой схемы накопления у Маркса, на каких бы числовых пропорциях мы ее ни демонстрировали.

Теперь мы должны проверить, соответствуют ли этому строгому правилу капиталистического накопления действительные отношения.

Возьмемся сперва к простому воспроизводству. Марксова схема, как мы помним, гласила:

$$\begin{array}{r} \text{I. } 4\,000\ c + 1\,000\ v + 1\,000\ m = 6\,000\ \text{средств производства.} \\ \text{II. } 2\,000\ c + 500\ v + 500\ m = 3\,000\ \text{средств потребления.} \\ \hline \text{Сумма } 9\,000\ \text{совокупного производства} \end{array}$$

Здесь тоже были установлены определенные пропорции, на которых покоится простое воспроизводство. Они заключались в следующем :

1. Весь продукт подразделения I равняется (по стоимости) сумме обоих постоянных капиталов I и II.

2. Постоянный капитал подразделения II, как это явствует из п. 1-го, равняется сумме переменного капитала и прибавочной стоимости подразделения I.

3. Продукт подразделения II, как это вытекает из п. 1-го и п. 2-го, равняется сумме переменных капиталов и прибавочных стоимостей обоих подразделений.

Эти соотношения соответствуют условиям капиталистического товарного производства (сведенного разумеется к простому воспроизводству). Так, например, п. 2-й обусловлен товарным производством, т. е. тем обстоятельством, что предприниматели каждого подразделения могут получить продукт другого подразделения только в обмен на равные эквиваленты. Переменный капитал и прибавочная стоимость подразделения I, взятые вместе, выражают потребность этого подразделения в средствах существования. Эти последние должны быть заимствованы из продукта подразделения II, но они могут быть получены только в обмен на равное количество стоимости продукта I, т. е. средств производства. Так как этот эквивалент благодаря своей натуральной форме может быть применен в подразделении II только в процессе производства в качестве постоянного капитала, то этим самым дана величина постоянного капитала подразделения II. Если бы здесь имела место диспропорциональность, если бы, например, постоянный капитал II был больше (по стоимости), чем $(v+m)$ I, то он не мог бы быть превращен целиком в средства производства, ибо подразделение I имело бы слишком малую потребность в средствах существования. Если бы постоянный капитал II был меньше, чем $(v+m)$ I, то это подразделение не могло бы снова занять прежнее количество рабочих, или его капиталисты не могли бы

потребить всю

свою прибавочную стоимость. И в том и в другом случае условия простого воспроизводства были бы нарушены.

Но эти пропорции не являются однако простыми математическими упражнениями; они не обусловлены также исключительно товарной формой производства. Мы имеем простое средство, чтобы убедиться, что это действительно так. Представим себе на мгновение, что мы имеем дело не с капиталистическим, а с социалистическим способом производства, т. е. с планомерно регулируемым хозяйством, в котором на место обмена выступает общественное разделение труда. Пусть и в этом обществе имеется деление труда на производство средств производства и производство средств существования. Представим себе далее, что высота техники обуславливает то обстоятельство, что две трети общественного труда затрачиваются на производство средств производства, а одна треть – на производство средств существования. Положим, что при этих условиях для содержания всей работающей части общества требуется ежегодно 1 500 трудовых единиц (дней, месяцев или лет) – 1 000 для подразделения средств производства и 500 для подразделения средств существования. При этом в каждом году потребляются средства производства от прежнего рабочего периода, которые сами представляют 3 000 трудовых единиц. Этого количества труда не хватает однако для общества, так как содержание всех неработающих (в материальном, производительном смысле) членов общества – детей, стариков, больных, должностных лиц, художников и ученых – требует значительного избытка труда.

Кроме того, всякое культурное общество нуждается в известном страховом фонде, чтобы застраховать себя от обычных несчастных случаев. Допустим, что содержание всех неработающих и страховой фонд требуют вместе столько же труда, сколько содержание работающих, и, следовательно, такого же количества средств производства. В этом случае мы соответственно раньше принятым числам получили бы следующую схему регулируемого производства:

$$\begin{aligned} \text{I. } & 4\,000\ c + 1\,000\ v + 1\,000\ m = 6\,000 \text{ средств производства.} \\ \text{II. } & 2\,000\ c + 500\ v + 500\ m = 3\,000 \text{ средств потребления.} \end{aligned}$$

В этой схеме (с) означает потребленные вещественные средства производства, выраженные в общественном рабочем времени, (v) – общественно-необходимое рабочее время для содержания работающих, а (m) – общественно-необходимое время для содержания неработающих и для страхового фонда.

Если мы проверим пропорции схемы, то мы получим следующее: товарного производства, следовательно, обмена тут нет, но имеется зато общественное разделение труда. Продукты I передаются в потребном количестве работающим во II, продукты II передаются работающим и неработающим (обоих подразделений), равно как и в страховой фонд, не потому, что здесь имеет место обмен эквивалентами, но потому, что общественная организация планомерно руководит всем процессом, и потому, что производство здесь не имеет никакой другой цели, кроме удовлетворения наличных потребностей.

Несмотря на это, числовые пропорции сохраняют свое значение. Продукт I должен равняться $Ic + IIc$; это означает попросту, что

все средства производства, потребленные обществом в первом подразделении в его годовом трудовом процессе, должны быть ежегодно заменены новыми. Продукт II должен равняться сумме $(v+m) I + (v+m) II$; это означает, что общество каждый год производит столько средств существования, сколько нужно для удовлетворения всех работающих и неработающих членов его и для отчислений в страховой фонд. Пропорции схемы оказываются при планомерно регулируемом способе производства столь же естественными и необходимыми, как и при капиталистическом способе производства, основанном на товарном обмене и на анархии. Этим самым доказана объективная общественная значимость схемы, несмотря на то, что она как схема простого воспроизводства и в капиталистическом и в регулируемом обществе мыслима лишь теоретически и что она на практике может встретиться лишь в виде исключения.

Попробуем теперь проверить таким же путем схему расширенного воспроизводства.

Представим себе социалистическое общество и положим в основу нашей проверки схему второго примера Маркса. С точки зрения регулируемого общества мы должны подойти к делу, конечно, не с подразделения I, а с подразделения II. Положим, что общество растет быстро. При этом условии растет и потребность в средствах существования для работающих и для неработающих. Эта потребность растет так быстро, что – оставляя пока в стороне прогресс производительности труда – для производства средств существования требуется все возрастающая масса труда. Пусть необходимая масса средств существования, выраженная в воплощенном в них общественном труде, возрастает из года в год, скажем, в отношении 2 000 – 2 215 – 2 399 – 2 600 и т. д. Чтобы произвести эту возрастающую массу средств существования, технически необходима возрастающая масса средств производства, которые, будучи измерены в общественном рабочем времени, возрастают из года в год в следующем отношении: 7 000 – 7 583 – 8 215 – 8 900 и т. д. Далее, для этого расширения производства, согласно сделанному допущению, необходима ежегодная затрата труда в 2 570 – 2 798 – 3 030 – 3 284 (числа эти соответствуют суммам $(v+m) I + (v+m) II$). Положим, наконец, что распределение затрачиваемого ежегодно труда производится таким образом, что половина его идет всякий раз на содержание самих работающих, четверть – на содержание неработающих, а последняя четверть – на расширение производства в следующем году. При этих условиях мы получаем для социалистического общества пропорции второй марксовой схемы расширенного воспроизводства. В действительности расширение производства во всяком обществе, в том числе и в регулируемом, возможно только тогда, во-первых, когда общество имеет в своем распоряжении возрастающее количество рабочей силы, во-вторых, когда непосредственное содержание общества за каждый рабочий период не требует всего рабочего времени, так что часть времени может быть посвящена заботам о будущем и его возрастающим требованиям, и, в-третьих, когда из года в год изготавливается возрастающая в достаточной мере масса средств производства, без которых не может быть осуществлено прогрессивное расширение производства.

Таким образом марксова схема расширенного воспроизводства с этих точек зрения – *mutatis mutandis* – сохраняет свою объективную значимость и для регулируемого общества.

Испытаем теперь пригодность схемы для капиталистического хозяйства. Здесь мы должны поставить вопрос: что является исходной точкой для накопления? С этой точки зрения мы должны проследить взаимную зависимость процессов накопления в обоих подразделениях. Несомненно, что подразделение II и в капиталистическом хозяйстве постольку зависит от I, поскольку его накопление связано с соответствующей массой свободных добавочных средств производства. Наоборот, накопление в подразделении I связано с соответствующей дополнительной массой средств существования для дополнительных рабочих сил. Отсюда однако не следует, что достаточно соблюсти оба условия, чтобы накопление в обоих подразделениях действительно могло начаться и протекать из года в год совершенно автоматически, как это кажется по марксовой схеме. Приведенные условия накопления являются только условиями, без которых накопление не может иметь места. Допустим, что у капиталистов I и II имеется желание накапливать. Но воли к накоплению и наличности его технических предпосылок недостаточно в товарно-капиталистическом хозяйстве. Для того, чтобы накопление действительно совершалось, т. е. чтобы производство расширялось, необходимо еще другое условие: расширение платежеспособного спроса на товары. Но откуда исходит этот постоянно возрастающий спрос, который лежит в основе прогрессирующего расширения производства в марксовой схеме?

Прежде всего ясно одно: он никак не может исходить от самих капиталистов I и II, т. е. от их личного потребления. На самом деле накопление состоит как раз в том, что капиталисты часть прибавочной стоимости – и притом часть, возрастающую по крайней мере абсолютно, – потребляют не лично, а применяют для создания благ, которыми пользуются другие. Личное потребление капиталистов растет, правда, вместе с накоплением, и это потребление может возрасти по своей стоимости, но часть, идущая на потребление капиталистов, все-таки составляет лишь часть прибавочной стоимости. Основой накопления является как раз то обстоятельство, что капиталисты не потребляют всей прибавочной стоимости. Для кого же производит эта другая, накопленная часть прибавочной стоимости? Согласно схеме Маркса, движение начинается с подразделения I, с производства средств производства. Кто же потребляет возросшее вследствие этого количество средств производства? Схема отвечает: потребляет подразделение II, чтобы иметь возможность производить больше средств существования. Но кто потребляет это возросшее количество средств существования? Схема отвечает: их потребляет подразделение I, потому что оно занимает теперь больше рабочих. Мы возвращаемся, очевидно, в круг. Производить больше средств потребления только для того, чтобы содержать больше рабочих, и производить добавочное количество средств производства только для того, чтобы этим самым дать занятие этому увеличенному числу рабочих, – да ведь это абсурд с капиталистической точки зрения! Конечно, для отдельного капиталиста рабочий, если он платежеспособен, такой же хороший потребитель, т. е. такой же хороший покупатель

его товара, как и капиталист или еще кто-нибудь: в цене товара, который продается рабочему, отдельный капиталист точно так же реализует свою прибавочную стоимость, как и в цене товара, который он продает любому другому покупателю. Иначе обстоит дело с точки зрения класса капиталистов, взятого в целом. Класс капиталистов ассигнует рабочему классу лишь строго определенную часть всего общественного продукта – на сумму, равную переменному капиталу. Следовательно, если рабочие покупают средства существования, то они возмещают классу капиталистов только полученную от него заработную плату – ассигнованную им сумму, равную переменному капиталу. Вернуть больше они не могут ни на грош. Они скорее могут вернуть немного меньше; это имеет место тогда, когда они «сберегают» для того, чтобы стать самостоятельными, маленькими предпринимателями, что однако представляет собой исключение. Часть прибавочной стоимости потребляет в виде средств существования класс капиталистов, сохраняющий в своем кармане взаимно обмененные при этом деньги. Но кто забирает у них продукты, в которых воплощена другая, капитализированная часть прибавочной стоимости? Схема отвечает: отчасти сами капиталисты, производящие новые средства производства для расширения производства, отчасти новые рабочие, которые нужны, чтобы привести в движение эти новые средства производства. Но для того, чтобы дать работу новым рабочим и приводить в движение новые средства производства, прежде всего – с капиталистической точки зрения – должна быть налицо какая-нибудь цель для расширения производства, должен быть дополнительный спрос на продукты, подлежащие изготовлению.

Может быть, ответ на поставленный вопрос заключается в том, что естественный прирост населения создает этот возрастающий спрос? При наших гипотетических исследованиях расширенного воспроизводства в социалистическом обществе мы действительно исходили из прироста населения и его потребностей. Но тут потребности общества были как достаточным основанием, так и единственной целью производства. В капиталистическом обществе проблема имеет другой характер. О каком населении идет речь, когда мы говорим о его приросте? Мы знаем в схеме Маркса лишь два класса населения – капиталистов и рабочих. Прирост класса капиталистов и без того предполагается возросшей абсолютной величиной потребленной части прибавочной стоимости. Но всей прибавочной стоимости он во всяком случае потребить не может, так как мы в этом случае вернемся к простому воспроизводству. Остаются рабочие. Рабочий класс тоже увеличивается вследствие естественного прироста. Но этот прирост не является для капиталистического хозяйства исходной точкой возрастающих потребностей.

Производство средств существования удовлетворения I v и II v не представляет собой самоцели, как это имеет место в обществе, где работающие и удовлетворение их потребностей образуют основу хозяйственной системы. Определенное количество средств существования производится в подразделении II (мы предполагаем капиталистическое хозяйство) не потому, что необходимо прокормить рабочий класс I и II. Наоборот, определенное количество рабочих I и II мо-

жет прокормиться именно потому, что их рабочая сила находит применение при данных условиях сбыта. Это означает, что не данное число рабочих и их потребности являются исходной точкой для капиталистического производства: эти величины сами представляют собой колеблющиеся «зависимые переменные» капиталистических перспектив на прибыль. Спрашивается таким образом, не означает ли естественный прирост рабочего населения в то же время и увеличение платежеспособного спроса по сравнению с размером переменного капитала? На этот вопрос приходится ответить отрицательно. В нашей схеме единственным источником денежных средств рабочего класса является переменный капитал. Следовательно, понятие переменный капитал наперед предполагает прирост рабочего класса. Стало быть, одно из двух: или заработная плата рассчитана так, чтобы она могла прокормить и молодое поколение рабочих, – тогда последнее не может быть вторично принято как основа для расширенного потребления; или же это не имеет места, тогда юные рабочие, молодое поколение, сами должны работать, чтобы получать заработную плату и средства существования, тогда это работающее молодое поколение уже включено в число занятых рабочих. Следовательно, естественный прирост населения не может нам объяснить процесса накопления в марксовой схеме.

Впрочем постоит! Общество и при господстве капитализма состоит не только из капиталистов и наемных рабочих. Кроме этих двух классов имеется еще большое количество населения: земельные собственники, служащие, представители либеральных профессий – врачи, присяжные поверенные, художники, ученые, есть еще церковь с ее служителями – духовенством, есть, наконец, государство с его чиновниками и войском. Все эти слои населения не могут быть категорически причислены ни к капиталистам, ни к наемным рабочим. Но общество должно их кормить и содержать. Они-то, надо думать, и образуют те не принадлежащие ни к рабочим, ни к капиталистам слои, спрос которых делает необходимым расширение производства. Но ближайшее рассмотрение показывает, что это только кажущийся выход. Земельные собственники, как потребители ренты, т. е. части капиталистической прибавочной стоимости, должны быть, очевидно, отнесены к классу капиталистов, их потребление уже включено в потребление класса капиталистов, потому что мы рассматриваем здесь прибавочную стоимость в ее неразделенной первоначальной форме. Представители либеральных профессий получают свои денежные средства, т. е. ассигнования на часть общественного продукта, большей частью прямо или косвенно из рук класса капиталистов, которые уделяют им крохи своей прибавочной стоимости. В этом смысле представители либеральных профессий как потребители прибавочной стоимости должны быть вместе с их потреблением причислены к классу капиталистов. То же самое относится к духовенству, только оно получает часть своих средств от рабочих, т. е. из заработной платы. Наконец, государство с его чиновничеством и войском содержится за счет налогов, которые ложатся или на прибавочную стоимость, или на заработную плату. Вообще мы знаем в рамках марксовой схемы только два источника общественного дохода: или заработную плату или прибавочную стоимость. Таким образом все

указанные слои населения, не принадлежащие ни к рабочим, ни к капиталистам, являются лишь участниками в деле потребления обоих видов дохода. Ссылку на этих «третьих лиц» как на покупателей, разрешающих проблему спроса, сам Маркс отвергает как пустую уловку: «Все члены общества, не принимающие прямого участия в воспроизводстве, будет ли то участие трудом или участие без труда, могут получить свою долю годового товарного продукта, т. е. средства своего потребления, в первую очередь лишь из рук тех классов, которым в первую очередь достается продукт: из рук производительных рабочих, промышленных капиталистов и землевладельцев. В этом смысле их доходы материально происходят от заработной платы (производительных рабочих), прибыли и земельной ренты и потому являются доходами производными по отношению к этим первичным доходам. С другой стороны, эти производные в таком смысле доходы приобретаются их получателями посредством их общественной функции, как королей, попов, профессоров, проституток, солдат и т. д.; это дает им возможность видеть в своих функциях первичные источники их доходов»¹. Ссылки на потребителей процента и земельной ренты, как на представителей самостоятельного спроса, Маркс также отвергает, говоря: «Но если та часть прибавочной стоимости товаров, которую промышленный капиталист должен отдать как земельную ренту и процент другим совладельцам прибавочной стоимости, в течение долгого времени не может быть реализована посредством продажи самих товаров, то это означает конец и для уплаты ренты или процента, и потому ни землевладельцы, ни получатели процента не могут посредством расходования ренты и процента послужить как *deus ex machina* для того, чтобы по усмотрению превращать в деньги определенные части годового воспроизводства. Также обстоит дело с расходованием всех так называемых непроизводительных рабочих – государственных чиновников, врачей, адвокатов и т. д. и вообще всех, которые в форме «большой публики» оказывают экономистам ту «услугу», что объясняют необъясненное ими»².

Так как этим путем в пределах капиталистического общества решительно невозможно найти покупателей товаров, в которых заключена накопленная часть прибавочной стоимости, то остается только одно – внешняя торговля. Против этого метода, заключающегося в том, что внешняя торговля рассматривается как удобное место сбыта продуктов, которых некуда девать в процессе воспроизводства, возникает однако много возражений. Ссылка на внешнюю торговлю оказывается лишь пустой отговоркой: затруднение, которое встречается при анализе, переносится из одной страны в другую, но не разрешается. Анализ процесса воспроизводства, вообще говоря, относится не к отдельной капиталистической стране, а к капиталистическому мировому рынку, для которого все страны являются отечеством (*Inland*). Маркс отчетливо отмечает это уже в первом томе «Капитала» при рассмотрении накопления: «Мы оставляем здесь в стороне внешнюю торговлю, при помощи которой нация может превратить предмет роскоши в

¹ «Капитал», т. II, стр. 357.

² Там же, стр. 446.

средства производства и существования или наоборот. Для того, чтобы рассмотреть предмет нашего исследования в совершенно чистом виде, независимо от затемняющих дело побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство укрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства»¹.

Анализ представляет ту же самую трудность, если рассмотреть вопрос с другой стороны. В марксовой схеме накопления предполагается, что подлежащая капитализации часть общественной прибавочной стоимости рождается на свет сразу в своей натуральной форме, которая обуславливает и допускает ее применение в целях накопления: «Одним словом, прибавочная стоимость лишь потому может быть превращена в капитал, что прибавочный продукт, стоимостью которого она является, уже заключает в себе вещественные составные части нового капитала»². В цифрах схемы мы имеем:

$$\begin{aligned} \text{I. } & 5\,000\ c + 1\,000\ v + 1\,000\ m = 7\,000\ \text{ средств производства.} \\ \text{II. } & 1\,430\ c + 285\ v + 285\ m = 2\,000\ \text{ средств потребления.} \end{aligned}$$

Здесь прибавочная стоимость в сумме 570 m может быть капитализирована, потому что она состоит прямо из средств производства; но этой массе средств производства соответствует добавочное количество средств существования в сумме 114 m; итого, следовательно, вместе может быть капитализировано 684 m. Но принятое здесь простое перенесение соответствующих средств производства на постоянный капитал и средств существования на переменный капитал противоречит основам капиталистического товарного производства. Прибавочная стоимость, в какой бы натуральной форме она ни заключалась, не может быть прямо перенесена в места производства для накопления: она должна быть сперва реализована, т. е. обменена на деньги³. Прибавочная стоимость I в сумме 500 могла бы быть капитализирована, но для этой цели она сперва должна была быть реализована: она должна сбросить свою натуральную форму и принять свою чистую форму стоимости, прежде чем она прибавляется к производительному капиталу. Это относится к каждому отдельному капиталисту, но оказывается верным и для общественного собирательного капиталиста, так как реализация прибавочной стоимости в чистой форме стоимости является одним из основных условий капиталистического производства, и при рассмотрении общественного воспроизводства «не следует впадать в манеру, заимствованную Прудоном у буржуазной экономии, и смотреть на дело таким образом, как будто общество капиталистического способа производства, взятое en bloc как целое, утрачивает этот свой специфический историко-экономический характер. Напротив, в таком случае приходится иметь дело с коллективным собирательным капиталистом»⁴. Следо-

¹ «Капитал», т. I, стр. 589, 25а,

² Л. с., стр. 589.

³ Мы не принимаем здесь во внимание случаев, когда часть продукта, например, уголь в шахтах, прямо без обмена опять входит в процесс производства. Для капиталистического производства, взятого в целом, эти случаи являются исключениями. Сравни: Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, часть 2-я, стр. 255, нем. изд.

⁴ «Капитал», т. II, стр. 421.

вательно, прибавочная стоимость непременно должна пройти через денежную форму; она должна сбросить форму прибавочного продукта, прежде чем вновь принять ее в целях накопления. Но что представляют собой и кто такие покупатели прибавочного продукта I и II? Уже для того, чтобы реализовать прибавочную стоимость I и II согласно вышеизложенному, должен быть налицо сбыт вне I и II. Но при этом условии прибавочная стоимость была бы только превращена в деньги. Для того, чтобы эта реализованная прибавочная стоимость могла еще быть применена для расширения производства, для накопления, необходимы виды еще на больший спрос в будущем – на спрос, который опять-таки лежит вне I и II. Следовательно, этот сбыт прибавочного продукта должен возрастать ежегодно на накапливаемую часть прибавочной стоимости. Или, наоборот, накопление лишь постольку может иметь место, поскольку растет сбыт вне I и II.

Глава восьмая

ПОПЫТКИ РАЗРЕШИТЬ ЗАТРУДНЕНИЕ У МАРКСА

Мы находим, что полное игнорирование денежного обращения в схеме расширенного воспроизводства, представившей нам так ясно и просто процесс накопления, ведет к большим несуразностям. При анализе простого воспроизводства этот метод вполне себя оправдал. Там, где производилось исключительно только для потребления и где производство только на него рассчитывалось, деньги служили лишь мимолетным посредником для распределения общественного продукта между различными потребительскими группами, с одной стороны, и массой, предназначенной для обновления производства – с другой. Здесь при накоплении денежная форма выполняет существенную функцию: она служит не только простым посредником при товарном обращении, но и формой проявления капитала и моментом в его обращении. Превращение прибавочной стоимости в денежную форму хотя и не является существенным моментом действительного воспроизводства, но оно представляет собой существенную экономическую предпосылку капиталистического накопления. Между производством и воспроизводством лежат здесь, следовательно, две метаморфозы прибавочного продукта: сбрасывание потребительной формы и затем принятие в целях накопления соответствующей натуральной формы. Суть дела не в том, чтобы смена отдельных периодов производства непременно совершалась по истечении года. Для нас безразлично, будут ли это месяцы, или метаморфозы отдельных частей прибавочной стоимости I и II в своем чередовании будут перекрещиваться во времени. Эти смены годовых периодов на самом деле означают не промежутки времени, а правильное чередование экономических превращений. Но это чередование должно совершаться независимо от того, требуется ли оно больших или меньших промежутков времени, если накопление сохраняет капиталистический характер. Мы таким образом опять приходим к вопросу: кто реализует накопленную прибавочную стоимость?

Маркс сам чувствует пробел в своей с внешней стороны безупречной схеме накопления и многократно и с разных сторон рассматривает проблему. Послушаем, что он говорит:

«В книге I было показано, как происходит накопление у отдельного капиталиста. Вследствие обращения в деньги товарного капитала превращается в деньги и прибавочный продукт, представляющий прибавочную стоимость. Эту прибавочную стоимость, превратившуюся таким образом в деньги, капиталист снова превращает в дополнительные натуральные элементы своего производительного капитала. При следующем кругообороте производства увеличенный капитал доставляет большее количество продукта. Но то, что происходит с индивидуальным капиталом, должно проявляться и во всем годовом воспроизводстве, совершенно подобно тому, что мы видели при рассмотрении простого воспроизводства, где при индивидуальном капитале последовательное осажде-ние потребленной основной составной части в виде денег, накапливаемых как сокровище, находит себе выражение и в годовом общественном воспроизводстве»¹.

Далее Маркс исследует механизм накопления как раз с этой точки зрения, т. е. под углом зрения, что прибавочный продукт должен, прежде чем подвергнуться накоплению, пройти через денежную форму.

«Если, например, капиталист А в продолжение одного года или нескольких лет продает последовательно производимые им количества товарного продукта, то вместе с тем он последовательно превращает в деньги и ту часть товарного продукта, в которой заключается прибавочная стоимость, – прибавочный продукт, – следовательно, самую прибавочную стоимость, произведенную им в товарной форме, превращает в деньги, мало-помалу накапливает деньги, и таким образом составляется новый потенциальный денежный капитал; это – потенциальный капитал вследствие способности и предназначения этих денег претерпеть превращение в элементы производительного капитала. Фактически же он накапливает лишь простое сокровище, которое не представляет элемента действительного воспроизводства. При этом его деятельность состоит прежде всего только в последовательном извлечении из обращения обращающихся денег, причем, конечно, возможно, что обращающиеся деньги, которые он таким образом держит под замком, перед тем как попасть в обращение, сами были частью другого сокровища.

Деньги извлекаются из обращения и накапливаются в виде сокровища посредством продажи товара, за которой не следует купля. Если представить себе, что эта операция имеет характер всеобщности, то, невидимому, нельзя понять, откуда возьмутся покупатели, так как в этом процессе, – а его следует представлять себе всеобщим потому, что каждый индивидуальный капитал может находиться в стадии накопления, – все желают продавать для накопления сокровища, никто не хочет покупать.

Если представить себе, что процесс обращения между различными частями годового воспроизводства протекает как бы по прямой линии, – что неверно, так как за немногими исключениями он всегда

¹ «Капитал», т. II, стр. 479-480.

составляется из взаимно противоположных движений, – то придется начать с производителя золота (или серебра), который покупает, не продавая, и предположить, что все другие продают ему. В таком случае весь годовой общественный прибавочный продукт (представляющий всю прибавочную стоимость) перешел бы к нему, а все другие капиталисты *pro rata* распределили бы между собою его прибавочный продукт, от природы существующий в виде денег, представляющий естественное воплощение в золоте его прибавочной стоимости, потому что часть продукта золотопромышленника, которая должна возместить его функционирующий капитал, уже связана и использована соответствующим образом. Произведенная в виде золота прибавочная стоимость золотопромышленника была бы в таком случае единственным фондом, из которого все остальные капиталисты получали бы материал для превращения в золото своего годового прибавочного продукта. Следовательно, по величине стоимости она должна была бы равняться всей общественной годовой прибавочной стоимости, которой предстоит временно закодироваться в форму сокровища. При всей своей нелепости такие предположения ничего не дали бы нам, кроме того, что объяснили бы возможность всеобщего одновременного образования сокровища, причем самое воспроизводство за исключением воспроизводства у золотопромышленников не продвинулось бы ни на шаг далее.

Прежде чем разрешить это кажущееся затруднение, мы должны разграничить накопление и т. д.»¹.

Маркс здесь называет затруднение в реализации прибавочной стоимости кажущимся. Но все дальнейшее исследование вплоть до конца второго тома «Капитала» служит преодолению этого затруднения. Сперва Маркс пытается разрешить вопрос ссылкой на образование сокровищ, которое в капиталистическом производстве неизбежно вытекает из несовпадения моментов обращения различных постоянных капиталов. Так как из различных индивидуальных затрат одни произведены раньше, другие позже, а часть затрат возобновляется лишь по истечении более или менее продолжительных периодов, то мы видим, что в каждый данный момент некоторые отдельные капиталисты уже возобновляют свои затраты, в то время как другие производят для этого лишь отчисления от продажи своих товаров, пока эти отчисления не составят суммы, достаточной для обновления основного капитала. Так образование сокровищ протекает на капиталистическом базисе параллельно с общественным процессом воспроизводства как проявление и условие своеобразного обращения основного капитала. «Например, А продает Б (который может представлять и нескольких покупателей) 600 (= 400 *c* + 100 *v* + 100 *m*). Он продал товар на 600, за 600 деньгами, из которых 100 представляют, прибавочную стоимость; эти 100 он извлекает из обращения, копит их, как деньги; но эти 100 деньгами представляют лишь денежную форму прибавочного продукта, который был носителем стоимости величиной в 100. (Чтобы рассмотреть проблему в чистом виде, Маркс допускает здесь, что вся прибавочная стоимость капитализируется; он, следовательно, совершенно не обращает внимания на часть приба-

¹ «Капитал», т. II, стр. 480-483.

вечной стоимости, затраченную на личное потребление капиталистов; как А', А'', А''', так и В', В'', В''' принадлежат здесь к подразделению I.) Вообще образование сокровища – вовсе не производство, а, следовательно, прежде всего и не превращение производства. Деятельность капиталиста при этом состоит исключительно в том, что он извлекает из обращения, удерживает у себя и сохраняет неприкосновенными деньги, вырученные от продажи прибавочного продукта в 100. Эта операция происходит не только у А, она совершается во множестве пунктов на периферии обращения у других капиталистов: А', А'', А'''... Но А производит такое сосредоточение сокровищ лишь постольку, поскольку он по отношению к своему прибавочному продукту выступает только как продавец, не выступая затем в качестве покупателя. Таким образом, последовательное производство прибавочного продукта, представляющего его прибавочную стоимость, которая должна быть превращена в золото, является для него предпосылкой образования сокровища. В данном случае, где мы рассматриваем обращение только в пределах категории I, натуральная форма прибавочного продукта, как и всего продукта, часть которого составляет прибавочный продукт, является натуральной формой одного из элементов постоянного капитала I, т. е. принадлежит к такой категории, как средства производства средств производства. Что из этого получается, т. е. для какой функции они служат в руках покупателей В, В', В'' и т. д., это мы сейчас увидим. Но прежде всего мы должны запомнить следующее: хотя А на свою прибавочную стоимость извлекает деньги из обращения и копит их, как сокровище, он, с другой стороны, бросает в обращение товары, не извлекая за них других товаров, вследствие чего В, В', В'' и т. д. в свою очередь могут вносить в обращение деньги и взамен их извлекать из него только товар. В данном случае этот товар и по своей натуральной форме и по своему назначению входит как основной или оборотный элемент в постоянный капитал В, В' и т. д.»¹.

Весь описанный здесь процесс для нас не нов. Маркс уже разобрал его подробно при простом воспроизводстве, так как он необходим для объяснения того, как обновляется постоянный капитал общества при условиях капиталистического воспроизводства. Поэтому пока совсем не ясно, как этот процесс может нас избавить от того особого затруднения, на которое мы натолкнулись при анализе расширенного воспроизводства. Затруднение ведь заключалось в следующем. В целях накопления одна часть прибавочной стоимости не потребляется капиталистами, а прибавляется к капиталу для расширения производства. Спрашивается, где покупатели на этот самый прибавочный продукт, которого не могут потребить ни капиталисты, ни тем более рабочие, потребление которых целиком покрывается суммой соответствующего переменного капитала? Где спрос на накопленную прибавочную стоимость? Или, как формулирует этот вопрос Маркс, откуда берутся деньги, чтобы оплатить накопленную прибавочную стоимость? Если нам в ответ на это указывают на образование денежного сокровища как на результат того, что процессы обновления постоянных капиталов отдельных капиталистов

совершаются

¹ «Капитал», т. II, стр. 483-484.

скачками и не совпадают во времени, то взаимная связь этих явлений не становится очевидной. Если В, В', В" и т. д. покупают средства производства у своих коллег А, А', А" в целях обновления их фактически потребленного постоянного капитала, то мы в этом случае остаемся в рамках простого воспроизводства, и такая постановка вопроса не имеет ничего общего с нашим затруднением. Но если мы предположим, что покупка средств существования капиталистами В, В', В" и т. д. служит для расширения их постоянного капитала в целях накопления, то с этим сразу связывается несколько вопросов. Прежде всего, откуда у В, В', В" берутся деньги для того, чтобы купить у А, А', А" дополнительный прибавочный продукт? Ведь они со своей стороны тоже могут оказаться при деньгах только благодаря продаже собственного прибавочного продукта. Прежде чем обзавестись новыми средствами производства для расширения своих предприятий, т. е. прежде чем выступить в качестве покупателей подлежащего накоплению прибавочного продукта, они должны освободиться от собственного прибавочного продукта, т. е. выступить в качестве продавцов. Но кому В, В', В" продали свой прибавочный продукт? Мы видим, что затруднение перенесено с А, А', А" на В, В', В", но отнюдь не устранено.

В ходе анализа есть один момент, когда кажется, что затруднение разрешено. После некоторого отступления Маркс опять берется за нить исследования и продолжает ее следующим образом:

«В рассматриваемом здесь случае этот прибавочный продукт с самого начала составляет средства производства средств производства. Только в руках В, В', В" и т. д. (I) этот прибавочный продукт функционирует как дополнительный постоянный капитал; но потенциально он является таковым раньше, чем продан, уже в руках А, А', А" (I), которые накапливают сокровище. Пока мы рассматриваем только размер стоимости воспроизводства на стороне I, мы находимся еще в пределах простого воспроизводства, потому что никакой дополнительный капитал не приведен в движение для того, чтобы создать этот потенциальный дополнительный постоянный капитал (прибавочный продукт), не приведено в движение и большее количество прибавочного труда, чем то, которое затрачивалось на основе простого воспроизводства. Различие пока заключается только в форме применяемого прибавочного труда, в конкретной природе его особенного полезного вида. Он был израсходован на средства производства для I с вместо II с, на средства производства средств производства, а не средства производства средств потребления. При простом воспроизводстве предполагалось, что вся прибавочная стоимость I расходуется как доход, следовательно, на товары II; следовательно, она состояла лишь из таких средств производства, которые должны были возместить постоянный капитал II с в его натуральной форме. Таким образом для того, чтобы произошел переход от простого к расширенному воспроизводству, производство подразделения I должно получить возможность создавать менее элементов постоянного капитала для II, но в той же мере более для I. Из этого следует, если смотреть на дело только с точки зрения величины стоимости, что при простом воспроизводстве создается материальный субстрат расширенного воспроизводства. Таковым является просто прибавочный труд клас-

са рабочих I, израсходованный непосредственно на производство средств производства, на создание потенциального дополнительного капитала I. Следовательно, образование потенциального дополнительного денежного капитала со стороны A, A', A" (I), – средством для чего служит последовательная продажа их прибавочного продукта, который образуется без всякой капиталистической затраты денег, – дает здесь просто денежную форму дополнительно произведенных средств производства I»¹.

Здесь кажется, что затруднение рассеялось, как дым. Накопление не требует никаких новых денежных источников: раньше капиталисты сами потребляли свою прибавочную стоимость, следовательно, они должны были иметь на руках соответствующий запас денег, потому что класс капиталистов, как мы знаем уже из анализа простого воспроизводства, сам должен бросить в обращение деньги, которые требуются для реализации его прибавочной стоимости; теперь класс капиталистов покупает за одну часть этого денежного запаса (запаса B, B', B" и т. д.) вместо средств потребления на такую же стоимость новых, дополнительных средств производства, чтобы расширить свое производство. Вследствие этого в руках другой части капиталистов (именно у A, A', A" и т. д.) собирается такая же сумма в деньгах. «Такое образование сокровища отнюдь не предполагает дополнительного богатства в виде благородных металлов, а только изменение функции обрабатывавшихся до того времени денег. До этого они функционировали как средства обращения, теперь они функционируют как сокровища, как образующийся потенциально новый денежный капитал».

Таким образом мы вышли бы из затруднения. Однако не трудно определить, какое обстоятельство сделало столь легким для нас решение затруднения: Маркс рассматривает здесь накопление при его первом появлении *in statu nascendi*, когда оно только что начинает расти, как почка простого воспроизводства. С точки зрения величины стоимости производство здесь пока еще не расширилось, но его распорядок и распределение его вещественных элементов другие. При таких обстоятельствах неудивительно, что и денежные источники оказываются достаточными. Но и полученное нами решение годится только для одного момента, только для перехода от простого к расширенному воспроизводству, т. е. как раз для случая, который мыслим только теоретически, но с которым в действительности встречаться не приходится. Но если процесс накопления давно уже приобрел права гражданства и если он каждый период производства выбрасывает на рынок большую массу стоимости, чем в прежние периоды, тогда спрашивается, где покупатели для этих дополнительных стоимостей? Здесь найденное нами решение оставляет нас на произвол судьбы. Кроме того, оно само является лишь кажущимся решением. При ближайшем рассмотрении оказывается, что оно обращается против нас как раз в тот же самый момент, когда нам кажется, что оно выручает нас из беды. Если мы рассматриваем накопление как раз в тот самый момент, когда оно только что собирается родиться из недр простого воспроизводства, то первой его предпосылкой является

¹ «Капитал», т. II, стр. 487-488

уменьшение потребления класса капиталистов. В тот момент, когда мы находим возможность при помощи прежних средств обращения предпринять расширение производства, мы в соответствующей мере теряем прежних потребителей. Для кого же предпринимать расширение производства, т. е. кто купит у В, В', В" (I) ту увеличенную массу продуктов, которую они произвели, вследствие того, что они, «отказывая себе в самом необходимом», накопили деньги, чтобы закупить у А, А', А" (I) новые средства производства?

Итак, мы видим, что кажущимся было здесь решение, а не затруднение, и Маркс сам тотчас же возвращается к вопросу о том, откуда у В, В', В" берутся деньги, чтобы купить у А, А', А" их прибавочный продукт.

«Поскольку продукты, производимые В, В', В" и т. д. (I), сами снова входят *in natura* в тот же самый процесс, само собою понятно, что *pro tanto* часть их собственного прибавочного продукта прямо (без посредства обращения) переносится в их производительный капитал и входит в него как дополнительный элемент постоянного капитала. Но *pro tanto* они не действуют и превращению в золото прибавочного продукта А, А' и т. д. (I). Оставляя это в стороне, откуда же берутся деньги? Мы знаем, что В, В', В" и т. д. (I) образовали свое сокровище, как А, А' и т. д., путем продажи соответственных прибавочных продуктов и теперь достигли момента, когда их лишь потенциальный денежный капитал, накопившийся, как сокровище, должен действительно функционировать как дополнительный денежный капитал; но так мы ходим лишь вокруг да около. По-прежнему остается вопросом, откуда берутся деньги, которые ранее извлечены из обращения и накоплены капиталистами В (I)?»¹.

Ответ, который Маркс тотчас же дает, кажется поразительно простым. «Однако уже из исследования простого воспроизводства мы знаем, что в руках капиталистов I и II должно находиться известное количество денег для того, чтобы совершилось превращение их прибавочного продукта. Деньги, служившие только как доход для расходования на средства потребления, возвращались там обратно к капиталистам в той мере, как они авансировали их для обмена своих соответственных товаров; здесь опять появляются такие же деньги, но их функция изменилась. Капиталисты А и В (I) попеременно доставляют деньги для превращения прибавочного продукта в дополнительный потенциальный денежный капитал и попеременно снова пускают в обращение вновь образованный денежный капитал как покупательное средство»².

Здесь мы опять вернулись к простому воспроизводству. Совершенно правильно, что капиталисты А и капиталисты В всегда производят постепенное накопление денежного сокровища, чтобы время от времени обновить свой постоянный (основной) капитал и таким образом помочь взаимно друг другу в реализации своих продуктов. Но это накапливающееся денежное сокровище не падает с неба: оно представляет собою постоянное осаждение стоимости основного капитала, которая мало-по-малу переносится на продукт и при продаже про-

¹ «Капитал», т. II, стр. 490-491.

² Там же, стр. 491.

дукт частями реализуется. Таким образом накопленного денежного сокровища всегда может хватить только на возобновление старого капитала, но оно никак не может выйти за эти пределы, чтобы служить для покупки дополнительного постоянного капитала. Этим мы все еще не вышли бы из рамок простого воспроизводства. Или, может быть, что в виде нового дополнительного денежного источника прибавляется часть средств обращения, которые до сих пор служили капиталистам для их личного потребления, а теперь капитализируются? Но это опять приводит нас к краткому и исключительному моменту, мыслимому лишь теоретически, к переходу от простого воспроизводства к расширенному. Дальше этого скачка накопление не подвигается ни на шаг: мы возвращаемся фактически в круг.

Следовательно, капиталистическое накопление сокровища не может нас вывести из затруднения. И это можно было предвидеть, так как самая постановка вопроса неправильная. В проблеме накопления речь идет не о том, откуда берутся деньги, а о том, откуда берется спрос на прибавочный продукт, который произошел из капитализированной прибавочной стоимости. Это не технический вопрос денежного обращения, а экономический вопрос воспроизводства всего общественного капитала. Ибо если мы даже оставим в стороне вопрос, которым только и занимался до сих пор Маркс, – вопрос о том, откуда у В, В' и т. д. (I) взялись деньги, чтобы купить у А, А' и т. д. (I) добавочные средства производства, то после совершившегося накопления возникает гораздо более важный вопрос: кому В, В' и т. д. (I) будут теперь продавать свой возросший прибавочный продукт? Маркс в конце концов заставляет их продавать друг другу их собственные продукты.

«Различные В, В', В" и т. д. (I), у которых потенциальный новый денежный капитал начинает активные операции, могут покупать друг у друга и продавать друг другу свои продукты (части своего прибавочного продукта). При нормальном ходе дела деньги, авансированные на обращение прибавочного продукта, *pro tanto* возвращаются к различным В в такой же пропорции, в какой каждый из них авансировал эти деньги на обращение своих соответствующих товаров»¹.

«*Pro tanto*» это не решение вопроса, так как В, В', В" и т. д. (I) не для того отказались от части прибавочной стоимости и расширили свое производство, чтобы потом продавать друг другу свой возросший продукт, т. е. средства производства. Да и это впрочем возможно лишь в очень ограниченных пределах. Согласно допущению Маркса, внутри I существует известное разделение труда, причем А, А', А" и т. д. (I) производят средства производства средств производства, а В, В', В" и т. д. производят, напротив того, средства производства средств потребления. Следовательно, если бы продукт А, А', А" и т. д. мог бы остаться внутри подразделения I, то продукт В, В', В" и т. д. благодаря своей натуральной форме наперед предназначен для подразделения II (производства средств существования). Следовательно, накопление у В, В' и т. д. ведет нас уже к обращению между I и II. Самый ход марксова анализа подтверждает этим, что если внут-

¹ «Капитал», т. II, стр. 492.

ри подразделения I имеет место накопление, то в конце концов прямо или косвенно – в подразделении средств существования должен быть налично увеличенный спрос на средства производства. Итак, покупателей прибавочного продукта подразделения I мы должны искать среди капиталистов II.

Вторая попытка Маркса разрешить проблему действительно сообразуется со спросом капиталистов II. Их спрос на дополнительные средства производства может иметь целью лишь увеличение их постоянного капитала II с. Но здесь вся трудность проблемы отчетливо бросается в глаза.

«Положим, что A (I) превращает в золото свой прибавочный продукт, продавая его B из подразделения II. Это может произойти лишь вследствие того, что A (I), продав B (II) средства производства, не покупает затем средств потребления, следовательно, лишь вследствие односторонней продажи с его стороны. Если II с из формы товарного капитала лишь таким способом превращается в натуральную форму производительного постоянного капитала, что не только I v, но по крайней мере и некоторая часть I m обменивается на некоторую часть II с, существующего в форме средств потребления; но если A превращает в золото свое I m только благодаря тому, что такого обмена не происходит, а, напротив, наш A извлекает из обращения деньги, вырученные от II посредством продажи своего I m, и не употребляет их на покупку средств потребления II с, то хотя на стороне A (I) происходит образование дополнительного потенциального денежного капитала, но на другой стороне оказывается закрепленной в форме товарного капитала равная по величине стоимости часть постоянного капитала B (II), которая не может превратиться в натуральную форму производительного постоянного капитала. Другими словами: часть товаров B (II) и притом ргi-та facie та часть, без продажи которой B (I) не может превратить весь свой постоянный капитал снова в производительную форму, не находит себе сбыта; поэтому по отношению к ней происходит перепроизводство, которое по отношению опять-таки к ней затрудняет воспроизводство даже в прежнем масштабе»¹.

Попытки накопления со стороны подразделения I посредством продажи дополнительного прибавочного продукта подразделению II породили здесь совершенно неожиданный результат – дефицит на стороне капиталистов II, которые не могут начать даже простого воспроизводства. Подошедши к этому узловому пункту, Маркс углубляется в анализ, чтобы разрешить проблему.

«Рассмотрим теперь несколько ближе накопление в подразделении II. Первое затруднение относительно II с, т. е. его превращения из составной части товарного капитала в натуральную форму постоянного капитала II, касается простого воспроизводства. Возьмем прежнюю схему

$$(1\ 000\ v + 1\ 000\ m)\ I\ обмениваются\ на\ 2\ 000\ II\ с.$$

Если, например, половина прибавочного продукта I, следовательно 1000/2 m или 500 I m, снова включается как постоянный капи-

¹ «Капитал», т. II, стр. 493-494.

тал в подразделение I, то эта часть прибавочного продукта, удержанная в I, не может возместить ни одной части II с. Вместо того чтобы превратиться в средство потребления..., эта часть должна послужить в роли добавочных средств производства в самом I. Она не может выполнять такую функцию одновременно в I и II, капиталист не может расходовать стоимость своего прибавочного продукта на средства потребления и в то же время производительно потреблять самый прибавочный продукт, т. е. присоединять его к своему производительному капиталу. Итак, вместо 2 000 I ($v+m$) в обмен на 2 000 II с поступают только 1 500, именно $1\ 000 v + 500 m$ I; следовательно, 500 II с не могут превратиться из своей товарной формы в производительный (постоянный) капитал II»¹.

Пока что мы лишь еще нагляднее убедились в наличии затруднения, но ни на шаг не подвинулись вперед в его разрешении. Впрочем здесь на анализе сказывается то, что Маркс для объяснения проблемы накопления все время берет за основу фикцию первоначального перехода от простого к расширенному воспроизводству, т. е. момент рождения накопления, вместо того чтобы рассматривать его в процессе движения. Эта самая фикция давала нам, пока мы рассматривали накопленное только в пределах подразделения I, по крайней мере на первый взгляд кажущееся решение: так как капиталисты I отказались от части своего прежнего личного потребления, то у них на руках внезапно оказалось новое денежное сокровище, которым они могут начать капитализацию. Но если мы теперь обращаемся к подразделению II, то та же самая фикция только увеличивает еще затруднение. Ибо здесь «самоограничение» со стороны капиталистов I проявляется в чувствительной потере потребителей, на спрос которых рассчитано производство. Капиталисты подразделения II, с которыми мы экспериментировали, желая узнать, не они ли являются столь долго разыскиваемыми покупателями дополнительного продукта накопления в подразделении I, могут нас тем меньше вывести из затруднения, что они сами находятся в стеснительном положении и пока еще не знают, куда деваться со своим собственным непроданным продуктом. Отсюда видно, к каким несуразностям ведет попытка произвести накопление у одних капиталистов за счет других.

Затем Маркс делает попытку обойти затруднение, но сам тотчас же отвергает ее как увертку. Попытка эта сводится к вопросу; нельзя ли рассматривать не поддающийся продаже излишек II, явившийся результатом накопления в I, как необходимый товарный запас общества для следующего года? Маркс на это возражает с обычной для него основательностью: «1) Такое образование запасов и необходимость его имеет значение для всех капиталистов как I, так и II. Рассматриваемые, как простые продавцы товаров, они отличаются друг от друга только тем, что продают товары различного рода. Запас товаров во II предполагает предварительный запас товаров в I. Не принимая в соображение этого запаса на одной стороне, мы должны поступить так же и с другой. Если же мы принимаем их во внимание на обеих сторонах, то проблема нисколько не изменяется.

¹ «Капитал», т. II, стр. 445.

2) Если на стороне II текущий год заканчивается с товарным запасом для следующего года, то начался он с товарным запасом, доставшимся для той же стороны от предыдущего года; следовательно, при анализе годового воспроизводства, сведенного к его абстрактному выражению, мы в обоих случаях должны вычеркнуть товарный запас. Если мы отнесем все производство к текущему году, следовательно, и ту часть, которую он передает следующему году как товарный запас, но, с другой стороны, вычтем из него товарный запас, полученный им от предыдущего года, то мы действительно получим в качестве предмета нашего анализа весь средний годовой продукт.

3) То простое обстоятельство, что при исследовании простого воспроизводства мы не наталкивались на затруднение, которое теперь приходится преодолевать, доказывает, что здесь мы имеем дело с совершенно особенным явлением, которое вызывается только иной группировкой (по отношению к воспроизводству) элементов I, измененной группировкой, без которой вообще невозможно никакое воспроизводство в расширенном размере»¹.

Но последнее замечание направлено против попыток, которые делал до сих пор сам Маркс, против попыток объяснить специфическое затруднение накопления моментами, которые принадлежат еще к простому воспроизводству, именно тем образованием сокровищ, которое связано с постоянным обновлением основного капитала и которое раньше – в пределах подразделения I – должно было объяснить нам накопление.

Маркс переходит затем к схематическому представлению расширенного воспроизводства, но тотчас же при анализе своей схемы наталкивается на то же самое затруднение, только в несколько иной форме. Он допускает, что капиталисты подразделения I накапливают 500 m, но что капиталисты подразделения II, со своей стороны, должны превратить в постоянный капитал 140 m, чтобы сделать возможным накопление первых, и спрашивает:

«Следовательно, II должен купить 140 I m на наличные деньги, причем эти деньги не возвратятся к нему посредством последующей продажи его товара I, и этот процесс повторяется постоянно при каждом новом повторении годового производства, поскольку оно является воспроизводством в расширенном масштабе. Где же во втором находится источник денег для этого?»².

В дальнейшем изложении Маркс производит всесторонние поиски этого источника. Он прежде всего подвергает более близкому рассмотрению затраты капиталистов II на переменный капитал. Последний имеется налицо, конечно, в денежной форме. Но его никак нельзя оторвать от его цели – покупки рабочей силы, чтобы предназначить его для покупки тех добавочных средств производства, о которых шла речь: «Такое постоянно повторяющееся удаление (переменного капитала) от исходного пункта, – из кармана капиталистов, и возвращение к нему несколько не увеличивает количества денег, совершающих этот кругооборот. Следовательно, оно не является источником накопления денег». После этого Маркс принимает в

¹ «Капитал», т. II, стр. 497.

² Там же, стр. 499.

соображение все мыслимые увертки и, как таковые, их отвергает: «Но постойте! Нельзя ли зашибить на этом некоторый барышик?» – восклицает он и исследует такую возможность: не пришли ли капиталисты путем понижения заработной платы их рабочих ниже нормального среднего уровня к экономии переменного капитала и, следовательно, к новому денежному источнику для целей накопления. Эту догадку он, конечно, моментально отбрасывает: «но не следует забывать, что действительно уплачиваемая нормальная заработная плата (которая *ceteris paribus* определяет величину переменного капитала) уплачивается вовсе не по доброте капиталистов, но потому, что при данных отношениях она должна быть уплачена. Таким образом, этот способ объяснения устраняется»¹. Он обращается даже к роли скрытых методов «экономии» на переменном капитале к *truck system*, обманам и т. д. – с тем, чтобы в конце заметить: «это та же самая операция, как в случае I, только замаскированная и осуществляемая обходным путем, следовательно, она должна быть так же отвергнута, как и та»³. Таким образом, все попытки сделать переменный капитал новым денежным источником для накопления безрезультатны: «Итак, с 376 II v для упомянутой цели ничего нельзя сделать».

Маркс обращается затем к денежному запасу капиталистов II, который они держат у себя в кармане, чтобы пустить в обращение для удовлетворения их собственных потребностей, и задается вопросом, нельзя ли здесь сберечь некоторое количество денег в целях капитализации. Но эту попытку он называет еще «более сомнительной», чем прежнюю. «Здесь имеют дело друг с другом только капиталисты одного и того же класса, которые продают друг другу и покупают одни у других производимые ими средства потребления. Деньги, необходимые для такого обмена, функционируют при этом только как средства обращения и при нормальном ходе вещей должны возвращаться к участникам соответственно авансам последних на обращение затем постоянно снова и снова проделывать один и тот же путь». Затем следует еще одна попытка, принадлежащая к категории тех «уловок», которые Маркс, конечно, беспощадно отвергает, – попытка объяснить образование денежного капитала в руках одних капиталистов II путем обмана при взаимном обмене товарами других капиталистов того же самого подразделения. Он считает даже излишним для себя рассматривать эту попытку.

За этим следует еще одна, уже серьезная попытка:

«Или же часть II m, заключающаяся в необходимых средствах существования, прямо превращается в новый переменный капитал в пределах подразделения II»³.

Как эта попытка может вывести нас из затруднения, т. е. привести в движение процесс накопления, – не совсем ясно. Ибо: 1) образование добавочного переменного капитала в подразделении II еще не может быть отправным пунктом для дальнейшего, так как мы ведь не справились еще с образованием дополнительного постоянного

¹ «Капитал», т. II, стр. 500.

² Там же, стр. 501.

³ Там же, стр. 501-502.

капитала II и были заняты как раз тем, чтобы доказать его возможность; 2) на этот раз в нашем исследовании речь шла об открытии денежного источника в II для покупки у I дополнительных средств производства, а не о том, чтобы пристроить избыточный продукт II в его собственном производстве; 3) если эта попытка должна означать, что соответствующие средства существования могут быть «п р я м о», т. е. без посредства денег, применены в производстве II опять в качестве переменного капитала, вследствие чего из переменного капитала освободилась бы соответствующая масса денег для целей накопления, то мы должны были бы эту попытку отвергнуть. При нормальных условиях капиталистическое производство исключает вознаграждение рабочих непосредственно в средствах существования; денежная форма переменного капитала, свободный договор между рабочим как продавцом товара и производителем средств потребления является одной из самых существенных основ капиталистического хозяйства. В другой связи Маркс сам подчеркивает следующее: «Мы знаем, что действительный переменный капитал, следовательно, и добавочный состоит из рабочей силы. С II имеют дело сами рабочие, а не капиталист I, которому пришлось бы в таком случае, как приходилось рабовладельцу, покупать у II необходимые средства существования про запас и беречь их для добавочной рабочей силы, которую предстоит применять в будущем»¹. Сказанное оказывается верным для капиталистов II точно так же, как для капиталистов I. Этим исчерпывается у Маркса приведенная выше попытка.

В конце Маркс отсылает нас к последней части «Капитала», к 21-й главе II тома, которую Энгельс поместил в параграфе IV в виде «дополнительных примечаний». Здесь мы находим краткое объяснение.

«Первоначальным источником денег для II служат $v+m$ золотопромышленников I, обмениваемые на часть II c ; лишь поскольку золотопромышленник копит прибавочную стоимость или превращает ее в средства производства I, следовательно, расширяет свое производство, его $v+m$ не входит в II; с другой стороны, поскольку накопление денег самим золотопромышленником в конце концов ведет к расширенному воспроизводству, часть прибавочной стоимости золотопромышленника, расходуемая им не как доход, а на его дополнительный переменный капитал, входит в II, способствует здесь новому образованию сокровищ или дает новое средство покупать у I без повторной непосредственной продажи ему»².

После того как ни одна из всех возможных попыток объяснения накопления нам не удалась, после того как нас отсылали от Понтия к Пилату, от A I к B I и от B I к B II, мы таким образом приходим в конце концов к тому самому золотопромышленнику, привлечение которого Маркс в самом начале своего анализа признал «нелепым». Этим и заканчивается анализ процесса воспроизводства и II том «Капитала», который так и не дает нам столь долго разыскиваемого решения проблемы.

¹ «Капитал», т. II, стр. 507.

² Там же, стр. 514.

ТРУДНОСТИ ПРОБЛЕМЫ ПОД УГЛОМ ЗРЕНИЯ ПРОЦЕССА ОБРАЩЕНИЯ

Анализ Маркса пострадал между прочим оттого, что он пытался разрешить проблему, неправильно поставив ее в форме вопроса о «денежных источниках». На самом деле речь идет о фактическом спросе, о сбыте товаров, а не об источниках денег для их оплаты. Относительно денег как посредника обращения мы должны здесь при рассмотрении процесса воспроизводства, взятого в целом, принять, что капиталистическое общество всегда имеет в своем распоряжении такое количество денег, которое необходимо для его процесса обращения, или что оно умеет создавать для этой цели суррогаты. Что подлежит объяснению, так это те крупные общественные акты обмена, которые вызываются реальными экономическими потребностями. То обстоятельство, что капиталистическая прибавочная стоимость, прежде чем подвергнуться накоплению, должна безусловно пройти через денежную форму, не может быть оставлено без внимания. Однако мы отыскиваем экономический спрос на прибавочный продукт, не интересуясь при этом вопросом о происхождении денег. Ибо, как говорит в другом месте сам Маркс, «деньги на одной стороне вызывают при этом расширенное воспроизводство на другой стороне, потому что возможность его имеется уже без денег, которые сами по себе не составляют элементов действительного воспроизводства»¹.

Что вопрос о «денежных источниках» для накопления является совершенно бесплодной формулировкой проблемы воспроизводства, обнаруживается у самого Маркса в другой связи.

То же самое затруднение уже раз занимало его во II томе «Капитала», а именно при исследовании процесса обращения. Уже при рассмотрении простого воспроизводства он при обращении прибавочной стоимости ставит вопрос:

«Но товарный капитал, прежде чем он превратился в производительный капитал и прежде чем будет израсходована заключающаяся в нем прибавочная стоимость, должен быть превращен в деньги. Откуда берутся деньги для этого? На первый взгляд этот вопрос кажется затруднительным, и ни Тук, ни кто-либо другой до сих пор не дали на него ответа»².

И Маркс решительно подходит к корню вопроса.

«Положим, что оборотный капитал в 500 фунтов стерлингов, авансированный в форме денежного капитала, каков бы ни был период его оборота, представляет весь оборотный капитал общества, т. е. класса капиталистов. Прибавочная стоимость пусть будет 100 фунтов стерлингов. Каким же образом весь класс капиталистов может постоянно извлекать из обращения 600 фунтов стерлингов, если он постоянно бросает в него только 500 фунтов стерлингов?»

Надо заметить, что мы имеем здесь дело с простым воспроизводством, где весь прибавочный продукт затрачивается классом капита-

¹ «Капитал», т. II, стр. 480.

² Там же, стр. 303.

листов на личное потребление. Следовательно, вопрос заранее должен быть поставлен точнее: как капиталисты, пустившие в обращение 500 фунтов стерлингов деньгами на постоянный и переменный капитал, могут получить свои средства потребления на сумму прибавочной стоимости, равной 100 фунтам стерлингов. Тут сразу выясняется, что те 500 фунтов стерлингов, которые постоянно служат для покупки средств производства и уплаты рабочим, не могут служить одновременно для покрытия личного потребления капиталистов. Откуда, стало быть, берутся те дополнительные деньги в 100 фунтов стерлингов, которые капиталисты употребляют для реализации их собственной прибавочной стоимости? Маркс сразу же отвергает все теоретические увертки, к которым можно было бы прибегнуть для ответа на поставленный вопрос.

«Не следует обходить это затруднение какими бы то ни было благовидными увертками.

Например, в таком роде: что касается постоянного оборотного капитала, то ясно, что не все расходуют его одновременно. В то время, когда капиталист А продает свой товар, следовательно, авансированный им капитал принимает денежную форму, у покупателя В его капитал, находящийся в денежной форме, принимает, напротив, форму средств его производства, как раз тех, которые производит А. Тем же самым актом, посредством которого А снова придает денежную форму произведенному им товарному капиталу, В снова придает производительную форму своему капиталу, превращает его из денежной формы в средства производства и в рабочую силу; одна и та же сумма денег функционирует в двустороннем процессе, как при всякой простой купле Т-Д (товар – деньги). С другой стороны, если А снова превращает деньги в средства производства, он покупает последние у С, а последний платит теми же деньгами В и т. д. Дело было бы объяснено таким способом. Но:

Все законы, установленные нами (книга I, гл. 3) относительно количества денег, обращающихся при товарном обращении, нисколько не изменяются вследствие капиталистического характера процесса производства.

Следовательно, если говорят, что оборотный капитал общества, авансированный в денежной форме, составляет 500 фунтов стерлингов, то при этом уже принято в расчет, с одной стороны, эта сумма была авансирована одновременно, но что, с другой стороны, она приводит в движение более производительного капитала, чем 500 фунтов стерлингов, потому что она попеременно служит денежным фондом различных производительных капиталов. Следовательно, этот способ объяснения предполагает уже существующими те самые деньги, существование которых он должен объяснить.

Далее можно было бы сказать так: капиталист А производит такие предметы, которые капиталист В потребляет индивидуально, непродуцируемо. Следовательно, деньги В превращают в деньги товарный капитал А, и таким образом одна и та же денежная сумма служит для превращения в деньги прибавочной стоимости В и оборотного постоянного капитала А. Но здесь еще прямее предполагается решенным тот самый вопрос, на который следует дать ответ. Именно, откуда

же В берет эти деньги на покрытие своего дохода? Каким образом он сам превратил в деньги эту часть своего продукта – эту прибавочную стоимость? Затем можно было бы сказать, что часть оборотного переменного капитала, которую А постоянно авансирует на своих рабочих, постоянно же возвращается к нему из обращения, и только некоторая изменяющаяся доля ее постоянно остается у него самого для выдачи заработной платы. Однако между моментом расходования и моментом возвращения денег, израсходованных на заработную плату, проходит некоторое время, в течение которого эти деньги могут между прочим служить и для превращения в золото прибавочной стоимости. Но, во-первых, мы знаем, что чем продолжительнее это время, тем более должна быть масса денежного запаса, который капиталисту А приходится сохранять *in petto*. Во-вторых, рабочий расходует деньги, покупает на них товары и тем самым *pro tanto* превращает в деньги заключающуюся в этих товарах прибавочную стоимость. Следовательно, те же самые деньги, которые авансируются в форме переменного капитала, *pro tanto* служат также для превращения в деньги прибавочной стоимости. Не углубляясь в этот вопрос еще более, мы заметим здесь лишь следующее: потребление всего класса капиталистов и зависимых от них непроизводительных лиц идет параллельно и одновременно с потреблением рабочего класса; следовательно, одновременно с тем, как пускают в обращение свои деньги рабочие, должны пускать в обращение деньги и капиталисты, чтобы расходовать свою прибавочную стоимость как доход, следовательно, деньги для этого должны извлекаться из обращения. Таким образом только что приведенное объяснение лишь уменьшило бы количество необходимых денег, но не устранило бы необходимости в них.

Наконец, можно было бы сказать: однако в обращение всегда вносится большое количество денег при первом оборудовании основным капиталом, который тем, кто его бросил в обращение, снова извлекается из обращения лишь постепенно, частями, в течение ряда лет. Разве этой суммы недостаточно для того, чтобы превратить в деньги прибавочную стоимость? На это придется ответить, что сумма 500 фунтов стерлингов (которая включает в себе и сокровище для необходимого резервного фонда), быть может, уже предполагает, что она употребляется как основной капитал, если не тем, кто бросил ее в обращение, то кем-либо другим. Кроме того, уже предполагается, что в сумме, расходуемой на приобретение продуктов, служащих основным капиталом, оплачена и заключающаяся в этих товарах прибавочная стоимость, и вопрос заключается лишь в том, откуда берутся эти деньги».

На этот последний пункт мы должны, между прочим, обратить особое внимание, ибо здесь Маркс отказывается привлечь образование сокровища для периодического обновления основного капитала в целях объяснения реализации прибавочной стоимости и даже при простом воспроизводстве. Дальше, где речь идет о гораздо более затруднительной реализации прибавочной стоимости при накоплении, он, как мы видели, в виде опыта многократно возвращается к тому самому объяснению, которое он отбросил как «благовидную отговорку».

Затем следует решение, которое кажется несколько неожиданным: «Общий ответ уже дан: если должна обращаться масса товаров на 1 000 фунтов стерлингов $\times X$, то количество денег, необходимых для этого обращения, несколько не изменяется от того, содержится ли в стоимости этой массы товаров прибавочная стоимость или нет, произведена ли эта масса товаров капиталистически или нет. Следовательно, самой проблемы не существует. При прочих данных условиях, скорости обращения денег и пр., для обращения товарной стоимости на 1 000 фунтов стерлингов $\times X$ требуется определенная сумма денег, которая совершенно не зависит от того обстоятельства, много или мало этой стоимости достается непосредственным производителям этих товаров. Поскольку здесь и существует проблема, она совпадает с общей проблемой: откуда берется сумма денег, необходимая для обращения товаров в известной стране»¹. Ответ совершенно правилен. Ответом на вопрос, откуда берутся деньги для обращения прибавочной стоимости, служит ответ на общий вопрос: откуда берутся деньги для того, чтобы пустить в обращение известную массу товаров в стране? Деления массы стоимости этих товаров на постоянный капитал, переменный капитал и прибавочную стоимость даже и не существует с точки зрения денежного обращения как такового; с этой точки зрения оно не имеет никакого смысла. Следовательно, «проблемы не существует» только под углом зрения денежного обращения или простого товарного обращения. Но проблема все-таки существует с точки зрения общественного воспроизводства, взятого в целом, только ее не следует формулировать так неправильно, чтобы ответ вернул нас к простому товарному обращению, где проблемы этой не существует. Следовательно, вопрос не гласит так: откуда берутся деньги для реализации прибавочной стоимости? Он должен гласить: где потребители прибавочной стоимости? Что деньги должны находиться в руках этих потребителей и что они ими должны быть брошены в обращение, понятно само собой. Сам Маркс снова возвращается к проблеме, несмотря на то, что он только что объявил ее несуществующей.

«Но существуют вообще только два исходных пункта: капиталист или рабочий. Третьи лица всех разрядов или должны получать деньги от этих двух классов за какие-нибудь услуги, или, поскольку они получают деньги без всяких услуг со своей стороны, они являются совладельцами прибавочной стоимости в форме ренты, процента и т. д. То обстоятельство, что прибавочная стоимость не остается целиком в кармане промышленного капиталиста и что он должен поделиться ею с другими лицами, не имеет никакого отношения к рассматриваемому вопросу. Вопрос заключается в том, каким образом он превращает в деньги свою прибавочную стоимость, а не в том, как распределяются впоследствии вырученные за нее деньги. Следовательно, в нашем случае мы все еще должны видеть в капиталисте единственного владельца прибавочной стоимости. Что касается рабочего, то уже сказано, что он представляет только вторичный исходный пункт, тогда как капиталист – первоначальный исходный пункт тех денег, которые бросаются в обращение рабочим. Деньги, сна-

¹ «Капитал», т. II, стр. 314-315.

чала авансированные как переменный капитал, совершают уже свое второе обращение, когда рабочий затрачивает их на оплату средств существования.

Итак, класс капиталистов остается единственным исходным пунктом денежного обращения. Если ему требуется для оплаты средств производства 400 фунтов стерлингов и для оплаты рабочей силы 100 фунтов стерлингов, то он бросает в обращение 500 фунтов стерлингов, но заключающаяся в продукте прибавочная стоимость при норме прибавочной стоимости 100 % равна стоимости 100 фунтов стерлингов. Каким образом класс капиталистов может постоянно извлекать из обращения 600 фунтов стерлингов, если он постоянно бросает в него только 500 фунтов стерлингов? Из ничего ничего не будет. Весь класс капиталистов не может извлекать из обращения ничего такого, что не было бы раньше брошено в него».

Дальше Маркс отвергает еще одну уловку, которую можно было бы использовать для объяснения проблемы, именно привлечение скорости обращения денег, позволяющей меньшим количеством денег привести в обращение большую массу товаров. Эта уловка, естественно, ни к чему не ведет, так как скорость обращения денег уже была принята в расчет, когда мы предположили, что обращение товарной массы требует такого-то и такого-то количества фунтов стерлингов.

За этим следует, наконец, решение проблемы:

«Действительно, как бы это ни казалось парадоксальным на первый взгляд, класс капиталистов сам пускает в обращение те деньги, которые служат для реализации заключающейся в товарах прибавочной стоимости. Однако, *nota bene*, он бросает их в обращение не как авансированные деньги, следовательно, не как капитал. Он расходует их как покупательное средство для своего личного потребления. Следовательно, эти деньги не авансируются классом капиталистов, хотя он является исходным пунктом их обращения»¹.

Это ясное исчерпывающее решение лучше всего доказывает, что проблема не мнимая. Оно покоится не на том, что мы открыли «новый источник денег» для реализации прибавочной стоимости, а на том, что мы нашли потребителей этой прибавочной стоимости. Соответственно допущению Маркса мы здесь все еще находимся на почве простого воспроизводства. Это значит, что класс капиталистов затрачивает всю свою прибавочную стоимость на личное потребление. Так как капиталисты являются потребителями прибавочной стоимости, то тот факт, что они должны иметь в кармане деньги, чтобы присвоить себе натуральную форму прибавочной стоимости – предметы потребления, не только не парадоксален, но сам собою понятен. Обмен как акт обращения вытекает как нечто необходимое из того факта, что отдельные капиталисты не могут прямо потребить свою индивидуальную прибавочную стоимость или индивидуальный прибавочный продукт, как это делает рабовладелец. Напротив того, ее вещественная натуральная форма, как правило, исключает это потребление. Но совокупная прибавочная стоимость всех капиталистов, предполагая простое воспроизводство, заключена во всем обществе

¹ «Капитал», т. II, стр. 316-317.

венном продукте и выражена в соответствующей массе средств потребления для класса капиталистов точно так же, как сумме всех переменных капиталов соответствует равная по стоимости масса средств существования для рабочего класса и как постоянному капиталу всех отдельных капиталистов соответствует равная ему по стоимости масса вещественных средств производства. Чтобы обменять индивидуальную, не годную для потребления прибавочную стоимость на соответствующее количество средств существования, необходим двусторонний акт товарного обращения: продажа собственного прибавочного продукта и покупка средств существования из общественного прибавочного продукта. Так как оба эти акта происходят исключительно только в пределах класса капиталистов между отдельными капиталистами, и деньги, играющие при этом роль посредника, переходят здесь из рук одного капиталиста в руки другого и остаются всегда в кармане класса капиталистов. Так как при простом воспроизводстве обмениваются всегда одни и те же массы стоимости, то для обращения прибавочной стоимости каждый год служит одна и та же масса денег, и лишь в крайнем случае при исключительной основательности можно было бы поставить вопрос: как эта денежная сумма, служащая посредником при осуществлении потребления самих капиталистов, появилась некогда у них в кармане? Но этот вопрос переходит в другой более общий вопрос: откуда вообще появился некогда в руках капиталистов денежный капитал – тот самый денежный капитал, от которого капиталисты, наряду с производительным расходом, должны сохранять часть для целей личного потребления? Но поставленный так вопрос относится к главе о так называемом «первоначальном накоплении», т. е. об историческом генезисе капитала, и выходит за пределы анализа как процесса обращения, так и процесса воспроизводства.

Таким образом, вопрос ясен и недвусмысленен, поскольку мы находимся на почве простого воспроизводства. Здесь проблема реализации прибавочной стоимости разрешается самым предположением простого воспроизводства: она, собственно, уже антиципирована самым понятием последнего. Простое воспроизводство на том и покоится, что вся прибавочная стоимость потребляется классом капиталистов, а это значит, что она должна быть им куплена, т. е. что отдельные капиталисты должны покупать ее друг у друга.

«В этом случае мы предполагали, – говорит сам Маркс, – что денежная сумма, которую капиталист бросает в обращение на покрытие своего личного потребления впредь до первого возвращения, своего капитала, как раз равна произведенной им и превращаемой в деньги прибавочной стоимости. Очевидно, что по отношению к отдельному капиталисту такое предположение произвольно. Но оно должно быть правильным для всего класса капиталистов, раз мы предполагаем простое воспроизводство. Оно выражает только то, что уже заключается в этом последнем предположении: именно, что вся прибавочная стоимость потребляется непроизводительно, – но только она одна; следовательно, не потребляется ни малейшей доли первоначального капитала»¹.

¹ «Капитал», т. II, стр. 318.

Но простое воспроизводство на капиталистическом базисе является в теоретической экономике мнимой величиной, такой же полноправной и необходимой в научном отношении мнимой величиной, как квадратный корень из -1 в математике. Однако проблема реализации прибавочной стоимости этим самым отнюдь не разрешается для фактического положения вещей, т. е. для расширенного воспроизводства или накопления. И это Маркс сам вторично подтверждает, лишь только он приступает к продолжению своего анализа.

Откуда берутся деньги для реализации прибавочной стоимости, если предположить наличность накопления, т. е. не потребления, а капитализации части прибавочной стоимости? Первый ответ, который Маркс дает на этот вопрос, гласит:

«Прежде всего, что касается добавочного денежного капитала, который требуется для функционирования возрастающего производительного капитала, то он доставляется той частью реализованной прибавочной стоимости, которая бросается в обращение капиталистом как денежный капитал, а не как денежная форма дохода. Деньги уже находятся в руках капиталистов. Только их употребление иное».

Это объяснение, равно как и его недостаточность, уже известно нам из исследования процесса воспроизводства. Ответ опирается исключительно только на момент перехода от простого воспроизводства к накоплению: еще вчера капиталисты потребляли всю свою прибавочную стоимость и, следовательно, имели в кармане соответствующую сумму денег для ее обращения; сегодня они решают сберечь часть прибавочной стоимости и затратить ее продуктивно вместо того, чтобы прокутить. Им только нужно для этого, – предполагая, что производятся вещественные средства производства вместо предметов роскоши, – дать иное применение части своего личного денежного фонда. Но переход от простого производства к расширенному является такой же теоретической фикцией, как само простое воспроизводство капитала. И сам Маркс тотчас же продолжает:

«Но вследствие затраты добавочного производительного капитала бросается в обращение как продукт этого капитала добавочная масса товаров. Вместе с этой добавочной массой товаров выбрасывается в обращение часть добавочных денег, необходимых для ее реализации, именно выбрасывается постольку, поскольку стоимость этой массы товаров равна стоимости производительного капитала, потребленного при ее производстве. Эта добавочная масса денег прямо авансируется как добавочный денежный капитал, и потому она возвращается к капиталисту вследствие оборота его капитала. Здесь перед нами тот же самый вопрос, как и выше. Откуда берутся добавочные деньги для реализации дополнительной прибавочной стоимости, находящейся теперь в товарной форме?»

Но тут, где проблема опять ставится во всей своей остроте, мы получаем вместо решения следующий неожиданный ответ:

«Общий ответ опять тот же самый. Сумма цен обращающейся массы товаров увеличилась не потому, что цена прежней массы товаров повысилась, а потому, что масса обращающихся теперь товаров больше, чем масса товаров, обращавшихся ранее, причем эта разница не уравнивается понижением цен. Добавочные деньги, необ-

ходимые для обращения этого большого количества товаров большей стоимости, должны быть добыты или усиленной экономией на обращающемся количестве денег, – достигается ли она посредством взаимного погашения платежей и т. п., или при помощи средств, ускоряющих обращение одного и того же денежного знака, или же они должны быть получены путем превращения денег из формы сокровища в форму обращающихся денег»¹.

Это решение сводится к следующему объяснению. Капиталистическое воспроизводство при условиях непрерывного и возрастающего накопления выбрасывает на рынок все увеличивающуюся массу товарных стоимостей. Чтобы привести в обращение эту товарную массу, – возрастающую в своей стоимости, необходима все увеличивающаяся масса денег. Эта возрастающая масса денег должна быть создана. Все это несомненно верно и очевидно, но проблема, о которой шла речь, этим самым не разрешена, она просто исчезла.

Если мы рассматриваем весь общественный продукт (капиталистического хозяйства) просто как товарную массу определенной стоимости, как *Warenbrei* («товарную кашу») и при условиях накопления видим только прирост этой недифференцированной «товарной каши» и массы ее стоимости, тогда нам придется констатировать, что для обращения этой массы стоимостей требуется соответствующее количество денег, что это количество денег должно расти, когда растет масса стоимости и если при этом ускорение обращения и его экономизирование не уравновешивают приращение стоимости. И на последний вопрос: откуда же в конце концов берутся все деньги? можно вместе с Марксом ответить: из золотых рудников. Это та же точка зрения, именно точка зрения простого товарного обращения. Но в таком случае не нужно вводить таких понятий, как постоянный и переменный капитал и прибавочная стоимость, которые относятся не к простому товарному обращению, а к обращению капитала и общественному воспроизводству; в таком случае не нужно ставить вопрос: откуда берутся деньги для реализации общественной прибавочной стоимости, и притом 1) при простом и 2) при расширенном воспроизводстве? Такие вопросы с точки зрения простого товарного и денежного обращения не имеют никакого смысла и никакого содержания. Но раз эти вопросы поставлены, раз исследование поставлено с точки зрения обращения капитала и общественного воспроизводства, то нечего искать ответа в пределах простого товарного обращения, чтобы, – так как проблемы здесь не существует и на нее нельзя дать ответа, – потом заявить: на проблему уже давно дан ответ – ее вообще не существует.

Следовательно, сама постановка вопроса у Маркса была все время неправильна. Нет никакой сколько-нибудь осязательной цели ставить вопрос, откуда берутся деньги для реализации прибавочной стоимости. Вопрос должен гласить: откуда берется спрос на прибавочную стоимость, где платежеспособная потребность в ней? Если бы вопрос с самого начала был поставлен так, то не нужно было бы столь длительного обходного пути, чтобы ясно показать, разрешим ли он или нет. Если предположить простое воспроизводство, то дело

¹ «Капитал», т. II, стр. 327-328.

достаточно просто: вся прибавочная стоимость потребляется капиталистами, которые таким образом сами являются здесь покупателями и предъявляют спрос на общественную прибавочную стоимость во всем ее объеме; следовательно также они должны иметь в кармане мелочь, необходимую для обращения прибавочной стоимости. Но как раз из этого самого факта вытекает с очевидностью, что сам класс капиталистов при условии накопления, т. е. капитализации части прибавочной стоимости, никоим образом не может реализовать, т. е. купить всю свою прибавочную стоимость. Несомненно, что должно быть создано достаточное количество денег для реализации капиталистической прибавочной стоимости, – если она вообще должна быть реализована, – но эти деньги никак не могут происходить из кармана капиталистов. Если мы допускаем наличность накопления, то они, напротив того, вследствие этого перестают быть покупателями своей прибавочной стоимости, если бы даже, – говоря абстрактно, – они и имели для этого достаточное количество денег в кармане. Но кто же помимо них может предъявлять спрос на товары, в которых заключена капитализированная прибавочная стоимость?

«По нашему предположению – при всеобщем и исключительном господстве капиталистического производства, – кроме этого класса (класса капиталистов), вообще не существует никаких других классов, кроме рабочих. Все, что покупает рабочий класс, равно сумме его заработной платы, равной сумме переменного капитала, авансированного всем классом капиталистов».

Следовательно, рабочие еще меньше, чем класс капиталистов, в состоянии реализовать капитализированную прибавочную стоимость. Но кто-нибудь ведь должен ее купить, раз капиталисты опять должны иметь на руках авансированный накопленный капитал. И все-таки, кроме капиталистов и рабочих, других покупателей нельзя себе представить. «Каким же образом должен накапливать деньги класс капиталистов?»¹ Реализация прибавочной стоимости вне этих двух единственно существующих классов общества кажется столь же необходимой, как и невозможной. Накопление капитала очутилось в порочном кругу. Во II томе «Капитала» мы во всяком случае не находим решения проблемы.

Если спросить, почему в «Капитале» Маркса нельзя найти решения этой важной проблемы капиталистического накопления, то прежде всего придется принять во внимание, что II том «Капитала» представляет собою не законченное произведение, а оборванную на полуслове рукопись.

Уже внешняя форма последней главы этого тома показывает, что мы имеем дело скорее с набросками для работы самого мыслителя, чем с готовыми выводами, предназначенными для просвещения читателя. Это обстоятельство вполне подтверждает столь компетентный свидетель, как редактор II тома, Фридрих Энгельс. В своем предисловии ко второму тому он приводит следующие подробные сведения о состоянии оставленных Марксом предварительных работ и рукописей, которые должны были служить основой для этого тома:

¹ «Капитал», т. II, стр. 331.

«Простое перечисление оставленного Марксом рукописного материала для II книги показывает, с какой несравненной добросовестностью, с какой строгой самокритикой он старался разработать до полного совершенства свои великие экономические открытия, прежде чем опубликовать их; эта самокритика лишь редко оставляла возможность приспособлять изложение по содержанию и по форме к его кругозору, постоянно расширявшемуся вследствие нового изучения. Этот материал состоит из следующего:

Прежде всего имеется рукопись «Zur Kritik der Politischen Oekonomie» в 23 тетрадях, составляющих 1 472 страницы в четвертую долю листа, написанных с августа 1861 г. по июнь 1863 г. Она представляет продолжение первой тетради под таким же названием, появившейся в печати в Берлине 1859 г. Как ни драгоценна эта рукопись, пришлось мало воспользоваться ею для настоящего издания II книги.

Следующей по времени рукописью является рукопись книги III:

Из периода, следовавшего за появлением книги I, имеется для II тома собрание четырех рукописей in folio, перенумерованных самим Марксом с I по V. Из них рукопись I (150 страниц), относящаяся, как можно предполагать, к 1865 или 1867 г., представляет первую самостоятельную, но более или менее отрывочную обработку II книги в ее настоящем порядке изложения. Из этой рукописи также ничем не пришлось воспользоваться. Рукопись III отчасти состоит из собрания цитат и ссылок на записные тетради Маркса – все это относится по большей части к первому отделу II книги – отчасти она представляет обработку отдельных пунктов, именно критику положений А. Смита о постоянном и оборотном капитале и об источнике прибыли; далее изложение отношения нормы прибавочной стоимости к норме прибыли, относящееся к III книге. Ссылки дали мало нового, позднейшие редакции сделали излишним пользование ими как для II, так и для III книги; следовательно, их в большинстве случаев также пришлось отложить в сторону. Рукопись IV представляет вполне готовую для печати обработку первого отдела и первой главы второго отдела книги II, и там, где это требовалось, она была использована. Хотя оказалось, что она написана ранее, чем рукопись II, однако вследствие того, что она более закончена по форме, ею с успехом можно было воспользоваться для соответствующей части книги; оказалось достаточным сделать несколько добавлений из рукописи II. Эта последняя рукопись представляет собою единственную до некоторой степени законченную обработку книги II; она помечена 1870 г. В заметках для окончательной редакции, о которых сейчас будет упомянуто, прямо сказано: «В основу должна быть положена вторая переработка».

После 1870 г. снова наступила пауза, обусловленная главным образом болезненным состоянием автора. По обыкновению Маркс заполнял это время изучением. Агрономия, американские и русские земельные отношения, денежный рынок и банки, наконец, естественные науки: геология и физиология, а в особенности самостоятельные математические работы составляют содержание многочисленных записных тетрадей Маркса, относящихся к этому времени. В начале 1877 г. он чувствовал себя настолько оправившимся, что снова мог приступить к своей специальной работе. Концом марта 1877 г. помечены ссылки и заметки из вышеупомянутых четырех рукописей,

по-

служившие основой для той новой переработки второй книги, начало которой находится в рукописи V (56 страниц in folio). Она включает первые четыре главы и еще мало обработана; существенные пункты обсуждаются в примечаниях под текстом; материал скорее собран, чем избран, но эта рукопись – последнее полное изложение этой важнейшей части первого отдела. Первую попытку сделать из нее рукопись, готовую к печати, представляет рукопись VI (относится ко времени после октября 1877 г. и до июля 1878 г.); в ней только 17 страниц в четвертую долю листа, содержащих большую часть первой главы; вторую и последнюю попытку представляет рукопись VII, составляющая только 7 страниц in folio и помеченная «2 июля 1878 г.»

В это время для Маркса, невидимому, стало ясно, что если в состоянии его здоровья не произойдет полной перемены, ему никогда не удастся окончить обработку II и III книги до такой степени, чтобы она удовлетворяла его самого. Действительно, рукописи V-VIII слишком часто носят след напряженной борьбы с угнетающей болезненностью. Труднейшая часть первого отдела была заново переработана в рукописи V; остальная часть первого и весь второй отдел (за исключением главы семнадцатой) не представляли сколько-нибудь значительных теоретических затруднений; напротив, третий отдел – воспроизводство и обращение общественного капитала, – как ему казалось, особенно требовал переработки. Именно, в рукописи II воспроизводство рассматривалось сначала безотносительно к денежному обращению, при посредстве которого оно совершается, а затем еще раз по отношению к денежному обращению. Это следовало устранить и вообще весь отдел переработать таким образом, чтобы он соответствовал расширенному кругозору автора. Так возникла рукопись VIII – тетрадь всего в 70 страниц in quarto; но сколько сумел Маркс поместить на этих страницах, показывает сравнение с отделом III в печатном виде по исключении из него мест, взятых из рукописи II.

И эта рукопись содержит только предварительное обсуждение предмета, причем прежде всего имелось в виду установить и развить приобретенные – новые по сравнению с рукописью II точки зрения, между тем как пункты, о которых нельзя было сказать ничего нового, были оставлены в стороне. Значительная часть главы XVII второго отдела, которая и вообще до некоторой степени относится к третьему отделу, была снова подвергнута переработке и расширена. Нередко прерывается логическая последовательность, в изложении – местами пробелы, оно, в особенности в конце, совершенно отрывочно. Но то, что хотел сказать Маркс, так или иначе здесь сказано.

Таков материал для II книги, из которого я, как сказал Маркс своей дочери Элеоноре незадолго перед своей смертью, должен был «кое-что» сделать».

Надо удивляться тому «кое-что», которое Энгельс сумел сделать из оставшегося ему в таком виде материала. Но из приведенных им подробных данных для интересующего нас вопроса совершенно ясно вытекает, что из трех отделов, которые образуют второй том, для первых двух, посвященных кругообороту денежного и товарного капитала, а также издержкам обращения и обороту капитала, оставленная Марксом рукопись была лучше всего обработана для печати. Напротив того, третий отдел, рассматривающий

воспроизводство

всего капитала, представляет собою собрание отрывков, обработка которых казалась самому Марксу «крайне необходимой». Но из этого отдела последняя, двадцать первая глава, которая нас здесь больше всего интересует – глава о накоплении и расширенном воспроизводстве, – осталась в менее обработанном виде, чем вся книга. Она охватывает всего-на-всего 35 печатных страниц и обрывается на середине анализа.

Кроме этого внешнего обстоятельства, был между прочим и другой момент, имевший большое влияние. Исследование общественного процесса воспроизводства, как мы видели, начинается у Маркса со смитовского анализа, который между прочим потерпел крушение на неправильном положении, согласно которому цены всех товаров составляются из $v+m$. Полемика с этим догматом господствует над всем анализом процесса воспроизводства у Маркса. Доказательству того обстоятельства, что весь общественный продукт должен служить не только для потребления, равного сумме различных источников дохода, но и для обновления постоянного капитала, Маркс посвящает все свое внимание. Но так как самая чистая в теоретическом отношении форма дана для этого хода доказательства не при расширенном, а при простом воспроизводстве, то Маркс рассматривает воспроизводство по преимуществу с точки зрения, как раз исключающей накопление; он рассматривает его в предположении, что вся прибавочная стоимость потребляется классом капиталистов. Насколько сильно полемика против Смита овладела всем анализом Маркса, видно из того, что он на продолжении всей своей работы бесчисленное множество раз и с различных сторон возвращается к этой полемике. Так, ей посвящены уже в первом томе, в отделе седьмом, глава XXII, стр. 551-553; во втором томе – стр. 332-336, стр. 379, стр. 405-409, стр. 447-449. Во второй части третьего тома Маркс опять берется за проблему воспроизводства, взятого в целом, но он тотчас же опять переходит к заданной Смитом загадке и посвящает ей всю XLIX главу (стр. 361-381) и, собственно говоря, еще всю XL главу (стр. 381-406).

Наконец, в «Теориях прибавочной стоимости» мы опять находим подробную полемику против смитовского догмата в томе I, стр. 164-253¹ и во второй части II тома, стр. 92, 95, 126, 233-262. Сам Маркс многократно отмечает и подчеркивает, что он в проблеме восстановления постоянного капитала за счет всего общественного продукта видит самый трудный и самый важный вопрос воспроизводства². Таким образом вторая проблема – проблема накопления, реализации прибавочной стоимости для капитализации – была отеснена на задний план, и в конце концов Маркс едва начал ее исследование.

При огромном значении этой проблемы для капиталистического хозяйства неудивительно, что она все снова и снова занимает буржуазную экономию. Попытки разрешить жизненный вопрос капиталистического хозяйства, вопрос о практической возможности накопления капитала, то и дело выплывают на поверхности на всем протяжении истории политической экономии. К этим историческим попыткам разрешения вопроса как до, так и после Маркса мы сейчас и переходим.

¹ В русском переводе В. Я. Железнова (Киев, 1906), стр. 109-162. Прим. пер.

² Сравни, напр., «Капитал», т. II, стр. 354, 438 и 50.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ

ПЕРВЫЙ СПОР

(Сисмонди-Мальтус и Сэй-Рикардо-Мак Куллох).

Глава десятая

ТЕОРИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА СИСМОНДИ

Первые серьезные сомнения в том, что капиталистический порядок создан по образу и подобию божью, появились в буржуазной политической экономии под непосредственным впечатлением первых английских кризисов, имевших место в 1815 и 1818-1819 гг. Обстоятельства, которые привели к этим кризисам, были, собственно говоря, внешнего происхождения и имели случайный характер. К этим обстоятельствам относится отчасти континентальная блокада Наполеона, которая на некоторое время искусственно отрезала Англию от ее европейских рынков и в то же время способствовала в короткий срок значительному развитию некоторых отраслей промышленности континентальных государств; отчасти эти обстоятельства заключались в материальном истощении континента продолжительным периодом войны, что после прекращения континентальной блокады уменьшило ожидавшийся сбыт английских товаров. Но этих первых кризисов оказалось достаточно, чтобы современники ясно увидели оборотную сторону медали лучшей из всех общественных форм во всем ее ужасном виде. Переполненные рынки, магазины, полные товаров, которые не находили покупателей, бесчисленные банкротства, с одной стороны, и кричащая нужда рабочих масс, с другой стороны, – все это впервые бросилось в глаза теоретикам, которые на всякие лады прославляли гармонические красоты буржуазного *laissez faire*. Все современные торговые известия, периодические издания и рассказы путешественников сообщали об убытках английских купцов. В Италии, в Германии, в России и в Бразилии англичане сбывали свои товарные запасы с убытком в $\frac{1}{4}$ - $\frac{1}{3}$. В 1818 году на мысе Доброй Надежды жаловались, что все склады переполнены европейскими товарами, которые предлагаются по ценам более низким, чем в Европе, и все-таки остаются нераспроданными. Из Калькутты слышались подобные же жалобы. Целые корабли, нагруженные товарами, возвращались обратно из Новой Голландии в Англию. По словам современного путешественника, в Соединенных штатах «с одного края этой огромной и столь

богатой страны до другого не было ни одного города, ни одного местечка, в котором количество предлагавшихся для продажи товаров не превышало бы в значительной мере средств покупателей. И это несмотря на то, что продавцы старались привлечь покупателя долгосрочным кредитом и бесчисленными способами облегчения уплаты – рассрочкой платежа и приемом товаров вместо уплаты деньгами».

Одновременно с этим раздался крик отчаяния английских рабочих. В «Edinburgh Review» от мая 1820 г. приведен адрес ноттингэмских чулочников, который содержит следующие слова: «При 14-16-часовом рабочем дне мы зарабатываем лишь от 4 до 7 шиллингов в неделю и за счет этого заработка мы должны содержать жен и детей. Мы ставим далее в известность, что, несмотря на то, что мы хлебом и водой или картошкой с солью должны были заменить более здоровую пищу, которую раньше всегда можно было видеть в избытке на столах англичан, – что мы, несмотря на это, после утомительной работы целого дня часто принуждены укладывать спать своих детей голодными, чтобы не слышать их криков о хлебе. Мы торжественно заявляем, что у нас в продолжение последних 18 месяцев почти никогда не было ощущения сытости»¹.

Почти в то же самое время выступили с суровыми обвинениями против капиталистического общества Оуэн в Англии и Сисмонди во Франции. Но в то время как Оуэн в качестве практического англичанина и гражданина первого промышленного государства сделался глашатаем широкой социальной реформы, швейцарский мелкий буржуа выступал с широковетательными обвинениями против несовершенства существующего общественного порядка и классической экономии. Но именно этим Сисмонди задал буржуазной экономии гораздо более сложные задачи, чем Оуэн, плодотворная практическая деятельность которого относилась непосредственно к пролетариату.

Что Англия и в особенности первый английский кризис дали Сисмонди толчок к его социальной критике, об этом он сам подробно говорит в предисловии ко 2-му изданию его «Nouveaux principes d'economie politique ou de la richesse dans ses rapports avec la population». (Первое издание вышло в 1819 г., второе через восемь лет.)

¹ Извлечение из этого интересного документа имеется в рецензии на книгу «Observations on the Injurious Consequences of the Restrictions upon Foreign Commerce. By a Member of the late Parliament». Лондон 1820 г. Это фритрэдское сочинение вообще рисует положение рабочих в Англии в самых мрачных красках. Оно проводит между прочим следующие факты: ...The manufacturing classes in Great Britain – have been suddenly reduced from affluence and prosperity to the extreme of poverty and misery. In one the debates in the late Session of Parliament, it was stated that the wages of weavers of Glasgow and its vicinity, which, when highest, had averaged about 25 s. or 27 s. a week, had been reduced in 1816 to 10 s.; and in 1819 to the wretched pittance of 5 s. 6 d. or 6 s. They have not since been materially augmented». В Ланкашире, по тому же источнику, недельный заработок ткача колеблется при 15-часовом рабочем дне между 6 и 12 шиллингами: в то же самое время «полуголодные дети» работают ежедневно от 12 до 16 часов за 2 или 3 шиллинга в неделю. Нужда в Йоркшире была еще больше. Касательно адреса ноттингэмских чулочников автор говорит, что он сам исследовал положение вещей и пришел к заключению, что заявления рабочих ни в малейшей мере не преувеличены. «The Edinburgh Review», May 1820, No LXVI, стр. 331 и сл.

«В Англии исполнил я эту задачу. Англия произвела на свет самых знаменитых экономистов; их учения излагаются там теперь с удвоенным рвением. Всемирная конкуренция, или стремление производить как можно больше и по возможно более низкой цене издавна составляет систему Англии; на эту именно систему я и нападаю как на опасную. Система эта, правда, способствовала колоссальным успехам английской промышленности, но она же за свое существование повергала рабочих в ужасную нищету. Именно ввиду этих потрясений я счел нужными пересмотреть мои рассуждения и сопоставить их с действительными фактами.

Изучение Англии укрепило меня в моих «новых началах». Я видел, как в этой изумительной стране, которая таит в себе большой опыт, словно для поучения всего остального мира, производство увеличивалось, а удовлетворение потребностей сокращалось. Здесь и масса населения и мыслители забывают, кажется, что увеличение богатства не есть цель политической экономии, а только средство для доставления счастья всем. Я искал этого счастья во всех классах общества, но нигде не мог его найти. Высшая английская аристократия, действительно, достигла такой степени богатства и роскоши, которая превосходит все, что можно встретить у других наций. Между тем она сама далеко не пользуется достатком, приобретенным ею, повидимому, на счет других классов. Она лишена уверенности в прочности своего положения, и в каждой семье лишения чувствуются больше, чем изобилие... Среди этой аристократии, титулованной и нетитулованной, выдающееся место занимает купечество. Оно охватывает весь мир своими предприятиями, его агенты не боятся ни льдин обоих полюсов, ни зноя экватора, а каждый из шефов, собирающихся на бирже, может располагать миллионами. В то же время в магазинах Лондона и всех больших городов Англии выставлены товары, которые могли бы удовлетворить потребности вселенной. Но обеспечило ли богатство английскому коммерсанту то счастье, какое оно в состоянии доставить? Нет, ни в одной стране банкротства не так часты, нигде колоссальные состояния, которых хватило бы на то, чтобы покрыть государственный заем для поддержания империи или республики, не разрушались с такой быстротой. Все жалуются, что дела мало, что они трудны и мало прибыльны. Два ужасных кризиса с промежутком всего в несколько лет разорили часть банкиров и привели в отчаяние всех английских фабрикантов. В то же время другой кризис разорил фермеров и дал почувствовать свои последствия розничной торговле. С другой стороны, торговля, несмотря на свое широкое распространение, перестала привлекать людей, добивающихся карьеры: все места заняты и как в высших, так и в низших слоях общества большинство тщетно предлагает свой труд, не будучи в состоянии добиться заработка.

Послужило ли это национальное богатство, успехи которого бросаются в глаза всякому, на пользу бедного? Ничуть не бывало. Народ в Англии лишен довольства в настоящем и уверенности в будущем. В деревнях нет больше крестьян; их заставили уступить место поденщикам; в городах почти нет больше ремесленников, или независимых хозяев мелких мастерских, есть только фабричные рабочие. «Промышленник (т. е. наемный рабочий. – Р. Л.), – если пользоваться сло-

вом, введенным в употребление этой системой, – не знает, что значит иметь прочное положение; он получает только заработную плату, а так как эта плата не может быть достаточной для него во все времена года, то он почти каждый год принужден просить милостыни в кассе для бедных.

Эта столь богатая нация нашла более выгодным продать все то золото и серебро, которым она владела, перейти на чеки и совершать весь свой обмен посредством бумажных денег. Таким образом она лишила себя наиболее драгоценного из преимуществ платежного средства, именно постоянства их цены; владельцы провинциальных банковских билетов подвергаются каждый день опасности быть разоренными частыми, можно сказать, эпидемическими банкротствами банкиров, а все государство со всеми его имущественными отношениями может подвергнуться огромным потрясениям в случае, если нападение врага или революция пошатнет кредит национального банка. Английская нация нашла более выгодным отказаться от хлебопашества, требующего много ручного труда, она изгнала поэтому половину хлебопашцев, которые населяли ее поля; то же самое она сделала с ремесленниками в городах; ткачи, уступившие место «power looms» (паровым станкам), умирают теперь с голоду; она нашла более выгодным довести заработную плату рабочих до самого низкого уровня, при каком рабочие только в состоянии существовать, так что рабочие, будучи с этих пор не более, как пролетарии, уже не боятся попадать в еще большую нужду, когда они воспитывают все более и более многочисленные семьи; она нашла более выгодным кормить ирландцев картофелем и одевать их в лохмотья, и теперь каждый пароход ежедневно привозит ей легионы ирландцев, работающих дешевле англичан и вытесняющих последних из всех мастерских. Каковы, следовательно, результаты этого накопления несметных богатств? Имело ли оно иные последствия, кроме распространения забот, лишений и опасности полного разорения между всеми классами? Не пожертвовала ли Англия целью ради средств, забывая людей ради вещей?»¹

Надо признать, что эта картина, представляющая собой отражение капиталистического общества, каким оно было почти сто лет тому назад, не оставляет желать ничего большего ни в ясности, ни в полноте. Сисмонди затрагивает все раны буржуазной экономики: разрушение мелкого ремесла, обезлюдение деревни, пролетаризацию средних слоев, обнищание рабочих, вытеснение рабочих машинами, безработицу, опасности кредитной системы, – социальные контрасты, ненадежность существования, кризисы и анархию. Его суровый и сильный скептицизм прозвучал резким диссонансом среди сытого оптимизма вульгарно-экономических мечтателей-гармонистов, которые были представлены в Англии Мак Куллохом, а во Франции Сэем и овладели всей официальной наукой. Можно себе представить, какое глубокое и мучительное впечатление должны были производить, например, следующие мысли:

¹ J.C.L., Simonde de Sismondi. «Nouveaux principes d'économie politique». Немецкий перевод Роберта Прагера. Берлин 1901, I, XIII. Ср. Ж. Симонд де-Сисмонди. Новые начала и пр. Пер. Б. О. Эфруси. Москва, 1897, стр. III-VII. – Прим. пер.

«Роскошь возможна только тогда, когда покупаешь ее за счет чужого труда; напряженнейшая работа без отдыха возможна только тогда, когда занимаешься не пустяками, а добыванием средств существования». (I, 60).

«Хотя изобретение машин, увеличивающих могущество человека, и является благодеянием для человечества, однако несправедливое распределение выгод, ими доставляемых, превращает их в бич для бедных». (I, XXI).

«Прибыль предпринимателя есть не что иное, как ограбление рабочего; он получает прибыль не оттого, что его предприятие приносит больше, чем на него затрачено, а оттого, что он не уплачивает всего, что оно стоит, – оттого, что он не дает рабочему достаточного вознаграждения за его труд. Предприятия такого рода являются общественным злом, которое доводит рабочих до крайней нужды, в то время как они обеспечивают предпринимателю лишь обычный доход с капитала». (I, 71).

«Из всех тех, которые делятся национальным доходом, одни каждый год приобретают новое право на этот доход благодаря новому труду; другие же приобрели прежде постоянное право благодаря первоначальному труду, который сделал ежегодный труд более производительным». (I, 86).

«Ничего не может помешать тому, чтобы каждое новое изобретение в области прикладной механики не уменьшало рабочего населения. Оно всегда подвержено этой опасности, и буржуазное общество не знает средства против этого». (II, 258).

«Нет сомнения, что наступит время, когда наши внуки будут смотреть на нас – на тех, которые не обеспечивали существование трудящихся классов, – как на варваров, не уступающих тем нациям, которые обращались с теми же классами, как с рабами, и на которых мы смотрим, как на варваров». (II, 337).

Сисмонди таким образом идет в своей критике до конца; он отклоняет всякие прикрасы и всякие уловки, которые пытаются оправдать указанные им темные стороны капиталистического обогащения, ссылаясь на то, что это лишь временные недуги переходного периода, и он заканчивает свое исследование следующим замечанием, направленным против Сэя: «Я уже семь лет говорю об этой болезни социального организма, и в продолжение семи лет она не переставала усиливаться. На это непрерывное страдание я не могу смотреть только как на неудобства, которые постоянно сопровождают переходные периоды, и я думаю, что, вернувшись к происхождению дохода, я показал, что зло, от которого мы страдаем, является необходимым следствием недостатков нашей организации, которые исчезнут во всяком случае не скоро»¹.

Источник всех зол Сисмонди видит в несоответствии между капиталистическим производством и обусловленным им распределением доходов, и здесь он затрагивает интересующую нас проблему накопления.

Лейтмотив его критики против классической экономии состоит в следующем: капиталистическое производство побуждается к безгра-

¹ Л. с., II, стр. 358.

ничному расширению; при этом не обращается внимания на потребление, которое определено однако доходом. «В самом деле, – говорит он, – все современные экономисты признали, что общественное богатство, будучи не чем иным, как совокупностью частных богатств, возникает, увеличивается, распределяется и разрушается таким же точно образом, как и богатство каждого отдельного лица. Все отлично знали, что в богатстве отдельного лица главное внимание обращается на доход, что потребление или расход должен соответствовать доходу, иначе разрушится капитал. Но так как в общественном богатстве капитал одного становится доходом другого, то они затруднялись решить, что назвать капиталом, что доходом, и нашли поэтому наиболее простым совершенно исключить последний из своих расчетов. Пренебрегая определением такого существенного понятия, Сэй и Рикардо пришли к убеждению, что потребление есть сила неограниченная, или по крайней мере, что оно не имеет других границ, кроме производства, тогда как на самом деле оно ограничено доходом. Они объявили, что каждый продукт всегда найдет потребителей, и поощряли этим самым предпринимателей произвести то загромождение рынков, которое в настоящее время составляет бедствие всего цивилизованного мира, а между тем они должны были бы предупредить производителей, что они могут рассчитывать только на потребителей, имеющих доход»¹.

Итак, Сисмонди кладет в основу своей концепции учение о доходе. Что такое доход и капитал? Разграничению этих двух понятий он посвящает наибольшее внимание и называет его «самым абстрактным и самым трудным вопросом народного хозяйства». Глава четвертая II книги посвящена этому вопросу. Сисмонди, как водится, начинает свое исследование робинзонадой. Для «единичного человека» разграничение между капиталом и доходом было «еще неясным» и лишь в обществе оно стало «чрезвычайно важным». Но и для общества это разграничение становится весьма затруднительным благодаря уже известной нам басне буржуазной экономики – басне, согласно которой «то, что для одного является капиталом, становится для другого доходом», и наоборот. Сисмонди целиком перенимает эту путаницу, которую внес Смит и которую Сэй возвел в догмат и сделал законным основанием для оправдания тупоумия и поверхностности: «Мы постоянно смешиваем капитал с доходом, мы видим, что то, что составляет доход для одного, становится капиталом для другого, и один и тот же предмет, переходя из рук в руки, получает различные названия; между тем как стоимость его, которая отделяется от предмета уже потребленного, кажется отвлеченной величиной, которую один расходует, а другой получает в обмен, которая для одного погибает вместе с предметом, а для другого возобновляется и продолжает существовать столько же, сколько продолжается обмен». После этого многообещающего введения он углубляется в эту трудную проблему и заявляет, что всякое богатство есть продукт труда. Доход является частью богатства и должен, следовательно, происходить из того же источника. «Обычно» принято однако различать три вида дохода, которые называются рентой, прибылью и заработной платой и которые
от

¹ L. с., I, XIX.

трех различных источников – «от земли, накопленного капитала и труда». Что касается первого положения, то оно, конечно, неправильно: под богатством в общественном смысле понимают сумму полезных предметов – потребительные стоимости, но эти последние являются продуктом не только труда, но и природы, которая доставляет для них материал и поддерживает своими силами человеческий труд. Напротив того, доход есть понятие, относящееся к области стоимости; он указывает размер той части богатства или всего общественного продукта, которая находится в распоряжении отдельного лица или отдельных лиц. Так как Сисмонди объявляет общественный доход частью общественного богатства, то можно было бы подумать, что он под доходом общества понимает его фактический ежегодный потребительный фонд. Остальная, непотребленная часть богатства составила бы тогда общественный капитал, и мы таким образом приблизились бы по крайней мере к смутным очертаниям искомого разграничения между капиталом и доходом на общественном базисе. Но Сисмонди тут же принимает и обычное разграничение между тремя видами дохода, из коих только один происходит из «накопленного капитала», в то время как в остальных видах дохода рядом с капиталом выступают еще «земля» и «труд». Понятие капитала при этом тотчас же исчезает, как в тумане. Но последуем дальше за Сисмонди. Он пытается объяснить возникновение трех видов дохода, которые обнаруживают антагонистический базис общества. В качестве исходной точки он совершенно правильно принимает известную высоту производительности труда: «Благодаря развитию промышленности и науки, подчинившей человеку все силы природы, каждый рабочий может ежедневно производить гораздо больше того, что ему нужно для потребления». Но подчеркнув столь верно производительность труда как необходимую предпосылку и историческую основу эксплуатации, он для действительного возникновения эксплуатации дает типичное объяснение в духе буржуазной экономии. «Но в то же время, как богатство производится его (рабочего) трудом, оно же сделало бы его мало способным к труду, если бы он сам стал им пользоваться. Таким образом богатство почти никогда не остается в руках того, кто собственным трудом принужден добывать себе средства существования». Сделав таким образом в полном согласии с рикардианцами и мальтузианцами эксплуатацию и классовые противоречия необходимым мотивом производства, он приходит к действительной основе эксплуатации – к отделению рабочей силы от средств производства:

«Рабочий в общем не в состоянии был сохранить собственности на землю. Между тем земля обладает производительной силой, которая при помощи труда направляется на пользу человека. Собственник земли, на которой совершается этот труд, удерживает часть продуктов труда в вознаграждение за выгоды, полученные благодаря содействию этой производительной силы». Это – рента. Далее он пишет:

«При нашем состоянии цивилизации рабочий не мог также сохранить собственности на известный запас съестных продуктов, необходимых для его пропитания, чтобы иметь возможность существовать во время исполнения предпринятого труда, вплоть до того момента, когда он найдет покупателя для продукта этого труда. Он не владеет

и сырым материалом, часто привезенным издалека, который ему нужен для выполнения своей работы. Тем менее владеет он дорогими машинами, благодаря которым труд его облегчается и становится значительно производительнее. Богатый человек, владеющий съестными припасами, сырым материалом и машинами, избавлен от необходимости трудиться, потому что он является некоторым образом хозяином над трудом рабочего, которому он все это доставляет. В награду за доставленные рабочему выгоды он вычитывает из продуктов труда рабочего наиболее значительную часть». Это – прибыль на капитал. То, что остается от богатства после двукратного заимствования, сделанного землевладельцем и капиталистом, является заработной платой, доходом рабочего. И Сисмонди прибавляет: «Он потребляет его, не воспроизводя его». По отношению к заработной плате, как и по отношению к ренте, Сисмонди выдвигает здесь, как отличительный признак дохода – в отличие от капитала – то обстоятельство, что он не воспроизводится. Это верно однако только по отношению к ренте и к потребленной части прибыли на капитал; напротив того, часть общественного продукта, потребленная в качестве заработной платы, возобновляется: она возобновляется в рабочей силе наемного рабочего – для него самого в виде товара, который он может выносить постоянно на рынок, чтобы жить благодаря его продаже; для общества – в виде вещественной формы переменного капитала, который при годовичном производстве, взятом в целом, должен постоянно вновь появляться, чтобы в воспроизводстве не было дефицита.

Мы узнали до сих пор два, факта: производительность труда делает возможной эксплуатацию трудящихся неработающими, а отделение рабочих от средств производства делает эксплуатацию рабочих объективной основой для распределения дохода. Но что такое доход и что такое капитал, мы все еще не знаем, и Сисмонди берется это выяснить. Подобно тем, которые умеют танцевать только от печки, Сисмонди должен всегда начинать со своего Робинзона. «В глазах пустытника всякое богатство составляло не что иное, как запас, накопленный для удовлетворения будущих потребностей. Тем не менее он в этом запасе различал уже одну часть, которую он сохранял для своего непосредственного или почти непосредственного потребления, и другую часть, которую он предназначал для того, чтобы при помощи ее получить новый продукт. Таким образом одна часть его хлеба должна была его прокормить, другая же часть, сохраненная для посева, должна была принести плоды в следующем году. Образование общества и введение обмена дали возможность почти до бесконечности увеличить эту производительную часть накопленного богатства, названную капиталом».

Это называется галиматъей. По аналогии с семенами Сисмонди отождествляет здесь средства производства с капиталом, что неправильно в двух отношениях. Во-первых, средства производства являются капиталом не сами по себе, но лишь при вполне определенных исторических условиях; во-вторых, понятие капитала не исчерпывается средствами производства. В капиталистическом обществе – предполагая в нем все те моменты, которые Сисмонди оставил без внимания, – средства производства являются лишь частью капитала, именно постоянным капиталом.

Что сбило здесь с толку Сисмонди, так это, очевидно, попытка поставить в связь понятие капитала с вещественными моментами общественного воспроизводства. Пока он выше имел в виду отдельного капиталиста, он рядом со средствами производства считал составной частью капитала и средства существования рабочего, что опять-таки неправильно с вещественной точки зрения воспроизводства отдельного капитала. Пока он делает попытку рассмотреть вещественные законы общественного воспроизводства и собирается провести правильное разграничение между средствами потребления и средствами производства, понятие капитала исчезает у него под руками.

Но Сисмонди сам чувствует, что при помощи одних только средств производства не может иметь места ни производство, ни эксплуатация; более того, у него правильное предчувствие, что центр тяжести отношений эксплуатации лежит именно в обмене с живой рабочей силой. И сводя капитал исключительно только к постоянному капиталу, он тут же, в следующий момент, сводит его целиком к переменному капиталу:

«Земледелец, отложив в сторону весь хлеб, нужный ему до следующей жатвы, понял, что оставшийся у него излишек хлеба ему выгодно употребить на прокормление других людей, которые обработали бы для него землю, доставили бы ему таким образом новый хлеб, которые пряли бы его лен и ткали бы его шерсть» и т. д. «Совершив эту операцию, земледелец обменял часть своего дохода на капитал (так сказано в скверном переводе г. Прагера; в действительности должно быть: превратил часть своего дохода в капитал); новый капитал в действительности всегда образуется именно таким образом¹. Хлеб, собранный им сверх количества, необходимого ему для собственного пропитания и посева, чтобы сохранить обработку в прежнем размере, составлял богатство, которое он мог отдать, растратить, потребить, не становясь бедней; это был доход. Но раз он употребил его, чтобы кормить производительных рабочих, раз он обменял его на труд или на будущие продукты труда своих ремесленников, ткачей, рудокопов, то хлеб этот превратился в неизменно сохраняющуюся и все увеличивающуюся стоимость – в капитал».

Здесь перепутано много вздорного и верного. Для поддержания производства на прежней высоте, т.е. для простого воспроизводства, как будто нужен еще постоянный капитал, хотя он и сводится странным образом лишь к оборотному капиталу (семена); напротив того, воспроизводство основного капитала совершенно упускается из виду. Но для расширения воспроизводства, для накопления, и оборотный капитал, видимо, оказывается излишним: вся капитализированная часть прибавочной стоимости превращается в заработную плату для новых рабочих, которые работают, очевидно, голыми руками, без каких бы то ни было средств производства. Тот же взгляд Сисмонди формулирует еще отчетливее в другом месте. «Таким образом богатый приносит пользу бедняку, когда он сберегает часть своих доходов и присоединяет ее к капиталу, так как, разделяя готовое произ-

¹ «En faisant cette operation, le cultivateur changeait une partie de son revenu en un capital; et c'est en effet toujours ainsi d'un capital nouveau se forme». («Nouveaux Principes» etc., seconde edition, Tome premier, p, 88).

водство, он сохраняет все то, что он называет доходом, и уступает бедным все, что он называет капиталом, для того чтобы последний превратил это в свой доход» (I. с., I, 84). Но в то же самое время Сисмонди правильно вскрывает тайну производства прибыли и рождения капитала: прибавочная стоимость возникает из обмена капитала на труд, из переменного капитала; капитал возникает из накопления прибавочной стоимости.

При всем этом мы в разграничении понятий капитал и доход не особенно подвинулись вперед. Сисмонди делает теперь попытку представить различные элементы производства и дохода в соответствующих частях всего общественного продукта: «как и хлебопашец, предприниматель не употребляет всего своего производительного богатства на семена. Он употребляет часть его на постройки, машины и инструменты, делающие труд более легким и производительным; точно так же и земледелец употребляет часть своего богатства на работы, имеющие целью улучшить почву. Итак, мы видим, как различные виды богатства возникают и последовательно отделяются друг от друга. Часть богатства, накопленного обществом, употребляется каждым из его владельцев на то, чтобы она, постепенно потребляясь, сделала труд более производительным, а также и на то, чтобы возложить работу человека на слепые силы природы. Эта часть богатства называется основным капиталом. Сюда относятся расчистка, новые каналы для орошения, фабрики и разного рода машины. Вторая часть богатства предназначена для того, чтобы быстро потребляться и воспроизводиться в созданном продукте, чтобы беспрестанно менять форму, сохраняя одну и ту же стоимость. Эта часть, называемая оборотным капиталом, заключает в себе семена, сырой материал и заработную плату. Наконец, от этой второй части богатства выделяется еще третья, именно тот излишек стоимости, на который стоимость продукта превышает затраты на его производство. Этот излишек, называемый доходом с капитала, предназначенся для потребления без воспроизводства».

Сделав с таким трудом попытку распределить весь общественный продукт на несоизмеримые категории основного капитала, оборотного капитала и прибавочной стоимости, Сисмонди в следующий же момент обнаруживает, что, когда он говорит об основном капитале, он имеет в виду, собственно говоря, постоянный капитал, и когда он говорит об оборотном капитале, то понимает под этим переменный капитал. Ибо «все, что создается», предназначено для человеческого потребления, но основной капитал потребляется лишь «косвенно», а оборотный капитал, напротив, «служит фондом, который в форме заработной платы предназначен для содержания рабочего». Мы таким образом опять как-будто приблизились несколько к разделению всего продукта на постоянный капитал (средства производства), переменный капитал (средства существования рабочих) и прибавочную стоимость (средства существования для капиталистов), но все же объяснения, данные до сих пор Сисмонди по этому предмету, который он сам называет основным, не могут похвалиться особой ясностью, и мы в этой путанице во всяком случае не видим прогресса по отношению к «неотделанным глыбам мысли» («Gedankenblocke») Смита.

Сисмонди это сам чувствует и со скорбью о том, что «это движение

богатства совершенно абстрактно и требует для его понимания чрезвычайно напряженного внимания», пытается выяснить проблему «в ее самой простой форме». Мы таким образом опять начинаем с печки, т. е. с Робинзона, только Робинзон выступает теперь в качестве *pater familias* и пионера колониальной политики.

«Одинокий фермер, изолированный в отдаленной колонии, вблизи пустыни, собрал в данном году, положим, сто мешков пшеницы. Поблизости нет рынка, куда он мог бы их отвезти. Между тем хлеб этот во всяком случае должен быть потреблен приблизительно в течение года, иначе он для земледельца не имел бы никакой ценности. Но земледелец вместе со своей семьей съедает всего тридцать мешков пшеницы, это составляет его расход, т. е. трату полученного дохода; пшеница эта ни для кого не будет воспроизводиться. Земледелец затем призовет рабочих, заставит их выкорчевывать леса, осушать болота и превращать в пашню часть пустыни. Рабочие съедят еще тридцать мешков пшеницы, которые для них составят расход; они в состоянии произвести этот расход только благодаря своему доходу, т. е. благодаря труду. Для земледельца же это будет лишь обмен, потому что он таким образом превратит свои тридцать мешков пшеницы в основной капитал (здесь Сисмонди уже превращает переменный капитал в основной! Он хочет сказать: «за те тридцать мешков, которые рабочие получают в качестве заработной платы, они производят средства производства, которые фермер сумеет употребить для расширения своего основного капитала»). Но у него остается еще сорок мешков, которые он употребит на семена вместо того, чтобы, как в прошлом году, посеять только двадцать; он удвоит таким образом свой оборотный капитал. Итак, все сто мешков будут потреблены, но из них семьдесят не только будут воспроизведены, но принесут еще большую прибыль, одни при ближайшем, другие при всех последующих урожаях. Предполагаемая нами изолированность земледельца заставляет нас сильнее чувствовать пределы такого рода предприятия. Если он в этом году нашел возможность потребить из собранных им ста всего лишь шестьдесят мешков пшеницы, то кто же съест в будущем году двести мешков, произведенных благодаря увеличению посева? Нам ответят: его семья, которая размножается. Без сомнения! Но человеческие поколения не растут с такой быстротой, как средства продовольствия. Если бы земледелец был в состоянии ежегодно повторять предложенную нами операцию, количество собранного им хлеба удваивалось бы с каждым годом, между тем как семья его могла бы удвоиться разве только через двадцать пять лет».

Несмотря на наивность этого примера, он в конце концов приводит к следующему решающему вопросу: куда же сбывается капитализированная прибавочная стоимость? Накопление капитала может расширять общественное производство до бесконечности. Но как обстоит дело с потреблением общества? Это последнее определено доходами разных видов. Этот важный вопрос излагается Сисмонди в пятой главе II книги, – в главе под заглавием «Разделение национального дохода между различными классами граждан».

Здесь Сисмонди делает новую попытку представить весь общественный продукт в частях: «с этой точки зрения национальный доход состоит из двух частей: одна из них заключается в ежегодном произ-

водстве, – это польза, возникающая из богатства, – другая часть есть способность к труду, которая является результатом самой жизни. Под богатством мы разумеем на этот раз как земельную собственность, так и капитал; а пользой мы называем как чистый доход землевладельца, так и прибыль капиталиста». Таким образом, все средства производства в качестве «богатства» выделяются из «национального дохода», а последний распадается на прибавочную стоимость и на рабочую силу, или, вернее, его эквивалент – переменный капитал. Мы могли бы отметить это как разделение – хотя и не достаточно отчетливое – на постоянный капитал, переменный капитал и прибавочную стоимость, но тут же оказывается, что Сисмонди под «национальным доходом» понимает весь годовой общественный продукт: «Годовое производство, или результат всех работ, совершенных в течение года, состоит из двух частей: одну из этих частей составляет польза, происходящая от богатства, другую же часть составляет способность к труду (рабочая сила), предположенная нами равной той доле богатства, на которую она обменивается, или средствам содержания рабочих». Весь общественный продукт по стоимости разлагается здесь на две части: на переменный капитал и прибавочную стоимость; постоянный капитал исчезает, и мы приходим к смитовскому догмату, согласно которому цена всякого товара распадается на $v+m$ (или составляется из $v+m$), или, другими словами, весь общественный продукт состоит лишь из средств потребления (для рабочих и капиталистов).

Тут Сисмонди подошел вплотную к вопросу о реализации всего общественного продукта. Так как, с одной стороны, сумма дохода общества состоит из заработной платы, прибыли на капитал и земельной ренты, т. е. представляет собой $v+m$, и так как, с другой стороны, весь продукт общества по стоимости также распадается на $v+m$, то «национальный доход и годовое производство взаимно уравниваются» и должны быть (по стоимости) равны друг другу: «все годовичное производство потребляется ежегодно, но так как часть его потребляется рабочими, которые отдают взамен ее свой труд, то они превращают ее в (переменный) капитал и воспроизводят ее, другая же часть, потребляемая капиталистами, отдающими взамен ее свой доход, уничтожается». «Весь годовой доход предназначен для обмена на все годовое производство». Исходя из этого, Сисмонди в шестой главе II книги, – в главе под заглавием «Взаимное определение производства потреблением и расхода доходом» конструирует следующий точный закон воспроизводства: «Доход прошлого года должен покрыть производство текущего года». Как же при подобных предположениях может иметь место капиталистическое накопление? Если весь общественный продукт должен быть целиком потреблен рабочими и капиталистами, то мы очевидно не выходим за пределы простого воспроизводства, и проблема накопления становится неразрешимой. В действительности теория Сисмонди склоняется к тому, чтобы объявить накопление невозможным. Ибо, кому же покупать добавочный продукт в случае расширения воспроизводства, раз весь общественный спрос определен суммой заработной платы рабочих и личным потреблением Капиталистов? Сисмонди и формулирует объективную невозможность накопления в следующем предложении: «После всего этого приходится сказать, что никогда невозможно обменять весь продукт дан-

ного года (при расширенном воспроизводстве. – Р. Л.) на весь продукт прошлого года. Когда производство возрастает постепенно, то обмен каждого года должен вызывать лишь небольшую потерю, улучшая в то же самое время условия для будущего». Другими словами, накопление должно при реализации всего продукта создавать каждый год излишек, который невозможно сбыть. Но Сисмонди боится последнего вывода и тотчас же спасается «на золотой середине», прибегая к мало понятной уловке: «если эта потеря мала и хорошо распределена, то каждый перенесет ее, не жалуясь на свой доход. В этом-то как раз и состоит хозяйственность народа, и ряд этих маленьких жертв увеличивает капитал и национальный доход». Напротив того, если накопление производится без оглядки, то излишек, которого нельзя сбыть, возрастает и становится общественным бедствием; мы имеем в этом случае кризис. Решение Сисмонди является таким образом мелкобуржуазной уверткой, которая сводится к сокращению накопления. Сисмонди постоянно возвращается к полемике с классической школой, которая защищала неограниченное развитие производительных сил и расширение производства. Вся его работа посвящена предостережениям против фатальных последствий неограниченного стремления к накоплению.

Своими рассуждениями Сисмонди доказал, что он неспособен понять процесс воспроизводства как целое. Не говоря уже о его неудачной попытке разграничить с общественной точки зрения капитал и доход, его теория воспроизводства страдает от той основной ошибки, которую он перенял у Ад. Смита, а именно, от представления, что весь годовой продукт целиком уходит на личное потребление, не оставляя никакой части своей стоимости на обновление постоянного капитала общества, или, иными словами, что накопление заключается только в превращении капитализированной прибавочной стоимости в дополнительный переменный капитал. Если однако позднейшие критики Сисмонди, как например русский марксист Ильин¹, указывая на эту основную ошибку в анализе стоимости всего продукта, думали, что от всей теории накопления Сисмонди как от неосновательной и «бессмысленной» можно отделаться улыбкой, выражающей превосходство критика, то они этим только доказали, что сами вовсе не заметили той проблемы, о которой собственно идет речь у Сисмонди. Что с фактом учета той части стоимости всего продукта, которая соответствует постоянному капиталу, проблема накопления далеко еще не разрешена, лучше всех доказал впоследствии анализ самого Маркса, который первый открыл указанную грубую ошибку Смита. Но еще ярче доказал это один факт в судьбах самой теории Сисмонди. Своей концепцией Сисмонди пришел к самому резкому столкновению с представителями и вульгаризаторами классической школы – с Рикардо, Сэем и Мак Куллохом. Обе стороны представляли здесь две противоположные точки зрения: Сисмонди – невозможность накопления, Рикардо, Сэй и Мак Куллох, напротив того, его безграничные возможности. Но по отношению к ошибке Смита обе стороны занимали одну и ту же позицию: как Смит, так и его противники, изучая воспроизводство, не обра- щали внимания на постоян-

¹ Владимир Ильин, Экономические этюды и статьи. Петербург 1899.

ный капитал, и никто столь претенциозным образом не превратил смитовскую путаницу в вопросе о разложении всего продукта на $v+m$ в такой непоколебимый догмат, как это сделал именно Сэй.

Этого забавного обстоятельства должно быть, собственно, достаточно; чтобы доказать, что мы далеко еще не в состоянии разрешить проблему накопления капитала, если мы благодаря Марксу знаем, только то, что весь общественный продукт, помимо средств существования для потребления рабочих и капиталистов ($v+m$), содержит еще средства производства (c) для обновления потребленных и что накопление в соответствии с этим состоит в увеличении не только переменного, но и постоянного капитала. Мы увидим далее, к какой новой ошибке по отношению к накоплению приводило это настойчивое подчеркивание роли постоянного капитала в процессе воспроизводства. Здесь достаточно констатировать тот факт, что ошибка Смита по отношению к воспроизводству всего капитала представляет собой не слабую сторону специально в позиции Сисмонди, но, напротив, того, общую почву, на которой разыгрался первый спор о проблеме накопления. Отсюда вытекает, что буржуазная экономия отважилась взяться за запутанную проблему накопления, не покончив с элементарной проблемой простого воспроизводства; это бывает впрочем не только в этой отрасли знания; научное исследование идет причудливыми зигзагами и часто начинается как будто с верхних этажей здания, раньше чем закончен его фундамент. Это во всяком случае свидетельствует о том, какую трудную задачу задал Сисмонди буржуазной экономии своей критикой накопления, раз она, несмотря на все явно слабые стороны и неуклюжесть его дедукции, все-таки не оказалась в состоянии справиться с его критикой.

Глава одиннадцатая

МАК КУЛЛОХ ПРОТИВ СИСМОНДИ

Исходившие от Сисмонди крики Кассандры против безрассудного расширения капиталистического господства в Европе вызвали против него резкую оппозицию с трех сторон: в Англии против него выступила школа Рикардо, во Франции – вульгаризатор Смита Ж. Б. Сэй и сенсимонисты.

В то время как в Англии идеи Оуэна, подчеркивающие темные стороны промышленной системы, в особенности кризисы, часто совпадали с идеями Сисмонди, школа другого великого утописта Сен-Симона, выдвигавшая охватывающую весь мир идею об экспансии крупной промышленности, безграничное развитие производительных сил человеческого труда, была сильно обеспокоена криками об опасности, которые исходили из уст Сисмонди. Но нас интересует здесь более плодотворный с теоретической точки зрения спор между Сисмонди и рикардианцами. От имени последних первым выступил Мак Куллох; в октябре 1819 г., т. е. тотчас же после появления «Nouveaux Principes», он напечатал в «Edinburgh Review» анонимную полемическую статью, направленную против Сисмонди и одоб-

ренную, как говорили, самим Рикардо¹. На эту полемическую статью Сисмонди ответил в 1820 г. в «*Annales de jurisprudence*» Росси статьей под заглавием: «Исследование вопроса: растет ли в обществе одновременно со способностью производить и способность потреблять?»².

Сисмонди сам констатирует в своем ответе, что его прежняя полемика находилась под влиянием темных сторон торговых кризисов. «Та истина, которую мы оба ищем (когда Сисмонди писал свой ответ, он между прочим не знал, кто такой анонимный автор из «*Edinburgh Review*»), в настоящее время имеет огромное значение. Ее можно считать основной для политической экономии. Всеобщий упадок дает себя чувствовать в торговле, в мануфактурах и по крайней мере в нескольких странах даже в сельском хозяйстве. Страдания настолько длительны и ужасны, несчастье вторгается в такую массу семейств, что беспокойство и упадок духа охватывают всех, и основы хозяйственного порядка оказываются в опасности... Этому государственному упадку, вызвавшему столь огромные брожения, было дано два противоположных объяснения. Вы работали слишком много, говорят одни; вы работали слишком мало, говорят другие. Одни говорят: равновесие восстановится, и мир и благосостояние людей вернутся лишь тогда, когда вами будет потреблен весь избыток товаров, которые обременяют переполненный рынок, и когда вы в будущем будете соотносить свое производство со спросом покупателей; равновесие, говорят другие, установится лишь тогда, когда

¹ Статья в «*Edinburgh Review*» была, собственно, направлена против Оуэна. На 24 печатных страницах своей статьи он резко выступает против следующих четырех сочинений: против *A New View of Society, or Essays on the Formation of Human Character, Observations on the Effects of the Manufacturing System, Two Memorials on Behalf of the Working Classes, presented to the Governments of America and Europe*, и, наконец *Three Tracts, and an Account of Public Proceedings relative to the Employment of the Poor*. Анонимный автор пытается детально доказать Оуэну, что его реформаторские идеи ни в малейшей мере не направлены против действительных причин нищеты английского пролетариата, ибо эти действительные причины заключаются в переходе к обработке неплодородных земель (теория земельной ренты Рикардо), в хлебных пошлинах и высоких налогах, которые дают фермера и фабриканта. Итак свободная торговля и *laissez faire* – таковы альфа и омега! При беспрепятственном накоплении всякий прирост производства сам для себя создает приращение спроса. Ссылаясь на Сэя и Джемса Милля, автор обвиняет здесь Оуэна в «полном невежестве»: «In his reasonings, as well as in his plans, Mr. Owen shows himself profoundly ignorant of all the laws which regulate the production and distribution of wealth». От Оуэна автор переходит к Сисмонди, причем самый спор формулируется следующим образом: «He (Оуэн) conceives that when competition is unchecked by any artificial regulations, and industry permitted to flow in its natural channels, the use of machinery may increase the supply of the several articles of wealth beyond the demand for them, and by creating an excess of all commodities, throw the working classes out of employment. This is the position which we hold to be fundamentally erroneous; and as it strongly insisted on by the celebrated M. de Sismondi in his «*Nouveaux Principes d'economie politique*» we must entreat the indulgence of our readers while we endeavour to point out its fallacy, and to demonstrate, that the power of consuming necessarily increases with every increase in the power of producing» «*Edinburgh Review*» Октябрь 1819, стр. 470

² Заглавие этой статьи в подлиннике таково: «*Examen de cette question: Le pouvoir de consommer s'accroit-il toujours dans la société avec le pouvoir de produire?*» Дослать «*Анналы*» Росси нам не удалось, но статья эта целиком перепечатана Сисмонди во втором издании его «*Nouveaux Principes*».

вы удвоите свои усилия, направленные к тому, чтобы накапливать и воспроизводить. Вы ошибаетесь, если вы думаете, что наши рынки переполнены, полна лишь половина наших магазинов. Наполним же и другую половину, тогда эти новые богатства будут обмениваться на другие и вольют новую жизнь в торговлю». Сисмонди выдвинул и формулировал здесь с исключительной ясностью самую сущность спора.

В самом деле, вся позиция Мак Куллоха держится и падает вместе с утверждением, что обмен является в действительности обменом товаров на товары, т. е. что всякий товар создает не только предложение, но и со своей стороны предъявляет спрос. В связи с этим спор принимает такую форму: Мак Куллох заявляет: «спрос и предложение являются выражениями, которые лишь коррелятивны и могут заменить друг друга. Предложение одного вида благ определяет спрос на другой вид благ. Так, спрос на данную массу сельскохозяйственных продуктов возникает тогда, когда в обмен за нее предлагается масса продуктов промышленности, производство которой стоило столько же, сколько и производство сельскохозяйственных продуктов; с другой стороны, действительный спрос на данную массу промышленных продуктов возникает тогда, когда в обмен на нее предлагается масса сельскохозяйственных продуктов, вызвавших такие же расходы»¹. Уловка нашего рикардянца совершенно очевидна: он хочет оставить в стороне денежное обращение и представить дело так, как будто товары покупались и оплачивались прямо товарами.

Из условий высокоразвитого капиталистического производства он вдруг переносит нас во времена первобытной меновой торговли, которая еще в настоящее время преуспевает в центральной Африке. Отдаленное зерно истины этой мистификации состоит в том, что деньги при простом товарном обращении играют лишь роль посредника. Но именно вмешательство этого посредника, которое в процессе обращения Т-Д-Т (товар-деньги-товар) разделило во времени и в пространстве оба акта обмена – продажу и покупку – и сделало их друг от друга независимыми, – именно оно обуславливает тот факт, что за любой продажей отнюдь не следует сейчас же покупка, и, во-вторых, что покупка и продажа отнюдь не связаны с одними и теми же лицами и лишь в исключительно редких случаях имеют место между одними и теми же «*personae dramatis*». Но против этого как раз-то и грешит Мак Куллох: он делает противное здравому смыслу допущение, когда он противопоставляет друг другу промышленность и сельское хозяйство как покупателей и продавцов в одно и то же время. Общность категорий, которые к тому же изображены как вступающие в обмен в их целом, маскирует здесь фактическую раздробленность того общественного разделения труда, которое влечет за собой бесчисленное множество частных меновых актов, при которых совпадение покупок и продаж противостоящих друг другу товаров является редким исключением. Упрощенное понимание Мак Куллохом товарообмена вообще делает совершенно непонятным экономическое значение денег и их появление на истори-

¹ L. с., 470.

ческой сцене, ибо оно прямо превращает товар в деньги и приписывает ему свойство непосредственно обмениваться на другие товары. Ответ Сисмонди несомненно довольно беспомощен. Чтобы доказать непригодность для капиталистического производства картины товарообмена, которую дает Мак Куллох, он ведет нас на лейпцигскую книжную ярмарку.

«На книжную ярмарку в Лейпциге съезжаются книготорговцы со всей Германии; каждый из них привозит с собой и выставляет для продажи четыре или пять произведений, из которых каждое напечатано изданием в 500 или 600 экземпляров. Каждый из книготорговцев обменивает свои книги на другие и привозит домой 2 400 томов, т. е. столько же, сколько он доставил на ярмарку. Но он привез четыре разных произведения, а везет домой 200 разных произведений. Таковы коррелятивные и могущие заменить друг друга понятия спроса и производства ученика Рикардо: одно покупает другое, одно платит за другое, одно является следствием другого. Но, по нашему мнению и по мнению книготорговца и публики, спрос и потребление еще не начались. Плохая книга, если она и обменена в Лейпциге, тем не менее остается непроданной (это большая ошибка Сисмонди! – Р. Л.); она с одинаковым успехом будет заполнять полки книготорговца как в том случае, если в ней никто не нуждается, так и в том, если потребность в ней уже удовлетворена. Обмененные в Лейпциге книги лишь тогда будут проданы, когда книготорговцы найдут частных лиц, которые будут не только требовать эти книги, но и проявят готовность принести некоторую жертву, чтобы извлечь их из обращения. Лишь эти лица образуют действительный спрос». Несмотря на наивность этого примера он ясно показывает, что Сисмонди не поддается уловке своего противника и понимает, о чем в сущности идет дело¹.

Мак Куллох делает далее попытку обратить исследование от абстрактного товарообмена в сторону конкретных социальных отношений. «Допустим, например, что землевладелец авансировал ста рабочим пищу и одежду, за которые эти последние производят ему средства продовольствия в количестве, достаточном для 200 человек, и что фабрикант в то же самое время со своей стороны авансировал ста рабочим пищу и одежду, за которые они изготовили ему одежду для 200 человек. В этом случае у фермера, после вычета пищи и одежды для его собственных рабочих, останется пища еще для ста человек; в то же время у фабриканта после удовлетворения одеждой его собственных рабочих останется сто костюмов для рынка. В этом случае оба сорта товаров будут обменены друг на друга; избыточные

¹ Лейпцигская книжная ярмарка Сисмонди в качестве микроскопа капиталистического мирового рынка пятьдесят лет спустя радостно праздновала свое воскресение из мертвых. Мы говорим о научной «системе» Евгения Дюринга. В своей уничтожающей критике несчастного универсального гения Энгельс объясняет эту мысль тем, что Дюринг показал себя «истинным немецким литератором»; он говорит, что Дюринг хочет объяснить действительные промышленные кризисы на воображаемых кризисах на лейпцигском книжном рынке; морскую бурю – бурей в стакане воды; но в действительности наш великий мыслитель (Дюринг) сделал здесь, как и во многих других случаях, указанных Энгельсом, тайное позаимствование.

средства продовольствия определяют спрос на одежду, а избыточная одежда определяет спрос на пищу».

Неизвестно, чему больше удивляться в этой гипотезе: бессмысленности конструкции, которая ставит на голову все действительные отношения, или той бесцеремонности, с которой все, что требовалось доказать, заранее берется в виде предпосылок, чтобы считать их затем «доказанными»? По сравнению с этим пример с лейпцигской книжной торговлей во всяком случае оказывается образцом глубокого и реалистического мышления. Чтобы доказать, что для всякого сорта товара в любое время может быть создан неограниченный спрос, Мак Куллох берет в качестве примера два продукта, которые относятся к самым необходимым и элементарным потребностям человека: пищу и одежду. Чтобы доказать, что товары могут обмениваться в любом количестве независимо от потребностей общества, он берет пример, в котором количества двух продуктов заранее в точности рассчитаны соответственно с потребностями и в котором следовательно с общественной точки зрения нет никакого избытка. Но, сравнивая личные потребности производителей с их собственным продуктом, он называет «избытком» общественно-необходимое количество последнего и блестяще доказывает, что любой «избыток» одного товара может быть обменян на соответствующий «избыток» другого товара. Чтобы доказать наконец, что обмен между различными товарами, изготовленными частными лицами, может быть произведен, несмотря на то, что их массы, издержки производства и важность производства должны быть конечно различны, – он берет в качестве примера две наперед равные массы товаров, на которые затрачены одни и те же издержки производства и которые в одинаковой мере являются предметами первой необходимости для общества. Для того, чтобы доказать, что в частнокапиталистическом хозяйстве, лишенном всякого плана, кризисы невозможны, он констатирует строго и планомерно регулируемое производство, в котором вообще нет никакого перепроизводства. Но соль остроумия хитрого Мака кроется в другом. Ведь в полемике речь идет о проблеме накопления. То, чем мучился Сисмонди и чем он докучал Рикардо и его эпигонам, заключалось в следующем вопросе: где найти покупателя для избытка товаров, раз часть прибавочной стоимости капитализируется, т. е. используется для расширения производства сверх дохода общества вместо того, чтобы идти на личное потребление капиталистов? Какова судьба капиталистической прибавочной стоимости и кто покупает товары, в которых она воплощена? Так спрашивал Сисмонди. И краса школы Рикардо, ее официальный представитель на кафедре Лондонского университета, авторитет для тогдашних английских министров из либеральной партии и для лондонского Сити, великолепный Мак Куллох ответил на это, сочинив пример, в котором вообще нет никакого производства прибавочной стоимости! Его «капиталисты» мучаются с сельским хозяйством и фабричным производством только во имя Христа: всего общественного продукта вместе с «избытком» хватает лишь для потребностей рабочих, для их заработной платы, а «фермер» и «фабрикант», голодные и голые, управляют производством и обменом.

Сисмонди отвечает на это с законным нетерпением: «В тот момент, когда мы исследуем, что делается с избытком производства над по-

треблением рабочих, нельзя упускать из виду этот избыток, который образует необходимую прибыль труда и необходимую долю работодателя».

Но вульгарный экономист в тысячу раз усугубляет свои нелепости, когда он заставляет читателя допустить, «что есть тысяча фермеров» и «тысяча фабрикантов», которые поступают так же гениально, как упомянутые отдельные фермеры и фабриканты. Вполне понятно, что обмен опять совершается как по маслу. Наконец он «в результате более удачного применения труда и введения машин» заставляет производительность труда увеличиться ровно в два раза; происходит это таким образом: «каждый из тысячи фермеров, который авансирует своим ста рабочим пищу и одежду, получает взамен средства продовольствия для двухсот лиц и кроме того сахар, табак и вино, равные по стоимости этой пище; в то же самое время каждый фабрикант, благодаря аналогичной процедуре, получает наряду с прежней массой одежды для всех рабочих еще «ленты, кружева и батист, на производство которых затрачена такая же сумма и которые будут иметь таким образом меновую стоимость, равную упомянутым двумстам костюмам». Представив таким образом историческую перспективу в совершенно извращенном виде, предположив сначала, что капиталистическая частная собственность с наемным трудом существовала раньше, чем та высота производительности труда, которая вообще делает возможною эксплуатацию, он допускает далее, что этот прогресс производительности труда совершается во всех областях с совершенно одинаковым темпом, что прибавочный продукт во всех отраслях производства содержит одну и ту же стоимость, что он распределяется между одним и тем же числом людей; затем он заставляет различные прибавочные продукты обмениваться друг на друга. И взгляните: все к общему удовольствию опять обменивается гладко и без остатка. При этом Мак в числе многих других нелепостей учиняет еще одну: он заставляет своих «капиталистов», живших до сих пор от духа святого и ходивших в костюме Адама, питаться исключительно лишь сахаром, табаком и вином и украшать свои тела лишь лентами, кружевами и батистом.

Но секрет заключается опять-таки в той ловкости, с которой он уклоняется от самой проблемы. Вопрос был поставлен так: какова судьба капитализированной прибавочной стоимости, т. е. той прибавочной стоимости, которая затрачивается не на личное потребление капиталистов, а на расширение производства? А Мак Куллох в своем ответе один раз совершенно оставляет в стороне производство прибавочной стоимости, а в другой раз затрачивает всю прибавочную стоимость на производство предметов роскоши. Но кто же является покупателем вновь производимых предметов роскоши? Согласно примеру Мак Куллоха очевидно капиталисты (его фермеры и фабриканты), так как кроме них в его примере есть еще только рабочие. А отсюда вытекает, что мы имеем дело с потреблением всей прибавочной стоимости для личных целей капиталистов или, другими словами, с простым воспроизводством. Таким образом Мак Куллох на вопрос о капитализации прибавочной стоимости отвечает либо тем, что он игнорирует всякую прибавочную стоимость, либо тем, что он в тот самый момент, когда возникает прибавочная стоимость,

вместо накопления предполагает простое воспроизводство. В и д и м о с т ь того, что он говорил будто о расширенном воспроизводстве, он как и раньше, при рассмотрении так называемого «избытка», поддерживает опять-таки благодаря хитрости: он констатирует сперва невозможный случай капиталистического производства без прибавочной стоимости, чтобы затем внушить читателю, что появление прибавочного продукта и есть расширение производства.

Справиться с этими изгибами шотландского оборотня оказалось Сисмонди не по силам. Он, который до сих пор на каждом шагу прижимал своего Мака к стене и доказывал ему «очевидную нелепость» его утверждений, сам запутывается в самом важном пункте спора. Он разумеется должен был на вышеприведенную тираду ответить своему противнику совершенно спокойно: «Почтеннейший! Почет и уважение гибкости вашего ума, но ведь вы, как угорь, пытаетесь ускользнуть от самой сущности вопроса. Я все время спрашиваю: кто явится покупателем избыточного продукта, если капиталисты вместо того, чтобы промотать всю свою прибавочную стоимость, применяют ее для целей накопления, т. е. для расширения производства? А вы отвечаете мне на это: они произведут это расширение производства, увеличив изготовление предметов роскоши, которые они разумеется сами и будут потреблять. Но ведь это – фокус. Ибо, поскольку капиталисты расходуют прибавочную стоимость на предметы роскоши, они потребляют ее, а не накапливают. Но речь идет именно о том, возможно ли накопление, а не о предметах роскоши, потребляемых капиталистами! Итак, дайте, если вы в состоянии это сделать, прямой ответ на вопрос, или же отправляйтесь туда, где растет ваш табак и добывается ваше вино, а по мне хоть, где раки зимуют!»

Вместо того, чтобы справиться таким путем с вульгарным экономистом, Сисмонди внезапно поддается этическим, патетическим и социальным порывам. Он восклицает: «Кто предъявит спрос, кто будет потреблять: городские и сельские господа, или же их рабочие? В его (Мака) новом допущении мы имеем избыток продуктов, прибыль с труда. Кому это достается?» И он сам отвечает следующей тирадой:

«Мы знаем – и этому достаточно учит нас история торговли, – что не рабочий извлекает пользу от умножения продуктов труда: его заработная плата не увеличивается. Сам Рикардо однажды сказал, что этого не должно быть, если мы не хотим, чтобы рост общественного богатства прекратился. Но суровый опыт напротив того учит нас, что заработная плата почти всегда уменьшается по отношению к росту общественного богатства. В чем же в таком случае состоит влияние прироста богатств на общественное благо? Наш автор принимает, что существует тысяча фермеров, которые наслаждаются, в то время как сто тысяч сельских рабочих трудятся, и тысяча фабрикантов, которые обогащаются, в то время как сто тысяч рабочих подчиняются их команде. Счастье, которое может получиться от увеличения легкомысленным наслаждением роскошью, выпадает таким образом на долю лишь одной сотой части нации. Но окажется ли эта сотая часть нации, призванная к тому, чтобы потребить весь избыток продукта рабочего класса, способной на это, если производство будет безостановочно расти благодаря прогрессу машин и капиталов?»

По допущению нашего автора, фермер или фабриканты при всяком удвоении национального продукта должны увеличить свое потребление в сто раз; и если национальное богатство благодаря изобретению такого множества машин теперь в сто раз больше, чем в то время, когда оно покрывало лишь издержки производства, то каждый предприниматель должен потреблять теперь такое количество продуктов, которого хватило бы для содержания десяти тысяч рабочих». И здесь Сисмонди опять думает, что он подошел к проблеме происхождения кризисов: «Допустим, что богач на самом деле может потребить изготовленные десятую тысячами рабочих продукты, в том числе ленты, кружева и шелковые товары, на происхождение которых указал нам наш автор. Но отдельный человек не оказался бы в силах потребить в такой же пропорции продукты сельского хозяйства. Вина, сахара и пряностей, которые у Рикардо появляются в процессе обмена (Сисмонди, узнавши лишь впоследствии, кто такой был аноним из «Edinburg Reveiw», вначале очевидно подозревал, что статья написана Рикардо), было бы слишком много для стола отдельного человека. Они окажутся непроданными или, иначе говоря, нельзя будет больше сохранить пропорцию между продуктами сельского хозяйства и фабрик, ту пропорцию, которая выступает в виде основы всей его системы».

Мы видим таким образом, что Сисмонди попадает на удочку Мак Куллоху: вместо того, чтобы отвергнуть ответ на вопрос о накоплении, ответ, который заключается в ссылке на производство предметов роскоши, он, не замечая того, что его противник перешел в другую область, сам следует за ним и находит здесь лишь два соображения против Мак Куллоха. Раз Сисмонди делает Мак Куллоху нравственный упрек в том, что он отдает прибавочную стоимость не трудящимся, а капиталистам, и сбивается таким образом на полемику против распределения при капиталистическом способе хозяйства. В другой раз он неожиданно возвращается с этой боковой тропы на путь, ведущий к первоначальной проблеме, которую он теперь ставит уже так: капиталисты, стало быть, потребляют всю прибавочную стоимость в предметах роскоши. Прекрасно! Но разве человек в состоянии столь быстро и столь безгранично расширять свое потребление, как прогресс производительности труда увеличивает прибавочный продукт? Сисмонди следовательно бросает здесь на произвол судьбы свою собственную проблему и вместо того, чтобы видеть трудность капиталистического накопления в отсутствии потребителя вне рядов рабочих и капиталистов, он находит теперь затруднение простого воспроизводства в физической ограниченности потребительной способности самих капиталистов. Так как потребительная способность капиталистов по отношению к предметам роскоши не может поспевать за производительностью труда, т. е. за ростом прибавочной стоимости, то результатом этого должны быть перепроизводство и кризисы.

Мы уже раз находили у Сисмонди в его «Nouveaux Principes» этот ход мыслей, и мы имеем здесь доказательство, что ему самому его проблема была не всегда достаточно ясна. И это неудивительно. Понять проблему накопления с полной ясностью можно, только справившись с проблемой простого воспроизводства. А насколько Сисмонди еще путался в проблеме простого воспроизводства, мы уже видели.

Несмотря на все это Сисмонди отнюдь не оказался слабейшим в этом первом бою, где он скрестил оружие с эпигонами классической школы. Напротив того, он в конце концов победил своего противника. Если Сисмонди неправильно судил об элементарнейших основах общественного производства и если он совсем в духе смитовского догмата пренебрегал постоянным капиталом, то он в этом стоял во всяком случае не ниже своего противника: для Мак Куллоха постоянного капитала тоже не существует, его фермеры и фабриканты «авансируют» лишь продовольствие и одежду для своих рабочих, и весь общественный продукт состоит лишь из продовольствия и одежды. Если и Сисмонди и Мак Куллох находятся в одинаковом положении по отношению к этой элементарной ошибке, то Сисмонди стоит бесконечно выше Мак Куллоха в понимании противоречий капиталистического способа производства. На скептицизм Сисмонди по отношению к возможности реализации прибавочной стоимости рикардianец в конце концов так и не дал ответа. Сисмонди превосходит своего противника и тогда, когда он сытому и довольному стороннику гармонии и апологету, для которого «нет никакого избытка производства над спросом, никакого сужения рынка и никаких страданий», бросает в лицо крики отчаяния ноттингемских пролетариев, когда он доказывает, что введение машин неизбежно создает «избыточное население», и в особенности, когда он выдвигает всеобщие тенденции капиталистического Мирового рынка с его противоречиями. Мак Куллох решительно оспаривает возможность всеобщего перепроизводства, а против всякого частичного перепроизводства у него есть в кармане испытанное средство.

«Можно, – говорит он, – возразить, что сокращение рынка и заминки, которые создает беспорядочная торговля, необъяснимы, если принять основное положение, по которому спрос постоянно растет по отношению к производству. Мы совершенно спокойно отвечаем: сужение рынка является результатом увеличения количества особого класса товаров, которым не противостоит соответствующее увеличение других товаров, кои могли бы быть на них обменены. В то время как тысяча фермеров и тысяча фабрикантов обмениваются своими продуктами и создают друг для друга рынок, тысяча новых капиталистов, которые присоединяются к обществу и из которых каждый дает работу в сельском хозяйстве ста рабочим, несомненно могут вызвать непосредственное сужение рынка для сельскохозяйственных продуктов, потому что тут не имело места одновременное расширение производства мануфактурных товаров, на которые они должны быть куплены. Но если половина этих новых капиталистов сделается фабрикантами, то они будут производить мануфактурные товары в количестве, достаточном для покупки валового продукта другой половины капиталистов. Равновесие опять восстановлено, и 1 500 фермеров обмениваются своими продуктами с 1 500 фабрикантами с той же легкостью, с какой тысяча фермеров и тысяча фабрикантов обменивались раньше своими продуктами». На эти фокусы, которые «совершенно спокойно» попадают пальцем в небо, Сисмонди отвечает указанием на действительные изменения и перевороты на мировом рынке, которые произошли перед его глазами.

«...Дикая страна культивирована, и политические перевороты,

изменение системы финансов и мир сразу привлекли в гавани старых сельскохозяйственных стран суда, груз которых равнялся всей их жатве. Огромные провинции, которые Россия недавно цивилизовала на берегу Черного моря, Египет, который пережил смену правительства, Берберия, которой был воспрещен морской грабеж, вдруг опорожнили амбары Одессы, Александрии и Туниса, отправив их запасы в итальянские гавани; эти страны вызвали такой избыток хлеба, что деятельность фермеров вдоль всех морских берегов стала убыточной. Остальная Европа не гарантирована от подобного переворота, вызванного необыкновенным расширением площади новых земель, которые на берегах Миссисипи сразу были отведены под культурные растения и вывозят все свои продукты. Даже влияние Новой Гвинеи может в один прекрасный день оказаться губительным для английской промышленности, если не по отношению к средствам потребления, перевозка которых слишком дорога, то по отношению к шерсти и другим сельскохозяйственным продуктам, перевозка которых менее затруднительна». Какой же совет дал Мак Куллох в связи с этим аграрным кризисом в Южной Европе? Половина новых сельских хозяев должна стать фабрикантами! На это Сисмонди отвечает: «всерьез такой совет можно дать только крымским татарам и египетским феллахам», и далее он прибавляет: «Еще не наступил момент, чтобы устраивать новые фабрики в заокеанских странах или в Новой Голландии». Мы видим, что Сисмонди совершенно ясно сознавал, что индустриализация заокеанских стран является лишь вопросом времени. Но Сисмонди прекрасно сознавал и то, что и расширение мирового рынка должно принести с собой не разрешение затруднения, а лишь воспроизводство этого затруднения в расширенном масштабе – еще более грандиозные кризисы. Он наперед указал на еще большее обострение конкуренции и анархию производства как на оборотную сторону конкуренции капитализма ищущего для себя выхода в экспансии. Он затрагивает даже основную причину кризисов, когда он в одном месте отчетливо формулирует тенденцию капиталистического производства выходить за всякие пределы рынка: «часто возвещали о том, – говорит он в конце своей реплики против Мак Куллоха, – что равновесие опять восстановится и работа опять начнется, но стоило лишь появиться спросу, как в результате этого всякий раз развивалось движение, которое выходило далеко за действительные потребности торговли, и за этим новым оживлением следовало еще более мучительное сужение рынка».

На такого рода глубокое проникновение анализа Сисмонди в действительные противоречия движения капитала вульгаризатор с лондонской кафедры с его болтовней о гармонии и с его кадрилию между тысячей фермеров, украшенных лентами, и тысячей фабрикантов, утопающих в вине, ничего не мог возразить.

Глава двенадцатая

РИКАРДО ПРОТИВ СИСМОНДИ

Для Рикардо вопрос очевидно не был исчерпан ответом Мак Куллоха на теоретические возражения Сисмонди. В отличие от дельца

и шотландского шарлатана, как называет его Маркс, Рикардо искал истины и держал себя с подлинной скромностью великого мыслителя¹. Что полемика Сисмонди против Рикардо и его «ученика» произвела глубокое впечатление на Рикардо, доказывает тот факт, что он изменил свою позицию в вопросе о влиянии машин. Именно здесь следует воздать должное Сисмонди: он первый показал классическому учению о гармонии обратную сторону медали. В книге IV своих «Nouveaux Principes», в главе седьмой «О разделении труда и о машинах», и в книге VII, в главе седьмой, носящей характерное заглавие: «Машины создают избыточное население», Сисмонди нападает на учение Рикардо, распространенное апологетами, которое заключается в том, что машины всегда создают такой же или даже больший спрос на рабочую силу, чем то количество живого труда, которое они вытеснили. Против этой так называемой теории компенсации Сисмонди выступил чрезвычайно резко. Его «Nouveaux Principes» появились в 1819 г., через два года после появления главного труда Рикардо. В третьем издании своих «Principes», появившееся в 1821 г., т. е. уже после полемики между Мак Куллохом и Сисмонди, Рикардо вводит новую главу (XXXI), где он откровенно сознает свою ошибку и заявляет совсем в духе Сисмонди, что «мнение, разделяемое рабочим классом, что употребление машин часто наносит большой ущерб их интересам, не основано на предрассудке и заблуждении, а соответствует правильным принципам политической экономии»². Так же как и Сисмонди, он при этом считает себя вынужденным избавиться от подозрения, что он осуждает технический прогресс, и он спасает себя от этого, – правда, менее решительно, чем Сисмонди, – оговоркой, что зло, приносимое машинами, сказывается лишь постепенно: «Чтобы выяснить основное положение, я предположил, что усовершенствованные машины были внезапно изобретены и применены в широких размерах. В действительности же такие изобретения делаются постепенно и скорее действуют таким образом, что они изменяют употребление капитала, который собирается и накапливается, а не отвлекают капитал от его постоянного употребления»³.

Но и проблема кризисов и накопления не давала покоя Рикардо. В последний год своей жизни, в 1823 г., он остался на несколько дней в Женеве, чтобы лично вместе с Сисмонди обсудить этот вопрос. В результате этой беседы, в мае 1824 г., в «Revue Encyclopedique» появилась статья Сисмонди под заглавием: «Sur la balance des consommations avec la production»⁴.

¹ Характерно, что Рикардо, избранный в 1819 г. в парламент и пользовавшийся уже тогда величайшим уважением благодаря своим экономическим сочинениям, писал своему другу: «Вы, вероятно, знаете, что я заседаю в палате общин. Боюсь, что пользы от меня там будет немного. Я два раза пытался выступать, но говорил с величайшим волнением, и я сомневаюсь, удастся ли мне когда-нибудь преодолеть страх, который схватывает меня, когда я слышу тембр своего голоса». Подобного рода «волнения» были совершенно чужды болтуну Куллоху.

² Ср. Д. Рикардо, Начало политической экономии и пр. Перевод под ред. Н. Рязанова. Москва, 1910, стр. 269. – Прим. пер.

³ Л. с., стр. 271. – Прим. пер.

⁴ По поводу этой дискуссии Сисмонди рассказывает нам следующее: «Рикардо, недавняя смерть которого глубоко огорчила не только его семью и друзей, но также всех тех, кого он просветил, кого он согрел своими благородными чувствами, остановился в последний год своей жизни на несколько дней в Женеве. Два-три

В этом решающем вопросе Рикардо в своих «Principes» целиком перенял у пошлого Сэя учение о гармонии в отношении между производством и потреблением. В главе XXI он говорит: «Сэй уже очень удовлетворительно показал, что нет такой суммы капитала, которая не могла бы найти себе употребления в стране, потому что спрос ограничивается только производством. Каждый человек производит для продажи или для потребления, и он продает только с целью купить какой-нибудь другой товар, который мог бы быть ему непосредственно полезен, или мог бы способствовать дальнейшему производству. Таким образом всякий производитель необходимо становится или потребителем собственных произведений, или покупателем и потребителем товаров какого-нибудь другого производителя»¹.

Против этого понимания Рикардо Сисмонди горячо полемизировал уже в своих «Nouveaux Principes»; его устные дебаты с Рикардо тоже вращались исключительно вокруг указанного вопроса. Оспаривать факт кризиса, который только что пронесся над Англией и другими странами, Рикардо не мог. Дело шло лишь об объяснении кризиса. Замечательна при этом та ясная и точная постановка проблемы, на которой сошлись Сисмонди и Рикардо в начале своего спора: они оба исключили вопрос о внешней торговле. Правда, Сисмонди понимал значение и необходимость внешней торговли для капиталистического производства и его потребность в расширении. В этом отношении он ни в чем не уступал рикардовской школе свободной торговли. Он даже значительно превосходил их благодаря диалектическому пониманию тенденции капитала к экспансии; он ясно заявил, что промышленность «вынуждается искать для сбыта своих товаров чужих рынков, где ей угрожают еще более грандиозные перевороты»²; он, как мы видели, предсказывал возникновение опасной для европейской промышленности конкуренции в заокеанских странах, а подобное предсказание, сделанное около 1820 г., было делом вполне достойным уважения; оно свидетельствовало о глубоком взгляде Сисмонди на мировые хозяйственные отношения капитала. И несмотря на все это Сисмонди был далек от мысли поставить проблему реализации прибавочной стоимости – проблему накопления – в зависимость от внешней торговли как единственного средства спасения, в чем старались его убедить позднейшие критики. Напротив того, уже в главе шестой книги II он совершенно отчетливо говорит: «Чтобы легче было следить за этими расчетами и чтобы упростить эти вопросы, мы до сих пор совершенно оставляли в стороне внешнюю торговлю и допускали, что нация ведет совершенно обособленное существование; само человечество является такой изолированной существующей нацией, и все, что верно по отношению к отдельной нации, не знающей внешней торговли, столь же

раза мы вместе обсуждали этот основной вопрос, относительно которого наши взгляды расходились. При этом обсуждении он выказал свойственные ему деликатность, чистосердечие, любовь к истине и такую ясность, которой не ждали бы от него даже его ученики, привыкшие в его кабинете к отвлеченным рассуждениям». Статья «Sur la balance» напечатана во втором издании «Nouveaux Principes», т. II, стр. 408.

¹ Рикардо, I. с., стр. 192 – Прим. пер.

² Кн. IV, гл. 4: «Купеческое богатство следует за ростом дохода».

верно и по отношению ко всему человеческому роду». Иными словами, Сисмонди ставит проблему при тех же предположениях, при которых впоследствии ставил ее Маркс: он рассматривает весь мировой рынок, как исключительно капиталистически производящее общество. На этих предположениях он сошелся и с Рикардо. «Мы оба, – говорит он, – исключили тот случай, когда нация продает иностранцам больше, чем она у них покупает, и когда она таким образом находит расширяющий внешний рынок для возрастающего производства внутри страны. Но интересующий нас вопрос заключается не в том, могут ли военные и политические успехи доставить какой-нибудь стране новых потребителей, а в том, создает ли страна их сама, увеличивая свое производство»¹. Сисмонди совершенно ясно формулировал здесь проблему реализации прибавочной стоимости так, как она выступает перед нами в политической экономии во все позднейшие периоды. Рикардо утверждает, что производство само создает себе рынок; в этом он, как мы видели и как мы еще увидим, идет по стопам Сэя.

Тезис Рикардо, сформулированный в полемике с Сисмонди, гласит так:

«Предположим, что сто землевладельцев производят 1 000 мешков хлеба, а сто фабрикантов производят 1 000 аршин шерстяной материи. Не будем принимать в расчет других полезных для человека продуктов, точно так же, как и всех посредников, и будем иметь в виду только этих производителей. Они обменивают свои 1 000 аршин материи на 1 000 мешков хлеба. Предположим, что благодаря постепенному прогрессу промышленности производительная сила труда возросла на одну десятую; тогда эти же самые люди обменивают 1 100 аршин на 1 100 мешков хлеба, и каждый из них лучше одевается и лучше питается. Новый прогресс приведет к тому, что 1 200 аршин материи будут обмениваться на 1 200 мешков хлеба и т. д. Увеличение продуктов лишь увеличивает наслаждения производителей»².

Приходится со стыдом констатировать, что дедукции великого Рикардо стоят здесь – если это вообще возможно – ниже дедукции «шотландского шарлатана» Мак Куллоха. Нас опять пригласили полюбоваться гармонической и грациозной кадрилию, которую танцуют «аршины» и «мешки». При этом как раз то, что нужно было доказать, т. е. их пропорциональность попросту предполагается заранее. Но мало того: все условия проблемы, о которых шла речь, просто оставлены в стороне. Проблема, предмет спора – запомним это раз, навсегда – состояла в следующем: кто является потребителем и покупателем избытка продуктов, который возникает, когда капиталисты производят товары в количестве, превышающем потребление их рабочих и их собственное потребление, т. е. когда они часть прибавочной стоимости капитализируют и применяют для расширения производства и увеличения капитала? Отвечая на это, Рикардо вообще ни одного слова не говорит об увеличении капитала. Единственное,

¹ Ср. цит. перевод Эфруси, стр. 248-251.

² «Nouveaux Principes», 2-е изд., стр. 416. Русский перевод Эфруси, стр. 252. – Прим. пер.

что он рисует нам на различных этапах производства, это постепенное повышение производительности труда. Согласно его допущению одно и то же количество рабочей силы производит сперва 1 000 мешков хлеба и 1 000 аршин материи, потом 1 100 мешков и 1 100 аршин, далее 1 200 мешков и 1 200 аршин и т. д. Не говоря уже о скучной картине, представляющей нам совершенно равномерное движение количества хлеба и материи, – картине, подобной солдатской маршировке, не говоря уже о совпадении даже количеств предметов, которые должны быть обменены, надо указать, что во всем этом примере нет ни одного слова о расширении капитала. Мы здесь все время имеем перед собой не расширенное воспроизводство, а простое воспроизводство, при котором увеличивается масса потребительных стоимостей, а не стоимость всего общественного продукта. Так как для обмена играет роль не количество потребительных стоимостей, а лишь размер их стоимости, и так как этот последний остается в примере Рикардо неизменным, то он, собственно, ни на шаг не подвигается вперед, хотя и создает себе иллюзию, что он анализирует прогрессивное расширение производства. Наконец для Рикардо вообще не существует категорий воспроизводства, в которых здесь заключается вся суть. Мак Куллох заставляет вначале своих капиталистов производить без прибавочной стоимости и жить за счет духа святого, но он признает по крайней мере существование рабочих и указывает размер их потребления. Рикардо даже не говорит о рабочих, и различия между переданным капиталом и прибавочной стоимостью для него вообще не существует. Наряду с этим уже менее важно, что Рикардо, подобно своему ученику, совершенно упускает из виду постоянный капитал: он хочет решить проблему реализации прибавочной стоимости и расширения капитала, не предполагая заранее ничего, кроме наличности известного количества товаров, которые обмениваются друг на друга.

Не замечая перенесения спора в другую плоскость, Сисмонди честно берет на себя труд рассмотреть в условиях действительности фантазии своего знаменитого гостя и противника, ибо при его предположениях «приходится», как жалуется Сисмонди, игнорировать, «подобно немецким метафизикам, время и пространство», перенести эти фантазии на грешную землю и разобраться в их невидимых противоречиях. Он применяет гипотезу Рикардо к «обществу с его действительной организацией, с рабочими без собственности, заработная плата которых определяется конкуренцией и которых хозяин может уволить, коль скоро он в них больше не нуждается», ибо, как замечает очень метко и скромно Сисмонди, «наши возражения касаются именно этой, хозяйственной организации». И он вскрывает разнообразные трудности и конфликты, с которыми связан прогресс производительности труда при капиталистических условиях. Он доказывает, что предположенные Рикардо изменения в технике труда с общественной точки зрения должны привести к следующей альтернативе: либо часть рабочих, соответствующая росту производительности, будет уволена – мы получаем в этом случае на одной стороне избыток продуктов, а на другой – безработицу и нищету, т. е. верную картину современного общества; или избыточный продукт затрачивается на содержание рабочих в новой отрасли промышленности,

В

производстве предметов роскоши. И здесь Сисмонди проявляет несомненное превосходство над Рикардо. Он внезапно вспоминает о существовании постоянного капитала и тут решительно наступает на английского классика: «Чтобы создать новую мануфактуру, именно мануфактуру по производству предметов роскоши, нужен также новый капитал. Нужно построить машины, привезти сырой материал и оживить деятельность иностранной торговли, так как богатые люди редко довольствуются предметами роскоши, произведенными вблизи. Где найдем мы однако этот новый капитал, который быть может гораздо более значителен, нежели капитал, требуемый для сельского хозяйства?.. Наши рабочие по производству предметов роскоши еще далеко не в состоянии есть хлеб наших хлебопашцев и носить платье наших фабрикантов: их еще нет, они быть может еще не родились, их ремесла еще не существуют; материал, над которым они должны работать, не прибыл еще из Индии. Все те, которым они должны были доставить заработок, тщетно ждут его». Сисмонди тут учитывает постоянный капитал не только в производстве предметов роскоши, но и в сельском хозяйстве; возражая Рикардо, он говорит: «Необходимо игнорировать время, когда предполагаешь, что землевладелец, получивший благодаря изобретению в области механики или сельскохозяйственной промышленности возможность увеличить на одну треть производительные силы своих рабочих, найдет капитал, достаточный для расширения обработки, для увеличения на треть количества земледельческих орудий, скота, амбаров, а также оборотный капитал, необходимый ему, чтобы быть в состоянии выждать реализации своего урожая».

Он отказывается здесь от басни классической школы, по которой весь аванс капитала при расширении последнего расходуется исключительно на заработную плату, т. е. на переменный капитал, и определенно отмежевывается от учения Рикардо, что однако не помешало ему три года спустя без просмотра пропустить во втором издании «*Nouveaux Principes*» все те ошибки, которые покоятся на этом учении. Против плоского учения о гармонии, исповедуемого Рикардо, Сисмонди выдвигает таким образом два важных пункта: во-первых, объективные трудности процесса расширенного воспроизводства, которые в капиталистической действительности протекают отнюдь не так гладко, как в нелепой гипотезе Рикардо, и, во-вторых, тот факт, что всякий технический прогресс в производительности общественного труда при капиталистических условиях всегда протекает за счет рабочего класса и покупается его страданиями. И еще в одном важном пункте Сисмонди показывает свое превосходство над Рикардо: в противоположность Рикардо с его ограниченностью, для которой кроме буржуазного хозяйства вообще не существует никаких других общественных форм, Сисмонди защищает широкие исторические горизонты диалектического понимания: «Наш взор, – говорит он, – настолько привык к современной общественной организации, к этой всеобщей конкуренции, устанавливающей враждебные отношения между классом богатых и трудящейся массой, что мы не можем себе представить другой формы существования, несмотря на то, что остатки таких форм окружают нас со всех сторон. Меня хотят довести *ad absurdum*, указывая мне на недостатки предшествующих

систем. Что касается организации низших классов общества, то действительно две или три системы сменили друг друга. Но разве из – того, что, принося сначала некоторую пользу, они потом причинили человечеству ужасные страдания, можно делать заключение, что мы имеем теперь правильную систему, что мы не найдем основного порока в системе наемного труда, подобно тому, как мы открыли недостатки в системе рабства, феодализма и цеховой организации? Когда господствовали эти три системы, нельзя было себе представить, какую систему можно было бы поставить вместо них: улучшение общественного строя казалось тогда невозможным и безрассудным. Наступит несомненно пора, когда наши внуки будут считать нас варварами за то, что мы оставили трудящиеся классы без защиты, подобно тому, как они будут считать и как мы сами считаем варварами все нации, которые довели трудящиеся классы до состояния рабства». Свое глубокое понимание исторических связей Сисмонди доказал изречением, в котором он с едкостью эпиграммы проводит разницу между ролью пролетариата в современном и в римском обществе. Не меньше глубины проявляет Сисмонди, когда он в своей полемике против Рикардо анализирует экономические особенности рабской системы и феодального хозяйства и их относительное историческое значение и наконец, когда он устанавливает господствующую всеобщую тенденцию буржуазного хозяйства «совершенно отделить всякого рода собственность от всякого рода труда». Таким образом, и второе столкновение Сисмонди с классической школой закончилось, как и первое, не к славе его противника¹.

Глава тринадцатая

СЭЙ ПРОТИВ СИСМОНДИ

Статья Сисмонди против Рикардо, помещенная в майской книжке «Revue Encyclopedique» за 1824 г., вызвала наконец на сцену тогдашнего «prince de la science economique», Ж. Б. Сэя, слывшего представителем, наследником и популяризатором школы Смита на континенте. В июле того же года Сэй – уже после того, как он полемизировал с концепцией Сисмонди в своих письмах к Мальтусу, – вновь, выступил против него в «Revue Encyclopedique» в статье под заглавием: «О равновесии между потреблением и производством», на которую Сисмонди в свою очередь опубликовал краткое возражение. Таким образом последовательность полемических турниров была, собственно, обратна последовательности теоретических за-
висимо-

¹ Поэтому, когда г. Туган-Барановский в интересах защищаемой им точки зрения Сэя-Рикардо сообщает о споре между Сисмонди и Рикардо, что Сисмонди был вынужден «признать правильность учения, которое он оспаривал, и сделать своему противнику все необходимые уступки», что Сисмонди «отказался от своей собственной теории, которая до настоящего времени имела так много приверженцев», и что «победа в этом споре оказалась на стороне Рикардо» (Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England», 1901, стр. 176), то это такое, скажем, легкомысленное суждение, которому мы знаем немало примеров в серьезных научных работах.

стей. Ибо именно Сэй первый сообщил Рикардо и через последнего передал по наследству Мак Куллоху указанное учение о богом установленном равновесии между производством и потреблением. В действительности Сэй уже в 1803 г. высказал в XXII главе I книги своего «*Traite d'economie politique*»: «О рынках сбыта» следующее лапидарное положение: «...за продукты платят продуктами. Поэтому если нация имеет слишком много продуктов одного какого-нибудь рода, то средство избавиться от них состоит в том, чтобы произвести продукты другого рода»¹. Мы имеем здесь наиболее знакомую формулировку той мистификации, которая была принята в качестве краеугольного камня учения о гармонии как школой Рикардо, так и вульгарной экономией². Главный труд Сисмонди по существу говоря состоял в непрерывной полемике против этого положения. Теперь же, в «*Revue Encyclopedique*», Сэй на упреки отвечает упреками и делает следующий неожиданный оборот: «...Когда возражают, что всякое человеческое общество благодаря человеческому знанию и умению пользоваться силами природы может производить все предметы, способные удовлетворить его потребности и увеличить его наслаждения в большем количестве, чем это самое общество в состоянии потребить, то я спросил бы, чем же объясняется в таком случае, что мы не знаем ни одной нации, которая была бы вполне обеспечена, так как даже у тех наций, которые слывут цветущими, семь восьмых населения обходятся без массы продуктов, которые считаются необходимыми не только в богатых, но даже в семьях со скромным достатком. Я живу теперь в селе, расположенном в одном из богатейших кантонов Франции. И тем не менее там из двадцати домов имеется девятнадцать, при посещении которых я вижу лишь грубую пищу и ничего такого, что свидетельствовало бы о благосостоянии семьи, – ничего из тех вещей, которые англичане называют «комфортабельными» и пр.»³.

¹ «L'argent ne remplit qu'un office passager dans ce double echange. Le echanges termines, il se trouve qu'on a paye des produits avec des produits. En consequence quand une nation a trop de produit dans un genre, le moyen de les ecouler est d'en crer d'un autre genre». (J. B Say, *Traite d'Economie politique*. Paris, 1803, том I, стр. 154).

² В действительности Сэю и здесь принадлежало лишь претенциозное и догматическое фиксирование мысли, высказанной другими. В своей «Истории теорий кризисов» (Штутгарт 1895) Бергман обратил внимание на то, что вполне аналогичные мысли об идентичности спроса и предложения и о естественном равновесии между тем и другим имеются уже у Осии Туккера (1752), у Тюрго в его примечаниях к французскому изданию туккеровского памфлета, у Кенэ, у Дюпон де-Немура и других. Несмотря на это, Сэй, этот «убогий человек» («*Jammertensch*»), как называет его в одном месте Маркс, в качестве главы учения о гармонии (*Oberharmoniker*) приписывает себе честь великого открытия «*theorie des debouches*» и скромно сравнивает свой труд с открытием теории теплоты, рычага и наклонной плоскости! См. его введение и предметный указатель к 6-му изданию «*Traite*», 1841: «C'est la theorie des echanges et des debouches- telle qu'elle est developpee dans cet ouvrage – qui changera la politique du monde». Стр. 51 и 616). Джемс Милль развивает те же самые точки зрения в своем «*Commerce defended*», появившемся в 1808 г. Маркс называет его истинным отцом теории о естественном равновесии между производством и сбытом.

³ «*Revue Encyclopedique*», том XXIII, Juillet 1824, стр. 20.

Приходится удивляться медному лбу превосходнейшего Сэя. Ведь это он утверждал, что в капиталистическом хозяйстве не может быть никаких затруднений, никакого избытка, никаких кризисов и никакой нужды, ибо товары покупают друг друга и нужно только все больше производить, чтобы все кончалось к общему удовольствию. В его руках это положение стало догматом вульгарно экономического учения о гармонии. Сисмонди выступил против этого с резким протестом и доказал несостоятельность этого взгляда: он указал на то, что можно сбывать не любое количество товаров и что доход общества ($v+m$) представляет собой крайнюю границу, до которой возможна реализация товарной массы. Но так как заработки рабочих сводятся к голому экзистенциальному минимуму и так как потребительная способность класса капиталистов также имеет свои естественные границы, то расширение производства приводит к задержкам в сбыте, к кризисам и к еще большим страданиям народных масс. Но вот появляется Сэй и возражает с виртуозно разыгранной наивностью: «если вы утверждаете, что вообще возможно производить слишком много продуктов, то почему в нашем обществе так много нуждающихся, не одетых и голодных? Объясни мне, граф Эриндур, это противоречие природы!» Сэй, главная уловка позиции которого состоит в том, что он игнорирует денежное обращение и оперирует непосредственным товарообменом, обвиняет теперь своего оппонента в том, что он говорит об избытке продуктов не по отношению к покупательным средствам общества, а по отношению к его действительным потребностям! Но Сисмонди как раз в этом кардинальном пункте своих дедукций во всяком случае не оставил никаких сомнений. Ведь он отчетливо говорит в главе шестой II книги своих «Nouveaux Principes» следующее: «Даже в том случае, когда в обществе находится большое количество людей, которые плохо питаются, плохо одеваются и имеют плохие жилища, это общество желает лишь того, что оно в состоянии купить, а оно может покупать лишь при помощи своего дохода».

Несколько дальше Сэй сам с этим соглашается, но он вместе с тем навязывает своему оппоненту новую мысль: «Нация, – говорит он, – испытывает недостаток не в потребителях, а в покупательных средствах. Сисмонди полагает, что эти средства увеличатся, если количество продуктов уменьшится, если цены на них будут поэтому более высоки, и их производство будет доставлять рабочим большую заработную плату»¹. Сэй пытается здесь опознать теорию Сисмонди, который выступил против самых основ капиталистической организации, против анархии производства и всего ее способа распределения, и свести эту теорию до степени своего собственного вульгарного метода мышления или, вернее, метода болтовни: он превращает его «Новые начала» в защиту «редкости» товаров и дорогих цен. И он в соответствии с этим поет хвалебный гимн успехам капиталистического накопления; он говорит, что если производство будет оживленнее, если количество рабочих сил будет многочисленнее, а размеры производства расширятся, то «нации вообще будут лучше снабжены всем необходимым». Сэй прославляет при этом преимущества стран, наи-

¹ Л. с., стр. 21.

более развитых в промышленном отношении, над средневековой нищетой. Напротив того, «максимы» Сисмонди, по мнению Сэя, в высшей степени опасны для буржуазного общества: «Зачем он требует рассмотрения законов, которые обязывали бы предпринимателя обеспечивать существование нанимаемого им рабочего? Подобного рода рассмотрение парализовало бы предпринимательский дух; одно только опасение, что государство может вмешаться в частные договоры, является бичом и составляет угрозу для благосостояния нации¹. Возражая против общей апологетической болтовни Сэя, Сисмонди еще раз возвращается к дебатам по существу: «Но, право, я никогда не отрицал, что Франция могла со времени Людовика XIV удвоить свое население и учетверить свое потребление, как он возражает мне; я лишь утверждал, что увеличение количества продуктов составляет благо, когда на них существует спрос, когда они покупаются и потребляются; но увеличение продуктов, наоборот, является злом, когда на них нет спроса и когда вся надежда производителя сводится к тому, чтобы лишить потребителя продуктов конкурирующего с ним предприятия. Я старался доказать, что естественный ход развития наций состоит в прогрессирующем возрастании их благоденствия, следовательно, в увеличении их спроса на новые продукты и в увеличении средств для покупки последних. Но последствия наших учреждений и нашего законодательства, которые лишили рабочий класс собственности и всякой защиты, были побудительной силой для неурегулированного труда, производившего такое количество продуктов, которое не соответствует ни спросу, ни покупательным силам, и еще более обострявшего вследствие этого нужду». И он заключает дебаты, приглашая сытых сторонников учения о гармонии подумать над явлениями, «имеющими место в среде наиболее богатых народов, где рядом с материальным богатством беспрестанно растет общественная нищета, где класс, который производит все, с каждым днем все более ставится в такое положение, когда удовлетворение его потребностей становится все менее возможным». Этим резким диссонансом противоречий капитализма заканчивается первая контрверза по поводу проблемы накопления капитала.

Если резюмировать ход и результаты первого спора об этой проблеме, то можно установить два положения:

1. Несмотря на всю путаницу в анализе Сисмонди здесь все же сказывается его превосходство над школой Рикардо и над мнимым главой школы Смита: Сисмонди рассматривает вещи с точки зрения воспроизводства; поскольку это возможно, он пытается уяснить понятия стоимости – капитала и дохода – и вещественные моменты –

¹ Л. с., стр. 29. Сэй обличает Сисмонди как заклятого врага буржуазного общества в следующей патетической декламации: «C'est contre l'organisation moderne de la société; organisation qui, en dépouillant l'homme qui travaille de toute autre propriété que celle de ses bras, ne lui donne aucune garantie, contre une concurrence dirigée à son préjudice. Quoi! parce que la société garantit à tout espèce d'entrepreneur la libre disposition de ses capitaux, c'est à dire de sa propriété, elle dépouille l'homme qui travaille! Je le répète: rien de plus dangereux que des vues qui conduisent à régler l'usage des propriétés». Ибо «les bras et les facultés – sont aussi des propriétés»!

средства производства и средства потребления – в их взаимоотношениях во всем общественном процессе. В этом он стоит ближе всего к Ад. Смиту. Но он сознательно выдвигает противоречия всего процесса, которые у Смита выступают в качестве его субъективных теоретических противоречий как основной тон своего анализа, и формулирует проблему накопления капитала как узловой пункт и главное затруднение. Этот шаг Сисмонди означает несомненный прогресс по отношению к Смиту. Напротив того, Рикардо с его эпигонами, подобными Сэю, в продолжение всего спора возвращаются исключительно в области понятий простого товарного обращения; для них существует лишь формула Т-Д-Т (товар-деньги-товар), причем они еще упрощают ее до степени непосредственного товарообмена и думают, что они при помощи этой тощей мудрости исчерпали все проблемы процесса воспроизводства и накопления. Это – шаг назад по отношению к Смиту, и Сисмонди решительно выигрывает по сравнению с этой ограниченностью. И как раз в качестве социального критика он обнаруживает здесь гораздо больше понимания категорий буржуазного хозяйства, чем присяжные апологеты последнего, подобно тому, как впоследствии Маркс в качестве социалиста обнаружил неизмеримо более отчетливое понимание *differentia specifica* капиталистического хозяйственного механизма во всех его деталях, чем вся буржуазная политическая экономия. И если Сисмонди (в главе седьмой книги VII), возражая Рикардо, восклицает: «Как! Богатство все, а человек ничто?» – то в этом находит свое выражение не только «этическая слабость» его мелкобуржуазного понимания по сравнению со строго классической объективностью Рикардо, но и обостренный благодаря социальному чувству взгляд критика на живые общественные связи хозяйства, следовательно, и на его противоречия и затруднения, – взгляд, которому противостоит неподвижность и ограниченность абстрактного понимания Рикардо и его школы. Полемика подчеркнула лишь, что Рикардо и эпигоны Смита в одинаковой мере не оказались в состоянии понять загадку накопления, заданную им Сисмонди, и тем более решить ее.

2. Но решение загадки уже потому было сделано невозможным, что вся дискуссия была сведена с главного пути и концентрирована вокруг проблемы о кризисах. Взрыв первого кризиса естественно господствовал над дискуссией, но он столь же естественно мешал обеим сторонам понять тот факт, что кризисы вообще представляют собой не проблему накопления, но лишь его специфическую внешнюю форму, лишь момент в циклической фигуре капиталистического воспроизводства. Следствием этого было то, что дебаты в конце концов должны были закончиться двойным *qui pro quo*: одна сторона при этом выводила прямо из кризисов невозможность накоплений, другая прямо из товарного обмена – невозможность кризисов. Дальнейший ход капиталистического развития должен был довести *ad absurdum* оба эти вывода.

Несмотря на это критика Сисмонди как первый теоретический клич против господства капитала сохраняет за собой большое историческое значение: она показывает разложение классической экономики, которая не смогла справиться с поставленными ею же проблемами.

Если Сисмонди испускает тревожный крик против последствий капиталистического господства, то он во всяком случае не был реакционером в том смысле, чтобы мечтать о докапиталистических отношениях, хотя бы он при случае и выставлял с удовольствием преимущества патриархальных форм производства в сельском хозяйстве и в ремесле над господством капитала. Он многократно и весьма энергично протестует против этого; так, в своей статье против Рикардо в «Revue Encyclopedique» он пишет: «Я уже слышу восклицания, что я выступаю в качестве противника усовершенствований в области сельского хозяйства, техники и всякого человеческого прогресса, что я несомненно предпочитаю варварство цивилизации, так как плуг есть машина, а заступ еще более старая машина, что согласно моей системе человеку следовало бы обрабатывать землю руками. Я ничего подобного не говорил, и я должен раз навсегда протестовать против всех тех выводов, которые приписывают моей системе и которых я сам никогда не делал. Я не был понят ни теми, которые на меня нападают, ни теми, которые меня защищают, и мне не раз приходилось краснеть как за моих союзников, так и за моих противников... Следует внимание обратить на следующее: я нападаю не на машины, не на изобретения, не на цивилизацию, а на современную организацию общества, которая, лишая рабочего всякой собственности, кроме рук, не дает ему ни малейшей гарантии против конкуренции, против бешеной торговли, которая всегда оканчивается ему во вред и жертвой которой он должен неизменно явиться». Исходной точкой критики Сисмонди, вне всякого сомнения, являются интересы пролетариата, и он с полным правом может формулировать свою основную тенденцию следующим образом: «Я желаю лишь искать средства, чтобы обеспечить плоды труда тем, кто трудится, и пользу от машины тем, кто приводит эту машину в движение». Правда, когда ему приходится ближе характеризовать общественную организацию, к которой он стремится, он уклоняется от этого и признается в недостатке своих сил: «но вопрос о том, что нам остается делать, бесконечно сложен, и мы не намерены теперь заняться его обсуждением. Мы желали бы убедить экономистов настолько же, как мы сами в этом убеждены, что их наука до настоящего времени идет по ложному пути; но мы не имеем достаточного доверия к себе, чтобы указать им истинный путь. Требуется слишком большое напряжение нашего ума, чтобы уяснить себе современную организацию общества; где же найти того выдающегося человека, который был бы в состоянии постичь еще не существующую общественную организацию, который мог бы постичь будущее, когда нам так трудно понять настоящее?» Это открытое признание в неспособности взглянуть через капитализм в будущее около 1820 г. отнюдь не должно было послужить к стыду Сисмонди, ибо это было время, когда господство крупного промышленного капитала только что перешагнуло через свой исторический порог и когда идея социализма была возможна лишь в ее утопическом виде. Но так как Сисмонди таким образом не мог ни выйти за пределы капитализма, ни вернуться назад, то для его критики остался лишь мелкобуржуазный средний путь. Скептицизм по отношению к возможности полного развития капитализма и тем самым производительных сил приводил Сисмонди к тому, что он призывал

замедлять накопление и умерить бурное движение к расширению господства капитала. И в этом кроется реакционная сторона его критики¹.

Глава четырнадцатая

МАЛЬТУС

Одновременно с Сисмонди частичную войну против школы Рикардо вел Мальтус. Во втором издании своего труда и в своих полемических статьях Сисмонди многократно ссылается на Мальтуса как на лучшего свидетеля. Общность взглядов, высказанных им в его выступлениях, со взглядами Мальтуса он формулирует в «Revue Encyclopedique» в следующих словах:

«С другой стороны, Мальтус утверждал в Англии (против Рикардо и Сэя), подобно тому как и я пытался делать на континенте, что

¹ В своей истории оппозиции против школы Рикардо и ее разложения Маркс касается Сисмонди лишь слегка. В одном месте он говорит: «я исключаю здесь из своего исторического обзора Сисмонди, потому что критика его взглядов относится к части, которой я займусь лишь после этой работы – к реальному движению капитала (конкуренции и кредит)». («Theorien uber den Mehrwert», т. III, стр. 52.) Но несколько дальше Маркс, в связи с Мальтусом, посвящает одно место – в основных чертах несомненно исчерпывающее – и Сисмонди: «Сисмонди глубоко сознает, что капиталистическое производство себе противоречит, что его формы и его производственные отношения, с одной стороны, побуждают к необузданному развитию производительных сил и богатства; что эти отношения, с другой стороны, являются обусловленными; что их противоречия потребительной стоимости и меновой стоимости, товара и денег, покупки и продажи, производства и потребления, капитала и наемного труда и т. д. принимают тем большие размеры, чем дальше развиваются производительные силы. Он чувствует именно основное противоречие – необузданное развитие производительной силы и увеличение богатства, которое должно в одно и то же время состоять из товаров и превратиться в деньги, с одной стороны, а с другой стороны, быть основой для ограничения массы производителей необходимыми средствами существования. Поэтому кризисы являются для него не случайностями, как у Рикардо, а существенными проявлениями имманентных противоречий в крупном масштабе и в определенных периоды. Но он постоянно колеблется: должно ли государство сковывать п р о и з в о д и т е л ь н ы е с и л ы, чтобы сделать их адекватными производственным отношениям, или п р о и з в о д с т в е н н ы е о т н о ш е н и я, чтобы сделать их адекватными производительным силам? Он при этом часто переносится в прошлое, становится *laudator om temporis acti* и не прочь бы при помощи того или другого регулирования прибыли по отношению к капиталу или распределения по отношению к производству преодолеть эти противоречия, не понимая, что распределительные отношения являются лишь производственными отношениями *sub alia specie*. Он убедительно к р и т и к у е т противоречия буржуазного производства, но он не понимает его и не понимает поэтому и процесса его разложения. (Как же было это понимать, когда производство находилось еще в стадии своего образования? – Р. Л.) Но, что у него лежит в основе, так это, по существу, понимание, что производительным силам, развившимся в недрах капиталистического общества, и материальным и социальным условиям создания богатства должны соответствовать н о в ы е формы присвоения этого богатства; что буржуазные формы присвоения этого богатства являются лишь преходящими и полными противоречий формами, в которых богатство всегда принимает лишь противоречивое существование и в то же время всюду выступает как своя собственная противоположность. Богатство всегда имеет своей предпосылкой бедность и развивается, лишь развивая последнюю» (I. с., стр. 55).

потребление не является неизбежным следствием производства, что потребности и желания людей, правда, не ограничены, но эти потребности и желания могут быть удовлетворены лишь постольку, поскольку они соединены со средствами обмена. Мы утверждали, что недостаточно создать эти средства обмена, чтобы они попадали в руки тех, которые имеют эти потребности и желания. Часто, наоборот, случается, что в то время, когда в обществе увеличиваются средства обмена, спрос на труд или заработная плата уменьшается; желания и потребности одной части населения не могут тогда быть удовлетворены, и потребление также уменьшается. Наконец мы утверждали, что действительным признаком благоденствия общества является не увеличение производства богатств, а увеличение спроса на труд или заработной платы, вознаграждающей этот труд. Рикардо и Сэй не отрицали, что увеличение спроса на труд оставляет признак благоденствия, но они утверждали, что это является неизбежным результатом увеличения производства.

Мальтус и я отрицали это. Мы утверждали, что увеличение спроса на труд и увеличение производства происходят вследствие совершенно независимых, а иногда даже противоположных причин. По нашему мнению рынок переполняется, если спрос на труд не предшествует производству: новое производство в этом случае является причиной разорения, а не благоденствия»¹.

Эти слова создают впечатление, что между Сисмонди и Мальтусом – по крайней мере в их оппозиции против Рикардо и его школы – существует полное согласие и что они являются собратьями по оружию. Маркс считает книгу Мальтуса «Principles of Political Economy», появившуюся в 1820 г., попросту плагиатом «Nouveaux Principes», которые вышли годом раньше. Однако в интересующем нас вопросе между обоими авторами встречается часто прямое противоречие.

Сисмонди критикует капиталистическое производство, он энергично нападает на него и является его обличителем. Мальтус – апологет капиталистического производства, правда, не в том смысле, чтобы подобно Мак Куллоху и Сэю отрицать его противоречия, а наоборот: он самым жестоким образом возводит эти противоречия в степень закона природы и признает их абсолютно священными. Руководящей точкой зрения Сисмонди являются интересы рабочих; цель, к которой он стремится – хотя и в общей и неопределенной форме, – заключается в решительной форме распределения в инте-

В «Нищете философии» Маркс, возражая Прудону, в нескольких местах цитирует Сисмонди, но высказывается о нем самом лишь в следующем кратком предложении: «Люди, подобно Сисмонди желающие возвратиться к правильной пропорциональности производства, сохраняя однако все основы современного общества, являются реакционерами, так как ради последовательности они должны были бы желать возвращения и всех прочих условий промышленности минувших времен». В «К критике политической экономии» Сисмонди кратко упоминается два раза – в одном месте он в качестве последнего классика буржуазной экономии во Франции сравнивается с Рикардо в Англии; в другом месте отмечается, что Сисмонди в споре против Рикардо подчеркивал специфически общественный характер труда, создающего стоимость. Наконец в «Коммунистическом манифесте» Сисмонди называется главой мелкобуржуазного социализма.

¹ Ср. Ж. Симонд де-Сисмонди, Новые начала политической экономии. Перевод Эфрусси. Москва, 1897 г., стр. 246-247. – Прим. пер.

ресах пролетариев. Мальтус – идеолог интересов тех паразитических слоев капиталистической эксплуатации, которые кормятся за счет земельной ренты и казенного пирога; цель, которую он защищает, заключается в передаче возможно большей части прибавочной стоимости этим «непроизводительным потребителям». Общая точка зрения Сисмонди по преимуществу этическая и социально-реформистская: он исправляет классиков, подчеркивая в противовес им, что единственной целью накопления является потребление; он выступает защитником сокращения накопления. Мальтус, наоборот, резко заявляет, что накопление служит единственной целью производства; он защищает безграничное накопление, производимое капиталистами, – накопление, которое он хочет дополнить и обеспечить безграничным потреблением паразитов. Наконец исходной точкой критики Сисмонди был анализ процесса воспроизводства, отношение между капиталом и доходом в общественном масштабе. Мальтус в своей оппозиции против Рикардо исходит из абсурдной теории стоимости и выведенной из нее вульгарной теории прибавочной стоимости, теории, которая хочет объяснить капиталистическую прибыль надбавкой на стоимость товаров¹.

Мальтус выступает в шестой главе своей книги «Definitions in Politikal Economy», появившейся в 1827 г. и посвященной Джемсу Миллю, с подробной критикой положения об идентичности предложения и спроса. В своих «Elements of Politikal Economy» (стр. 233) Милль пишет: «Что необходимо понимать под нашими словами, когда мы говорим, что предложение и спрос приспособляются друг к другу (accomodated to one another)? Под этим мы понимаем, что блага, произведенные большим количеством труда, обмениваются на блага, произведенные таким же количеством труда. Если согласиться с этим допущением, тогда все остальное ясно. Так, если пара башмаков производится таким же количеством труда, как шляпа, то спрос будет совпадать с предложением до тех пор, пока шляпа обменивается на башмаки. Если случится, что башмаки упадут в стоимости по сравнению со шляпой, то это покажет, что на рынок доставлено больше башмаков, чем шляп. Башмаков в этом случае было бы больше, чем нужно. Почему? Потому что продукт определенного количества труда в башмаках уже не может быть обменен на другой продукт такого же количества труда. Но по той же причине количество шляп было бы недостаточно, потому что известная сумма труда, представленная в шляпах, была бы теперь обменена на большую сумму труда в башмаках».

Против этой нелепой тавтологии Мальтус выдвигает два соображения. Прежде всего он обращает внимание Милля на то, что его построения висят в воздухе. На самом деле пропорции, в которых обмениваются шляпы и башмаки, могут остаться совершенно неизменными, и тем не менее и башмаков и шляп может быть в количестве больше, чем спрос. И это проявится в том, что и башмаки и шляпы будут продаваться по ценам, которые стоят ниже издержек производства (плюс соответствующая прибыль). «Но мож-

¹ Ср. Marx, Theorien uber den Mehrwert, В. III, S. 1-29, где дан обстоятельный анализ мальтусовской теории стоимости и прибыли.

но ли, – спрашивает Мальтус, – сказать в этом случае, что предложение шляп соответствует спросу на шляпы, или что предложение башмаков соответствует спросу на башмаки, раз те и другие имеются в таком избытке, что они не могут быть обменены при тех условиях, которые обеспечивают их непрерывное предложение?»¹

Итак, Мальтус выдвигает против Милля возможность всеобщего перепроизводства: «По сравнению с издержками производства все товары могут подниматься или падать (в предложении) одновременно»².

Во-вторых, он протестует против излюбленной манеры Милля, Рикардо и их эпигонов приспособлять свои тезисы к непосредственному обмену продуктами. «Плантатор хмеля, – говорит Мальтус, – доставляя на рынок, скажем, сто мешков хмеля, думает о предложении шляп и башмаков так же мало, как о солнечных пятнах. О чем же он в таком случае думает? И что он хочет получить в обмен за свой хмель? Господин Милль, кажется, того мнения, что сказать, что продавец хмеля хочет получить деньги, значило бы проявить величайшее невежество в политической экономии. И тем не менее я отнюдь не боюсь быть обличенным в величайшем невежестве и заявляю, что ему (плантатору) нужны именно деньги».

Ибо рента, которую он должен платить землевладельцу, заработная плата, которую он должен платить рабочим, и наконец покупка сырых материалов и орудий, которые нужны ему для продолжения посевов, могут быть покрыты только деньгами. На этом пункте Мальтус особенно настаивает: он считает прямо-таки «поразительным», что экономисты по призванию прибегают к самым рискованным и невероятным примерам охотнее, чем к допущению наличности денежного обмена³.

Впрочем Мальтус удовлетворится тем, что описывает как понижение цен ниже уровня издержек производства, вызванное слишком большим предложением, автоматически вызывает сокращение производства, и наоборот. «Но эта тенденция лечить перепроизводство и недопроизводство естественным ходом вещей не является доказательством того, что эти болезненные явления не существуют».

Итак, Мальтус, несмотря на свою особую точку зрения в вопросе о кризисах, идет по тому же самому пути, что и Рикардо, Милль, Сэй и Мак Куллох: для него также существует только товарообмен. Общественный процесс воспроизводства с его важными категориями, и связями, – процесс, захвативший целиком Сисмонди, здесь совершенно не рассматривается.

¹ Мальтус, *Definitions in Political Economy*. 1827, p. 51.

² L. c., p. 64.

³ I suppose they are afraid of the imputation of thinking that wealth consists in money. But though it is certainly true that wealth does not consist in money, it is equally true that money is a most powerful agent in the distribution of wealth, and those who, in a country where all exchanges are practically effected by money, continue the attempt to explain the principles of demand and supply, and the variations of wages and profits, by referring chiefly to hats, shoes, corn, suits of clothing, &, must of necessity fail (l. c., p. 60, примечание).

При таких значительных разногласиях в понимании основных положений общее между критикой Сисмонди и критикой Мальтуса заключается единственно в следующем:

1. Оба они, в противовес рикардианцам и Сэю, отвергают закон о предустановленном равновесии между потреблением и производством.

2. Оба они настаивают на возможности не только частичных, но и общих кризисов.

Но этим общее между ними ограничивается. Если Сисмонди ищет причину кризисов в низком уровне заработной платы и в ограниченной потребительной способности капиталистов, то Мальтус, напротив того, превращает низкие заработные платы в естественный закон народонаселения, а для ограниченного потребления капиталистов он находит компенсацию в виде потребления паразитов прибавочной стоимости, каковы земельная аристократия и духовенство, которые отличаются безграничной способностью к потреблению богатства и роскоши, ибо церковь обладает хорошим желудком.

И если оба, Мальтус и Сисмонди, для блага капиталистического накопления и для спасения его из затруднительного положения ищут категорию потребителей, которые покупают, не продавая, то Сисмонди ищет ее для того, чтобы сбыть избыток общественного продукта над потреблением рабочих и капиталистов, т. е. капитализированную часть прибавочной стоимости, а Мальтус – для того, чтобы вообще создавать прибыль. Но как лица, получающие ренту и живущие за счет государства, т. е. слои, которые сами должны получать покупательные средства главным образом из рук капиталистов, могут покупкой товаров с надбавкой на их цену способствовать присвоению капиталистами прибыли – это остается конечно тайною Мальтуса. При столь значительных разногласиях общее между Мальтусом и Сисмонди могло иметь лишь весьма поверхностный характер. И если Мальтус, по выражению Маркса, превращает «Nouveaux Principes» Сисмонди в мальтузианскую карикатуру, то Сисмонди, выдвигая лишь то, что у него есть общего с Мальтусом, и цитируя его как неоспоримого свидетеля, делает мальтусовскую критику против Рикардо слишком сисмондистской. С другой стороны, Сисмонди при случае поддается влиянию Мальтуса: это проявляется например тогда, когда он перенимает отчасти его теорию расточительности государства как необходимого содействия накоплению – теорию, которая находится в прямом противоречии с его собственным исходным положением.

В общем Мальтус не внес ничего своего в проблему воспроизводства и даже не понял ее: в споре с рикардианцами он, подобно последним в их споре с Сисмонди, вращается главным образом в понятиях простого товарного обращения. В споре между ним и школой Рикардо речь шла о непроизводительном потреблении паразитов прибавочной стоимости; это был спор о распределении прибавочной стоимости, а не об общественных основах капиталистического производства. Построения Мальтуса рушатся, коль скоро установлены его абсурдные ошибки в теории прибыли. Критика Сисмонди удерживает свои позиции, а его проблема остается нерешенной, хотя он и принимает теорию стоимости Рикардо со всеми выводами из нее.

ВТОРОЙ СПОР

[Спор между Родбертусом и Кирхманом.]

Глава пятнадцатая

КИРХМАНОВСКАЯ ТЕОРИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА

Поводом ко второй теоретической полемике о проблеме накопления также послужили актуальные события. Если Сисмонди побудили к его оппозиции против классической школы первый английский кризис и вызванные им страдания рабочего класса, то толчок к критике капиталистического производства был дан Родбертусу – почти 25 лет спустя после Сисмонди – выросшим за это время революционным рабочим движением.

Восстание ткачей шелковой промышленности в Лионе и чартистское движение с их критикой «чудеснейшей» из общественных форм подействовали на буржуазию гораздо более ошеломляюще, чем туманные призраки, вызванные на сцену первым кризисом. Самое раннее социально-экономическое произведение Родбертуса, относящееся по всей вероятности к концу 30-х годов, написанное для «Augsburger Allgemeine Zeitung», но не принятое этой газетой, носит характерное заглавие: «Требования трудящихся классов» и начинается следующими словами: «Чего хотят трудящиеся классы? Смогут ли прочие не дать им этого? Будет ли то, чего они хотят, могилой современной культуры? – Что история когда-нибудь будет ставить эти вопросы с необыкновенной настойчивостью, это давно знал всякий мыслящий человек, но благодаря собраниям чартистов и бирмингамским сценам это стало известно всем». Недалеко было то время, когда брожение революционных идей Франции 40-х годов нашло свое выражение в разных тайных обществах и социалистических школах – прудонистов, бланкистов, приверженцев Кабэ, Луи Блана и т. д., – и когда оно Февральской революцией, прокламированием «права на труд», июньскими днями и первым генеральным сражением между двумя мирами капиталистического общества вызвало взрыв таящихся в его недрах противоречий – взрыв, составляющий эпоху. Что касается другой видимой формы этих противоречий, именно кризисов, то ко времени второго спора материалы и наблюдения, относящиеся сюда, были несравненно богаче, чем в начале 20-х годов XIX столетия. Дебаты между Родбертусом и Кирхманом происходили под непосредственным впечатлением кризисов 1837, 1839, 1847 гг. и даже первого мирового кризиса 1857 г. (интересная работа Родбертуса «Die Handelskrisen und die Hypothekennot der Grundbesitzer» относится к 1858 г.). Внутренние противоречия капиталистического хозяйства дали таким образом на глазах у Родбертуса гораздо более резкую критику учений о гармонии английских классиков и их вульгаризаторов в Англии и на континенте, чем в те времена, когда возвысил свой голос Сисмонди. Что критика Родбертуса находилась впрочем под непосредственным влиянием Сисмонди, доказывает цитата из Сисмонди в самом раннем произведении Родбертуса. Таким образом Родбертус несомненно был знаком с современной ему фран-

цузской литературой оппозиции против классической школы и пожалуй в меньшей мере с гораздо более богатой английской литературой, – в этом факте заключается, как известно, единственный и притом слабый аргумент легенды германского профессорского мира о так называемом «первенстве» Родбертуса перед Марксом в деле «обоснования социализма». Так, проф. Диль в своем очерке о Родбертусе, в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» пишет: «Родбертуса, собственно, следует считать обоснователем научного социализма в Германии, потому что он еще до Маркса и Лассаля дал в своих сочинениях, относящихся к 1839 и 1842 гг., законченную социалистическую систему – критику смитианства, новый теоретический фундамент и проекты социальных реформ». И это со спокойной совестью пишется в 1901 г. (во 2-м издании) – после того и вопреки тому, что Энгельс, Каутский и Меринг написали в опровержение профессорской легенды. Впрочем тот факт, что монархически, националистически и по-прусски настроенный «социалист» Родбертус – этот коммунист для будущего, которое последует через 500 лет, и сторонник твердой нормы эксплуатации в 200% для настоящего – должен был в глазах германских ученых политико-экономов раз навсегда отвоевать пальму «первенства» у международного «разрушителя» Маркса, – этот факт вполне понятен, и никакие убедительные доказательства не в состоянии его поколебать. Но нас интересует здесь другая сторона родбертусовского анализа. Тот же самый Диль, продолжая свой панегирик, пишет: «Но Родбертус проложил новые пути не только для социализма: он двинул вперед всю экономическую науку; особенно обязана ему теоретическая экономия благодаря критике экономистов – классиков экономии, благодаря новой теории распределения общественного дохода, благодаря различию, проведенному им между логическими и историческими категориями капитала и т. д.» Этими великими деяниями Родбертуса, в особенности этим «и т. д.», мы здесь и займемся.

Поводом к полемике между Родбертусом и Кирхманом послужило основное сочинение первого: «Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlichen Zustände»¹, вышедшее в 1842 г. Кирхман ответил Родбертусу в «Demokratische Blätter» в двух статьях: «Ueber die Grundrente in sozialer Beziehung» и «Die Tauschgesellschaft»². В ответ на эти статьи Родбертус выступил в 1850 и 1851 гг. со своими «Социальными письмами».

В этих работах дискуссия перешла в ту же теоретическую область, в которой на 30 лет раньше разыгралась полемика между Мальтусом – Сисмонди и Сэй – Рикардо – Мак Куллохом. Родбертус уже в своем самом раннем произведении высказал ту мысль, что заработная плата в современном обществе при возрастающей производительности труда становится все меньшей и меньшей долей национального продукта, – мысль, которую он считал своею, но которую он с того времени, как он ее высказал, и вплоть до своей смерти, следовательно в продолжение трех десятилетий, сумел только постоянно повторять и вариировать. В этом падении доли заработной

¹ «К познанию нашего государственно-хозяйственного положения».

² «О земельной ренте в социальном отношении» и «Меновое общество».

платы Родбертус усматривал общий корень всех зол современного хозяйства, в особенности пауперизма и кризисов, которые он обозначал вместе как «социальный вопрос современности».

Кирхман с этим объяснением не согласен. Он объясняет пауперизм влиянием возрастающей земельной ренты, а кризисы – недостатком в рынках сбыта. Относительно последнего он утверждает, что «большая часть социальных зол лежит не в недостаточном производстве, а в недостаточном сбыте продуктов, что чем больше страна в состоянии производить, чем больше у нее средств для удовлетворения всех потребностей, тем больше она подвержена опасности нищеты и лишений». Этим самым дано объяснение и рабочему вопросу, ибо «пользующееся сомнительной славой право на труд разрешается в конце концов в вопросе о рынках сбыта (Absatzweg)». «Итак, – заключает Кирхман, – социальный вопрос почти идентичен с вопросом о рынках сбыта. Даже зло конкуренции, которую там много поносили, исчезнет при наличии надежных рынков сбыта; останется только то, что в ней есть хорошего, – останется соревнование, благодаря которому будут поставляться хорошие и дешевые товары, но исчезнет борьба на жизнь и на смерть, – борьба, причина которой заключается лишь в недостаточных рынках сбыта»¹.

Различие между точкой зрения Родбертуса и Кирхмана резко бросается в глаза. Родбертус видит корень зла в неправильном распределении национального продукта, Кирхман – в ограниченности рынков для капиталистического производства. При всей путанице в рассуждениях Кирхмана, – в особенности в его идиллическом представлении о капиталистической конкуренции, которая сведется к похвальному соревнованию в производстве лучших и самых дешевых товаров, и в его разрешении «пользующегося сомнительной славой права на груд» вопроса о рынках, – он отчасти обнаруживает однако гораздо больше понимания большого вопроса капиталистического производства – ограниченности сбыта, чем Родбертус, который держится за вопрос о распределении. Итак, вопрос, который раньше был поставлен в порядок дня Сисмонди, на этот раз был поднят Кирхманом. При всем этом Кирхман отнюдь не согласен с освещением и разрешением проблемы, которую дает Сисмонди; он стоит скорее на стороне оппонентов Сисмонди. Он принимает не только рикардовскую теорию земельной ренты, не только смитовский догмат, «согласно которому цены товаров слагаются лишь из двух частей – из прибыли на капитал и из заработной платы» (Кирхман превращает прибавочную стоимость в «прибыль на капитал»), но и положение Сэя-Рикардо, по которому продукты покупаются только продуктами, а производство создает свой собственный сбыт, так что там, где кажется, что на одной стороне произведено слишком много, на самом деле на другой стороне произведено слишком мало. Итак, Кирхман следует по стопам классиков, но это во всяком случае «немецкое издание классиков» с разнообразными «но» и «если». Так, Кирхман прежде всего находит, что закон Сэя о естественном равновесии между производ-

¹ Доказательства Кирхмана подробно и буквально цитируются Родбертусом. Полного экземпляра «Demokratische Blätter» с подлинной статьей, по уверению издателя Родбертуса, достать невозможно.

ством и спросом «не исчерпывает еще действительности», и прибавляет: «В обращении скрыты еще другие законы, которые препятствуют чистому проявлению этих положений; благодаря одному только открытию этих законов можно объяснить современное переполнение рынков, а быть может найти и путь, чтобы избежать этого огромного зла. Мы полагаем, что причиной, порождающей противоречия между указанным не подлежащим сомнению законом Сэя и действительностью являются три факта в современной общественной системе». Эти факты заключаются, во-первых, в «слишком неравномерном распределении продуктов» – здесь Кирхман в значительной мере склоняется, как мы видим, к точке зрения Сисмонди, – во-вторых, в трудностях, которые природа уготовила для человеческого труда при добыче сырья, и наконец в несовершенстве торговли как посреднической операции между производством и потреблением. Не останавливаясь подробнее на двух последних «препятствиях», мешающих проявлению закона Сэя, рассмотрим аргументацию Кирхмана в связи с первым пунктом:

«Первый факт, – заявляет он, – короче говоря, состоит в том, «что заработная плата стоит слишком низко» и что отсюда возникает застой в сбыте. Тому, кто знает, что цены товаров составляются лишь из двух частей – из прибыли на капитал и из заработной платы, – этот закон может показаться странным, если заработная плата низка, то низки и товарные цены, если первая высока, то высоки и вторые. (Мы видим, что Кирхман принимает смитовский догмат и притом еще в самом превратном его понимании: он говорит не о том, что цена распадается на заработную плату плюс прибавочная стоимость, а что она состоит как простая их сумма, – понимание, в котором Смит дальше всего ушел от своей трудовой теории стоимости.) Заработная плата и цена таким образом прямо пропорциональны и друг друга уравнивают. Англия только для того и уничтожила пошлины на хлеб, на мясо и на другие средства потребления, чтобы понизить заработную плату и дать таким образом возможность фабрикантам вытеснять всех других конкурентов на мировых рынках еще более дешевыми товарами. Это верно однако лишь отчасти и не затрагивает отношения, в котором продукт распределяется между капиталом и рабочими. В этом неравномерном распределении между ними лежит первая и важнейшая причина, почему закон Сэя не имеет места в действительности и почему, несмотря на производство во всех отраслях, все рынки все-таки страдают от переполнения». Это свое утверждение Кирхман подробно иллюстрирует на примере. По образцу классической школы он переносит нас, разумеется, в воображаемое изолированное общество, которое для экономических экспериментов представляет хотя и неблагодарный, но зато и не сулящий никакого сопротивления объект.

Представьте себе местность, – внушает нам Кирхман, – которая охватывает 903 жителей: 3 предпринимателей с 300 рабочих у каждого. Местность эта удовлетворяет все потребности ее жителей собственным производством – тремя предприятиями, из которых одно доставляет одежду, другое – пищу, освещение, отопление и сырье, а третье – квартиру, мебель и орудия. В каждом из этих трех подразделений предприниматель доставляет «капитал вместе с сырьем». Воз-

награждение рабочих в каждом из этих трех предприятий происходит так, что рабочие получают в качестве платы половину годового продукта, а другую половину удерживает предприниматель «в качестве процента на свой капитал и предпринимательской прибыли». Массы продуктов, поставляемой каждым предприятием, как раз хватает для удовлетворения всех потребностей всех 903 жителей. Таким образом эта местность «обладает всеми условиями для всеобщего благоденствия» всех же жителей; в соответствии с этим все охотно и энергично работают, но через несколько дней радость и удовольствие обращаются во всеобщий вопль и скрежет зубовой: на кирхмановском острове счастливых внезапно происходит нечто такое, чего там можно было ожидать так же мало, как и крушения небосвода: "над кирхмановским островом разражается обыкновенный современный торгово-промышленный кризис: 900 работников имеют только самую необходимую одежду, пищу и жилища, а магазины трех предпринимателей полны платьем и сырых материалов; построенные ими жилища пустуют, они жалуются на недостаток сбыта, а рабочие, напротив, жалуются на недостаточное удовлетворение своих потребностей. И откуда *illae lacrimae*? Быть может оттого, что одних продуктов имеется слишком много, а других слишком мало, как это думают Сэй и Рикардо? Нет, отвечает Кирхман: в данной «местности» всех предметов как раз столько и количественное соотношение между ними как раз таково, что их вполне хватило бы для удовлетворения всех потребностей общества. Итак, откуда же происходит «задержка», кризис? Она происходит единственно только от распределения. Но приведем собственно слова Кирхмана: «Причина, препятствующая осуществлению этого (гладкого течения обмена), лежит исключительно в распределении этих продуктов; распределение совершается неодинаково между всеми: предприниматели удерживают в свою пользу в качестве процента и прибыли половину всего продукта и только другую половину отдают рабочим. Ясно, что рабочий, производящий платье, может поэтому выменять на свой продукт только половину продукта, состоящего из пищи, жилищ и т. д.; ясно также, что предприниматели не могут освободиться от своей другой половины, так как ни у кого из рабочих нет больше продукта для обмена на эти вещи. Предприниматели не знают, что им делать со своим запасом; рабочие не знают, куда им деваться со своим голодом и наготой». И читатель, прибавим от себя – не знает, – куда деваться с построениями господина фон-Кирхмана. Его детский пример ставит перед нами вместо одной загадки другую.

Прежде всего совершенно непонятно, на каком основании и для какой цели придумано деление производства на три части. Если в аналогичных примерах Рикардо и Мак Куллоха фабрикантам обычно противопоставляются фермеры, то это только устарелое представление физиократов об общественном воспроизводстве, – представление, которое перенял Рикардо, несмотря на то, что оно после его теории стоимости, противоположной теории физиократов, потеряло всякий смысл, и несмотря на то, что уже Смит сделал существенные попытки для исследования действительных вещественных основ общественного процесса воспроизводства. Тем не менее мы видели, что проведенное физиократами разграничение между сельским хозяй-

ством и промышленностью как основаниями воспроизводства по традиции сохранилось в теоретической политической экономии, пока Маркс не ввел свое разграничение, составившее эпоху: мы говорим о разграничении между двумя общественными подразделениями – производством средств производства и производством средств потребления. Напротив того, смысл трех подразделений Кирхмана вообще непостижим. Так как орудия свалены здесь в одну кучу с мебелью, сырье – с средствами питания, а одежда образует особое подразделение, то очевидно, что при этом разделении играли роль не вещественные точки зрения воспроизводства, а чистый произвол. Точно с таким же успехом можно было бы придумать одно подразделение для средств существования, одежды и построек, другое для аптечных товаров и третье для зубных щеток. Кирхману очевидно нужно было только дать понятие об общественном разделении труда и предложить для обмена несколько групп продуктов по возможности «равной величины». Даже самый обмен, вокруг которого вращаются все рассуждения Кирхмана, в его примере не играет никакой роли, потому что распределяется не стоимость, а масса продуктов, масса потребительных стоимостей как таковых. С другой стороны, в интересной «местности», созданной кирхмановской фантазией, происходит сперва распределение продуктов, а после этого, т. е. после произведенного распределения, должен иметь место всеобщий обмен, а между тем известно, что на нашей грешной земле при капиталистическом производстве обмен, напротив того, направляет и осуществляет распределение продуктов. В кирхмановском распределении происходит при этом самые удивительные вещи: цена продукта, а следовательно, и всего общественного продукта, состоит, «как известно», только из «заработной платы и процента на капитал», т. е. только из $v+m$, и весь продукт соответственно с этим распределяется без остатка между рабочими и предпринимателями; сам Кирхман к своему несчастью обнаружил при этом плохую память: он забыл, что ко всякому производству относится нечто такое, как орудия и сырье. Кирхман контрабандным путем проводит в своей «местности» под средствами питания – сырье и под мебелью – орудия; но в таком случае спрашивается: на чью долю выпадают при всеобщем распределении эти неудобоваримые вещи – на долю ли рабочих в качестве заработной платы, или же на долю капиталистов в качестве предпринимательской прибыли? И те и другие были бы очень благодарны. И при таких условиях еще должен иметь место гвоздь представления – обмен между рабочими и предпринимателями. Основной акт обмена в капиталистическом производстве – обмен между наемными рабочими и капиталистами – Кирхман из обмена между живым трудом и капиталом превращает в обмен продуктами. Не первый акт, не обмен между рабочей силой и переменным капиталом, а второй акт, реализация заработной платы, полученной из переменного капитала, делается центральным пунктом, а весь товарный обмен капиталистического общества, напротив того, сводится к этой реализации заработной платы! Но тут следует самое удивительное: при ближайшем рассмотрении оказывается, что этот обмен между рабочими и предпринимателями, поставленный в фокусе хозяйственной жизни, вообще не имеет места. Ибо после того как все рабочие получили натурой

свою заработную плату и притом в виде половины их собственного продукта, может иметь место лишь обмен между самими рабочими; при этом должно происходить следующее: рабочие обмениваются между собой своими заработками, которые состоят у одних только из одежды, у других только из средств питания и у третьих только из мебели, и обмениваются таким образом, что каждый рабочий реализует свой заработок, причем одну треть в предметах продовольствия, другую в одежде и третью в мебели. С предпринимателями этот обмен не имеет больше ничего общего. Они со своей стороны сидят со своей прибавочной стоимостью, которая состоит из половины произведенной всем обществом одежды, средств продовольствия и мебели, и все вместе, – а их всего трое, – не знают, «куда деваться» с этим хламом. Уж против этого несчастья, созданного Кирхманом, не помогло бы даже самое щедрое распределение продукта. Напротив того, чем больше была бы доля общественного продукта, которая приходится рабочему, тем меньше дела они имели бы с предпринимателем при обмене: увеличился бы только размер взаимного обмена между рабочими. Правда, при этом уменьшилась бы соответствующим образом масса прибавочного продукта, обременяющая предпринимателя, но не потому, что легче стало обменивать прибавочный продукт, а лишь потому, что сама прибавочная стоимость уменьшилась бы. Об обмене прибавочного продукта между рабочими и предпринимателями, как и раньше, не могло бы быть и речи. Надо признаться, что количество собранных здесь на сравнительно незначительном пространстве вздорных утверждений и экономических абсурдов превосходит даже то, что можно простить прусскому прокурору – Кирхман, как известно, был прокурором и притом прокурором, который, к его чести будь сказано, дважды подвергался дисциплинарным взысканиям. Несмотря на это он от своих малообещающих предварительных положений прямо переходит к делу. Он признается, что невозможность реализации (*Unverwendbarkeit*) прибавочной стоимости дается здесь его собственной предпосылкой – конкретной потребительной формой прибавочного продукта. Он заставляет теперь предпринимателей, присвоивших себе в качестве прибавочной стоимости половину всего общественного труда, производить не «обыкновенные товары», предназначенные для рабочих, а предметы роскоши. Так как «предметы роскоши по своей сущности таковы, что они дают возможность потребителю потреблять больше капитала и рабочей силы, чем это возможно при обыкновенных товарах», то три предпринимателя совершенно самостоятельно устраивают дело так, что потребляют всю половину затраченного обществом труда в виде кружев, элегантных карет и т. п. Теперь не остается ничего такого, чего нельзя было бы продать; кризисы счастливым образом удалось устранить, перепроизводство раз навсегда сделано невозможным, капиталисты, равно как и рабочие, живут в надежных условиях. Чудодейственное средство Кирхмана, создавшее все эти благодеяния и восстановившее равновесие между производством и потреблением, носит название роскоши! Другими словами, совет, который этот добрый человек дает капиталистам, не знающим, куда деваться с своей прибавочной стоимостью, не поддающейся реализации, заключается в том, чтобы они сами потребили ее. Но ведь предметы роскоши в капи-

талистическом обществе являются открытием, данным давно известным, и тем не менее кризисы свирепствуют. – Почему же это так? «Ответ, – поучает нас Кирхман, – может быть только тот, что этот застой в сбыте происходит в действительном мире исключительно потому, что с л и ш к о м м а л о роскоши, или, другими словами, потому, что капиталисты, т. е. те, которые имеют средства для потребления, потребляют еще слишком мало». Но это неуместное воздержание капиталистов происходит от дурной привычки, несправедливо поощряемой политической экономией, – от склонности к э к о н о м и и в целях «производительного потребления». Иначе говоря, к р и з и с ы п р о и с х о д я т о т н а к о п л е н и я – таков главный тезис Кирхмана. Он доказывает его на примере, трогательном по своей наивности. Предположим, – говорит он, – случай «наиболее превозносимый политической экономией», – случай, когда предприниматели рассуждают так: мы не хотим расточать до последнего гроша на пышность и роскошь, мы хотим снова употребить их производительно. Что это означает? Не что иное, как основание всякого рода новых производственных предприятий, посредством которых снова получают продукты; продажа этих продуктов может дать проценты (Кирхман хочет сказать – прибыль. – Р. Л.) на всякий капитал, сбереженный от доходов, не растраченных тремя предпринимателями и вложенный ими в дело. Три предпринимателя решаются сообразно этому потреблять лично только продукт 100 рабочих, т.е. значительно ограничить свою роскошь, а рабочую силу остальных 350 рабочих вместе с капиталом, который употребляется ими, обратить на устройство новых производительных предприятий. Здесь возникает вопрос, на какие производственные предприятия следует употребить эти доходы? «Три предпринимателя имеют лишь один выбор: или снова заняться производством обыкновенных товаров или же взяться за предметы роскоши», так как, по мнению Кирхмана, постоянный капитал не воспроизводится, а весь общественный продукт состоит исключительно только из средств потребления. Но тут предприниматели приходят к уже известной нам дилемме: если они будут производить «обыкновенные товары», то возникнет кризис, так как рабочие не располагают средствами для покупки этих дополнительных средств существования – ведь им уже уделена половина всей стоимости продуктов; но если они будут производить предметы роскоши, то они сами должны будут их потребить. *Tertium non datur*. Внешняя торговля также не может ничего изменить в этой дилемме, так как влияние торговли заключается лишь в том, что «увеличивается разнообразие товаров внутреннего рынка» или повышается производительность. «Итак, или эти иностранные товары – обыкновенные товары, тогда капиталист не захочет их купить, а рабочий не в состоянии их купить, потому что он не располагает средствами, или это предметы роскоши, тогда рабочий еще м е н е в с о с т о я н и и их купить, а капиталист также не станет их покупать благодаря своему стремлению к экономии». Как ни примитивны доказательства Кирхмана, но в его основной мысли находит свое вполне ясное выражение центр тяжести теоретической экономии: в обществе, состоящем единственно только из рабочих и капиталистов, накопление оказывается невозможным явлением. Кирхман делает

отсюда такого рода выводы: он открыто выступает против накопления, «сбережения» и «производительного потребления» прибавочной стоимости, страстно полемизирует против поддержки этих ошибок классической политической экономией и проповедует в качестве средства против кризисов роскошь, которая увеличивается вместе с повышением производительности труда. Итак мы видим, что если Кирхман в своих теоретических предпосылках был карикатурой на Сэя-Рикардо, то он в своих выводах является карикатурой на Сисмонди. Необходимо однако твердо помнить постановку вопроса, которую дает Кирхман, чтобы иметь возможность оценить антикритику Родбертуса и результаты спора.

Глава шестнадцатая

РОДБЕРТУСОВСКАЯ КРИТИКА КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Родбертус роет глубже, чем Кирхман. Он ищет корень зла в самых основах общественной организации и объявляет ожесточенную войну господствующей фритрэддерской школе. Правда, он выступает не против системы беспрепятственного товарного обращения или свободы промыслов, которые он целиком принимает, а против манчестерства, против *laissez faire* во внутренних социальных отношениях хозяйства. В его время период бури и натиска классической экономии уже сменился господством беззастенчивой апологетики, которая нашла свое удачнейшее выражение в сказочном вульгаризаторе и идоле всех филистеров – в Фредерике Бастиа с его «гармониями», вскоре начали свирепствовать и разные Шульцы, эти жалкие и бледные немецкие копии французского пророка «гармонии». Против этих беззастенчивых коммивояжеров свободной торговли Родбертус и направил свою критику: «Пять шестых нации, – восклицает он в своем «Первом социальном письме» к Кирхману (в 1850 г.), – до сих пор не только лишены большинства благоденствий цивилизации, благодаря незначительности своего дохода, но время от времени им приходится переживать самые страшные вторжения настоящей нищеты, под вечной угрозой которой они постоянно находятся. И тем не менее они являются творцами всего общественного богатства. Их труд начинается с восходом солнца и кончается с его заходом, он длится вплоть до ночи. И никакое усилие не в состоянии изменить этой участи. Не будучи в состоянии повысить свой доход, они теряют даже тот остаток времени, который мог бы служить их духовному развитию. Мы готовы принять, что прогресс цивилизации до сих пор нуждается как в пьедестале в столь многих страданиях. Но вот неожиданно открывается возможность изменить эту печальную необходимость, она открывается благодаря ряду изумительнейших изобретений, более чем в сто раз умножающих рабочую силу человека. Национальное богатство – национальное имущество в отношении к населению растет благодаря этому в возрастающей прогрессии. Я спрашиваю: может ли быть более естественный вывод, более справедливое требование, нежели то, что и создатели этого старого и нового богатства должны иметь какую-нибудь выгоду от этого роста? Их доход должен

личиться, или должно сократиться время их труда, или все большее и большее число их членов должно переходить в ряды тех счастливых, которые имеют преимущественное право срывать плоды труда! Но государственное хозяйство, или лучше народное хозяйство, оказалось в состоянии осуществить только нечто противоположное всему этому. В то время как национальное богатство растет, растет и обеднение тех классов. Приходится даже издавать специальные законы против удлинения рабочего времени, число людей, принадлежащих к рабочим классам, увеличивается в конце концов быстрее, нежели остальные классы. Но этого еще недостаточно! В сотни раз возросшая рабочая сила, которая не могла облегчить положение пяти шестых нации, периодически становится ужасом и для остальной шестой нации, а благодаря этому и для всего общества». «Итак, какие противоречия в особенности в хозяйственной области! И какие противоречия вообще в области общественной! Общественное богатство растет, а спутником этого роста является рост нищеты. Созидательные силы производительных средств растут, а результатом этого является их приостановка. Общественный строй требует, чтобы материальное положение рабочих классов было поставлено на одинаковую высоту с их политическим положением, а хозяйственный порядок отвечает на это еще более глубоким принижением. Общество нуждается в беспрепятственном развитии своего богатства, а нынешние руководители производства должны задерживать это развитие, чтобы не способствовать увеличению нищеты. Только в одном есть гармония! Извращенности такого порядка вещей соответствует извращенность господствующей части общества, извращенность, выражающаяся в том, что основания этого зла ищут там, где его нет. Тот эгоизм, который слишком часто облекается в костюм морали, усматривает причину пауперизма в пороках рабочих. На их мнимую притязательность и нехозяйственность взваливает он то, в чем повинны по отношению к рабочим могущественные факты. В тех случаях, когда нельзя уже не видеть их невиновности, создается теория «о необходимости бедности». Без устали взывает он к рабочим: *ora et labora*, ставит им в обязанность воздержание и бережливость. В крайнем случае, к нужде рабочих присоединяются еще правонарушения принудительных сберегательных учреждений. Он не замечает, что слепая сила обращения превращает молитву о труде в проклятие вынужденной безработицы, что... бережливость есть невозможность или жестокость, наконец, что мораль всегда оставалась бесплодной в устах тех, о ком поэт сказал: «Тайком они пьют вино, а открыто проповедуют воду»¹.

Если эти смелые слова сами по себе через тридцать лет после Сисмонди и Оуэна, через двадцать лет после жалоб английских социалистов из школы Рикардо, после чартистского движения, после июньской бойни, и *last not least*, после появления «Коммунистического манифеста» и не могли претендовать на новизну, то тем важнее было теперь дать научное обоснование этих обвинений. Родбер-

¹ Dr. Carl Rodbertufs-Jagetzow, *Schriften*, 1899, Bd. III, стр. 172-174, 184. Ср. Первое письмо. Перевод И. Давыдова. Изд. «Начало» стр. 51, 58 – Прим. пер.

тус дает здесь целую систему, которую можно свести к следующим кратким положениям.

Исторически достигнутая высота производительности труда вместе с «институтами положительного права», т. е. частной собственностью, вызвали благодаря законам «обращения, предоставленного самому себе» целый ряд извращенных и антиморальных явлений.

1. Вместо «нормальной», «конституированной стоимости», мы имеем меновую стоимость, а благодаря меновой стоимости мы вместо истинных, «соответствующих своей идее» бумажных («Papierstreifengeld») или «трудовых» денег, имеем современные металлические деньги. «Первая (истина) состоит в том, что все хозяйственные блага составляют п р о д у к т т р у д а, или, выражаясь иначе, что один труд производителен. Это положение однако не значит, что стоимость продукта всегда равна затраченному труду, другими словами, что труд уже в настоящее время может представлять масштаб стоимости». Напротив, правда то, «что это не есть экономический ф а к т, а только еще экономическая идея»¹.

«Если бы стоимость могла быть конституирована по количеству труда, затраченного на продукт, то возможно представить себе еще иной вид денег, которые состояли бы, так сказать, из листков, вырванных из упомянутой общей счетной книги, – из квитанций, написанных на самом дешевом материале – на бумаге. Квитанции эти всякий мог бы получить за произведенную им стоимость и, как свидетельство на такую же величину стоимости, он снова мог бы реализовать их в распределяемой части национального продукта... Если однако стоимость по каким-нибудь причинам не может быть или еще не может быть конституирована, то деньги должны таскать с собой ту стоимость, которую они должны ликвидировать. Они должны выступать в качестве равноценности, залога или гарантии. Это значит, что они сами должны состоять из ценного блага, из золота или серебра»². Но лишь только мы имеем дело с капиталистическим товарным производством, как все становится на голову: «Конституирование стоимости должно прекратиться, так как последняя может быть теперь только меновой стоимостью»³. И «так как стоимость не может быть конституирована, то и деньги не могут быть только деньгами; они не могут вполне соответствовать своей идее»⁴. «Меновая стоимость продуктов при справедливом вознаграждении в обмене должна была бы равняться тому количеству труда, которого они стоили; в продуктах всегда должны были бы обмениваться равные количества труда». Но если даже предположить, что всякий человек производит потребительные стоимости, которые необходимы для Других, то «все еще должен был бы всегда предшествовать правильный расчет, уравнение и установление заключающихся в обмениваемых продуктах количеств труда, и должен бы существовать закон,

¹ Л. с., т. II, стр. 104-105. ср. Родбертус-Ягцов, К освещению социального вопроса. Пер. М. Н. Соболева. Спб. 1908, стр. 93-94. – Прим. пер.

² Л. с., т. I, стр. 99. Ср. Родбертус, Четвертое социальное письмо Кирхману. Перевод И. Давыдова. Изд. «Начало», стр. 65. – Прим. пер.

³ Л. с., т. I, стр. 116.

⁴ Л. с., т. I, стр. 176.

которому подчинялись бы обменивающиеся лица, так как здесь идет дело о человеческом познании и человеческой воле»¹.

Родбертус, как известно, настойчиво подчеркивает свой приоритет перед Прудоном в открытии «конституированной стоимости», и это право ему охотно можно предоставить. Насколько призрачна была эта «идея», теоретически использованная и практически похороненная в Англии уже задолго до Родбертуса, и в какой степени эта самая «идея» была утопическим искажением теории стоимости Рикардо, исчерпывающим образом показали Маркс в своей «Нищете философии» и Энгельс в своем предисловии к этой работе. Мы поэтому считаем излишним останавливаться здесь на этой мелодии будущего, разыгранной на игрушечной трубе.

2. Из «менового общения» («Tauschverkehr») получилась «деградация» труда к роли товара, и заработная плата превратилась в «стоимость издержек» («Kostenwert») вместо того, чтобы быть фиксированной долей участия в продукте. Совершая смелый исторический прыжок, Родбертус выводит свой закон заработной платы прямо из рабства; при этом он рассматривает специфический отпечаток, который капиталистическое товарное производство накладывает на эксплуатацию лишь как обманчивую ложь (tauschende Lüge), и осуждает его с моральной точки зрения. «Пока самые производители составляли еще собственность непроизводителей, пока существовало рабство, величина этой доли (доли трудящихся) определялась односторонне частной выгодой «господ». С тех пор как производители получили полную личную свободу, но большего ничего еще не достигли, обе стороны предварительно договариваются относительно заработной платы. Заработная плата, как выражаются теперь, является предметом «свободного договора», т. е. конкуренции. Поэтому естественно, что труд подлежит тем же законам меновой стоимости, что и продукты, он сам обладает меновой стоимостью, размер заработной платы зависит от действия предложения и спроса». Ставя таким образом вещи на голову и выводя меновую стоимость рабочей силы из конкуренции, он тут же, конечно, выводит стоимость рабочей силы из ее меновой стоимости: «При господстве законов меновой стоимости труд, подобно продуктам, обладает своего рода «стоимостью издержек», которая обнаруживает силу притяжения на его меновую стоимость, на размер заработной платы. Это тот размер заработной платы, который необходим «для поддержания труда в надлежащем состоянии», т.е. для того, чтобы обеспечить дальнейшее существование рабочей силы хотя бы в потомстве рабочих; этот размер заработной платы составляет так называемое «необходимое содержание». Но это является для Родбертуса опять-таки не констатированием объективных экономических законов, а предметом нравственного негодования. Утверждение классической школы, что «труд обладает стоимостью, которая не больше получаемой им платы», Родбертус называет «циничным», он берется раскрыть «ряд ошибок, приведших к этому грубому безнравственному выводу»². «Когда

¹ Л. с., т. II, Стр. 65. Ср. цитиров. перевод М. Н. Соболева, стр. 58.

² Л. с., т. I, стр. 182-184. Ср. Четвертое социальное письмо. Перевод И. Давыдова, стр. 121-122. – Прим. пер.

труд, этот принцип всех благ, сделался рыночным товаром, создано представление о «естественной цене» или об издержках труда, о понятиях, которые применялись и к продукту этого самого труда; согласно этому представлению, которое столь же позорно, как и то, которое определяло заработную плату необходимыми средствами существования рабочего, или уподобляло ее ремонту машины, эта естественная цена и издержки труда составляют сумму благ, необходимую для того, чтобы постоянно снова доставлять на рынок труд¹. Этот товарный характер и соответствующее ему определение стоимости рабочей силы являются однако не чем иным, как зловещим заблуждением школы фритредеров; и вместо того чтобы подобно английским ученикам Рикардо указывать на противоречие внутри капиталистического товарного производства, на противоречие между определением стоимости труда и определением стоимости трудом, Родбертус, как добрый пруссак, обличает капиталистическое товарное производство в противоречии с действующим государственным правом. «Какое нелепое и неопишуемое противоречие, – восклицает он, – мы находим в представлениях тех экономистов, которые в правовой области хотят предоставить рабочим участие в решении судеб общества и в то же время в экономической сфере хотят их рассматривать лишь как товар!»

Спрашивается, почему рабочие терпят столь нелепую и кричащую несправедливость? – возражение, которое было направлено против теории стоимости Рикардо, например, Германом. На этот вопрос Родбертус отвечает следующим образом: «Что стали бы делать рабочие, если бы они после своего освобождения не подчинились указанному предписанию? Представьте себе их положение! Рабочие были освобождены голыми или в лохмотьях, не располагая ничем, кроме своей рабочей силы. С уничтожением рабства или крепостного права отпала и моральная или правовая обязанность господина кормить рабочих или заботиться об их нуждах. Но их потребности остались: они должны были жить. Каким образом они должны были использовать свою рабочую силу, чтобы обеспечить себе жизнь? Брать из имеющегося в обществе капитала и таким образом производить для себя средства существования? Но ведь капитал в обществе принадлежал уже не им, и исполнители «закона» «этого не потерпели бы». Итак, что же оставалось делать рабочим? «Лишь одна альтернатива: либо разрушить законы общества, либо подчиниться прежним хозяйственным условиям, измененным, правда, в правовом, отношении, – вернуться к своим прежним хозяевам, собственникам земли и капитала, и получить в качестве заработной платы то, что они раньше получали в виде пропитания». К счастью для человечества и для прусского правового государства, рабочие оказались «настолько мудрыми», что не «нарушили хода» цивилизации и героически предпочли подчиниться подлым требованиям своих «прежних господ». Если поверить новым теоретическим объяснениям того же Родбертуса, теорию которого, как известно, «ограбил» Маркс, капиталистическая система наемного труда с ее законом заработной

¹ Ср. Родбертус, К совещанию и пр. Перевод М. Н. Соболева, стр. 63-64. – Прим. пер.

платы возникла, как система «близкая к рабству», как результат злоупотребления капиталистами насилием, а также нуждой и кроткой покорностью пролетариев. По отношению к этой теории системы найма «приоритет» Родбертуса, несомненно, неоспорим, ибо английские социалисты и другие социальные критики давали гораздо менее грубый и примитивный анализ этой системы. Оригинально при этом то, что Родбертус использовал весь пыл своего нравственного возмущения по поводу возникновения системы найма и ее экономических законов не для того, чтобы, сделав отсюда надлежащий вывод, потребовать уничтожения ужасающей несправедливости «нелепого и неопишуемого противоречия». Боже сохрани! Он неоднократно успокаивает своих собратьев, уверяя их, что его рев против эксплуатации совсем не так трагичен, что он не лев, а лишь столяр Шнок¹. Этическая теория закона наемной системы нужна только для того, чтобы сделать из него дальнейший вывод.

3. Из определения заработной платы «законом меновой стоимости» вытекает, что с прогрессом производительности труда участие рабочих в продукте становится все меньше. Мы подошли здесь к архимедовской точке родбертусовской «системы». «Падающая доля заработной платы» является его важнейшей «собственной» идеей, – идеей, которую он повторял, начиная со своего первого социального произведения (написанного, вероятно, в 1893 г.) вплоть до своей смерти, и на которую он «претендовал», как на свою собственность. Хотя эта «идея» была простым выводом из рикардовской теории стоимости, хотя ее *implicite* содержала уже теория фонда заработной платы, господствовавшая в буржуазной экономике со времен классиков до появления «Капитала» Маркса, тем не менее Родбертус думает, что он благодаря своему «открытию» стал своего рода Галилеем в политической экономике. Он привлекает свою «падающую долю заработной платы» для объяснения всех зол и противоречий капиталистического хозяйства. Из «падающей доли заработной платы» он выводит прежде всего пауперизм, который наряду с кризисами составляет для него «социальный вопрос». И не мешало бы посоветовать современным противникам Маркса обратить свое благосклонное внимание на то обстоятельство, что не Маркс, а гораздо ближе к ним стоящий Родбертус создал форменную теорию обнищания, притом в самой грубой форме; в отличие от Маркса он сделал ее не сопутствующим явлением, а центральным пунктом «социального вопроса». Это видно, например, из его рассуждений об абсолютном обнищании рабочего класса в «Первом социальном письме» к Кирхману. Затем «падающая доля заработной платы» привлекается для объяснения другого основного явления «социального вопроса» – кризисов. Здесь Родбертус подходит к проблеме равновесия между потреблением и производством и затрагивает весь комплекс связанных с этим спорных вопросов, – вопросов, которые уже дебатировались Сисмонди и школой Рикардо.

Знание кризисов основывалось у Родбертуса, разумеется, на гораздо более богатом фактическом материале, чем у Сисмонди. В своем «Первом социальном письме» он дает уже подробное описание

¹ Ср. I. с., т. IV, стр. 225.

четырёх кризисов 1818-1819, 1825, 1837-1839 и 1847 гг. Благодаря более продолжительным наблюдениям Родбертус мог отчасти выработать себе более глубокий взгляд на сущность кризисов, чем это было возможно для его предшественников. Так, он уже в 1850 г. говорит о периодичности кризисов и об их повторении через все более короткие промежутки времени, но зато с все увеличивающейся остротой: «С каждым разом, по мере того как росло богатство, росла и разрушительная сила этих кризисов, умножались жертвы, которые они проглатывали. Хотя кризис 1818-1819 гг. и навел панику на торговлю и заставил задуматься науку, но он был незначителен по сравнению с кризисом 1825-1826 гг. Последний нанес такие рапы английскому капиталу, что знаменитейшие экономисты сомневались в возможности их полного исцеления. И все же кризис 1836-1837 гг. превзошел его. Кризисы 1839 -1840 и 1846-1847 гг. причинили еще более сильные опустошения, нежели предыдущие кризисы». «Между тем опыт прошлого показывает, что кризисы возвращаются через все более короткие промежутки времени. От первого до третьего кризиса прошло 18 лет; от второго до четвертого – 14 лет; от третьего до пятого – 12 лет. Уже умножаются признаки нового близкого несчастья, хотя 1848 г., несомненно, отсрочил его взрыв»¹. Далее Родбертус делает наблюдение, что регулярным предшественником кризисов бывал обычно исключительный подъем производства, огромный технический прогресс промышленности: «каждый из них (кризисов) наступал вслед за выдающимся периодом промышленного расцвета»². Он на основании истории кризисов доказывает, что «они всегда наступают после значительного возрастания производительности»³. Родбертус оспаривает, вульгарный взгляд, который хочет превратить кризисы в расстройство денежного обращения и кредита, и критикует все ошибочное законодательство Пиля о банкнотах; подробно он обосновывает свой взгляд в статье «Торговые кризисы и ипотечная нужда землевладения», которая относится к 1858г. В этой статье он между прочим говорит: «Поэтому ошибается тот, кто понимает торговые кризисы лишь как денежные, биржевые и кредитные кризисы. Таковыми они представляются лишь с внешней стороны при первом своем выступлении»⁴. Замечателен также острый взгляд Родбертуса на значение внешней торговли в связи с проблемой кризисов. Констатируя подобно Сисмонди необходимость экспансии для капиталистического производства, он в то же время констатирует однако тот факт, что благодаря этому должны лишь возрастать размеры периодических кризисов. «Внешняя торговля, – говорит он в «Освещении социального вопроса» (часть 2-я, вып. I), – имеет такое же значение для торговых затруднений, как благотворительность для пауперизма, – в конце концов, они благодаря ей лишь увеличиваются»⁵. В цитированной статье «Торговые кризисы и ипотечная нужда землевладения» он говорит: «Чтобы уберечь себя от будущих вспышек «кризисов», можно употреблять лишь обоюдо-

¹ Л. с., т. III, стр. 110, 111.

² Л. с., т. III, стр. 108.

³ Л. с., т. I, стр. 62.

⁴ Л. с., т. IV, стр. 226.

⁵ Л. с., т. III, стр. 180.

острое средство расширения внешней торговли. Это сильное стремление к подобному рода расширению рынка является большею частью не чем иным, как болезненным влечением, возникающим в страдающем организме. Так как на внутреннем рынке один фактор – производительность – вечно возрастает, а другой – покупательная сила – для большей части нации остается вечно неизменным, то торговля должна искать для него соответствующей неограниченной компенсации на внешних рынках. То, что удовлетворяет указанное влечение, отодвигает лишь новый взрыв несчастья. Каждый новый внешний рынок отодвигает поэтому социальный вопрос. В таком же духе действуют колонизации некультивированных стран. Европа воспитывает себе рынок там, где раньше никакого рынка не было, но это средство по существу благоприятствует однако злу. Когда новые рынки переполнены, вопрос возвращается лишь к своей старой исходной точке, к отношению ограниченного фактора покупательной силы и неограниченного фактора производительности, и момент взрыва кризиса лишь отодвигается для меньшего рынка с тем, чтобы дать ему возможность вновь выступить на большем рынке в еще более крупных размерах и в еще более ужасающих формах. Но так как поверхность земли ограничена и так как приобретение новых рынков должно поэтому когда-нибудь прекратиться, то и простому отодвиганию вопроса когда-нибудь должен наступить конец. Он поэтому должен быть когда-нибудь решен определенно»¹.

¹ L. с., т. IV, стр. 233. В этой связи интересно посмотреть, как Родбертус, несмотря на свое этическое негодование по поводу судьбы несчастных трудящихся классов, выступает на практике как чрезвычайно трезвый и реально мыслящий пророк капиталистической колониальной политики в смысле и в духе современных пангерманцев («Alldeutschen»). «Отсюда, – пишет он в примечании к цитированному месту, – можно бросить быстрый взгляд на важное значение открытия Азии – в особенности Китая и Японии, этих богатейших рынков мира – и сохранения в Индии английского господства. С о ц и а л ь н ы й в о п р о с б л а г о д а р я э т о м у в ы и г р ы в а е т в р е м я (суровый мститель эксплуатируемых навивно выдает здесь пользующимся плодами эксплуатации средство, создающее для них условия, чтобы возможно дольше оставаться при их «безумной и преступной ошибке», при их «аморальном» понимании и «кричащей несправедливости»), ибо (это философское смирение бесподобно) для его решения нашей современности недостает как бескорыстия и нравственной силы, так и проницательности. Выгода для народного хозяйства не служит, конечно, достаточным законным основанием для насильственных вторжений. Но не поддерживает критики и строгое применение современного естественного и международного права ко всем народам мира, на какой бы ступени культуры они ни стояли. (Кто при этом не вспомнит слова Доринена в «Tartuffe» Мольера: «Le ciel defend, de vraie certains contentements, mais il y a avec lui des accomodements»)». Наше международное право является продуктом х р и с т и а н с к о-этической культуры, и так как всякое право покоится на взаимности, то его можно применять лишь к отношениям между народами, которые находятся на одной и той же ступени развития. Применение нашего международного права за этими пределами является естественноправовой и международноправовой сентиментальностью, от которой нас должны были излечить индийские ужасы. Христианской Европе следовало бы усвоить себе те настроения, которые заставляли греков и римлян рассматривать все прочие народы мира как варваров. Тогда в современных европейских народах опять воскресла бы та всемирноисторическая внутренняя сила, которая заставляла народы древности распространять свою родную культуру на orbis terrarum. О б ъ е д и н е н н ы м и у с л и я м и они вновь завоевали бы Азию для истории. И с э т и м о б ъ е д и н е н и е м был бы связан величайший социальный

Анархию частнокапиталистического производства он также имел в виду как фактор, создающий кризисы, но лишь наряду с другими факторами, не как подлинную причину кризисов вообще, а как источник определенной разновидности кризисов. Так, он по поводу вспышки кризисов в кирхмановской «местности» говорит: «я не намерен утверждать, что этого рода застой в сбыте не мог бы иметь места также и в действительной жизни. Рынок в настоящее время велик, потребностей и различных отраслей производства много, производительность значительна, признаки спроса неясны и обманчивы, одни предприниматели не знают размера производства других, – поэтому легко может случиться, что они ошибутся относительно размера потребностей в известном товаре и переполнят им таким образом рынок». Родбертус категорически заявляет, что от этих кризисов можно избавиться только планомерной организацией хозяйства, только «коренным изменением» современных отношений собственности, объединением всех средств производства «в руках единой общественной власти». Но для успокоения умов он и тут тотчас же спешит прибавить, что он не берется сказать, возможен ли подобный порядок вещей, «но во всяком случае единственно он давал бы возможность воспрепятствовать этого рода застою в сбыте». Итак, Родбертус подчеркивает, что он считает анархию современного способа производства ответственной лишь за известные частичные формы проявления кризисов.

Родбертус с пренебрежением отвергает закон Сэя-Рикардо о естественном равновесии между потреблением и производством, и, подобно Сисмонди, напирает на покупательную силу общества, которую он, опять-таки подобно Сисмонди, ставит в зависимость от распределения

прогресс, прочное утверждение европейского мира, сокращение армий и колонизация Азии в древнеримском стиле, иными словами, истинная солидарность интересов на всех поприщах общественной жизни». В своих мечтаниях о колониальной экспансии капитализма пророк эксплуатируемых и угнетенных становится почти поэтом. И этот поэтический подъем заслуживает тем большего почтения, что «христианскоэтическая культура» как раз тогда покрыла себя такими славными делами, как война из-за опиума против Китая и «индийские ужасы», т. е. ужасы, которыми сопровождалось кровавое подавление англичанами восстания сипаев. В своем «Втором социальном письме», относящемся к 1850 г., Родбертус заявил, что, если обществу не хватит «нравственной силы» для решения социального вопроса, т. е. для изменения распределения богатства, то «история взмахнет опять бичом революции» (I. с., II, стр. 83). Восемь лет спустя он как бравый пруссак предпочел взмахнуть бичом христианскоэтической колониальной политики над туземцами в колониальных странах. Поэтому «истинный основоположник научного социализма в Германии» обнаруживает лишь свою последовательность, выступая также горячим приверженцем милитаризма; его фразу о «сокращении армии» следует рассматривать лишь как *licentia roetica* напыщенного стиля. В своем «Освещении социального вопроса» (часть II, вып. I), он заявляет, что «все национальное налоговое бремя падает все более на низшие слои, проявляясь то в поднятии цен на продукты (*Lohngtiter*), то в давлении на денежную заработную плату»; при этом всеобщая воинская повинность, «рассматриваемая как государственный налог, является для трудящихся классов даже не налогом, а конфискацией всего их дохода в продолжение нескольких лет». Но он спешит добавить: «чтобы не быть понятым неправильно, я замечаю, что я являюсь решительным сторонником нашей теперешней военной системы (т. е. прусской военной системы контрреволюции), как бы сильно ни было ее давление на трудящиеся классы и сколь бы значительными ни казались финансовые жертвы, которых она требует от имущих классов (I. с., III, стр. 34). Нет, Шнок, несомненно, не лев!

доходов. Несмотря на это, он отнюдь не принимает теории кризисов Сисмонди, особенно в ее выводах, и занимает по отношению к ней резкую оппозицию. Если Сисмонди, не учитывая ограниченности дохода, видел источник зла в безграничном расширении производства и в соответствии с этим проповедовал сокращение (Eindammung) производства, то Родбертус, наоборот, выступал защитником сильнейшего и неограниченного расширения производства, богатства и производительных сил. Он полагал, что общество нуждается в безграничном возрастании своего богатства: кто отвергает богатство общества, отвергает вместе с тем его могущество, его прогресс, его добродетель; кто препятствует росту богатства, тот препятствует прогрессу общества вообще. Всякий рост в обществе знания, силы и энергии связан с ростом его богатства¹. Исходя из этой точки зрения, Родбертус был горячим защитником системы эмиссионных банков (Notenbanken), которые он рассматривал как необходимую основу для быстрой и неограниченной экспансии учредительской деятельности. Доказательству этой мысли посвящена его статья об ипотечной нужде, относящаяся к 1858 г., и его работа о прусском денежном кризисе, которая появилась уже в 1845 г. Он выступает также с полемикой, направленной против предостережений в духе Сисмонди, причем он и здесь касается вопроса прежде всего с его этически утопической точки зрения: «Предприниматели, – декламирует он, – по существу представляют собой не что иное, как народнохозяйственных чиновников, которые исполняют лишь свой долг, когда они заставляют национальные средства производства, которые доверил им навсегда институт собственности, работать с напряжением всех сил. Ибо капитал, повторяю я, существует лишь для производства». Но далее по существу: «Или лучше, чтобы они (предприниматели), работая с самого начала меньшими силами, чем те, которыми они владеют в виде своих средств, сделали острые припадки страдания хроническими и чтобы они этим путем покупали меньшую степень остроты за счет непрерывности зла. Но если бы даже кто-нибудь оказался настолько безрассудным, чтобы дать им такой совет, они не оказались бы в состоянии последовать этому совету. По каким признакам упомянутые мировые производители определяли бы эти уже болезненные границы рынка? Все они, не зная друг о друге, производят в самых разнообразных концах мира для рынка, отдаленного от них на сотни верст, и производят с такими колоссальными силами, что производства одного месяца достаточно, чтобы перешагнуть через указанные границы. Разве мыслимо, чтобы столь раздробленное и тем не менее столь могущественное производство оказалось в состоянии добыть сведения о количестве потребных товаров? Где же хотя бы учреждения, – как например, находящиеся в курсе дел статистические бюро, – которые могли бы оказывать им помощь в этом деле? Но хуже всего то, что единственным фактором, ощущающим состояние рынка, является цена, ее поднятие и падение. Ибо она подобна не барометру, который предсказывает температуру рынка, а термометру, который ее лишь измеряет. Если цена падает, то производство уже перешагнуло границу, и несчастье уже налицо»². Эта

¹ I. с., т. III, стр. 182.

² L. с., т. IV, стр. 231.

полемика, направленная, несомненно, против Сисмонди, показывает что между ним и Родбертусом была весьма существенная разница в понимании кризисов; поэтому, когда Энгельс в «Анти-Дюринге» говорит, что объяснение кризисов недопотреблением берет свое начало от Сисмонди и что Родбертус заимствовал его у последнего, то это, строго говоря, не точно. Общим у Родбертуса и Сисмонди является лишь оппозиция против классической школы и объяснение кризисов распределением дохода, но и здесь Родбертус идет своей собственной дорогой. Перепроизводство обуславливается не низким уровнем дохода рабочей массы или ограниченной потребительной способностью капиталистов, как у Сисмонди, а исключительно лишь тем фактом, что доход рабочих с прогрессом производительности составляет все меньшую и меньшую долю стоимости производства. Родбертус ясно доказывает своему противнику, что задержки в сбыте возникают не от незначительности доли трудящихся классов: «Представьте себе, – поучает он Кирхмана, – что эти доли так малы, что располагающие ими едва-едва живут на них; но устройте так, чтобы эти доли составляли фиксированную часть национального дохода, дайте затем производительности труда увеличиться, и вы будете иметь определенного размера сосуд, который в состоянии вмещать в себя все большую и большую стоимость; вы будете иметь также и все возрастающее благосостояние трудящихся классов... Наоборот, представьте себе, что доли трудящихся классов достигают какой вам угодно величины, но представьте себе, что они при возрастании производительности составляют все меньшую и меньшую долю национального продукта, то эти доли в этом случае, правда, все еще будут в состоянии обеспечивать трудящиеся классы от чрезмерной нужды, пока они не упадут до своей нынешней незначительной величины, – ибо они все еще будут содержать гораздо большее количество продуктов, чем теперь, – но как только они начнут падать они вызовут то возрастающее перед нашими торговыми кризисами неудовлетворение, которое наступает без вины со стороны капиталистов только потому, что они организовали свое производство, сообразуясь с данной величиной доли трудящихся классов»¹.

Итак «падающая доля заработной платы» – истинная причина кризисов, и единственным целебным средством против них является законодательная регламентация, в силу которой доля рабочих в национальном продукте представляется фиксированной и неизменной. Нужно хорошо вздуматься в эту странную мысль, чтобы оценить по достоинству ее экономическое содержание.

Глава семнадцатая

РОДБЕРТУСОВСКИЙ АНАЛИЗ ВОСПРОИЗВОДСТВА

Прежде всего, что значит, что уменьшение доли рабочих должно «немедленно» же вызвать перепроизводство и торговые кризисы? Эта концепция становится понятной, если предположить, что Родбертус

¹ Л. с., т. I, стр. 59.

представляет себе «национальный продукт» состоящим из доли рабочих и доли капиталистов, следовательно из $v+m$, причем одна часть обменивается на другую. В действительности Родбертус отчасти и высказывается почти в этом смысле, когда он в «Первом социальном письме» говорит: «Бедность рабочих классов никогда не допускает, чтобы их доход стал руслом для расширяющегося производства. Если бы избыток продуктов находился в руках рабочих, то он не только мог бы улучшить их положение, но вместе с тем повысил бы стоимость того, что остается у предпринимателей, и тем самым дал бы им возможность продолжать их производство в прежнем масштабе. Но находясь в руках предпринимателей, избыток этот настолько понижает стоимость всего продукта, что указанная возможность исчезает и в лучшем случае оставляет рабочих в прежней нужде¹. Сила, которая в руках рабочих повышает «стоимость находящегося у предпринимателей остатка», может означать здесь лишь спрос. Этим самым мы счастливым образом прибыли бы в ту великолепную кирхмановскую «местность», где рабочие и капиталисты обменивают заработную плату на прибавочную стоимость и где кризисы возникают потому, что переменный капитал мал, а прибавочная стоимость велика. Это странное представление рассмотрено уже выше. Но в других местах Родбертус преподносит нам уклоняющееся от изложенного понимание вопроса. В «Четвертом социальном письме» он толкует свою теорию таким образом, что постоянное изменение в отношении между спросом, образуемым долей рабочего класса, и спросом, образуемым долей класса капиталистов, должно вызывать хроническую диспропорциональность между производством и потреблением: «Но как это происходит? Не так ли, что хотя предприниматели и стараются держаться в границах этих долей, но самые эти доли постепенно, но с незаметной и непреодолимой силой постоянно уменьшались для большинства, для рабочих? Не так ли, что эти доли у указанных классов постоянно уменьшаются в той же мере, в какой увеличивается производительность. Поэтому не благодаря ли капиталистам, которые организуют и должны были организовать производство, чтобы сделать богатство всеобщим, не благодаря ли им размер производства постоянно превышает прежние доли, и не они ли таким образом вызывают постоянную неудовлетворенность потребностей, которая возрастает до степени застоя в сбыте?»²

Соответственно с этим мы должны объяснить себе кризисы следующим образом. Национальный продукт состоит из некоторого количества «обыкновенных товаров» (как выражается Кирхман) для рабочих и лучших товаров для капиталистов. Количество первых товаров определено суммой заработных плат, количество вторых – совокупной прибавочной стоимостью. Если капиталисты сообразовываются с этим в их производстве и если производительность при этом возрастает, то уже в следующее мгновение должно обнаружиться несоответствие, ибо сегодняшняя доля рабочих уже не больше, а меньше их вчерашней доли; если спрос на «обыкновенные

¹ Л. с., т. III, стр. 176.

² Л. с., т. III, стр. 53 и 57.

товары» вчера составлял, скажем, шесть седьмых национального продукта, то он сегодня составляет лишь пять седьмых, и предприниматели, которые приготовились к производству шести седьмых в «обыкновенных товарах», к прискорбию своему вдруг должны будут констатировать, что они произвели этих товаров больше на одну седьмую. Но если они, наученные этим опытом, завтра направят свое производство так, чтобы лишь пять седьмых всей стоимости национального продукта производить в «обыкновенных товарах», то они тем самым впадут в новую ошибку, потому что послезавтра доля заработной платы в национальном продукте, наверное, будет равняться лишь четверем седьмым и т. д.

Эта оригинальная теория тотчас же возбуждает массу сомнений. Если наши торговые кризисы происходят единственно только оттого, что «доля заработной платы» рабочего класса, т. е. переменный капитал составляет все меньшую часть стоимости всего национального продукта, то ведь фатальный закон таит в самом себе и исцеление вызванного им зла, так как перепроизводство составляет ведь все меньшую часть совокупного продукта. Родбертус любит, правда, выражения: «подавляющее большинство» потребителей, «широкая народная масса» потребителей, доля которых, по его мнению, постоянно понижается, но при спросе дело зависит не от числа людей, предъявляющих его, а от стоимости, которую он представляет. И эта стоимость, по самому Родбертусу, образует все более незначительную часть совокупного продукта. Экономический базис кризисов становится тем самым все более узким, и остается только вопрос, каким образом кризисы вопреки тому, что устанавливает Родбертус, становятся, во-первых, всеобщими и, во-вторых, все более жестокими. Далее, если «доля заработной платы» образует одну часть национального продукта, то прибавочная стоимость образует, по Родбертусу, другую часть его. То, что теряется в покупательной силе рабочего класса, выигрывается в покупательной силе класса капиталистов; если (v) становится все меньше, то (m) становится зато все больше. По грубой схеме самого Родбертуса покупательная сила общества, взятая в целом, не может вследствие этого измениться. Ведь он сам говорит: «Я, конечно, знаю, что в конце концов та величина, на которую уменьшается доля работников, увеличивает собой доли получателей ренты (у Родбертуса «рента» соответствует прибавочной стоимости), что таким образом в общем и целом покупательная сила остается неизменной. Но по отношению к доставленному на рынок продукту кризис всегда обнаруживается раньше, чем может дать себя почувствовать указанное увеличение». Следовательно, речь может идти не больше, как о том, что постоянно обнаруживается избыток «обыкновенных товаров» и в равной мере недостаток в лучших товарах для класса капиталистов. Родбертус неожиданно приходит здесь своеобразным путем к теории Сэя-Рикардо, которую он так горячо оспаривал: он приходит к тому, что перепроизводству на одной стороне постоянно соответствует недопроизводство на другой. И так как доли рабочего класса и капиталистов постоянно изменяются не в пользу первого, то наши торговые кризисы в целом все более принимали бы характер периодического недопроизводства вместо перепроизводства! Но оставим эту загадку. Из всего этого явствует, что Родбертус мыслит себе

национальный продукт, состоящим по стоимости лишь из двух частей, из (v) и (m), что он, стало быть, в этом отношении разделяет понимание и традиции классической школы, против которой он с таким ожесточением боролся, и еще украшает его представлением, что вся прибавочная стоимость потребляется капиталистами. Он без всяких обиняков высказывает это во многих местах. Так в «Четвертом социальном письме» он пишет: «Соответственно с этим, чтобы прежде всего найти принцип ренты (прибавочной стоимости) вообще, т. е. принцип разделения продукта труда на заработную плату и ренту, нужно как раз отвлечься от тех причин, которые обуславливают разделение ренты вообще на поземельную ренту и ренту на капитал»¹. И в «Третьем письме»: «Земельная рента, прибыль на капитал и заработная плата, повторяю я, составляют доход. Землевладельцы, капиталисты и рабочие хотят жить этим доходом, т. е. удовлетворять им свои непосредственные человеческие потребности. Блага, которые получают в виде дохода, должны быть к тому пригодными»². Фальсификация капиталистического хозяйства в смысле превращения его в производство, предназначенное для целей непосредственного потребления, нигде не нашла себе более резкой формулировки, и в этом Родбертусу, несомненно, принадлежит пальма «первенства» – не по отношению к Марксу, а по отношению ко всем вульгарным экономистам. Чтобы не оставить в читателе никаких сомнений об этой своей путанице, он несколько дальше в том же письме ставит капиталистическую прибавочную стоимость как экономическую категорию прямо в один ряд с доходом античного рабовладельца: «В первом случае (при рабстве) мы имеем самое простое натуральное хозяйство; та часть продукта труда, которая удерживается из дохода рабочих или рабов и составляет доход господина или владельца, достается нераздельно, как единая рента, единому владельцу земли, капитала, рабочих и продукта труда; здесь не различаются даже в понятиях ни земельная рента, ни прибыль на капиталы. Во втором случае мы имеем дело с самым сложным денежным хозяйством; та часть продукта труда, которая удерживается из дохода теперь свободных рабочих и достается собственнику земли и капитала, разделяется далее между владельцами сырого продукта и владельцами промышленного продукта; наконец единая рента прежней эпохи распадается на земельную ренту и прибыль на капитал»³. Наиболее резкую экономическую разницу между эксплуатацией при господстве рабства и современной капиталистической эксплуатацией Родбертус усматривает в делении прибавочной стоимости, «удержанной из дохода» рабочих, на земельную ренту и прибыль на капитал. Решающим моментом капиталистического способа производства является не специфическая форма распределения новой стоимости между трудом и капиталом, а совершенно безразличное для процесса производства распределение прибавочной стоимости между различными ее потребителями! В остальном капиталистическая прибавочная стоимость как целое остается тем же, чем была «единая

¹ Л. с., т. I, стр. 19.

² Л. с., т. II, стр. 110.

³ Л. с., т. II, стр. 144.

рента» для рабовладельца, – частным фондом потребления эксплуататора!

Родбертус, конечно, противоречит себе и в других местах и вспоминает о постоянном капитале, равно как и о необходимости его возобновления в процессе воспроизводства. Вместо деления совокупного продукта на две части, на $v+m$, он принимает таким образом деление на три части, на $c+v+m$. В своем «Третьем письме» он пишет о формах воспроизводства в рабовладельческом хозяйстве следующее: «Так как господин требует, чтобы часть рабского труда была употребляема на поддержание в прежнем состоянии или на улучшение полей, стад и орудий в сельском хозяйстве и промышленности, то так называемое ныне «возмещение капитала» будет происходить так, что часть национального продукта хозяйства будет употребляться совершенно непосредственно и без вмешательства обмена и даже меновой стоимости для поддержания имущества в прежнем состоянии»¹. Переходя к капиталистическому воспроизводству, он пишет: «Таким образом, теперь часть стоимости продукта труда употребляется или зачитывается на поддержание имущества, или как «возмещение капитала»: часть стоимости продукта труда употребляется в виде денежной платы рабочим на поддержание их жизни, и наконец, часть стоимости остается в руках владельцев земли, капитала и продукта труда как их доход, или как рента»².

Мы имеем здесь отчетливое деление на три части – на постоянный капитал, переменный капитал и прибавочную стоимость. То же самое он еще раз отчетливо формулирует, как особенность своей «новой» теории в том же «Третьем письме»: «После того как согласно этой теории при достаточной производительности труда та часть стоимости продукта, которая остается в виде дохода после возмещения капитала, разделяется вследствие собственности на землю и капитал между рабочими и владельцами как заработная плата и рента» и т. д.³. Родбертус в анализе стоимости совокупного продукта, невидимому, сделал здесь решительный шаг вперед по отношению к классической школе; несколько дальше он даже прямо критикует догмат Смита, и остается только удивляться, как ученые почитатели Родбертуса господа Вагнеры, Дитцели, Дили и К^о упустили случай не зафиксировать «приоритет» их любимца по отношению к Марксу в таком важном пункте экономической теории. В действительности с вопросами о приоритете здесь обстоит столь же неблагоприятно, как в теории стоимости вообще. Даже там, где Родбертус приходит, повидимому, к верному взгляду, этот взгляд в следующее же мгновение оказывается сплошным недоразумением или по крайней мере ошибкой. Как мало пользы фактически принесло Родбертусу деление национального продукта на три части – деление, к которому он постоянно подходил ощупью, лучше всего доказывает как раз его критика смитовского догмата. Она гласит буквально следующее: «Вы знаете, что, по мнению всех экономистов, начиная с

¹ I. с., т. II, стр. 146.

² L. с., т. 11, стр. 155.

³ L. с., т. II, стр. 223.

Адама Смита, стоимость продукта распадается на заработную плату, земельную ренту и прибыль на капитал, так что идея основать доход различных классов, в том числе и части ренты, на разделении продукта не представляет новизны. Однако экономисты тотчас же впадают в заблуждение. Все они, не исключая даже школы Рикардо, делают п р е ж д е в с е г о ту ошибку, что принимают не весь продукт, не законченное благо, не весь национальный продукт за единое целое, в разделе которого принимают участие рабочие, землевладельцы и капиталисты, но представляют себе разделение сырого продукта как особый процесс, в котором участвуют три участника, и разделение промышленного продукта как особый процесс, в котором участвуют только два участника. Таким образом эти системы рассматривают и сырой и промышленный продукты как особые самостоятельные блага, составляющие доход. Затем они делают, за исключением впрочем Рикардо и Смита, в т о р у ю ошибку, принимая естественный факт, что труд без содействия материи, следовательно без земли, не может произвести ни одного блага, за экономический факт, и считая тот общественный факт, что при разделении труда необходим капитал в современном смысле слова, первичным явлением. Они выдумывают таким образом основное экономическое отношение, в котором при обособленном в обществе владении земель, капиталом и трудом доли этих различных владельцев образуются таким образом, что земельная рента проистекает из содействия земли, предоставляемой землевладельцем для производства, прибыль на капитал – из содействия капитала, употребляемого для этой цели капиталистом, и заработная плата наконец – при содействии труда. Школа Сэя, которая полнее всего развила эту ошибочную теорию, создала даже понятие производительных услуг земли, капитала и труда, соответствующих долям различных владельцев в продукте для того, чтобы объяснить это участие в продукте производительными услугами каждого. Наконец т р е т ь я несообразность заключается в том, что заработная плата и части ренты выводятся из стоимости продукта, в то время как стоимость продукта выводится из заработной платы и частей ренты, т. е. одно взаимно обосновывается другим. У некоторых авторов эта несообразность выступает с такой очевидностью, что в двух главах, непосредственно следующих одна за другой, излагается сначала «влияние рент на цены продуктов», а затем «влияние цен продуктов на ренту»¹.

При всех этих превосходных критических замечаниях, из которых последнее особенно тонко и в известном смысле предвосхищает соответствующую критику во втором томе «Капитала» Маркса, Родбертус спокойно принимает главную ошибку классической школы и ее вульгарных последователей, именно полное игнорирование части стоимости совокупного продукта, которая необходима для возмещения постоянного капитала общества. Эта путаница способствовала его увлечению странной борьбой против «падающей доли заработной платы».

Стоимость совокупного общественного продукта при капиталистических формах производства распадается на три части, из коих

¹ Л. с., т. II, стр. 226.

одна соответствует стоимости постоянного капитала, другая – сумме заработной платы, т. е. переменному капиталу, а третья – совокупной прибавочной стоимости класса капиталистов. Часть стоимости, соответствующая переменному капиталу, становится в пределах этой суммы относительно все меньше и меньше. Это происходит по двум причинам. Во-первых, в пределах $c+v+m$ изменяется отношение (c) к $(v+m)$, т. е. отношение постоянного капитала к новой стоимости; это изменение происходит в таком направлении, что c становится относительно все больше, а $(v+m)$ все меньше. Это – простое выражение возрастающей производительности человеческого труда, который в полной мере сохраняет свою силу для всех экономически прогрессирующих обществ независимо от их исторических форм и который означает лишь, что живой труд в состоянии перерабатывать все большее количество средств производства в предметы потребления во все более короткое время. Так как $(v+m)$ по отношению к стоимости всего продукта убывает, то вместе с тем уменьшается и (v) как часть стоимости совокупного продукта. Выступить против этого, стремиться к прекращению этого падения – значит, другими словами, противиться прогрессу производительности труда в его всеобщих проявлениях. Во-вторых, внутри $(v+m)$ также происходит изменение в таком направлении, что (v) становится относительно все меньше, а (m) относительно все больше, т. е., что из вновь созданной стоимости на заработные платы выпадает все меньшая часть и все большая присваивается как прибавочная стоимость. Это – специфически капиталистическое выражение прогрессирующей производительности труда, которое однако при капиталистических условиях производства сохраняет столь же абсолютное значение, как и приведенный первый закон. Помешать государственным средствами постоянно уменьшению (v) по отношению к (m) – значит помешать тому, чтобы прогрессирующая производительность труда, уменьшающая издержки производства всех товаров, распространялась и на основной товар, на рабочую силу; это значит изъять этот товар из экономических влияний технического прогресса. Более того, «падающая доля заработной платы» является лишь другим выражением возрастающей нормы прибавочной стоимости, которая (норма) представляет собой самое могущественное средство для того, чтобы удержать падение нормы прибыли, а потому и движущую силу капиталистического производства вообще и в особенности технического прогресса в пределах этого производства. Устранить падение «доли заработной платы» законодательным путем таким образом означает устранить мотив существования капиталистического хозяйства, подрезать его жизненный нерв. Но представим себе вопрос конкретно. Отдельный капиталист, как и капиталистическое общество в целом, вообще не знает стоимости продуктов как суммы общественно-необходимого труда; он даже не в состоянии понять его таким образом. Капиталист знает ее лишь в производной форме издержек производства, – в форме, поставленной конкуренцией на голову. В то время как стоимость продукта распадается на части $c+v+m$, издержки производства в сознании капиталиста, наоборот, слагаются из $c+v+m$. Да и эти слагаемые представляются ему в видоизмененной и производной форме, во-первых, как снанивание

его

ос-

новного капитала, во-вторых, как его затраты на оборотный капитал, включая сюда и затраты на заработную плату рабочим, и, в-третьих, как «обычная», т. е. средняя норма прибыли на весь его капитал. Каким же образом капиталист, вынужденный, скажем, законом в родбертусовском смысле, сохранить «постоянную долю заработной платы» по отношению к стоимости всего продукта? Этот замысел настолько же остроумен, как если бы мы захотели зафиксировать законодательным путем, что цена сырья при производстве всех товаров должна всегда составлять ни больше, ни меньше одной трети всей цены товаров. Ясно, что главная идея Родбертуса, на которую он возлагал надежды, которой он гордился, как новым открытием Архимеда, и которой он собирался радикально лечить капиталистическое производство, является со всех точек зрения капиталистического способа производства чистейшим вздором, к которому только и можно было притти через ту путаницу в теории стоимости, которая у Родбертуса нашла свою кульминационную точку в следующем несравненном положении: «Продукт должен в настоящее время (в капиталистическом обществе) иметь меновую стоимость точно так же, как он в античном хозяйстве должен был иметь потребительную стоимость»¹. В античном обществе хлеб и мясо приходилось съедать, чтобы этим поддерживать жизнь, теперь человек уже становится сытым, когда он знает цену мяса и хлеба! Но что яснее всего вытекает из родбертусовской *idée fixe* «фиксированной доли заработной платы», так это его полная неспособность понять капиталистическое накопление.

Уже из приведенных цитат можно было заключить, что он, воспринимая неправильное представление, согласно которому целью капиталистического производства является производство предметов потребления для удовлетворения «человеческих потребностей», имеет в виду исключительно только простое воспроизводство. Ведь он все время говорит только о «возмещении капитала» и о необходимости давать капиталистам возможность продолжать «их предприятия в прежнем масштабе». Но его главная идея направлена прямо против накопления капитала. Зафиксировать норму прибавочной стоимости, воспрепятствовать ее росту – значит парализовать накопление капитала. На деле для Сисмонди, как и для Кирхмана, вопрос о равновесии между производством и потреблением был вопросом накопления, т. е. расширенного капиталистического воспроизводства. Оба они выводили нарушения в равновесии воспроизводства из накопления, возможность которого они оба отрицали. Разница между ними лишь в том, что один в качестве средства против этого рекомендовал торможение роста производительных сил вообще, в то время как другой предлагал все возрастающее применение их в производстве предметов роскоши и потребление прибавочной стоимости без остатка. Родбертус и здесь идет своим собственным путем. В то время как Сисмонди и Кирхман с большим или меньшим успехом пытаются уяснить явление капиталистического накопления, Родбертус ведет борьбу с п о н я т и е м.

«Политико-экономы со времен А. Смита друг за другом повторяли и представляли как всеобщую и абсолютную истину, что капитал воз-

¹ Л. с., стр. 156.

никает лишь путем сбережения и накопления». Против этой «ошибки» Родбертус выступает во всеоружии и на 60 печатных страницах детально доказывает, что капитал возникает не благодаря сбережению, а благодаря труду, что «ошибка» политико-экономов относительно «сбережения» происходит оттого, что они придерживаются ошибочного понимания, будто производительность присуща капиталу, что эта ошибка наконец получается из другой ошибки, что капитал есть капитал.

Кирхман, со своей стороны, очень хорошо понял, что скрывается за капиталистическим «сбережением». Он прекрасно излагает это в следующих словах: «Накопление капиталов заключается, как известно, не в простом умножении запасов или в собирании металла и денег, которые затем складываются без пользы в подвалах собственника; наоборот, тот, кто хочет сберегать, употребляет сам или через других сбереженную сумму как капитал с производительной целью, чтобы получить от этого доходы. Эти доходы возможны только потому, что эти капиталы помещаются в новые предприятия, которые благодаря производимым продуктам оказываются в состоянии давать требуемые проценты. Один строит судно, другой – овин, третий возделывает при помощи капитала пустопорожнее поле, четвертый выписывает себе новую прядильную машину, пятый покупает больше кожи и нанимает больше подмастерьев для расширения своей сапожной мастерской и т. д. Только при таком применении сбереженный капитал может приносить проценты (т. е. прибыль), которые и составляют конечную цель всякого сбережения»¹. То, что Кирхман рисует здесь в неуклюжей форме, но в общем правильно, является не чем иным, как процессом капитализации прибавочной стоимости, процессом капиталистического накопления, которое и составляет весь смысл «сбережения», защищаемого с правильным инстинктом классической экономией, «начиная с А. Смита». Поэтому Кирхман со своей точки зрения вполне последователен, когда он выступает против накопления и против «сбережения», так как кризисы согласно его пониманию – и пониманию Сисмонди – являются прямым результатом накопления. Родбертус и здесь «более основателен». К несчастью своему он усвоил из рикардовской теории стоимости тот взгляд, что труд является единственным источником стоимости, а следовательно, и капитала. И этой элементарной мудрости оказывается вполне достаточно, чтобы лишить его возможности видеть все сложные отношения производства и движения капитала. Так как капитал возникает благодаря труду, то накопление капитала, т. е. «сбережение», капитализация прибавочной стоимости, является простым шарлатанством.

Чтобы распутать этот запутанный клубок ошибок «политико-экономов, начиная с времен А. Смита», он, как это само собой разумеется, берется за «изолированного хозяина» и продолжительной вивисекцией несчастного червяка доказывает все, что ему нужно. Так, он уже здесь находит «капитал», разумеется, ту знаменитую «первую палку», при помощи которой политическая экономия «начиная с А. Смита», сбивает с дерева познания плоды своей теории капитала.

¹ Л. с., т. и, стр. 15.

Возникает ли палка из «сбережения»?-спрашивает Родбертус. И так как всякий нормальный человек понимает, что из «сбережений» никакой палки получиться не может, но что Робинзон должен себе изготовить палку из дерева, то этим самым доказано также, что «теория сбережений» совершенно неправильна. Далее, «изолированный хозяин» при помощи палки сбивает себе плод с дерева; этот плод составляет его «доход». «Если бы капитал был источником дохода то можно было бы доказать это отношение уже на этом первоначальном и наипростейшем примере. Но можно ли, не насилюя вещей и понятий, называть палку и с т о ч н и к о м всего дохода или части его, – дохода, состоящего в данном случае из сбитого с дерева плода; можно ли сводить этот доход, в целом или отчасти, к палке, как его п р и ч и н е, «рассматривать его в целом или отчасти, как п р о д у к т п а л к и?» Конечно, нет. И так как плод является продуктом не палки, которой его сбивают, а дерева, на котором он вырос, то Родбертус этим самым уже доказал, что все политико-экономы, «начиная с А. Смита», делали грубую ошибку, когда они утверждали, что доход происходит от капитала. Выяснив таким образом на «хозяйстве» Робинзона все основные понятия политической экономии, Родбертус переносит полученные этим путем определения сперва на воображаемое общество «без собственности на капитал и землю», т. е. с коммунистической собственностью, а затем на общество «с собственностью на капитал и землю», т. е. на современное общество, и, оказывается, что все законы хозяйства Робинзона в полной мере сохраняют свою силу и для этих обеих форм хозяйства. Здесь Родбертус предлагает теорию капитала и дохода, которая венчает его утопическую фантазию. Открыв, что у Робинзона «капитал» представляет собой попросту средства производства, он и в капиталистическом хозяйстве отождествляет капитал со средствами производства, и сводя таким образом мановением руки капитал к постоянному капиталу, он во имя справедливости и морали протестует против того, что средства существования рабочих, их заработная плата, также рассматриваются как капитал. Против п о н я т и я переменного капитала он ведет горячую борьбу, так как это понятие является причиной всех зол! «Политико-экономы, – спрашивает он, – все же могли бы здесь удостоить меня вниманием и беспристрастно решить, прав ли я, или они! Здесь – узел всех ошибок господствующей системы относительно капитала, здесь последнее основание и теоретической и практической несправедливости по отношению к рабочим классам»². «Справедливость», видите ли, требует, чтобы «реальные блага, составляющие за-

¹ Л. с., т. I, стр. 250.

² Л. с., т. I, стр. 295. Родбертус и здесь всю жизнь переживает лишь идеи, которые он уже в 1842 году высказал в своем «Zur Erkenntnis»: «Однако даже для современного строя ушли так далеко, что причисляют к стоимости (Kosten) блага не только заработную плату, но даже ренту и прибыль.

Этот взгляд заслуживает поэтому подробного опровержения. В основе этого взгляда лежат две ошибки: а) неправильное представление о капитале, согласно которому заработная плата причисляется к капиталу таким же образом, как материал и орудия, в то время как она стоит лишь на одной линии с рентой и прибылью, б) смешение стоимости блага с издержками предпринимателя или с издержками предприятия». («Zur Erkenntnis». Neubrandenburg und Friedland C. Barnevit, 1842, стр. 14).

работную плату» (reale Lohngüter) рабочих, причислялись не к капиталу, а к категории дохода. Правда, Родбертус хорошо знает, что для капиталиста «авансированная» им заработная плата является частью его капитала, подобно другой части, авансированной в виде неодушевленных средств производства. Но по Родбертусу это относится только к отдельному капиталу. Лишь только он обращается ко всему общественному продукту и ко всему производству, как он объявляет капиталистические категории производства призраком, злостной ложью и «несправедливостью». «Нечто совершенно отличное от капитала с а м о г о п о с е б е, капитальных предметов (Kapital gegenstände), капитала с т о ч к и з р е н и я н а ц и и, представляет собой ч а с т н ы й к а п и т а л, капитальное имущество (Kapital vermögen), капитальная собственность (Kapital eigentum), – то, что теперь вообще понимается под «капиталом»¹. Отдельные капиталисты производят капиталистически, а все общество производит точно так же, как Робинзон, т. е. как собирательный собственник – коммунистически: «Для этой общей и национальной точки зрения не имеет значения то обстоятельство, что теперь совокупный национальный продукт на всех различных ступенях производства в больших или меньших частях составляет собственность отдельных частных лиц, которых никоим образом нельзя причислить к действительным производителям; что последние производят весь этот национальный продукт постоянно лишь на службе у этих немногих собственников, никогда не являясь собственниками своего собственного продукта». Отсюда вытекают, конечно, известные особенности отношений и для общества в целом: во-первых, «обмен» как посредник и, во-вторых, неравномерное распределение продукта. «Но как мало все эти последствия мешают тому, чтобы движение национального производства и форма национального производства и форма национального продукта оставались в общем теми же (как при господстве коммунизма), – так же мало изменяют они с н а ц и о н а л ь н о й т о ч к и з р е н и я, в каком бы то ни было отношении установленную выше противоположность между капиталом и доходом». Сисмонди, подобно Смиуту и немногим другим, трудился в поте лица своего, чтобы освободить понятие капитала и дохода от противоречий капиталистического производства; Родбертус поступает проще; он для общества в целом попросту упускает из виду все определенные формы (Formbestimmtheiten) капиталистического производства, называет «капиталом» средства производства и «доходом» средства потребления, – и баста! «Собственность на землю и капитал оказала существенное влияние лишь на участников обращения. Если же представлять себе нацию как единое целое, то это последнее влияние ис-

¹ Л. с., т. 1, стр. 304. Точь-в-точь то же самое он говорит уже в «Zur Erkenntnis»: «Капитал в более узком или в собственном смысле следует отличать от капитала в более широком смысле или фонда предприятия. Первый охватывает действительный запас орудий и материалов, второй – весь фонд, необходимый при современных отношениях разделения труда для того, чтобы начать предприятие. Первый представляет собой капитал, абсолютно необходимый для производства, второй обладает лишь благодаря современным условиям относительной необходимостью. Первый является поэтому капиталом в более узком или в собственном смысле, и только с ним совпадает понятие национального капитала». Л. с., стр. 23, 24.

чезает»¹. И так, лишь только Родбертус подходил к действительной проблеме, к совокупному капиталистическому продукту и его движению, как он обнаруживал типическое пренебрежение утописта к историческим особенностям производства, и к нему как нельзя лучше подходит замечание Маркса по адресу Прудона, что, когда он говорит об обществе в целом, то у него получается, что оно как будто перестает быть капиталистическим. С другой стороны, на примере Родбертуса можно еще раз видеть, как беспомощно блуждала вся политическая экономия до Маркса в своих попытках привести в соответствие вещественные точки зрения процесса труда с точками зрения стоимости капиталистического производства, формы движения отдельного капитала с формами движения всего общественного капитала. Эти попытки колеблются обыкновенно между двумя крайностями: между вульгарным пониманием а la Сэй и Мак Куллох, для которых существуют вообще только точки зрения отдельного капитала, и утопическим пониманием а la Прудон и Родбертус, для которых существуют лишь точки зрения процесса труда. Здесь только научаешься понимать, какой яркий свет был пролит на весь вопрос благодаря марксовской схеме простого воспроизводства, которая охватывает все эти точки зрения в их совпадении и противоречии и которая в двух рядах чисел изумительной простоты разрешает безнадежную путаницу бесчисленных томов.

Что капиталистическое присвоение при таком понимании капитала и дохода становится необъяснимым, понятно само собой. Родбертус недаром объявляет это присвоение попросту «грабежом» и клеймит его перед судом права собственности, по отношению к которому оно является постыдным нарушением. «Итак, когда эта личная свобода (свобода рабочих), которая юридически заключает в себе собственность на стоимость продукта труда, в силу принуждения, оказываемого собственностью на землю и капитал по отношению к рабочим, ведет на практике к отчуждению этого притязания собственности, то собственники как будто бы удерживаются от признания этой великой и всеобщей несправедливости инстинктивным страхом, что история может вывести из этого свои строгие и неумолимые силлогизмы»². «Поэтому эта теория (теория Родбертуса) служит во всех своих частностях доказательством того, что те панегиристы современных отношений собственности, которые никак не могут удержаться от того, чтобы не обосновывать собственность на труде, попадают в полнейшее противоречие со своим собственным принципом. Она доказывает, что современные отношения собственности покоятся как раз на всеобщем нарушении этого принципа и что крупные индивидуальные имущества, накапливающиеся в современном обществе, с каждым вновь родившимся рабочим увеличивают издавна накапливающуюся в обществе награбленную добычу»³. А раз прибавочная стоимость объявлена «награбленной добычей», то возрастающая норма прибавочной стоимости выступает как «удивительная ошибка современной экономической организации»⁴. Прудон в своем первом памфлете раз-

¹ Л. с., т. I, стр. 292.

² Л. с., т. II, стр. 236.

³ Л. с., т. II, стр. 225.

⁴ Л. с., т. I, стр. 61.

вил по крайней мере парадоксальное, грубое, но революционно звучащее положение Бриссо: собственность это кража; Родбертус – что капитал есть кража собственности. Сравните с этим главу в «Капитале» Маркса о превращении законов собственности в законы капиталистического присвоения – главу, которая дает мастерской образец исторической диалектики, и вы еще раз сумеете констатировать «приоритет» Родбертуса. Во всяком случае Родбертус благодаря своим декламациям против капиталистического присвоения с точки зрения «права собственности» закрыл себе дорогу к пониманию процесса возникновения прибавочной стоимости из капитала точно так же, как он раньше благодаря своим декламациям против «сбережения» закрыл себе дорогу к пониманию процесса возникновения капитала из прибавочной стоимости. Таким образом Родбертусу недостаают все предпосылки для понимания капиталистического накопления, и он ухитряется в этом остаться позади даже самого Кирхмана.

Итак, Родбертус хочет неограниченного расширения производства, но без всяких «сбережений», т. е. без капиталистического накопления! Он хочет неограниченного роста производительных сил, но в то же время фиксированной нормы прибавочной стоимости, устанавливаемой законодательным путем! Одним словом, он обнаруживает полное непонимание как истинных основ капиталистического производства, которое он хочет реформировать, так и важнейших выводов классической политической экономии, которые он критикует.

Не потому ли проф. Диль говорит, что Родбертус благодаря своей «новой теории дохода» и разграничению логической и исторической категорий капитала (пресловутый «капитал в себе» в противоположность отдельному капиталу) проложил в теоретической политической экономии новые пути? И не потому ли проф. Адольф Вагнер называет его «Рикардо экономического социализма», чтобы таким образом засвидетельствовать одним ударом свое собственное непонимание как Рикардо и Родбертуса, так и социализма? Лексис же даже находит, что Родбертус по силе абстрактного мышления стоит по крайней мере на одном уровне со «своим британским соперником», и «виртуозностью вскрытия глубочайшей связи явлений», «живостью фантазии» и прежде всего своей «этической точкой зрения по отношению к хозяйственной жизни» далеко превосходит его. Напротив того, то, что Родбертус действительно сделал в теоретической экономии помимо его критики земельной ренты Рикардо: его местами совершенно ясное разграничение между прибавочной стоимостью и прибылью; его рассмотрение прибавочной стоимости как целого и сознательное отграничение последнего от его частичных явлений; его местами превосходная критика смитовского догмата о составе стоимости товаров; его резкая формулировка периодичности кризисов и анализ их форм проявления – эти ценные попытки пойти дальше Смита-Рикардо в анализе, который должен был потерпеть крушение на путанице в основных понятиях, – все это для официальных поклонников Родбертуса большей частью китайская грамота. Франц Меринг уже указал на замечательный удел Родбертуса: за его воображаемые великие дела в области политической экономии его превознесли до небес; напротив того, за его истинные политические заслуги он теми же людьми рассматривался как «глупец». Но в нашем случае дело идет даже

не о противоположности между его экономической и политической деятельностью: даже на поприще теоретической политической экономии его панегиристы воздвигли ему огромный памятник на том песчаном поле, где он копался с безнадежным рвением утописта, в то время как они дали зарости сорной травой и предали забвению ту пару скромных грядок, на которых он оставил несколько плодотворных ростков¹.

В целом нельзя утверждать, что проблема накопления в прусско-померанском обсуждении подвинулась вперед со времени первой контроверзы. Если экономическое учение о гармонии тем временем спустилось с высот Рикардо до уровня Бастиа-Шульце, то и социальная критика, в соответствии с этим, завершила свое падение от Сисмонди до Родбертуса. И если критика Сисмонди в 1819 г. была историческим подвигом, то реформистские идеи Родбертуса уже в самом начале, а тем более в его позднейших повторениях, были жалким шагом назад.

В споре между Сисмонди и Сэем-Рикардо одна сторона доказывала невозможность накопления вследствие кризисов и предостерегала против развития производительных сил, другая сторона доказы-

¹ Впрочем самый скверный памятник поставлен ему его посмертными издателями. Все эти ученые господа – проф. Вагнер, д-р Козак, Мориц Вирт и как их там всех звать, – которые в своих предисловиях, подобно компании необузданных слуг в передней, выносят свои личные делишки и мелкие обиды и *coram publico* ругают друг друга, не обнаружили даже самого элементарного пиетета и заботы, чтобы установить время, когда были написаны отдельные манускрипты, оставшиеся после Родбертуса. Они лишь, например, от Меринга должны были узнать, что самая старая из рукописей Родбертуса относится не к 1837 году, как это уверенно заключает профессор Вагнер, а самое раннее к 1839 году, ибо в первых же строках этой рукописи речь идет об исторических фактах из чартистского движения, которые относятся к 1839 году и знание которых является, так сказать, долгом профессора политической экономии. Профессор Вагнер, который в своих предисловиях к Родбертусу постоянно надоедает своим самодовольствием и страшно «занятым временем» и который вообще разговаривает только со своими «коллегами по специальности» через головы прочей людской черни, как великий человек перед собравшимися коллегами, по специальности молча принял к сведению великолепный урок Меринга. Диль также молча попросту исправил в «*Handwörterbuch der Staatwissenschaften*» дату 1837 г. на 1839 г. и ни одним словом не обмолвился перед читателем, когда и от кого он узнал, что это так.

Венец составляет однако вышедшее в 1899 г. и предназначенное «для народа» «новое дешевое издание» Путьткаммера и Мюлбрехта, которое мирно объединяет нескольких ссорящихся господ редакторов и помещает их спор в предисловиях, – издание, где например, из прежнего вагнеровского II тома сделан I том, и Вагнер, несмотря на это, в предисловии к III тому спокойно продолжает говорить о «II томе»; где «Первое социальное письмо» попало в III том, второе и третье во II том, а четвертое в I том; где вообще последовательность «Социальных писем», «*Kontraversen*», «К освещению» и томы, хронологические и логические связи, даты издания и даты, когда соответствующие работы были написаны, представляют еще более непроходимый хаос, чем слои земной коры после многократных вулканических извержений; где в 1899 году, вероятно, из пиетета к проф. Вагнеру, в качестве года, когда была написана первая работа Родбертуса, сохранен 1837 год, несмотря на то, что поучение Меринга имело место уже в 1894 году! Стоит сравнить с этим изданием «Литературное наследство» Маркса, изданное Мерингом и Каутским в издательстве Дитца, чтобы увидеть, как в столь, повидимому, внешних вещах отражаются более глубокие связи: так заботятся о научном наследии учителя сознательного пролетариата и так официальные ученые буржуазии распродают наследство человека, который по их собственной тенденциозной легенде был первоклассным гением! *Suum cuique* – такова была любимая поговорка Родбертуса.

мократии, вызвал грозное отрезвление; он окончательно сорвал все покровы с «гармоний» и показал голую действительность капиталистических противоречий во всей их наготе. С тех пор оптимизм был еще возможен лишь в лагере восходящего рабочего класса и его теоретических вождей. Это был, конечно, не оптимизм по отношению к естественно или искусственно установленному внутреннему равновесию капиталистического хозяйства и его вечному бытию, а оптимизм в том смысле, что вызванное капиталистическим хозяйством могущественное развитие производительных сил как раз благодаря его внутренним противоречиям является прекрасной исторической почвой для прогрессивного развития общества по направлению к новым экономическим и социальным формам. Отрицательная, понижательная тенденция первого периода капитализма, которую некогда только и видел Сисмонди и которую еще Родбертус наблюдал в 40-х и 50-х годах, сменилась теперь повышательной тенденцией, полной надежд победоносной борьбой рабочего класса в его политическом и профессиональном движении.

Такова была историческая среда в Западной Европе. Иную картину представляла в то время Россия. Здесь семидесятые и восьмидесятые годы во всех отношениях являются переходным временем, периодом внутренних кризисов со всеми его муками. Крупная промышленность под эгидой высоких таможенных пошлин переживала лишь свои медовые месяцы. В начавшемся в это время форсированном поощрении капитализма абсолютистским правительством введение в 1877 г. золотых пошлин на западной границе явилось поворотным пунктом. «Первоначальное накопление» капитала прекрасно процветало в России при поощрении разнообразными государственными субсидиями, гарантиями, премиями и казенными заказами и пожинало такие прибыли, которые для Западной Европы в то время уже отошли в сказочное прошлое. Внутреннее положение России представляло при этом менее всего привлекательную и отрадную картину. В деревне упадок и разложение крестьянского хозяйства под гнетом фискального грабительства и под влиянием денежного хозяйства создали ужасное положение – периодические голодовки и периодические крестьянские волнения. С другой стороны, фабрично-заводский пролетариат городов не успел еще в социальном и духовном отношении консолидироваться в современный рабочий класс. В самом крупном, Московско-Владимирском центральном промышленном районе, который является важнейшей областью русской текстильной промышленности, пролетариат был еще большей частью тесно связан с сельским хозяйством и состоял наполовину из крестьянских элементов. Соответственно с этим примитивные формы эксплуатации вызвали примитивные проявления обороны. Лишь в начале 80-х годов стихийные волнения на фабриках Московского района, сопровождавшиеся разрушением машин, дали толчок к первым основам фабричного законодательства в стране царей.

Если хозяйственная сторона общественной жизни в России выявляла таким образом на каждом шагу вопиющие диссонансы переходного периода, то ей соответствовал и кризис в духовной жизни. Самобытный русский социализм в лице народничества, которое теоретически базировалось на особенностях аграрного строя России, стал

политическим банкротом после того, как его крайнее революционное проявление – террористическая партия Народной Воли – потерпело фиаско. С другой стороны, первые работы Георгия Плеханова, которые должны были содействовать распространению в России марксистского метода мышления, относятся лишь к 1883 и 1885 гг. и в первое десятилетие имели, невидимо-му, еще слабое влияние. В продолжение 80-х, а отчасти и 90-х годов в умственной жизни русской интеллигенции – именно оппозиционно настроенной, социалистической интеллигенции – господствовало своеобразное смешение «самобытных» пережитков народничества и схваченных на лету элементов теории Маркса, – смешение, наиболее характерной чертой которого был скептицизм по отношению к возможности развития в России капитализма.

Вопрос о том, должна ли Россия по примеру Западной Европы пройти путь капиталистического развития, очень рано стал занимать русскую интеллигенцию. Она видела и в Западной Европе прежде всего темные стороны капитализма, его разлагающее влияние на традиционные патриархальные формы производства, на благосостояние и обеспеченность существования широких народных масс. С другой стороны, русское крестьянское общинное землевладение, знаменитая община, казалась возможной исходной точкой для более высокого социального развития России, которая, минуя стадию капитализма с его страданиями, должна более коротким и менее мучительным путем, чем западноевропейские страны, вступить в светлое царство социализма. Стоило ли пренебречь этим счастливым исключительным положением, этой единственной в своем роде исторической возможностью, и форсированным насаждением в России капитализма – при помощи государства – уничтожить крестьянские формы собственности и производства и широко открыть двери пролетаризации, нищете и необеспеченности существования трудящихся масс?

Эта основная проблема господствовала над умственной жизнью русской интеллигенции со времени крестьянской реформы и даже раньше – со времени Герцена и, в особенности, Чернышевского; она являлась центральным пунктом, вокруг которого сформировалось все своеобразное народническое мировоззрение. Это идейное направление, которое вылилось в различные разновидности и течения, – начиная с явно реакционных учений славянофильства и кончая революционной теорией террористической партии, – породило в России огромную литературу. Она, с одной стороны, дала богатый материал в монографиях о хозяйственных формах российской жизни, в особенности о «народном производстве» и его своеобразных формах, о сельском хозяйстве крестьянской общины, о кустарной промышленности, об артели, а также о духовной жизни крестьянства, о сектах и т. п. С другой стороны, появилась своеобразная беллетристическая литература – художественное отражение полных противоречий социальных отношений, в которых старое боролось с новым и на каждом шагу осаждало ум сложными проблемами. Наконец, из того же источника в 70-х и 80-х годах произошла оригинальная доморощенная философия истории – «субъективный метод в социологии», которая сделала «критическую мысль решающим фактором общественного развития, или, точнее, превратила деклассированную

интеллигенцию в носителя исторического прогресса; эта философия истории нашла своих поборников в лице Петра Лаврова, Николая Михайловского, проф. Кареева и В. Воронцова.

Во всей этой обширной и широко разветвленной народнической литературе нас интересует здесь лишь одна сторона – полемика по вопросу о видах на капиталистическое развитие в России, и то лишь постольку, поскольку она опиралась на общий анализ общественных условий капиталистического способа производства. Ибо и этот анализ должен был сыграть большую роль в русской полемической литературе 80-х и 90-х годов.

Речь шла прежде всего о русском капитализме и его перспективах, но возникшие отсюда дебаты коснулись, естественно, общей проблемы развития капитализма, причем пример и опыты Запада сыграли самую выдающуюся роль в качестве материала для доказательств.

Для теоретического содержания начавшейся дискуссии имел решающее значение тот факт, что достоянием образованной России был не только марксовский анализ капиталистического производства в том виде, как он изложен в I томе «Капитала», но и вышедший уже в 1885 году II том, содержащий анализ воспроизводства капитала, взятого в целом. Это придало дискуссии существенно другую окраску. Проблема кризисов уже не замаскировывала больше, как в прежних случаях, истинную сущность исследования. Вопрос о воспроизводстве капитала в его целом, о его накоплении, в его чистой форме впервые был поставлен в центр спора. Анализ уже не терялся больше в беспомощных блужданиях вокруг понятий дохода и капитала, отдельного и совокупного капитала. Спорящие стороны стояли теперь на твердой почве марксовых схем общественного воспроизводства. И, наконец, на этот раз речь вообще идет уже не о споре между манчестерством и социал-реформизмом, а о споре между двумя разновидностями социализма: скептицизм по отношению к возможности капиталистического развития поддерживался в духе Сисмонди и отчасти Родбертуса мелкобуржуазной народнически-путаной разновидностью русского социализма, которая однако сама постоянно ссылается на Маркса; оптимизм поддерживался марксистской школой в России. Декорации таким образом целиком переменились.

Из двух главных представителей народнического направления один, Воронцов, известный в России главным образом по его литературному псевдониму В. В. (его инициалы), был оригиналом, который совершенно терялся в политической экономии и к которому как к теоретику вообще нельзя относиться серьезно; напротив того, другой, Николай-он (Даниэльсон) был человек широкого образования, основательный знаток марксизма и к тому же автор русского перевода I тома «Капитала» и личный друг Маркса и Энгельса, с которыми он состоял в оживленной переписке (изданной в 1908 г. на русском языке). Однако именно Воронцов оказывал в 80-х годах огромное влияние на общественное мнение русской интеллигенции, и именно против него должен был в первую голову вступить в борьбу русский марксизм. По интересующему нас вопросу об общих возможностях развития капитализма против обоих вышеназванных представителей скептицизма в 90-х годах выступил целый ряд оппонентов – новое поколение марксистов, вооруженных историческим опытом и знанием

Западной Европы: рядом с Георгием Плехановым выступили проф. Кабуков, проф. Мануйлов, проф. Исаев, проф. Скворцов, Владимир Ильин, Петр Струве, Булгаков, проф. Туган-Барановский и др. В дальнейшем мы ограничимся главным образом тремя последними авторами, так как каждый из них дал более или менее законченную критику народнической теории и в интересующей нас здесь области. Этот в известной мере блестящий турнир, державший в 90-х годах в напряжении российскую социалистическую интеллигенцию и закончившийся бесспорным триумфом марксистской школы, открыл марксизму как историко-экономической теории официальный доступ в русскую науку. «Легальный» марксизм открыто укрепился в ту пору на кафедре, в журналах и в русской экономической литературе – со всеми теневыми сторонами этого положения. Десять лет спустя, когда возможности развития русского капитализма открыто показали всем свою оборотную оптимистическую сторону в виде революционного подъема пролетариата, из названной плеяды марксистских оптимистов ни один – за единственным лишь исключением – уже не находился в лагере пролетариата.

Глава девятнадцатая

ГОСПОДИН ВОРОНЦОВ И ЕГО «ИЗЛИШЕК»

Представителей народнического направления в России привело к проблеме капиталистического воспроизводства их убеждение в том, что капитализм не имеет в России никаких видов вследствие недостатка рынков. Воронцов изложил свою теорию в этом духе в ряде статей, напечатанных в «Отечественных записках» и других журналах и собранных в 1882 году в книгу под названием «Судьбы капитализма в России», затем в статье «Излишек снабжения рынка товарами», напечатанной в майской книжке названного журнала за 1883 год, в статье «Милитаризм и капитализм», появившейся в сентябрьской книжке «Русской мысли» за 1889 год, в книге «Наши направления», вышедшей в 1893 году, и, наконец, в 1895 году в книге под названием «Очерки теоретической экономии». Понять позицию Воронцова по вопросу о капиталистическом развитии в России не совсем легко. Он не стоит ни на стороне чисто славянофильской теории, которая, исходя из «особенностей» экономической структуры России и ее особого «народного духа», считала путь капитализма для России ложным и пагубным, ни на стороне марксистов, видевших в капиталистическом развитии неизбежный исторический этап, который и для русского общества может открыть единственный возможный путь к социальному прогрессу. Воронцов со своей стороны утверждал, что капитализм в России попросту невозможен, что он не имеет никаких корней и никакой будущности. Одинаково неправильно желать его или проклинать, ибо в России даже нет жизненных условий для его развития, так что все связанные с тяжелыми жертвами усилия, направленные к воспитанию капитализма в России при помощи государственной власти, являются напрасной тратой энергии. Но если приглядеться поближе, то оказывается, что Воронцов весьма существенно ограничивает высказанное им утверждение. Поскольку дело

касается не накопления капиталистического богатства, а капиталистической пролетаризации мелких производителей, необеспеченности существования рабочих и периодических кризисов, Воронцов отнюдь не отрицает наличия этих явлений в России. Напротив того, в предисловии к своим «Судьбам капитализма в России» он ясно говорит: «Нужно здесь заметить, что, отрицая возможность господства в России капитализма как формы производства, я ничего не предрешаю относительно его будущего как формы и степени эксплуатации народных масс». Воронцов, следовательно, полагает, что в России капитализм не может лишь достигнуть той степени зрелости, что на Западе, но что процесса отделения непосредственных производителей от средств производства следует ожидать и в русских условиях. Воронцов идет даже дальше. Он вовсе не оспаривает возможности развития капиталистических форм производства в известных отраслях русской промышленности, он не оспаривает даже возможности капиталистического экспорта из России на внешние рынки. В своей статье об «Излишке снабжения рынка товарами» он говорит: «Капиталистическое производство очень быстро (по-русски, разумеется) развивается в некоторых отраслях промышленности»¹. «Весьма вероятно, что Россия, как и другие страны, имеет некоторые естественные преимущества, благодаря которым она может явиться поставщиком на внешнем рынке известного рода товаров; очень может быть, что этим воспользуется капитал и захватит в свои руки соответствующие отрасли производства, т. е. «национальное разделение труда» действительно поможет нашему капитализму укрепиться в некоторых отраслях производства; но ведь у нас речь идет не об этом; мы говорим не о случайном участии капитала в промышленной организации страны, а о вероятности построения всего производства России на капиталистическом принципе»².

В этой форме скептицизм господина Воронцова приобретает, очевидно, несколько иной вид, чем это можно было подумать вначале. Он сомневается в том, что капиталистический способ производства сумеет завоевать все производство России. Но такого фокуса он не совершил еще до настоящего времени ни в одной стране в мире, даже в Англии. Подобного рода скептицизм по отношению к будущему русского капитализма таким образом должен был распространиться на все страны. И теория Воронцова действительно сводится здесь к общим рассуждениям о характере и жизненных условиях капитализма; она опирается на общие теоретические взгляды, на процесс воспроизводства всего общественного капитала. Воронцов в следующей ясной форме формулирует особую связь капиталистического способа производства с вопросом о рынках: «Национальное разделение труда, распределение всех отраслей промышленности между участвующими во всемирной торговле странами не имеет ничего общего с капитализмом. Рынок, образующийся таким образом, запрос на продукты разных стран, вытекающий из подобного разделения труда между народами, по своим свойствам

не

имеет

¹ «Отечественные записки», 1883, кн. V, Современное обозрение, стр. 4.

² L. с., стр. 10.

ничего общего с тем рынком, который необходим для капиталистического производства... Продукты же капиталистической промышленности поступают на рынок с другой целью: они не затрагивают вопроса, удовлетворены ли все потребности страны; им не нужно взамен себя непременно предоставить хозяину другой материальный продукт, служащий потреблению. Главная их цель – р е а л и з о в а т ь с к р ы т у ю в н и х п р и б а в о ч н у ю с т о и м о с т ь . А что это за прибавочная стоимость, интересная для капиталиста сама по себе? С точки зрения, с какой мы рассматриваем вопрос, указанная прибавочная стоимость, это – избыток производства над потреблением внутри страны. Каждый рабочий производит больше, чем сам потребляет, и все эти излишки скопляются в немногих руках; владельцы этих излишков потребляют их сами, для чего обменивают их внутри страны и за границей на разнообразнейшие продукты необходимости и комфорта; но сколько бы они ни ели, ни пили и ни плясали – всей прибавочной стоимости им не извести; остается значительная часть, которую им нужно не обменять на другой продукт, а просто-напросто сбыть, превратить в деньги, иначе она все равно погибнет. Не имея кому сбыть внутри страны, ее нужно везти за границу – и вот причина, почему капитализирующиеся страны не могут обойтись без внешнего рынка»³.

В этой цитате, которую мы привели буквально, со всеми особенностями стиля Воронцова, читатели имеют образчик, который может им дать представление об остроумном русском теоретике, при чтении которого испытываешь большое удовольствие.

Те же самые взгляды Воронцов впоследствии изложил в своей книге «Очерки теоретической экономии», вышедшей в 1895 г. Послушаем, что он здесь говорит. Воронцов полемизирует здесь против Сэя-Рикардо, а также против Д. С. Милля, оспаривавших возможность всеобщего перепроизводства. Он открывает при этом то, чего никто до него не знал: он обнаружил источник всех ошибок классической школы в вопросе о кризисах.

Этот источник заключается, по его мнению, в ошибочной теории издержек производства, которую разделяла буржуазная экономия. Сточки зрения издержек производства (в которые В. не включает прибыль, чего тоже никто до него не делал), прибыль и кризисы во всяком случае немыслимы и необъяснимы. Но наш оригинальный мыслитель хочет, чтобы мы насладились его собственными словами: «По учению буржуазной политической экономии стоимость продукта определяется трудом, затраченным на его производство. Но дав такое определение ценности, она тотчас забывает о нем и в последующем объяснении явлений обмена держится другой теории, в которой труд заменен издержками производства. Итак, два продукта обмениваются один на другой в таких количествах, чтобы на обеих сторонах были одинаковые издержки производства. При подобном взгляде на обмен излишку товаров в стране действительно нет места. Какой-либо продукт годового труда рабочего с этой точки зрения является представителем известного количества материала, из которого он сделан, орудий труда, изношенных при его производстве, и продуктов, составляющих со-

¹ Л. с., стр. 14.

держание трудящегося в продолжение периода работы. Являясь на рынок, он (надо полагать «продукт»! – Р. Л.) имеет целью изменить свою потребительную форму, превратиться опять в материал, продукты, нужные для рабочего, и ценность, пойдущую на ремонт орудий, а после такого раздробления его на составные части начнется опять процесс их соединения, процесс производства, в продолжение которого все перечисленные ценности будут потреблены, но зато получится новый продукт, служащий связью прошедшего потребления с будущим». Из этой весьма своеобразной попытки представить общественное воспроизводство как непрерывный процесс точки зрения теории издержек производства совершенно неожиданно выводится следующее заключение: «Таким образом, рассматривая всю массу продуктов страны в совокупности, мы не найдем здесь товара излишнего, ненужного по размерам потребления общества; излишек снабжения с точки зрения теории ценности буржуазной политической экономии поэтому невозможен». Исключив путем в высшей степени безответственного насилия над «буржуазной теорией ценности» прибыль на капитал из издержек производства, он тут же делает из этого великое открытие: «Но произведенный анализ открывает еще одну черту недавно господствовавшего в науке учения о ценности; оказывается, что на почве этого учения нет места и прибыли». За сим следует поразительное по своей краткости и простоте доказательство: «Действительно, если мой продукт, издержки производства которого выражаются 5 рублями, обменяется на чужой, такой же стоимости, то полученного будет достаточно лишь для оплаты моих издержек, за воздержание же (буквально так! – Р. Л.) мне не останется ничего». И тут Воронцов берет быка за рога.

«Так, мы видим, что на почве строго логического развития идей буржуазной экономии судьба излишка снабжения товарами и судьба прибыли оказывается одинаковой. Это уже дает нам основание заключить, что оба феномена находятся во взаимной зависимости, что возможность одного из них обуславливается существованием другого. И действительно, пока нет прибыли – нет и излишка снабжения... Другое дело, если в стране образуется прибыль. Она не находится в органической связи с производством, она есть феномен, связанный с последним не технико-естественными условиями, а внешней, социальной его формой. Производство... для своего продолжения нуждается лишь в материале, орудиях труда, средствах содержания рабочих, и потому само потребляет лишь соответствующую часть продуктов; излишек же их, образующий прибыль, не находя себе помещения в постоянном элементе промышленной жизни – в производстве продуктов, должен искать других потребителей, не связанных органически с производством, потребителей до известной степени случайных. Он (излишек) должен найти таких потребителей, но может и не найти их в требуемом количестве, и в таком случае мы будем иметь избыток снабжения рынка товарами»¹. В высшей степени довольный эти «простым» объяснением, в котором он делает прибавочный продукт изобретением капитала, а капиталистов «случайными» потребителями, «органически» не связанными с капиталистическим производством,

¹ «Очерки теоретической экономии», СПб. 1895 г., стр. 157 и сл.

Воронцов, на основании марксовой «последовательной» теории ценности, которой он по его заявлению «держится», в дальнейшем выводит кризисы прямо из прибавочной стоимости.

«Если то, что в виде заработной платы входит в издержки производства, потребляется трудящейся частью населения, то прибавочная стоимость, за исключением доли, назначенной для требующегося рынком расширения производства, должна быть уничтожена (буквально так! – Р. Л.). Если они в силах сделать это и делают это, то излишек снабжения товарами не имеет места, если же нет, – является перепроизводство продуктов, промышленные кризисы, вытеснение рабочих с фабрик и следующий за ним ряд бедствий». Но кто в последнем счете виноват в этих бедствиях, так это, по мнению господина Воронцова, «о г р а н и ч е н н о с т ь и л и н е д о с т а т о ч н а я э л а с т и ч н о с т ь ч е л о в е ч е с к о г о о р г а н и з м а, не успевающего расширять свои потребительские способности с тою быстротой, с какой растет прибавочная стоимость». Вторично Воронцов формулирует ту же самую гениальную мысль, говоря, что ахиллесова пята капиталистической организации промышленности заключается в неспособности предпринимателей потребить весь получаемый ими доход.

«Используя» теорию стоимости Рикардо в ее «последовательном» марксовом понимании, Воронцов приходит таким образом к теории кризисов Сисмонди, которую он к тому еще в чрезвычайно грубой и упрощенной форме приписывает себе. Но, излагая концепцию Сисмонди, он, конечно, думает, что принимает концепцию Родбертуса. «Индуктивный метод исследования привел к той самой теории кризисов и пауперизма, которая установлена Родбертусом дедуктивно»¹, – торжествующе заявляет он. Что Воронцов понимает под «индуктивным методом исследования», который он противопоставляет «дедуктивному», правда, не совсем ясно, но возможно, – так как у г-на Воронцова все возможно, – что он понимает под этим теорию Маркса. Но и Родбертус не вышел «неисправленным» из рук оригинального русского мыслителя. В родбертусовской теории Воронцов делает лишь ту поправку, что он исключает из нее то, что у Родбертуса было центральным пунктом всей системы, именно фиксирование доли заработной платы в стоимости совокупного продукта. По мнению г-на Воронцова, и эти мероприятия против кризисов были бы лишь паллиативом, ибо «непосредственной причиной названных явлений (перепроизводства, безработицы и т. д.) служит не тот факт, что доля рабочих классов в национальном доходе слишком мала, а то обстоятельство, что класс предпринимателей не в силах потребить массу продуктов, ежегодно поступающих в его распоряжение»². Но, отклонив только что родбертусовскую реформу распределения дохода, Воронцов с своей «строго логической последовательностью» приходит к следующему прогнозу о грядущих судьбах капитализма:

«Итак, если промышленной организации Западной Европы суждено еще процветать и развиваться, то это – под условием отыскания способов уничтожения той части национального дохода (буквально так! – Р. Л.), которая превышает потребительскую способность класса

¹ «Милитаризм и капитализм». «Русская мысль», 1889, кн. IX, стр. 78.

² Л. с., стр. 80.

предпринимателей и тем не менее направляется в его руки. Наипростейшим решением этого вопроса было бы соответствующее изменение в распределении национального дохода между участниками производства. Капиталистический режим был бы обеспечен надолго, если бы из каждого приращения национального дохода предприниматели оставляли себе лишь столько, сколько это необходимо для удовлетворения всех их прихотей и капризов, предоставляя остальное рабочему классу, т. е. на потребление массы населения»¹. Таким образом рагу из Рикардо, Маркса, Сисмонди и Родбертуса кончается открытием, что капиталистическое производство было бы радикально излечено от перепроизводства и могло бы вечно «цвести и развиваться», если бы капиталисты отказались от капитализации прибавочной стоимости и соответствующую часть последней дарили бы рабочим. А между тем капиталисты раньше, чем оказаться настолько умными, чтобы принять добрый совет г-на Воронцова, находят другой способ ежегодного «уничтожения» части своей прибавочной стоимости. К этим испытанным средствам относится между прочим современный милитаризм, притом, – так как г-н Воронцов с убийственной уверенностью умеет все ставить на голову, – постольку, поскольку издержки милитаризма покрываются не из средств трудящихся народных масс, а из дохода класса капиталистов. Но в первую голову средством для спасения капитализма является в н е ш н я т о р г о в л я. А это-то и есть «ахиллесова пята» российского капитализма. Как сидящий последним за столом мирового рынка, он при конкуренции более старых капиталистических стран Запада остается не причем, и русский капитализм вместе с видами на иностранные рынки лишается таким образом важнейшего условия своей жизнеспособности. Россия остается «страной крестьян» и «народного производства».

«Если все это верно, – заключает В. В. свою статью об «излишке снабжения рынка товарами», – то этим очерчиваются и границы господства капитализма в России: земледельческий промысел должен быть изъят из-под его руководства; но и в сфере обрабатывающей промышленности развитие его должно действовать чересчур разрушительно на кустарные промыслы, представляющиеся по нашим климатическим условиям необходимыми для благосостояния значительной части населения. Если читатель заметит, что капитализм на такие компромиссы не пойдет, то тем хуже для него, – скажем мы в свою очередь». Так г-н Воронцов к концу умывает руки и слагает со своей персоны всякую ответственность за дальнейшие судьбы хозяйственного развития России.

Глава двадцатая

НИКОЛАЙ -ОН

С другой экономической подготовкой и с другими знаниями подходит к вопросу второй теоретик народнической критики – Николай -он. Один из основательнейших знатоков русских народнохозяйствен-

¹ Л. с., стр. 83. Ср. «Очерки», стр. 196.

ных отношений, он уже в 1880 году привлек к себе внимание своей статьей о капитализации сельскохозяйственного дохода (в журнале «Слово»). Тринадцать лет спустя он под влиянием большого русского голода 1891 года издал книгу под названием «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», в которой он продолжает свое первое исследование и на основании широко набросанной и обоснованной богатым фактическим и цифровым материалом картины развития капитализма в России пытается доказать, что это развитие стало для русского народа источником всякого зла, а также голода. В основу своих взглядов на судьбы капитализма в России Николай - он кладет определенную теорию условий развития капиталистического производства вообще, и именно эта теория представляет для нас интерес.

Для капиталистического хозяйства рынок имеет решающее значение. Каждая капиталистическая нация поэтому старается обеспечить себя по возможности большим рынком. Она при этом хватается прежде всего за свой собственный внутренний рынок. Но на определенной высоте развития капиталистическая нация уже не может больше довольствоваться внутренним рынком, и вот почему. Весь новый годовой продукт общественного труда можно разделить на две части: на часть, которую рабочие получают в виде заработной платы, и на часть, которую присваивают себе капиталисты. Первая часть может извлечь из обращения лишь такое количество средств существования, которое по стоимости соответствует сумме выплаченных в стране заработных плат. Но капиталистическое хозяйство имеет явно выраженную тенденцию все больше уменьшать эту часть. Методами, которыми оно при этом пользуется, является удлинение рабочего дня, повышение интенсивности труда, повышение его производительности посредством технических усовершенствований, которые дают возможность на место мужской рабочей силы поставить женскую и детскую и отчасти совершенно вытеснить труд взрослых рабочих. Если даже заработная плата прочих занятых рабочих растет, то это повышение все же не может никогда сравниться со сбережениями капиталиста, которые обусловлены указанными изменениями. Из всего этого следует, что роль рабочего класса как покупателя на внутреннем рынке все более уменьшается. Рядом с этим идет еще другой процесс: капиталистическое производство шаг за шагом завоевывает те промыслы, которые являлись для сельскохозяйственного населения побочным занятием; оно таким образом лишает крестьянство одного источника существования за другим. Благодаря этому все более уменьшается и покупательная сила сельского населения по отношению к продуктам, промышленности, так что внутренний рынок и с этой стороны все более суживается. Но если мы обратимся к доле класса капиталистов, то и она не в состоянии реализовать весь вновь произведенный продукт, конечно, по причинам противоположного характера. Как бы широки ни были потребности этого класса, но он личным потреблением, не может потребить весь годовой прибавочный продукт, во-первых, потому, что часть его должна применяться на расширение предприятия и на технические усовершенствования, которые навязываются конкуренцией каждому отдельному капиталисту как условие существования: во-вторых, потому, что с ростом капиталистического

производства растет и та отрасль, которая занимается производством средств производства, – горное дело, машиностроение и т. д.; продукт этой отрасли благодаря своей потребительной форме заранее исключает личное потребление и предназначен функционировать как капитал; в-третьих, наконец, потому, что большая производительность труда и сбережение капитала, которое может быть достигнуто при массовом производстве дешевых товаров, все больше направляют общественное производство на производство именно таких продуктов массового потребления, которые не могут быть потреблены кучкой капиталистов.

Хотя прибавочная стоимость одного капиталиста может быть реализована в прибавочном продукте другого капиталиста, и наоборот, но это относится все-таки лишь к продуктам определенной отрасли, именно к отрасли, производящей средства потребления. Но главный мотив капиталистического производства состоит не в удовлетворении личных потребностей. Это проявляется в том, что производство средств существования в целом все больше сокращалось по сравнению с производством средств производства. «Таким образом как продукт каждой фабрики далеко превосходит потребность в нем всего работающего фабричного населения и владельца фабрики, точно так же продукт капиталистической нации далеко превосходит потребность в нем всего занятого рабочего населения и превосходит именно потому, что нация эта капиталистическая, разделение общественных сил которой направлено не на удовлетворение действительных потребностей населения, а на удовлетворение потребления платящего. Поэтому как отдельный фабрикант, как капиталист не может просуществовать и дня, если его рынок ограничится только пределами потребностей его рабочих и его собственных, точно так же не может удовлетвориться одним своим собственным внутренним рынком и развившаяся капиталистическая нация».

Таким образом капиталистическое развитие имеет тенденцию на известной ступени чинить самому себе препятствия. Эти препятствия в последнем счете происходят оттого, что прогрессирующая производительность труда при условии отделения непосредственных производителей от средств производства идет на пользу не всему обществу, а лишь отдельным предпринимателям, причем благодаря этому процессу «освобождается» масса рабочих сил и рабочего времени, которые становятся излишними и не только пропадают для общества, но и становятся для него обузой. Действительные потребности народных масс лишь постольку могут быть лучше удовлетворены, поскольку получает преобладание «народный» способ производства, основанный на соединении производителей со средствами производства. Но капитализм имеет тенденцию завоевывать как раз эти сферы производства и таким образом уничтожать главный фактор своего собственного расцвета. Ведь были же, например, периодические голодовки в Индии, наступавшие каждые десять-одиннадцать лет, одной из причин периодичности промышленных кризисов в Англии. К этому противоречию рано или поздно приходит всякая нация, вступившая на путь капиталистического развития, ибо оно кроется в самом этом способе производства. Но чем позже нация вступает на путь капитализма, тем острее дает себя чувствовать

это

противоречие, ибо она после насыщения внутреннего рынка не может найти себе места на иностранном рынке по той причине, что он уже завоеван более старыми конкурирующими странами.

Из всего этого следует, что пределы капитализма даны возрастающей нищетой, обуславливающей его собственное развитие, что они даны возрастающим числом избыточных рабочих, не обладающих ровно никакой покупательной силой. Увеличивающейся производительности труда, которая необыкновенно быстро удовлетворяет всякую платежеспособную потребность общества, соответствует увеличивающаяся неспособность растущей народной массы удовлетворять свои самые насущные потребности; излишку не поддающихся сбыту товаров соответствует нужда широких масс в самом необходимом.

Таковы общие взгляды Николая -она¹. Мы видим, что Николай -он знаком с Марксом и что оба первых тома «Капитала» ему весьма пригодились. И все-таки вся его аргументация совершенно сисмондистская: капитализм ведет сам к сужению внутреннего рынка вследствие обнищания масс; всякое зло современного общества происходит от разрушения «народного» производства, т. е. мелких предприятий, таковы его лейтмотивы. Восхваление всеспасающего мелкого производства как основной тон всей критики Николая -она находит у него даже более отчетливое и ясное выражение, чем у Сисмонди². В конечном итоге реализация совокупного капиталистического продукта в пределах данного общества невозможна, она может быть достигнута только благодаря внешним рынкам. Несмотря на различие теоретических исходных точек, Николай -он приходит здесь к тому же выводу, что и Воронцов, – к выводу, мораль которого в применении к России состоит в экономическом обосновании скептицизма в отношении к капитализму. В России капиталистическое развитие, заранее отрезанное от внешних рынков, вызвало только теневые стороны, только обнищание народных масс, а потому поощрение капитализма в России было роковой «ошибкой».

Подойдя к этому, Николай -он, подобно ветхозаветному пророку, мечет громы и молнии: «Вместо того, чтобы твердо держаться наших вековых традиций; вместо того, чтобы развивать принцип тесной связи средств производства с непосредственным производителем, унаследованный нами; вместо того, чтобы воспользоваться приобретениями западноевропейской науки и приложить их для развития формы промышленности, основанной на владении крестьянством орудиями производства; вместо того, чтобы увеличивать производительность его труда сосредоточением средств производства в его руках; вместо того, чтобы воспользоваться не формой производства, а самую его организациею, какою она является в Западной Европе, с его сильно развитым сотрудничеством, разделением и сочетанием труда, машинами и пр. и пр.; вместо того, чтобы развить тот принцип, который лежит в основе крестьянского землевладения, и приложить его в области

¹ Ср. «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», особенно стр. 202-205 и 338-341.

³ Поразительное сходство в позиции русских народников с концепцией Сисмонди детально показал Владимир Ильин своей статье «К характеристике экономического романтизма».

крестьянского землепользования; вместо того, чтобы для достижения этого открыть крестьянству широкий доступ к овладению научным знанием и его приложением; вместо всего этого мы стали на путь совершенно противоположный. Мы не только не воспрепятствовали развитию капиталистических форм производства, несмотря на то, что они основаны на экспроприации крестьянства, но, напротив того, всеми силами постарались действовать коренной ломке всей нашей хозяйственной жизни, ломке, приведшей к голоду 1891 года». Зло распространилось уже далеко, но поправить дело еще не поздно, напротив того, в виду угрожающей пролетаризации и гибели, коренная реформа экономической политики является для России такой же настоятельной необходимостью, как в свое время реформы Александра II после Крымской войны. Но социальная реформа, предлагаемая Николаем -оном, совершенно утопична и еще резче, чем у Сисмонди, обнаруживается мелкобуржуазная и реакционная сторона его концепции: ведь русский народник писал 70 лет спустя после Сисмонди. По мнению Николая -она, единственным якорем спасения России от капиталистического наводнения является деревенская община, покоящаяся на общем владении землей. Общине следует привить, – каким образом, это осталось, конечно, секретом Николая -она, – достижения современной крупной промышленности и современной научной техники, дабы она могла послужить основой «обобществленной», высшей формы производства. У России нет другого выбора, кроме следующей альтернативы: либо оставить путь капиталистического развития, либо смерть¹.

¹ Л. с. стр. 322 и сл. Иначе оценивал положение в России Фр. Энгельс. Он многократно пытался объяснить Николаю -ону, что для России развитие крупной промышленности неизбежно и что страдания России являются лишь типичными противоречиями капитализма. В письме от 22 сентября 1892 года он пишет: «Так вот, я утверждаю теперь, что промышленное производство означает в настоящее время непременно крупную промышленность с приложением пара, электричества, самодействующих прядильных и ткацких станков и, наконец, с машинным производством самих машин. С того момента как Россия ввела у себя железные дороги, введение всех этих новейших средств производства стало для нее предрешенным вопросом. Вы должны и м е т ь возможность исправлять и чинить ваши собственные локомотивы, вагоны, железные дороги и пр., а чтобы делать это дешево, вы должны быть способны с т р о т ь дома все те вещи, которые вам придется исправлять и чинить. С того момента как военное дело стало одной из отраслей крупной промышленности (броненосцы, нарезная артиллерия, скорострельные и магазинные ружья, пули со стальной оболочкой, бездымный порох и пр.), крупная промышленность, без которой все эти вещи не могут изготавливаться, стала и для вас политической необходимостью. Все эти вещи не могут быть изготавливаемы без высокоразвитого металлургического производства, а металлургическое производство не может развиваться без соответствующего развития всех других отраслей мануфактуры, и в особенности текстильной».

И далее в том же письме: «Пока русская промышленность ограничена только своим внутренним рынком, ее продукты могут покрывать только внутреннее потребление. А это последнее может возрастать лишь очень медленно: и мне даже кажется, что при нынешних условиях русской жизни оно должно скорее уменьшаться. Потому что одно из необходимых последствий развития крупной промышленности заключается именно в том, что она разрушает свой собственный внутренний рынок путем того самого процесса, которым она создала его. Она создает его, разрушая основу домашней промышленности крестьянства. Но без домашней промышленности крестьянство не может жить. Крестьяне разоряются как к р е с ь т ь я н е ; их покупательная сила сводится до минимума,

Итак, Николай -он после уничтожающей критики капитализма приходит к тому же всеисцеляющему средству народничества, которое уже в 50-х годах – и тогда, конечно, с гораздо большим правом – прославлялось, как «специфически русский» залог высшего социального развития, но реакционный характер которого как нежизнеспособного пережитка первобытных учреждений был выяснен уже Энгельсом в 1875 г. в «Volksstaat'e», в статье о «литературе эмигрантов». «Развитие России в направлении к буржуазному общественному строю, – писал тогда Энгельс, – постепенно уничтожило бы и

здесь

общинное

и пока они не обоснуются в новых условиях существования в качестве пролетариев, они будут представлять лишь очень жалкий рынок для вновь возникших фабрик и заводов.

Капиталистическое производство, будучи переходной экономической базой, преисполнено внутренних противоречий, которые развиваются и становятся очевидными лишь по мере его собственного развития. Это стремление – создавать себе рынок и в то же самое время разрушать его – представляет как раз одно из таких противоречий. Другое такое противоречие, это – то «безвыходное положение», к которому оно ведет и которое наступает скорее в стране без внешнего рынка, какова Россия, чем в странах более или менее способных к соперничеству с другими на мировом рынке. Это положение без всякого видимого исхода находит однако себе исход у последних стран в героических средствах торговой политики, т. е. в насильственном открытии себе новых рынков. Последний новый рынок, открывшийся этим путем для английской торговли и оказавшийся способным вызвать временное оживление в благосостоянии, это – Китай. Поэтому-то английский капитал так настаивает на постройке китайских железных дорог. Но китайские железные дороги означают разрушение всей основы мелкого китайского земледелия и домашней промышленности, причем здесь это зло не будет даже уравновешено хотя бы в некоторой мере развитием собственной крупной промышленности, а потому сотни миллионов народа будут поставлены тут в полную невозможность жить. Последствием этого будет такая массовая эмиграция, какой свет еще не видывал раньше и которая затопит Америку, Азию и Европу ненавистными китайцами. Этот новый соперник в области труда начнет соперничать с американским, австралийским и европейским трудом на основе китайских понятий об удовлетворительном уровне жизни, а, как известно, китайский уровень жизни есть самый низший из всех существующих в мире уровней. И вот, если вся система производства в Европе не успеет перемениться ранее наступления этого момента, то ей придется приступить тогда к этой перемене». («Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к Николаю -ону». Перевод г. Лопатина. СПб. 1908 г., стр. 79). – Хотя Энгельс так внимательно следил за развитием России и проявил к этому огромный интерес, но он умышленно отказался от всякого вмешательства в русский спор. Он сам высказался по этому поводу в своем письме от 24 ноября 1894 г., следовательно, незадолго до смерти, в следующих словах: «Мои русские друзья чуть не ежедневно и еженедельно пристают ко мне с просьбами выступить с моими возражениями против русских журналов и книг, в которых слова нашего автора (так именовался в переписке Маркс. – Р. Л.) подвергаются не только ложным истолкованиям, но и неправильной передаче, причем эти друзья уверяют, что моего вмешательства будет достаточно, чтобы привести дело в надлежащий порядок. Но я постоянно и неизменно отклоняю все такие предложения потому, что не могу я, не покидая настоящего и серьезного труда, дозволить втянуть себя в полемику, происходящую в отдаленной стране, на языке, на котором я все еще не могу читать так легко и свободно, как на лучше известных мне западных языках, и в литературе, о которой в лучшем разе доходят до меня лишь кой-какие случайные отрывки, и где мне решительно невозможно следить за спором сколько-нибудь настойчиво и близко во всех его фазах и подробностях. Повсюду имеются люди, которые, заняв однажды известную позицию, ничуть не стесняются ради ее защиты прибегать к искажению чужих мыслей и ко всяким нечестным уловкам, и если это имело место по отношению к трудам нашего автора, то я боюсь, что и со мною обойдутся не лучше и таким образом принудят меня в конце концов вмешаться в спор ради защиты сначала других, а потом самого себя». (Л. с., стр. 90).

землевладение без всякого вмешательства русского правительства с его «штыками и кнутом» (как воображали себе революционные народники. – Р. Л.). Под бременем налогов и ростовщичества общинное землевладение уже не является благодетельным для крестьян, оно становится для них оковами. Крестьяне часто бегут из общины, бросая свою землю, одни или с семьей, чтобы вести бродячую жизнь в поисках работы. Ясно, что для русской общины давно уже миновала эпоха ее расцвета и что она по всем признакам идет к разложению». Этим самым Энгельс уже за 18 лет до появления главного труда Николая -она правильно решил вопрос об общине. И если Николай -он решился после этого еще раз вторично вызвать тот же самый призрак общины, то это было тем большим историческим анахронизмом, что спустя приблизительно десять лет последовало уже официальное погребение общины государственной властью. Абсолютистское правительство, которое в продолжение полувека пыталось искусственно поддерживать крестьянскую общину в фискальных целях, увидело себя вынужденным отказаться от этого сизифова труда. На аграрном вопросе как на наиболее могущественном факторе русской революции всем стало очевидно, насколько иллюзия народников стерлась перед лицом действительного экономического хода вещей, и, наоборот, насколько ярко капиталистическое развитие в России, которое они оплакивали и проклинали как мертворожденное, обнаружило свою жизнеспособность и свою плодотворную работу под громом и молнией. Этот поворот вещей должен был в совершенно изменившейся исторической среде еще раз и в последний раз установить, что социальная критика капитализма, которая теоретически исходит из сомнений в возможности его развития, с фатальной логичностью сводится к реакционной утопии. Так было во Франции в 1819 г., в Германии в 1848 г. и в России в 1893 г.¹

Глава двадцать первая

«ТРЕТЬИ ЛИЦА» И ТРИ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВЫ СТРУВЕ

Обратимся теперь к критике изложенных выше взглядов в том виде, как она была дана русскими марксистами.

Петр фон-Струве, который в 1894 г. дал в «Sozialpolitische Zentralblatt (3-й год, № 1) в статье под заглавием «Zur Beurteilung der kapitalistischen Entwicklung Russlands» обстоятельную оценку книги Николая -она, опубликовал в 1894 г. на русском языке книгу под названием «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», где он подвергает всесторонней критике народнические теории. В занимающем нас здесь вопросе Струве

однако и по отноше-

¹ Впрочем оставшиеся в живых вожди народнического пессимизма, особенно г-н В. Воронцов, до конца остались верными своей теории, несмотря на все, что за это время произошло в России, – факт, который делает честь не столько их уму, сколько их характеру. В 1902 году г-н В. В., ссылаясь на кризис 1900-1902 гг., писал: «Догматическое учение неомарксизма быстро теряет власть над умами, а беспочвенность новейших успехов индустриализма сделалась, повидимому, совершенно очевидной даже для официальных его апологетов...»

нию к Воронцову и по отношению к Николаю -ону ограничивается главным образом доказательством того, что капитализм не суживает своего внутреннего рынка, а, наоборот, расширяет его. Ошибка Николая -она, которую он перенял у Сисмонди, действительно очевидна. Оба они характеризовали только одну сторону процесса капиталистического разрушения исконных форм производства и мелких предприятий. Они видели только возникающее отсюда понижение благосостояния и обнищание широких слоев населения. Они упустили из виду смысл другой экономической стороны этого процесса – устранение в деревне натурального хозяйства и появление на его месте хозяйства товарного. Но это значит, что капитализм, вовлекая в свою сферу прежде независимых и замкнутых производителей, на каждом шагу превращает в покупателей своих товаров новые слои, которые, раньше не были ими.

Следовательно, ход капиталистического развития как раз противоположен тому, как его рисовали по шаблону Сисмонди народники: капитализм не уничтожает своего внутреннего рынка, а, наоборот, создает его для себя прежде всего распространением денежного хозяйства.

Что касается специально теории Воронцова о невозможности реализации прибавочной стоимости на внутреннем рынке, то Струве опровергает его следующим образом. Основное положение теории Воронцова состоит в том, что развитое капиталистическое общество состоит исключительно из предпринимателей и рабочих. Николай -он тоже, оперирует все время с этим представлением. С этой точки зрения реализацию всего капиталистического продукта, действительно, нельзя понять.

Теория Воронцова, по мнению Струве, верна постольку, «поскольку она констатирует тот факт, что прибавочная стоимость не может быть реализована в потреблении ни капиталистов, ни рабочих, а предполагает потребление третьих лиц»¹. Но тут, по мнению нашего автора, надо установить, что такие «третьи лица» имеются во всяком капиталистическом обществе. Представление Воронцова и Николая -она – не больше, чем фикция, которая «не может ни на волос подвинуть нас вперед в деле выяснения какого-либо исторического процесса»². Нет капиталистического общества, – как бы высоко ни было его развитие, – которое состояло бы исключительно из предпринимателей и рабочих. «Даже в Англии, в Уэльсе, из 1 000 человек, способных к труду, приходится: 545 на промышленность, 172 на торговлю, 140 на сельское хозяйство, 81 на неопределенный и меняющийся наемный труд и 62 на государственную службу, либеральные профессии и т. д.». Следовательно, даже в Англии имеется масса «третьих

летия XX века мы возвращаемся таким образом к той самой постановке вопроса экономического развития России, какая была завещана своим приемникам поколением семидесятых годов прошлого столетия». (См. «Народное хозяйство», октябрь 1902 г. Цитировано у А. Финн-Еногаевского, «Современное хозяйство-России (1890-1910 гг.)». СПб. 1912 г., стр. 2).

Итак, вместо того, чтобы говорить о «беспочвенности» своей собственной теории, последние могикане народничества еще теперь говорят о «беспочвенности» экономической действительности, – живое опровержение слов Барера; «il n'y a que les merts qui ne reviennent pas».

¹ «Критические заметки» и т. д., стр. 251.

² Л. с., стр. 255.

лиц». Они-то и помогают своим потреблением реализовать прибавочную стоимость, поскольку она не потребляется предпринимателями. Достаточно ли потребление «третьих лиц» для реализации всей прибавочной стоимости?

Этот вопрос Струве оставляет открытым, но «противоположное во всяком случае «должно быть доказано»¹. Для России, как страны с огромным населением, говорит Струве, это несомненно не доказано. Россия находится в счастливом положении, – она может обойтись без внешних рынков, в этом смысле (здесь Струве делает заимствование из идейной сокровищницы профессоров Вагнера, Шефле и Шмоллера) Россия так же облагодетельствована судьбой, как и Североамериканские соединенные штаты. «Если пример Северной Америки что-нибудь доказывает, то только одно, а именно, что при известных условиях капиталистическая промышленность может получить очень широкое развитие, опираясь почти исключительно на внутренний рынок»². Это положение иллюстрируется на примере ничтожного индустриального экспорта Соединенных штатов в 1882 году. Как общий тезис Струве выставляет следующее положение: «Чем обширнее территория и многочисленнее население данной страны, тем менее нуждается последняя для своего капиталистического развития во внешних рынках». Исходя из этой точки зрения, он – в противоположность народникам – предсказывает капитализму в России еще более блестящую будущность, чем в других странах. «Прогрессивное развитие земледелия на почве менового хозяйства создаст рынок, опираясь на который будет развиваться русский промышленный капитализм. Рынок этот по мере экономического и общекультурного развития страны и связанного с ним вытеснения натурального хозяйства может неопределенно расти. В этом отношении капитализм в России находится в более благоприятных условиях, чем в других странах»³. И Струве рисует детальную и красочную картину открытия новых рынков сбыта в России: в Сибири – благодаря Сибирской железной дороге, в центральной и в передней Азии, в Персии и в Балканских странах. Струве совершенно не заметил,

что

он

¹ Л. с., стр. 252.

² Л. с., стр. 260. «...Струве решительно неправ, когда он сравнивает положение России с положением Соединенных штатов с целью опровергнуть то, что он называет пессимистическим взглядом на будущее. Он говорит, что бедственные последствия новейшего капитализма России будут побеждены с такой же легкостью, как в Соединенных штатах. Он совершенно забывает при этом, что Соединенные штаты представляют новое буржуазное государство с самого своего начала; что они были основаны мелкими буржуа и крестьянами, бежавшими от европейского феодализма с целью установить чистобуржуазное общество. Тогда как в России мы имеем основной фундамент первобытнокоммунистического характера, так сказать, предшествующее цивилизации родовое общество – правда рассыпающееся теперь в прах, но все еще служащее тем фундаментом, тем материалом, над которым оперирует и действует капиталистическая революция (потому что это – действительно социальная революция). В Америке денежное хозяйство установилось вполне более столетия тому назад, тогда как в России натуральное хозяйство было еще недавно чуть не общим правилом почти без всякого исключения. Поэтому всякому должно быть ясно, что в России занимающая нас перемена должна иметь гораздо более насильственный и резкий характер и сопровождаться несравненно большими страданиями, чем в Америке». Письмо Энгельса Николаю -ону от 17 октября 1893 г. «Письма» и т. д., стр. 85.

³ Л. с., стр. 284.

в полете своего пророчества о «неопределенно растущем» внутреннем рынке перешел на вполне определенные внешние рынки. Немного лет спустя он и в политическом отношении перешел в лагерь полного надежд русского капитализма, либеральную программу империалистической экспансии которого он обосновал теоретически, еще будучи «марксистом».

В аргументации Струве на самом деле говорит большой оптимизм по отношению к способности капиталистического производства к неограниченному развитию. Напротив того, насчет экономического обоснования этого оптимизма дело обстоит довольно слабо. Главной опорой накопления прибавочной стоимости являются у Струве «третьи лица». Что он под этим понимает, он с достаточной ясностью не высказал; его ссылки на английскую профессиональную статистику показывают однако, что он понимал под «третьими лицами» разных частных и государственных служащих, либеральные профессии или, короче, ту знаменитую «grand public», на которую указывали с неопределенным жестом вульгарные экономисты, не имея о ней точного представления. Об этой «grand public» Маркс сказал, что она оказывает экономисту «услугу» при объяснении тех вещей, которых он иначе объяснить не может.

Ясно, что если говорят о потреблении капиталистов и рабочих в категорическом смысле, то при этом понимают не предпринимателей как отдельных людей, а класс капиталистов как целое, вместе со всей его свитой служащих, государственных чиновников, представителей либеральных профессий и т. д. Все эти «третьи лица», которые имеются, конечно, во всяком капиталистическом обществе, с экономической точки зрения являются большей частью соучастниками в деле потребления прибавочной стоимости, поскольку они не пользуются долей из заработной платы рабочих. Эти слои могут извлечь свои покупательные средства или из заработной платы пролетариата, или из прибавочной стоимости, и они делают, поскольку это возможно, и то и другое, но в общем и целом их нужно рассматривать как участников потребления прибавочной стоимости. Их потребление, стало быть, включено уже в потребление класса капиталистов, и если Струве через заднюю дверь выводит их на сцену и представляет их капиталисту как «третьих лиц», которые могут вывести его из затруднения и пособить ему в деле реализации прибавочной стоимости, то третий барышных дел мастер с первого взгляда узнает в этой «большей публике» стаю своих паразитов, которые вытягивают из его кармана деньги, чтобы потом купить на эти деньги его товары. С «третьими лицами» Струве таким образом ничего не выходит.

Так же несостоятельна его теория внешнего сбыта и его значения для капиталистического производства. Струве следует здесь целиком за народниками в их механическом представлении, согласно которому капиталистическая страна, по схеме профессорского учебника, сперва производит по возможности более основательный сбор плодов с внутреннего рынка, чтобы затем, когда он будет целиком или почти исчерпан, искать внешних рынков. Следуя по стопам Вагнера, Шефле и Шмоллера, Струве приходит к тому нелепому представлению, что страна с «огромной» территорией и достаточно

большим населением может образовать в своем капиталистическом производстве «самодовлеющее целое» и обходиться неопределенное время только внутренним рынком¹.

В действительности капиталистическое производство уже с самого начала является мировым производством: уже в своей детской фазе оно, вопреки педантическому рецепту немецкой университетской мудрости, начинает производить на мировой рынок. Отдельные отрасли производства, прокладывая в Англии новые пути, каковы текстильная, железодельная и каменноугольная промышленность, искали рынков во всех странах и во всех частях света, когда внутри страны шел еще процесс разрушения крестьянской собственности и когда гибель ремесла и старого домашнего производства далеко еще не завершилась. Следовало бы, например, и химической промышленности и электротехнике в Германии дать мудрый совет работать не для пяти частей света, – как это действительно имеет место с момента возникновения этих отраслей, – а ограничиться сперва внутренним германским рынком, который в столь многих других отраслях не исчерпан еще туземной индустрией, ибо он снабжается массой продуктов заграничного производства. Или можно было бы объяснить германской машиностроительной промышленности, что ей следовало бы пока не бросаться на внешние рынки, так как статистика германского импорта ведь черным по белому показывает, что значительная часть потребности Германии в продуктах этой отрасли покрывается заграничными поставщиками. С точки зрения этой схемы «внешней торговли» совершенно нельзя постиг-

¹ Реакционная сторона теории немецких профессоров о «трех великих державах» – Великобритании, России и Соединенных штатах – ярче всего проявляется у проф. Шмоллера в его столетнем обзоре торговой политики, где он с грустью покачивает свою седую ученою головою по поводу «неомеркантилистских», – он хочет сказать – империалистских, – возделений этих трех главных злодеев, и где он, во имя «успехов высшей, духовной, нравственной и эстетической культуры и социального прогресса», требует сильного германского флота и европейского таможенного союза с острием, направленным против Англии и Америки:

«Из этого всемирнохозяйственного напряжения для Германии в виде первой обязанности вытекает необходимость создания сильного флота, чтобы мировые державы в случае войны добивались ее союзничества. Германия не может и не должна вести завоевательной политики, как эти три мировые державы (которым г-н Шмоллер не хочет однако, – как он выражается в другом месте, – делать «упреков в том, что они опять стали на путь колоссальных завоеваний колоний»), но она должна обладать возможностью сломить чужую блокаду Северного моря, защитить свои колонии и свою огромную торговлю и дать такие же гарантии государствам, которые находятся с нею в союзе. Объединенные в тройственный союз Германия, Австро-Венгрия и Италия имеют общую задачу с Францией: обуздать агрессивную политику трех мировых держав, – политику, угрожающую всем средним государствам; это желательно в интересах политического равновесия и в интересах сохранения всех прочих государств. Мы имеем в виду в особенности обуздание завоеваний, приобретения колоний, чрезмерного напряжения односторонней таможенной политики, эксплоатации и насилия над всеми слабейшими... Успехи высшей, духовной, нравственной и эстетической культуры и всякого социального прогресса тоже требуют, чтобы вся земля к концу XX века не оказалась поделенной между тремя мировыми державами и чтобы они не создали brutального неомеркантилизма». («Die Wandlungen in der europäischen Handelspolitik des XIX Jahrhundert». Jahrbuch für Gesetzgebung und Verwaltung und Volkswirtschaft. XXIV, стр. 381).

нуть связи мирового рынка с многообразными ответвлениями и нюансами разделения труда. Промышленное развитие Соединенных штатов, которые в настоящее время являются опаснейшим конкурентом Англии на мировом рынке и даже в самой Англии и которые в электротехнической промышленности побивают германскую конкуренцию на мировом рынке и даже в самой Германии, окончательно изобличило ложность выводов Струве, сданных впрочем в архив уже в то время, когда они были опубликованы.

Струве принимает также грубую концепцию русских народников, согласно которой международные связи капиталистического мирового хозяйства с его исторической тенденцией к созданию единого живого организма с общественным разделением труда, опирающимся на все многообразие природных богатств и условий производства земного шара, сводятся главным образом к обыкновенным заботам купца о «рынке». Основная роль неограниченного обеспечения капиталистической промышленности средствами питания, сырыми и вспомогательными материалами и рабочей силой, которое точно так же рассчитано на мировой рынок, как и сбыт готовых товаров, совершенно упускается из виду или искусственно суживается при той фикции трех самодовлеющих мировых держав – Англии с колониями, России и Соединенных штатов, – которую Струве перенимает от Вагнера и Шмоллера. История одной только английской хлопчатобумажной промышленности, которая заключает в себе сокращенную историю капитализма в целом и которая в продолжение всего XIX столетия имела своей ареной все пять частей света, на каждом шагу является издевательством над этим наивным профессорским представлением, единственный реальный смысл которого состоит в том, что оно дает бескорыстное теоретическое оправдание системы таможенных пошлин.

Глава двадцать вторая

БУЛГАКОВ И ЕГО ДОПОЛНЕНИЕ К АНАЛИЗУ МАРКСА

Второй критик народнического скептицизма С. Булгаков решительно отвергает роль «третьих лиц» Струве как якоря спасения капиталистического накопления. Он только недоумевает по поводу этой теории. «Большей частью экономистов (до Маркса), – говорит он, – вопрос решался в том смысле, что необходимы какие-либо «третьи лица», чтобы в качестве *deus ex machina* разрубить гордые узел – потребить прибавочную стоимость. Такими лицами являются то роскошествующие землевладельцы (у Мальтуса), то роскошествующие капиталисты, то войско и т. п. Без таких экстраординарных средств прибавочная стоимость не может найти себе сбыта: она залеживается на рынках, вызывает перепроизводство и кризисы»¹. «Таким образом, г. Струве предполагает, что капиталистическое производство в своем развитии может «опираться» на потребление каких-то фантастических третьих лиц. Но где же источник покупательной силы

¹ С. Булгаков, «О рынках при капиталистическом производстве». Теоретический этюд. Москва, 1897, стр. 15.

этой *grand public*, имеющей своим специальным назначением потребление прибавочной стоимости?¹ Со своей стороны Булгаков прямо сводит всю проблему к анализу всего общественного продукта и его воспроизводства, как он дан Марксом во втором томе «Капитала». Он прекрасно понимает, что для решения вопроса о накоплении нужно сперва начать с простого воспроизводства и выяснить себе его механизм, что здесь важно отдать себе отчет, с одной стороны, о потреблении прибавочной стоимости и заработной платы тех отраслей производства, которые производят продукты, не предназначенные для потребления, и с другой стороны, об обращении той части всего общественного продукта, которая представляет собою потребленный постоянный капитал. Это, по выражению Булгакова, совсем новая задача, которая даже не сознавалась экономистами и была поставлена только Марксом. «Для разрешения этой задачи Маркс разделил все капиталистически производимые товары на две обширные и существенно противоположные категории: средств производства и предметов потребления. В одном этом делении больше теоретического смысла, чем во всех предшествовавших словопрениях относительно теории рынков»².

Итак, Булгаков – явный и восторженный приверженец марксовой теории. Задачу своего этюда он формулирует как теоретическую проверку учения, что капитализм не может существовать без внешних рынков. «Для этого автор воспользовался очень ценным, но почему-то не утилизированным в науке анализом общественного воспроизводства, который дает К. Маркс во втором отделе II тома «Капитала». Хотя этот анализ не может считаться законченным, но, думается, даже в теперешнем необработанном виде он дает достаточное основание для иного решения вопроса о рынках, чем то, представителями которого являются гг. Николай -он, В. Воронцов и др. и которое они считают свойственным К. Марксу»³. Решение, которое вывел Булгаков из самого Маркса, он формулирует следующим образом: «Капитализм может существовать при известных условиях исключительно внутренним рынком; нет внутренней необходимости, свойственной капиталистической форме производства, – необходимости, в силу которой внешний рынок может поглотить избытки капиталистического производства. Таков вывод, к которому пришел автор на основании изучения упомянутого анализа общественного воспроизводства».

Теперь мы крайне заинтересованы, в чем заключается ход булгаковского доказательства приведенного тезиса.

Прежде всего оно окажется неожиданно простым. Булгаков правильно передает известную нам марксову схему простого воспроизводства с комментариями, которые делают честь его уму. Затем он приводит тоже знакомую марксову схему расширенного воспроизводства, и этим искомого доказательства дано. «На основании сказанного не представляет трудности определить, в чем будет состоять накопление. I (подразделение средств производства) должен изгото-

¹ Л. с., стр. 32, примечание.

² Л. с., стр. 27.

³ Л. с., стр. 2-3.

вить прибавочные средства производства для расширения производства у себя и у II, а II будет доставлять добавочное количество предметов потребления, нужное для увеличения переменного капитала I и II. Если откинуть денежное посредство, то расширение производства сведется к обмену добавочного количества продуктов I, нужного для II, на добавочное количество продуктов II, нужное для I». Итак, Булгаков следует в точности изложению Маркса и совершенно не замечает, что его тезис до сих пор все еще остается на бумаге. Он думает, что он при помощи этих математических формул разрешил вопрос о накоплении. Что можно себе представить пропорции, которые он списывает у Маркса, – в этом нет никакого сомнения. Столь же несомненно то, что если расширение производства имело место, то оно может быть выражено в этих формулах. Но Булгаков упускает из виду главный вопрос: для чего же происходит расширение производства, механизм которого он исследует? Раз накопление может быть представлено на бумаге в математических пропорциях, то оно, стало быть, уже совершилось. Объявив вопрос решенным, он однако тотчас же при попытке ввести в анализ денежное обращение наталкивается на вопрос: откуда у I и у II берутся деньги для покупки добавочных продуктов? Мы видели, как большое место в анализе Маркса – подлинный вопрос о потребителях для расширенного производства – постоянно выступает вновь в форме неправильно поставленного вопроса о добавочных денежных источниках. Булгаков здесь рабски следует марксову методу исследования и перенимает ту же самую неправильную постановку вопроса, не замечая заключающегося в ней перехода на другую проблему. Он, правда, устанавливает, что «Маркс сам не дает ответа на этот вопрос в тех черновых рукописях, по которым составлен II том «Капитала». Тем интереснее должен быть ответ, который русский ученик Маркса пытается дать от себя.

«Наиболее соответствующим всему его (Маркса) учению нам представляется, – говорит Булгаков, – следующее решение. Новый переменный капитал в денежной форме, который II доставляет для I и для себя самого, имеет товарный эквивалент в прибавочной стоимости II. Мы видели уже при рассмотрении неизменного воспроизводства, что капиталисты должны сами пускать в обращение деньги для реализации своей прибавочной стоимости, и эти деньги в конце концов возвращаются обратно в карман капиталиста, их затратившего. Количество денег, нужных для обращения прибавочной стоимости, определяется по общему закону товарного обращения ценностью представляющих ее товаров, разделенной на среднее число оборотов денег. Этот же закон имеет силу и здесь. Капиталисты II должны иметь известную сумму денег для обращения своей прибавочной стоимости, должны иметь, следовательно, известный денежный запас. Запас этот должен быть достаточен, чтобы его хватило для обращения как той части прибавочной стоимости, которая составляет фонд потребления, так и той части, которая должна быть накоплена в виде капитала». Далее Булгаков развивает ту точку зрения, что для вопроса о том, сколько необходимо в стране денег для обращения определенного количества товаров, совершенно безразлично, представляет ли часть этих товаров прибавочную стоимость,

или

нет.

«Общая же задача, откуда вообще берутся в стране деньги, разрешается в том смысле, что деньги эти доставляются золотопромышленником». Если для расширения производства в стране требуется больше денег, то производство золота соответствующим образом расширяется¹. Итак, мы в конце концов удачно пришли к тому самому золотопромышленнику, который уже у Маркса играл роль *deus ex machina*. Нужно признать, что Булгаков не оправдал тех надежд, которые возлагались на его новое решение проблемы. «Его» решение вопроса ни на шаг не подвинулось вперед по сравнению с анализом, выполненным Марксом. Оно сводится к следующим трем чрезвычайно простым положениям: 1) Вопрос: сколько нужно денег, чтобы реализовать капитализированную прибавочную стоимость? Ответ: столько, сколько нужно согласно общему закону товарного обращения. 2) Вопрос: откуда у капиталистов берутся деньги для реализации капитализированной прибавочной стоимости? Ответ: они должны их иметь. 3) Вопрос: откуда деньги вообще берутся в стране? Ответ: от золотопромышленника. Метод объяснения, который по своей исключительной простоте скорее подозрителен, чем соблазнителен.

Остается еще однако опровергнуть теорию о золотопромышленнике в качестве *deus ex machina* капиталистического накопления. Сам Булгаков прекрасно опроверг ее. 80-ю страницами дальше он в совершенно иной связи – именно в связи с теорией фонда заработной платы, с которой он без видимых оснований пускается в пространную полемику, – приходит опять к золотопромышленнику. Он развивает здесь неожиданно следующую решительную точку зрения.

«Мы уже знаем, что в ряду производителей имеется золотопромышленник, который, с одной стороны, умножает абсолютное количество денег, обращающихся в данном обществе, даже при неизменном воспроизводстве, а с другой стороны, покупая средства производства и предметы потребления, он сам не продает никакого товара, уплачивая за свои покупки прямо непосредственным меновым эквивалентом, составляющим продукт его собственного производства. Итак, не может ли оказать золотопромышленник услугу, покупая у II всю накапливаемую им прибавочную стоимость и уплачивая ему за нее золотом, которое II потом и употребит на покупку средств производства у I и на добавочный переменный капитал при расширении производства, т. е. на покупку добавочной рабочей силы. Истинным внешним рынком таким образом является золотопромышленник.

«Но это – совершенно абсурдное предположение. Признать его – значит поставить расширение производства в зависимость от расширения производства золота (Браво!). Это предполагает в свою очередь такой рост золота производства, который совершенно не соответствует действительности. Ведь, если золотопромышленник через посредство своих рабочих будет обязательно покупать у II всю долю расширения его производства, это значит, что его переменный капитал будет расти не по дням, а по часам. Но соответственно должен расти и постоянный капитал и прибавочная стоимость, следовательно все золотое производство должно принять прямо чудовищные

размеры

¹ Л. с., стр. 50-55.

(браво!). Вместо того, чтобы проверять статистически это нелепое предположение (что впрочем едва ли возможно), достаточно указать на один факт, который сам по себе даже достаточно уничтожает это предположение. Факт этот – развитие кредита, сопровождающее развитие капиталистического хозяйства (браво!). Кредит стремится уменьшить (конечно, относительно, а не абсолютно) количество образующихся денег и является необходимым коррелятом развития менового хозяйства, которое иначе нашло бы скоро свои пределы в недостатке металлических денег. Я не считаю нужным доказывать здесь цифрами, как ограничена теперь роль металлических денег в меновых сделках. Таким образом сделанная гипотеза стоит в прямом и очевидном противоречии с фактами и потому должна быть отвергнута»¹.

Брависсимо! Очень хорошо! Но этим Булгаков сам «отверг» свое единственное прежнее решение вопроса, как и через кого реализуется капитализированная прибавочная стоимость. Впрочем он в этом самоопровержении изложил только несколько подробнее то, что сказал уже одним словом Маркс, когда он назвал «нелепой» гипотезу о золотопромышленнике, поглощающем всю общественную прибавочную стоимость.

Подлинное решение у Булгакова, как и вообще у русских марксистов, которые обстоятельно занимались этим вопросом, лежит совсем в другом месте. Как он, так и Туган-Барановский и Ильин напирают главным образом на то, что противная сторона – скептики в вопросе о возможности накопления – делает главную ошибку в анализе стоимости всего продукта. Скептики – особенно Воронцов – принимали, что весь общественный продукт состоит из средств потребления, и исходили из того неправильного представления, что потребление вообще является целью капиталистического производства. Здесь, – заявляют марксисты, – находится источник всех недоразумений, и из этого источника вытекают воображаемые затруднения реализации прибавочной стоимости, над которыми скептики ломали себе голову. «Благодаря этому ошибочному представлению, эта школа создала себе несуществующие трудности: так как нормальные условия капиталистического производства предполагают, что потребительный фонд капиталистов составляет только часть, и притом небольшую, прибавочной стоимости, большая же часть ее отчисляется на расширение производства, то, очевидно, тех трудностей, которые представлялись этой школе (народникам), на самом деле не существует». Кажется поразительным, с какой самоуверенностью Булгаков упускает здесь из виду проблему и даже не догадывается, что как раз при предположении расширенного воспроизводства становится повелительным вопросом: *д л я к о г о ?* – тот самый вопрос, который при предположении личного потребления всей прибавочной стоимости является второстепенным.

Все эти «воображаемые трудности» исчезают, как дым, благодаря двум открытиям Маркса, которые его русские ученики постоянно преподносят своим противникам. Открытия эти следующие: во-первых,

¹ Л. с., стр. 132.

² Л. с., стр. 20.

стоимость общественного продукта состоит не из $v+m$, а из $c+v+m$ и, во-вторых, с прогрессом капиталистического производства часть (c) в этой формуле становится все больше по сравнению с (v), и капитализированная часть прибавочной стоимости растет в то же самое время по сравнению с потребленной. Исходя из этого, Булгаков излагает целую теорию об отношении производства к потреблению в капиталистическом обществе. Она играет у русских экономистов и в особенности у Булгакова столь важную роль, что необходимо с нею *in extenso* познакомиться.

«Потребление, удовлетворение общественных потребностей, – говорит Булгаков, – составляет лишь побочный момент обращения капитала. Размеры производства определяются размерами капитала, а не объемом общественных потребностей. Развитие производства не только не сопровождается ростом потребления, но находится в антагонизме с последним. Капиталистическое производство не знает иного потребления, кроме платящего, а платящими потребителями могут быть те, которые получают заработную плату или прибавочную стоимость, и их покупательная сила точно соответствует размерам этих получений. Но мы видели, что основные законы развития капиталистического производства стремятся сократить относительную долю переменного капитала и потребительного фонда капиталистов (хотя она и возрастет абсолютно). Поэтому можно сказать, что р а з в и т и е п р о и з в о д с т в а с о к р а щ а е т п о т р е б л е н и е¹. Таким образом условия производства и потребления находятся в антагонизме между собою. Расширение воспроизводства не совершается и не может совершаться за счет прибыли потребления. Между тем это расширение есть внутренний, имманентный закон капиталистического производства, принимающий для каждого отдельного капиталиста суровую форму конкуренции. Выход из этого противоречия заключается в том, что рынком для добавочного количества продуктов является само расширяющееся производство. «Внутреннее противоречие разрешается расширением внешнего поля производства» (Капитал, т. III, стр. 189.) (Булгаков цитирует здесь положение Маркса в совершенно превратном смысле, но к этому придется еще вернуться в дальнейшем). Как это возможно, было только что показано (Булгаков имеет в виду анализ схемы расширенного воспроизводства. При этом, очевидно, большая часть этого расширения приходится на I подразделение, на производство постоянного капитала, и лишь меньшая (относительно) часть приходится на II подразделение, которое имеет непосредственное значение для потребления. В одном этом движении соотношений I и II подразделений достаточно ясно выражается та роль, которую играет в капиталистическом производстве потребление, и красноречиво указывается, каков главный рынок сбыта капиталистических товаров»²... «И в этих узких рамках (заинтересованности в прибыли и кризисов), этим тернистым путем капиталистическое производство способно к безграничному расширению, несмотря или даже вопреки сокращению потребления. В русской литературе не раз указывалось на невозможность значительного ро-

¹ Подчеркнуто у Булгакова.

² Л. с., стр. 161.

ста капиталистического производства без внешних рынков вследствие сокращения потребления. При этом совершенно неправильно оценивалась роль потребления при капиталистическом производстве, упускалось из виду, что и цель капиталистического производства не потребление, что оно существует не ростом потребления, а расширением внешнего поля производства, которое и является рынком для капиталистически производимых продуктов. Разрешением неразрешимого вопроса, – найти средства увеличить потребление, которое организация капиталистической формы производства стремится сократить, мучился целый ряд исследователей школы Мальтуса, неспособных удовлетвориться поверхностным гармонизмом школы Рикардо и Сэя. Лишь Маркс дал анализ действительной связи, он показал, что рост потребления роковым образом отстает и не может не отставать от роста производства, каких бы «третьих лиц» ни изобретали. Поэтому потребление, размеры потребления никоим образом не могут служить не посредственной границей расширения производства. Капиталистическое производство платится за отклонения от этой истинной цели производства кризисами, но оно от потребления не зависит. Расширение производства имеет своей границей, как это указано выше, размеры капитала и зависит только от этих последних»¹.

Теория Булгакова и Туган-Барановского подсовывается здесь прямо Марксу: русским марксистам казалось, что эта теория следует непосредственно марксову учению и что она органически в него входит. Еще отчетливее формулирует ее Булгаков в другом месте как прямое объяснение марксовой схемы расширенного производства. После того как в стране появляется капиталистический способ производства, его внутреннее движение начинает развиваться по следующей схеме: «Производство постоянного капитала составляет I подразделение общественного воспроизводства, которое предъявляет уже самостоятельный спрос на предметы личного потребления, в размере переменного капитала этого I подразделения и потребительного фонда капиталистов I. II в свою очередь предъявляет спрос на продукты I. Таким образом уже в начале капиталистического производства создается замкнутый круг, в котором капиталистическое производство не зависит ни от какого внешнего рынка, а само себе довлеет и в котором оно способно к автоматическому, так сказать, возрастанию путем накопления»². В другом месте он настолько увлекается, что дает своей теории следующую неуклюжую формулировку: «Единственным рынком для капиталистического производства является само это производство»³.

Все дерзновение этой теории, ставшей в руках русских марксистов главным орудием, которым они в вопросе о рынках побили своих противников – народнических скептиков, только тогда может быть правильно оценено, если вспомнить, в каком поразительном проти-

¹ Л. с., стр. 167.

² Л. с., стр. 210. Подчеркнуто нами.

³ Л. с., стр. 238.

воречии с повседневной практикой и всем известным явлением капиталистической действительности находится эта теория. Мало того, надо еще больше удивляться этой теории, провозглашенной с таким триумфом чистой марксистской истиной, если подумать о том, что она базируется на простом капиталистическом *qui pro quo*. Но к этому вопросу мы перейдем дальше при разборе Туган-Барановского.

На неправильном понимании отношения потребления к производству Булгаков строит далее совершенно превратную теорию внешней торговли. С точки зрения изложенного выше понимания воспроизводства для внешней торговли на самом деле нет места. Если капитализм в любой стране с самого начала своего развития образует тот знаменитый «замкнутый круг», в котором он вращается подобно кошке вокруг своего собственного хвоста и «сам себе довлеет», в котором он для себя создает неограниченный сбыт и сам же создает препятствия для своего расширения, то и каждая капиталистическая страна представляет собой в экономическом отношении замкнутое «самодовлеющее» целое. Только в одном случае была бы тогда понятна внешняя торговля: она была бы понятна как средство для покрытия естественного недостатка данной страны в определенных продуктах почвы и климата путем ввоза их из-за границы, – только как необходимый ввоз сырых материалов и средств питания. Ставя тезис народников прямо на голову, Булгаков в действительности создает теорию международной торговли капиталистических государств, в которой ввоз продуктов сельского хозяйства представляет собой основной активный элемент, а промышленный вывоз – лишь вызванное нужной покрытие этого ввоза. Международный товарный обмен оказывается здесь обоснованным не сущностью способа производства, а естественными условиями разных стран, – теория, которая заимствована во всяком случае не у Маркса, а у немецких «гелертеров» буржуазной политической экономии. Как Струве перенимает у Вагнера и Шеффле их схему трех мировых держав, так перенимает Булгаков¹ у блаженной памяти Листа разделение государств на категории соответственно «*Agrikulturstand'u*» и «*Agrikulturmanufakturstand'u*», которые он с течением времени модифицирует в «*Manufacturstand*» и в «*Agrikulturmanufakturstand*». Первая категория самой природой обречена на недостаток в собственных сырых материалах и средствах питания и потому принуждена прибегать к внешней торговле; вторая категория от природы обеспечена всем, и ей нет никакого дела до внешней торговли. Типом первой категории является Англия, типом второй – Соединенные штаты. Для Англии прекращение внешней торговли обозначало бы экономическую агонию и смерть, для Соединенных штатов – только преходящий кризис, после которого им обеспечено полное выздоровление: «Производство может здесь безгранично расширяться на основе внутреннего рынка». Эта теория, представляющая до наших дней достопочтенное наследие немецкой политической экономии, очевидно, не имеет никакого понятия о связях капиталистического мирового хозяйства и сводит современный мировой обмен к основам, которые относятся приблизительно ко времени финикийян. Учит же например даже проф. Бюхер следующему: «Было

¹ г. Булгаков, I. с., стр. 199.

бы ошибочно на основании добытых в эпоху либерализма облегчений международного обмена заключать, что народному хозяйству наступает конец и что оно уступает место периоду мирового хозяйства... Нет сомнения, что мы в настоящее время видим в Европе ряд государств, которые не обладают национальной самостоятельностью в обеспечении себя товарами, поскольку они принуждены получать из-за границы значительные массы средств питания и потребления, в то время как их промышленная деятельность вырастает далеко за пределы национальных потребностей и постоянно дает избытки, которые должны находить себе применение в чужих районах потребления. Но тот факт, что наряду с промышленными странами имеются страны, производящие сырье, и что все эти страны находятся во взаимной зависимости друг от друга, – факт «международного разделения труда», – не следует однако рассматривать как признак того, что человечество собирается подняться на новую ступень развития, которая под именем мирового хозяйства должна противопоставляться... прежним ступеням. Ибо, с одной стороны, ни одна ступень хозяйства не обеспечивала полной самостоятельности в деле удовлетворения потребностей на продолжительное время, так как каждая... оставляла известные пробелы, которые так или иначе должны были быть заполнены; с другой стороны, так называемое мировое хозяйство по крайней мере еще теперь не выдвинуло таких явлений, которые в существенных признаках отличались бы от народного хозяйства, и подлежит сильному сомнению, что подобные явления в недалеком будущем наступят»¹. У Булгакова из этой концепции вытекает во

¹ К. Бюхер, Возникновение народного хозяйства, 5-е нем. изд., стр.147. Новейшей работой на этом поприще является теория проф. Зомбарта, согласно которой мы не приближаемся, а наоборот удаляемся от мирового хозяйства: «Напротив, я буду утверждать, что в настоящее время культурные народы (по отношению к совокупности их хозяйства) соединены друг с другом торговыми связями не значительно сильнее, а скорее – слабее, чем прежде. В настоящее время отдельное народное хозяйство втянуто в мировой рынок не более, а скорее – менее, чем сто или пятьдесят лет тому назад. И по крайней мере... ошибочно предполагать, будто международные торговые связи получают относительно возрастающее значение для современного народного хозяйства. Истинно противоположное утверждение». Зомбарт с насмешкой относится к допущению наличности расширяющегося международного разделения труда и возрастающей потребности во внешних рынках, в то время как внутренний рынок неспособен к расширению; Зомбарт со своей стороны убежден, что «отдельные народные хозяйства делаются все более и более совершенными микрокосмами и что внутренний рынок по своему значению для всякого рода промышленных отраслей все более и более затыкает за пояс внешний. («Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert». 2 Aufl. 1909, стр. 399-420, русский перевод Лихачева, стр. 340-359). Это потрясающее открытие предполагает конечно принятие странной схемы, открытой г-ном профессором, – схемы, согласно которой страной вывозящей, – неизвестно почему, – следует считать единственно только такую страну, которая покрывает свой ввоз «почвой», избытком сельскохозяйственных продуктов над собственными потребностями. По этой схеме Россия, Румыния, Соединенные штаты и Аргентина являются «вывозящими странами», а Германия, Англия и Бельгия – нет. Но так как капиталистическое развитие и в Соединенных штатах и в России рано или поздно может потребовать излишка сельскохозяйственных продуктов для внутренних потребностей, то ясно, что на земле становится все меньше «вывозящих стран»; мировое хозяйство таким образом исчезает. Другое же открытие Зомбарта заключается в том, что крупные капиталистические страны, которые ведь не представляют собой «стран вывозящих», получают свой ввоз все более «даром», – именно как проценты на экспортированные капиталы. Но

всяком случае неожиданный вывод: его теория о способности капитализма к неограниченному развитию ограничивается только определенными странами с благоприятными природными условиями. В Англии капитализм должен в недалеком будущем погибнуть вследствие исчерпания мирового рынка; в Соединенных штатах, в Индии и в России ему предстоит безграничное развитие, благодаря его «самодовлеющему характеру».

Но помимо этих очевидных несуразностей булгаковская аргументация приносит снова коренную ошибку по отношению к внешней торговле. Главный аргумент Булгакова против скептиков, начиная от Сисмонди и кончая Николай -оном, которые думали, что для реализации капиталистической прибавочной стоимости необходимо прибегать к помощи внешних рынков, заключается в том, что эти теоретики, как известно, рассматривали всякую внешнюю торговлю как «бездонную пропасть», в которой бесследно исчезает избыток капиталистического производства, не находящий себе сбыта внутри страны. В противовес этому Булгаков с триумфом подчеркивает, что внешний рынок ни в коем случае не является «пропастью», и тем более еще «бездонной», что он представляет собою обоюдоострый меч и что вывоз всегда сопряжен с ввозом, который более или менее уравновешивается вывозом. Следовательно то, что ввозится через одну границу, вывозится через другую только в измененной потребительной форме. «Для ввезенных товаров, которые должны составить эквивалент вывезенных предметов потребления, нужно опять найти место в пределах данного рынка; этого места нет, следовательно апелляция к внешнему рынку влечет лишь новые затруднения»¹. В другом месте он говорит, что исход, найденный русскими народниками для реализации прибавочной стоимости в виде внешних рынков, «гораздо менее удачен, чем исход, найденный Мальтусом, Кирхманом и самим г-ном В. В. (Воронцовым), как автором статьи о милитаризме и капитализме»². Несмотря на свое восторженное изложение марксовской схем воспроизводства, Булгаков обнаруживает здесь полное непонимание того, в чем собственно заключается проблема, вокруг которой скептики, начиная с Сисмонди и кончая Николай -оном, ходили ощупью: он отвергает внешнюю торговлю как мнимый выход из затруднения, ибо «при внешней торговле вывезенная прибавочная стоимость вновь возвращается в страну, хотя бы в измененной потребительной форме». Итак Булгаков в согласии с грубым представлением Кирхмана и

для проф. Зомбарта вывоз капиталов, равно как и вывоз промышленных товаров, вообще не идет в счет: «С течением времени мы, конечно, придем к тому, что будем ввозить не вывозя». (Л. с., стр. 422, русск. пер. стр. 360). Современно, сенсационно и щеголевато!

¹ Л. с., стр. 132.

² Л. с., стр. 236. Еще более решительно формулирует тот же самый взгляд В. Ильин: «Романтик, – так он называет скептика, – говорит: капиталисты не могут потребить сверхстоимость и потому должны сбывать ее за границу. Спрашивается, не даром ли уже отдают капиталисты свои продукты иностранцам или не бросают ли их в море? Продают – значит получают эквивалент: ввозят одни продукты – значит вывозят другие». («Экономические этюды и очерки», стр. 26). В остальных Ильин дает гораздо более верное объяснение роли внешней торговли в капиталистическом обществе, чем Струве и Булгаков.

Воронцова, полагает, что речь идет о том, чтобы уничтожить известное количество прибавочной стоимости, стереть ее с лица земли; он не догадывается, что речь идет о реализации, о товарной метаморфозе, следовательно как раз об «измененной форме» прибавочной стоимости.

Так Булгаков приходит в конце концов в тот самый Рим, в который пришел Струве, хотя, правда, другим путем: он возвещает о самодовлеющем характере капиталистического накопления, которое само поглощает свои продукты как Хронос своих детей и которое благодаря самому себе становится все могущественнее. Отсюда оставался всего лишь один шаг к возврату к буржуазной экономике. Этот шаг был удачно сделан Туган-Барановским.

Глава двадцать третья

ДИСПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ

Г-НА ТУГАН-БАРАНОВСКОГО

Мы рассматриваем этого теоретика в конце, несмотря на то, что он формулировал свою концепцию на русском языке уже в 1894 году, до Струве и до Булгакова; мы делаем это отчасти потому, что он лишь позже в зрелой форме развил свою теорию на немецком языке в «*Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England*» (1901) и в «*Theoretische Grundlagen des Marxismus*» (1905), отчасти потому, что он из общих предпосылок названных марксистских критиков сделал наиболее крайние выводы.

Туган точно так же, как и Булгаков, исходит из марксова анализа общественного воспроизводства. И он тоже только в этом анализе нашел ключ для того, чтобы разобраться в совершенно запутанном и сложном комплексе проблем. Но в то время как Булгаков в качестве ярого приверженца учения Маркса занимается только тем, что правильно излагает это последнее и приписывает свои выводы своему учителю, Туган-Барановский, наоборот, поучает Маркса, который не сумел-де использовать своего собственного блестящего исследования процесса воспроизводства. Важнейший общий вывод, к которому Туган пришел на основании положений Маркса и который он сделал краеугольным камнем всей своей теории, заключается в том, что капиталистическое накопление – в противоположность взгляду скептиков – не только возможно при капиталистических формах дохода и потребления, но что оно вообще не зависит от дохода и потребления. Не потребление, а само производство является для него лучшим местом сбыта. Производство идентично сбыту потому, что при безграничном расширении производства, взятого само по себе, и сбыт, способность поглощения продуктов производства, тоже не имеет границ. «Приведенные схемы, – говорит он, – должны были с очевидностью доказать мысль, которая сама по себе очень проста, но легко вызывает возражения при недостаточном понимании процесса воспроизводства общественного капитала, а именно, что капиталистическое производство само для себя создает рынок. Если только можно расширить общественное производство, если хватает для этого производительных сил, то при пропорциональном распределении об-

ществленного производства можно соответственно расширить и спрос, ибо при этом условии каждый вновь произведенный товар есть вновь появившаяся покупательная сила для приобретения других товаров. Из сравнения простого воспроизводства общественного капитала с его воспроизводством в расширяющихся размерах можно сделать тот в высшей степени важный вывод, что в капиталистическом хозяйстве спрос на товары в известном смысле независим от размеров общественного потребления: размеры общественного потребления могут сокращаться, а общественный спрос на товары может в то же самое время расти, как бы это ни казалось абсурдным с точки зрения «здорового смысла»¹. И то же самое дальше: «В результате нашего абстрактного анализа процесса воспроизводства общественного капитала вытекает тот вывод, что при пропорциональном распределении общественного производства не может быть никакого избыточного общественного продукта»². Исходя из этого, Туган подвергает ревизии марксову теорию кризисов, которая покоится якобы на «недопотреблении» Сисмонди: «Распространенное мнение, которое в известной степени разделялось и Марксом, – что нищета рабочих, образующих подавляющее большинство населения, делает невозможным, вследствие недостаточного спроса, реализацию продуктов все расширяющегося капиталистического производства, – должно быть признано неправильным. Мы видели, что капиталистическое производство само для себя создает рынок, потребление является лишь одним из моментов капиталистического производства. Если бы общественное производство было организовано планомерно, если бы руководители производства имели полные сведения о спросе и власти для того, чтобы переводить труд и капитал из одной отрасли производства в другую, предложение товаров никогда не могло бы превзойти спроса на них как бы ни было низко общественное потребление»³. Единственная причина, которая периодически вызывает переполнение рынка, по мнению Тугана, состоит в недостатке пропорциональности при расширении производства. Ход капиталистического накопления при этом предположении характеризуется Туганом следующим образом: «Что производили бы рабочие при пропорциональном распределении производства? Очевидно, свои собственные средства существования и средства производства. Но для чего они будут служить? Для расширения производства во втором году. Для производства каких продуктов? Опять-таки средств производства и средств существования для рабочих – и так ad infinitum»⁴. Эта игра в вопросы и ответы приведена, надо заметить, не в шутку, а совершенно серьезно. Таким образом для капиталистического накопления возникают бесконечные перспективы: «Если... расширение производства практически безгранично, то мы должны считать безграничным расширение рынка, и бо при пропорциональном распределении общественного производства для рас -

¹ «Die Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England». Jena, 1901, стр. 25. Ср. «Периодические промышленные кризисы», СПб. 1914, стр. 219 и сл.

² Л. с., стр. 34.

³ Л. с., стр. 33.

⁴ Л. с., стр. 191.

ширения рынка нет никаких других границ, кроме производительных сил, которые находятся в распоряжении и общества»¹.

Так как само производство создает для себя сбыт, то и внешней торговле капиталистических государств отводится своеобразная механическая роль, с которой мы познакомимся уже у Булгакова. Например для Англии внешний рынок безусловно необходим. «Не доказывает ли это, что капиталистическое производство создает избыточный продукт, для которого на внутреннем рынке нет места? Зачем вообще нужен Англии внешний рынок? Ответ никакой трудности не представляет потому, что значительная часть покупательной силы Англии затрачивается на приобретение заграничных товаров. Ввоз иностранных товаров для внутреннего рынка Англии делает абсолютно необходимым вывоз английских товаров на внешние рынки. Так как Англия без заграничного импорта обойтись не может, то и экспорт для этой страны является условием существования, иначе у нее не было бы чем уплатить за ее импорт»². «Итак, сельскохозяйственный ввоз характеризуется и здесь как стимулирующий и решающий фактор: мы находим здесь также две категории стран – сельскохозяйственного и индустриального типа», которым природой предписан взаимный обмен совсем по схеме немецких профессоров.

Каков же у Туган-Барановского ход доказательства его смелого решения проблемы накопления – решения, на основании которого он освещает проблему кризисов и еще целый ряд других проблем. Трудно поверить, но тем важнее установить, что ход доказательства Тугана состоит единственно только в марксовской схеме расширенного воспроизводства. *Ni plus, ni moins*. Правда, Туган во многих местах говорит несколько хвастливо о своем «абстрактном анализе процесса воспроизводства общественного капитала», о «железной логике» своего анализа, но весь его анализ сводится однако к копированию марксовской схемы расширенного воспроизводства только с иначе выбранными цифрами. Во всем исследовании Тугана мы не найдем и следа другого доказательства. Действительно, по схеме Маркса накопление, производство, реализация, обмен и воспроизводство совершаются гладко, как по писанному. Это «накопление» действительно можно продолжать «*ad infinitum*», по крайней мере пока хватает бумаги и чернил. И эти свои невинные упражнения с арифметическими уравнениями на бумаге Туган-Барановский со всей серьезностью выдает за доказательство того, что в действительности происходит то же самое: «Приведенные схемы должны были с очевидностью доказать»... В другом месте он оспаривает Гобсона, который убежден в невозможности накопления, следующим образом: «...Схема № 2 воспроизводства общественного капитала в расширенных размерах соответствует рассмотренному Гобсоном случаю накопления капитала. Но видим ли мы, чтобы в этой схеме возникал избыточный продукт? Ни в коем случае»³. Итак, раз в схеме не возникает избыточного продукта, то Гобсон побежден, и делу конец.

¹ Л. с., стр. 231. Подчеркнуто в подлиннике.

² Л. с., стр. 35.

³ Л. с., стр. 191.

Нет сомнения, Туган-Барановский прекрасно знает, что в суровой действительности дело протекает не так гладко. Существуют постоянные колебания при обмене и периодические кризисы. Но кризисы только потому и появляются, что при расширении производства не обращается внимания на пропорциональность, т. е. потому, что оно не удерживается наперед в пропорциях «схемы № 2». Если бы поступали согласно схеме, то мы не имели бы никаких кризисов, и в капиталистическом производстве все шло бы как на бумаге. Но Тугану придется согласиться, что там, где мы рассматриваем процесс воспроизводства в целом как процесс непрерывный, кризисы можно прекрасно оставить без внимания. «Пропорциональность» может нарушаться каждый миг, и тем не менее она как средний вывод из конъюнктур постоянно вновь восстанавливается непрерывными отклонениями в сторону, ежедневными колебаниями цен и периодическими кризисами. Что она в действительности так или иначе соблюдается, доказывает то обстоятельство, что капиталистическое хозяйство продолжает существовать и развиваться, – иначе мы пережили бы безмерный хаос и вообще разрушение. В среднем, в конечном итоге, пропорциональность Тугана таким образом соблюдается, а отсюда нужно заключить, что действительность соотносится со «схемой № 2». А так как эту схему можно продолжать *ad infinitum*, то накопление капитала может прогрессировать бесконечно.

Поразителен при всем этом не результат, к которому приходит Туган-Барановский, не допущение, что схема соответствует действительному ходу вещей, – мы видели, что и Булгаков разделял этот взгляд, – а то обстоятельство, что Туган даже не считает нужным поставить в о п р о с о том, правильна ли схема; вместо того, чтобы доказать эту схему, он поступает наоборот, рассматривая самую схему, т. е. арифметическое упражнение на бумаге как доказательство, что действительное положение вещей обстоит так, как это представлено в схеме. Булгаков упорно и честно пытался проектировать марксову схему на действительные, конкретные отношения капиталистического хозяйства и капиталистического обмена и старался преодолеть те трудности, которые при этом возникали, но он этого конечно не сделал и застрял в конце концов на анализе Маркса, который сам с полной ясностью сознавал, что его анализ не закончен. Тугану не нужно никаких доказательств, и он не ломает себе головы так как арифметические пропорции, к его удовольствию, поддаются решению и могут быть по желанию продолжены, то э т о д л я н е г о как раз доказательство того, что и капиталистическое накопление – под условием знаменитой «пропорциональности», которая однако входит через переднюю или заднюю дверь, чего не станет отрицать и сам Туган, – может продолжать свой беспрепятственный и бесконечный рост.

У Тугана есть, правда, одно косвенное доказательство, что схема с ее странными результатами соответствует действительности и представляет ее верное отражение. Это – тот факт, что в капиталистическом обществе человеческое потребление в полном согласии со схемой ставится позади производства, что первое является средством, а второе – самоцелью и что человеческий труд приравнивается к «труду» машины: «Технический прогресс находит свое

выражение в том, что значение средств труда – машин – все более возрастает по сравнению с живым трудом, с самим рабочим. Средства производства играют возрастающую роль в процессе производства и на товарном рынке. Рабочий отстает на задний план по сравнению с машиной и одновременно с этим отстает на задний план спрос, возникающий из потребления рабочих, по сравнению со спросом, возникающим из производительного потребления средств производства. Весь строй капиталистического хозяйства принимает характер механизма, существующего как будто бы для самого себя, – механизма, в котором потребление человека выступает в виде простого момента процесса воспроизводства и обращения капитала»¹. Это открытие Туган рассматривает как основной закон капиталистического способа хозяйства; оно подтверждается совершенно очевидным фактом: с прогрессом капиталистического развития подразделение средств производства растет все быстрее по сравнению с производством средств потребления и притом за счет этого последнего. Этот закон, как известно, был установлен именно Марксом. На этом законе покоится его схематическое представление воспроизводства, хотя он ради простоты в дальнейшем развитии своей схемы и не выразил численно тех изменений, которые вызываются этим законом. Стало быть здесь, в автоматическом росте подразделения средств производства, Туган нашел для своей теории единственное объективное и точное доказательство того, что в капиталистическом обществе человеческое потребление становится все менее важным, а производство все больше превращается в самоцель. Из этой мысли он делает краеугольный камень всего своего теоретического здания². «Во всех промышленных странах, – говорит он, – перед нами выступает то же самое явление, всюду развитие народного хозяйства следует тому же самому основному закону. Горная промышленность, создающая средства производства для современной индустрии, выдвигается все более на передний план. Следовательно в относительном уменьшении экспорта тех британских фабрикатов, которые входят в непосредственное потребление, находит свое выражение основной закон капиталистического развития: чем больше прогрессирует техника, тем больше отступают средства потребления по сравнению со средствами производства. Человеческое потребление играет все меньшую роль по сравнению с производительным потреблением средств производства»³. Хотя Туган и этот «основной закон» – как и все прочие свои «фундаментальные» мысли, поскольку они представляют нечто осязаемое и точное, – в заключенном и готовом виде заимствовал у Маркса, но он опять не доволен этим и спешит поучать Маркса мудрости, которой он, Туган, у него же научился. Маркс, подобно слепой курице, нашел жемчужину, но не знает, что с нею делать. Лишь Туган-Барановский сумел использовать это «фундаментальное» открытие для науки; в его руке найденный закон сразу освещает весь

ход

капиталисти-

¹ Л. с., стр. 27.

² Там же.

³ Л. с., стр. 58.

ческого хозяйства: в этом законе роста подразделения средств производства за счет подразделения средств потребления находит свое ясное, точное количественное выражение то обстоятельство, что Маркс ошибался, когда он полагал, будто только человек, а не машина создает прибавочную стоимость, будто человеческое потребление представляет собою границу для капиталистического производства, откуда сегодня должны возникать периодические кризисы, а завтра разыграться крушение и полный ужасов конец капиталистического хозяйства. Словом в «основном» законе роста средств производства за счет средств потребления отражается капиталистическое общество как целое, с его специфическим характером; это осталось непонятным Марксу и было удачно расшифровано лишь Туган-Барановским.

Мы видели уже раньше, какую решающую роль играл упомянутый «основной закон» капитализма в споре между русскими марксистами и скептиками. Мнение Булгакова мы знаем. В том же духе высказывается в своей полемике с народниками другой марксист, упомянутый уже В. Ильин:

«Известно, что закон развития капитала состоит в том, что постоянный капитал возрастает быстрее переменного, т. е. все большая и большая часть вновь образуемых капиталов обращается к тому отделу общественного хозяйства, который изготавливает средства производства. Следовательно, этот отдел необходимо растет быстрее того отдела, который изготавливает предметы потребления, т. е. происходит именно то, что объявлял «невозможным», «опасным» и т. д. Сисмонди. Следовательно продукты личного потребления в общей массе капиталистического производства занимают все меньшее и меньшее место. И это вполне соответствует исторической «миссии» капитализма и его специфической социальной структуре: первая состоит именно в развитии производительных сил общества (производство для производства); вторая исключает утилизацию их массой населения»¹.

Туган-Барановский и здесь, конечно, идет дальше других. В своей любви к парадоксам он даже позволяет себе шутить, давая математическое доказательство того, что накопление капитала и расширение производства возможны даже при абсолютном сокращении потребления. К. Каутский накрывает его здесь на одном с научной точки зрения не совсем благовидном маневре, именно на том, что он выражает свою смелую дедукцию исключительно только для специфического момента – для перехода от простого к расширенному воспроизводству, т. е. для момента, который мыслим теоретически

¹ Владимир Ильин, Экономические этюды и очерки. К характеристике экономического романтизма. СПб. 1899, стр. 20. Тому же автору принадлежит между прочим утверждение, что расширенное воспроизводство начинается лишь вместе с капитализмом. Ильин не заметил, что мы с простым воспроизводством, которое он считает законом для всех докапиталистических способов производства, до настоящего времени не пошли бы дальше палеолитических орудий.

лишь в виде исключения, но на практике вообще не встречается¹.

Что касается тугановского «основного закона», то Каутский объявляет его простой иллюзией, которая получается оттого, что он рассматривает лишь форму производства в старых странах капиталистической крупной промышленности. «Верно, – говорит Каутский, – что число промышленных заведений, в которых приготавливаются продукты непосредственного личного потребления, вместе с подвигающимся все вперед разделением труда падает по сравнению с теми промышленными заведениями, которые доставляют тот или иной инструмент, машины, сырой материал, средства перевозки и т. д. В то время как в первобытном крестьянском хозяйстве добытый лен обрабатывается собственными орудиями и приготавливается в окончательной форме, годной для человеческого употребления, теперь –

¹ «Die Neue Zeit» XX. Jahrg. 11, Krisentheorien, стр. 116. Если К. Каутский путем продолжения тугановских схем расширенного воспроизводства доказывает цифрами, что потребление непременно должно расти и притом «точно в таком же отношении, как стоимость средств производства», то здесь надо сделать двоякого рода замечание. Во-первых, Каутский, как и Маркс в своей схеме, не принимает здесь во внимание прогресса производительности труда, вследствие чего потребление кажется относительно больше, чем в действительности. Во-вторых, рост потребления, на который указывает здесь Каутский, сам является результатом расширенного воспроизводства, а не его основой и целью он вытекает главным образом из возрастающего переменного капитала и из возрастающего применения новых рабочих. Но содержание этих рабочих так же мало, как возрастающее личное потребление класса капиталистов, может быть признано целью и задачей расширения воспроизводства. Ссылка Каутского таким образом несомненно опровергает причуды Тугана, именно его затею конструировать расширенное воспроизводство при абсолютном сокращении потребления, но он не вдается однако в рассмотрение основного вопроса об отношении производства к потреблению с точки зрения процесса воспроизводства. В другом месте той же статьи мы, правда, читаем: «Капиталисты и эксплуатируемые ими рабочие – первые благодаря росту своего богатства, вторые благодаря своему постоянному численному росту, который хотя происходит далеко не в таких размерах, в каких происходит накопление капитала и рост производительности труда, – создают рынок, правда, все более и более расширяющийся, но далеко недостаточный для поглощения всех созданных крупной промышленностью средств потребления. Промышленному капиталу приходится искать внешний рынок за пределами своей страны в тех отраслях производства и в тех государствах, которые еще не доразвились до капиталистического способа производства. Он находит этот рынок и старается расширить его все больше и больше, но это удастся лишь отчасти, ибо этот внешний рынок далеко не обладает той эластичностью и способностью к расширению, какою отличается капиталистический процесс производства. Как только крупная промышленность становится господствующей в капиталистическом обществе, – в Англии например это имело место уже в первой четверти XIX столетия, – она получает возможность делать такие крупные скачки по пути своего развития, что всякое расширение рынка через очень короткий промежуток времени оставляется ею далеко позади себя. Таким образом всякая эпоха процветания, которою сопровождается всякое значительное расширение рынка, уже заранее осуждена на недолговечность, и кризис является ее естественным завершением. Вот в кратких чертах обоснованная Марксом и признанная «ортодоксальными» марксистами теория кризисов». (Л. с., стр. 80, – русск. пер. М. Мотобера в издании «Образование», стр. 37-38). Каутский не занимается тем, чтобы привести понимание реализации совокупного продукта в соответствие с марксовой схемой расширенного воспроизводства: он этого не делает вероятно потому, что он, как показывает цитата, рассматривает проблему исключительно под углом зрения кризисов, т. е. с точки зрения общественного продукта как безразличной товарной массы во всей ее совокупности, а не под углом зрения его распределения в процессе производства.

в приготовлении рубахи принимают участие быть может сотни предприятий; одни готовят хлопок-сырец, бумагу, другие заняты производством рельсов, локомотивов, вагонов, которые привозят его в гавань, и т. д. При международном разделении труда происходит то, что отдельные страны – преимущественно старые промышленные страны – могут лишь медленно расширять производство продуктов личного потребления, тогда как производство средств производства у них делает еще быстрые успехи и имеет для пульсации их экономической жизни куда большее значение, чем производство средств потребления. Тот, кто рассматривает предмет с точки зрения такой нации, легко придет к тому убеждению, что производство средств производства может продолжительное время расти быстрее, чем производство средств потребления, что оно не связано со вторым».

К последнему вопросу подошел видимо ближе Л. Будин, который в своей блестящей критике того же самого Туган-Барановского дает следующую формулировку:

«Прибавочный продукт, производимый в капиталистических странах, за некоторыми исключениями, которые будут упомянуты ниже, тормозит ход производства не потому, что производство удачнее распределено в различных сферах или что производство хлопчатобумажных товаров превратилось в производство машин, а потому, что капиталистические страны – благодаря тому факту, что некоторые страны развились в капиталистическом отношении раньше других и что даже теперь остались не развившиеся капиталистические страны – действительно располагают целым миром, находящимся за их пределами – миром, куда они могут выбросить продукты, которые не могут быть потреблены у них самих, независимо от того, являются ли эти продукты хлопчатобумажными или железными товарами. Этим отнюдь не сказано, что переход от хлопчатобумажных товаров к железным как к руководящему продукту главных капиталистических стран является фактом, не имеющим значения. Напротив того, он имеет огромное значение, но оно состоит не в том, в чем видит его Туган-Барановский. Этот факт показывает начало конца капитализма. Пока капиталистические страны вывозили товары для потребления, до тех пор в этих странах были еще надежды для капитализма. Тогда не было еще речи о том, как велика в некапиталистическом мире способность поглощать капиталистически производимые товары и насколько времени этой поглотительной способности хватит. Рост производства машин для экспорта главных капиталистических стран – рост, происходящий за счет потребительных благ, показывает, что области, стоявшие ранее в стороне от капитализма и потому служившие местом сбыта его прибавочного продукта, вовлекаются теперь в поток капитализма: он показывает, что они сами производят свои потребительные блага, потому что в них развивается свой собственный капитализм. Теперь, пока они находятся еще на первоначальной стадии своего капиталистического развития, они еще нуждаются в капиталистически произведенных машинах, но очень скоро они не будут в них нуждаться. Они будут производить собственные железные изделия точно так же, как они теперь производят хлопчатобумажные и другие товары, предназначенные для потребления. Тогда они не только перестанут быть местом сбыта прибавочного продукта подлинно капиталистических стран, напротив того: они сами будут производить прибавочный продукт, который они лишь с трудом будут в состоянии сбывать». («Die Neue Zeit», XXV. Jahrg. I. Mathematische Formeln gegen Karl Marx, стр. 604). Будин открывает здесь очень важные виды на огромные осложнения в развитии международного капитализма. В дальнейшем он в той же связи приходит логически к вопросу об империализме. Но, подводя все милитаристическое производство и систему международного экспорта капиталов в некапиталистические страны под понятие «расточительности», он в конце концов направляет острие своего анализа в неправильную сторону. Впрочем нужно установить, что Будин точно так же, как и Каутский, считает закон, по которому рост подразделения средств производства идет быстрее роста подразделения средств существования, заблуждением Туган-Барановского.

Последнее, т. е. взгляд, что производство средств потребления не зависит от потребления, является конечно вульгарно-экономическим миражем Туган-Барановского. Но так обстоит дело с тем фактом, при помощи которого он обосновывает этот ложный вывод, т. е. с тем, что рост подразделения средств производства идет быстрее, чем рост подразделения средств потребления. Этот факт совершенно бесспорен и притом не только по отношению к старым промышленным странам, но и по отношению ко всем странам, где технический прогресс овладевает производством. На этом факте покоится основной закон Маркса о тенденции нормы прибыли к понижению. Но, несмотря на это или как раз поэтому, Булгаков, Ильин и Туган-Барановский сильно ошибаются, когда они воображают, что они в этом законе раскрыли специфический характер капиталистического хозяйства, для которого производство является самоцелью, а человеческое потребление лишь побочным обстоятельством.

Рост постоянного капитала за счет переменного является лишь капиталистическим выражением общих влияний возрастающей производительности труда. Формула $c > v$, будучи переведена с капиталистического языка на язык общественного процесса труда, означает не более, как следующее: чем выше производительность человеческого труда, тем короче то время, в течение которого данное количество средств производства превращается в готовый продукт¹. Это – всеобщий закон человеческого труда, он имеет

¹ Оставляя в стороне естественные условия, как плодородие почвы и т. д., и ловкость независимых, изолированно работающих производителей, которая притом и проявляется более качественно, в доброте продуктов, чем количественно, в размерах их массы, – степень общественной производительности труда находит себе выражение в относительной величине средств производства, которые рабочий превращает в продукт в течение определенного времени при данном напряжении рабочей силы. Масса средств производства, с помощью которых они функционируют, возрастает вместе с производительностью его труда. Эти средства производства играют здесь двоякую роль. Возрастание одних есть следствие, возрастание других – условие увеличения производительности труда. Например при мануфактурном разделении труда и применении машин в данный промежуток времени перерабатывается больше сырого материала, следовательно большая масса сырого материала и вспомогательных веществ вступает в процесс труда. Это – следствие повышения производительности труда. С другой стороны, применение массы машин, рабочего скота, минерального удобрения, дренажных труб и т. д. есть условие увеличения производительности труда. То же следует сказать и о массе средств производства, сконцентрированных в виде построек, доменных печей, средств транспорта и т. д. Но будет ли возрастание размера средств производства по сравнению с присоединяемой к ним рабочей силой условием или следствием, – оно и в том и в другом случае является выражением увеличения производительности труда». («Капитал», т. I, стр. 636-637). И еще в другом месте: «Мы видели раньше, что с развитием производительности труда, следовательно и с развитием капиталистического способа производства, развивающего производительную силу общественного труда более, чем все прежние способы производства, постоянно возрастает масса средств производства, раз навсегда входящих в форму средств труда в процесс производства и постоянно снова и снова функционирующих в нем в течение более или менее продолжительного времени (постройки, машины и т. д.). Мы видели также, что рост этих средств производства является как предпосылкой, так и следствием развития общественной производительной силы труда. Не только абсолютный, но и относительный рост богатства в этой форме (ср. книга I, глава XXIII, 2) более всего характерен для капиталистического способа производства. Материальные формы существования постоянного капитала, средств производства, состоят не

силу и при всех докапиталистических формах производства и будет иметь силу в будущем при социалистическом общественном строе. Выраженный в вещественной потребительной форме совокупного общественного продукта, этот закон должен проявляться во все более возрастающем применении общественного рабочего времени на производство средств производства по сравнению с производством средств потребления. В социалистически организованном и планомерно руководимом общественном хозяйстве этот процесс должен был бы продвигаться вперед еще быстрее, чем в современном капиталистическом обществе. Во-первых, применение рациональной научной техники на широкой основе будет возможно в сельском хозяйстве только тогда, когда будут устранены рамки частной собственности на землю. Следствием этого будет могучий переворот в огромной отрасли производства. В конечном результате он приведет к колоссальному вытеснению живого труда трудом машинным и поставит на очередь технические задания самого крупного калибра – задания, для которых в настоящее время нет надлежащих условий. Во-вторых, применение машин в процессе производства вообще будет поставлено на новый экономический базис. В настоящее время машина конкурирует не с живым трудом, а лишь с оплаченной частью живого труда. Нижний предел применения машины в капиталистическом производстве дан издержками на вытесненную ею рабочую силу. Это значит, что капиталист думает о машине лишь тогда, когда издержки на ее производство – при равной производительной способности – меньше заработной платы вытесненных ею рабочих. С точки зрения общественного процесса труда, – а единственно с ним только и может считаться социалистическое общество, – машина должна конкурировать не с трудом, необходимым для содержания рабочих, а с трудом, затраченным ими. Это значит, что для общества, в котором руководящую роль играет не точка зрения барыша, а сбережение человеческого труда, применение машины считалось бы экономически выгодным уже тогда, если ее производство стоит меньше труда, чем количество сберегаемого ею живого труда. Мы не говорим уже о том, что машина во многих случаях может быть применена там, где этого требует здоровье и тому подобные соображения в интересах рабочих, хотя бы ее применением и не достигалась та минимальная граница экономии, о которой говорилось выше. Во всяком случае дистанция между экономической применимостью машины в капиталистическом и в социалистическом обществе равна по меньшей мере разнице между живым трудом и его оплаченной частью, т. е. она может быть измерена всей капиталистической прибавочной стоимостью. Отсюда следует, что с устранением интересов барыша и с введением общественной организации труда граница для применения машин сразу отодвигается на всю величину капиталистической прибавочной стоимости, ее

только из такого рода средств труда, но также из материала труда на разнообразнейших ступенях его обработки и из вспомогательных материалов. Вместе с масштабом производства и с повышением производительной силы труда, применения машин и т. д. увеличивается и масса сырого материала, вспомогательных материалов и т. д., входящих в ежедневный процесс воспроизводства». («Капитал», т. II, стр. 117).

победоносному шествию открывается огромное, необозримое поле. В этом случае стало бы ясно до очевидности, что капиталистический способ производства, вызывающий якобы крайнее развитие техники, на самом деле создает в виде лежащих в его основе интересов прибыли высокие социальные перегородки для развития техники и что уничтожение этих перегородок продвинет вперед технический прогресс с такой силой, что технические чудеса капитализма покажутся детской игрушкой по сравнению с ним.

Если перевести это на состав общественного продукта, то приходится сказать, что этот технический переворот может лишь означать, что производство средств производства в социалистическом обществе, принимая за единицу измерения рабочее время, будет расти по сравнению с производством средств потребления несравненно быстрее, чем в настоящее время. Таким образом соотношение между обоими подразделениями общественного производства – соотношение, относительно которого русские марксисты воображали, что они открыли в нем специфическое выражение греха капитализма, пренебрежение потребностями человеческого потребления, – оказывается, напротив того, точным выражением прогрессирующего завоевания природы человеческим трудом – выражением, которое ярче всего скажется тогда, когда человеческие потребности будут единственной руководящей точкой зрения в производстве. Этим самым единственное объективное доказательство «основного закона» Туган-Барановского рухнет, как «основное» *qui pro quo*; вся его конструкция, из которой он выводит «новую теорию кризисов» вместе с теорией «диспропорциональности», сводится к своей бумажной основе – к рабски списанной у Маркса схеме расширенного воспроизводства.

Глава двадцать четвертая

ИСХОД РУССКОГО «ЛЕГАЛЬНОГО» МАРКСИЗМА

Тот факт, что «легальные» марксисты и в особенности Туган-Барановский в борьбе со скептиками капиталистического накопления использовали для науки анализ общественного процесса воспроизводства и его схематическое представление во II томе «Капитала» несомненно является их заслугой. Но так как Туган-Барановский принял это схематическое представление не за формулировку проблемы, а за самое ее решение, он пришел к выводам, которые ставят на голову самые основы учения Маркса.

Концепция Тугана, согласно которой капиталистическое производство может само для себя создать безграничный сбыт и независимо от потребления ведет его прямым путем к теории Сэя-Рикардо о естественном равновесии между производством и потреблением, между спросом и предложением. Разница только в том, что Сэй и Рикардо вращались исключительно лишь в рамках простого товарного обращения, в то время как Туган попросту переносит то же самое представление на обращение капитала. Его теория кризисов от «диспропорциональности» является по существу не более, чем парафразом старого пошлого вздора Сэя: если какой-нибудь

товар произведен в слишком большом количестве, то это лишь доказывает, что какого-нибудь другого товара произведено слишком мало; Туган только преподносит тот же самый вздор на языке марксова анализа процесса воспроизводства. И если он в противоположность Сэю заявляет о возможности всеобщего перепроизводства, ссылаясь при этом на денежное обращение, которым Сэй совершенно пренебрегал, то операции Тугана с марксовой схемой в действительности базируются на том же самом пренебрежении к денежному обращению, которое так обычно у Сэя и Рикардо в проблеме кризисов: стоит только начать переложение «схемы № 2» на денежное обращение, как она тотчас же обнаруживает массу колючек и препятствий. За эти колючки зацепился Булгаков, пытаясь довести до конца прерванный Марксом анализ. То, что Туган-Барановский скромно окрестил своей «попыткой синтеза марксовой теории с классической политической экономией», представляет собой объединение заимствованной у Маркса формы мышления с идейным содержанием Сэя-Рикардо.

Так оптимистическая теория, защищавшая против мелкобуржуазного скептицизма возможность капиталистического производства и его способность к развитию, спустя почти столетие – и через учение Маркса – пришла в лице его легальных адептов опять к своей исходной точке – к Сэю и Рикардо. Так три «марксиста» очутились в среде буржуазных гармонистов доброго старого времени, когда буржуазная политическая экономия находилась накануне грехопадения и изгнания из рая невинности. Круг замкнулся.

«Легальные» русские марксисты несомненно одержали победу над своими противниками – народниками; но они одержали слишком большую победу. Все трое – Струве, Булгаков и Туган-Барановский – в пылу борьбы доказали больше, чем требовалось доказать. Речь шла о том, способен ли капитализм к развитию вообще и в России в частности, а названные марксисты настолько основательно доказывали эту возможность, что дали даже теоретическое доказательство возможности вечного существования капитализма. Ясно, что если допустить безграничное накопление капитала, то доказана и безграничная жизнеспособность капитала. Накопление является специфическим капиталистическим методом расширения производства, развития производительности труда, роста производительных сил и экономического прогресса. Если капиталистический способ производства в состоянии гарантировать безграничное возрастание производительных сил и экономический прогресс, то он непреодолим. Выбивается важнейшая объективная опора научной социалистической теории, прекращается политическая борьба социализма, и идейное содержание пролетарской классовой борьбы перестает быть рефлексом экономического прогресса, социализм перестает быть исторической необходимостью. Ход доказательства, начавшись с возможности капитализма, закончился невозможностью социализма.

Разобранные три русских марксиста прекрасно сознавали ту перемену позиции, которую они произвели во время своей борьбы с народниками. Во имя торжества культурной миссии капитализма Струве конечно не печалился о потере дорогого ему сокровища.

вища¹. Булгаков кое-как пытался заплатать образовавшуюся в социалистической теории брешь другим куском той же самой теории: он ожидал, что капиталистическое хозяйство, несмотря на его имманентное равновесие между производством и сбытом, все-таки погибнет, и погибнет благодаря падению нормы прибыли. Но это несколько туманное утешение уничтожится Булгаковым в заключении, где он, забывая о последнем спасательном круге, брошенном им социализму, внезапно начинает поучать Туган-Барановского, что относительное падение нормы прибыли для больших капиталов уравнивается абсолютным ростом капитала².

Наконец Туган-Барановский – самый последовательный из них – с грубоватой радостью доброго молодца выбивает из-под социалистической теории все объективные экономические опоры и в своем воображении перестраивает мир на «более красивый» лад на фундаменте «этики». «Личность протестует против хозяйственного порядка, который обращает цель (человека) в средство, а средство (производство) в цель»³.

Насколько тонкими нитками были сшиты новые обоснования социализма, показали все три названных марксиста на собственном примере: не успевши дать ему нового обоснования, они повернулись к нему спиной. В то время как массы в России, жертвуя жизнью, боролись за идеалы нового общественного порядка, который со временем должен поставить цель (человека) над средством (производством), «личность» спряталась в кустах и нашла в Канте философское и этическое успокоение. Легальные русские марксисты кончили практически там, куда их привела их теоретическая позиция, – в лагере буржуазной гармонии.

¹ В предисловии к одному сборнику своих русских статей, изданных в 1902 г., Струве говорит: «В 1894 году, когда автор опубликовал свою книгу «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», он был в философии критическим позитивистом, в социологии и политической экономии – решительным, хотя и вовсе не правоверным марксистом. С тех пор позитивизм и опирающийся(!) на него марксизм перестали для автора быть всей истиной, перестали всецело определять и окрашивать мирозерцание. Ему пришлось на свой страх искать и выработать себе новый строй идей. Злобствующий догматизм, не только опровергающий несогласно мыслящих, но и производящий над ними морально-психологический сыск, видит в такой работе только «эпикурейское порхание мысли». Он неспособен понять, что право критики само по себе есть одно из драгоценнейших прав живой мыслящей личности. От этого права автор не намерен отказываться, хотя бы ему и угрожало постоянно находиться под обвинением в «неустойчивости». («На разные темы». СПб. 1902 г.)

² Булгаков, 1. с., стр. 252.

³ Туган-Барановский, 1. с., стр. 229.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ НАКОПЛЕНИЯ

Глава двадцать пятая

ПРОТИВОРЕЧИЯ СХЕМЫ
РАСШИРЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

В первом отделе мы установили, что марксова схема накопления не дает никакого ответа на вопрос, для кого собственно происходит расширенное воспроизводство. Если взять схему буквально так, как она развита в конце второго тома, то кажется, что капиталистическое производство исключительно только само реализует всю свою прибавочную стоимость и потребляет капитализированную прибавочную стоимость для своих собственных потребностей. Маркс подтверждает это своим анализом схемы, в котором он неоднократно делает попытку осуществить обращение этой схемы только денежными средствами, т. е. спросом капиталистов и рабочих, – попытку, которая приводит его в конце концов к тому, что он вводит в воспроизводство золотопромышленника в качестве *deus ex machina*. Сюда относится и одно в высшей степени важное место из I тома «Капитала», которое следует толковать в том же самом смысле: «Прежде всего годовое производство должно доставить все те предметы (потребительные стоимости), на счет которых могут быть возмещены вещественные составные части капитала, потребленные в течение года. За исключением этой части остается чистый или прибавочный продукт, в котором заключается прибавочная стоимость. Но из чего состоит этот прибавочный продукт? Быть может из предметов, предназначенных для удовлетворения потребностей и прихотей капиталистов, – предметов, входящих таким образом в их потребительный фонд? Если бы это было так, то прибавочная стоимость была бы прокучена до последнего гроша, и мы имели бы перед собой простое воспроизводство. Для того чтобы накапливать, необходимо часть прибавочного продукта превращать в капитал. Но, не совершая чуда, можно превращать в капитал лишь такие предметы, которые могут быть применены в процессе труда, т. е. средства производства, и далее, такие предметы, которые способны поддерживать жизнь рабочего, т. е. средства существования. Следовательно часть годового прибавочного труда должна быть потреблена на изготовление средств производства и существования, добавочных к тому количеству их, которое необходимо для возмещения авансированного капитала. Одним словом, прибавочная стоимость лишь потому может быть превращена в капитал, что прибавочный продукт, стоимостью которого

она является, уже заключает в себе вещественные элементы нового капитала».

Здесь устанавливаются следующие условия для накопления:

1. Прибавочная стоимость, подлежащая капитализации, сразу рождается на свет в натуральной форме капитала (как добавочные средства производства и добавочные средства существования для рабочих).

2. Расширение капиталистического производства совершается исключительно только при помощи собственных (капиталистически произведенных) средств производства и средств существования.

3. Размер расширения производства (накопления) всякий раз дан наперед размером подлежащей капитализации прибавочной стоимости. Он не может быть больше, потому что он связан с количеством средств производства и средств потребления, представляющих прибавочный продукт, но он не может быть и меньше, так как иначе часть прибавочного продукта в его натуральной форме не нашла бы применения. Пусть такие отклонения вверх и вниз вызывают периодические колебания и кризисы, от которых мы должны здесь отвлечься, но в среднем итоге подлежащий капитализации прибавочный продукт и фактическое накопление должны друг друга покрывать.

4. Так как капиталистическое производство само поглощает весь свой прибавочный продукт, то для накопления капитала нельзя найти границ.

Этим условиям соответствует и марксова схема расширенного воспроизводства. Накопление совершается здесь без того, чтобы хоть в малейшей мере видно было, для кого, для каких новых потребителей происходит в конце концов все возрастающее расширение производства. Схема предполагает следующий ход вещей. Каменноугольная промышленность расширяется, чтобы расширить железодельную промышленность. Эта последняя расширяется, чтобы расширить машиностроительную промышленность. Машиностроительная промышленность расширяется, чтобы расширить производство средств потребления. Это последнее в свою очередь расширяется для того, чтобы содержать возрастающую армию рабочих углепромышленности, железодельного и машиностроительного производства, равно как и своих собственных рабочих. И так «ad infinitum» в порочном кругу – по теории Тугана-Барановского. Что марксова схема, будучи рассмотрена сама по себе, действительно допускает подобное толкование, доказывает хотя бы то обстоятельство, что Маркс после своих собственных неоднократных и ясных утверждений вообще берется изобразить процесс накопления всего капитала в обществе, которое состоит только из капиталистов и рабочих. Места, которые основываются на этом, имеются во всех томах «Капитала».

В I томе, как раз в главе о «превращении прибавочной стоимости в капитал», говорится: «Для того чтобы рассмотреть предмет нашего исследования в совершенно чистом виде, независимо от затемняющих дело побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство укрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства» (стр. 543, примечание 21a).

Во II томе это предложение встречается неоднократно. Так в главе XVII, посвященной обращению прибавочной стоимости, мы читаем:

«Но существует вообще только два исходных пункта – капиталист и рабочий. Третьи лица всех разрядов или должны получать деньги от этих двух классов за какие-нибудь услуги или, поскольку они получают деньги без всяких услуг с своей стороны, они являются совладельцами прибавочной стоимости в форме ренты, процента и пр. Итак класс капиталистов остается единственным исходным пунктом денежного обращения» (стр. 303-304).

Далее в той же главе специально о денежном обращении при условии накопления сказано:

«...Затруднение возникает тогда, когда мы предполагаем накопление денежного капитала не как частный случай, а как общее явление для класса капиталистов. По нашему предположению – при всеобщем и исключительном господстве капиталистического производства – кроме этого класса вообще не существует никаких других классов, кроме класса рабочих» (стр. 318-331).

То же самое встречается еще раз в главе XX:

«Ведь здесь имеется только два класса: рабочий класс, у которого только и есть, что его рабочая сила, и класс капиталистов, которому принадлежит монополия на средства производства, к числу каковых относятся и деньги» (стр. 392).

В III томе при характеристике процесса капиталистического производства, взятого в целом, Маркс совершенно отчетливо говорит:

«Представим себе, что все общество состоит только из капиталистов и наемных рабочих. Оставим в стороне далее колебания цен, которые препятствуют значительным частям всего капитала возмещаться согласно своим средним соотношениям и неизбежно должны вызывать время от времени всеобщий застой при той универсальной зависимости между различными частями процесса производства, какая развивается в особенности благодаря кредиту. Оставим в стороне также фиктивные предприятия и спекулятивные операции, поощряемые кредитной системой. Тогда кризис мог бы быть объяснен только диспропорциональностью производства в различных отраслях и несоответствием между потреблением самих капиталистов и их накоплением. Но при данном положении вещей возмещение капиталов, вложенных в производство, зависит главным образом от размеров потребительной способности непродовольственных классов, тогда как потребительная способность рабочих ограничена частью законами заработной платы, частью тем, что рабочие лишь до тех пор находят себе занятие, пока они могут быть употреблены в дело с выгодой для класса капиталистов» (часть II, стр. 21). Эта последняя цитата относится к вопросу о кризисах, которые не подлежат нашему рассмотрению; но она недвусмысленно показывает, что Маркс, «в согласии с действительным положением вещей» ставит движение всего капитала в зависимость только от трех категорий потребителей: от капиталистов, рабочих и «непродовольственных классов», т. е. слоев, примыкающих к классу капиталистов («король, поп, профессор, проститутка, солдат»), – слоев, с которыми он во II томе «Капитала» с полным правом разделяется как с представителями производной

покупательной силы и следовательно участниками в деле потребления прибавочной стоимости или заработной платы.

Наконец в «Theorien uber den Mehrwert», т. II, ч. 2, стр. 263, в главе «Накопление капитала и кризисы» Маркс формулирует предположения, при которых он рассматривает накопление следующим образом:

«Мы должны здесь только рассмотреть те формы, которые проходит капитал в своем многообразном дальнейшем развитии. Не развиты следовательно те реальные соотношения, в пределах которых происходит действительный процесс производства. Все время предполагалось, что товар продается по своей стоимости. Конкуренция капиталов не рассмотрена, не рассмотрены и кредитное дело и действительное строение общества, которое отнюдь не состоит только из класса рабочих и промышленных капиталистов и где потребители таким образом не совпадают с производителями; первая категория (категория потребителей, доходы которых отчасти являются не первичными, а вторичными – производными от прибыли и заработной платы) здесь значительно шире второй категории производителей, а потому способ расходования ее дохода и размер последнего вызывают в экономике и особенно в процессе обращения и воспроизводства капитала очень большие модификации». Следовательно и здесь, где Маркс говорит уже о «действительном строении общества», он обращает внимание единственно только на соучастников в потреблении прибавочной стоимости и заработной платы, следовательно только на слои, примыкающие к основным капиталистическим категориям производства.

Итак не подлежит никакому сомнению, что Маркс хотел изобразить процесс накопления в обществе, состоящем исключительно из капиталистов и рабочих, при всеобщем исключительном господстве капиталистического способа производства. Но при этих условиях его схема не допускает никакого иного толкования, кроме производства ради производства.

Вспомним второй пример марксовской схемы расширенного воспроизводства:

Первый год

$$\begin{array}{l} \text{I. } 5\,000\text{ c} + 1\,000\text{ v} + 1\,000\text{ m} = 7\,000 \text{ средств производства.} \\ \text{II. } 1\,430\text{ c} + 285\text{ v} + 285\text{ m} = \frac{2\,000}{9\,000} \text{ средств потребления.} \end{array}$$

Второй год

$$\begin{array}{l} \text{I. } 5\,417\text{ c} + 1\,083\text{ v} + 1\,083\text{ m} = 7\,583 \text{ средств производства.} \\ \text{II. } 1\,583\text{ c} + 316\text{ v} + 316\text{ m} = \frac{2\,215}{9\,798} \text{ средств потребления.} \end{array}$$

Третий год

$$\begin{array}{l} \text{I. } 5\,869\text{ c} + 1\,173\text{ v} + 1\,173\text{ m} = 8\,215 \text{ средств производства.} \\ \text{II. } 1\,715\text{ c} + 342\text{ v} + 342\text{ m} = \frac{2\,399}{10\,614} \text{ средств потребления.} \end{array}$$

Четвертый год

$$\begin{array}{l}
 \text{I. } 6\,358\,c + 1\,271\,v + 1\,271\,m = 8\,900 \text{ средств производства.} \\
 \text{II. } 1\,858\,c + 371\,v + 371\,m = \frac{2\,600}{11\,500} \text{ средств потребления.}
 \end{array}$$

Накопление протекает здесь непрерывно из года в год по мере того как половина добытой прибавочной стоимости, потребляется капиталистами, а другая половина капитализируется. При капитализации для добавочного капитала, как и для первоначального капитала, сохраняется тот же самый технический базис, т. е. тот же самый органический состав или разделение на постоянный и переменный капитал, и та же самая норма эксплуатации (равная всегда 100%). Капитализированная часть прибавочной стоимости, соответственно с предложением Маркса в I томе «Капитала», появляется на свет сразу в виде дополнительных средств производства и средств существования для рабочих. И то и другое служит для все большего расширения производства в подразделениях I и II. Для кого происходит это прогрессирующее расширение производства, – это на основании предпосылок марксовой схемы определить невозможно. Правда, одновременно с производством расширяется и потребление общества: повышается потребление капиталистов (в первом году оно в итоге представляло собой стоимость в 500 + 142, во-втором 542 + 158, в третьем, 586 + 171, в четвертом 635 + 185), повышается и потребление рабочих; точный показатель последнего – переменный капитал, выраженный в единицах стоимости, растет в обоих подразделениях из года в год. И тем не менее, если оставить в стороне все прочее, возрастающее потребление класса капиталистов во всяком случае не может быть рассматриваемо как цель накопления; наоборот, поскольку потребление имеет место и растет, накопления не происходит, личное потребление капиталистов подходит под точку зрения простого воспроизводства. Спрашивается, для кого же капиталисты производят, когда и поскольку они не потребляют, а проявляют «подвиги воздержания», т. е. накапливают? Еще меньше может быть целью накопления капитала содержание все возрастающей армии рабочих. Потребление рабочих с капиталистической точки зрения является следствием накопления и ни в коем случае не его целью и предпосылкой; в противном случае основы капиталистического производства были бы поставлены на голову. Во всяком случае рабочие могут потребить только часть продукта, соответствующую их переменному капиталу, и ни на йоту больше. Итак, кто реализует постоянно возрастающую прибавочную стоимость? Схема отвечает: сами капиталисты, и только они. Что же они делают со своей возрастающей прибавочной стоимостью? Схема отвечает: они употребляют ее для все возрастающего расширения своего производства. Эти капиталисты являются стало быть фанатиками расширения производства ради расширения производства. Они строят новые машины, чтобы ими опять-таки строить новые машины. То, к чему мы таким образом приходим, является не накоплением капитала, а расширяющимся производством средств производства без всякой цели, и только смелости и любви Туган-Барановского к парадоксам свойственно принимать

эту неустанно вращающуюся в пустом пространстве карусель за верное теоретическое отражение капиталистической деятельности и за действительный вывод из марксова учения¹.

Помимо оборвавшегося в самом начале наброска анализа расширенного воспроизводства, который мы находим во втором томе «Капитала», Маркс дал весьма детальное и ясное изложение своего общего понимания характеристического хода капиталистического накопления на протяжении всего своего труда, особенно в третьем томе. И стоит только вдуматься в это понимание, чтобы без труда убедиться в недостаточности схемы, данной в конце второго тома.

Если проверить схему расширенного воспроизводства именно с точки зрения теории Маркса, то неизбежно приходишь к заключению, что она во многих отношениях находится в противоречии с этой теорией.

Прежде всего схема совершенно не учитывает прогрессирующей производительности труда. Несмотря на накопление, она из года в год предполагает один и тот же состав капитала, т. е. одну и ту же техническую основу процесса производства. В целях упрощения анализа такой прием сам по себе вполне допустим. Абстрагирование от изменений техники, которые идут параллельно накоплению капитала и неразрывно с ним связаны, должно однако быть принято во внимание и учтено по крайней мере потом при исследовании конкретных условий реализации всего общественного продукта и воспроизводств. Но если принять во внимание прогресс производительности труда, то вещественная масса общественного продукта – средства производства и средства потребления – растет много быстрее, чем масса его стоимости, как она дается схемой. Но другой стороной этого прироста массы потребительных стоимостей является и изменение в отношениях стоимости. Согласно строгому ходу марксова доказательства, образующего краеугольный камень его теории, прогрессирующее развитие производительности труда проявляется в том, что состав капитала, равно как и норма прибавочной стоимости не могут при возрастающем накоплении капитала оставаться постоянными, как это предполагается в марксовой схеме. Напротив того, с процессом накопления (с) (постоянный капитал) должен расти в обоих подразделениях не только абсолютно, но и относительно – по отношению к $(v+m)$, т. е. ко всей созданной вновь стоимости (общественное выражение производительности труда); одновременно с этим должен расти постоянный капитал по отношению к переменному; отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу или нормы прибавочной стоимости тоже должно возрастать (капиталистическое выражение производительности труда). То обстоятельство, что эти изменения происходят не буквально в каждом году, для дела не существенно. Оно играет такую же роль, как обозначения «первый, второй третий и т. д. год» в марксовой схеме, которые вообще не рассчитаны обязательно на календарный год, а могут означать любые промежутки времени. Наконец изменения в составе капитала, равно как и в норме приба-

¹ «Оригинальные мыслители никогда не делают абсурдных выводов. Они предоставляют это Сэям и Мак Куллохам» («Капитал т. II, стр. 376) и Туган-Барановским, – прибавим от себя.

вочной стоимости, могут быть предположены в каком-нибудь году – в первом, третьем, пятом, седьмом и т. д. или во втором, шестом, девятом и т. д. Важно только, чтобы они вообще были приняты во внимание и притом как явление периодическое. Но если дополнить соответственно с этим схему, то окажется, что даже при этом методе накопления ежегодно будет возникать возрастающий дефицит в средствах производства и возрастающий избыток в средствах потребления. Конечно Туган-Барановский, преодолевающий на бумаге все трудности, конструирует схему просто с другими пропорциями, причем он из года в год уменьшает переменный капитал на 25%. Так как бумага переносит терпеливо и это арифметическое упражнение, то это служит основанием для Тугана, чтобы «доказывать» с триумфом, что накопление течет как по маслу даже при абсолютном сокращении потребления. Но в конце концов и самому Тугану приходится согласиться с тем, что допущение факта абсолютного уменьшения переменного капитала находится в резком противоречии с действительностью. На самом деле переменный капитал во всех капиталистических странах растет абсолютно, он уменьшается только относительно и по сравнению с еще более быстрым ростом постоянного капитала. Но если мы соответственно с действительным ходом вещей допустим, что из года в год происходит лишь более быстрый рост постоянного капитала и более медленный рост переменного капитала, и что мы имеем возрастающую норму прибавочной стоимости, то обнаружится несоответствие между вещественным составом общественного продукта и составом стоимости капитала. Примем в марксовой схеме для прироста капитала не неизменное отношение постоянного капитала к переменному 5:1, а прогрессивно увеличивающийся состав, например: для второго года 6:1, для третьего года 7:1, для четвертого 8:1. Допустим далее, что мы соответственно с более высокой производительностью труда имеем непрерывно возрастающую норму прибавочной стоимости, – положим, что мы вместо постоянной нормы прибавочной стоимости в 100%, несмотря на относительно уменьшающийся переменный капитал, берем всякий раз прибавочную стоимость, которая принималась для соответствующих лет в марксовой схеме. Наконец будем исходить из того, что капитализации подвергается каждый раз половина присвоенной прибавочной стоимости (исключая подразделения II, которое согласно допущению Маркса в первом году капитализирует больше половины, именно 184 из 285 m). Тогда мы получим следующий результат:

Первый год

$$\text{I. } 5\ 000\ c + 1\ 000\ v + 1\ 000\ m = 7\ 000\ \text{ средств производства.}$$

$$\text{II. } 1\ 430\ c + 285\ v + 285\ m = 2\ 000\ \text{ средств потребления.}$$

Второй год

$$\text{I. } 5\ 428\frac{4}{7}\ c + 1\ 071\frac{3}{7}\ v + 1\ 083\ m = 7\ 583$$

$$\text{II. } 1\ 587\frac{5}{7}\ c + 311\frac{2}{7}\ v + 316\ m = 2\ 215$$

Третий год

$$\text{I. } 5\ 903\ c + 1\ 139\ v + 1\ 173\ m = 8\ 215$$

$$\text{II. } 1\ 726\ c + 331\ v + 342\ m = 2\ 399$$

Четвёртый год

$$I. 6\ 424\ c + 1\ 205\ v + 1\ 271\ m = 8\ 215$$

$$II. 1\ 879\ c + 350\ v + 371\ m = 2\ 399$$

Если бы накопление происходило таким образом, то обнаружился бы дефицит в средствах производства: на втором году на 16, в третьем на 45, в четвертом на 88. Одновременно с этим оказался бы избыток средств потребления: во втором году на 16, в третьем на 45, в четвертом на 88.

Этот дефицит в средствах производства может быть отчасти кажущимся. В процессе повышения производительности труда рост массы средств производства идет быстрее, чем рост их стоимости, или, выражаясь иначе, происходит удешевление средств производства. Так как при повышении техники производства дело зависит прежде всего не от стоимости, а от потребительной стоимости, т. е. от вещественных элементов капитала, то можно до известной степени принять, что массы средств производства, несмотря на дефицит в их стоимости, хватает для продолжения процесса накопления. Это то же самое явление, которое задерживает падение нормы прибыли и делает его лишь тенденцией. И действительно, падение нормы прибыли, как показывает нам пример, не только задерживается, но даже целиком прекращается. Напротив того, то же самое обстоятельство указывает на избыток неподдающихся сбыту средств потребления, гораздо более значительный, чем его выражение в единицах стоимости. В этом случае остается только либо принудить самих капиталистов подразделения II потратить этот избыток, как обыкновенно поступает с ним Маркс, – для капиталистов подразделения II это направляло бы закон накопления снова по руслу простого воспроизводства, – или признать, что этот излишек сбыть невозможно.

Можно было бы конечно возразить, что от дефицита в средствах производства, который получался в нашем примере, легко избавиться, что для этого стоит только принять, что капиталисты подразделения I более усиленно капитализируют свою прибавочную стоимость. В действительности нет необходимого основания предполагать, что капиталисты, как это принимает Маркс в своем примере, прибавляют к капиталу только половину своей прибавочной стоимости. Допустим, что процессу производительности труда соответствует прогрессивно возрастающая доля капитализированной прибавочной стойкости. Такое предположение допустимо тем более, что одним из последствий прогрессирующей техники является ведь удешевление средств потребления класса капиталистов, так что относительное уменьшение стоимости потребленного ими дохода (по сравнению с капитализированной частью) может выразиться в том же самом или даже в возросшем уровне жизни этого класса. Таким образом мы можем например допустить, что установленный нами дефицит в средствах производства для подразделения I покрывается соответствующим перенесением части потребленной прибавочной стоимости I (которая ведь в этом подразделении, как и все части стоимости продукта, появляется на свет в образе средств производства) на постоянный капитал, и притом во второму году в сумме $11\frac{4}{7}$, в третьем году

в сумме 34 и в четвертом году в сумме 66¹. Но разрешение одного затруднения увеличивает только другое затруднение. Без дальнейших рассуждений ясно следующее: чем больше капиталисты подразделения I ограничивают относительно свое потребление, чтобы сделать возможным накопление, тем больше в подразделении II остаток средств потребления, не поддающийся сбыту; соответственно с этим оказывается невозможным увеличение постоянного капитала хотя бы только на прежней технической основе. Первое предположение – прогрессирующее относительное ограничение потребления капиталистов I – пришлось дополнить другим предположением – прогрессирующим относительным увеличением личного потребления капиталистов II; ускорение накопления в первом подразделении пришлось дополнить замедлением его во втором подразделении, прогресс техники в одном – регрессом в другом.

Эти результаты не случайны. Сделанные выше попытки имели только целью иллюстрировать при помощи схемы Маркса, что прогрессирующая техника должна, по представлениям самого Маркса, проявляться в относительном росте постоянного капитала по сравнению с переменным. Отсюда вытекает необходимость прогрессирующего изменения в распределении капитализированной прибавочной стоимости между (c) и (v). Но капиталисты марксовской схемы совершенно не в состоянии производить это распределение по своему желанию, так как они в деле капитализации связаны наперед с вещественной формой своей прибавочной стоимости. Так как все расширение производства происходит согласно допущению Маркса исключительно только за счет капиталистически произведенных средств производства и потребления – другие области и формы производства существуют здесь так же мало, как и другие потребители, кроме капиталистов и рабочих обоих подразделений, – и так как, с другой стороны, предположение беспрепятственного продолжения накопления заключается в том, что весь продукт обоих подразделений входит без остатка в обращение, то получается следующий результат: технический характер расширенного воспроизводства заранее строго предписывается здесь капиталистам вещественной формой прибавочной стоимости. Другими словами, расширение производства по марксовской схеме может и должно производиться только на такой технической основе, при которой находит применение вся прибавочная стоимость, произведенная как в I, так и во II подразделении: при этом следует еще иметь в виду, что оба подразделения могут получить элементы своих производств только путем взаимного обмена. Таким образом распределение капитализированной прибавочной стоимости между постоянным и переменным капиталом, равно как и распределение добавочных средств производства и средств потребления (рабочих) между подразделениями I и II, всякий раз наперед даны и определены вещественными отношениями и отношениями стоимости обоих подразделений схемы. А эти вещественные отношения и отношения стоимости уже сами выражают вполне определенный технический характер произ-

¹ Эти числа получаются как разница между принятой нами величиной постоянного капитала подразделения I для случая прогрессирующей техники и величиной его, принятой в схеме Маркса («Капитал», т. II, стр. 52), для случая неизменяющейся техники.

водства. Этим сказано, что если продолжать накопление при предпосылках марксовой схемы, то данная в какой-нибудь момент техника производства определяет уже наперед технику будущих периодов расширенного воспроизводства. Итак, если мы вместе со схемой Маркса допускаем, что расширение капиталистического производства всегда происходит только за счет прибавочной стоимости, произведенной наперед в форме капитала, и далее, – что является лишь другой стороной того же самого допущения, – что накопление одного подразделения капиталистического производства находится в строжайшей зависимости от накопления в другом подразделении, то получается, что изменение в технической основе производства невозможно (поскольку она выражается в отношении (c) к (v)).

То же самое может быть выражено иначе. Ясно, что прогрессивно возрастающий органический состав капитала, т.е. более быстрый рост постоянного капитала по сравнению с переменным, должен найти свое вещественное выражение в более быстром росте производства средств производства (подразделение I) по сравнению с производством средств потребления (подразделение II). Но подобные отклонения в темпе накопления обоих подразделений прямо-таки исключаются марксовой схемой, основанной на строжайшей равномерности накопления. Само по себе ничто не мешает допускать, что общество с прогрессом накопления и его технического базиса прилагает непрерывно увеличивающуюся часть капитализированной прибавочной стоимости к подразделению средств производства вместо того, чтобы прилагать ее к подразделению средств потребления. Так как оба подразделения производства представляют лишь отрасли одного и того же совокупного общественного производства или, если угодно, части единого предприятия собирательного капиталиста, то против допущения подобного рода прогрессивного перенесения части накопленной прибавочной стоимости – соответственно с техническими требованиями – из одного подразделения в другое ничего нельзя возразить; оно соответствует и действительной практике капитала. Но это допущение возможно лишь постольку, поскольку мы рассматриваем прибавочную стоимость, предназначенную для капитализации, как некоторую массу стоимости. Схемой Маркса и ее соотношениями эта часть прибавочной стоимости связывается однако с определенной вещественной формой, предназначенной прямо для капитализации. Таким образом прибавочная стоимость подразделения II представляется в виде средств потребления. И так как эта прибавочная стоимость может быть реализована только подразделением I, то задуманное перенесение части капитализированной прибавочной стоимости из подразделения II в подразделение I разбивается, во-первых, о вещественную форму этой прибавочной стоимости, с которой подразделение I, очевидно, ничего не может сделать, и, во-вторых, о меновые отношения между обоими подразделениями, обуславливающие то обстоятельство, что перенесению части прибавочной стоимости в продуктах II в I подразделение должно соответствовать равное по стоимости перенесение продуктов I во II подразделение. Итак в пределах связей марксовой схемы не может быть достигнут рост подразделения I более быстрый, чем рост подразделения II.

Следовательно, как бы мы ни рассматривали техническое изменение способа производства в процессе накопления, оно не может быть проведено без того, чтобы не нарушить основных отношений марксовой схемы.

Далее. Раз капитализированная прибавочная стоимость по схеме Маркса в следующий период производства входит всякий раз непосредственно и без остатка в процесс производства, то она уже заранее имеет натуральную форму, которая допускает ее применение (кроме потребляемой части) только этим способом.

Образование и накопление прибавочной стоимости в денежной форме в виде капитала, ищущего приложения, согласно этой схеме невозможно. Для отдельного капитала сам Маркс принимает за свободную денежную форму капитала: во-первых, постепенное осаждение денег, которое соответствует снашиванию основного капитала и предназначено для того, чтобы его потом обновить, и, во-вторых, денежные суммы, которые представляют реализованную прибавочную стоимость, но еще не достигли той минимальной величины, которая необходима, чтобы они могли быть затрачены. Но оба источника свободного капитала в денежной форме с точки зрения всего капитала не принимаются во внимание. Ибо если мы предположим, что только часть реализованной общественной прибавочной стоимости имеется в виде денежной формы и ищет приложения, то тотчас же возникает вопрос: кто же купил эту часть в ее натуральной форме и кто дал за это деньги? Если ответить: другие капиталисты, то в кассе капиталистов, – как она представлена в схеме обоими подразделениями, – и эта часть прибавочной стоимости должна считаться действительно затраченной и нашедшей себе применение в производстве, и мы опять возвращаемся к непосредственному и безостаточному приложению прибавочной стоимости.

Но если факт осаждения в денежной форме части прибавочной стоимости в руках одних капиталистов означает осаждение соответствующей части прибавочного продукта в его вещественной форме в руках других капиталистов; если накопление реализованной прибавочной стоимости у одних означает нереализуемость прибавочной стоимости у других, то ведь капиталисты являются друг для друга единственными покупателями прибавочной стоимости. Но этим беспрепятственное течение воспроизводства, а следовательно, и накопления, как его характеризует схема, было бы прервано. Мы имели бы кризис, но не кризис от перепроизводства, а исключительно от стремления к накоплению, – кризис, как он представлялся Симонди.

В одном месте своих «Теорий» Маркс отчетливо заявляет, что он «здесь вовсе не рассматривает того случая, когда накоплено больше капитала, чем та масса, которую можно применить в производстве, и когда она например зря лежит в форме денег у банкиров. Отсюда ссужение денег за границу и т. д.»¹. Маркс указывает, что эти явления относятся к главе о конкуренции. Но важно установить, что его схема прямо исключает образование подобного рода избыточного капитала.

¹ «Theorien», т. II, ч. 2, стр. 252. 238

Конкуренция, как бы мы широко ни понимали это понятие, не может, очевидно, создавать ни стоимостей, ни следовательно капитала, которые не получены из процесса воспроизводства.

Схема таким образом исключает скачкообразное расширение производства. Она допускает только непрерывное расширение его, которое идет в ногу с образованием прибавочной стоимости и покоится на идентичности реализации и капитализации прибавочной стоимости.

По той же причине схема предполагает накопление, которое захватывает равномерно оба подразделения, следовательно все отрасли капиталистического производства. Расширение сбыта скачками здесь исключается точно так же, как одностороннее развитие отдельных отраслей капиталистического производства, которые далеко забежали бы вперед по сравнению с другими.

Следовательно схема предполагает движение всего капитала, которое противоречит действительному ходу капиталистического развития. История капиталистического способа производства характеризуется на первый взгляд двумя фактами: с одной стороны периодической скачкообразной экспансией всего поля производства и, с другой стороны, в высшей степени неравномерным развитием различных отраслей производства. История английской хлопчатобумажной промышленности, представляющая самую характерную главу в истории капиталистического способа производства, начиная с последней четверти XVIII века и вплоть до 70-х годов XIX века, оказывается совершенно необъяснимой с точки зрения марксовской схемы.

Наконец схема противоречит пониманию капиталистического процесса, взятого в целом, и его ходу, как он был охарактеризован Марксом в III томе «Капитала». Основная мысль этого понимания заключается в имманентном противоречии между способностью производительной силы к безграничной экспансии и ограниченной способностью к экспансии общественного потребления при капиталистических отношениях распределения. В главе XV, посвященной «развитию внутренних противоречий закона» (падения нормы прибыли), Маркс дает следующую детальную картину:

«Предполагая наличность необходимых средств производства, т. е. достаточное накопление капитала, создание прибавочной стоимости при данной ее норме прибавочной стоимости, следовательно при данной степени эксплуатации труда, находит себе предел только в рабочем населении, а при данном рабочем населении оно находит себе предел только в степени эксплуатации труда. И капиталистический процесс производства по существу заключается в производстве прибавочной стоимости, представляемой прибавочным продуктом или соответственной частью произведенных товаров, в которой овеществлен неоплаченный труд. Никогда не следует забывать, что производство этой прибавочной стоимости, – а обратное превращение некоторой части ее в капитал или накопление образует интегральную часть этого производства прибавочной стоимости, – является непосредственной целью и определяющим мотивом капиталистического производства. Поэтому никогда нельзя представить его таким, каким оно не бывает, именно таким производством, которое имеет своей непосредственной целью потребление или изготовление пред-

метов потребления для капиталистов (и конечно еще менее для рабочих. – Р. Л.). При этом был бы совершенно забыт его специфический характер, который находит себе выражение во всех внутренних отношениях этого производства. Добывание этой прибавочной стоимости образует непосредственный процесс производства, для которого, как мы сказали, не существует иных пределов, кроме указанных выше. Как только то количество прибавочного труда, которое можно выжать, овеществилось в товарах, прибавочная стоимость произведена, но этим производством прибавочной стоимости закончен только первый акт капиталистического процесса производства – непосредственный процесс производства. Капитал всосал столько-то неоплаченного труда. С развитием процесса, который выражается в понижении нормы прибыли, масса производимой таким образом прибавочной стоимости достигает чудовищных размеров. Теперь наступает второй акт процесса. Вся масса товаров, весь продукт как та его часть, которая вмещает постоянный и переменный капитал, так и часть, представляющая прибавочную стоимость, должна быть продана. Если этого не происходит или если это происходит только отчасти, или если товар продается лишь по ценам, которые ниже цен производства, то хотя рабочий и эксплуатировали, но эта эксплуатация не реализуется как таковая для капиталиста, причем может вовсе не последовать реализации выжатой прибавочной стоимости или последует только частичная реализация ее, соединенная с потерей части или даже всего капитала. Условия непосредственной эксплуатации и условия ее реализации не тождественны. Они не совпадают не только по месту и времени, но и в понятии. Первые ограничены только производительной силой общества, вторые – пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества. Но это последнее определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной способностью, но потребительной способностью на основе антагонистических отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в более или менее узких границах. Она ограничена далее стремлением к накоплению, к увеличению капитала и к производству прибавочной стоимости в расширяющемся масштабе. Таков закон капиталистического производства, диктуемый постоянными революциями в самых методах производства, обеспечением имеющегося капитала, постоянно сопровождающим такие перевороты, всеобщей конкурентной борьбой, необходимостью совершенствовать производство и расширять его размеры ради одного только сохранения и под угрозой гибели. Поэтому рынок должен постоянно расширяться, так что взаимозависимость рыночных отношений и определяющие ее условия все более принимают характер независимого от производителей естественного закона и все менее поддаются контролю. Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства. Но чем более развивается производительная сила, тем более впадает она в противоречие с тем узким базисом, на котором покоится потребление. На этой основе, полной противоречий, отнюдь не противоречие то явление, что избыток капитала связан с возрастающим избытком населения, потому что, хотя при

соединении избытка капитала с избытком населения масса производимой прибавочной стоимости выросла бы, но именно потому выросло бы и противоречие между теми условиями, при которых эта прибавочная стоимость производится, и теми условиями, при которых она реализуется»¹.

Если сравнить это описание со схемой расширенного воспроизводства, то они отнюдь не совпадают. По схеме между производством прибавочной стоимости и ее реализацией нет никакого внутреннего противоречия, напротив того, между ними есть внутреннее тождество. Прибавочная стоимость уже заранее появляется здесь на свет в натуральной форме, рассчитанной исключительно только на потребности накопления. Она уже из мест производства выходит как добавочный капитал. Этим дана ее способность к реализации, – именно в стремлении самих капиталистов к накоплению. Эти последние, как класс, наперед заставляют производить присвоенную ими прибавочную стоимость в вещественной форме, которая делает возможным и обуславливает ее применение для дальнейшего накопления. Реализация прибавочной стоимости и ее накопление являются здесь лишь двумя сторонами одного и того же явления; они в понятии идентичны. Для процесса воспроизводства, как он представлен в схеме, потребительная сила общества тоже не является поэтому границей для производства. Расширение производства из года в год идет здесь автоматически вперед без того, чтобы потребительская сила общества вышла за пределы «антагонистических отношений распределения». Этот автоматический прогресс расширения производства – накопления – несомненно является для капиталистического производства «законом под угрозой гибели». Но согласно анализу III тома «Капитала» «рынок должен поэтому постоянно расширяться», «рынок», очевидно, должен выйти за пределы потребления рабочих и капиталистов. И когда Туган-Барановский интерпретирует следующее непосредственно за этим предложение Маркса: «внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства» в том смысле, что Маркс будто бы подразумевал под «внешним полем производства» само производство, то он насилует этим не только дух языка, но и ясный ход мысли Маркса. «Внешнее поле производства» означает здесь ясно и недвусмысленно не само производство, а потребление, которое «должно постоянно расширяться». Что Маркс думал именно так, а не иначе, – об этом достаточно свидетельствует следующее место из «Теорий прибавочной стоимости»: «Поэтому Рикардо поступал последовательно, когда он отрицал необходимость расширения рынка с расширением производства и ростом капитала. Весь капитал, имеющийся в какой-нибудь стране, может быть с выгодой применен в этой стране. Он полемизировал поэтому с Адамом Смитом, который, с одной стороны, высказывает его (Рикардо) взгляд и со свойственным ему разумным инстинктом противоречит этому взгляду»².

Приведем еще одно место из Маркса, которое отчетливо показывает, что Маркс был совершенно чужд мысли Туган-Барановского

¹ «Капитал», т. III, ч. I, стр. 225 и сл.

² «Theorien», т. II, ч. 2, стр. 305.

о производстве ради производства: «Кроме того, как мы видели (книга II, отдел 3), совершается непрерывное обращение между постоянным капиталом и переменным капиталом (даже оставляя в стороне ускорение накопления) – обращение, которое прежде всего независимо от личного потребления в том смысле, что оно никогда в него не входит, но которое в конечном счете ограничено личным потреблением, потому что производство постоянного капитала совершается не ради него самого, но только потому, что он более потребляется в тех отраслях производства, продукты которых входят в личное потребление»¹.

По схеме II тома, за которую только и цепляется Туган-Барановский, рынок, правда, тождествен производству. Расширить рынок здесь значит расширить производство, потому что производство само является здесь исключительным рынком (потребление рабочих – только момент производства, именно воспроизводство переменного капитала). Поэтому расширение производства и рынка имеет одну и ту же границу – величину общественного капитала или степень уже достигнутого накопления. Чем больше выжато прибавочной стоимости – в натуральной форме капитала, – тем больше может быть накоплено, а чем больше она накапливается, тем больше может быть применено, реализовано прибавочной стоимости в форме капитала, которая является его натуральной формой. Следовательно согласно схеме, противоречия, отмеченного в анализе III тома, не существует. Здесь в процессе, как он представлен схемой, нет никакой необходимости постоянно расширять рынок за предел потребления капиталистов и рабочих, и ограниченная потребительная способность общества вовсе не является препятствием для беспрепятственного хода производства и для его неограниченной способности к расширению. Схема, правда, допускает кризисы, но исключительно вследствие недостатка пропорциональности производства, т. е. вследствие отсутствия общественного контроля над процессом производства. Напротив того, она исключает глубокое основное противоречие между производительной и потребительной способностью капиталистического общества – противоречие, которое возникает именно из накопления капитала, периодически проявляется в кризисах и побуждает капитал к постоянному расширению рынка.

Глава двадцать шестая

ВОСПРОИЗВОДСТВО КАПИТАЛА И ЕГО СРЕДА

Итак марксова схема расширенного воспроизводства не сумела объяснить нам процесс накопления, как он происходит в действительности и как он развивается исторически. Почему это случилось? Исключительно благодаря предпосылкам самой схемы. Эта схема ставит себе целью представить процесс накопления в предположении, что капиталисты и рабочие являются единственными представителями общественного потребления. Мы видели, что Маркс во

¹ «Капитал», т. III, ч; I, стр. 289

всех трех томах «Капитала» последовательно и сознательно принимает всеобщее и исключительное господство капиталистического способа производства за теоретическую предпосылку своего анализа. При таких условиях, как условия схемы, нет конечно никаких других общественных классов, кроме капиталистов и рабочих, все «третьи лица» капиталистического общества – чиновники, представители либеральных профессий, духовенство и т. д. – как потребители, должны быть причислены к этим обоим классам, преимущественно к классу капиталистов. Это предположение является теоретическим приемом, вызванным необходимостью, – в действительности нигде нет и не было самодовлеющего капиталистического общества с исключительным господством капиталистического производства, – но оно является вполне допустимым теоретическим приемом там, где оно не изменяет условий самой проблемы, а помогает лишь представить ее в чистом виде. Так обстоит дело с анализом простого воспроизводства всего общественного капитала. Здесь сама проблема покоится на следующей фикции: в обществе, производящем капиталистически, производящем следовательно прибавочную стоимость, вся прибавочная стоимость потребляется теми, кто ее присваивает, – классом капиталистов. Надо показать, как складывается при этих условиях общественное производство и воспроизводство. Здесь сама постановка проблемы предполагает, что производство не знает никаких других потребителей, кроме капиталистов и рабочих; она находится следовательно в полном согласии с предпосылкой Маркса, т. е. с всеобщим и исключительным господством капиталистического способа производства. Одна фикция теоретически совпадает с другой. Точно так же можно допустить предположение абсолютного господства капитализма при анализе накопления отдельного капитала, как он дан в первом томе «Капитала». Воспроизводство отдельного капитала является элементом всего общественного воспроизводства, но элементом, движение которого протекает самостоятельно в противоречии с движением прочих элементов, причем движение всего общественного капитала дает не механическую сумму движений отдельных капиталов, а своеобразно измененный результат. Если даже сумма стоимости отдельных капиталов и суммы, которые получаются, если сложить отдельно стоимости их составных частей – постоянного и переменного капитала и прибавочной стоимости, – и совпадают в точности с величиной стоимости всего общественного капитала – его обеих составных частей и всей прибавочной стоимости, – то вещественные представления этих стоимостей и соответствующих частей общественного продукта все-таки совершенно разойдутся с овеществленными отношениями стоимости отдельных капиталов. Следовательно отношения воспроизводства отдельных капиталов в их вещественной форме не совпадают ни между собой, ни с соответствующими отношениями воспроизводства всего капитала. Каждый отдельный капитал совершает свое обращение и следовательно накопление вполне самостоятельно; он в этом – при нормальном течении процесса обращения – лишь постольку зависит от других, поскольку он вообще должен реализовать свой продукт и найти средства производства, необходимые для его индивидуальной деятельности. Связана ли эта реализация и сами эти средства производства с капиталистиче-

скими производящими кругами или нет, для отдельного капиталиста совершенно безразлично. Напротив того, для анализа накопления отдельного капитала наиболее удобной теоретической предпосылкой является допущение, что капиталистическое производство является единственной средой этого процесса, т. е. что оно достигло всеобщего и исключительного господства¹.

Но тут возникает вопрос, можем ли мы отнести предпосылки, которые служат основанием для простого воспроизводства, ко всему капиталу.

Что Маркс в действительности отождествлял условия накопления всего капитала с условиями накопления отдельного капитала, он сам ясно подтверждает в следующем месте:

«Вопрос нужно теперь формулировать так: предполагая всеобщее накопление, т. е. предполагая, что во всех отраслях производства капитал более или менее накапливается, – а это в действительности является условием капиталистического производства, побудительным мотивом капиталистов, как таковых, равно как и убеждением лица, образующего сокровище, к накоплению денег (это необходимо также для того, чтобы капиталистическое производство продолжалось), – в чем заключаются условия этого всеобщего накопления и в чем выражается это последнее?»

И он отвечает: «Следовательно условия для накопления капитала совершенно такие же, что и для его первоначального производства и воспроизводства вообще. Но эти условия заключаются в том, чтобы на часть денег был куплен труд, а на другую часть товары (сырые материалы, машины и т. д.)». «Следовательно накопление нового капитала может происходить только при тех условиях, при которых происходит воспроизводство уже существующего капитала»².

В действительности реальные условия при накоплении всего общественного капитала совсем другие, чем для отдельного капитала и при простом воспроизводстве. Проблема покоится на таком вопросе: как складывается общественное воспроизводство при том условии, что возрастающая часть прибавочной стоимости не будет потребляться капиталистами, а затрачиваться на расширение производства? Расходование общественного продукта – мы оставляем в стороне возмещение постоянного капитала – только на потребление рабочих и капиталистов здесь наперед исключается, и это обстоятельство является существеннейшим моментом проблемы. Но этим исключается также и возможность реализации всего продукта самими рабочими и капиталистами. Они сами в состоянии реализовать только

¹ «Чем больше капитал, чем больше развита производительность труда и вообще масштаб капиталистического производства, тем больше и масса товаров, которые при переходе от производства к потреблению (индивидуальному и промышленному) находятся в обращении на рынке, и тем больше уверенность каждого отдельного капитала, что он найдет на рынке условия своего воспроизводства». (Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 2, стр. 251, нем. изд.)

² «Теории прибавочной стоимости», т. II, ч. 2, стр. 250. «Накопление капитала и кризисы». Подчеркнуто у Маркса.

переменный капитал, использованную часть постоянного капитала и потребленную часть прибавочной стоимости; они могут таким образом обеспечить только условия для возобновления производства в прежнем масштабе. Напротив того, предназначенная для капитализации часть прибавочной стоимости никак не может быть реализована самими рабочими и капиталистами. Следовательно реализация прибавочной стоимости в целях накопления в обществе, состоящем только из рабочих и капиталистов, является неразрешимой задачей. Замечательно, что все теоретики, анализировавшие проблему накопления, – от Рикардо и Сисмонди до Маркса – исходили как раз из этой предпосылки, которая делала решение проблемы невозможным. Правильное предчувствие необходимости для реализации прибавочной стоимости «третьих лиц», т. е. таких потребителей, которые не входят в число непосредственных агентов капиталистического производства – рабочих и капиталистов, приводило к разного рода уловкам: к «непроизводительному потреблению», которое у Мальтуса представлено феодальными землевладельцами, у Воронцова – милитаризмом, а у Струве – либеральными профессиями и прочими придатками класса капиталистов, – и далее к привлечению внешней торговли, которая у всех скептиков накопления от Сисмонди до Николая -она играла огромную роль в качестве предохранительного клапана. Неразрешимость задачи, с другой стороны, вела к отказу от накопления, как у Кирхмана и Родбертуса, или по крайней мере к мнимой необходимости по возможности сокращать накопление, как у Сисмонди и его русских эпигонов – народников.

Лишь глубочайший анализ и точное схематическое представление процесса всего общественного производства, данные Марксом, именно его гениальная разработка проблемы простого воспроизводства, – лишь они дали возможность вскрыть животрепещущий вопрос проблемы накопления и больное место прежних попыток ее решения. Анализ накопления всего капитала, который обрывается у Маркса в самом начале и над которым сверх того, как упомянуто, господствует невыгодная для проблемы полемика против смитовского анализа, непосредственно не дал никакого готового решения проблемы; напротив того, он был затруднен предположением наличности безраздельного господства капиталистического способа производства. Но как раз весь анализ простого воспроизводства у Маркса и характеристика всего капиталистического процесса с его внутренними противоречиями и их развитием (в III томе «Капитала») содержат *implicite* решение проблемы и накопления – решение, которое согласуется с остальными частями учения Маркса, с историческим опытом, и повседневной практикой капитализма, – и тем самым дают возможность дополнить исследование тем, чего в схеме недостает. При ближайшем рассмотрении сама схема расширенного воспроизводства обнаруживает свою недостаточность во всех отношениях и указывает на обстоятельства, которые находятся вне капиталистического накопления и производства.

До сих пор мы рассматривали расширенное воспроизводство только с одной стороны, именно с точки зрения вопроса о том, как реализуется прибавочная стоимость. Это была та трудность, кото-

рая составляла исключительное занятие скептиков вплоть до настоящего времени. Реализация прибавочной стоимости является на самом деле жизненным вопросом капиталистического накопления. Если мы для простоты совершенно оставим в стороне потребительный фонд капиталистов, то реализация прибавочной стоимости в виде первого условия потребует круга покупателей вне капиталистического общества. Мы говорим о покупателях, а не о потребителях, ибо говоря о реализации прибавочной стоимости, мы наперед ничего не говорим о вещественной форме ее. Решающим является то, что прибавочная стоимость может быть реализована не рабочими и не капиталистами, а только общественными слоями или обществами, которые сами не производят капиталистически. При этом мыслимы два различных случая. Капиталистическое производство поставляет средства потребления в количестве, превышающем его собственные потребности (потребности рабочих и капиталистов), и покупателями этих средств потребления являются некапиталистические слои и страны. Такова например английская хлопчатобумажная промышленность, которая в продолжение первых двух третей XIX столетия (а отчасти еще теперь) поставляла бумажные ткани крестьянству, городской мелкой буржуазии на европейском континенте, а также крестьянству Индии, Америки, Африки и т. д. Здесь мы имели дело с потреблением некапиталистических слоев и стран, которое создало базис для колоссального развития хлопчатобумажной промышленности в Англии¹. Но для этой хлопчатобумажной промышленности развилась в самой Англии обширная машиностроительная промышленность, которая поставляла веретена и ткацкие станки, а затем в связи с ней металлургическая и каменноугольная промышленность. В этом случае подразделение II (средств потребления) в возрастающей степени реализовало свои продукты в некапиталистических общественных слоях, причем оно со своей стороны создавало благодаря собственному накоплению возрастающий спрос на отечественные продукты подразделения I (средств производства) и этим самым способствовало реализации прибавочной стоимости и возрастающему накоплению этого подразделения.

Возьмем обратный случай. Капиталистическое производство поставляет средства производства в количестве, превышающем его собственные потребности, и находит покупателей в некапиталистических странах. Так например английская промышленность в пер-

¹ О значении хлопчатобумажной промышленности в английском экспорте можно судить на основании следующих цифр: 1893 г.: весь экспорт фабрикатов 5 540 млн. марок, в том числе хлопчатобумажных товаров на 1 280 млн. марок, т. е. 23%; железо и прочие металлические товары составляют без малого 17%. 1898 г.: весь экспорт фабрикатов 4 668 млн. марок, в том числе хлопчатобумажных товаров на 1 300 млн. марок, т. е. 28%; железо и металлические товары – 22%. В сравнении с этим цифры для германской империи дают следующее: 1898 г.: весь экспорт 4 010 млн. марок, а в том числе хлопчатобумажных товаров на 231,9 млн. марок = 5¹/₄%. Длина экспортированных в 1898 г. хлопчатобумажных товаров составляла 5¹/₄ млрд. ярдов, из которых 2¹/₄ млрд. ушло в переднюю Индию (E. Jaffe, Die englische Baumwollindustrie und die Organisation des Exporthandels. – «Schmollers Jahrbucher», XXIV, стр. 1033). В 1908 г. британский экспорт одних лишь бумажных ниток составлял 262 млн. марок («Statist; Jahrbuch fiir das Deutsche Reich», 1910).

вой половине XIX столетия поставляла американским и австралийским государствам материалы для железнодорожного строительства. Железнодорожное строительство в какой-нибудь стране само по себе далеко еще не означает, что в ней господствует капиталистический способ производства. В действительности железные дороги сами по себе были лишь во всех подобных случаях одной из первых предпосылок для развития капиталистического производства. Такой же пример являет собой германская химическая промышленность, поставляющая средства производства в виде красок, которые находят массовый сбыт в некапиталистически производящих странах Азии, Америки и т. д.¹ Здесь подразделение I реализует свои продукты во внекапиталистических кругах. Возникающее отсюда прогрессивное расширение подразделения I вызывает в стране капиталистического производства соответствующее расширение подразделения II, которое поставляет средства потребления для возрастающей армии рабочих подразделений I.

Каждых из этих случаев отличается от схемы Маркса. В первом случае продукт подразделения II превышает потребности обоих подразделений – их переменный капитал и потребленную часть прибавочной стоимости; во втором случае продукт подразделения I превосходит величину постоянного капитала обоих подразделений, даже если принять во внимание его увеличение в целях расширения производства. В обоих случаях прибавочная стоимость появляется на свет не в натуральной форме, которая делала бы возможным и обуславливала бы его капитализацию внутри одного из обоих подразделений. В действительности оба эти типичных случая на каждом шагу взаимно перекрещиваются, друг друга дополняют и друг друга переходят.

Один пункт кажется при этом неясным. Если например избыток в средствах потребления, скажем хлопчатобумажных тканей, находит себе сбыт в некапиталистических кругах, то ясно, что эти ткани как капиталистический товар представляют не только прибавочную стоимость, но и постоянный и переменный капитал. Допущение, что именно товары, которые нашли себе сбыт вне кругов капиталистического общества, представляют только прибавочную стоимость, кажется совершенно произвольным. С другой стороны, оказывается, что в этом случае и другое подразделение (I) не только реализует свою прибавочную стоимость, но что оно может и накапливать, не сбывая однако своего продукта вне обоих подразделений капиталистического производства. Но оба эти возражения только кажущиеся, они устраняются пропорциональным распределением стоимости всей массы продуктов на ее соответствующие части. При капиталистическом производстве не только весь общественный продукт, но и всякий отдельный товар содержит прибавочную стоимость. Но это не мешает тому, чтобы весь общественный продукт мог быть представлен в виде трех отдельных частей, которые по своей стоимости соответствуют потребленному обществом постоянному капиталу, пе-

¹ Так например из германских анилиновых красок $\frac{1}{5}$, а из германского индиго $\frac{1}{2}$ идет в такие страны, как Китай, Япония, Британская Индия, Египет, Азиатская Турция, Бразилия и Мексика.

ременному капиталу и выжатой прибавочной стоимости, – как делает отдельный капиталист, который при последовательной продаже своей товарной массы сперва принимает в расчет возмещение затраченного им постоянного, а затем переменного капитала (или менее правильно, но в большем соответствии с практикой: сперва свой основной, а затем свой оборотный капитал), чтобы записать потом остаток от выручки в виде прибыли. При простом воспроизводстве этим пропорциям стоимости соответствует и вещественная форма всего продукта: постоянный капитал появляется вновь в форме средств производства, переменный – в форме средств существования для рабочих и прибавочная стоимость – в форме средств существования для капиталистов. Но в таком категорическом смысле – при потреблении всей прибавочной стоимости капиталистами – простое воспроизводство является, как мы знаем, теоретической фикцией. Что касается расширенного воспроизводства или накопления, то и здесь, согласно марксовой схеме, существует строгая пропорциональность между составом стоимости общественного продукта и его вещественной формой: в части своей, предназначенной для капитализации, прибавочная стоимость сразу появляется на свет соответствующим образом распределенной на вещественные средства производства и средства существования для рабочих, – на части, которые соответствуют расширению производства на данном техническом базисе. Но это понимание, которое покоится на самодовлеющем характере и изолированности капиталистического производства, как мы видели, терпит крушение на реализации прибавочной стоимости. Если мы допустим, что прибавочная стоимость реализуется вне капиталистического производства, то этим уже дано, что его вещественная форма не имеет никакого отношения к потребностям самого капиталистического производства. Его вещественная форма соответствует потребностям тех некапиталистических кругов, которые делают возможной его реализацию. Поэтому капиталистическая прибавочная стоимость может появиться на свет либо в форме средств потребления, как например хлопчатобумажных тканей, либо в форме средств производства, как например железнодорожных материалов. То обстоятельство, что реализованная прибавочная стоимость, заключающаяся в продуктах одного подразделения, содействует и реализации прибавочной стоимости другого подразделения при следующем за этим расширении производства, совершенно не изменяет того факта, что о б щ е с т в е н н а я прибавочная стоимость как целое реализована отчасти прямо, а отчасти косвенно вне обоих подразделений. Это то же самое, как в случае с отдельным капиталистом, который может реализовать свою прибавочную стоимость, даже когда весь его товар служит лишь для возобновления переменного или постоянного капитала какого-нибудь другого капиталиста.

Однако реализация прибавочной стоимости не является единственным существенным моментом воспроизводства. Положим, что подразделение I сбывало прибавочную стоимость вне пределов обоих подразделений и что оно может начать накопление. Допустим далее, что оно имеет в виду новое расширение сбыта в указанных кругах. Но этим все-таки дается лишь половина условий для накопления.

В качестве второй предпосылки для накопления здесь выступает необходимость найти соответствующие вещественные элементы для расширения производства. Но откуда их взять, раз мы только что превратили прибавочную стоимость в форму продуктов I, т. е. средств производства – в деньги, и притом сбыли ее вне капиталистического производства. Сделка, которая помогла нам в деле реализации прибавочной стоимости, в то же самое время лишила нас предпосылок для превращения этой реализованной прибавочной стоимости в форму производительного капитала. Таким образом оказывается, что мы попали из огня в полымя. Рассмотрим вопрос поближе.

Мы оперируем здесь с (с) как в подразделении I, так и в подразделении II, как если бы оно представляло собой всю постоянную часть капитала производства. Но это, как мы знаем, неверно. Мы только ради простоты схемы оставили в стороне тот факт, что (с), фигурирующее в I и во II подразделениях, является лишь частью всего постоянного капитала, именно той частью, которая ежегодно оборачивается, потребляется в течение периода производства и переносится на продукт. Но было бы совершенно абсурдно предполагать, что капиталистическое (да и всякое другое) производство потребляет в течение каждого периода производства весь свой постоянный капитал и что оно на протяжении каждого периода создает его вновь. Напротив, на фоне производства, как оно представлено в схеме, вся огромная масса средств производства предполагается данной наперед; их периодическое полное возобновление обозначено в схеме ежегодным возобновлением их использованных частей. С возрастанием производительности труда и расширением размеров производства эта масса средств производства растет не только абсолютно, но и относительно, по сравнению с той частью, которая в данное время потребляется в производстве. Но в то же время растет и потенциальная роль постоянного капитала. Для расширения производства прежде всего принимается во внимание сильнейшее напряжение этой части постоянного капитала, а не непосредственное увеличение ее стоимости.

«В добывающей (занятой добычей сырых материалов) промышленности, например в горном деле и т. п., сырые материалы не составляют ни малейшей доли авансируемого капитала. Здесь предмет труда не является продуктом предшествующего труда, но даруется безвозмездно самой природой. Таковы руды, каменный уголь, камни и т. д. Постоянный капитал состоит здесь почти исключительно из таких средств труда, к которым очень легко приложить увеличенное количество труда (например путем установления дневных и ночных смен рабочих). Однако при прочих равных условиях масса и стоимость продукта растут прямо пропорционально приложенному количеству труда. Как в первый день производства, здесь идут рука об руку оба первоначальные фактора, создающие продукты, а вместе с тем создающие и вещественные элементы капитала – человек и природа. Благодаря эластичности рабочей силы область накопления расширяется без предварительного увеличения постоянного капитала. Правда, в сельском хозяйстве семена и удобрения играют такую же роль, как сырой материал в промышленности, и невозможно было бы увеличить площадь посева, если не имеется

количества семян. Но раз этот сырой материал и средства труда имеются, даже чисто механическая обработка, как известно, изумительно повышает количество продукта. Увеличенное количество труда, доставленное прежним числом рабочих, повышает таким образом плодородие почвы, не требуя никаких новых затрат на средства труда. Это опять-таки прямое воздействие человека на природу, становящееся непосредственным источником повышенного накопления без всякого участия нового капитала. Наконец в промышленности в собственном смысле этого слова каждая добавочная затрата на труд предполагает собственную добавочную затрату на сырые материалы, но вовсе не обязательно на средства труда. А так как земледелие и добывающая промышленность доставляют фабрикующей промышленности ее собственные сырые материалы для ее орудий труда, то на пользу последней идет и то добавочное количество продуктов, которое создается первыми без добавочной затраты капитала. Общий итог будет таков: овладевая двумя первоначальными факторами богатства, рабочей силой и землей, капитал приобретает способность расширения, позволяющую ему вывести элементы своего накопления за границы, определяемые, повидимому, его собственной величиной, т. е. стоимостью и массой тех уже произведенных средств производства, в которых реализуется бытие капитала»¹.

Но совершенно нельзя понять, почему все необходимые средства производства и средства потребления должны быть произведены только капиталистически. Правда, именно это допущение лежит в основе марксовой схемы накопления, но оно не соответствует ни повседневной практике и истории капитала, ни специфическому характеру этого способа производства. В первой половине XIX столетия прибавочная стоимость в Англии выходила из процесса производства большей частью в виде хлопчатобумажных тканей. Но вещественные элементы ее капитализации – хлопок из рабовладельческих штатов Северной Америки или хлеб (средства существования для английских рабочих) из житниц крепостной России – хотя и представляли собой прибавочный продукт, но отнюдь не прибавочную стоимость. Насколько капиталистическое накопление зависит от этих некапиталистически произведенных средств производства, показывает хлопковый кризис в Англии, который явился результатом прекращения работ на плантациях вследствие гражданской войны, или кризис в европейской полотняной промышленности, который был следствием прекращения подвоза льна из крепостной России благодаря Восточной войне. Стоит лишь впрочем вспомнить о той роли, которую играл подвоз крестьянского, следовательно некапиталистически произведенного, хлеба для прокормления масс промышленных рабочих Европы (т. е. как элемент переменного капитала), чтобы понять, насколько сильно капиталистическое накопление связано в действительности благодаря своим вещественным элементам с некапиталистическими кругами.

Впрочем самый характер капиталистического производства исключает ограничение его только капиталистически произведенными средствами производства. Существенным средством в погоне отдельного

¹ «Капитал», Т: I, стр. 614-615.

капитала за повышением нормы прибыли является стремление к удешевлению элементов постоянного капитала. С другой стороны, беспрестанное повышение производительности труда как важнейший метод повышения нормы прибавочной стоимости предполагает безграничное использование всех данных природой и землей материалов и условий и связано с подобно-го рода использованием этих последних. В этом отношении капитал по самому своему существу и характеру своего бытия не допускает никаких ограничений. Капиталистический способ производства как таковой до настоящего времени, после нескольких столетий его развития, охватывает пока еще лишь часть всего производства земного шара; районами его распространения до настоящего времени являются преимущественно маленькая Европа, где он тоже не достиг еще господства в целых областях и в ряде отраслей (каковы крестьянское хозяйство и самостоятельное ремесло), а затем значительная часть Северной Америки и отдельные места на континентах других частей света. В общем капиталистический способ производства до настоящего времени ограничен преимущественно промышленностью стран умеренного пояса, в то время как например на востоке и на юге он сделал лишь сравнительно незначительные успехи. А потому, если бы ему пришлось пользоваться исключительно только элементами производства, которые можно добыть в этих узких границах, он не достиг бы своей теперешней высоты, и его развитие вообще было бы невозможно. С самого своего начала капиталистический способ производства по формам и законам своего движения рассчитан на весь земной шар как на сокровищницу производительных сил. В своем стремлении к присвоению производительных сил в целях эксплуатации капитал рыщет по всему свету, запасается средствами производства из всех уголков земли, захватывает или приобретает их независимо от степени развития их культуры и общественных форм. Вопрос о вещественных элементах накопления капитала, – а его далеко нельзя разрешить вещественной формой капиталистически произведенной прибавочной стоимости, – превращается в совершенно другой вопрос: для производительного приложения реализованной прибавочной стоимости необходимо, чтобы капитал все более и более захватывал весь земной шар, чтобы он для своих средств производства имел качественно и количественно безграничный выбор.

Использование новых районов сырья в неограниченном количестве необходимо как для того, чтобы обезопасить себя от возможных превратностей и перерывов в подвозе сырья из старых источников, так и на случай внезапного расширения общественных потребностей. Это составляет одну из необходимых предпосылок процесса накопления в его эластичности и в его способности к расширению. Когда междоусобная война в Америке превратила подвоз в Англию хлопка и вызвала в округе Ланкашир знаменитый «хлопковый голод», в Египте, как по мановению волшебной палочки, возникли в кратчайший срок колоссальные хлопчатобумажные плантации. Восточная деспотия, связанная с исконными барщинными отношениями, создала здесь почву для деятельности европейского капитала. Только капитал с его техническими средствами оказался в состоянии в столь короткий промежуток времени вызвать такие удивительные перевороты. Но

только на докапиталистической почве примитивных социальных отношений он оказался в состоянии развить ту могучую командную власть над материальными и человеческими производительными силами, которая требуется для подобного рода чудес. Другой подобный пример дает огромный рост мирового потребления каучука, которому в настоящее время соответствует регулярная поставка этого сырья стоимостью в миллиард марок ежегодно. Хозяйственным базисом добычи каучука являются примитивные системы эксплуатации, практикуемые европейским капиталом в африканских колониях и в Америке, – системы, которые представляют собой разнообразные комбинации рабства и барщинных отношений¹.

Надо подчеркнуть следующее: когда мы выше принимали, что первое или второе подразделение реализуют в некапиталистической среде только свой прибавочный продукт, то мы при этом брали самый благоприятный случай для проверки марксовой схемы – случай, который показывает отношения воспроизводства в их чистом виде. В действительности ничто не заставляет нас предполагать, что и часть постоянного и переменного капитала в продукте соответствующего подразделения реализуется вне капиталистических кругов. За счет продуктов некапиталистических кругов может быть произведено как расширение производства, так отчасти возобновление потребленных элементов производства в их вещественной форме. Предыдущие примеры должны были только выяснить тот факт, что по меньшей мере подлежащая капитализации прибавочная стоимость и соответствующая ей часть капиталистической массы продуктов никак не могут быть реализованы в пределах капиталистических кругов и что они должны непременно искать покупателей вне этих кругов – в некапиталистически производящих общественных слоях и формах.

Итак между периодом производства, во время которого производится прибавочная стоимость, и следующим за ним накоплением, при котором она капитализируется, имеют место две различные сделки – превращение прибавочной стоимости в ее чистую форму стоимости, ее реализация, и превращение этой чистой формы стоимости в форму производительного капитала; обе эти сделки совершаются между капиталистическим производством и окружающим его некапиталистическим миром. Следовательно с обеих точек зрения – и с точки зрения реализации прибавочной стоимости, и с точки зрения обеспечения производства элементами постоянного капитала – мировой обмен заранее является историческим условием существования капитализма, а мировой обмен при данных конкретных отношениях по существу представляет собой обмен между капиталистическими и некапиталистическими формами производства.

¹ Последние разоблачения английской Синей Книги о практике Peruvian Amazon Co., Ltd., в Путумайо показали, что международный капитал даже без политической формы колониального господства сумел на территории свободной республики Перу поставить туземцев в такие отношения к себе, которые граничат с рабством, чтобы в хищническом хозяйничании огромного размаха захватывать в отсталых странах средства производства. С 1900 г. названное общество английских и экзотических капиталистов выбросило на лондонский рынок приблизительно 4 000 тонн путумайского каучука. За то же самое время погибло 30 тысяч туземцев, а из оставшихся 10 тысяч большинство было искалечено.

До сих пор мы рассматривали накопление только с точки зрения прибавочной стоимости и постоянного капитала. Третьим основным моментом накопления является переменный капитал. Прогрессирующее накопление сопровождается возрастанием переменного капитала. В марксовой схеме соответствующая ему вещественная форма в общественном продукте выступает в виде возрастающей массы средств существования для рабочих. Но действительным переменным капиталом являются не средства существования рабочих, а живая рабочая сила, для воспроизводства которой необходимы средства существования. Следовательно к основным условиям накопления относится наличность предложения живого труда, соответствующая его потребностям, – труда, который приводится в движение капиталом. Увеличение массы труда достигается отчасти, поскольку позволяют обстоятельства, удлинением рабочего дня и интенсификацией труда. Однако в обоих этих случаях это увеличение живого труда либо вовсе не проявляется в росте переменного капитала, либо проявляется в нем в незначительной мере (как плата за сверхурочные часы). Оба эти метода, встречая кроме того отчасти естественный, отчасти общественный отпор, ограничены определенными, весьма узкими рамками, за пределы которых они выходить не могут. Следовательно прогрессирующий рост переменного капитала, сопровождающий накопление, должен найти свое выражение в возрастающем числе занятых рабочих. Откуда берутся эти добавочные рабочие?

При анализе накопления отдельного капитала Маркс отвечает на этот вопрос следующим образом: «Но чтобы заставить эти элементы фактически функционировать в качестве капитала, класс капиталистов нуждается в добавочном количестве труда. Если эксплуатация уже занятых рабочих не может быть увеличена экстенсивно или интенсивно, то, очевидно, должны быть применены к делу добавочные рабочие силы. Но об этом также позабылся самый механизм капиталистического производства: он воспроизводит рабочий класс как класс, зависящий от заработной платы, обычный уровень которой достаточен не только для его самосохранения, но и для его размножения. Эти добавочные рабочие силы различных возрастов ежегодно доставляются капиталу самим рабочим классом, так что остается только соединить их с добавочными средствами производства, уже заключающимися в продукте годового производства, и превращение прибавочной стоимости в капитал готово»¹. Увели-

¹ «Капитал», т. I, стр. 589. Аналогично этому следующее место: «Следовательно часть прибавочной стоимости и соответствующий ей прибавочный продукт в средствах существования должны быть прежде всего превращены в переменный капитал, т. е. на них должен быть куплен новый труд. Это возможно только тогда, когда возрастает число рабочих или когда удлиняется рабочее время, в продолжение которого они работают... Это не следует однако рассматривать как постоянное средство накопления. Рабочее население может увеличиться, когда прежде непроизводительные рабочие превращаются в производительных или когда часть населения, которая раньше не работала, как женщины, дети и пауперы, втягивается в процесс производства. Последний пункт мы здесь пропускаем. Наконец рабочее население может еще увеличиться благодаря абсолютному приросту населения. Если накопление является постоянным, непрерывным процессом, то этот абсолютный прирост населения, – хотя он и уменьшается

чение переменного капитала сводится здесь исключительно и непосредственно к естественному приросту рабочего класса, находящегося уже под господством капитала, благодаря размножению. Это соответствует также в точности схеме расширенного воспроизводства, которая, по предложению Маркса, признает капиталистов и рабочих единственными общественными классами, а капиталистическое производство – единственным и абсолютным способом производства. При этих предположениях естественное размножение рабочего класса является единственным источником увеличения наличных рабочих сил, находящихся под властью капитала. Это понимание противоречит однако законам движения накопления. Естественное размножение рабочих ни во времени, ни количественно не находится ни в каком отношении к потребностям накапливаемого капитала. В особенности оно не в состоянии поспеть, как это блестяще показал сам Маркс, за потребностями капитала, возникающими вследствие внезапного его расширения. Естественное размножение рабочего класса как единственный базис движения капитала исключало бы процесс накопления при периодической смене высокой и низкой конъюнктуры и при скачкообразном расширении поля производства и вследствие этого сделало бы невозможным самое накопление. Последнее не должно быть ограничено ни ростом переменного капитала, ни элементами постоянного капитала, следовательно оно должно обладать неограниченной возможностью распоряжаться над притоком рабочей силы. Согласно анализу Маркса, это требование находит свое точное выражение в образовании «промышленной резервной армии рабочих». Правда, марксова схема расширенного воспроизводства не знает этой резервной армии и не оставляет для нее места. Промышленная резервная армия не может образовываться вследствие естественного размножения капиталистического наемного пролетариата. Ей нужны другие общественные резервуары, откуда к ней стекалась бы рабочая сила; это – рабочие, которые не состояли раньше под властью капитала и лишь по мере надобности вовлекаются в ряды пролетариата. Эти дополнительные рабочие силы капиталистическое производство может постоянно черпать только из некапиталистических слоев и стран. В своем анализе промышленной резервной армии («Капитал», т. I, гл. XXIII, стр. 4) Маркс принимает в расчет только: 1) вытеснение более старых рабочих машинами, 2) привлечение в город деревенских рабочих, как следствие господства капиталистического производства в земледелии, 3) забракованных промышленностью рабочих с нерегулярными занятиями и наконец 4) как низший слой относительного перенаселения – пауперизм. Все эти категории представляют в различной форме элементы, выброшенные за борт капиталистического производства, – наемных рабочих, которые в той или иной форме использованы и выброшены за штат. Сельские рабочие, которые постоянно переселяются в город,

относительно по сравнению с примененным капиталом, – представляется его условием. Увеличение населения выступает в качестве основы накопления как постоянного процесса. Но это предполагает такую среднюю заработную плату, которая допускает не только воспроизводство рабочего населения, но и его постоянный рост. («Теории прибавочной стоимости», т. II, ч. 2, глава «Превращение прибыли в капитал», стр. 243, нем. изд.).

по Марксу, тоже являются наемными пролетариями, которые уже раньше стояли под властью земледельческого капитала, а теперь только перешли в подданство промышленного капитала. Маркс при этом имел, очевидно, в виду английские отношения на высокой ступени капиталистического развития. В этой связи он не рассматривает вопроса, откуда этот городской и сельский пролетариат постоянно притекает, и не учитывает важнейшего в условиях европейского континента источника этого притока – постоянной пролетаризации средних слоев города и деревни, упадка крестьянского хозяйства и ремесленной мелкой промышленности; он, стало быть, не учитывает как раз постоянного перехода рабочих сил от некапиталистических условий к капиталистическим как продукта не капиталистического, а докапиталистических способов производства в прогрессирующем процессе их крушения и разложения. Но сюда относится не только разложение европейского крестьянского хозяйства и ремесла, но и разложение разнообразных примитивных производственных и общественных форм в странах вне-европейских.

Как капиталистическое производство не может ограничиться природными сокровищами и производительными силами умеренного пояса, нуждаясь для своего развития в возможности распоряжаться всеми странами вне зависимости от климата, так же мало оно может обойтись рабочей силой одной лишь белой расы. Для использования тех земных поясов, где представители белой расы становятся неработоспособными, капитал нуждается в других расах; он вообще нуждается в неограниченной возможности распоряжаться всеми рабочими силами земного шара, чтобы при их помощи привести в движение все производительные силы земли, поскольку это возможно в рамках производства прибавочной стоимости. Но капитал большей частью находит здесь эти рабочие силы в крепких оковах традиционных докапиталистических производственных отношений, из которых они должны быть сперва «освобождены», чтобы быть вовлеченными в активную армию капитала. Процесс выделения рабочих сил из примитивных общественных отношений и их поглощения капиталистической системой наемного труда является одной из необходимых исторических основ капитализма. Английская хлопчатобумажная промышленность как первая действительно капиталистическая отрасль производства не могла бы существовать не только без хлопка южных штатов Североамериканского союза, но и без тех миллионов африканских негров, которые были перевезены в Америку в качестве рабочей силы для плантаций и которые после войны за освобождение, как свободный пролетариат, пополняли ряды класса капиталистических наемных рабочих¹. Привлечение требуемых рабочих

¹ Таблица, опубликованная в Соединенных штатах незадолго до междоусобной войны, содержит следующие данные о стойкости ежегодного производства рабовладельческих штатов и о числе занятых рабов, подавляющее большинство которых работало на хлопчатобумажных плантациях:

Годы	Хлопка	
	млн. долл	Рабов
1800	5,2	893 041
1810	15,1	1 191 364
1820	26,3	1 543 688

сил из некапиталистических обществ, так называемый рабочий вопрос в колониях, становится весьма ощутительным для капитала. Решению этого вопроса служат самые разнообразные методы «мягкой власти», задача которой состоит в том, чтобы освободить рабочие силы из-под власти других социальных авторитетов и условий производства и подчинить их господству капитала. Из этих устремлений в колониальных странах возникают самые причудливые смешанные формы из современной системы наемного труда и примитивных отношений господства¹. Эти формы дают яркую иллюстрацию того факта, что капиталистическое производство не может обойтись без рабочих сил из других социальных формаций.

Маркс обстоятельно рассматривает как процесс присвоения некапиталистических средств производства, так и процесс превращения крестьянства в капиталистический пролетариат. Вся 24 глава I тома «Капитала» посвящена возникновению английского пролетариата, земледельческого класса капиталистических арендаторов и промышленного капитала. Особую роль в возникновении последнего Маркс приписывает ограблению колониальных стран европейским капиталом. Но все это рассматривается под углом зрения так называемого «первоначального накопления». Названные процессы иллюстрируют у Маркса лишь генезис, час рождения капитала; они изображают муки родов при выходе капиталистического способа производства из недр феодального общества. Когда он дает теоретический анализ процесса капитала – производства и обращения, – он постоянно возвращается к своей предпосылке, к общему и исключительному господству капиталистического производства.

Годы	Хлопка	
	млн. долл	Рабов
1830	34,1	2 009 053
1840	74,6	3 487 255
1850	101,8	3 179 509
1851	137,3	3 200 000

(Simons, Klassenkämpfe in der Geschichte Amerikas. Приложение к «Neue Zeit», № 7 стр. 39).

¹ Образец подобных смешанных форм рисует на примере южноафриканских алмазных копий бывший английский министр Брайс: «Самую интересную, единственную во всем мире достопримечательность Кимберлея представляют собой оба так называемых «компонда», где расквартировываются и запираются туземцы, работающие на копиях. Это огромные огороженные места, без крыши, но покрытые провололочной сеткой, которая не дает возможности перебросить что-либо через каменные ограды. К соседним копиям ведет подземный ход. Работа происходит в три 8-часовых смены, так что рабочий никогда не остается под землей дольше 8 часов подряд. Внутри ограды устроены шалаши, где туземцы живут и спят. Тут имеются и госпиталь и школа, где рабочие могут в свободное время читать и писать. Крепкие напитки не продаются. Все выходы строго охраняются, и никакие посетители, ни туземцы, ни белые, не допускаются; средства существования отпускаются из лавки, находящейся с внутренней стороны стены и принадлежащей обществу. В «компонде» копии De Veers во время моего посещения ютилось 2 600 туземцев всевозможных племен, так что там можно было видеть разнообразнейшие типы негров, начиная с Наталя и Пондолэнда на юге и до озера Танганайка на далеком востоке. Они прибывают сюда со всех сторон, привлекаемые высокой заработной платой – обыкновенно в 18-30 марок в неделю – и остаются тут 3 месяца или дольше, и иногда даже на долгое время... В этом обширном прямоугольном «компонде» встречаются зулусы из Наталя, фингу, пондо, гембу, базуто, бечуаны,

Мы видим однако, что капитализм даже в полной зрелости связан во всех отношениях с одновременным существованием некапиталистических слоев и обществ. Это обстоятельство не исчерпывается одним лишь вопросом о рынке для «избыточного» продукта, как ставили проблему Сисмонди и позднейшие критики и скептики капиталистического накопления. Процесс накопления капитала всеми своими отношениями стоимости и вещественными отношениями – своим постоянным капиталом, переменным капиталом и прибавочной стоимостью – связан с некапиталистическими формами производства. Последние образуют данную историческую среду для процесса накопления капитала. Накопление капитала не может быть представлено, если предположить исключительное и абсолютное господство капиталистического способа производства; более того, оно без некапиталистической среды ни в каком отношении не мыслимо. Правда, Сисмонди и его последователи обнаружили верное чутье относительно условий существования накопления, когда они сводили его трудности единственно только к реализации прибавочной стоимости. Между условиями реализации прибавочной стоимости и условиями расширения постоянного и переменного капитала в их вещественной форме есть существенная разница. Капитал не может обойтись без средств производства и рабочих сил всего земного шара: для беспрепятственного развития процесса своего накопления он нуждается в природных богатствах и рабочих силах всех поясов земли. Но так как последние в подавляющем большинстве случаев фактически находятся под властью докапиталистических способов производства, – а последние являются исторической средой накопления капитала, – то отсюда вытекает неудержимое стремление капитала к завоеванию соответствующих стран и обществ. По

подданные Гунгунганаса из португалийских владений, несколько матабеллов и макалаков и много так называемых замбезийских бойсов из племен, живущих по обоим берегам этой реки. Имеются и бушмены, или по крайней мере туземцы, которые происходят от бушменов. Они мирно живут вместе, и в свободное время развлекаются каждый по своему. Кроме азартных игр, мы видели еще игру с камнями на доске, похожую на английскую игру «лиса и гусь», слышали мы музыку на двух примитивных инструментах, так называемом кафском рояле, состоящем из железных пластинок неравной длины, укрепленных одна возле другой в общей раме, и еще более безыскусственным инструменте, изготовленном из твердых кусков дерева разной длины, из которых можно при помощи ударов извлекать разнообразные тоны, представляющие зачатки мелодии. Очень немногие читали или писали письма, остальные были заняты приготовлением пищи или разговорами. Представители некоторых племен болтают непрерывно, и если переходить от одной группы к другой, то в этом удивительном негрском котле можно услышать дюжину языков. Негры обыкновенно спустя несколько месяцев работы оставляют копи и вместе с сбереженной заработной платой возвращаются к своим племенам, чтобы, купив себе за эти деньги жену, зажить обычной жизнью». (James Bryce, Impressions of South Africa. 1897 г., нем. изд. 1900, стр. 206.) Там же весьма живые описания методов, при помощи которых в Южной Африке разрешается «рабочий вопрос». Мы узнаем отсюда, что негры принуждаются к работе в рудниках и на плантациях Кимберлея, Витватерсранда, Наталя, Матабелелэнда тем, что у них отбирается вся земля и весь скот, т. е. средства существования. Их пролетаризируют, деморализуют водкой (впоследствии, когда они, привыкши уже к алкоголю, оказываются в «ограде» капитала, «крепкие напитки» им строго запрещаются: объект эксплуатации должен содержаться в пригодном к употреблению состоянии) и наконец втискивают в «наемную систему» капитала попросту насильем, тюрьмой и избиениями.

существо для капиталистического производства годились бы например и капиталистически обрабатываемые каучуковые плантации, которые устроены уже в Индии; но фактическое господство в странах этих отраслей производства некапиталистических общественных отношений создает в капитале стремление покорить себе эти страны и общества; при этом первобытные отношения последних делают возможными такие исключительно быстрые и насильственные приемы накопления, которые были бы совершенно не мыслимы при чисто капиталистических общественных отношениях.

Иначе обстоит дело с реализацией прибавочной стоимости. Она заранее связана с некапиталистическими производителями и потребителями как таковыми. Следовательно существование некапиталистических покупателей прибавочной стоимости является прямым условием существования капитала и его накопления, а потому и решающим вопросом проблемы накопления капитала.

Капиталистическое накопление как общественный процесс так или иначе фактически во всех отношениях связано с некапиталистическими общественными слоями и формами.

Итак решение проблемы, о которой в политической экономии спорили почти целое столетие, лежит между двумя крайностями: между мелкобуржуазным скептицизмом Сисмонди, Кирхмана, Воронцова и Николая -она, которые считали накопление невозможным, и грубым оптимизмом Рикардо, Сэя, Туган-Барановского, для которых сам капитализм может беспредельно себя оплодотворять и следовательно – это только логический вывод – существовать вечно. Решение проблемы в духе марксова учения заключается в диалектическом противоречии: капиталистическое накопление для своего движения нуждается в некапиталистических общественных формациях, как в окружающей его среде: оно прогрессирует в постоянном обмене веществ с этими формациями и может существовать лишь до тех пор, пока оно находит эту среду.

Исходя из этого, можно пересмотреть понятия внутренней и внешней торговли, которые играют столь огромную роль в теоретическом споре о проблеме накопления. Внутренний и внешний рынки играют, несомненно, огромную и глубоко различную роль в ходе капиталистического развития, но не как понятия политической географии, а как понятия социальной экономики. С точки зрения капиталистического производства внутренним рынком является капиталистический рынок – само это производство: и как покупатель своих собственных продуктов, и как источник своих собственных продуктов, и как источник своих собственных элементов производства. Внешним рынком для капитала является окружающая его некапиталистическая социальная среда, которая поглощает его продукты и поставляет ему элементы производства и рабочую силу. С этой точки зрения – точки зрения экономической – Германия и Англия в своем взаимном товарообмене являются друг для друга по преимуществу внутренними, капиталистическими рынками, в то время как обмен между германской промышленностью и германскими крестьянами как потребителями и производителями представляет собой для германского капитала внешне рыночные отношения. Как видно из схемы воспроизводства, это – строгие и точные понятия. Во внутреннем ка-

питалистическом обороте в лучшем случае могут быть реализованы лишь определенные части стоимости всего общественного продукта: потребленный постоянный капитал, переменный капитал и потребленная часть прибавочной стоимости; напротив того, часть прибавочной стоимости, предназначенная для капитализации, должна быть реализована на «внешнем рынке». Если капитализирование прибавочной стоимости является истинной целью и движущим мотивом производства, то, с другой стороны, возобновление постоянного и переменного капитала (равно как и потребленной части прибавочной стоимости) является его широким базисом и предварительным условием. И если капитализация прибавочной стоимости становится с международным развитием капитализма все более необходимой и все менее надежной, то широкий базис постоянного и переменного капитала как некоторой массы стоимости становится все могущественнее абсолютно и по сравнению с прибавочной стоимостью. Отсюда полное противоречий явление, заключающееся в том, что старые капиталистические страны все больше представляют друг для друга рынки сбыта, делаются друг для друга все более необходимыми и в то же время ведут между собой все более ревностную конкурентную борьбу из-за некапиталистических стран¹. Условия капитализации прибавочной стоимости и условия обновления всего капитала вступают между собой во все большее противоречие, которое является впрочем лишь отражением полного противоречий закона падения нормы прибыли.

Глава двадцать седьмая

БОРЬБА ПРОТИВ НАТУРАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Капитализм рождается на свет и развивается исторически в некапиталистической социальной среде. В западноевропейских странах он окружен вначале феодальной средой, из недр которой он выходит – барщинным хозяйством в деревне и цеховым ремеслом в городе, – а потом, после уничтожения феодализма, – по преимуществу крестьянско-ремесленной средой, следовательно простым товарным производством как в сельском хозяйстве, так и в ремесле. Кроме того европейский капитализм окружен огромнейшими территориями внеевропейских культур, которые составляют целую скалу ступеней развития, начиная с первобытных коммунистических орд бродячих охотников и собирателей плодов и кончая крестьянским и ремесленным товарным производством. В гуще этой среды протекает процесс накопления капитала.

Здесь нужно отличать три фазы: борьбу капитала с натуральным хозяйством, борьбу с товарным хозяйством и конкурентную борьбу капитала на мировой арене из-за остатков условий накопления.

Для своего существования и дальнейшего развития капитализм нуждается в некапиталистических формах производства как в окружающей его среде. Но не все эти формы годятся для него. Ему нужны некапиталистические социальные слои как рынок для его прибавоч-

¹ Для этих отношений типичны отношения между Германией и Англией.

ной стоимости, как источник его средств производства и как резервуар рабочих сил для системы наемного труда. Н а т у р а л ь н о х о з я й с т в е н н ы е формы производства для всех этих целей капитала служить не могут. Во всех натуральнохозяйственных формациях, идет ли речь о первобытных крестьянских общинах с общей собственностью на землю, или о феодальных барщинных отношениях и тому подобном, производство для собственных потребностей является решающим моментом хозяйства; отсюда отсутствие потребности или незначительная потребность в чужих товарах и, как правило, отсутствие избытка в собственных продуктах или по меньшей мере настоятельной потребности сбыть излишние продукты. Однако самое важное заключается в том, что все натуральнохозяйственные формы производства покоятся на того или иного рода связанности средств производства и рабочих сил. Коммунистическая крестьянская община, равно как и феодальное барщинное хозяйство и т. п., в своих хозяйственных организациях опираются на связанности важнейшего средства производства – земли – и рабочих сил, – на связанности, основанные на праве и обычае. Таким образом натуральное хозяйство во всех отношениях ставит потребностям капитала прочные преграды. Поэтому капитал прежде всего всюду и всегда ведет борьбу за уничтожение натурального хозяйства во всех его исторических формах; он выступает против всех форм натурального хозяйства, с которыми ему приходится сталкиваться, – против рабовладельческого хозяйства, против феодализма, против первобытного коммунизма и против патриархального крестьянского хозяйства. Политическая сила (революция, война), государственный налоговый пресс и дешевизна товаров являются в этой борьбе главными методами: они действуют отчасти одновременно, отчасти следуют друг за другом и друг друга поддерживают. И если насилие в борьбе против феодализма в Европе проявлялось в форме революции (сюда относятся в конечном счете буржуазные революции XVII, XVIII и XIX столетий), то оно во внеевропейских странах, в борьбе с более примитивными социальными формами, выливалось в колониальную политику. Практикуемая здесь налоговая система и торговля с первобытными общинами представляют собою смесь, в которой политическое насилие тесно переплетается с экономическими факторами.

Экономические цели капитализма в борьбе с натуральнохозяйственными обществами заключаются: 1) в непосредственном захвате важнейших источников производственных сил – земли, дичи, девственных лесов, минералов, драгоценных камней, руды, продуктов экзотического растительного мира, как например каучука, и т. д.; 2) в «освобождении» рабочих сил и принуждении их к труду для капитала; 3) в введении товарного хозяйства; 4) в отделении сельского хозяйства от промышленности.

При первоначальном накоплении, т. е. при историческом зарождении капитализма в Европе, обнимающем период от исхода средних веков и вплоть до XIX столетия, почва крестьянского хозяйства в Англии и на континенте являлась великолепнейшим средством, массового превращения средств производства и рабочих сил в капитал. Но то же самое задание проводится в жизнь господствующим, ка-

ниталом вплоть до наших дней и притом в гораздо более широком масштабе – в современной колониальной политике. И надеяться на то, что капитализм когда-нибудь будет довольствоваться только средствами производства, которые он может получить путем товарообмена, – значит строить себе иллюзии. Затруднение для капитала в этом отношении состоит уже в том, что производительные силы на огромных пространствах годной для эксплуатации земной поверхности находятся под властью общественных формаций, которые либо не склонны к торговле, либо вообще не продают как раз важнейших для капитала средств производства, потому что это заранее исключается формами собственности и всей социальной структурой. Сюда относятся прежде всего земля со всем минеральным богатством ее недр и лугами, лесами и водами на ее поверхности, а затем стада первобытных скотоводческих народов. Положиться на процесс медленного, рассчитанного на столетия, внутреннего разрушения этих натуральнохозяйственных образований и ждать его результатов, пока важнейшие средства производства будут отчуждаться путем обычного товарообмена, было бы для капитала равносильно полному отказу от производительных сил этих областей. Поэтому капитализм считает для себя жизненным вопросом насильственное присвоение важнейших средств производства колониальных стран. Но так как именно примитивные социальные объединения туземцев образуют сильнейшую оборонительную позицию общества и базис его материального существования, то отсюда как вступительный прием капитала вытекает систематическое планомерное разрушение и уничтожение тех некапиталистических социальных объединений, с которыми он сталкивается при своем расширении. Мы имеем здесь дело уже не с первоначальным накоплением: описанный процесс продолжается до наших дней. Всякое новое расширение колоний сопровождается конечно этой упорной войной капитала против социальных и экономических отношений аборигенов и насильственным похищением их средств производства и рабочих сил. Надежда направить капитализм исключительно по пути «мирного соревнования», т. е. по пути законного товарообмена, – в том виде, как он происходит между капиталистически производящими странами, – как единственной основы его накопления, покоится на доктринерском заблуждении, будто накопление капитала может обойтись без производительных сил и спроса первобытных общественных образований и будто оно может ориентироваться на медленный процесс внутреннего разрушения натурального хозяйства. Как накопление капитала не может при его способности к скачкообразному расширению ждать естественного прироста рабочего населения и им удовлетворяться, так не может оно ждать естественного медленного разрушения докапиталистических форм и их перехода к товарному хозяйству и этим удовлетворяться. Капитал не знает другого решения вопроса кроме насилия, которое является постоянным методом накопления капитала как общественного процесса не только при генезисе капитализма, но и вплоть до настоящего времени. Но так как во всех подобных случаях дело идет о бытии или небытии первобытных обществ, то у последних не остается ничего другого, кроме борьбы на жизнь и на смерть, до полного истощения сил или до гибели. Отсюда – постоянная военная оккупация ко-

лений, восстания туземцев и колониальные экспедиции для их усмирения как перманентные явления колониального режима. Насилие является здесь прямым последствием столкновения капитализма с натуральнохозяйственными формациями, которые ставят пределы его накоплению. Без их средств производства и рабочих сил он может обойтись так же мало, как и без их спроса на его прибавочный продукт. Но чтобы взять у них средства производства и рабочие силы и обратить их в покупателей товаров, он сознательно стремится к тому, чтобы уничтожить их, как самостоятельные социальные образования. Этот прием с точки зрения капитала самый целесообразный, потому что он в одно и то же время самый быстрый и самый прибыльный. Его обратной стороной является растущий милитаризм, о значении которого для накопления мы будем говорить ниже в другой связи. Классические примеры применения этих методов капитала в колониях дает политика англичан в Индии и французов в Алжире.

Старинная хозяйственная организация индусов – коммунистическая деревенская община – тысячелетиями сохранялась в своих разнообразных формах и, несмотря на бури на «политических высотах», прошла длинную внутреннюю историю. В VI столетии до христианской эры в индийские области ворвались персы и подчинили себе часть страны. Два столетия спустя здесь появились греки и оставили после себя александрийские колонии – отпрыск совершенно чуждой индусам культуры. В страну затем вторглись дикие скифы. Столетиями в Индии господствовали арабы. Затем с высот Ирана пришли афганы, но были изгнаны под бешеным напором татарских орд, которые появились из Трансокеании. Ужас и разрушение отметили путь, по которому прошли монголы. Целые деревни были истреблены, и мирные поля с нежными побегами риса окрасились в пурпур от потоков пролитой крови. Но индийская сельская община все это пережила, так как все сменявшие друг друга магометанские завоеватели оставляли в конце концов незатронутыми внутреннюю социальную жизнь крестьянской массы и ее традиционный уклад. Они только назначали в провинциях своих наместников, которые наблюдали за военной организацией и собирали с населения налоги. Все завоеватели стремились завладеть страной и эксплоатировать ее, но никто не был заинтересован в том, чтоб лишить народ его производительных сил и уничтожить его социальные организации. В царстве великого могола крестьянин должен был ежегодно вносить натурой дань для иноземных завоевателей, но в своей деревне он мог жить спокойно и подобно своим праотцам сеять рис на своей *sholgura*. Но вот пришли англичане, и чумные испарения капиталистической цивилизации сделали в короткое время то, чего не могли сделать тысячелетия и меч ногайцев: они разрушили всю социальную организацию народа. Цель английского капитала сводилась в последнем счете к тому, чтобы завладеть самым базисом существования индийской общины – землей.

Этой цели служила та издавна излюбленная европейскими колонизаторами выдумка, что вся земля колоний является собственностью политического властителя. Англичане задним числом подарили всю Индию в частную собственность великому моголу и его наместни-

кам чтобы получить ее в «законное» наследство. Самые видные ученые в области политической экономии, как например Джемс Милль, ревностно обосновывали эту фикцию «научными» соображениями например следующим блестящим выводом: нужно принять, что земля в Индии принадлежала владельцу, «ибо если мы допустим, что не он был собственником земли, то мы не были бы в состоянии сказать, кто был ее собственником?»¹. Соответственно этому англичане уже в 1793 году превратили в Бенгалии всех цемьндаров, – в откупщиков налогов, или даже наследственных в своих округах представителей рынков, – в собственников этих округов, чтобы таким образом создать себе в стране сильную опору в походе против крестьянской массы. Точно так же поступали они впоследствии при своих новых завоеваниях в провинции Агра в Оуди (Oudy) и в центральных провинциях. Следствием этого был ряд бурных крестьянских восстаний, во время которых частенько изгонялись сборщики податей. При возникших при этом всеобщей суматохе и

¹ Натаскав в своей истории Британской Индии без всякого разбора и без всякой критики доказательства из самых разнообразных источников – из Мунго Парка, Геродота, Вольнея, Акосты, Гарчилассо де ла Вега, аббата Грозье, Баррова, Диодора, Страбона и других, чтобы конструировать положение, согласно которому земля при первобытных отношениях всегда и всюду была собственностью властителя, Милль путем аналогии выводит для Индии следующее заключение: «From these facts only one conclusion can be drawn, that the property of the soil resided in the sovereign; for if it did not reside in him, it will be impossible to show to whom it belonged». (James Mill, *The History of British India*, 4 ed. 1840, vol. I, p. 311). К этим классическим выводам буржуазного экономиста его издатель г. Г. Вильсон, который, как профессор санскрита при Оксфордском университете, был большим знатком древнеиндийских правовых отношений, дает интересный комментарий. Охарактеризовавши уже в предисловии своего автора как партийного деятеля, который приспособил всю историю Британской Индии для оправдания *theoretical views of Mr. Bentham* и нарисовав при этом, пользуясь самыми сомнительными приемами, карикатуру на индийский народ (a portrait of the Hindus which has no resemblance whatever to the original, and which almost outrages humanity), Вильсон делает здесь следующее примечание: «The greater part of the text and of the notes here is wholly irrelevant. The illustrations drawn from Mahometan practice, supposing them to be correct, have nothing to do with the laws and rights of the Hindus. They are not, however even accurate, and Mr. Mill's guides have misled him». Затем Вильсон решительно оспаривает специально по отношению к Индии теорию о праве собственности суверена на землю (I. c., стр. 305, примечание). Генри Мэн думает, что англичане переняли свои первоначальные притязания на владение всей землей в Индии – притязания, которые он признает совершенно неправильными, – от своих мусульманских предшественников. «The assumption which the English first made was one which they inherited from their Mahometan predecessors. It was, that all the soil belonged in absolute property to the sovereign, and that all private property in land existed by his sufferance. The Mahometan theory and the corresponding Mahometan practice had put out sight the ancient view of the sovereign's rights, which, though it assigned to him a far larger share of the produce of the land than any western ruler has ever claimed yet in nowise denied the existence of private property in land» («Village communities in the East and West». 5 ed. 1890, стр. 104.) Напротив того Максим Ковалевский с полным основанием доказал, что так называемые «мусульманская теория и практика» являются лишь английской басней. (См. его прекрасное исследование на русском языке: «Общинное землевладение, причины, ход, последствия его разрушения». Москва, 1879, т. I.) Английские ученые, как впрочем и их французские коллеги, отстаивают теперь аналогичную басню относительно Китая, утверждая, что вся земля является там собственностью императора. (См. опровержение этой легенды доктора О. Франке *Die Rechtsverhältnisse an Grundeigentum in China*, 1903).

угнетателей и передать «незаконно узурпированную землю» в руки английских капиталистов.

Так в Индии в короткое время возникла крупная земельная собственность, причем крестьяне на огромных пространствах были превращены в обнищавшую пролетаризированную массу мелких арендаторов с короткими сроками аренды.

Наконец специфические методы капиталистической колонизации нашли свое выражение еще в одном важном обстоятельстве. Англичане были первыми завоевателями Индии, которые принесли с собой полное равнодушие к общественным культурным предприятиям хозяйственного характера. Арабы, афганы и монголы руководили в Индии грандиозными работами по сооружению каналов и поддерживали эти работы; они изрезали страну дорогами, перекидывали мосты через реки, рыли колодцы. Родоначальник монгольской династии в Индии Тимур или Тамерлан заботился о культуре почвы, об орошении, о безопасности дорог и об удобстве путешественников¹. «Первобытные индусские раджи, афганистанские или монгольские завоеватели, суровые подчас для отдельных личностей, отметили по крайней мере свое господство теми удивительными сооружениями, которые еще теперь попадаются на каждом шагу и кажутся делом расы гигантов... Компания (английская остиндская компания, господствовавшая в Индии до 1858 г.) не открыла ни одного источника, не вырыла ни одного колодца, не построила ни одного канала и не соорудила ни одного моста для пользы индусов»². Другой свидетель, англичанин Джеймс Вильсон, говорит: «В провинции Мадрас всякий невольно поражается теми грандиозными старинными оросительными сооружениями, следы которых сохранились до нашего времени. Системы дамб, запруживающие реки, образовали целые озера, от которых отходили каналы, распространявшие воду на 60 и 70 миль кругом. На больших реках подобного рода шлюзов имелось по 30 или 40 штук... Дождевая вода, стекавшая с гор, собиралась отдельно в специально для этого построенных прудах, из которых многие до настоящего времени имеют от 15 до 25 миль в окружности. Эти гигантские сооружения почти все были закончены до 1750 года. В эпоху войны компании с монгольскими властителями

и,

надо

при-

¹ В постановлениях Тимура (переведенных в 1883 г. с персидского на английский язык) сказано:

«And I commanded that they should build places of worship, and monasteries in every city; and that they should erect structures for the of reception of travellers on the high roads and that they should make bridges across the rivers».

«And I commanded that the ruined bridges should be repaired; and that bridges should be constructed over the rivulets and over the rivers; and that on the roads, at the distance of one stage from each other, Kauruwansarai should be erected, and that guards and watcher etc. should be stationed on the road and that in every Kauruwansarai people should be appointed to reside etc.».

«And I ordained, whoever undertook the cultivation of waste lands, or built an aqueduct or made a canal, or planted a grove, or restored to culture a deserted district that in the first year nothing should be taken from him, and that in the second year whatever the subject voluntarily offered should be received, and that in the third year the duties should be collected according to the regulation». (James Mill, The history of British India, 4 ed., vol. II, p. 492-498).

² Graf Warren, De l'etat moral de la population indigene. Цитировано У Ковалевского, I. с., стр. 164.

бавить, за время всего периода нашего господства в Индии, эти сооружения пришли в большой упадок»¹.

И это вполне понятно: английскому капиталу нечего было сохранять жизнеспособность индийской общины и поддерживать ее в хозяйственном отношении; напротив того, ему нужно было разрушить ее и лишить ее производительных сил. Ненасытная жажда накопления, которая по всему своему существу живет «конъюнктурами», не в состоянии подумать о завтрашнем дне, не может оценивать ценности старых культурно-хозяйственных сооружений с более широкой точки зрения. Когда английские инженеры в Египте собирались недавно построить для капитала гигантские водные сооружения по течению Нила, они ломали себе голову в поисках за следами той античной системы каналов, которую они с тупой беззаботностью ботокудов совершенно запустили в своих индийских провинциях. Англичане научились в некоторой степени понимать значение своих благородных дел лишь тогда, когда ужасный голод, унесший в округе Орисса за один только год миллион человеческих жизней, вынудил в 1867 году английский парламент к обследованию причин разразившейся нужды. В настоящее время английское правительство пытается административным путем спасти крестьян от ростовщичества. Punjab Alienation Act (1900) воспрещает отчуждение или закладывание крестьянской земли в пользу лиц, принадлежащих к другим кастам: исключения из этого правила названный закон ставит в зависимость от разрешения собирателя налогов². Разорвавши по намеченному плану связи, защищавшие первобытные социальные образования индусов, и вскормивши ростовщичество, для которого 15% годовых были обычным явлением, англичане поставили разоренных и обнищавших индусских крестьян под опеку фиска и его чиновников, т. е. под «защиту» его непосредственных кровопийц.

Рядом с мученической судьбой Британской Индии в капиталистическом колониальном хозяйничании претендует на почетное место и история французской политики в Алжире.

Когда французы завоевали Алжир, в тамошней массе арабско-кабийского населения господствовали старинные социальные и хозяйственные порядки, которые, несмотря на длинную и бурную историю страны, сохранились до XIX века, а отчасти даже до настоящего времени.

Хотя в городах – среди мавров и евреев, среди купцов, ремесленников и ростовщиков – господствовала частная собственность, хотя огромные пространства земли уже во времена господства турецких вассалов были узурпированы как государственные домены, однако почти половина обрабатываемой земли составляла еще нераздельную собственность арабско-кабийских племен, в среде которых господствовали еще первобытные патриархальные нравы. Таковую

¹ Historical and descriptive account of British India from the most remote period to the conclusion of the Afghan war by Hugh Murray, James Wilson, Greville, Prof. Jameson, William Wallace and Captain Dalrymple. (Эдинбург, 4-е изд. 1843 г., т. II, стр. 427. Цитировано у Ковалевского, 1. с.)

² Victor v. Leyden, Agrarverfassung und Grundsteuer in Britisch-Ostindien. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. XXXVI. Jahrg., Heft 4, 1835.

жизнь номадов, – лишь с первого взгляда скитальческую и нерегулярную, а на самом деле строго регулируемую и в высшей степени монотонную, – вели еще в XIX столетии, как и в старину, многие арабские роды и с их мужчинами, женщинами и детьми, с их стадами и шалашами: летом они жили в более прохладной прибрежной полосе Телль, открытой для морских ветров, а зимой они возвращались снова под защиту жары пустыни. Каждое племя и каждый род имел свои определенные области для кочевков и определенные летние и зимние стоянки, где они разбивали свои шалаша. Земли арабов-земледельцев тоже составляли еще нередко общую собственность племен. Патриархально, по старозаветным правилам, жила и кабийская большая семья, руководимая избираемым старшиной.

Домашнее хозяйство этой большой семьи велось сообща под руководством старшей в семье женщины, которая либо выбиралась, либо занимала должность по-очереди. Эта семья, которая своей организацией воспроизводила на окраинах африканской пустыни своеобразную копию знаменитой южнославянской «задруги», являлась собственницей не только земли, но всех орудий труда, оружия и денег, которые нужны были для занятий всех ее членов и ими же приобретались. Как частной собственностью, мужчины владели лишь своей одеждой, а женщины – одеждой да украшениями, которые они сохраняли, как свадебный подарок. Все более ценные наряды и драгоценности составляли нераздельную собственность семьи и могли употребляться отдельными ее членами только с общего разрешения. Если семья была не особенно многочисленна, то все ее трапезы происходили за общим столом, при этом все женщины по-очереди готовили пищу, а старшие ведали ее распределением. Если круг лиц был слишком велик, то средства питания каждый месяц распределялись равномерно семейным советом (Uorstand) между отдельными семьями в сыром виде и потом уже готовились последними. Теснейшие узы солидарности, взаимная помощь и равенство связывали эту общину, и патриархи, умирая, завещали своим сыновьям хранить верность семейному союзу, как последнюю заповедь отцов¹.

Уже турецкое господство, распространившееся в Алжире в XVI столетии, сделало серьезные посягательства на эти социальные условия. Рассказы о том, что турки конфисковали в пользу казны всю землю, были лишь басней, сочиненной впоследствии французами. Эта дикая фантазия, которая могла пригнать в голову только европейцам, находилась в противоречии со всеми экономическими основами Ислама и его приверженцев. Напротив того, отношения земельной собственности деревенских общин и больших семей в общем и целом не были затронуты турками. Лишь значительная часть

необ-

¹ «Presque toujours, le pere de famille en mourant recommande a ses descendants de vivre dans l'indivision, suivant l'exemple de leurs aieux; c'est la sa Uerniere exhortation et son voeu le plus cher». (A. Hanotaux et A. Letourneux, La Kabylie et les coutumes Kabyles, 1837, tome II, Droit civil, p. 468-473). Авторы между прочим начинают вышеприведенную яркую характеристику коммунизма большой семьи следующей сентенцией: «Dans la ruche laborieuse de la famille associee, tous sont reunis dans un but commun, tous travaillent dans un interet general; mais nul n'abdique sa liberte et ne renonce a ses droits hereditaires; chez aucune nation on ne trouve de combinaison qui soit plus pres de l'egalite et plus loin du communisme».

работанных земель была ими украдена от родов в качестве государственных домен и превращена в бекства, управляемые местными турецкими властями. Эти земли обрабатывались отчасти туземными рабочими силами за счет государства, отчасти же сдавались в аренду за плату или же за натуральные повинности. Кроме того турки пользовались каждым мятежом подвластных им родов и каждым волнением в стране, чтобы увеличить владения фиска конфискациями обширных пространств и учреждать на них военные колонии или продавать конфискованные земли с публичного торга, благодаря чему они большею частью попадали в руки турецких или других ростовщиков. Чтобы избежать конфискации и налогового бремени, многие крестьяне, – подобно тому, как это происходило в средние века в Германии, – отдавали себя под защиту церкви, которая стала таким образом верховным сувереном над обширными пространствами земель. В конце концов, после всех этих превратностей судьбы, распределение земельной собственности в Алжире ко времени завоевания его французами представляло следующую картину: 1 500 000 гектаров охватывали домены, 3 000 000 гектаров неиспользованной земли тоже числилось за государством «как общая собственность всех правоверных» (Блед-эль-ислам); частная собственность обнимала 3 000 000 гектаров, которые еще со времени римлян составляли владения берберов, и 1 500 000 гектаров, перешедших в частные руки при турецком господстве. В нераздельной общей собственности арабских родов после этого оставалось всего лишь 5 000 000 гектаров земли. Что касается Сахары, то из трех приблизительно миллионов гектаров годной для обработки земли, находящейся в оазисах, часть составляла общинную, а часть – частную собственность. Остальные 23 000 000 гектаров представляли собою главным образом пустыню.

Превративши Алжир в свою колонию, французы приступили к своим цивилизаторским подвигам. Освободившись в начале XVIII столетия из-под власти Турции, Алжир стал вольным разбойничьим гнездом, которое делало небезопасным путешествие по Средиземному морю и вело с христианами торговлю рабами. Этому безбожию магометан Испания и Североамериканский союз, которые сами в ту пору вели широкую торговлю рабами, объявили беспощадную войну. Во время великой французской революции также был объявлен крестовый поход против анархии в Алжире. Завоевание Алжира было таким образом проведено Францией под лозунгами борьбы против рабства и введения цивилизованных порядков. Практика должна была однако показать, что за этим скрывалось. За сорок лет, которые прошли со времени завоевания Алжира, ни одно европейское государство, как известно, не переживало столь частой смены политических систем, как Франция. За реставрацией последовала июльская революция и буржуазное королевство, за ними – февральская революция, вторая республика, вторая империя, наконец буря 1870 г. и третья республика. Дворянство, haute finance, мелкая буржуазия и широкий слой средней буржуазии сменяли друг друга в области политического господства. Но во всем потоке событий неизменной оставалась политика Франции в Алжире – политика, которая от начала до конца преследовала одну и ту же цель и на окраинах африканской пустыни лучше всего доказывала, что все государствен-

ные перевороты Франции конца XIX века сводились к одной и той же цели – к установлению господства капиталистической буржуазии и капиталистических форм собственности.

«Предложенный вашему обсуждению законопроект, – сказал на заседании французского Национального собрания 30 июля 1873 г. депутат Эмбер, выступавший в качестве докладчика комиссии по упорядочению аграрных отношений в Алжире, – представляет собой лишь венец здания, фундамент которого был заложен целым рядом ордонансов, декретов, законов и сенатских решений, из коих все вместе и каждый в отдельности преследовали одну и ту же цель – введение института частной собственности среди арабов». Планомерное и преднамеренное уничтожение и разделение общей собственности составляли тот неподвижный полюс, на который в продолжение полувека ориентировалась компасная стрелка французской колониальной политики, невзирая на все бури внутренней жизни страны. Это происходило по двум следующим вполне понятным соображениям. Во-первых, уничтожение общинной собственности должно было прежде всего уничтожить власть арабских родов как социальных образований и этим самым сломить их упорное сопротивление французскому игу – сопротивление, которое, несмотря на все военное превосходство Франции, выливалось в беспрестанные мятежи туземных племен и имело последствием непрерывное военное положение в колонии¹. Во-вторых, гибель общинной собственности была для французов предварительным условием для того, чтобы овладеть хозяйственной жизнью страны, т. е. чтобы отобрать у арабов насиженные тысячелетиями земли и передать их в руки французских капиталистов. Этой цели служила прежде всего уже известная нам выдумка, согласно которой вся земля по мусульманскому закону является собственностью того, кто в данное время господствует над страной. Алжирские губернаторы Людовика-Филиппа, подобно англичанам в Британской Индии, объявили существование общей собственности целых племен на землю «невозможным явлением». На этом основании большинство необработанных земель – пастбища, леса и луга – были объявлены государственной собственностью и использованы в целях колонизации. Возникла целая система поселений, так называемых *canionnements*. Согласно этой системе французские колонисты должны были селиться среди родовых земель, а сами роды должны были быть стиснуты в самых незначительных районах. Постановлениями 1830, 1831, 1840, 1844, 1845 и 1846 гг. все эти кражи арабских родовых земель были обоснованы «законным путем». Но в действительности эта система поселений вовсе не вела к колонизации, она воспитала только необузданную спекуляцию и ростовщичество. Арабам в большинстве случаев удавалось купить отобранные у них же земли, но они конечно попадали при этом в большие долги. Французский налоговый пресс действовал в том же направлении. Закон 16 июня 1851 г., объявивший все леса собственностью государства и похитив-

¹ «Мы должны поторопиться, – сказал в 1851 г. в Национальном собрании в качестве докладчика депутат Дидье, – разложить родовые союзы, потому что они являются рычагом всякой оппозиции против нашего господства».

ший таким образом у туземцев 24 миллиона гектаров лугов и земель, покрытых низким кустарником, уничтожил условия существования скотоводства. Под проливным дождем всех этих законов, ордонансов и мероприятий в вопросах земельной собственности возникла неопишуемая путаница. Чтобы использовать господствующую лихорадочную спекуляцию землями, туземцы, в надежде, что они вскоре получат обратно свои земли, продавали свои участки французам, они продавали двум или трем покупателям в одно и то же время один и тот же участок, который вдобавок ко всему оказывался не их частной собственностью, а неотчуждаемой собственностью рода. Так одно спекулятивное общество из Руана вообразало, что оно купило 20 000 гектаров, в то время как оно в действительности оказалось собственником лишь 1 370 гектаров спорного участка. В другом случае оказалось, что проданный участок в 1 230 гектаров после размежевания оказался равным двум гектарам. Последовал бесконечный ряд судебных процессов, причем французские суды принципиально поддерживали все размежевания и притязания покупателей. Непрочность отношений, спекуляция, ростовщичество и анархия стали всеобщими явлениями. Но план французского правительства создать себе среди арабского населения опору в лице французских колонистов потерпел полное крушение. Поэтому французская политика при второй империи приняла другой оборот: правительство, которое после 30 лет упорного отрицания общей собственности должно было при всей своей европейской ограниченности кое-чему научиться, в конце концов официально признало существование неделимой родовой собственности, с тем однако, чтобы немедленно же прокламировать необходимость ее насильственного раздела. Этим двойным смыслом отличается постановление сената от 22 апреля 1863 года.

«Правительство, – заявил генерал Аллар в государственном совете, – не теряет из виду, что общая цель его политики – ослабить влияние родовых старейшин и вызвать разложение родов. Этим путем оно рассеет последние остатки феодального права(!), защитниками которого являются противники правительственного законопроекта... Создание частной собственности, поселение европейских колонистов среди арабских родов... будут самыми сильными средствами к ускорению процесса разложения родовых союзов»¹.

Закон 1863 года создал для разделения земель особые комиссии, которые составлялись из бригадного генерала или капитана как председателя, из помощника префекта, из чиновника от арабских военных властей и чиновника управления доменами. Этим прирожденным знатокам хозяйственных и социальных отношений Африки была дана тройкого рода задача: они должны были прежде всего отмечать границы участков родов, затем разделить участок каждого отдельного рода между его отдельными ветвями или большими семьями и наконец разбить землю этих больших семей на отдельные частные парцеллы. Походом внутрь Алжира бригадные генералы в

¹ Цитировано у Ковалевского, I. с., стр. 217. Во Франции, как известно, со времен Великой революции в моде называть всякую оппозицию против правительства открытой или скрытой защитой «феодализма».

точности выполнили свои задания; комиссии отправились на места, причем одни и те же лица измеряли земли, распределяли их и кроме того во всех спорных случаях выступали еще в качестве судей. Генерал-губернатор Алжира должен был утверждать планы размежевания как последняя инстанция. После того как комиссия а поте лица своего проработала 10 лет, оказалось, что с 1864 по 1873 год, из 700 арабских родовых участков приблизительно 400 были размежеваны между большими семьями. Уже здесь была заложена основа для будущего неравенства – для крупного землевладения и для маленьких парцелл, ибо в зависимости от величины участка и числа членов рода на долю каждого приходилось то от одного до четырех гектаров земли, то 100 и даже 180. Размежевание остановилось однако на больших семьях. Вопреки всяким генералам размежевание семейных участков натолкнулось на непреодолимые, затруднения со стороны нравов арабов. Таким образом цель французской политики – создание индивидуальной собственности на землю и передача ее во владение французов – в общем и целом еще раз потерпела крушение.

Лишь третья республика, представлявшая собою откровенное буржуазное строительство, нашла в себе достаточно мужества и цинизма, чтобы без лишних слов и подготовительных шагов второй империи подойти к делу с другого конца. Прямое размежевание участков всех 700 арабских родов на индивидуальные наделы и введение частной собственности *par force* в кратчайшее время – таковы были открыто высказанные цели закона, выработанного Национальным собранием в 1873 году. Предлогом для этого было отчаянное положение колоний. В Индии потребовался ужасный голод, 1866 года для того, чтобы благотворные результаты английской колониальной политики стали достоянием широкой гласности и чтобы была образована парламентская комиссия для обследования бедственного положения индусов. То же самое было с Алжиром. В конце 60-х годов Европа была встревожена криками нужды, которые неслись из Алжира, где в результате более чем 40-летнего господства французов среди арабов воцарились массовый голод и необыкновенная смертность. Для обследования причин этого бедственного положения и для того, чтобы осчастливить арабов новыми законодательными мерами, была учреждена комиссия, которая пришла к заключению, что арабов может спасти только одно – частная собственность! Только при наличии частной собственности каждый араб будет в состоянии продавать или закладывать свой участок и тем самым спастись от нужды. Итак, единственным средством помочь арабам в нужде, возникшей вследствие произведенных французами хищений алжирской земли и созданного ими же налогового прессы, связанного с задолжанием арабов, была объявлена полная выдача арабов в когти ростовщичества. Эта нелепость с серьезной миной была доложена Национальному собранию и столь же серьезно принята почтенным законодательным корпусом. Бесстыдство «победителей» Парижской коммуны справляло свои оргии.

Для обоснования нового закона в Национальном собрании служили в особенности два аргумента. Арабы сами очень хотят введения частной собственности, – многократно подчеркивали защитники пра-

вительственного законопроекта. В действительности этого желали алжирские земельные спекулянты и ростовщики, которые были крайне заинтересованы в том, чтобы «освободить» свои жертвы от защищавших их родовых связей и уз солидарности. Пока в Алжире действовало мусульманское право, закладывание земли наталкивалось на непреодолимые препятствия в виде неотчуждаемости родовых и семейных владений. Лишь закон 1863 года пробил в этих препятствиях брешь. Их надо было совсем устранить, чтобы открыть свободное поприще для ростовщичества. Вторым аргумент имел «научный характер». Он был заимствован из английской политической экономии, из того идейного арсенала, из которого достопочтенный Джемс Милль почерпал свое вздорное объяснение индийских отношений собственности. Необходимой предпосылкой всякой более интенсивной и улучшенной обработки полей в Алжире, – а последняя и предупредила бы голод, – является частная собственность, ибо ни один человек не желает вкладывать капитал и интенсивный труд в землю, которая не составляет его частной собственности и плодами которой будет пользоваться не он, – декламировали с выражением научно образованные последователи Смита-Рикардо. Но факты говорили конечно другое. Они показывали, что французские спекулянты использовали созданную ими в Алжире частную собственность для каких угодно целей, только не для более интенсивной и улучшенной обработки земли. Из 400 000 гектаров земли, которые принадлежали французам в 1873 году, 120 000 гектаров находились в руках двух капиталистических обществ, Алжирской и Сетифской компаний, которые сами вообще не вели хозяйства, а сдавали свои земли в аренду туземцам, обрабатывавшим их традиционным способом. Четвертая часть остальных французских землевладельцев тоже не занималась сельским хозяйством. Создать искусственно – из ничего – капитальные затраты и интенсивную обработку земли оказалось так же невозможно, как и установление подобным путем капиталистических отношений вообще. Они существовали только в барышнической фантазии французских спекулянтов и в доктринерском мире их научных идеологов из области политической экономии. Если оставить в стороне пустые отговорки и риторические фразы, которые пускались в ход при обосновании закона 1873 года, то дело шло попросту о неприкрытом желании лишить арабов базиса их существования, их земли. И несмотря на всю несостоятельность аргументации, несмотря на явную лживость ее обоснования, закон, нанесший смертельный удар алжирскому населению и его материальному благосостоянию, был принят 26 июля 1873 г. почти единогласно.

Но фиаско этого насильственного приема не заставило себя долго ждать. Политика третьей республики подобно политике второй империи потерпела крушение на трудностях введения одним ударом буржуазной частной собственности в первобытных коммунистических союзах больших семейств. Закон 26 июля 1873 г., дополненный законом 28 апреля 1887 г., после 17-летнего действия дал следующий результат: до 1890 г. расходы по размежеванию 1,6 млн. гектаров земли составили 14 млн. франков. Было рассчитано, что продолжение этой операции длилось бы до 1950 г. и стоило бы еще 60 млн. франков.

Но цель, которая сводилась к устранению коммунизма больших семей, не была при этом достигнута. И если что-нибудь во всем этом было фактически и несомненно достигнуто, так это – бешеная земельная спекуляция, пышно расцветшее ростовщичество и хозяйственное разорение туземцев.

Крушение попытки насильственного введения института частной собственности повело к новому эксперименту. Несмотря на то, что алжирское генерал-губернаторство уже в 1890 г. учредило комиссию, которая пересмотрела и осудила законы 1873 и 1887 гг., прошло еще семь лет, пока господа законодатели на Сене решились приступить к реформе в интересах разоренной страны. Теперь взгляды изменились, и мысль о принудительном введении частной собственности именем государства в принципе была оставлена. Закон 27 февраля 1898 г., равно как и инструкция алжирского генерал-губернатора от 7 марта 1898 г. предусматривают главным образом введение частной собственности по добровольному ходатайству собственника или покупателя¹. Но так как определенные оговорки допускали введение частной собственности по ходатайству одного собственника без согласия остальных совладельцев, и так как давление ростовщика могло в любой момент побудить задолженного владельца к «добровольному» ходатайству, то новый закон открыл двери для дальнейшей эксплуатации и ограбления французскими и туземными капиталистами родовых земель и владений больших семейств.

Восьмидесятилетняя вивисекция Алжира в последнее время встречает более слабое сопротивление: подчинением в 1881 г. Туниса, с одной стороны, и недавним подчинением Марокко, с другой, арабы окружались все более тесным кольцом французского капитала и были поставлены в положение, из которого нет выхода. Последним результатом французского режима в Алжире является массовая эмиграция арабов в Азиатскую Турцию².

Глава двадцать восьмая

ВВЕДЕНИЕ ТОВАРНОГО ХОЗЯЙСТВА

Второй из важнейших предпосылок как для приобретения средств производства, так и для реализации прибавочной стоимости является вовлечение натуральнохозяйственных образований – после их разрушения и в процессе их разрушения – в товарное обращение и в

¹ Ср. G. K. Anton, Neuere Agrarpolitik in Algerien und Tunesien. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. 1900, стр. 1341 и сл.

² В своей речи от 20 июня 1912 г. во французской палате депутатов Албин Розе, докладчик комиссии по реформе «Indigenats» (административной юстиции) в Алжире, указал на тот факт, что из округа Сетиф эмигрируют тысячи алжирцев. Из Тлемсена в прошлом году выселилось 1 200 туземцев. Местом поселения служит Сирия. Один эмигрант писал с своей новой родины: «Я водворился теперь в Дамаске и вполне счастлив. У нас тут много алжирцев, которые переселились вместе со мной и которым правительство пожаловало землю и средства для ее обработки». Алжирские власти борются против эмиграции отказами в выдаче паспортов. (См. Journal Officiel от 21 июня 1912 г., стр. 1594 и сл.)

товарное хозяйство. Все некапиталистические слои и общества должны стать для капитала покупателями товаров и продавать ему свои продукты. Кажется, что здесь по крайней мере начинаются «мир» и «равенство», *do ut des*, взаимность в интересах, «мирное соревнование» и «влияние культуры». Если капитал может насильственно отнимать у чуждых ему социальных союзов средства производства и насильственно заставлять трудящихся становиться объектом капиталистической эксплуатации, то он все-таки не в состоянии путем насилия сделать их покупателями своих товаров и принудить их реализовать его прибавочную стоимость. Эта мысль подтверждается как будто тем обстоятельством, что необходимой предпосылкой распространения товарного хозяйства в натуральнохозяйственных областях являются средства транспорта – железные дороги, пароходные сообщения и каналы. Победоносное шествие товарного хозяйства начинается большей частью с грандиозных культурных построек, сооружений средств современного транспорта; сюда относятся железные дороги, прорезающие девственные леса и горы, телеграфные провода, проходящие через пустыни, и океанские пароходы, заходящие в отдаленнейшие гавани. Но мирный характер этого переворота является лишь видимостью. Торговые сношения остиндских компаний со странами пряностей были таким же грабежом, вымогательством и грубым обманом под флагом торговли, как и современные отношения американских капиталистов к канадским индейцам, у которых они закупают меха, или как отношения немецких купцов к африканским неграм. Классическим примером «тихой» и «мирной» торговли с отсталыми обществами служит современная история Китая. Через нее, начиная с сороковых годов, на протяжении всего XIX столетия красной нитью проходит полоса войн с европейцами, которые задали себе целью насильно открыть Китай для товарного обращения. Провоцируемые миссионерами преследования христиан, затеваемые европейцами тревоги, периодические военные кровопускания, во время которых совершенно беспомощный мирный земледельческий народ должен был меряться силами с новейшей капиталистической военной техникой объединенных великих держав Европы, тяжелые военные контрибуции со всей системой государственного долга, с европейскими займами, европейским контролем над финансами и оккупацией в конечном счете крепостей, вынужденное открытие вольных гаваней и вынужденные концессии на постройку европейскими капиталистами железных дорог, – таковы были в Китае повивальные бабки торговли от начала сороковых годов прошлого столетия и до начала китайской революции.

Период открытия Китая для европейской культуры, т. е. для товарного обмена с европейским капиталом, начался войной из-за опиума, которая заставила Китай покупать яд индийских плантаций, чтобы превратить его в деньги для английских капиталистов. В XVII столетии культура опиума была введена в Бенгалии английской остиндской компанией. Ее филиальное отделение в Кантоне распространило потребление этого яда в Китае. В начале XIX века опиум так сильно упал в цене, что он быстро стал «средством потребления широких народных масс». В 1821 г. ввоз опиума в Китай изме-

рялся 4 628 ящиками средней стоимостью в 1 325 долларов каждый, затем цена упала наполовину, а в 1825 г. китайский ввоз возрос до 9 621 ящиков и в 1830 г. до 26 670 ящиков¹. Разрушительное действие этого яда, в особенности его дешевых сортов, потребляемых бедным населением, вылилось в форму национального бедствия и вызвало в виде необходимой меры самообороны запрещение ввоза в Китай опия. Вице-король Кантона уже в 1828 г. запретил импорт опия, но это перенесло только торговлю в другие портовые города. Одному из пекинских цензоров было дано поручение обследовать вопрос, и он дал следующее заключение:

«Я узнал, что курильщики опия испытывают такую сильную потребность в этом вредном медикаменте, что они прилагают все старания, чтобы достать его. Когда они в обычный час не достают опия, их члены начинают дрожать, большие капли пота льются у них со лба и по лицу, и они становятся неспособными к самой легкой работе. Но стоит принести им трубку с опием, как они несколько раз затягиваются и тотчас же чувствуют себя исцеленными.

Поэтому опиум стал для всех тех, кто курит его, необходимым средством потребления, и вовсе не надо удивляться тому, что они при привлечении их к ответственности местными властями предпочитают нести любое наказание, но не выдают имени того, кто поставляет им опиум. Иногда местным властям даже даются подарки, чтобы они терпели это зло или затягивали уже начатое расследование. Большинство купцов, которые привозят в Кантон товары, продают контрабандным путем и опиум.

Я полагаю, что опиум гораздо большее зло, чем азартная игра, и что на курильщиков опия поэтому необходимо налагать не меньший штраф, чем на игроков».

Этот цензор предложил присуждать всякого изобличенного в курении опия к 80 ударам бамбуковой палкой, а в случае нежелания выдать продавца – к 100 ударам и к трехлетней ссылке. И косатый пекинский Катон вывел свое заключение с неслыханной для европейских властей откровенностью: «Опиум доставляется из-за границы, видимо, главным образом мелкими чиновниками, которые по соглашению с жадными купцами отправляют его внутрь страны; здесь к опиуму привыкают сперва молодые люди из хороших семейств, богатые частные лица и купцы; затем он получает распространение в простом народе. Я установил, что во всех провинциях имеются курильщики опия не только среди гражданских чиновников, но и в армии. В то время как чиновники различных округов усиливают свои старания, чтобы при помощи эдиктов проводить в жизнь законное запрещение продажи опия, их родители, родственники, подчиненные и служители продолжают курить, как и раньше, а купцы пользуются запрещением для взвинчивания цен.

Даже

полиция

пи-

¹ В 1854 г. было ввезено 77 379 ящиков. Затем ввоз несколько сократился благодаря расширению местного производства опия. Несмотря на это, Китай остался главным местом сбыта для английских плантаций. В 1873-1874 гг. в Индии было добыто 6,4 млн. кг опия, из которых 6,1 млн. кг было продано китайцам. Еще теперь, из Индии вывозится ежегодно 4,8 млн. кг опия стоимостью в 150 млн. марок, он идет почти исключительно только в Китай и на малайский архипелаг.

тает слабость к опию и покупает его вместо того, чтобы способствовать борьбе с ним, и это также одна из причин того, что все запрещения и распоряжения оставляются без всякого внимания¹. После этого в 1833 году был издан более строгий закон, который устанавливал для каждого курильщика опию сто ударов и выставление у позорного столба на два месяца. Губернаторам провинций было вменено в обязанность отмечать в их годовых отчетах результаты борьбы с опиумом. Эта борьба привела к двум последствиям: во-первых, внутри Китая, в особенности в провинциях Гонан, Сетшуан и Квейтшан, началось культивирование мака в большом масштабе; во-вторых, Англия объявила Китаю войну, чтобы заставить его разрешить свободный ввоз опию. Тогда-то и началось знаменитое «отпирание» Китая для европейской культуры в образе трубки для курения опию.

Первое нападение было произведено на Кантон. Укрепление города у главного входа Жемчужной реки было необыкновенно примитивно. Главная часть его представляла собой заграждение из железных цепей, которые ежедневно после захода солнца на различных дистанциях прикреплялись к поставленным на якорь паромам сплавляемого леса. Надо еще обратить внимание на то, что китайские пушки не имели никакого приспособления, чтобы ставить их под большим или меньшим углом, а это делало их совершенно безвредными. Этим примитивным укреплением, которое было в состоянии преградить вход двум каким-нибудь торговым судам, китайцы встретили нападение англичан. Двух английских военных кораблей оказалось достаточно для того, чтобы вынудить китайцев 7 сентября 1839 г. открыть проход. 16 военных джонок и 13 зажигательных судов, при помощи которых китайцы оказывали сопротивление, были расстреляны и рассеяны в три четверти часа. После этой первой победы англичане усилили свой военный флот и в начале 1841 года снова пошли в наступление. На этот раз нападение было произведено и на флот и на форты. Китайский флот состоял из нескольких военных джонок. Уже первая зажигательная ракета через доски джонки проникла в пороховой погреб, и она взлетела в воздух вместе со всей командой. Через короткое время одиннадцать джонок и в том числе адмиральское судно были уничтожены; остальные искали спасения в бешеном бегстве. Операции на суше потребовали на несколько часов больше. Благодаря полнейшей негодности китайских орудий англичане прошли укрепления, заняли одну очень важную позицию, которая оставалась незанятой, и обстреляли оттуда китайцев. В итоге сражения оказалось на китайской стороне 600 убитых а на английской – 1 убитый и 30 раненых, большая половина которых пострадала от случайного взрыва пороховой камеры. Несколько недель спустя англичане проявили новый подвиг. Надо было брать форты Анунгхоя и северного Вантонга. Для этой цели в распоряжении англичан было не менее 12 линейных кораблей в полном вооружении. Кроме того китайцы опять забыли самое важное: они не укрепили острова Южный Вантонг.

Англичане	с	полным
-----------	---	--------

¹ Приведено у майора D. J. Scheibert, *Der Krieg in China.*, 1903, стр. 179.

спокойствием установили здесь гаубичную батарею и обстреляли форт с одной стороны, в то время как военные суда открыли по нему огонь с другой стороны. Несколько минут оказалось достаточно, чтобы прогнать китайцев из форта и без сопротивления произвести высадку. Нечеловеческая сцена, которая последовала за этим, по словам одного английского сообщения, навсегда останется для английских офицеров предметом глубокого сожаления. Когда китайцы пытались бежать из окопов, они попадали в рвы, так что последние были в буквальном смысле этого слова переполнены солдатами, умолявшими о пощаде. Эту лежащую массу человеческих тел сипаи подвергли – якобы вопреки приказу офицеров – непрерывному обстрелу. Так Кантон был открыт для торговли.

То же самое произошло с другими гаванями. 4 июля 1841 г. у островов, что у входа в город Нингпо, появилось три английских военных судна с 120 пушками. Остальные суда пришли на следующий день. Вечером английский адмирал отправил к китайскому губернатору парламентариев с требованием передачи ему островов. Губернатор заявил, что он для сопротивления не обладает достаточными силами, но что он без приказа из Пекина не имеет права сдавать островов. Он просил поэтому об отсрочке. В отсрочке ему было отказано, и англичане в 2¹/₂ часа ночи начали штурмовать безоружные острова. В продолжение девяти минут форт и дома на берегу моря превратились в дымящиеся груды развалин. Войска высадились на оставленном берегу, покрытом копьями, саблями, щитами, ружьями и несколькими трупами, и подошли к валам островного города Тингхай, чтобы взять его. Усилившись солдатами с подошедших тем временем новых судов, английские войска на следующее утро приставили штурмовые лестницы к едва защищаемым каменным стенам города и через несколько минут овладели городом. Эта славная победа была отмечена англичанами следующим скромным сообщением: «Утро 5 июля 1841 г. судьбе угодно было сделать достопамятным днем; в этот день над прекраснейшим островом Небесной Средиземной империи впервые взвился английский флаг Вашего величества – первое европейское знамя, победоносно водруженное над этими цветущими равнинами»¹. 25 августа 1841 г. англичане появились перед городом Амоем, форты которого были вооружены несколькими сотнями пушек самого крупного китайского калибра. Но вследствие совершенной негодности этих орудий и беспомощности командного состава взятие гавани и здесь оказалось детской игрой. Открыв непрерывную пальбу, английские суда приблизились к валам Кулангсу; после этого морская пехота высадилась на берег, и китайские войска после короткого сопротивления были прогнаны. В виде военной добычи англичане взяли при этом в гавани 26 военных джонок и 128 орудий, оставленных солдатами. Находившиеся при одной батарее татары под объединенным огнем пяти английских кораблей оказывали героическое сопротивление, но высадившиеся англичане зашли им в тыл и устроили им ужасную кровавую баню.

¹ Майор Scheibert, l. c., стр. 207.

Так кончилась славная война из-за опия¹. При заключении мира 17 августа 1842 г. англичане получили остров Гонконг, а Кантон, Амой, Фугшоу, Нингпо и Шанхай были открыты для торговли. Через пятнадцать лет последовала вторая война против Китая, причем на этот раз англичане выступили вместе с французами. В 1857 г. объединенный англо-французский флот взял приступом Кантон с таким же геройством, как во время первой войны. По Тиенцзинскому миру 1858 г. были разрешены ввоз опия, европейская торговля и доступ внутрь страны для миссионеров. Однако уже в 1859 г. англичане вновь открыли враждебные действия против китайцев и решили разрушить их укрепления у Пейго, но в результате кровопролитного боя они были отбиты, потеряв 464 человека убитыми и ранеными. Тогда Англия опять выступила вместе с Францией. Имея в своем распоряжении 12 600 человек англичан и 7 500 французов, генерал Кузен-Монтобан в конце августа 1860 г. взял прежде всего без единого выстрела форты Таку, затем он проник до Тиенцзина и до Пекина. Дорогой, 21 сентября 1860 г., произошло кровавое сражение у Паликиао, и Пекин перешел в руки европейских держав. Победители, вступившие в почти совершенно пустой и совсем не защищавшийся город, прежде всего ограбили императорский дворец. В этом деле принял деятельное личное участие генерал Кузен, впоследствии маршал «граф де-Паликиао». Лорд Эльджин сжег дворец в виде искупительной жертвы¹.

¹ Императорский эдикт от 3-го дня 8-го месяца 10-го года Хиен-Фенг (6 сентября 1860 г.) говорит между прочим следующее:

«Мы никогда не воспрещали Англии и Франции вести с Китаем торговлю, и между нами и ими долгие годы царил мир. Но три года тому назад англичане со злыми намерениями ворвались в наш город Кантон и увели в плен наших чиновников. Мы не думали тогда о возмездии, потому что мы принуждены были признать, что упорство вице-короля Индии Ие подало в известной мере повод к враждебным действиям. Два года тому назад с севера подошел вождь варваров Эльджин, и мы приказали вице-королю Хили, Тан-Тинг-Сиангу обследовать положение дела, прежде чем приступить к переговорам. Но варвар использовал нашу неподготовленность, взял форты Таку и пошел на Тиенцзин. Озабоченные тем, чтобы избавить наш народ от ужасов войны, мы и на этот раз отказались от возмездия и приказали Куеи-Лиангу вести переговоры о мире. Несмотря на постыдные требования варваров, мы приказали Куеи-Лиангу отправиться для обсуждения предложенного торгового договора в Шанхай, и в доказательство нашей bona fides даже разрешили ему этот договор ратифицировать.

Невзирая на это, вождь варваров Брюс проявил безрассудное упорство, и в 8-м месяце появился с эскадрой военных судов на рейде Таку. Тогда Сенг-Ко-Лиу Хьин произвел на него стремительное нападение и вынудил его к быстрому отступлению. Из всего этого вытекает, что Китай не проявил никакого вероломства и что варвары были неправы. В текущем году предводители варваров Эльджин и Грос опить появились у наших берегов, но Китай, не желая прибегать к крайним мерам, разрешил им высадку и посещение Пекина для ратификации договора.

Кто мог бы поверить, что варвары все это время только строили козни, что они повезут с собой войско и артиллерию для того, чтобы напасть с тылу на форты Таку и после изгнания гарнизона отправиться на Тиенцзин?» («China unter der Kaiserin-Witwe». Berlin. 1906, стр. 20. См. также в названной работе всю главу «о бегстве в Иеголь»).

² Операции европейских героев с целью открытия Китая для торговли связаны с одной из памятных страниц внутренней его истории. Вскоре же после ограбления летнего дворца манджурских самодержцев «китайский Гордон» отправился в поход против тайпингских мятежников, и в 1863 году даже принял командование над императорскими военными силами.

Подавление

восстания

Теперь европейским державам было предоставлено право держать в Пекине послов: Тиенцзин и другие города были открыты для торговли. В то время как в Англии антиопийная лига боролась против распространения яда в Лондоне, в Манчестере и в других промышленных районах, а назначенная парламентом комиссия признала потребление опия в высшей степени вредным, чифуская конвенция 1876 г. гарантировала свободный ввоз опия в Китай. В то же время все договоры с Китаем обеспечивали за европейцами – за купцами и миссионерами – право приобретения земли. В этом деле европейцам помог не только орудийный огонь, но в значительной степени и сознательный обман. Удобным поводом для постепенного расширения районов, открытых согласно договору европейскому капиталу, была прежде всего двусмысленность текста договора. Но этого мало. На основании знаменитого наглого подлога в китайском тексте французской дополнительной конвенции 1860 г. – подлога, учиненного католическим миссионером аббатом Деламарром, как переводчиком, китайское правительство было вынуждено признать за миссионерами право приобретения земли не только в гаванях, предусмотренных договором, но и во всех провинциях империи. Французская дипломатия и протестантские миссионеры были вполне единодушны в оценке утонченного мошенничества католического патера, но это не помешало им энергично настаивать на применении проведенного контрабандным путем расширения прав французских миссионеров и в 1877 г. распространить его и на протестантских миссионеров¹.

Открытие Китая для торговли, начавшееся войной из-за опия, закончилось целой серией «аренд» и китайской экспедицией 1900 г., в которой торговые интересы европейского капитала превратились в явный международный грабеж китайских земель. Это противоречие между первоначальной теорией и конечной практикой европейских «культуртрегеров» в Китае прекрасно передает телеграмма императрицы-вдовы, посланная ею после занятия фортов Таку королеве Виктории:

«Вашему Величеству привет. Во всех переговорах Англии с Китайской империей, которые велись с той поры, когда между нами завязались сношения, Великобритания никогда не претендовала на увеличение своих владений; она проявляла только усиленное же-

было, собственно говоря, делом английской армии. Но в то время, когда значительное число европейцев, в том числе один французский адмирал, положило свою жизнь, чтобы сохранить в Китае манджурскую династию, представители европейской торговли воспользовались случаем, чтобы сделать на этой борьбе маленький гешефт; они снабжали оружием как поборников открытия Китая для европейцев, так и повстанцев, против которых первые вели борьбу. «Случай нажиться оказался настолько соблазнительным для почтенных купцов, что они поставляли оружие и амуницию обеим партиям, и так как возможность обеспечить себя снаряжением была для повстанцев труднее, чем для сторонников императора, и так как они поэтому должны были и готовы были платить более высокие цены, то купцы предпочитали совершать сделки с повстанцами, и это позволяло последним оказывать сопротивление не только войскам их собственного правительства, но и войскам Англии и Франции». (M. v. Brandt, 33 Jahre in Ostasien, 1901, Bd. III, China, стр. 11.)

¹ Dr. Franke, Die Rechtsverhältnisse am Grundeigentum in China, Leipzig, 1903, стр. 82 и сл.

вание оказать содействие интересам своей торговли. Принимая во внимание тот факт, что наша страна теперь уже ввергнута в страшную войну, мы вспоминаем о том, что огромная часть китайской торговли, 70 или 80%, приходится на торговлю с Англией. Кроме того ваши морские пошлины самые низкие в мире, и в ваших морских гаванях чужой ввоз встречает мало ограничений. Благодаря этим причинам наши дружественные отношения с британскими купцами в наших договорных гаванях, к нашей взаимной выгоде, не прерывались в течение последнего полувека. Но вдруг наступила перемена и против нас, поднялось всеобщее подозрение. Поэтому мы просили бы вас подумать о том, что если наша страна, вследствие известного сочетания обстоятельств, потеряет свою независимость и державы придут к соглашению, чтобы провести в жизнь давно лелеемый ими план завоевания нашей земли (в телеграмме, отправленной в то же самое время японскому императору, темпераментная Тцу-Си открыто говорит о «жадных до земли державах Запада, жадные и хищные глаза которых косятся на нас»), то этот факт отразится несчастным и роковым образом на вашей торговле. В настоящее время наша страна прилагает самые усиленные старания, чтобы создать себе армию и средства, которые обеспечили бы ее защиту. Пока мы полагаемся на ваши любезные услуги, как посредницы, и пребываем в нетерпеливом ожидании вашего решения»¹.

Каждая война сопровождалась мародерством и кражами в крупном масштабе памятников старинной культуры, которые производились европейскими культуртрегерами в китайских императорских дворцах и правительственных зданиях. Это имело место как в 1860 г., когда императорский дворец с его сказочными сокровищами был ограблен французами, так в 1900 г., когда «все нации» похищали в перегонку казенное и частное добро. Дымящиеся развалины самых крупных и старых городов, гибель земледельческого хозяйства на огромных пространствах земли, невыносимый налоговый гнет для изыскания военных контрибуций были спутниками всех европейских вторжений и шли в ногу с успехами торговли. Из свыше 40 китайских Treaty ports каждый куплен потоками крови, резней и разрушением.

Глава двадцать девятая

БОРЬБА ПРОТИВ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Важной заключительной главой в борьбе с натуральным хозяйством являются отделение сельского хозяйства от промышленности и вытеснение деревенской промышленности из крестьянского хозяйства. Ремесло зарождается в истории человечества как побочное сельскохозяйственное занятие; у оседлых культурных народов и как придаток к земледелию. История европейского средневекового ремесла представляет собою историю его эмансипации от сельского хозяйства, историю его освобождения от барщины, его специализации и развития в цеховое городское товарное производство. Несмотря на то, что ремесленное производство прогрессировало, переходя че-

¹ «China unter der Kaiserin-Witwe», стр. 334.

рез мануфактуру в крупную индустриально-капиталистическую фабрику, ремесло в деревне, в крестьянском хозяйстве оставалось в прочной связи с земледелием. Как домашнее побочное производство в свободное от земледельческого труда время, ремесло для собственного потребления крестьянского хозяйства играло громадную роль¹. Развитие капиталистического производства отрывает от крестьянского хозяйства одну отрасль промышленности за другой, чтобы концентрировать их в массовое фабричное производство. История текстильной промышленности служит этому типичным примером. Но то же самое происходит, хотя и менее отчетливо, во всех прочих отраслях ремесла в сельском хозяйстве. Чтобы сделать крестьянскую массу покупательницей своих товаров, капитал стремится свести крестьянское хозяйство к одной отрасли, которой он не может сразу же, – а при европейских отношениях собственности вообще не без затруднений, – овладеть, а именно к сельскому хозяйству². С внешней стороны кажется, что здесь все протекает совершенно мирно. Процесс протекает незаметно и как будто под влиянием чистоэкономических фактов. Техническое производство крупного фабричного производства с его специализацией, с его научным анализом и комбинированием процесса производства, с его источниками сырья на мировом рынке и совершенными орудиями стоит вне всякого сомнения выше примитивного крестьянского ремесла. В действительности в этом процессе отделения крестьянского хозяйства от ремесла действовали и такие факторы, как налоговый пресс, война, расточение и монополизирование национальных земель, – факторы, которые в одно и то же время относятся к области экономики, политической власти и уголовного кодекса. Нигде этот процесс не проведен так основательно, как в Соединенных штатах Северной Америки.

Железные дороги, т. е. европейский, главным образом английский капитал, шаг за шагом вели американского фермера через необозримые равнины Востока и Запада Соединенных штатов; он истреблял индейцев при помощи огнестрельного оружия, ищеек, водки и сифилиса и насильственным образом переселял их с Востока на Запад, чтобы присвоить себе их землю как «свободную» и пустить ее под пашню. Живя в отдаленных лесах, американский фермер доброго старого времени, относящегося к периоду, предшествовавшему гражданской войне, представлял собой совершенно иное

¹ «В Китае домашнее ремесло в значительной мере сохранилось даже среди городского населения и притом таких больших и старых торговых городов, как Нингпо, с его 300 000 населения. Еще одним лишь поколением раньше женщины сами готовили для себя и для своих мужей башмаки, рубахи и пр. Когда молодая женщина в ту пору покупала в Нингпо у купца вещь, которую она могла бы изготовить собственными руками, то это возбуждало всеобщее внимание». Dr. Nyok-Ching-Tsur, *Die gewerblichen Betriebsformen der Stadt Ningpo*. Tübingen, 1909, стр. 51.

² Последняя глава в истории крестьянского хозяйства, находящегося под влиянием капиталистического производства, ставит это отношение на голову. Домашнее производство для разоренных мелких крестьян на капиталистического предпринимателя или просто наемный труд на фабрике становится часто главным занятием мужчин, в то время как земледельческий труд переносится целиком на плечи женщин, стариков и детей. Образцовый пример в этом отношении дает мелкий крестьянин Вюртемберга.

щество, чем в настоящее время. Он так или иначе умел делать все и довольно хорошо обходился на своей изолированной ферме почти 'без окружающего мира. «Современный американский фермер, – писал в начале 90-х годов сенатор Пеффер, один из руководителей Farmers Alliance, – совершенно другой человек, чем его предок, живший пятьдесят или сто лет тому назад. Многие из наших современников помнят то время, когда фермеры много занимались ремеслами, т. е. сами изготавливали значительную часть того, что им нужно было для собственного потребления. Всякий фермер имел комплект инструментов, при помощи которых он изготавливал из дерева сельскохозяйственные орудия, как например вилы и грабли, рукоятки для лопат и соху, дышла для телеги и массу других принадлежностей. Он добывал лен и коноплю, овечью шерсть и хлопок, и все эти материалы обрабатывались на ферме: их пряли и ткали на дому; одежду, белье и т. п. тоже изготавливали на дому, и все это потреблялось самим фермером. При каждой ферме имелась маленькая мастерская для плотничьих, столярных и слесарных работ, в самом доме стояли чесалка и ткацкий станок; вырабатывались ковры, одеяла и другие постельные принадлежности; на каждой ферме держали гусей, пухом и перьями которых наполнялись подушки и перины, избыток продавался на базаре ближайшего города. Зимой фермер нагружал на огромные телеги, запряженные 6 или 8 лошадьми, пшеницу, муку и маис и отправлялся на базар, иногда за 100 или 200 миль; тут он покупал для следующего года колониальные товары, некоторые материи и т. п. Среди фермеров можно было найти и разных ремесленников. Телега готовилась на ферме в продолжение одного или двух лет. Материал для этого фермер находил поблизости; сорт необходимого дерева точно устанавливался по соглашению с соседом; оно должно было быть доставлено в определенное время и затем в продолжение определенного времени подвергнуто сушке; по изготовлении телеги обе договаривающиеся стороны знали, откуда взят каждый кусок дерева и как долго он сох. Зимой соседний плотник заготавливал оконные кресты, материал для потолков, карнизы и бревна для следующего сезона. После наступления осенних морозов, на квартире фермера сидел в углу сапожник и приготавливал для семьи обувь. Все это делалось дома, и большая часть расходов покрывалась продуктами фермы. Зимой наступало время запастись мясом, оно приготавливалось и сохранялось в копченом виде. Фруктовый сад давал фрукты для яблочного кваса и для разных консервов; всего этого вполне хватало семье на весь год и даже на более долгий срок. Пшеницу молотили постепенно, по мере надобности в количестве, соответствующем потребности в наличных деньгах. Все сохранялось и потреблялось. Одним из последствий подобного способа хозяйства было то, что для ведения дела требовалось относительно немного денег. В среднем сто долларов должно было хватать большой ферме на наем батраков, на починку хозяйственных орудий и на покрытие других случайных расходов»¹.

¹ W. A. Peffer, The Farmer's side. His troubles and their remedy. New York. 1891. Part II: How we got here, Changed condition of the Farmer. Стр. 56-57;

После междоусобной войны эта идиллия должна была закончиться. Огромный государственный долг в 6 миллиардов долларов, которым эта война обременила Союз, повлек за собой сильное увеличение налогового бремени. Но со времени войны начинается лихорадочное развитие средств современного транспорта, промышленности, в особенности машиностроительной, которая находилась под опекой все возрастающих покровительственных пошлин. Для поощрения железнодорожного строительства и для заселения страны фермерами железнодорожным обществам были сделаны великолепные подарки из национальных земель: в одном только 1867 году они получили свыше 74 миллионов гектаров. Железнодорожная сеть росла с беспримерной быстротой. В 1860 году железнодорожная сеть насчитывала здесь меньше 50 000 километров, в 1870 г. свыше 85 000, а в 1880 г. более 150 000 километров (за время от 1870 г. до 1880 г. вся железнодорожная сеть Европы увеличилась с 130 000 километров до 169 000). Железные дороги и спекуляция с землей вызвали массовую эмиграцию из Европы в Соединенные штаты. Эмиграция насчитывала за 23 года, с 1869 г. по 1892 г., свыше 4½ млн. человек. В связи с этим Союз все более и более эмансипировался от европейской, главным образом английской промышленности, и создал собственные мануфактуры и собственную текстильную, железнорудную, стальную и машиностроительную промышленность. Скорее всего было революционизировано сельское хозяйство. Уже в первые годы после гражданской войны собственники плантаций южных штатов были вследствие освобождения негров вынуждены ввести паровой плуг. Фермы, возникшие на Западе вместе с железными дорогами, сразу были поставлены на высоту современной машинной техники. «В то самое время, – писал в 1867 г. отчет сельскохозяйственной комиссии Соединенных штатов, – когда применение машин революционизирует на Западе сельское хозяйство и сводит до достигнутого до настоящего времени минимума применение человеческого труда..., многие выдающиеся администраторские и организаторские таланты посвящают себя сельскому хозяйству. Фермы, имеющие несколько тысяч акров, управляются более удачно и с более целесообразным и экономным использованием наличных средств и с большим доходом, чем фермы, имеющие 40 акров»¹.

В то же время сильно увеличивалось бремя как прямых, так и косвенных налогов. Во время гражданской войны был издан новый финансовый закон. Военный тариф 30 июня 1864 г., образующий основу действующей еще теперь системы, поднял налоги на предметы потребления и подоходные налоги необыкновенно высоко, началась настоящая оргия таможенных пошлин, для которой эти высокие военные налоги служили предлогом, чтобы уравновесить обременение отечественного производства при помощи таможенных

пош-

ср. также А. М. Simons, *The American Farmer*. 2 ed. Chicago. 1906, стр. 74 и сл.

¹ Цитировано у Лафарга, «*Getreidebau und Getreidehandel in den Vereinigten Staaten*», «*Neue Zeit*» 1885, стр. 344 (статья эта появилась впервые в 1883 г. в одном русском журнале).

лин¹. Гг. Морриль, Стевенс и прочие джентльмены, использовавшие войну, чтобы форсировать проведение своей протекционистской программы, обосновали систему таким образом, что таможенная политика открыто и цинично была сделана орудием всяческих интересов наживы частных дельцов. Когда отечественный производитель появлялся перед законодательным конгрессом и требовал установления какой-нибудь специальной пошлины, которая давала бы ему возможность набивать свои карманы, его желание исполнялось с полной готовностью. Таможенные ставки подымались согласно требованиям отдельных лиц. «Война, – пишет американец Тауссиг, – в некоторых отношениях повлияла освежающим и облагораживающим образом на нашу национальную жизнь, но ее непосредственное влияние на деловую жизнь и на все законодательство касательно денежных интересов носило деморализующий характер. Грань между общественной обязанностью и частными интересами часто упускалась из виду законодателем. Большие имущества образовывались благодаря изменениям законов, эти изменения проводились теми же самыми лицами, которые применяли затем новый закон в свою пользу. Страна с сожалением сознавала, что честь и честность мужей политики не остаются незапятнанными». И этот тариф, который обозначал полный переворот в экономической жизни страны, который должен был оставаться в продолжение двадцати лет и по существу еще теперь образует базис таможенного законодательства Соединенных штатов, – этот самый тариф был проведен в три дня через конгресс и в два дня через сенат – без критики, без дебатов и без всякой оппозиции².

С этим поворотом финансовой политики Соединенных штатов началась бесстыдная парламентская коррупция, открытое и наглое использование выборов, законодательства и прессы, как орудий неприкрытых интересов кармана, интересов крупного капитала. *Enrichissez vous* – стало лозунгом общественной жизни со времени «благородной войны» за освобождение человечества от «позорного пятна рабства». Янки, освободитель негров, в качестве рыцаря биржевой спекуляции праздновал оргии, а в качестве законодателя дарил самому себе национальные земли, обогащая себя пошлинами и налогами, монополиями, дутыми акциями, кражами казенного имущества. Промышленность расцветала. Теперь миновали те времена, когда маленький и средний фермер мог обходиться почти без наличных денег и время от времени по мере надобности молотить пшеницу, чтобы продать ее за деньги. Теперь фермер всегда должен был иметь достаточно денег, чтобы платить налоги; все произведенное им он вскоре же должен был продавать, чтобы купить себе все нужное из

¹ The three revenue acts of June 30, 1864, practically form one measure, and that probably the greatest measure of taxation which the world has seen... The internal revenue act was arranged, as Mr. David A. Wells had said, on the principle of the Irishman at Donnybrook fair: «Whenever you see a head, hit it; whenever you see a commodity, tax it». Every thing was taxed, and taxed heavily. (F. W. Taussig, *The Tariff History of the United States*. New York, 1888, стр. 164).

² «The necessity of the situation, the critical state of the country, the urgent need of revenue, may have justified this haste, which, it is safe to say, is unexampled in the history of civilized countries». (Taussig, указ, соч., стр. 168).

рук мануфактуриста, как товар. «Если мы обратимся к современной нам действительности, – пишет Пеффер, – то мы увидим, что почти все изменилось. В особенности на всем Западе фермеры молотят свою пшеницу в один прием и продают ее сразу. Фермер продает свой скот и покупает себе свежее мясо или сало, он продает свиней и покупает ветчину и свинину, он продает овощи и фрукты и покупает их вновь в виде консервов. Если он вообще сеет лен, то обмолачивает его, вместо того чтобы прясть его, ткать и изготавливать затем полотно и белье для своих детей, как это делалось лет 50 тому назад; льняное семя он продает, а стебель сжигает. Из пятидесяти фермеров едва один занимается разведением овец; он полагается на большие скотоводческие фермы и со своей стороны получает шерсть уже в готовом виде, в виде сукна или одежды. Его костюм уже не шьется дома, а покупается в городе. Вместо того чтобы самому изготавливать нужные орудия, вилы, грабли и т. д. он отправляется в город, чтобы купить себе рукоятку для топора или ручку для молотка, он покупает канаты и веревки и всякие материи, но покупает сукно или даже готовое платье, он покупает консервированные фрукты, он покупает сало, мясо и ветчину, он покупает теперь все, что он некогда производил сам, и для всего этого ему нужны деньги. Но самый удивительный факт заключается в следующем. В то время как дом американца раньше был свободен от долгов, – менее чем в одном случае из тысячи на домах лежали ипотеки, обеспечивавшие денежный заем, – в то время как деньги при незначительной потребности в них для ведения хозяйства всегда имелись в достаточном количестве у самих фермеров, теперь, когда денег нужно в десять раз больше, их имеется мало и вообще не имеется. Почти половина ферм имеет ипотечные долги, которые поглощают всю их стоимость; проценты непомерно велики. Причина этого замечательного переворота лежит в мануфактуристе с его шерстяными и полотняными фабриками, деревообделочными фабриками, хлопчатобумажными фабриками, хлопчатобумажными прядильнями, ткацкими заведениями, с его фабриками для консервирования мяса и фруктов и т. д.; маленькие мастерские фермы очистили место огромным городским предприятиям. Соседскую тележную мастерскую сменил городской завод, где еженедельно производится от 100 до 200 телег; место сапожной мастерской заняла большая городская фабрика, которая выполняет большую часть работы посредством машин»¹. В конце концов и сельскохозяйственный труд фермера стал машинным трудом. «Теперь фермер пашет, сеет и жнет при помощи машин. Машина жнет и вяжет снопы. Фермер молотит, пользуясь силой пара. Во время пахоты он может читать утреннюю газету; когда он жнет, он сидит на крытом сидении машины»².

Но этот переворот, происходивший в американском сельском хозяйстве со времен «Великой войны», был не концом, а началом того потока, в который попал фермер. Его история сама переходит во

¹ Пеффер, I. с., стр. 58.

² Пеффер, I. с., introduction, стр. 6. Зеринг в середине 80-х годов рассчитал, что маленькая ферма на северо-западе требует для скромного начала наличными деньгами 1 200-1 400 долларов. («Die landwirtschaftliche Konkurrenz Nordamericas». Leipzig, 1887, стр. 431).

вторую фазу развития капиталистического накопления, которую она также прекрасно иллюстрирует. Капитализм всюду побеждает и вытесняет натуральное хозяйство, производство для собственного потребления, сочетание сельского хозяйства с ремеслом, чтобы поставить на их место простое товарное хозяйство. Товарное хозяйство нужно ему как сбыт для собственной прибавочной стоимости. Товарное производство является той всеобщей формой, при которой капитализм только и может развиваться. Но лишь только на развалинах натурального хозяйства уже распространилось простое товарное производство, как капитал тотчас же начинает против него борьбу. С товарным хозяйством капитализм вступает в конкурентную борьбу; призвав его к жизни, он оспаривает у него средства производства, рабочую силу и сбыт. Раньше целью капитализма была изоляция производителя, его отделение от защищающей его связи с общиной, а затем отделение сельского хозяйства от ремесла; теперь задача капитализма состоит в отделении маленького товаропроизводителя от его средств производства.

Мы видели, что великая война открыла в Североамериканском союзе эру грандиозных ограблений национальных земель монополистически-капиталистическими обществами и отдельными спекулянтами. В связи с лихорадочным железнодорожным строительством и еще более в связи с железнодорожной спекуляцией возникла бешеная спекуляция землями, во время которой колоссальные имущества, целые герцогства стали добычей отдельных рыцарей легкой наживы и компаний. Стаи агентов, налетевших как саранча, все средства шарлатанской бесшабашной рекламы и всяческий обман и надувательство направляли из Европы в Соединенные штаты мощную струю эмиграции. Эта струя осаждалась вначале в восточных штатах, на берегу Атлантического океана. Но чем дальше развивалась здесь промышленность, тем дальше на запад отодвигалось сельское хозяйство. «Пшеничный центр», находившийся в 1850 г. в Огио у Колумба, переносился в следующие 50 лет все дальше и дальше, и в конце концов оказался сдвинутым на 99 миль к северу и на 680 миль к западу. В 1850 г. атлантические штаты давали 51,4% всего сбора пшеницы, в 1880 г. они давали только 13,6%, в то время как на центральные северные штаты в 1880 г. приходилось 71,7% сбора, а на западные 9,4%.

В 1825 г. конгресс Союза при президенте Монрое постановил переселить индейцев с востока Миссисипи на запад. Краснокожие защищались отчаянно, но те, которых пощадили во время кровавых бань сорока индейских войн, были убраны, как ненужный хлам; они были прогнаны на запад, как стадо бизонов, и заперты здесь, как дичь, за решеткой «резерваций». Индейцы должны были уступить место фермеру; теперь пришла очередь за фермером, который должен был уступить дорогу капиталу и был вытеснен на тот берег Миссисипи.

По путям следования железных дорог американский фермер отправился на запад и северо-запад в обетованную землю, в которую его заманивали агенты крупных земельных спекулянтов. Но самые плодородные и лучше расположенные земли были использованы обществами для крупных хозяйств, которые велись чисто капитали-

стически. Рядом с фермером, которого затащили в глушь, возникла в качестве его опасного конкурента и смертельного врага «Bonanzafarm» – крупнокапиталистическое сельскохозяйственное предприятие, неизвестное до тех пор ни в Старом, ни в Новом свете. Прибавочная стоимость производилась здесь при помощи всех вспомогательных средств современной науки и техники. «Olivier'a Dalrymple'a», имя которого известно теперь на обоих берегах Атлантического океана, – писал в 1885 г. Лафарг, – можно рассматривать как лучшего представителя финансового сельского хозяйства. С 1874 г. он руководит одновременно паровой линией на Красной, реке и шестью фермами общей площадью в 30 000 гектаров, принадлежащими одному обществу финансистов. Он разделил эту площадь, на участки в 800 гектаров, а каждый из этих участков на три более мелкие части, площадью приблизительно в 267 гектаров. Участками этими руководят управляющие и их помощники. На каждом участке настроены бараки для 50 человек и конюшни для такого же числа лошадей и мулов, кухни, магазины для продовольствия людям и, корма скоту, сараи для машин и наконец кузнечные и слесарные мастерские. Каждый участок имеет свой полный инвентарь: 20 пар лошадей, 8 двойных плугов, 12 сеялок, управляемых человеком, сидящим на лошади, 12 грабель со стальными зубцами, 12 косилок, и сноповязалок, 2 молотилки и 16 телег; приняты все необходимые меры, чтобы машины и рабочий скот (люди, лошади и мулы) находились в хорошем состоянии и чтобы они могли дать максимальное количество труда. Все участки связаны между собой и с центральным управлением телефонным сообщением.

«Шесть ферм с 30 000 гектаров обслуживаются армией рабочих в 600 человек, организованных по военному образцу; ко времени жатвы центральное управление нанимает еще 500 или 600 вспомогательных рабочих, которых оно распределяет между участками. Осенью по окончании работ рабочих увольняют за исключением, управляющих и десяти человек на участок. На некоторых фермах Дакоты и Миннесоты лошадей и мулов на зиму угоняют с мест, где производилась работа. Лишь только жнивье вспахано, их табунами в 100-200 пар угоняют на 1 000-1 500 км на юг, откуда их возвращают лишь весной.

Сидя на лошадях, механики следуют за плугами, сеялками и косилками, находящимися в работе; лишь только что-нибудь окажется в неисправности, как они подъезжают к соответствующим машинам и немедленно исправляют их, чтобы незамедлительно вновь, пустить их в ход. Сжатый хлеб подвозится к молотилкам, работающим непрерывно и день и ночь. Молотилки отапливаются снопами соломы, которые бросаются в топку через железные трубы. Зерно обмолачивается, провеивается, взвешивается и насыпается в мешки посредством машин. Затем оно отвозится на железную дорогу, которая проходит вдоль фермы, а отсюда его отправляют в Duluth или Буффало. Дэльримпль ежегодно увеличивает свою посевную площадь на 2 000 гектаров. В 1880 г. она равнялась 10 000 гектаров»¹. Уже в конце 70-х годов имелись капиталисты и общества, которые вла-

¹ Лафарг, I. с., стр. 345:

дели землями в 14 000-18 000 гектаров под пшеницей. С тех пор как Лафарг это писал, технический прогресс в американском крупном капиталистическом сельском хозяйстве и применение машин сделали мощные шаги вперед¹.

С такими капиталистическими предприятиями американский фермер конкуренции выдержать не мог. В то самое время, когда всеобщий переворот в финансах, в производстве и в транспортном деле Соединенных штатов принуждал фермера бросать всякое производство для собственного потребления и производить все для рынка, цены на сельскохозяйственные продукты упали чрезвычайно сильно под влиянием колоссального расширения площади посевов. И в то самое время, когда судьба всей массы фермеров была прикована к рынку, сельскохозяйственный рынок Соединенных штатов из местного превратился в мировой рынок, на котором несколько гигантских капиталов и спекуляция начали свою дикую игру,

В истории европейских и американских аграрных отношений 1879 г. начинается массовый экспорт пшеницы из Соединенных штатов в Европу².

Выгоды этого расширения рынка были, разумеется, монополизированы крупным капиталом: с одной стороны, росли гигантские фермы, которые давили на мелкого фермера своей конкуренцией; с другой стороны, последний стал жертвой спекулянтов, которые покупали у него хлеб, чтобы оказывать давление на мировой рынок. Беспомощный и подчиненный могущественной власти капитала, фермер впал в долги: типичная форма гибели крестьянского хозяйства. Задолженность ферм стала скоро народным бедствием. В 1890 г. министр сельского хозяйства Соединенных штатов

Рэск писал в

¹ Report of the U. S. Commissioner of Labor за 1898 г. дает следующую таблицу для сопоставления успехов машинного производства по сравнению с ручным трудом:

Род работы	Рабочее время, затраченное на данную единицу при применении машин		Рабочее время, затраченное на ту же единицу без применения машин	
	часы	минуты	часы	минуты
Посев хлеба.....	–	32,7	10	55
Сбор и молотья хлеба.....	1	–	46	40
Посев маиса	–	37,5	6	15
Жатва маиса.....	31	4,5	5	–
Лушение маиса	–	3,6	66	40
Посев хлопка.....	1	3,0	8	48
Культивирование хлопка.....	12	5,1	60	–
Косьба / коса против маш.....	1	0,6	7	20
сена \ сбор и упаковка.....	11	3,4	35	30
Посев картофеля.....	1	2,5	15	–
Посев помидоров	1	4,0	10	–
Культивирование и сбор помидоров.....	134	5,2	324	20

² Вывоз пшеницы из Соединенных штатов в Европу исчисляется в миллионах бушелей следующими цифрами:

специальном циркуляре по поводу отчаянного положения фермеров следующее: «Бремя ипотек, лежащих на фермах, домах и земле, несомненно, принимает в высшей степени тревожные размеры; хотя займы в отдельных случаях заключались, несомненно, слишком поспешно, но в большинстве случаев к этому вела необходимость... Займы эти, заключенные по высоким процентам, оказывают вследствие падения цен на сельскохозяйственные продукты в высшей степени сильное давление на фермера; во многих случаях они угрожают ему потерей дома и земли. Это – крайне трудный вопрос для всех тех, кто желает уничтожить зло, от которого страдают фермеры. Оказывается, что фермер при теперешних ценах должен для получения одного доллара для уплаты долга продать значительно больше продуктов, чем в то время, когда он этот доллар занимал. Проценты растут, а между тем погашение долга становится, очевидно, совершенно безнадежным делом, но ввиду тяжелого положения, о котором мы говорим, заключение нового ипотечного займа крайне затруднительно»¹.

Всеобщая задолженность земель распространилась по цензу 29 мая 1891 г. на 2,5 млн. хозяйств; в это число вошли две трети предприятий фермеров-собственников, долг которых составляет почти 2,2 млрд. долларов. «Таким образом, – заключает Пеффер, – положение фермера в высшей степени критическое (farmers are passing through the «valley and shadow of death»); ферма стала бесприбыльным делом; цены на сельскохозяйственные продукты со времени великой войны упали на 50%; стоимость ферм за последнее десятилетие упала на 25-50%; фермеры по уши погрязли в долгах, обеспеченных ипотеками на их предприятия; они при этом, не в состоянии возобновить займа, потому что сама недвижимость все более обесценивается;

1868/69 ... 17,9	1885/86 ... 57,7
1874/75 ... 71,8	1890/91 ... 55,1
1879/80 ... 153,2	1899/1900 ... 101,9

(Jurascheks I Abersichen der Weltwirtschaft, B. VII, Abt. I, стр. 32). В то же время цена бушеля в центах loco ферма падала следующим образом:

1870/79 ... 105	1896 ... 73
1880/89 ... 83	1897 ... 81
1893 ... 51	1898 ... 58

С 1899 г., когда был достигнут минимум в 58 центов за бушель, цены опять начинают подниматься:

1900 ... 62	1903 ... 70
1901 ... 63	1904 ... 92
1902 ... 63	

(Jurascheks, 1 с., стр. 18).

Согласно ежемесячному обзору внешней торговли цена в марках 1 000 кг пшеницы была в июне 1912 г. следующая:

Берлин ... 227,82	Нью-Йорк ... 178,08
Мангейм ... 247,93	Лондон ... 170,96
Одесса ... 173,94	Париж ... 243,69

¹ Пеффер, 1 с., Part I: «Where we are», Chapt. II: «Progress of Agriculture», стр. 30-31.

многие фермеры лишаются своих предприятий, а жернова задолженности продолжают их размалывать. Мы находимся в руках беспощадной силы; ферма гибнет»¹.

Задолжавшему и разоренному фермеру оставалось либо только искать побочных заработков в качестве наемного рабочего, либо совершенно бросить свое хозяйство и стряхнуть со своих ног пыль «обетованной страны» – «пшеничного рая», ставшего для него адом, – если только его ферма не попала еще в лапы кредитора из-за его неплатежеспособности, как это имело место с тысячами ферм. В середине 80-х годов можно было наблюдать массу оставленных и запущенных ферм. «Если фермер не в состоянии в установленные сроки уплачивать свои долги, – писал в 1887 г. Зеринг, – то уплачиваемый им процент повышается до 12, 15 и даже 20. Банк, торговец машинами и лавочник напирают на него и похищают у него плоды его тяжелых трудов... Подобный фермер либо остается в этом случае арендатором фермы, либо отправляется дальше на запад, чтобы снова попытаться счастья. В Северной Америке я нигде не встречал так много задолжавших разочарованных и недовольных фермеров, как в пшеничных районах северо-западных прерий; в Дакоте я не видал ни одного фермера, который не выразил бы готовности продать свою ферму»². Комиссар сельского хозяйства в Вермонте в 1889 г. сообщал о частых фактах оставления ферм следующее: «В этом штате можно найти огромные пространства необработанной, но годной к обработке земли, которые можно купить по ценам, приближающимся к ценам на землю в западных штатах; они находятся вблизи от школ и церквей и кроме того удобны в том отношении, что они расположены близ железной дороги. Комиссар посетил не все округа штата, о котором он дает отчет, но он посетил достаточно мест, чтобы убедиться в том, что значительный район оставленных, но прежде обрабатывавшихся земель превратился теперь в пустоши, хотя значительная часть этих земель могла бы при усердной работе давать хороший доход».

Комиссар штата Нью Гэмпшир опубликовал в 1890 г. книгу, в которой 67 страниц заполнены описаниями ферм, которые можно было купить по дешевым ценам. Он описал 1 442 оставленных фермы с жилыми постройками, которые были заброшены совсем незадолго до этого. То же самое имело место в других районах. Тысячи акров пшеничных и маисовых полей лежали невозделанными и превратились в пустоши. Чтобы снова заселить оставленные земли, земельные спекулянты пустили в ход кричащие рекламы и привлекли в страну новые толпы иммигрантов, новые жертвы, которых постигла участь их предшественников и притом в более короткое время³.

«Вблизи железных дорог и рынков, – сообщалось в одном частном письме, – уже нигде нет государственных земель, все они в руках спекулянтов". Поселенец занимает свободную землю и считается фермером. Но хозяйство его в смысле фермерства плохо его обеспечивает, и он никоим образом не может составить конкуренцию круп-

¹ Пеффер, 1. с., стр. 42.

² Sering, Die landwirtschaftliche Konkurrenz Nordamericas, стр. 433.

³ Peffer, 1. с., стр. 35-36.

ному фермеру. Он обрабатывает определенную законом часть своего участка, но упрочение своего благосостояния должен искать на поприщах, посторонних земледелию. В Орегоне, например, мне пришлось встретиться с поселенцем, который в течение пяти лет был собственником 160 акров, но в летнюю пору, в конце июня, он работал на постройке дороги по 12 часов в сутки, за поденную плату в один доллар. Он же, конечно, представлял единицу в числе пяти миллионов фермерских хозяйств, зарегистрированных переписью 1890 г. Или в El Dorado County, например, я видел много таких фермеров, которые возделывали землю только в пределах, чтобы прокормить себя и скотину, а не на продажу сельскохозяйственных продуктов, так как это не представляло бы выгоды; главным источником их заработка является добывание золота на приисках, рубка и продажа леса и дров и т. п. Люди эти живут с достатком, но достатки эти не от земледелия. Два года тому назад мы работали на приисках в Long Canon, El Dorado County, и жили все время в cabin (избе) на участке, владелец которого только раз в год на несколько дней показывался дома, а остальное время работал в Сакраменто на железной дороге. Участок его совсем не возделывался. Несколько лет тому назад небольшая часть его была возделана для удовлетворения требования закона, несколько акров огорожено проволочной оградой, построена изба (log cabin) и сарай. Но за последние годы все это пустует; ключ от избы у соседа, который и отдал избу в наше распоряжение. За время наших странствований мы видели много покинутых участков, на которых были сделаны попытки завести хозяйство. Три года тому назад мне предлагали уступить участок с домом за сто долларов. Впоследствии пустой дом разрушился под тяжестью снега. В Орегоне мы видели много покинутых участков с построенными на них домиками и небольшими огородами. Один из них, в который мы заходили, был построен прекрасно: крепкая, мастерской рукой сложенная бревенчатая изба, прекрасно проконопаченная, с некоторой утварью. И все это было покинуто поселенцем, и всякий мог завладеть всем безвозмездно»¹.

Куда направляется разоренный фермер Соединенных штатов? Он идет со своим посохом вслед за «пшеничным центром» и за железной дорогой. Пшеничный рай сдвигается отчасти в Канаду на Саскачеван и на реку Макензи, где пшеница поспевает даже под 62 градусом северной широты. Сюда следует отчасти фермер Соединенных штатов², чтобы через некоторое время испытать в Канаде ту же судьбу, что и раньше. Канада в последние годы заняла на мировом рынке место в ряду стран, вывозящих пшеницу, но в Канаде в сельском хозяйстве еще больше господствует крупный капитал³.

¹ Цитировано у Николая -она, I. с., стр. 224.

² В Канаду иммигрировало в 1901 г. 49 149 лиц. В 1911 г. сюда иммигрировало свыше 300 000 человек, в том числе 138 000 британских и 134 000 американских эмигрантов. Приток американских фермеров, как сообщают в конце мая 1912 г. из Монреаля, продолжается и этой весной.

³ «Проезжая канадский запад, я посетил только одну ферму, которая охватывает менее 1 000 акров (1 585 прусских моргенов). По Census Dominion of Canada за 1881 г. в Манитобе ко времени регистрации 2 384 337 акров земли находились в руках 9 077 владельцев; на каждого из них приходилось таким

Продажа частнокапиталистическим обществам государственных земель за бесценок практиковалась в Канаде в еще более чудовищных размерах, чем в Соединенных штатах. История с передачей земли канадскому обществу Тихоокеанской железной дороги является чем-то беспрецедентным в деле публичного грабежа, производимого частным капиталом. Этому обществу была обеспечена монополия на постройку железных дорог в течение двадцати лет; в его распоряжение бесплатно была предоставлена вся необходимая для дороги полоса земли приблизительно в 713 английских миль и стоимостью приблизительно в 35 млн. долларов; правительство гарантировало ему 3% дохода на акционерный капитал в 100 млн. долларов на 10 лет, предоставило ему наличными ссуду в 27¹/₂ млн. долларов. Но этого мало, общество получило в подарок 25 млн. акров земли, причем ему было предоставлено выбрать ее из самых плодородных и наилучше расположенных земель, даже из земель, находящихся вне пояса, по которому проходит железная дорога! Таким образом все будущие колонисты огромного района заранее были отданы на гнев и милость железнодорожного капитала. Чтобы получить по возможности скорее деньги, железнодорожная компания со своей стороны продала за бесценок 5 млн. акров «Северо-западной земельной компании», т. е. объединению английских капиталистов под главенством герцога Манчестерского. Второй капиталистической группой, которой в изобилии дарились государственные земли, была «Гудзоновская компания», которая за отказ от привилегий на северо-западе получила право не менее чем на двадцатую часть всех земель, расположенных между озером Виннипег, границей Соединенных штатов, горами Роки и северным Саскачеваном. Обе капиталистические группы таким образом получили пять девятых всех земель, пригодных для колонизации. Из остальных земель государство значительную часть предоставило 26 капиталистическим колонизационным обществам¹. Канадский фермер таким образом почти со всех сторон был запутан сетями капитала и спекуляции, и, несмотря на это, туда идет массовое переселение не только из Европы, но и из Соединенных штатов!

Таков характер господства капитала на мировой арене: вытеснивши английского крестьянина с земли, он гнал его на восток Соеди-

образом не меньше 2 047 акров – средняя величина, которая далеко не достигнута ни в одном из штатов Североамериканского союза» (Sering, I. c., стр. 376). Правда, в начале 80-х годов в Канаде были мало распространены действительно крупные хозяйства, но Зеринг описывает уже одну принадлежащую акционерному обществу «Belle Farm», которая охватывала не менее 22 680 гектаров и была организована совсем по образцу ферм Дэльримпля. Зеринг, который смотрит очень холодно и скептически на перспективы канадской конкуренции, считал, что «плодородный пояс» Западной Канады обнимал в 80-х годах площадь в 311 000 квадратных километров, или область, равную трем пятым Германии; из этой суммы он при наличности экстенсивной культуры клал на настоящую пахотную землю 38,4 млн. акров, а из них на пшеничный район в лучшем случае 15 млн. акров (Sering, I. c., стр. 337-338). По оценке «Manitoba Free Press» от середины июня 1912 г. посевная площадь под яровую пшеницу охватывала в Канаде летом 1912 г. и 2 млн. акров, против 19,2 млн. акров под яровой пшеницей Соединенных штатов. (См. «Berliner Tageblatt», - Handelszeitung, № 35 от 18 июня 1912 г.).

¹ Sering, I. c., стр. 361 и сл.

ненных штатов, с востока он гнал его на запад, чтобы сделать из него на развалинах хозяйства индейцев мелкого товаропроизводителя; с запада он гонит его, опять разоренного, на север; ему предшествует железная дорога и его преследует разорение: капитал тянет его спереди и капитал же подгоняет его сзади. Всеобщее вздорожание продуктов сельского хозяйства сменило глубокое падение цен 90-х годов, но американскому мелкому фермеру столько же мало пользы от этого, как и европейскому крестьянину.

Число ферм растет непрерывно. За последнее десятилетие истекшего столетия оно увеличилось с 4,6 млн. до 5,7 млн., но оно возросло абсолютно и за первое десятилетие текущего века. В то же самое время повысилась и общая стоимость ферм: в продолжение последних десяти лет она возросла с 751,2 млн. долларов до 1 652,8 млн. долларов¹. Всеобщее вздорожание цен на продукты земли должно было, казалось бы, поправить положение фермера. Несмотря на это, мы видим, что число арендаторов среди фермеров растет еще быстрее, чем число фермеров, взятое в целом. Процентное отношение арендаторов к общему числу фермеров в Соединенных штатах за разные годы таково: 1880 г. – 25,5%, 1890 г. – 28,4%, 1900 г. – 35,3%, 1910 г. – 37,2%.

Несмотря на повышение цен на продукты земли, собственники ферм все более уступают место арендаторам. Но эти арендаторы, составляющие теперь значительно больше трети всех фермеров Союза, представляют собой в Соединенных штатах слой населения, соответствующий нашим европейским сельским рабочим; это – настоящие наемные рабы капитала, вечно текучий элемент, который при крайнем напряжении сил создает богатства для капитала, не будучи в состоянии обеспечить самому себе больше чем жалкое и непрочное существование.

Тот же самый процесс в совершенно иных исторических рамках – в Южной Африке – показывает еще яснее «мирные методы» капиталистического соревнования с мелким товаропроизводителем.

До 60-х годов прошлого столетия в Капской колонии и в бурских республиках господствовали чисто крестьянские отношения. Буры долгое время вели жизнь кочующих скотоводов. Они отнимали при этом у готтентотов и у кафров лучшие пастбища, а самих негров по мере сил истребляли или вытесняли. В XVIII столетии большую услугу оказала бурам занесенная кораблями остиндской компании чума: она уносила с лица земли целые роды готтентотов и очищала почву для голландских поселенцев. Распространяясь на Восток, они столкнулись с родами банту и открыли длинный период страшных войн с кафрами. Набожные и твердые в знании священного писания голландцы, которые в качестве «избранного народа» немало гордились своей патриархальной пуританской строгостью нравов, и знанием ветхого завета, не удовлетворились однако похищением земель у туземцев: они подобно паразитам устраивали свое крестьянское хозяйство на спине негров, которых они принуждали к рабскому труду и для этой цели систематически и сознательно портили и

¹ Ernst Schulze, Das Wirtschaftsleben der Vereinigten Staaten. Jahrbuch für Gesetzgeb. Verw. und Volksw. 1912. Heft IV, стр. 1724.

доводили до полного истощения. Водка в этом деле играла настолько существенную роль, что исходившее от английского правительства запрещение водки в Капской колонии потерпело неудачу вследствие сопротивления пуритан. В общем хозяйство буров оставалось до 60-х годов по преимуществу патриархальным и натуральным: ведь первая железная дорога была построена в Южной Африке лишь в 1859 г. Патриархальный характер хозяйства отнюдь не был препятствием для упорства и жестокости буров. Ливингстон, как известно, жаловался на буров больше, чем на кафров. Они настолько были убеждены, что негры являются для них объектом, предназначенным богом и природой для рабского труда, и составляют необходимую основу для крестьянского хозяйства, что они на уничтожение рабства в английских колониях в 1836 г., – несмотря на удовлетворение рабовладельцев 3 млн. фунтов стерлингов, – ответили «великим выселением». Буры оставили Капскую колонию и переселились за Оранжевую реку и Вааль; они прогнали при этом матабелов к северу через Лимпопо и натравили их на макалаков. Как американский фермер под ударами капиталистического хозяйства гнал индейцев на запад, так бур гнал негра на север. «Свободные республики» между Оранжевой и Лимпопо возникли таким образом как протест против удара, нанесенного английской буржуазией священному праву рабовладельца. Маленькие крестьянские республики находились в постоянной партизанской войне с неграми банту. Длившаяся десятилетиями борьба между бурами и английским правительством решалась на спинах негров. Поводом к конфликту между Англией и республиками послужил негрский вопрос, – освобождение негров, которое якобы отстаивала английская буржуазия. На самом деле, крестьянское хозяйство и крупнокапиталистическая колониальная политика вступили здесь между собой в конкурентную борьбу из-за готтентотов и кафров, т. е. из-за их земли и рабочей силы. Цель обоих конкурентов была одна и та же: подчинение, вытеснение или уничтожение черных, разрушение их социальной организации, присвоение их земли и насильственная эксплуатация их труда. Но методы тех и других глубоко различны. Буры отстаивали застарелое рабство в малом масштабе как основу патриархального крестьянского хозяйства; английская буржуазия отстаивала современные капиталистические методы эксплуатации страны и туземцев. Основным законом Трансваальской республики заявил грубо и резко: «Народ не терпит никакого равенства между белыми и черными ни в государстве, ни в церкви». В Оранжевой и в Трансваале ни один негр не имел права владеть землей, разъезжать без паспорта или показываться на улице, когда стемнеет. Брайс рассказывает случай, когда один крестьянин (притом англичанин) восточного Капдэнда избил своего кафра до смерти. Когда этот крестьянин был привлечен к суду и оправдан, его соседи доставили его домой с музыкой. Белые часто пытались избавиться от платы свободным туземным рабочим тем, что они по окончании работ истязаниями принуждали их к бегству.

Английское правительство придерживалось прямо противоположной тактики. Оно долгое время выступало в качестве защитника туземцев, привлекало на свою сторону вождей, поддерживало

их авторитет и пыталось октроировать им право распоряжения землей. Поскольку это было возможно, английское правительство, следуя испытанному методу, превращало вождей в собственников родовых земель, хотя это резко противоречило традициям и действительным социальным отношениям негров. У всех племен земля представляла общую собственность, и даже самые суровые и деспотичные властелины, как вождь матабелов Лобенгула, имели лишь право и обязанность назначать каждой семье участок для обработки, но и этот участок мог оставаться в распоряжении семьи лишь до тех пор, пока она его фактически обрабатывала. Конечная цель английской политики была ясна: она заблаговременно подготавливала грабеж земель в крупном масштабе; вождей туземцев она сделала при этом своим орудием. На первых порах она ограничилась «усмирением» негров при помощи крупных военных операций. До 1879 г. было проведено девять кровопролитных кафрских войн, чтобы сломить сопротивление банту.

Открыто и энергично английский капитал с его действительными намерениями выступил лишь тогда, когда два важных события – открытие алмазных полей Кимберля в 1867-1870 гг. и открытие золотоносных рудников Трансвааля в 1882-1885 гг. – открыли новую эпоху в истории Южной Африки. Вскоре начало действовать Британское южноафриканское общество «Сесиль Родс». В общественном мнении Англии произошел быстрый переворот. Жажда южноафриканских сокровищ заставляла английское правительство предпринимать энергичные мероприятия. Никакие расходы и никакие человеческие жертвы не казались английской буржуазии большими для завоевания южноафриканских земель. В Южную Африку вдруг устремился мощный поток эмигрантов. До тех пор он был незначителен: Соединенные штаты отвлекали европейскую эмиграцию от Африки. Со времени открытия алмазных и золотоносных россыпей число белых в южноафриканских колониях начало расти непрерывно: за 1885 год на одном только Уайт-ватерском берегу высадилось 100 000 англичан. Скромное крестьянское хозяйство было отодвинуто на задний план, и на передний план выступило горное дело, а вместе с ним горнопромышленный капитал.

Английское правительство резко переменяло фронт в своей политике. В 50-х годах Англия зандриверским и блемфонтейнским договорами признала бурские республики. Теперь началось политическое окружение крестьянских государств оккупациями областей, расположенных вокруг маленьких республик; этим самым им была отрезана всякая возможность к расширению; в то же самое время пожирались столь долго защищаемые и покровительствуемые Англией негры. Английский капитал шаг за шагом продвигался вперед. В 1868 г. Англия взяла под свою власть вследствие якобы многократных настоятельных ходатайств туземцев Базутолэнда¹. В 1871 г.

¹ «Moshesh, the great Basuto leader, tho whose courage and statesmanship the Basutos owed their very existence as a people, was still alive at the time, but constant war with the Boers of the Orange Free State had brought him and his followers to the last stage of distress. Two thousand Basuto warriors had been killed, cattle had been carried off, native homes had been broken up and crops destroyed. The tribe was reduced to the position of starving refugees, and nothing

алмазные поля Уайт-ватерского берега были оторваны от Оранжевой республики в виде «West-Griqualand» и превращены в королевскую колонию; в 1879 г. англичане подчинили себе землю зулусов, чтобы присоединить ее впоследствии к колонии Наталь; в 1885 г. была покорена земля бетшванов, присоединенная впоследствии к Капской колонии; в 1887 г. Англия подчинила себе матабелов и машонов; в 1889 г. Британское южноафриканское общество получило чартер на обе эти области, – все это было сделано, конечно, как одолжение туземцам и по их настоятельным просьбам¹; в 1884 и 1887 гг. Англия аннексировала St. Lucia Bai и весь восточный берег вплоть до португальских владений; в 1894 г. она завладела Тонгалендом. Матабелы и машоны пошли на отчаянную борьбу, но общество во главе с Родсом потопило восстание в крови и применило затем испытанный метод цивилизации и усмирения туземцев – в мятежной области были построены две большие железные дороги.

Крестьянским республикам становилось все более и более тесно в этих объятиях. Да и внутри страны все шло вверх дном. Могучий поток эмиграции и волны нового лихорадочного капиталистического хозяйства угрожали разорвать рамки маленьких крестьянских государств. Противоречие между крестьянским хозяйством и потребностями накопления капитала было поистине кричащим. Республики на каждом шагу обнаруживали неспособность служить новым задачам. Неповоротливость и примитивность администрации, постоянная кафрская опасность, на которую Англия не бросала тогда недовольных взоров, коррупция, которая проникла в народные собрания и благодаря взяткам проводила в жизнь волю крупных капиталистов, отсутствие полицейской охраны, которая обуздывала бы общество своевольных авантюристов, недостаток в водоснабжении и в средствах сообщения для обеспечения выросшей внезапно колонии в 100 000 иммигрантов, недостаточные законы по охране труда, которые ставили бы в известные рамки и регулировали бы эксплуатацию негров в горном деле, высокие таможенные пошлины, которые удорожали для капиталистов рабочую силу, высокие фрахты на уголь – все это вылилось во внезапное и ошеломляющее банкротство крестьянских республик.

В своей тупой ограниченности они против поглотившего их потока грязи и лавы капитализма боролись самыми примитивными средствами, – оружием, которое можно найти лишь в арсенале тупоумных и упрямых крестьян; они лишили всяких политических прав массу «уитландцев», которые значительно превосходили их числом и по сравнению с ними были представителями капитала власти и духа времени! Но это была лишь плохая шутка, а времена были серьезные. Дивиденды сильно страдали от крестьянско-республиканского хозяйничанья, Оно стало нестерпимым для капиталисти-

could save them but the protection of the British Government which they had repeatedly implored». (C. P. Lucas, A Historical geography of the British Colonies. Oxford. Vol. IV, стр. 60)

¹ «The eastern section of the territory is Mashonaland, where, with the permission of king Lobengula, who claimed, it, the British South Africa Company first established themselves», (Lukas, l. c., стр. 77).

ческих дивидендов, и горнопромышленный капитал взбунтовался. Британское южноафриканское общество строило железные дороги, умирало кафров, организовывало восстания уитландцев и в конце концов провоцировало бурскую войну. Час крестьянского хозяйства пробил. В Соединенных штатах война была исходной точкой переворота, в Южной Африке она была его концом. Результат был один и тот же – победа капитала над мелким крестьянским хозяйством, которое со своей стороны возникло на обломках примитивных натуральнохозяйственных организаций туземцев. Сопротивление бурских республик против Англии было столь же безнадежно, как сопротивление американского фермера господству капитала в Соединенных штатах. В новом Южноафриканском союзе, который, явившись в результате осуществления империалистической программы Сесилия Родса, поставил на место маленьких крестьянских республик современное крупное государство, капитал уже официально взял на себя командную власть. Старые противоречия между англичанами и голландцами были потоплены в новых противоречиях, – в противоречиях между трудом и капиталом: обе нации запечатали свое трогательное братское единение тем, что один миллион белых эксплуататоров лишил гражданских и политических прав 5 млн. чернокожего рабочего населения. При этом были обойдены не только негры бурских республик: частичное лишение прав захватило и негров Капской колонии, которые в свое время получили от английского правительства политически равноправие. И это благородное дело, которое империалистическая политика консерваторов увенчала бесстыдством и насилием, должно было быть закончено либеральной партией – при исступленных рукоплесканиях «либеральных кретинов Европы», которые с гордостью и умилением смотрели на полное самоуправление и на свободу, дарованные Англией горсточке белых в Южной Африке, – как показатель того, какая творческая сила и какое величие живут еще в английском либерализме.

Разорение самостоятельного ремесла конкуренцией капитала представляет собою менее бурный, но не менее мучительный процесс. Домашняя капиталистическая промышленность является самой темной его стороной. Но на этом вопросе останавливаться излишне.

Общий результат борьбы между капитализмом и простым товарным хозяйством заключается в следующем: поставивши товарное хозяйство на место натурального, капитал сам становится на место простого товарного хозяйства. Следовательно, если капитализм живет некапиталистическими формациями, то он, точнее говоря, живет разорением этих формаций, и если ему для накопления безусловно необходима некапиталистическая среда, то она нужна ему как питательная почва; за счет высасывания ее соков совершается накопление. С точки зрения исторической, накопление капитала является процессом обмена веществ между капиталистическими и докапиталистическими способами производства. Без докапиталистических способов производства накопление не может иметь места, само накопление состоит, с этой точки зрения, в разъедании и ассимилировании этих способов производства. Поэтому накопление капитала без некапита-

листических формаций так же невозможно, как невозможно дальнейшее существование этих последних рядом с капиталистическим накоплением. Лишь в постоянном прогрессирующем разрушении некапиталистических формаций даны условия для накопления капитала.

Итак то, что Маркс принял как предпосылку своей схемы накопления, соответствует лишь объективной исторической тенденции процесса накопления и его теоретическому конечному результату. Процесс накопления имеет тенденцию ставить всюду на место натурального хозяйства простое товарное хозяйство, на место последнего – капиталистическое хозяйство: он стремится осуществить во всех странах и отраслях абсолютное господство капиталистического производства как единственного и исключительного способа производства.

Но здесь начинается тупик. Раз конечный результат достигнут, – что является, однако, теоретической конструкцией, – накопление становится невозможным: реализация и капитализация прибавочной стоимости превращаются в неразрешимую задачу. Марксова схема расширенного воспроизводства в момент ее соответствия действительности означает исход, историческую грань процесса накопления и, следовательно, конец капиталистического производства. Невозможность накопления означает с капиталистической точки зрения невозможность дальнейшего развития производительных сил и, следовательно, объективную историческую необходимость гибели капитализма. Отсюда вытекает полное противоречий движение последней империалистической фазы капитала как заключительного периода его исторического пути.

Итак, марксова схема расширенного воспроизводства не соответствует условиям накопления, пока оно прогрессирует: оно не может происходить при наличии определенных взаимоотношений и зависимостей, существующих между обоими крупными подразделениями общественного производства (между подразделением средств производства и подразделением средств существования), как они формулированы в схеме. Накопление является не только внутренним отношением между отраслями капиталистического хозяйства: оно прежде всего является отношением между капиталом и некапиталистической средой; в этой среде каждая из обеих крупных отраслей производства отчасти может вести процесс накопления самостоятельно независимо от другой, причем движения обеих отраслей на каждом шагу перекрещиваются и поглощают друг друга. Вытекающие отсюда запутанные отношения, различие в темпе и направлении хода накопления в обоих подразделениях, их вещественные отношения и отношения стоимости с некапиталистическими формами производства не поддаются точному схематичному выражению. Марксова схема накопления является лишь теоретическим выражением для того момента, когда господство капитала достигает своей последней грани. В этом смысле она является такой же научной фикцией, как его схема простого воспроизводства, которая дает теоретическую формулировку исходной точки капиталистического производства. Но между этими двумя фикциями заключается точное познание накопления капитала и его законов.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЗАЕМ

Империалистическая фаза накопления капитала, или фаза мировой конкуренции капитала, совпадает с индустриализацией и капиталистической эмансипацией прежних гинтерландов капитала, в которых происходила реализация его прибавочной стоимости. Специфическими методами действия для этой фазы являются иностранные займы, постройка железных дорог, революции и войны. Последнее десятилетие, с 1900 по 1910 г., в особенности характерно для империалистического мирового движения капитала в Азии и части Европы, граничащей с Азией, – в России, в Турции, в Персии, в Индии, в Японии, в Китае, равно как в Северной Африке. Как расширение товарного хозяйства за счет натурального и капиталистического производства за счет простого товарного производства осуществлялось при помощи войн, социальных кризисов и уничтожения целых социальных формаций, так превращение экономических гинтерландов и колоний в капиталистические самостоятельные единицы протекает в связи с революциями и войнами. Революция необходима в процессе капиталистической эмансипации гинтерландов для того, чтобы взорвать сохранившиеся со времен натурального и простого товарного хозяйства, а потому устаревшие государственные формы и создать современный государственный аппарат, приспособленный для целей капиталистического производства. Сюда относятся русская, турецкая и китайская революции. Тот факт, что эти революции – в особенности русская и китайская – одновременно с прямыми политическими требованиями господства капитала сопровождаются отчасти разными устаревшими докапиталистическими претензиями, отчасти совершенно новыми, направленными против господства капитала противоречиями, обуславливает их глубину и их могущественную силу, но затрудняет и тормозит их победоносное шествие. Война является обыкновенно методом молодого капиталистического государства, чтобы сбросить опеку старых капиталистических стран; это – боевое крещение и проба капиталистической самостоятельности современного государства. Поэтому военная реформа, а вместе с тем реформа финансовая являются повсюду введением в процесс развития хозяйственной самостоятельности соответствующих стран.

Развитие железнодорожной сети приблизительно отражает степень проникновения капитала. Железнодорожная сеть росла быстрее всего в 40-х годах в Европе, в 50-х годах в Америке, в 60-х годах в Азии, в 70-х и 80-х годах в Австралии и в 90-х годах в Африке¹.

¹ Длина железнодорожной сети в км измерялась:

	в Европе	в Америке	в Азии	в Африке	в Австралии
1840 г.	2 925	4 754	–	–	–
1850 »	23 504	15 064	–	–	–
1860 »	51 862	53 935	1 393	455	367
1870 »	104 914	93 139	8 185	1 786	1 765
1880 »	168 983	174 666	16 287	4 646	7 847
1890 »	263 869	351 417	33 724	9 386	18 889
1900 »	283 878	402 171	60 301	20 114	24 014
1910 »	333 848	526 382	101 916	36 854	31 014

Связанные с постройкой железных дорог и с вооружениями государственные займы во всех странах сопровождают все стадии накопления капитала – введение товарного хозяйства, индустриализацию стран, капиталистическое революционизирование сельского хозяйства и эмансипацию молодых капиталистических государств. Функции займа в капиталистическом накоплении весьма многообразны: он превращает в капитал деньги, деньги некапиталистических слоев, деньги как товарный эквивалент (сбережения людей мелкого достатка) или деньги, образующие потребительный фонд элементов, близких к классу капиталистов; он превращает денежный капитал в производительный посредством государственного железнодорожного строительства и военных поставок; он переносит накопленный капитал из старых капиталистических стран в молодые. Заем переносил капитал в XVI и в XVII столетиях из итальянских городов в Англию, в XVIII столетии из Голландии в Англию, в XIX столетии из Англии в американские республики и в Австралию, из Франции, Германии и Бельгии в Россию, а в настоящее время из Германии в Турцию, из Англии, Германии и Франции в Китай и при посредничестве России в Персию.

В период империализма внешний заем играет исключительную роль как средство, способствующее превращению молодых капиталистических государств в самостоятельные единицы. Полное противоречий содержание империалистической фазы ясно проявляется в противоречиях современной системы внешних займов. Внешние займы необходимы для эмансипации восходящих капиталистических государств, но они в то же время являются для старых капиталистических государств вернейшим средством для того, чтобы установить опеку над молодыми странами, чтобы контролировать их финансы и оказывать давление на их внешнюю, таможенную и торговую политику. Они являются лучшим средством для того, чтобы открывать для накопленного капитала старых стран новые сферы приложения и в то же время создавать для этих стран новых конкурентов, для того, чтобы расширять поле деятельности накопления капитала и в то же время суживать его.

Эти противоречия международной системы займов являются лучшим показателем того, насколько условия реализации и условия капитализации прибавочной стоимости не совпадают во времени и в пространстве. Реализация прибавочной стоимости требует только всеобщего расширения товарного производства, напротив того, его капитализация требует прогрессивного вытеснения простого товарного производства капиталистическим. Вследствие этого реализация и капитализация прибавочной стоимости втискиваются во все более узкие рамки. Это явление отражается во вложении междуна-

Прирост в процентах исчисляется соответственно этому в следующих цифрах:

	в Европе	в Америке	в Азии	в Африке	в Австралии
1840-50 гг.	710	215	–	–	–
1850-60 »	121	257	–	–	–
1860-70 »	102	73	486	350	350
1870-80 »	61	88	99	166	333
1880-90 »	32	89	107	104	142
1890-1900	27	21	79	114	27

родного капитала в постройку мировой железнодорожной сети. От 30-х до 60-х годов XIX столетия постройка железных дорог и заключавшиеся для этого займы служили главным образом для вытеснения натурального хозяйства и для расширения товарного. Такова была роль североамериканских железных дорог, построенных за счет европейского капитала, и русских железнодорожных займов 60-х годов. Напротив того, железнодорожное строительство в Азии – приблизительно за последние 20 лет – и в Африке служит почти исключительно целям империалистической политики, хозяйственному монополизированию и политическому подчинению гинтерландов. Такова же роль восточноазиатского и среднеазиатского железнодорожного строительства России. Военная оккупация Манчжурии Россией была, как известно, подготовлена отправкой войск для охраны русских инженеров, работавших на постройке Манчжурской железной дороги. Такой же характер носят гарантированные Россией железнодорожные концессии в Персии, немецкие железнодорожные предприятия в Малой Азии и в Месопотамии и английские и немецкие железнодорожные предприятия в Африке.

Здесь нужно рассмотреть одно недоразумение, касающееся приложения капиталов в чужих странах и спроса, исходящего от этих стран. Вывоз английского капитала в Америку играл огромную роль уже в начале 20-х годов прошлого столетия; он был в значительной степени виной первого настоящего торгово-промышленного кризиса, разразившегося в Англии в 1825 г. С 1824 г. лондонская биржа была наводнена южноамериканскими ценными бумагами. В 1824-1825 гг. вновь образовавшиеся штаты Южной и Центральной Америки заключили в Лондоне государственные займы свыше чем на 20 миллионов фунтов стерлингов. Кроме того в Лондоне было размещено огромное количество южноамериканских промышленных и других акций. Внезапный подъем и открытие южноамериканских рынков со своей стороны вызвали сильное повышение вывоза английских товаров в южноамериканские и центральноамериканские государства. Вывоз британских товаров в эти страны исчислялся: в 1821 г. 2,9 млн. фунт, ст., в 1825 г. 6,4 млн. фунт. ст.

Главным предметом вывоза были здесь хлопчатобумажные ткани. Под влиянием сильного спроса английское хлопчатобумажное производство очень быстро расширилось. Было основано много новых фабрик. Стоимость обработанного в Англии хлопка-сырца составляла: в 1821 г. 129 млн. фунт, ст., в 1825 г. 167 млн. фунт. ст.

Таким образом все элементы для кризиса были подготовлены. Туган-Барановский предлагает здесь вопрос: «Откуда же взяли южноамериканские государства в 1825 г. средства для покупки вдвое большего количества английских товаров, чем в 1821 г.? Средства эти были даны самими англичанами. Займы, которые заключались ими на лондонской бирже, служили для уплаты за ввезенные товары. Английские фабриканты были обмануты ими же самими созданным спросом и в скором времени должны были на опыте убедиться в неосновательности своих чрезмерных надежд»¹.

¹ Tugan-Baranowsky, Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen, стр. 74, ср. русск. изд. 1914 г., стр. 39.

Тот факт, что южноамериканский спрос на английские товары был вызван английским капиталом, Туган рассматривает как нездоровое, ненормальное экономическое явление. Он бессознательно перенимает здесь взгляд теоретика, с которым он не желает иметь ничего общего. Концепция, согласно которой английский кризис 1825 г. можно объяснить «исключительным развитием» отношений между английским капиталом и южноамериканским спросом, всплыла уже во время этого кризиса. Не кто иной, как Сисмонди, поставил тот же вопрос, что и Туган-Барановский, и во втором издании своих «Новых начал» описал эти явления со всеми подробностями.

«Мне представляется, что открытие огромного рынка, который испанская Америка предоставила продуктам промышленности, оказало самое существенное влияние на новое усиление английских мануфактур. Английское правительство придерживалось того же взгляда; за 7 лет, протекших со времени кризиса 1818 г., было затрачено огромное количество энергии, чтобы распространить английскую торговлю на самые отдаленные районы Мексики, Колумбии, Бразилии, Рио де ла Платы, Чили и Перу. Прежде чем министерство решило признать эти новые государства, оно уже приняло меры, чтобы защитить английскую торговлю занятием морских станций, которые долгое время были заняты линейными кораблями; при этом командиры этих кораблей имели больше дипломатической власти, чем военной. Английское министерство пренебрегло криками Священного Союза и признало новые республики в тот самый момент, когда вся Европа решила их уничтожить. Но как бы то ни были велики рынки, предоставленные свободной Америкой, они не оказались бы в состоянии поглотить все товары, произведенные Англией сверх ее собственных потребностей, если бы займы новых республик не вызвали внезапно огромного увеличения их средств для покупки английских товаров. Каждое американское государство занимало у англичан деньги, чтобы укрепить свое правительство, и хотя эти деньги составляли капитал, но они были истрачены непосредственно в том же году, как затрачивается доход, т. е. они были затрачены на покупку за общественный счет английских товаров или на уплату за товары, отправленные за счет частных лиц. В то же самое время была основана масса обществ с огромными капиталами для эксплуатации всех американских рудников, но все деньги, которые они затратили, тотчас же вошли в приход Англии; они пошли на уплату за машины, которые эти общества употребляли, или за товары, которые были отправлены туда, где эти машины должны были работать. Пока длилась эта необыкновенная торговля, во время которой англичане требовали от американцев, чтобы они на английский капитал покупали английские же товары, развитие английских мануфактур казалось блестящим. Потребление определялось уже не доходом, а английским капиталом; англичане, покупавшие и платившие за собственные товары, отправленные в Америку, только лишили себя удовольствия самим потребить эти товары»¹. Сисмонди делает отсюда характерный для него вывод, что только доход, т. е. личное потреб-

¹ Сисмонди, *Nouveaux principes*, т. II, кн. 4, гл. 4: «Купеческое богатство следует за ростом дохода».

ление, образует действительную границу для капиталистического сбыта, и пользуется этим примером, чтобы лишний раз предостеречь от накопления.

В действительности явление, предшествовавшее кризису 1825 г., до сих пор осталось типичным для периода подъема и экспансии капитала, а «исключительное» отношение образует одно из самых существенных основ накопления капитала. Специально в истории английского капитала это явление повторяется регулярно перед каждым кризисом, как это доказывает сам Туган-Барановский следующими цифрами и фактами. Непосредственной причиной кризиса 1836 г. было переполнение рынка Соединенных штатов английскими товарами. Но и здесь эти товары покупались на английские деньги. Ввоз товаров в Соединенные штаты превышал в 1834 г. их вывоз на 6 млн. долларов, но в то же самое время ввоз благородных металлов превышал вывоз последних почти на 16 млн. долларов. Еще в год кризиса – в 1836 г. – избыток ввоза товаров составлял 52 млн. долларов, и тем не менее избыток ввоза благородных металлов равнялся еще 9 млн. долларов. Эти потоки денег и долларов шли главным образом из Англии, где производилась массовая покупка железнодорожных акций Соединенных штатов. За 1835-1836 гг. в Соединенных штатах был основан 61 новый банк с капиталом в 52 млн. долларов по преимуществу английского происхождения. Следовательно, англичане и на этот раз сами оплачивали свой вывоз. Беспрецедентный промышленный подъем на севере Соединенных штатов в конце 50-х годов, – подъем, повлекший за собой в конечном итоге гражданскую войну, – также происходил за счет английского капитала, который опять создал в Соединенных штатах расширенный рынок для английской промышленности.

Не только английский, но и капитал остальной Европы принимал сильное участие в этой «необыкновенной торговле»; по словам Шефле, за 5 лет, с 1849 г. по 1854 г., на разных европейских биржах было приобретено американских ценностей не менее чем на миллиард гульденов. Вызванное одновременно с этим оживление мировой промышленности также разрешилось мировым крахом 1857 г. В 60-х годах английский капитал спешит создавать те же отношения не только в Соединенных штатах, но и в Азии. Он массами устремляется в Малую Азию и в Остиндию, предпринимает здесь грандиозные постройки железных дорог – длина железнодорожной сети Британской Индии равнялась в 1860 г. 1 350 км, в 1870 – 7 683 км, в 1880 – 14 977 км и в 1890 – 27 000 км. Благодаря этому сразу же появился усиленный спрос на английские товары. Но в то же самое время английский капитал тотчас же по окончании гражданской войны вновь устремляется в Соединенные штаты. Огромные постройки железных дорог в Соединенных штатах в 60-х и 70-х годах – длина железнодорожной сети равнялась в 1850 году 14 151 км, в 1860 – 49 292 км, в 1870 – 85 139 км, в 1880 – 150 717 км и в 1890 – 268 409 км – производились опять-таки главным образом за счет английского капитала. Но в то же самое время материалы для этих дорог получались тоже из Англии. Это было главной причиной быстрого развития угольной и железодельной промышленности в Англии и потрясений в этих отраслях, вызванных американскими кризисами 1866,

1873 и 1884 гг. Здесь происходило буквально то же самое, что Сисмонди представлялось очевидным сумасбродством: англичане строили в Соединенных штатах железные дороги из собственного железа и прочего материала, платили себе за это своими собственными деньгами, но только лишали себя «удовольствия» пользоваться этими железными дорогами. Но это сумасбродство, несмотря на всякие периодические кризисы, настолько пришлось по вкусу европейскому капиталу, что лондонская биржа в середине 70-х годов была охвачена настоящей горячкой заграничных займов. В 1870-1875 гг. в Лондоне было заключено таких займов на 260 миллионов фунтов стерлингов. Их прямым последствием был остро возрастающий вывоз английских товаров в экзотические страны; капитал устремлялся туда массами несмотря на то, что эти страны время от времени становились банкротами. В конце 70-х годов Турция, Египет, Греция, Боливия, Коста-Рика, Эквадор, Гондурас, Мексика, Парагвай, Перу, С. Доминго, Уругвай и Венесуэла частично или целиком прекращали уплату процентов. Несмотря на это, в конце 80-х годов повторяется горячка экзотических государственных займов: южноамериканские государства и южноафриканские колонии поглощают огромные количества европейского капитала. Так, например, займы Аргентинской республики равнялись: в 1874 г. 10 млн. фунт, ст., в 1890 г. 59,1 млн. фунтов ст.

Англия и здесь строит железные дороги из собственного железа и собственного угля и платит за это собственными деньгами. Длина аргентинской железнодорожной сети равнялась в 1883 г. 3 123 км, в 1893 г. – 13 691 км.

В то же самое время английский вывоз возрастал согласно следующей таблице (в млн. фунт, ст.):

	в 1886 г.	в 1890 г.
Железо	21,8	31,6
Машины	10,1	16,4
Уголь	9,8	19,0

Весь вывоз Англии в Аргентину составлял в 1885 г. 4,7 млн. фунт, ст., а 4 года спустя – уже 10,7 млн. фунт. ст.

В то же самое время английский капитал при посредстве государственных займов устремлялся в Австралию. Займы трех австралийских колоний – Виктории, Нового Южного Уэльса и Тасмании – составляли в конце 80-х годов 112 млн. фунт. ст., причем 81 млн. был затрачен на железные дороги. Длина австралийской сети равнялась: в 1880 г. 4 900 милям, в 1895 г. 15 600 милям.

Англия и здесь поставляла одновременно и капитал, и материалы для постройки железных дорог. Потому Англия тоже была втянута в водоворот кризисами 1890 г. в Аргентине, Трансваале, Мексике и Уругвае и австралийским кризисом 1893 г.

В последние два десятилетия в этом отношении изменилось только то, что рядом с английским капиталом на иностранные предприятия и в особенности на займы шли в значительных количествах капиталы немецкие, французские и бельгийские. Постройка железных дорог в Малой Азии с 50-х до конца 80-х годов была выполнена английским капиталом. С тех пор в малой Азии упрочился германский капитал,

в новой стране новую возможность производить и реализовать прибавочную стоимость, т. е. продолжать накопление. Новые страны охватывают новые большие области с натуральнохозяйственными отношениями, которые превращаются в товарнохозяйственные, или с товарнохозяйственными отношениями, которые вытесняются капиталом. Железнодорожное строительство и горное дело (в особенности золотопромышленность), характерные для приложения капитала старых капиталистических стран в молодых странах, обладают свойством вызывать в среде господствовавших раньше натуральнохозяйственных отношений оживленный товарообмен; обе эти отрасли характерны в истории хозяйства как начало быстрого разложения старых экономических формаций, социальных кризисов и зарождения современных отношений, т. е. прежде всего товарного хозяйства, а затем капиталистического производства.

Роль внешних займов и вложение капиталов в иностранные железнодорожные и горнопромышленные акции служат поэтому лучшей критической иллюстрацией к марксовой схеме накопления. В этих случаях расширенное воспроизводство капитала представляет собой капитализацию уже раньше реализованной прибавочной стоимости (поскольку иностранные займы и заграничные акции не покрываются мелкобуржуазными и полупролетарскими сбережениями). Момент, обстоятельства и форма реализации капитала, текущего из старых стран в новые, не имеют ничего общего с теперешним поприщем накопления. Тот самый английский капитал, который устремлялся в Аргентину для железнодорожного строительства, мог быть раньше индийским опиумом, реализованным в Китае. Далее английский капитал, строящий в Аргентине железные дороги, является капиталом английского происхождения не только по своей чистой форме стоимости как денежный капитал: его вещественная форма – железо, уголь, машины и т. д. – тоже происходит из Англии, т. е. потребительная форма прибавочной стоимости уже заранее создается в Англии в форме, соответствующей целям накопления. Рабочая сила – потребительная форма переменного капитала – здесь большею частью чужая: капитал старых стран подчиняет себе в новых странах туземные рабочие силы как новый объект эксплуатации. Для простоты исследования мы можем однако принять, что рабочие силы того же происхождения, что и капитал. На самом деле вновь открытые золотосодержащие рудники, например, вызывают – особенно первое время – массовую иммиграцию из старых капиталистических стран, и в них работают главным образом рабочие силы этих стран. Мы можем следовательно взять случай, когда денежный капитал, средства производства и рабочие силы новой страны происходят из старой капиталистической страны, скажем, из Англии. В Англии в таком случае были налицо все материальные предпосылки накопления: реализованная прибавочная стоимость в виде денежного капитала, прибавочный продукт в производительной форме и, наконец, резервы рабочих. И тем не менее накопление в Англии не могло происходить: Англии и ее прежним покупателям не нужно было никаких железных дорог и никакого расширения промышленности. И только подъем новых областей с большими районами некапиталистической культуры создал для капитала расширенный

круг

потре-

бителей и сделал для него возможным расширенное воспроизводство, т. е. накопление.

Кто собственно эти новые потребители? Кто платит в последнем счете за внешние займы и реализует прибавочную стоимость основанных за счет этих займов капиталистических предприятий? История международных займов в Египте дает классический ответ на этот вопрос.

Три ряда фактов, взаимно переплетающихся, характеризуют внутреннюю историю Египта во второй половине XIX столетия: современные капиталистические предприятия крупнейшего масштаба, лавинообразный рост государственного долга и крушение крестьянского хозяйства. В Египте до последнего времени существовал барщинный труд; по отношению к земельной собственности велась самая бесцеремонная политика насилия со стороны вали, а затем хедива. Но как раз эти примитивные отношения сулили самую благотворную почву для операций европейского капитала. С экономической точки зрения здесь речь могла идти вначале только о том, чтобы создать условия для денежного хозяйства. Эти условия и были созданы путем прямого насилия со стороны государства. Мегмед-Али, творец современного Египта, применял при этом до 30-х годов метод, отличавшийся патриархальной простотой: он от имени государства «покупал» ежегодно у феллахов всю их жатву, чтобы потом продавать им из нее по повышенным ценам минимум, необходимый для их существования и для обсеменения полей. Он выписал остиндский хлопок, американский сахарный тростник, индиго и перец, и от имени государства указал феллахам, какие именно из этих растений сеять и в каком количестве; хлопок и индиго при этом объявлены были монополией правительства: они могли продаваться только правительству, и, следовательно, правительством уже перепродавались. Таким путем в Египте была введена торговля. Правда, Мегмед-Али потрудился немало и над поднятием производительности труда: он заставил раскопать старые каналы, рыть колодцы, а, главное, начал постройку грандиозных нильских водных сооружений у Калиуба, открывших серию огромных капиталистических предприятий в Египте. Эти последние распространились на четыре крупные области: на оросительные работы, между которыми первое место занимают сооружения у Калиуба, строившиеся от 1845 до 1853 г. и поглотившие, помимо неоплаченного крепостного труда, 50 млн. марок, – чтобы оказаться, впрочем, негодными; далее – на пути сообщения, между которыми Суэцкий канал был самым важным и в истории Египта самым роковым предприятием; затем – на хлопчатобумажные плантации и, наконец, на сахарное производство. С постройкой Суэцкого канала Египет всунул свою голову в петлю английского капитала, из которой он уже не сумел ее вытащить. Начало было сделано французским капиталом, за которым немедленно последовал английский; конкурентная борьба между ними проходит через все внутренние смуты Египта следующих 20 лет. Операции французского капитала, построившего как огромные нильские оросительные сооружения, оказавшиеся негодными, так и Суэцкий канал, были, быть может, самыми своеобразными образцами накопления европейского капитала за счет примитивных отношений. За благодеяние, вы-

разившееся в прорытии канала, который должен был отвлечь от Египта европейско-азиатскую торговлю и весьма чувствительно затронуть его собственное участие в этой торговле, Египет обязался, во-первых, предоставить бесплатно на ряд лет барщинный труд 20 000 крестьян и, во-вторых, принять на 70 млн. марок акций, т. е. на 40% всего капитала Суэцкой компании. Эти 70 млн. стали основой колоссального государственного долга Египта – долга, из-за которого Египет двадцать лет спустя подвергся военной английской оккупации. В оросительных работах наступил внезапно крупный переворот: старинные «сакии», т. е. черпалки, которые приводились в движение волами и которые в количестве 50 000 штук работали по 7 месяцев в году в одной только дельте, были отчасти заменены мощными паровыми насосами. Сообщение по Нилу между Каиром и Асуаном поддерживалось теперь современными пароходами. Но величайший переворот в хозяйственном отношении Египта принесло с собой разведение хлопка. Результатом американской войны за освобождение негров и хлопкового голода в Англии, поднявшего цены за килограмм хлопка с 60-80 пфеннигов до 4-5 марок, было лихорадочно быстрое разведение хлопка в Египте. Все сеяли хлопок, но в особенности этим занималась вице-королевская семья. Грабеж земли в крупном масштабе, конфискация, вынужденная «покупка» или простое хищение в очень короткое время вызвали колоссальное увеличение вице-королевских земель. Бесчисленное множество деревень превратилось внезапно в королевскую частную собственность, и никто не был в состоянии объяснить правовую основу этого явления. Все эти колоссальные пространства в короткое время должны были быть использованы для хлопчатобумажных плантаций. Но это поставило на голову всю технику традиционного египетского сельского хозяйства. Устройство плотин для защиты хлопковых полей от регулярных разливов Нила, обильное и регулируемое искусственное орошение, глубокая и основательная вспашка, которой феллах, царапающий слегка плугом свою землю, не знал со времен фараонов, и, наконец, интенсивная работа при жатве, – все это предъявляло огромные требования к рабочей силе Египта. Но этой рабочей силой было все то же крепостное крестьянство: государство присвоило себе неограниченное право распоряжения его силами. Феллахи уже тысячами были согнаны, чтобы работать в качестве крепостных на постройке водных сооружений у Калиуба и на постройке Суэцкого канала; теперь их силы потребовались для сооружения плотин, для прорытия каналов и для работ на плантациях вице-королевских владений. Те 20 000 рабов, которых хедив отдал в распоряжение Суэцкого общества, потребовались теперь ему самому, и следствием этого был первый конфликт с французским капиталом. Приговор Наполеона III присудил Суэцкому обществу 67 миллионов марок отступных. Хедив легко согласился на это потому, что эти деньги в конце концов должны были быть выколочены из тех же самых феллахов, из-за рабочей силы которых шел спор. Но вот пошли оросительные работы. Для них из Англии и из Франции была доставлена масса паровых машин – центробежных насосов и локомотивов. Многие сотни этих машин доставлялись из Англии в Александрию и отправлялись затем на пароходах, на нильских судах и на горбах верблюдов

по

всем направлениям внутрь страны. Для обработки земли потребовались паровые плуги, в особенности благодаря чуме рогатого скота, которая погубила в 1864 г. весь скот. Эти машины также привозились большей частью из Англии. Фоулеровское предприятие достигло внезапно колоссального расширения, особенно благодаря заказам вице-короля, которые покрывались за счет Египта¹.

Третьим родом машин, которые массами понадобились вдруг в Египте, были аппараты для очистки и прессы для упаковки хлопка. Эти машины дюжинами устанавливались в городах дельты. Сагасит, Танта, Самануд и другие города начали дымиться, как английские фабричные города. Огромные достояния через банки устремлялись в Александрию и в Каир.

Крушение хлопчатобумажной спекуляции произошло уже в следующем году, когда цены на хлопок упали после заключения мира в Соединенных штатах в несколько дней с 27 пенсов за фунт до 15-12 и в конце концов до 6 пенсов. В следующем году Измаил-паша набросился на новую спекуляцию – на производство тростникового сахара. Теперь, после того как южные штаты Северной Америки потеряли своих рабов, Египту, который пользовался крепостным трудом феллахов, стало выгодно с ними конкурировать. Египетское сельское хозяйство второй раз было поставлено на голову. Французские и английские капиталисты нашли новое поле для

¹ «Между Каиром, Лондоном и Лидсом, – рассказывает представитель фоулеровской фирмы инженер Euth, – начались лихорадочные телеграфные сношения». «К какому сроку Фоулер может доставить 150 паровых плугов?» – Ответ: «В один год. Напряжение всех сил гарантировано». – «Это нас не удовлетворяет: 150 паровых плугов весной должны быть доставлены в Александрию!» – Ответ: «Невозможно». Фоулеровский завод при своем тогдашнем оборудовании мог изготовлять в неделю едва три паровых плуга. К тому же надо обратить внимание на то, что каждая такая машина стоила 50 000 марок и что речь шла о заказе на сумму в 7½ млн. марок. – Следующая телеграмма Измаил-паши: «Сколько будет стоить немедленное расширение завода? Вице-король готов доставить для этого необходимые деньги». Вы можете себе представить, что в Лидсе ковали железо – пока горячо. Но и другие заводы Англии и Франции нашли повод для производства паровых плугов. Александрийский арсенал – место выгрузки вице-королевского добра – был наполнен до потолка котлами, колесами, барабанами, проволочными канатами, судками и всякого рода ящиками; каирские гостиницы второго разряда были заполнены вновь испеченными для управления паровыми плугами машинистами, которые были спешно набраны из слесарей и кузнецов, из крестьянских парней и полных надежд молодых людей – мастеров на все руки, ибо на каждом паровом плуге должен был сидеть по крайней мере один знающий дело пионер цивилизации. Эффенди отправляли все это беспорядочными массами из Александрии вглубь страны, чтобы только выиграть место и по крайней мере дать возможность выгрузить следующий прибывающий пароход. Как все это прибывало на место назначения или, вернее, не на место назначения, об этом они не имели никакого понятия. В одном месте на берегу Нила лежало десять котлов, десятью милями дальше относящиеся к ним машины; в одном месте лежала куча проволочных канатов, а на расстоянии 20 часов езды вверх по течению – барабаны (лебедки) для этих канатов. Тут на горе французских ящиков сидит в отчаянии голодный английский монтер, в другом месте другой монтер предаётся пьянству. Эффенди и катибы, взывая к аллаху о помощи, разъезжали туда и обратно между Сиутом и Александрией и заготавливали бесконечные списки вещей, о названиях которых они не имели никакого понятия, но часть этих аппаратов все-таки была приведена в движение. Паровой плуг дымился на полях верхнего Египта; *civilisation et progrès* еще раз сделали шаг вперед». («Lebendige Kräfte, sieben Vortirage aus dem Oebiete der Technik», Berlin 1908, стр. 219).

быстрого накопления. В 1868 и в 1869 гг. было заказано 18 гигантских сахарных заводов, с ежедневной производительностью в 20 000 кг каждый, – следовательно, с производительностью, которая в четыре раза превосходила производительность самых крупных из известных до тех пор предприятий. Из этих 18 заводов 6 было заказано в Англии, 12 – во Франции. Но вследствие франкопрусской войны большая часть заказов перешла к Англии. Вдоль Нила через каждые десять километров должно было быть построено по одному заводу, и каждый завод должен был быть центральным пунктом участка в 10 квадратных километров, который поставлял бы сахарный тростник. Каждый завод при работе полным ходом нуждался ежедневно в 2 000 тонн сахарного тростника. В то время как сотни старых паровых плугов хлопчатобумажного периода лежали сломанными в разных местах, была заказана сотня новых плугов для разведения сахарного тростника. Феллахи тысячами сгонялись на плантации, в то время как тысячи тех же феллахов трудились над постройкой канала Ибрагима. Палка и хлыст из кожи гиппопотама работали во-всю. Скоро возник вопрос насчет средств сообщения; для того, чтобы доставлять на заводы сырье, каждый завод надо было немедленно окружить сетью железных дорог, потребовались переносные полевые железные дороги, проволочно-канатные дороги и локомотивы для обыкновенных дорог (Strassenlokomotive). Эти колоссальные заказы тоже выпали на долю английского капитала. В 1872 г. была открыта первая гигантская фабрика. На первых порах при перевозках работало 4 000 верблюдов. Но обеспечение производства достаточным количеством тростника оказалось невозможным. Рабочий персонал был совершенно не приспособлен: крепостной феллах не мог под влиянием кнута превратиться в промышленного рабочего. Предприятие это рухнуло, и многие заказанные машины даже не были изготовлены. Сахарными спекуляциями в 1873 г. закончился период грандиозных капиталистических предприятий в Египте.

Кто давал капитал для этих предприятий? Международные займы. За год до своей смерти (1863 г.) Саид-паша заключил первый заем, который номинально равнялся 66, а фактически – за вычетом комиссионных, дисконтных и т. д. – 50 млн. марок наличными. Он завещал Измаилу этот долг и суэцкий договор, который в конечном итоге взвалил на Египет долг в 340 млн. марок. В 1864 г. был заключен первый заем Измаила, равный номинально 114 млн. из 7%, а фактически, наличными, 97 млн. из $8\frac{1}{4}\%$. Этот заем был израсходован в течение одного года; 67 млн. ушли на отступные Суэцкому обществу, а остаток был поглощен главным образом хлопчатобумажными предприятиями. В 1865 г. последовал первый так называемый даирский заем, заключенный через англо-египетский банк под залог частной собственности хедива; он равнялся номинально 68 млн. из 9%, а в действительности 50 млн. из 12%. В 1866 г. через фирму «Фрилинг и Решен» был заключен новый заем номинально на 60 миллионов, а наличными 52 миллиона. В 1867 г. через оттоманский банк был заключен еще заем номинально на 40 млн., а фактически на 34 млн. Текущий долг равнялся в то время 600 млн. Для консолидации части этого долга в 1868 г. через банкирский дом «Оппенгейм и племянник» был заключен огромный заем на номинальную сумму

в 238 млн. из 7%; в действительности Измаил получил на руки только 142 млн. из 13¹/₂%. Но этих денег не хватило на роскошное празднество по случаю открытия Суэцкого канала, – которое происходило в присутствии собравшихся верхов европейского придворного и финансового мира и полусвета и которое сопровождалось безумным расточительством, – и на новый бакшиш в 20 млн. суверену-султану. В 1870 г. через фирму «Битофсгейм и Гольдшмидт» был заключен заем номинально на 142 млн. из 7%, а фактически на 100 млн. из 13%. Он пошел на покрытие расходов сахарного периода. В 1872 и в 1873 гг. последовали два займа, заключенные через Оппенгейма, один малый заем на 80 млн. из 14%, а другой большой на номинальную сумму в 640 млн. из 8%. Но так как европейские банкирские дома при выдаче второго займа платили отчасти закупленными ими египетскими векселями, то этот заем дал в действительности только 220 млн. наличными и сократил наполовину текущий долг.

В 1874 г. была сделана попытка заключить внутренний заем на 1 000 млн. марок из 9% годовых, но она дала лишь 68 млн. Египетские бумаги стояли на 54 процентах своей номинальной стоимости. Государственный долг за 13 лет, протекших со смерти Саид-паши, увеличился с 3 293 000 фунтов стерлингов до 94 110 000 фунтов стерлингов, т. е. приблизительно на 2 млрд. марок¹. Банкротство было близко. На первый взгляд эти операции представляют собой верх безумия. Один заем следовал за другим, проценты по старым займам покрывались новыми займами, и колоссальные заказы английскому и французскому промышленному капиталу оплачивались капиталом, занятым у англичан и французов.

Европейский капитал, при всеобщих криках Европы о безумном хозяйничании Измаила, делал в Египте беспрецедентные сказочные дела – гешефты, которые удалось капиталу на его всемирноисторическом пути один только раз. Это было фантастическое модернизированное издание библейских жирных коров Египта.

Прежде всего каждый заем означал ростовщическую сделку, при которой от пятой до третьей части (и даже больше этого) якобы занятой суммы прилипало к рукам европейских банкиров. Но ростовщические проценты так или иначе должны были быть уплачены. Откуда же брались для этого средства? Их источник должен был находиться в самом Египте, и этим источником был египетский феллах, т. е. крестьянское хозяйство. Оно-то в последнем счете и доставляло все важнейшие элементы грандиозных капиталистических предприятий. Оно доставило землю, ибо так называемые личные владения хедива, выросшие в короткое время в грандиозные пространства и образовавшие основу для ирригационных планов и хлопчатобумажных и сахарных спекуляций, были составлены путем грабежа и вымогательства из бесчисленного множества деревень. Крестьянское хозяйство доставляло и рабочие силы, и притом доставляло их даром. Содержание рабочих во время их эксплуатации было предоставлено их собственным заботам. Крепостной труд феллаха был основой технических чудес, которые европейские инженеры и европейские

¹ Carl of Cromer. Das heutige Aegypten, немецкий перев. 1908 г., т. I, стр. 11.

машины являли в области оросительных сооружений, средств сообщения, сельского хозяйства и промышленности Египта. Над водными сооружениями у Калиуба и над Суэцким каналом, на постройках железных дорог и плотин, на хлопчатобумажных плантациях и сахарных заводах трудились бесчисленные армии барщинных крестьян; они перебрасывались по мере надобности с одной работы на другую и безмерно эксплуатировались. И если техническая неприспособленность крепостного труда к современному капиталистическому производству обнаруживалась на каждом шагу, то это, с другой стороны, покрывалось неограниченной властью над массами, которая была дана здесь в руки капитала, продолжительностью эксплуатации и условиями жизни и работы трудящихся.

Но крестьянское хозяйство доставляло не только земли и рабочие силы: оно доставляло и деньги. Этой цели служила налоговая система, которая под влиянием капиталистического хозяйства наложила на феллаха кандалы. Поземельный налог на крестьянские земли все время повышался и достиг в конце 60-х годов 55 марок на гектар, в то время как крупные землевладельцы платили по 18 марок за гектар, а королевская семья за свои огромные земли ничего не платила. К этим поборам все время прибавлялись новые специальные налоги. Так, для содержания оросительных сооружений, которые приносили пользу почти исключительно только вице-королевским владениям, взималось по 2¹/₂ марки с гектара земли. За каждую финиковую пальму феллах должен был платить 1 марку 35 пф., за каждую глиняную хижину, в которой он жил, – 75 пф. Ко всему этому нужно прибавить подушную подать, которая взималась в сумме 6¹/₂ марок с каждого человека старше 10 лет. В общей сложности феллахи уплатили при Мегмеде-Али 50 млн., при Сайде – 100 млн. и при Измаиле – 163 млн. марок.

Чем выше становилась задолженность европейскому капиталу, тем больше выколачивалось из крестьянского хозяйства¹. В 1869 г. все налоги были повышены на 10% и взысканы вперед за 1870 г. В 1870 г. поземельный налог был повышен на 8 марок с гектара. Население деревень верхнего Египта стало сокращаться, хижины разрушались, и земля оставалась необработанной, потому что крестьяне избавлялись этим от уплаты налогов. В 1876 г. налог на финиковые пальмы был повышен на 50 пф. Целые деревни выходили, чтобы вырубать свои финиковые пальмы, и их пришлось удерживать от этого ружейными залпами. Выше Сиута в 1879 г. погибло от голода, как передают, 10 000 феллахов, так как им не под силу стало покрывать налог за орошение своих полей и так как они зарезали свой скот, чтобы избавиться от уплаты налога за него².

¹ Выжатые из египетского феллаха деньги доходили впрочем до европейского капитала и окружным путем через Турцию. Турецкие займы 1854, 1855, 1871, 1877 и 1886 гг. обеспечены неоднократно повышавшейся египетской данью, которая уплачивалась непосредственно Английскому банку.

² «It is stated by residents in the Delta», – сообщают Times'у из Александрии 31 марта 1879 г. – «that the third quarter of the year's taxation is now collected and the old methods of collection applied. This sounds strangely by the side of the news that people are dying by the roadside, that great tracts of country are uncultivated, because of the fiscal burdens and that the farmers have sold their cattle, the women their finery, and that the usurers are filling the mortgage offices with

Из феллаха была высосана последняя капля крови. Египетское государство выполнило функцию всасывающего аппарата в руках европейского капитала, и оно стало излишним. Хедиву Измаилу была дана отставка, и европейский капитал мог приступить к ликвидационным операциям.

В 1875 г. Англия купила 172 000 суэцких акций за 80 млн. марок, за что Египет ей еще до настоящего времени должен платить процентов на 394 000 египетских фунтов стерлингов. Начали действовать английские комиссии по «упорядочению» египетских финансов. Замечательно, что европейский капитал совершенно не испугался отчаянного положения обанкротившейся страны и изъявил готовность предоставлять для ее «спасения» все новые колоссальные займы. Кау и Стокс предложили для конверсии всех долгов заем в 1 520 млн. марок из 7%; Райверс Вильсон считал, что требуется 2 060 млн. марок. Credit Foncier закупил миллионы краткосрочных векселей и попытался консолидировать весь долг займом в 1 820 млн. марок, но безуспешно. Но чем отчаяннее было финансовое положение страны и чем меньше было надежд на ее спасение, тем ближе становился тот неизбежный момент, когда вся страна со всеми ее производительными силами должна будет попасть в когти к европейскому капиталу. В октябре 1870 г. представители европейских кредиторов высадились в Александрии. Над финансами Египта был установлен двойной контроль английского и французского капиталов. От имени двойного контроля были изобретены новые налоги, крестьяне были сильно прижаты, и в 1876 г. удалось возобновить временно прекращенную в 1877 г. уплату процентов¹. Претензии европейского капитала стали теперь центральным пунктом хозяйственной жизни и единственным мотивом финансовой системы. В 1878 г. была создана новая комиссия и полуевропейское министерство. В 1879 г. египетские финансы были на долгое время отданы под контроль европейского капитала в лице Commission de la Publique Egyptienne в Каире. В 1878 г. чифлики, земли вице-королевской семьи, обнимавшие 431 000 акров, были превращены в государственные домены и заложены европейским капиталистам в обеспечение государственного долга; то же самое было сделано с даирскими землями, личной собственностью хедива, насчитывавшей 485 131 акр, преимущественно в верхнем Египте; впоследствии они были проданы одному консорциуму. Большая часть остальных земель перешла в руки капиталистических обществ, в особенности Суэцкого общества. Земли мечетей и школ были конфискованы Англией в возмещение расходов по оккупации страны. Мятеж египетских войск, которые благодаря европейскому финансовому контролю голодали, в то время как европейские чиновники получали блестящие оклады, и спровоцированное восстание обескров-

their bonds and the courts with their suits of foreclosure. Цитировано у Th. Rothslein «Egypt's Ruin» – 1910, стр. 69-70.

¹ «This produce», – писал корреспондент «Times'a» из Александрии, – «consist wholly of taxes paid by the peasants in kind, and when one thinks of the povertystricken, over-driven, under-fed fellaheen in their miserable hovels, working late and early to fill the pockets of the creditors, the punctual payment of the coupon ceases to be wholly a subject of gratification». (Цитировано у Th. Rotstein'a, I. c., стр. 49).

ленных масс в Александрии дали желанный повод для решительного натиска. В 1882 г. английские войска вступили в Египет, чтобы уже не покидать его и сделать покорение страны результатом грандиозных капиталистических операций, имевших место в Египте в продолжение двадцати лет, и завершением ликвидации египетского крестьянского хозяйства европейским капиталом¹. Между европейским ссудным и промышленным капиталом происходит, как мы видели, такая сделка: египетские заказы промышленному капиталу Европы оплачиваются ее ссудным капиталом, а проценты одного займа покрываются за счет капитала другого займа. Эта сделка при поверхностном рассмотрении кажется бессмысленной, но с точки зрения накопления капитала в ее основе лежит весьма рациональное и «здоровое» отношение. Если отрешиться от маскирующих посредствующих звеньев, то окажется, что европейский капитал пожирал египетское крестьянское хозяйство: огромные пространства земли, бесчисленные рабочие силы и масса продуктов труда, которые в виде налогов вносились государству, все это в последнем счете превращалось в европейский капитал и подвергалось накоплению. Ясно, что эта операция, которая свела нормальный ход многолетнего исторического развития к 2-3 десятилетиям, стала возможной только благодаря кнуту из кожи гиппопотама и что именно примитивность социальных отношений Египта создала несравненный операционный базис для накопления капитала. Одновременно со сказочным увеличением капитала на одной стороне, и как его экономический результат, на другой стороне, рядом с процессом разорения крестьянского хозяйства возникает товарное обращение, а напряжение производительных сил страны создает условия для его развития. Площадь обрабатываемой и защищенной плотинами земли возросла в Египте за время правления Измаила с 2 до 2,7 млн. гектаров, сеть каналов увеличилась с 73 000 до 87 000 км, а железнодорожная сеть с 220 000 до 410 000 км.

В Суэце и в Александрии были построены доки, а в Александрии- грандиозные портовые сооружения; для меккских пилигримов было установлено пароходное сообщение по Красному морю и вдоль сирийских и малоазийских берегов. Египетский вывоз, который в 1861 г. равнялся 89 млн. марок, поднялся в 1864 г. до 288 Млн.; ввоз, который при Саид-паше равнялся 24 млн. марок, возрос при Измаиле до 100-110 млн. марок. Размер торговли, которая после открытия Суэцкого канала оправилась лишь в 80-х гг., определялась следующими цифрами (в млн. марок):

Годы	Ввоз	Вывоз
1890	163	249
1900	288	355
1911	557	593

¹ Euth, видный агент капиталистической культуры в первобытных странах, заканчивает свой мастерской очерк об Египте, из которого мы заимствовали главные данные, следующим империалистическим символом веры: «То, чему учит нас прошлое, имеет обязательную силу для будущего: Европа должна наложить и наложит свою крепкую руку на страны, которые неспособны собственными силами жить жизнью нашего времени; Европа делает это, если даже для этого понадобится борьба, в которой справедливость едва ли можно отличить от несправедливости, в которой политические и исторические права достаточно

При таком быстром развитии товарного хозяйства сам Египет при помощи европейского капитала стал, конечно, собственностью последнего. В Египте обнаружилось то же самое, что было в Китае и не так давно в Марокко: за спиной международного займа, железнодорожного строительства, водных и тому подобных культурных сооружений поджидал своей очереди милитаризм, эта исполнительная власть капиталистического накопления. В то время как восточные государства лихорадочным темпом проходили свое развитие от натурального хозяйства к товарному и от товарного к капиталистическому, они пожирались международным капиталом, ибо, не отдавшись ему, они не оказались бы в состоянии совершить указанный переворот.

Другой удачный пример дают для новейшего времени операции немецкого капитала в Азиатской Турции. Европейский, а в особенности английский капитал давно уже пытался покорить себе эту область, лежащую на старинном торговом пути между Европой и Азией¹.

В 50-х и 60-х годах английский капитал построил железнодорожные линии Смирна-Айдин-Динер и Смирна-Кассаба-Алашегир, получил концессию на продолжение этой линии до Афиун-Карагиссара и арендовал часть Анатолийской дороги от Гайдар-паши до Исмида. Наряду с этим французский капитал овладел частью постройки железных дорог. В 1888 г. на сцену выступил немецкий капитал. В результате переговоров с французской финансовой группой, представленной оттоманским банком, образовалось международное деловое соглашение (фузия), согласно которому германская финансовая группа должна была участвовать в крупных анатолийских и багдадских железнодорожных предприятиях 60%, а международный капитал – 40%². Анатолийское железнодорожное общество, за которым стоит главным образом немецкий банк (Deutsche Bank), было основано как турецкое общество 14 редшеба 1306 г., т. е. 4 марта 1889 г.; оно должно было взять в свои руки функционировавшую с начала 70-х годов линию от Гайдар-паши до Исмида и выполнить концессию на железнодорожный участок Исмид-Эксишегир-Ангора (845 км). Общество имеет право и на проведение линии Гайдар-паша-Скутари и железнодорожных веток на Бруссу, на постройку –

по

концессии

часто равносильны несчастью миллионов, а политическая несправедливость – их спасенью; могущественная рука Европы покончит с беспорядком во всем мире и на берегах Нила» (I. с., стр. 247). Какой «порядок» создала Англия «на берегах Нила», на это дает достаточно удовлетворительный ответ Ротштейн, I. с.

¹ Англо-индийское правительство уже в начале 30-х годов поручило полковнику Chesney исследовать пригодность Евфрата для судоходства, чтобы достигнуть возможно более короткого сообщения между Средиземным морем и Персидским заливом, а тем самым и с Индией. В 1831 г. здесь была произведена предварительная рекогносцировка, а в 1835-1837 гг. работала после обстоятельной подготовки английская экспедиция. В связи с этим английские офицеры и чиновники исследовали значительную часть восточной Месопотамии и составили ее карту. Эти работы тянулись до 1866 г., не давши никакого практического результата английскому правительству. Мысль проложить путь от Средиземного моря до Индии через Персидский залив впоследствии опять выдвинулась в Англии в виде плана Тигрской железной дороги. В 1879 г. Камерон совершил по поручению английского правительства путешествие через Месопотамию, чтобы изучить направление намеченной дороги. (Max Freiherr von Oppenheim, Vom Mittelmeer zum Persischen Golf durch den Hauran, die bunte Wüste und Mesopotamien. Т. II, стр. 5 и 36).

² Schneider, Die deutsche Bagdadbahn. 1900, стр. 3.

1893 г. – дополнительной сети Эскишегир-Кония (около 445 км) и, наконец, на постройку участка Ангора-Кайсария (425 км). Турецкое правительство дало обществу следующие государственные гарантии: за каждый километр участка Байдар-паша-Исмид 10 300 франков валового дохода в год, а за каждый километр участка Исмид-Ангора 15 000 франков. Для этой цели правительство предоставило Administration de la Dette Publique Ottoman право прямо удерживать доходы, поступающие от сдачи в откуп десятины в санджаках Исмид, Эртогрул, Кутахия и Ангора. Administration de la Dette Publique Ottomane должна была из этих доходов платить железнодорожному обществу столько, сколько нужно добавить, чтобы получить гарантированный правительством валовой доход. На каждый километр участка Ангора-Кайсария правительство гарантировало ежегодный валовой доход в 775 турецких фунтов золотом = 17 800 фр. золотом, на километр участка Эскишегир-Кония 604 турецких фунта = 13 741 фр.; в последнем случае доплата не должна была превышать 219 турецких фунтов = 4 995 фр. с километра в год. Если же валовой доход превышает гарантированную сумму, то правительство получает 25% избытка. Десятины санджаков Трапезунд и Гумухгане уплачиваются прямо Administration de la Dette Publique Ottomane, которая со своей стороны вносит железнодорожному обществу следуемые ему согласно гарантии доплаты. Все десятины, предназначенные для выполнения данных правительством гарантий, образуют одно целое. В 1898 г. гарантия дохода линии Эскишегир-Кония была повышена с 219 турецких фунтов до 296.

В 1899 г. это же общество получило концессию на постройку и эксплуатацию в Гайдар-паше порта с относящимися к нему сооружениями, ему была также предоставлена концессия на выдачу варрантов, на постройку элеваторов для хлеба и депо для всякого рода товаров, а также право производить все выгрузки и погрузки при помощи собственного персонала. Оно получило, наконец, – это относится уже к области таможенной политики – право устройства своего рода портофранко.

В 1901 г. Анатолийское железнодорожное общество получило концессию на Багдадскую дорогу, т. е. на линию Копия-Багдад-Басра-Персидский залив (2 400 км), которая при помощи линии Кония-Эрегли-Бургурлу присоединяется к анатолийскому участку. Для выполнения концессии старое общество основало новое акционерное общество, которое передало основанному во Франкфурте-на-Майне обществу постройку дороги на первых порах до Бургурлу. С 1893 г. до 1910 г. турецкое правительство доплатило за линию Гайдар-паша-Ангора 48,7 млн. франков и за линию Эскишегир Кония 1,8 млн. турецких фунтов, итого 90,8 млн. франков¹. Наконец концессия 1907 г. передала в руки общества работы по осушке Каравиранского озера и по орошению кенийской равнины. Эти работы должны быть проведены за счет правительства в продолжение 6 лет. На этот раз общество авансирует правительству необходимые капиталы – до 19,5 млн. франков – с уплатой 5% годовых и с погашением в 36 лет. Этот заем турецкое правительство гарантиро-

¹ Saling, Borsenjahrbuch 1911/12, стр. 2211.

вало: 1) 25 000 турецких фунтов в год из избытков от десятины, остающихся после удовлетворения железнодорожных гарантий и гарантий по разным займам; заведывание десятиной, как известно, находится в руках Administration de la Dette Publique Ottomane; 2) разницей между десятинным сбором с орошенных земель и средним сбором, полученным с них за последнее пятилетие, предшествовавшее концессии; 3) чистым доходом, который получается от оросительных сооружений, и 4) доходом от продажи осушенных или орошенных земель. Для выполнения названных выше работ общество основало во Франкфурте-на-Майне строительное общество «для орошения конийской равнины» с капиталом в 135 млн. франков.

В 1908 г. общество получило концессию на продолжение Конийской железной дороги до Багдада и Персидского залива опять с гарантией валового дохода с километра.

Четырехпроцентный багдадский железнодорожный заем в трех сериях (54, 108 и 119 млн. франков), заключенный для доплаты разниц между действительным и гарантированным валовым доходом, был обеспечен десятиной Айдинского, Багдадского, Моссулского, Диарбекирского, Урфского и Алеппского вилайетов и налогом на баранов в Конийском, Аданском, Алеппском и др. вилайетах¹.

¹ Saling, I. c., стр. 360-361.

Относительно общей суммы доплат на железнодорожное строительство, которую турецкое правительство вносило европейскому капиталу, вюртембергский инженер Прессель, который в качестве помощника барона Гирша отчасти сам участвовал в этих делах в европейской Турции, дает следующий недурной счет:

	Длина в км	Уплачена гарантия в фр.
Три линии Европейской Турции.....	1 888,8	33 099 352
Сеть, выстроенная в Азиатской Турции 1900 г.....	2 513,2	53 811 538
Комиссионные и другие расходы, уплаченные Dette Publique за ведение расчетов по километ- ровым гарантиям	-	9 351 209
Итого	-	96 262 099

Все это, надо заметить, уплачено до конца 1899 г., с этого времени километровые гарантии вносятся только отчасти. Из 74 санджаков Азиатской Турции не менее 28 были заложены со своими десятинами в обеспечение километровых гарантий. При всех этих доплатах в Азиатской Турции от 1856 до 1900 г. было построено 2 513 километров (W. von Pressel, Les chemins de fer en Turquie d'Asie. Цюрих, 1900, стр. 59).

О манипуляциях железнодорожных обществ за счет Турции Прессель, как знаток дела, дает следующий отзыв. Он утверждает, что Анатолийское общество обещало в концессии 1893 г. провести сперва дорогу через Ангору в Багдад, но затем оно заявило о невыполнимости своего собственного плана, чтобы бросить эту обеспеченную километровыми гарантиями линию на произвол судьбы и взяться за другую дорогу через Копию. «В тот момент, когда обществу удастся приобрести линию Смирна-Айдин-Динер, оно будет требовать доведения ее до Конийской линии. И после того как эта ветвь будет закончена, общество примет все меры, чтобы вызвать перевозку товаров по ней и взять в свои руки эту новую дорогу, которая не обеспечена километровыми гарантиями, но которая – что гораздо важнее – ни в коем случае не должна делиться своими доходами с правительством, в то время как другие линии должны были отдавать правительству часть валового дохода в случае, если он превышал определенную сумму. Резуль-

Здесь совершенно ясно обнаружилась основа накопления. Германский капитал строит в Азиатской Турции железные дороги, гавани и ирригационные сооружения. Всеми этими предприятиями он выжимает из азиатов, которых он применяет как рабочую силу, новую прибавочную стоимость. Но вся эта прибавочная стоимость и примененные в производстве средства производства, полученные из Германии (железнодорожные материалы, машины и т. д.), должны быть реализованы. Но кто способствует их реализации? Отчасти вызванное железными дорогами и портовыми сооружениями товарное обращение, которое развивается в среде натуральнохозяйственных отношений Малой Азии. Но поскольку товарное обращение растет не настолько быстро, как это нужно для потребностей реализации, натуральные доходы населения при посредстве государственной машины насильственно превращаются в товар, а затем в деньги и обращаются на реализацию капитала и прибавочной стоимости. Таков смысл «километровых гарантий» валового дохода самостоятельных предприятий чужого капитала, таков же смысл реального обеспечения (Pfandbtirgschaft) при займах. В обоих этих случаях в бесконечных вариациях отдаются в обеспечение так называемые «десятины» (Ueschur), а эти десятины являются натуральными налогами с турецких крестьян – налогами, которые малу-по-малу были доведены до 12-12½%. Крестьянин азиатских вилайетов должен платить «десятину», потому что она в противном случае попросту взыскивается с него при участии жандармов и государственных и местных чиновников. «Десятины», которые представляют собой старинное проявление азиатской деспотии, основанной на натуральном хозяйстве, собираются турецким правительством не непосредственно, а через откупщиков, своего рода собирателей налогов ancien régime; государство продает им с аукциона предстоящий сбор податей, причем эта продажа производится для каждого вилайета (провинции) отдельно. Если десятина какой-нибудь провинции куплена отдельным спекулянтom или консорциумом, то они продают десятину каждого санджака (округа) другим спекулянтам, которые в свою очередь уступают свою долю целому ряду более мелких агентов. Но так как каждый желает покрыть свои расходы и загрести по возможности больше прибыли, то десятина по мере приближения к крестьянину растет лавинообразно. Если откупщик ошибся в своих расчетах, то он старается возместить свои убытки за счет крестьянина. Имея почти всегда долги, крестьянин с нетерпением ждет того момента, когда он будет иметь возможность продать снятую им жатву; но, собравши хлеб, он часто неделями должен дожидаться молотбы: он должен ждать пока откупщику десятины заблагорассудится взять причитающуюся ему долю. Откупщик, совмещающий обыкновенно в своем лице и хлебного торговца, пользуется этим положением крестьянина, весь сбор которого может сгнить в поле, чтобы принудить его продать этот сбор по низким

тат должен был быть таков: правительство от Айдинской линии ничего не будет получать, а общества будут загребать миллионы. Правительство будет платить за линию Кассаба и Ангора почти всю сумму километровой гарантии и напрасно будет ожидать прибыли от обеспеченного ему по договору 25-процентного участия в излишке валового дохода над 15 000 франков (I. с., стр. 7).

ценам; против жалоб недовольных он защищается при помощи чиновников, в особенности при помощи муктаров (старост)¹.

Международному Conseil d'Administration de la Dette Publique Ottomane, который заведывал между прочим налогами на соль, табак и спиртные напитки, шелковой десятиной и податями с рыболовов, в качестве километровых гарантий и обеспечения займов отдавались в залог десятины с соблюдением в каждом отдельном случае следующего дополнительного условия: Conseil принимает участие при заключении контрактов на сдачу в откуп этих десятин, выручки же десятин должны доставляться откупщиками прямо в вилайетские кассы и конторы Conseil. Если не оказывается откупщика, то турецкое правительство складывает поступающую десятину в магазины и вручает ключи Conseil, а он уже принимает продажу десятины на собственный счет.

Экономический обмен веществ между малоазиатским, сирийским и месопотамским крестьянством, с одной стороны, и немецким капиталом – с другой, происходит таким образом следующим путем. Зерно производится на полях вилайетов Кония, Багдад, Басра и т. д. как простое средство потребления первобытного хозяйства, но в качестве государственного налога тотчас же попадает в руки откупщика. Только в его руках зерно превращается в товар, а из товара в деньги, которые переходят в руки государства. Эти деньги, представляющие собой не что иное, как превращенную форму крестьянского зерна, которое даже не производилось как товар, отчасти служат для уплаты государственных гарантий предприятиям, строящим и эксплуатирующим железные дороги; эти деньги служат, стало быть, для реализации средств производства, потребленных при постройке и эксплуатации железных дорог, и прибавочной стоимости, выжимаемой при этом из азиатского крестьянина и пролетария. Но так как при постройке железных дорог применяются средства производства, произведенные в Германии, то превращенное в деньги зерно азиатского крестьянина служит в то же время для превращения в деньги прибавочной стоимости, выжатой из немецкого рабочего при производстве этих средств производства. При этой функции деньги переходят из рук немецкого государства в кассы Deutsche Bank; отсюда они в виде учредительской прибыли, тантьем, дивидендов и процентов попадают в карманы господ Гвинеров, Сименсов, их управляющих, акционеров, клиентов Deutsche Bank и всей ее разветвленной системы дочерних обществ и накапливаются как капиталистическая прибавочная стоимость. Если откупщик как посредствующее звено отпадает, что предусмотрено в концессиях, то весь запутанный ряд метаморфоз сводится к своей наиболее простой и ясной форме: крестьянское зерно прямо переходит в руки Administration de la Dette Publique Ottomane, т. е. в руки представительства европейского капитала, и еще в своей натуральной форме становится доходом немецкого капитала и капитала других иностранных государств; крестьянское зерно осуществляет накопление европейского капитала еще раньше, чем оно сбрасывает свою собственную крестьянско-азиатскую потребитель-

¹ Charles Morawitz, Die Türkei im Spiegel ihrer Finanzen. 1903, Стр. 84.

ную форму; оно реализует капиталистическую прибавочную стоимость раньше, чем оно стало товаром и реализовало свою собственную стоимость. Обмен веществ протекает здесь в своей грубой и неприкрытой форме – непосредственно между европейским капиталом и азиатским крестьянским хозяйством; турецкое государство сводится при этом на роль политического аппарата для эксплуатации крестьянского хозяйства в интересах капитала, – такова подлинная функция всех восточных государств в период капиталистического империализма. Предприятие, кажущееся с внешней стороны нелепой тавтологией, расплатой за немецкие товары в Азии немецким же капиталом, при котором бравые немцы лишь уступают хитрым туркам «удовольствие» пользоваться огромными культурными сооружениями, по существу представляет собой обмен между немецким капиталом и азиатским крестьянским хозяйством – обмен, который совершается при помощи принудительных методов государственной власти. Результаты этого таковы: мы имеем на одной стороне прогрессирующее накопление капитала и возрастающую «сферу интересов», как предлог для дальнейшей политической и хозяйственной экспансии немецкого капитала в Турции, и на другой стороне – железные дороги и товарное обращение на основе быстрого разрушения, разорения и ограбления азиатского крестьянского хозяйства государством и возрастающей финансовой и политической зависимости турецкого государства от европейского капитала¹.

Глава тридцать первая

ОХРАНИТЕЛЬНЫЕ ПОШЛИНЫ И НАКОПЛЕНИЕ

Империализм является политическим выражением процесса накопления капитала в его конкурентной борьбе за остатки некапиталистической мировой среды, на которые никто еще не наложил своей руки. Географически эта среда охватывает еще обширнейшие пространства земной поверхности. Но по сравнению с колоссальной массой уже накопленного капитала старых капиталистических стран – капитала, который борется за возможность сбыта своего прибавочного продукта и капитализации своей прибавочной стоимости; по сравнению с той быстротой, с которой области докапиталистической культуры превращаются в настоящее время в капиталистические страны, другими словами, по сравнению с достигнутой уже высотой

¹ «Впрочем, в этой стране все сопряжено с трудностями. Если правительство хочет ввести монополию на папиросную бумагу или на игральные карты, то появляются тотчас же Франция и Австро-Венгрия, чтобы в интересах своей торговли наложить свое veto. Если речь идет о керосине, то возражает Россия, и даже наименее заинтересованные державы обуславливают свое согласие на то или иное предприятие турецкого правительства под условием тех или иных компенсаций Турции везет точно так же, как Санхо-Пансо за едой. Лишь только министр финансов пожелает взяться за что-нибудь, как подымается какой-нибудь дипломат, чтобы остановить его и наложить свое veto» (Morawitz, I. c., стр. 70).

развития производительных сил капитала, – оставшееся еще для его экспансии поле деятельности оказывается незначительным. В соответствии с этим и определяется характер международного движения капитала на мировой арене. При высоком развитии и все усиливающейся конкуренции между капиталистическими странами за приобретение некапиталистических областей растет энергия империализма и обостряются применяемые им методы насилия. Это сказывается как в его агрессивных выступлениях против некапиталистического мира, так и в обострении противоречий между конкурирующими капиталистическими странами. Но чем энергичнее и основательнее заботится империализм о гибели некапиталистических культур, тем быстрее вырывает он почву из-под ног процесса накопления капитала. Империализм является историческим методом для продления существования капитала, но он в то же время служит вернейшим средством, чтобы вести капитал по кратчайшему пути и положить его существованию объективный предел. Этим однако не сказано, что этот предел обязательно должен быть достигнут. Уже сама тенденция капиталистического развития к этой конечной цели проявляется в формах, которые делают заключительную фазу капитализма периодом катастроф.

Надежда на мирное развитие капиталистического накопления, на «торговлю и промышленность, которые процветают только при наличности мира», и вся официозная манчестерская идеология о гармонии интересов торговых наций всего мира – оборотная сторона гармонии интересов капиталов и труда – родились в период бури и натиска классической политической экономии и, казалось, находили себе подтверждение в 60-х и 70-х годах, за короткое время свободной торговли в Европе. В основе этой идеологии лежит неправильный догмат английской фритредерской школы, согласно которому товарообмен является единственной предпосылкой и единственным условием накопления капитала, а эти последние тождественны с товарным хозяйством. Вся школа Рикардо, как мы видели, отождествляла накопление капитала и условия его производства с простым товарным производством и с условиями простого товарного обращения. Еще резче это обнаружилось впоследствии у практического фритредера vulgaris. Все доказательства Кобденской лиги были приспособлены к особым интересам экспортирующих хлопчатобумажных фабрикантов Ланкашира. Их главная цель была направлена к приобретению покупателей; их символ веры гласил: мы должны покупать за границей, чтобы мы, со своей стороны, как продавцы продуктов промышленности – т. е., собственно говоря, хлопчатобумажных товаров – находили покупателей. Потребителем, в интересах которого Кобден и Брайт требовали свободной торговли, т. е. удешевления средств питания, был не рабочий, потребляющий хлеб, а капиталист, потребляющий рабочую силу.

Это евангелие никогда не было действительным выражением интересов капиталистического накопления в целом. Что это действительно так, обнаружилось в самой Англии уже в 40-х годах благодаря войнам из-за опиума, которые орудийным грохотом прокламировали в восточной Азии гармонию интересов торговых наций, чтобы аннексией Гонгконга превратить ее в ее противоположность, –

в

систему

«сфер

интересов»¹. На европейском континенте свободная торговля 60-х годов не была выражением интересов промышленного капитала уже по той причине, что руководящие фритрэдерские страны континента в то время были еще по преимуществу аграрными странами, а их крупная промышленность была еще сравнительно слабо развита. Напротив того, система свободной торговли была проведена как мероприятие политического конституирования среднеевропейских государств. В Германии она была специфическим прусским средством в политике Мантейфеля и Бисмарка – средством для вытеснения Австрии и из союза и из таможенного союза и конструирования новой Германской империи под гегемонией Пруссии. Экономически свободная торговля опиралась здесь только на интересы купеческого капитала, – в особенности это относится к заинтересованному в мировой торговле капиталу Ганзейских городов, – и на интересы сельских потребителей; что касается промышленности в собственном смысле, то железодельное производство лишь с трудом удалось склонить к свободной торговле и то лишь ценою отмены рейнских таможенных пошлин, а южногерманская хлопчатобумажная промышленность осталась в непримиримой протекционистской оппозиции. Во Франции договоры наибольшего благоприятствования, заложившие основу системы свободной торговли во всей Европе, были заключены Наполеоном III помимо и против воли компактного протекционистского большинства парламента – большинства, состоявшего из промышленников и аграриев. Путь торговых договоров был избран правительством Второй империи только в силу необходимости, и Англия пошла по нему, чтобы обойти парламентскую оппозицию Франции и за спиной законодательного корпуса провести в порядке международного соглашения свободную торговлю. Первый основной договор между Францией и Англией был совершенно неожидан для общественного мнения Франции². Старая система покровительственных пошлин Франции была

¹ И не только в Англии. «Уже в 1859 г. по всей Германии распространилась брошюра, – авторство ее приписывалось фирзенскому фабриканту Диргарду, – которая настоятельно советует Германии своевременно обеспечить себя восточно-азиатским рынком. Было только одно средство, чтобы в области торговой политики добиться чего-нибудь от Японии и вообще от восточноазиатских стран, это было вмешательство вооруженной силы. Построенный на сбереженные народные гроши германский флот был юношеской мечтой. Он давно был продан с аукциона Ганнибалом Фишером. Пруссия имела несколько кораблей, но она не располагала конечно импонирующей морской силой. Было однако решено снарядить эскадру, чтобы завязать в восточной Азии переговоры относительно торговых договоров. Руководство этой миссией, которая преследовала и научные цели, было поручено графу Эйленбургу, одному из самых способных и рассудительных прусских государственных деятелей. Граф Эйленбург, несмотря на самые тяжелые обстоятельства, выполнил свое поручение с большой ловкостью. От плана завязать в то же время договорные отношения с Гавайскими островами пришлось отказаться. В остальном цель экспедиции была достигнута. Хотя берлинская пресса тогда была лучше осведомлена обо всем и при каждом сообщении о встретившихся затруднениях заявляла, что давно уже можно было предвидеть, что все подобные расходы на морские демонстрации явятся лишь расточением средств налогоплательщика налогов, тем не менее министерство новой эры не дает сбить себя с толку. Плоды этого успеха выпали на долю последующих деятелей. (W. Lots, Die Ideen der deut.schen Handelspolitik, стр. 80).

² «Une negociation officielle fut ouverte (между французским и английским правительством после того как Мишель Шевалье и Рич. Кобден предприняли

уничтожена 32 императорскими декретами 1853-1862 гг., в 1863 г. все эти декреты после поверхностного рассмотрения были утверждены «законодательным путем». В Италии свободная торговля была рекви́зитом политики Кавура, который должен был опираться на Францию. Уже в 1870 г. под напором общественного мнения была проведена анкета, которая обнаружила, что фритрэдерская политика не имеет опоры в заинтересованных кругах. Наконец в России фритрэдерская тенденция 60-х годов была лишь введением к созданию товарного хозяйства и крупной промышленности на широкой основе: эта тенденция недаром сопровождалась уничтожением крепостного права и созданием железнодорожной сети¹.

Так свободная торговля как международная система могла остаться только эпизодом в истории капиталистического накопления. Уже по этой причине неправильно объяснять начавшийся в конце 70-х годов, всеобщий поворот к охранительным пошлинам исключительно только как средство защиты против английской свободной торговли².

подготовительные шаги) au bout de peu de jours; elle fut conduite avec le plus grand mystere. Le 5 Janvier 1860 Napoleon III annonca ses intentions dans une lettre-programme adressee au ministere d'Etat M. Fould. Cette declaration eclata comme un coup de foudre. Apres les incidents de l'annee qui venait de finir, on comptait qu'aucune modification du regime douanier ne serait tentee avant 1861. L'emotion fut generale. Neanmoins le traite fut signe le 23 Janvier». (Auguste Devers, «La politique commerciale de la France depuis 1860»). («Schriften des Vereins fur Sozial politik», II, стр. 136).

¹ Пересмотр в либеральном направлении русского таможенного тарифа 1857 и 1867 гг., повлекший за собой окончательное уничтожение бешеной протекционистской системы Канкрин, был дополнением ко всей системе реформ, вынужденных неудачей крымской войны, и их выражением. Но понижение таможенных пошлин соответствовало непосредственным интересам дворянского землевладения, так как дворяне в качестве потребителей иностранных товаров и производителей вывозимого за границу хлеба были заинтересованы в беспрепятственной торговле между Россией и Западной Европой. Недаром защитник сельскохозяйственных интересов «Вольное экономическое общество» констатировало следующее: «В продолжение истекших 60 лет, от 1822 г. до 1882 г., самая крупная отрасль производства в России, сельское хозяйство, четыре раза потерпела огромные потери, которые поставили ее в крайне критическое положение, и во всех четырех случаях непосредственной причиной были чрезмерно высокие таможенные пошлины. Напротив того, 32-летний период от 1845 г. до 1877 г., когда существовали умеренные пошлины, прошел без подобного рода бедствий, несмотря на три войны и внутреннюю гражданскую войну (имеется в виду польское восстание 1863 г. – Р. Л.), из коих каждая вызвала большее или меньшее напряжение финансовых сил государства» («Записка Императорского вольного экономического общества по вопросу о пересмотре Российского таможенного тарифа». СПб 1890 г., стр. 148). Насколько мало защитники свободной торговли или по крайней мере умеренных таможенных пошлин могут быть рассматриваемы в России вплоть до последнего времени как представители интересов промышленного капитала, показывает тот факт, что научная опора этого фритрэдерского движения – так называемое «Вольное экономическое общество» еще в 90-х годах выступало против охранительных пошлин как против средства «искусственного насаждения» капиталистической; промышленности в России, и в духе реакционных народников провозгласило, капитализм рассадником современного пролетариата, «тех масс непригодных к военной службе, неимущих и бездомных людей, которым нечего терять и которые издавна не пользуются хорошей репутацией...» (I. с., стр. 171). Ср. также К. Ладыженский. История российского таможенного тарифа, СПб 1886 г. стр. 239-258.

² Фр. Энгельс тоже разделял этот взгляд. В своем письме к Николаю -ону от 18 июня 1892 г. он пишет: «Английские, ослепленные отечественными интере-

Против этого объяснения говорят следующие факты. В Германии, во Франции и в Италии руководящая роль при возвращении на путь покровительственной системы выпала на долю аграрных интересов, которые были направлены не против конкуренции Англии, а против конкуренции Соединенных штатов; защита нарождающейся туземной промышленности в России была в гораздо большей степени направлена против Германии, чем против Англии; в Италии эта защита имела в виду не столько Англию, сколько Францию. Всеобщая длительная депрессия на мировом рынке, которая тянулась со времени кризиса 70-х годов и которая подготовила настроение в пользу покровительственной системы, тоже мало была связана с монополией Англии. Общая причина изменения фронта в области таможенной политики была гораздо глубже; точка зрения товарного обмена, из которой вытекала фритредерская иллюзия гармонии интересов на мировом рынке, была оставлена лишь только крупнопромышленный капитал важнейших стран европейского континента укрепился настолько, чтобы подумать об условиях своего накопления. Но в противовес взаимности интересов капиталистических стран теперь на передний план выступил их антагонизм и конкуренция в борьбе за некапиталистическую среду.

Когда началась эра свободной торговли, восточная Азия была только что открыта для торговли китайскими войнами, в Египте европейский капитал делал лишь первые шаги. Вместе с усилением покровительственной системы в 80-х годах начинается политика экспансии, которая развивается с все возрастающей энергией: оккупация Египта Англией, германские колониальные завоевания в Африке, французская оккупация Туниса и тонкинская экспедиция, проникновение Италии на Ассаб и Массау, абиссинская война и образование Эритреи и английские завоевания в Южной Африке – все это факты, которые на протяжении 80-х годов тянулись непрерывной цепью один за другим. Конфликт между Италией и Францией из-за сферы интересов в Тунисе был характерным прологом к последовавшей семь лет спустя франко-итальянской таможенной войне, которая завершила фритредерскую гармонию интересов в Европе поразительным эпилогом. Монополизация некапиталистических районов, необходима для экспансии капитала, внутри старых капиталистических государств и вне их пределов – в заокеанских странах –

стала

лозун-

сами, писатели никак не могут взять в толк, почему подаваемый Англией пример свободы торговли так упорно отвергается повсюду и вытесняется принципом покровительственных пошлин. Конечно они просто не осмеливаются видеть, что эта – ныне почти всеобщая – покровительственная система есть просто более или менее разумное (а в некоторых случаях даже безусловно глупое) средство самозащиты против этой самой английской свободы торговли, которая довела английскую торговую монополию до ее наибольшей высоты. (Глупым например это средство является в случае Германии, которая стала великопромышленной страной при свободе торговли и где таможенное покровительство распространено теперь на сельскохозяйственные продукты и сырые материалы, что увеличивает издержки промышленного производства!). Я не смотрю на это всеобщее обращение к покровительственной системе как на простую случайность, но как на реакцию против невыносимой промышленной монополии Англии. Форма этой реакции, как я уже сказал, может быть неудачной, неподходящей и даже хуже, но историческая необходимость такой реакции кажется мне вполне ясной и очевидной» («Письма» и т. д., стр. 71).

гом капитала, в то время как свободная торговля – политика «открытых дверей» – стала специфической формой незащитности некапиталистических стран против международного капитала и специфической формой равновесия этого конкурирующего капитала; свободная торговля превратилась в предварительную стадию частичной или полной оккупации некапиталистических стран как колоний или сфер интересов. И если одна только Англия до настоящего времени осталась верна свободной торговле, то это зависит прежде всего от того, что она, как самое старое колониальное государство, владеющее колоссальными некапиталистическими областями, с самого начала нашла операционную базу, которая до последнего времени сулила накоплению английского капитала почти неограниченные перспективы и которая действительно поставила Англию вне конкуренции по отношению к прочим капиталистическим странам. Отсюда стремление всякой капиталистической страны изолировать себя от остальных охранительными пошлинами. Это стремление имеет место, несмотря на то, что капиталистические страны все в большей мере становятся друг для друга покупателями товаров и при возобновлении вещественных условий воспроизводства находятся во взаимной непрерывно растущей зависимости; стремление к таможенным перегородкам проявляется, несмотря на то, что покровительственные пошлины с точки зрения технического развития производительных сил стали в настоящее время совершенно излишними и что они ведут даже к искусственному консервированию устарелых способов производства. Внутреннее противоречие международной протекционистской политики подобно полному противоречий характеру системы международных займов является лишь отражением исторического противоречия, при котором интересы накопления, т. е. реализации и капитализации прибавочной стоимости, – интересы экспансии – приходят к точке зрения товарного обмена.

Последнее находит свое ясное выражение в том, что современная система высоких протекционистских пошлин – соответственно с колониальной экспансией и обостренными противоречиями внутри капиталистической среды – была также воспринята как основание для усиленных вооружений. В Германии и во Франции, в Италии и в России возврат к покровительственным пошлинам проходил рука об руку с увеличением численности войск и в интересах этого увеличения; возврат к протекционизму стал базой начавшейся в то же время системы европейского состязания в вооружении, – сперва на суше, а затем и на море. Европейская свободная торговля, которой соответствовала континентальная военная система с центром тяжести в сухопутном войске, очистила место протекционизму как базису и дополнению империалистической военной системы, центр тяжести которой переносится все больше на флот.

Итак, капиталистическое накопление как целое, как конкретный исторический процесс слагается из двух различных частей. Одна из них совершается на месте производства прибавочной стоимости – на фабрике, в руднике, имении – и на мировом рынке. Если рассматривать накопление только с этой стороны, то оно является чисто экономическим процессом; его важнейшая фаза разыгрывается между капиталистом и наемным рабочим, но оно в обеих фазах – в фабрич-

ном помещении и на рынке – совершается в рамках товарного обмена, обмена эквивалентов. С внешней стороны здесь господствуют мир, собственность и равенство, и нужна была острая диалектика научного анализа, чтобы показать, как право частной собственности превращается при накоплении в присвоение чужой собственности, товарный обмен – в эксплуатацию, равенство – в классовое господство.

Другая сторона процесса накопления капитала совершается между капиталом и некапиталистическими формами производства. Ее ареной служит весь мир. В качестве методов здесь господствуют колониальная политика, система международных займов, политика сфер интересов и войны. Здесь совершенно открыто выступают насилие, обман, угнетение и грабеж, и стоит большого труда открыть в этом хаосе политического насилия и пробы сил строгие законы экономического процесса.

Буржуазно-либеральная теория рассматривает только одну часть процесса накопления – домены «мирного соревнования», технических чудес и чистой товарной торговли; другую его часть – область кричащих актов насилия, совершаемых капиталом, она отделяет от экономических домен капитала как более или менее случайные проявления «внешней политики».

В действительности политическое насилие и здесь является только вспомогательным средством экономического процесса; обе стороны процесса капиталистического накопления органически связаны между собой условиями воспроизводства капитала, и только взятые вместе они дают исторический путь капитала. Капитал не только рождается «в крови и грязи, которые сочатся из всех его пор с головы до ног»: он обходит в таком виде весь мир и при все усиливающихся конвульсивных содроганиях подготавливает свою собственную гибель.

Глава тридцать вторая

МИЛИТАРИЗМ КАК ПОПРИЩЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

Милитаризм выполняет в истории капитализма вполне определенную функцию. Он сопровождает накопление во всех его исторических фазах. В периоде так называемого «первоначального накопления», т. е. при зарождении европейского капитала, милитаризм играет решающую роль при завоевании Нового Света и индийских стран пряностей; но он сохраняет решающее значение и позже – при завоевании современных колоний, при разрушении социальных связей первобытных обществ и присвоении их средств производства, при насильственном введении товарной торговли в странах, социальная структура которых представляет препятствие для товарного хозяйства, при насильственной пролетаризации туземцев и введении наемного труда в колониях, при образовании и расширении сфер интересов европейского капитала во внеевропейских областях, при навязывании отсталым странам железнодорожных концессий и при проведении в жизнь требований европейского капитала в форме международных займов; милитаризм играет, наконец, решающую роль как средство

конкурентной борьбы между капиталистическими странами из-за областей некапиталистической культуры.

К этому присоединяется еще одна важная функция. Милитаризм с чисто экономической точки зрения является для капитала средством первого разряда для реализации прибавочной стоимости, т. е. поприщем для накопления. При рассмотрении вопроса о том, кого можно считать покупателями продуктов, в которых воплощена капиталистическая прибавочная стоимость, мы неоднократно отклоняли ссылки на государство и его чиновников как потребителей. Как представителей производных источников дохода мы относили их к той же категории потребителей прибавочной стоимости (или отчасти заработной платы), к которой относятся также представители либеральных профессий и всякого рода блюдолизы современного общества («король, поп, профессор, проститутка, солдат»). Но такое решение вопроса является исчерпывающим только при двух условиях: во-первых, если мы, в духе марксовой схемы воспроизводства, допускаем, что государство не располагает никакими другими источниками налогов, кроме капиталистической прибавочной стоимости и капиталистической заработной платы¹, и, во-вторых, если мы рассматриваем государство и его органы только как потребителей. Если речь идет о личном потреблении государственных чиновников (в том числе и «солдата»), то это означает – поскольку это потребление удовлетворяется средствами потребления рабочих – частичное перенесение потребления с рабочего класса на слои, примыкающие к классу капиталистов.

Допустим на одно мгновение, что вся сумма, отобранная у рабочих в виде косвенных налогов и означающая вычет из их потребления, обращается на уплату жалованья государственным чиновникам и на обеспечение постоянной армии провиантом. В этом случае в воспроизводстве всего общественного капитала не произойдет никакого изменения. Как подразделение средств существования, так и подразделение средств производства остаются неизменными, ибо потребности общества, взятые в целом, не претерпевают ни качественных, ни количественных изменений. При этом изменяется только отношение между стоимостью (v), как товара «рабочая сила», и стоимостью продуктов подразделения II, т. е. средств существования.

¹ Это допущение Др. Реннер, например, действительно кладет в основу своей работы о налогах. «Все стоимости, которые создаются в один год, – говорит он, – распадаются на эти четыре части. И налоги какого-нибудь года могут быть таким образом почерпнуты только из них; прибыль, процент на капитал, рента и заработная плата являются четырьмя особыми источниками налогов». («Das arbeiten de Volk und die Steuern». Wien, 1909, стр. 9.) Реннер тут же, правда, вспоминает о существовании крестьян, но он отделяется от них одним предложением: «Крестьянин, например, является в одно и то же время предпринимателем, рабочим и земельным собственником, в доходе от своего хозяйства он получает з а о д н о и заработную плату, и прибыль, и ренту». Ясно, что такое деление крестьянства на все категории капиталистического производства и совмещение в лице крестьянина предпринимателя, рабочего и землевладельца является совершенно нежизненной абстракцией. Экономическое своеобразие крестьянства, если уже рассматривать его, подобно Реннеру, как однообразную категорию, состоит как раз в том, что оно не принадлежит ни к капиталистическим предпринимателям, ни к наемному пролетариату и что оно представляет не капиталистическое, а простое товарное производство.

То же самое (v), то же самое денежное выражение рабочей силы, обменивается теперь на меньшее количество средств существования. Что происходит с получающимся таким образом остатком в продуктах подразделения II? Вместо того чтобы перейти к рабочим, он переходит к государственным чиновникам и к войску. Вместо потребления рабочих получается в таком же масштабе потребление органов капиталистического государства. Итак, при неизменных условиях воспроизводства получилось изменение в распределении всего общественного продукта: часть продуктов подразделения II, предназначенная для потребления рабочего класса, для покрытия (v), уделается теперь для потребления придатка (Anhang) класса капиталистов. С точки зрения общественного воспроизводства это изменение имеет такое же значение, как увеличение относительной прибавочной стоимости на определенную величину и присоединение этого приращения к части прибавочной стоимости, предназначенной для потребления класса капиталистов и относящихся к нему слоев.

В этом смысле ограбление рабочего класса, производимое механизмом косвенного обложения для того, чтобы поддерживать опору капиталистической государственной машины, сводится попросту к увеличению прибавочной стоимости, и притом потребляемой части прибавочной стоимости; только это дополнительное разграничение между прибавочной стоимостью и переменным капиталом происходит *post festum*, *п о с л е т о г о* как обмен между капиталом и рабочей силой уже закончился. Но если мы имеем дело с дополнительным приращением потребленной прибавочной стоимости, то это потребление органов капиталистического государства, даже если оно происходит за счет рабочего класса, не может рассматриваться как средство реализации к а п и т а л и з и р о в а н н о й прибавочной стоимости. Напротив того, можно сказать, что если рабочий класс не несет большей части расходов по содержанию государственных чиновников и «солдат», то эти расходы должны нести капиталисты. Для поддержания этих органов своего классового господства они должны уделять соответствующую часть своей прибавочной стоимости и притом либо за счет собственного потребления, которое они должны соответствующим образом ограничить, либо, что вероятнее, за счет части прибавочной стоимости, предназначенной для капитализации. Капиталисты могли бы меньше капитализировать, потому что они должны были бы больше затрачивать на непосредственное содержание их собственного класса. Перенесение большей части расходов по содержанию придатка класса капиталистов на рабочий класс (и на представителей простого товарного производства – на крестьян и ремесленников) позволяет капиталистам освобождать большую долю прибавочной стоимости для капитализации. Но это отнюдь не создает еще *в о з м о ж н о с т и к а п и т а л и з а ц и и*, т. е. не создает еще нового сбыта, который действительно позволил бы производить при помощи этой освобожденной прибавочной стоимости товары и реализовать их. Иначе обстоит дело, если средства, концентрируемые в руках государства при помощи налоговой системы, затрачиваются на производство военных припасов.

На базисе косвенного обложения и высоких покровительственных пошлин расходы на милитаризм несут главным образом рабочий класс

и крестьянство. Суммы налогов, вносимых тем и другим, следует рассматривать особо. Что касается рабочего класса, то дело с экономической точки зрения сводится к следующему: если предположить, что повышение заработной платы не поспевает за вздорожанием средств существования, – это верно в настоящее время по отношению к широким массам рабочего класса и даже по отношению к профессионально-организованному меньшинству, на которое картели и предпринимательские организации оказывают сильное давление¹, – то получится, что косвенное обложение означает перенесение части покупательной силы рабочего класса на государство. Переменный капитал как денежный капитал определенной величины служит, как и раньше, для того, чтобы привести в движение соответствующую массу живого труда, чтобы, стало быть, использовать соответствующий постоянный капитал в целях производства и произвести соответствующую массу прибавочной стоимости. После того как это обращение капитала закончилось, происходит дележ между рабочим классом и государством: часть денег, полученных рабочим классом в обмен за рабочую силу, передается государству. В то время как капитал присваивает прежний переменный капитал в его вещественной форме – рабочую силу – целиком, в руках рабочего класса остается только часть денежной формы переменного капитала: другая часть ее переходит в распоряжение государства. Эта операция совершается всякий раз по окончании процесса обращения между капиталом и трудом, так сказать, за спиной капитала; она непосредственно ни в чем не затрагивает этой фундаментальной части обращения капитала и производства прибавочной стоимости и не имеет к ним никакого касательства. Но она затрагивает условия воспроизводства всего капитала. Перенесение части покупательной силы рабочего класса на государство означает соответствующее уменьшение участия рабочего класса в потреблении средств существования. Для всего капитала это равносильно тому, что он при данной величине переменного капитала (как денежного капитала и как рабочей силы) и при данной массе присвоенной прибавочной стоимости должен производить меньшее количество средств существования для содержания рабочего класса; он фактически дает рабочему классу право на меньшую часть всего продукта. Отсюда вытекает, что при воспроизводстве всего капитала уже производится меньшая масса средств существования, чем это соответствует величине стоимости переменного капитала, ибо изменилось само отношение между стоимостями переменного капитала и массой средств существования, в которых он реализуется; высота косвенного обложения сказывается на повышении цен на средства существования, в то время как денежное выражение рабочей силы остается, согласно нашему допущению, неизменным или изменяется непропорционально повышению цен на средства существования.

В каком направлении произойдет изменение в вещественных отношениях воспроизводства? Вследствие относительного уменьшения

¹ Рассмотрение картелей и трестов как специфического явления империалистической фазы на почве внутренней конкурентной борьбы между отдельными капиталистическими группами из-за монополизации наличных областей накопления и из-за разделения прибыли лежит вне рамок этой работы.

массы средств существования, необходимой для обновления рабочей силы, освобождается соответствующая масса постоянного капитала и живого труда. Поскольку в обществе имеется новый платежеспособный спрос, этот постоянный капитал и этот живой труд могут быть применены в каком-нибудь другом производстве. Но этот спрос предъявляет теперь государство за счет той части покупательной силы рабочего класса, которую оно присваивает посредством налогового законодательства. Но государство предъявляет на этот раз спрос не на средства существования (а спрос на средства существования для содержания государственных чиновников, который также покрывается налогом, мы после всего сказанного раньше о «третьих лицах» оставляем в стороне), а на специфический род продуктов, на предметы снаряжения армии и флота.

Чтобы рассмотреть поближе изменения, получающиеся при этом в общественном воспроизводстве, возьмем опять в качестве примера вторую марксову схему накопления:

$$\begin{aligned} \text{I. } & 5\,000\ c + 1\,000\ v + 1\,000\ m = 7\,000\ \text{средств производства.} \\ \text{II. } & 1\,430\ c + 285\ v + 285\ m = 2\,000\ \text{средств потребления.} \end{aligned}$$

Допустим теперь, что косвенные налоги и вызванное ими вздорожание средств существования уменьшают реальную заработную плату, т. е. потребление рабочего класса, всего на величину стоимости в 100. В деньгах рабочие получают, стало быть, как и раньше, $1\,000\ v + 285\ v = 1\,285$, но на деле они получают за это средств существования стоимостью лишь в 1 185. Денежная сумма 100, равная повышению цен на средства существования, переходит в виде налога к государству. Положим, что государство, кроме этого, имеет на вооружение еще 150 из налогов, полученных от крестьян и др., всего оно располагает, стало быть, 250. Эти 250 предъявляют новый спрос, спрос на военные припасы. Но пока нас интересуют только те 100, которые происходят от заработной платы. Для удовлетворения этого спроса на военные припасы стоимостью в 100 возникает соответствующая отрасль производства, которая при одинаковом, т. е. среднем органическом составе капитала, – как это принимается в марксовой схеме, – нуждается в постоянном капитале стоимостью в 71,5 и в переменном капитале стоимостью в 14,25:

$$71,5\ c + 14,25\ v + 14,25\ m = 100\ (\text{военных припасов}).$$

Для потребностей этой отрасли производства должны быть произведены средства производства стоимостью в 71,5 и средства существования стоимостью приблизительно в 13 (соответственно уменьшению реальной заработной платы на $\frac{1}{13}$ – уменьшению, которое распространяется теперь и на рабочих этой отрасли).

Но можно тотчас же возразить, что прибыль, получившаяся от этого нового расширения сбыта, будет для капитала только видимостью, так как уменьшение фактического потребления рабочего класса будет иметь своим неизбежным последствием соответствующее сокращение производства средств существования. Это сокращение выражается для подразделения II в следующих пропорциях:

$$71,5\ c + 14,25\ v + 14,25\ m = 100.$$

Соответственно с этим подразделение средств производства тоже должно будет ограничить свои размеры, и производство обоих подразделений примет вследствие уменьшения потребления рабочего класса такой вид:

$$I. 4\ 949\ c + 989,75\ v + 989,75\ m = 6\ 982,5\ \text{средств производства.}$$

$$II. 1\ 385,5\ c + 270,75\ v + 270,75\ m = 7\ 900\ \text{средств потребления.}$$

Если эти самые 100 вызывают теперь при посредстве государства производство военных припасов на такую же стоимость и в связи с этим опять оживляют производство средств производства, то это на первый взгляд кажется лишь внешним изменением в вещественной форме общественного производства: вместо определенного количества средств существования производится определенное количество военных припасов. Кажется, что капитал выиграл одной рукой то, что он проиграл другой. Явление это может быть выражено еще так: то, что огромное число капиталистов, производящих средства существования для рабочей массы, теряют в сбыте, идет на пользу маленькой группе крупных промышленников той отрасли, которая производит военные припасы.

Но таким образом вопрос представляется лишь до тех пор, пока мы остаемся на точке зрения отдельного капиталиста. С этой точки зрения, конечно, совершенно безразлично, производятся ли продукты в той или другой отрасли. Для отдельного капиталиста вообще не существуют подразделения всего производства, как они различаются в схеме: для него существуют только попросту товары и покупатели. Для отдельного капиталиста поэтому совершенно безразлично, производит ли он средства существования или средства убийства, мясные консервы или броневые панцири.

Эта точка зрения часто выдвигается противниками милитаризма, чтобы доказать, что вооружения как хозяйственное приложение для капитала приносят одним капиталистам то, что отнимается от других¹. С другой стороны, капитал и его апологеты пытаются внушить эту точку зрения рабочему классу; они убеждают его в том, что благодаря косвенным налогам и спросу со стороны государства происходит только изменение в вещественной форме воспроизводства, что вместо одних товаров производятся другие – крейсера и пушки, –

¹ В своем ответе Воронцову, – в ответе, который в свое время приветствовался русскими марксистами, – проф. Мануйлов писал:

«Здесь следует провести строгое различие между группой предпринимателей, производящих предметы, обусловленные военными целями, и всем классом капиталистов. Для фабрикантов, занятых изготовлением ружей, пушек и других материалов, требуемых армией, без сомнения, существование этих армий выгодно и необходимо. Очень возможно, что падение системы вооруженного мира окончилось бы для Круппа разорением, но вопрос идет не об одной такой группе фабрикантов и заводчиков, а исключительно о капиталистах как классе, о капиталистическом строе». Но с этой последней точки зрения надо заметить, что «если бремя налогов лежит главнейшим образом на массе трудящегося населения, всякое их увеличение сокращает покупательную силу, а через нее и запрос на продукты производства». Этот факт доказывает, «что милитаризм, рассматриваемый с точки зрения производства военных материалов, обогащая одних капиталистов, наносит удар другим» («Юридический вестник» за 1890 г., книга I, «Милитаризм и капитализм»).

благодаря которым рабочий находит работу и зарабатывает хлеб с таким же или даже с большим успехом, чем при производстве обыкновенных товаров.

Что касается рабочих, то достаточно одного взгляда на схему, чтобы убедиться, что во всем этом правильно. Если предположить в целях облегчения сравнения, что в производстве военных припасов занято точно такое же число рабочих, сколько раньше было занято в производстве средств существования для наемных рабочих, то окажется, что за работу, соответствующую заработной плате в 1 285 v, они получают теперь средств существования на 1 185.

Иначе обстоит дело сточки зрения всего капитала. Для последнего 100 в руках государства, представляющие спрос на военные припасы, оказываются новым поприщем для сбыта. Эта сумма денег была первоначально переменным капиталом. Как таковая, она выполняла свою службу: она обменивалась на живой труд, который производил прибавочную стоимость. Но тут она прерывает обращение переменного капитала, отделяется от него и появляется в руках государства как новая покупательная сила. Возникши словно из ничего, она действует точно так же, как вновь открытый район для сбыта. Правда, сбыт средств существования для рабочих уменьшится на 100. Для отдельного капиталиста рабочий – такой же хороший потребитель и покупатель товаров, как и всякий другой, как капиталист, государство, крестьянин, «заграница» и т. д.; не нужно однако забывать, что для капитала, взятого в целом, содержание рабочего класса является лишь *malum necessarium* (необходимым злом), лишь кружным путем к истинной цели производства: к производству и реализации прибавочной стоимости. Если капиталу удастся выжать ту же прибавочную стоимость и выдавать при этом рабочим меньшее количество существования, то тем более блестящи его дела. Получается то же самое, как если бы капиталу – без поднятия цен на средства существования – удалось соответствующим образом уменьшить денежную заработную плату, не уменьшая при этом количества труда, затрачиваемого рабочими. Недаром длительное сокращение заработной платы имеет своим последствием сокращение производства средств существования. Как мало капитал беспокоится о том, что ему приходится производить меньшее количество средств существования для рабочих, когда он мошенническим образом урезывает их заработную плату и с большим удовольствием занимается этим делом при всяком удобном случае, так же мало забот причиняет капиталу, взятому в целом, то обстоятельство, что рабочий класс, благодаря косвенному обложению, которое не покрывается повышением заработной платы, предъявляет уменьшенный спрос на средства существования. Правда, при прямом сокращении заработной платы соответствующая часть переменного капитала остается в кармане капиталиста и – при неизменяющихся ценах на товары – увеличивает относительную прибавочную стоимость, тогда как теперь эта часть переходит в кассу государства. Но, с другой стороны, проведение на длительный срок всеобщего сокращения денежной заработной платы во все времена, а в особенности при высоком развитии профессиональных организаций, удается лишь в редких случаях. Скромное желание капитала наталкивается здесь на сильное социальное и политическое сопротивление. Напротив того,

понижение реальной заработной платы посредством косвенного обложения проводится гладко и аккуратно и имеет всеобщий характер; сопротивление сказывается здесь большею частью лишь спустя некоторое время и притом на политическом поприще: непосредственных экономических результатов оно большею частью не имеет. Если это вызывает потом сокращение производства средств существования, то оно воспринимается с точки зрения всего капитала не как известная потеря сбыта, но как экономия издержек производства прибавочной стоимости. Производство средств существования для рабочих является условием *sine qua non* производства прибавочной стоимости – воспроизводством живой рабочей силы, но оно никогда не служит средством для реализации прибавочной стоимости. Возьмем опять наш пример:

$$\begin{aligned} \text{I. } & 5\,000\ c + 1\,000\ v + 1\,000\ m = 7\,000\ \text{средств производства.} \\ \text{II. } & 1\,430\ c + 285\ v + 285\ m = 2\,000\ \text{средств потребления.} \end{aligned}$$

На первый взгляд кажется, что подразделение II производит и реализует прибавочную стоимость при производстве средств потребления для рабочих, равно как и подразделение I, поскольку оно производит средства производства, необходимые для производства средств потребления для рабочих. Но эта видимость исчезает, когда мы рассматриваем весь общественный продукт. Последний представляется так:

$$6\,430\ c + 1\,285\ v + 1\,285\ m = 9\,000.$$

Но потребление рабочих сокращается на 100. Изменение в воспроизводстве выразится вследствие соответствующего сокращения обоих подразделений следующим образом:

$$\begin{aligned} \text{I. } & 4\,949\ c + 989,75\ v + 989,75\ m = 6\,982,5\ \text{средств производства.} \\ \text{II. } & 1\,385,5\ c + 270,75\ v + 270,75\ m = 7\,900\ \text{средств потребления.} \end{aligned}$$

А весь общественный продукт выразится так:

$$6\,307,5\ c + 1\,260,5\ v + 1\,260,5\ m = 8\,828,5.$$

На первый взгляд приходится констатировать сокращение в размерах всего производства и производства прибавочной стоимости. Но это правильно лишь постольку, поскольку мы рассматриваем абстрактные величины стоимости в расчленении всего продукта, а не его вещественные связи. Если мы присмотримся поближе, то окажется, что весь обнаружившийся недочет затрагивает лишь расходы по содержанию рабочей силы и только их. Средства существования и средства производства производятся теперь в меньшем количестве, но это относится только к тем средствам существования и производства, которые служили для содержания рабочих. Теперь занят меньший капитал и производится меньшее количество продуктов. Но цель капиталистического производства заключается не просто в том, чтобы приводить в движение по возможности больший капитал, а в том, чтобы производить возможно большую прибавочную стоимость. Сокращение капитала получилось здесь только потому, что содержание

рабочих требует меньшего капитала. Если стоимость всех расходов по содержанию занятых в обществе рабочих выражалась раньше в 1 285, то получившееся теперь уменьшение всего продукта, – уменьшение = 171,5 (9 000 – 8 828,5), – следует вычесть целиком из расходов по содержанию рабочего класса: мы получим тогда измененный состав общественного продукта:

$$6\ 430\ c + 1\ 113,5\ v + 1\ 285\ m = 8\ 828,5.$$

Постоянный капитал и прибавочная стоимость остаются неизменными, уменьшается только переменный капитал общества, т. е. оплаченный труд. Или, так как неизменившаяся величина постоянного капитала может нас озадачить, то мы принимаем, что происходит сокращение постоянного капитала, соответствующее сокращению средств существования рабочих.

Мы получаем в таком случае следующее расчленение всего общественного продукта:

$$6\ 307,5\ c + 1\ 236\ v + 1\ 285\ m = 8\ 828,5.$$

Прибавочная стоимость в обоих случаях осталась неизменной, несмотря на сокращение всего общественного продукта, ибо уменьшились расходы по содержанию рабочих и только.

Все это можно представить еще иначе. Весь общественный продукт можно по его стоимости разбить на три пропорциональные части, которые представляют весь постоянный капитал общества, весь переменный капитал и всю прибавочную стоимость. И это можно проделать так, как будто в первой доле продукта не содержалось ни атома вновь приложенного труда, а во второй и третьей долях – ни атома средств производства. Так как эта масса продуктов как таковая по своей вещественной форме является целиком результатом того периода производства, в котором она произведена, то, несмотря на то, что постоянный капитал как величина стоимости является результатом предыдущего периода производства и что он только переносится на новый продукт, можно и всю массу занятых рабочих разделить на три категории: на таких, которые производят исключительно только весь постоянный капитал общества, на таких, единственным занятием которых является работа по обеспечению всех рабочих средствами существования, и, наконец, на таких, которые создают исключительно только всю прибавочную стоимость класса капиталистов.

Если происходит сокращение потребления рабочих, то увольняется только соответствующее число рабочих второй категории. Но эти рабочие, как известно, не создают для капитала прибавочной стоимости; поэтому их увольнение является с точки зрения капитала не потерей, а выигрышем, сокращением расходов по производству прибавочной стоимости.

Взамен этого и одновременно с этим возникает новый сбыт, – сбыт государству, обладающий всеми прелестями нового поприща для реализации прибавочной стоимости. Часть денежной суммы, входящей в обращение переменного капитала, отделяется от этого обращения и, переходя в руки государства, создает новый спрос. Тот факт,

что это явление с точки зрения н а л о г о в о й т е х н и к и происходит иначе, – вся сумма косвенных налогов фактически авансируется капиталом государству и возвращается капиталистам при продаже товаров в цене, которую уплачивают потребители, – не меняет э к о н о м и ч е с к о й стороны этого явления. Экономически решающее значение имеет то, что денежная сумма, функционирующая в качестве переменного капитала, служит сперва посредником для обмена между капиталистом и рабочей силой, чтобы затем, при обмене между рабочим как потребителем, и капиталистом как продавцом, перейти отчасти из рук рабочего к государству в качестве налога. Этим самым денежная сумма, брошенная капиталом в обращение, выполняет сперва свою функцию в обмене с рабочей силой, чтобы начать затем в руках государства совершенно новое движение; она выступает здесь как новая находящаяся не в руках капитала и не в руках рабочего покупательная сила, рассчитанная на новые продукты и на особую отрасль производства, которая не служит ни для содержания класса капиталистов, ни для содержания класса рабочих, но в которой капитал находит новую возможность для производства и реализации прибавочной стоимости. Раньше, когда мы говорили о применении косвенных налогов, выжатых из рабочих, для уплаты содержания государственных чиновников и для обеспечения войска, оказалось, что «сбережение» на потреблении рабочего класса экономически ведет к тому, что расходы по содержанию придатка (Anhang) класса капиталистов и орудий их классового господства над пролетариатом переносятся с капиталистов на рабочих, с прибавочной стоимости на переменный капитал, и что эти расходы освобождают соответствующую сумму прибавочной стоимости для целей капитализации.

Теперь мы видим, как факт применения налогов, выжатых из рабочих, к производству военных припасов дает капиталу возможность накопления.

Практически милитаризм на основе косвенных налогов действует в двух направлениях: он обеспечивает за счет нормальных условий существования рабочего класса содержание органов капиталистического господства, постоянной армии, и гарантирует капиталу грандиозное поприще для накопления¹.

Обратимся теперь ко второму источнику покупательной силы государства, к тем 150 из общей суммы в 250, которые в нашем примере затрачиваются на военные припасы. Эти 150 существенно отличаются от рассмотренных до сих пор 100. Они происходят не от рабочих, а от мелкой буржуазии – от ремесленников и крестьян. (Мы оставляем здесь в стороне относительно незначительное участие самого класса капиталистов в уплате налогов).

¹ Ухудшение нормальных условий, при которых происходит возобновление рабочей силы, ведет в конечном результате к ухудшению самой рабочей силы, к падению ее средней интенсивности и производительности: оно подвергает, следовательно, опасности и условия производства прибавочной стоимости. Но эти дальнейшие результаты, которые капитал начинает ощущать лишь по истечении более продолжительных периодов времени, на первых порах не принимаются во внимание при его экономических расчетах. Непосредственно они проявляются во всеобщем обострении борьбы рабочего класса.

Денежная сумма, переданная крестьянской массой (которую мы принимаем здесь за представительницу непролетарской потребительной массы) государству в форме налогов, не авансируется первоначально капиталом и не отделяется от обращения капитала. Она является в руках крестьянской массы эквивалентом реализованных товаров, осадком стоимости простого товарного производства. То, что передается при этом государству, является частью покупательной силы некапиталистических потребителей, которая служит капиталу для реализации прибавочной стоимости в целях накопления. Спрашивается, влечет ли за собой перенесение покупательной силы этих слоев на государство, которое использует ее в милитаристических целях, экономические изменения для капитала, и если да, то какого рода изменения? На первый взгляд и здесь идет речь об изменениях в вещественной форме воспроизводства.

Вместо определенной массы средств производства и потребления для крестьянских потребителей капитал будет производить на равную сумму стоимости военные припасы для государства. На самом деле это изменение гораздо глубже. Прежде всего, покупательная сила некапиталистических потребителей, приведенная в действие государством при посредстве механизма обложения, количественно гораздо больше, чем если бы эта покупательная сила служила на самом деле для целей собственного потребления этих потребителей.

Современная налоговая система вынуждает крестьян в массовых размерах переходить к товарному хозяйству. Налоговый пресс заставляет крестьянина превращать все большую часть своего продукта в товар. Налоговый пресс в то же время все более превращает и самого крестьянина в покупателя товаров; он гонит продукт крестьянского хозяйства через процесс обращения и насильственным образом впервые превращает крестьянина в покупателя капиталистических продуктов.

Далее, налоговая система и при наличности крестьянского товарного производства извлекает из крестьянского хозяйства большую покупательную силу, чем та, которую оно могло бы активно выставить без участия налоговой системы.

То, что обыкновенно накоплялось бы, как сбережение крестьян и мелкой буржуазии для того, чтобы увеличить в сберегательных кассах и банках капитал, ищущий применения, – в руках государства превращается в спрос и создает возможность для приложения капитала. Вместо предъявления огромного числа разрозненных во времени и в пространстве требований на товар, которые часто удовлетворялись бы простым товарным производством и которые, стало быть, не шли бы в счет при накоплении капитала, мы имеем здесь огромный, единый и компактный спрос, предъявляемый государством. Но последний для своего удовлетворения заранее предполагает крупную промышленность, находящуюся на высокой ступени развития; он, следовательно, предполагает наличность благоприятных условий для производства прибавочной стоимости и для накопления. В виде военных заказов государства покупательная сила потребительских масс, сконцентрированная в огромную величину, помимо воли, ставится вне зависимости от субъективных колебаний личного потребления и приобретает почти автоматическую регулярность и ритмический

рост. Наконец рычаг этого автоматического и ритмического движения милитаристически-капиталистического производства находится в руках самого капитала, ибо в его руках находится аппарат парламентского законодательства и печать, предназначенная для формирования так называемого общественного мнения. Вследствие этого, кажется, что наше специфическое поприще для накопления капитала обладает неопределенной способностью к расширению.

В то время как всякое расширение сбыта и операционного базиса для капитала в высокой мере зависит от исторического, социального и политического моментов, которые находятся вне власти капитала, производство для милитаризма представляет собой поприще, относительно которого кажется, что его скачкообразное расширение зависит в первой линии от определяющей воли самого капитала.

Историческая необходимость обостренной мировой конкуренции капитала из-за условий его накопления превращается таким образом для самого капитала в первоклассное поле для накопления. Чем энергичнее капитал использует милитаризм, чтобы похищать у некапиталистических стран и обществ их средства производства и рабочие силы и при помощи мировой и колониальной политики ассимилировать их, тем энергичнее тот же самый милитаризм работает у себя на родине, в капиталистических странах, для того, чтобы все в большей и большей мере отнимать у некапиталистических слоев этих стран, т. е. у представителей простого товарного производства и у рабочего класса, покупательную силу; он все в большей и большей мере похищает производительные силы первых и понижает жизненный уровень вторых, и все это для того, чтобы за счет тех и других колоссально увеличить накопление капитала. Но с обеих сторон условия накопления на известной высоте превращаются в условия гибели для капитала.

Чем больше насилия проявляет капитал, когда он посредством милитаризма уничтожает во всем мире и в своей родной стране существование некапиталистических слоев и ухудшает условия существования всех трудящихся масс, тем скорее история современного капиталистического накопления на мировой арене превращается в непрерывную цепь политических и социальных катастроф и конвульсий, которые вместе с периодическими хозяйственными катастрофами в форме кризисов делают невозможным продолжение накопления; восстание международного рабочего класса против капиталистического господства становится необходимостью еще раньше, чем оно наталкивается на свои естественные, им же самим созданные экономические перегородки.

Капитализм является первой хозяйственной формой, обладающей пропагандистской силой; это – форма, которая имеет тенденцию распространиться по всему земному шару и вытеснить все прочие хозяйственные формы и которая никаких других хозяйственных форм рядом с собою не терпит.

Но капитализм – первая хозяйственная форма, которая без других хозяйственных форм, как ее среды и питательной почвы, существовать не может; тенденция капитализма превратиться в мировую форму производства разбивается о его имманентную неспособность охватить все мировое производство. Капитализм таит в себе истори-

ческое противоречие, процесс его накопления является выражением, непрерывным разрешением и в то же самое время усложнением этого противоречия. На определенной высоте развития это противоречие не может быть разрешено иначе, как применением основ социалистического хозяйства, – той формы хозяйства, которая по природе своей является в одно и то же время мировой формой и гармонической системой, потому что она основана не на накоплении, а на удовлетворении жизненных потребностей трудящегося человечества путем развития всех производительных сил земной поверхности.

Отто Бауэр

НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА

НАКОПЛЕНИЕ И ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СИЛА

Часть выжатой прибавочной стоимости капиталисты ежегодно превращают в капитал. Они затрачивают часть прибавочной стоимости на расширение старых предприятий и на основание новых, т. е. на расширение своего производственного аппарата и подвластной им рабочей армии. Это превращение части прибавочной стоимости в капитал Маркс называет *накоплением капитала*. Чем дальше заходит развитие капитализма, тем меньше та часть прибавочной стоимости, которая потребляется капиталистами, и тем больше та часть ее, которая накапливается ими. *Норманаккопления*, т. е. отношение накапливаемой части прибавочной стоимости ко всей прибавочной стоимости, возрастает.

В то время как накопление капитала безгранично прогрессирует, в то время как производственный аппарат общества расширяется и товарная масса, производимая в предприятиях капиталистов, колоссально увеличивается, – *потребительной силе* капиталистического общества поставлены узкие границы. Покупательная сила рабочего класса возрастает медленнее, чем капитал, ибо с развитием производительных сил падает стоимость рабочей силы и уменьшается доля рабочего класса в стоимости, воплощенной в общественном продукте. Но покупательная сила класса капиталистов также растет медленнее, чем больше они накапливают. Поэтому потребительная сила капиталистического общества постоянно отстает от безгранично развивающихся производительных сил. Это внутреннее противоречие капиталистического способа производства ведет к падению нормы прибыли. Это противоречие проявляется в опустошительных кризисах, при которых товарная масса, выброшенная на рынок из расширенного производственного аппарата, напрасно ищет покупателей.

Объяснение кризисов несоответствием между накоплением капитала и потребительной силой общества впервые было развито Сисмонди, затем его переняли Мальтус, Кальмер и Родбертус. У Сисмонди это объяснение составляет существенную составную часть его критики капитализма; для Мальтуса и Кальмера оно является предпосылкой их доказательства того, что капиталистическое общество нуждается «в третьих лицах», чтобы вообще иметь возможность сбывать свои товары, – в третьих лицах, которые потребляют, ничего не производя.

Объяснение падения нормы прибыли несоответствием между накоплением капитала и ростом рабочего класса дали впервые п а м ф л е т ы 1821 г. Г о д с к и н и Р а м з а й.

Защитники капитализма боролись против этого учения.

Они отрицали возможность всеобщего перепроизводства. С возрастанием производства товаров, – говорили они, – растет и покупательная сила производителей. Кризисы могут возникать только от диспропорциональности между отдельными отраслями производства, а не от всеобщего перепроизводства. В этом отношении ничего не может изменить и тот факт, что рабочий должен делиться стоимостью своего продукта с капиталистом. Ибо, чем меньше могут потреблять рабочие, тем больше становится покупательная сила капиталистов; вся величина спроса на товары остается таким образом неизменной независимо от того, увеличивается ли или падает доля рабочего в стоимости продукта. Столь же безразлична для общей суммы спроса и норма накопления. Если она возрастает, то покупается, правда, сравнительно меньше потребительных благ, но зато больше средств производства. Так рассуждали Р и к а р д о, М а к К у л л о х и С э й.

Падение нормы прибыли, как и кризисы, нельзя объяснять перенакоплением. Падение нормы прибыли объясняется только тем, что все возрастающие трудности снабжения средствами существования повышают стоимость рабочей силы и понижают норму прибавочной стоимости. Падение нормы прибыли сводится таким образом к неизбежным законам природы: к перенаселению и к падению плодородия почвы. Эти мысли подчеркивали в особенности Р и к а р д о и Д ж о н С т ю а р т М и л л ь.

Маркс окончательно покончил с этими возражениями школы Рикардо-Сэя, но он в тоже время дал совершенно новое понимание опирающегося на Сисмонди учения о внутреннем противоречии капиталистического накопления. Он разделил капиталистическое производство на две части: на производство средств производства и на производство потребительных благ. Он доказал, что производство капитала лишь тогда может протекать беспрепятственно, когда между этими двумя отраслями производства существуют определенные количественные соотношения. Но эта гармония может установиться в капиталистическом обществе только как «результат процесса уничтожения существующих дисгармоний». Кризисы являются поэтому не случайными сопутствующими явлениями, вызванными случайной же диспропорциональностью производства, а неизбежными фазами воспроизводства капитала, ибо только через них могут установиться необходимые количественные отношения между обеими отраслями общественного производства. Но падение нормы прибыли даже при полной пропорциональности производства происходит не вследствие неизбежных законов природы, а в результате того факта, что капитал растет быстрее, чем приводимая им в движение рабочая сила, которая одна только производит прибавочную стоимость.

Схемы второго тома «Капитала», в которых Маркс дал условия равновесия между обеими отраслями производства, оказали огромное влияние на русскую экономическую литературу. Она обсуждала вопрос о том, является ли капитализм и для России

«неизбежную необходимостью»; должна ли и Россия, как думали западники, перенять экономические, социальные и политические учреждения Западной и Средней Европы, или же она может сохранить свое национальное своеобразие и самобытность, как полагали славянофилы; русская литература, выражаясь социалистически, ставила следующий вопрос: являются ли и для России концентрация капитала, пролетаризация народной массы и классовая борьба между буржуазией и пролетариатом предпосылками социализма, как учили социал-демократы, или же Россия может, не проходя через капитализм, построить социалистическое общество на основе мира, т. е. крестьянской земельной общины, как думали народники и их преемники, социалисты-революционеры? В этом споре обсуждался и вопрос о том, может ли капитализм вообще распространяться за пределы Западной и Средней Европы, и не потерпит ли развитие капиталистического производства на Востоке крушение ввиду невозможности сбыть товары, произведенные расширившимся производственным аппаратом? Руководствуясь марксовыми схемами, марксисты в борьбе с народниками показывали, что капитализм может еще сильно расширяться и что производственный аппарат может еще колоссально увеличиться без того, чтобы капиталисты ощущали недостаток в рынке для своих товаров, так как равновесие между производством средств производства и производством потребительных благ все снова и снова восстанавливается капиталистическим механизмом.

Спор между марксистами и народниками в России решен историей. Но теперь Роза Люксембург, конечно, с совершенно другой целью, опять подымает тезис об ограниченности капитализма. Ее книга: «Накопление капитала. К вопросу об экономическом объяснении империализма» (Берлин, 1913) дает новое понимание проблемы, которая со времен Сисмонди все снова и снова всплывает на поверхность.

Предположим сперва простое воспроизводство: вся прибавочная стоимость потребляется и никакая часть ее не накапливается, по Марксу, в следующей схеме:

I. Отрасли, производящие средства производства: постоянный капитал (c) + переменный (v) + прибавочная стоимость (m).

II. Отрасли, производящие потребительные блага: постоянный капитал (c_1) + переменный капитал (v_1) + прибавочная стоимость (m_1).

Отрасли, производящие средства производства, должны купить у отраслей, производящих потребительные блага, средства существования: во-первых, для пропитания своих рабочих на сумму (v) и, во-вторых, для потребления капиталистов на сумму (m), всего, стало быть, на сумму ($v + m$). С другой стороны, отрасли, производящие потребительные блага, должны купить средства производства у отраслей, изготавливающих эти последние, на сумму (c), для обновления своего постоянного капитала. Обмен между обеими группами совершается беспрепятственно, когда $c_1 = v + m$. Это – условие равновесия при простом воспроизводстве.

Другое дело – при воспроизводстве в расширенном масштабе. Здесь все производство представляется в следующей схеме:

I. Отрасли, производящие средства производства: постоянный капитал (c) + переменный капитал (v) + потребленная часть прибавочной стоимости (k) + накопленная часть прибавочной стоимости (α).

II. Отрасли, производящие потребительные блага: постоянный капитал (c_1) + переменный капитал (v_1) + потребленная часть прибавочной стоимости (k_1) + накопленная часть прибавочной стоимости (α_1).

Здесь возникают затруднения. Отрасли, производящие средства производства, покупают средства существования на сумму ($v+k$), и на эту же сумму отрасли, производящие потребительные блага, покупают у первых средства производства для обновления своего постоянного капитала. Что происходит с (α) и (α_1)? Прежде всего (α) овеществлено в средствах производства; кто может их купить? (α_1) воплощено в потребительных благах; куда их сбыть? Здесь Роза Люксембург прибегает к старой гипотезе «третьих лиц». Она полагает, что подлежащая накоплению часть прибавочной стоимости вообще не может быть реализована, если капиталистическое производство не может сбыть избыточных стоимостей вне своей сферы некапиталистически производящим мелкой буржуазии и мелкому крестьянству. Этим, по ее мнению, объясняется стремление капитала к расширению своих рынков. Отсюда стремление разрушить натуральное хозяйство, превратить всюду простое товарное производство в капиталистическое и сделать весь мир рынком для капиталистической промышленности; отсюда, стало быть, и м п е р и а л и з м! Но лишь только рынки сбыта не поддаются больше расширению, капитализм не может больше сбыть большую часть своих товаров. Он задыхается в им самим созданном богатстве. Тогда бьет его последний час... Такова основная мысль работы товарища Люксембург. Посмотрим теперь, правильна ли она.

НАКОПЛЕНИЕ И РОСТ НАСЕЛЕНИЯ

Всякое общество, численность населения которого возрастает, должно ежегодно расширять свой производственный аппарат. Эта необходимость будет существовать для социалистического общества точно так же, как и для капиталистического общества настоящего, как она существовала для крестьянского хозяйства прошлого, которое производило для своих собственных потребностей.

Предположим, что в социалистическом обществе численность населения возрастает ежегодно на 5%. Обществу в следующем году придется прокормить на 5% больше людей, чем в текущем. Поэтому общество: 1) должно уже в текущем году произвести определенное количество потребительных благ, которое необходимо для прироста населения в следующем году; оно, стало быть, должно, например, построить столько жилых домов, чтобы весь запас квартир увеличился на 5%, и расширить запашку настолько, чтобы запас хлеба возрос после следующей жатвы на 5%; 2) оно уже в этом году должно произвести такое количество средств производства, чтобы в следующем году иметь возможность предоставить в распоряжение рабочей

армии, увеличившейся на 5%, необходимые рабочие помещения и средства труда. Общество каждый год должно затрачивать часть своего труда на производство потребительных благ и средств производства, которые потребуются для прироста населения в следующем году.

То же самое должно делать и капиталистическое общество. Но здесь расширение производственного аппарата и запаса средств существования связано с накоплением капитала. Часть прибавочной стоимости превращается в капитал, причем одна часть накопленной прибавочной стоимости присоединяется к переменному капиталу, а другая часть – к постоянному. Капиталисты производят это накопление для увеличения своей прибыли; но общественный результат этого накопления заключается в том, что прирост населения находит готовыми необходимые ему потребительные блага и средства производства. В увеличении переменного капитала находит себе выражение создание средств существования для прироста населения; в увеличении постоянного капитала – создание для прироста населения рабочих помещений и средств труда.

Но в то время как в социалистическом обществе органы, планомерно направляющие производство, заботятся о том, чтобы расширение производственного аппарата и увеличение запаса средств существования шли в ногу с ростом населения, капиталистическое общество не имеет подобных органов. Накопление капитала зависит здесь от произвола капиталистов. Поэтому оно может отставать от роста населения или обгонять его. Посмотрим прежде всего, как должно совершаться накопление капитала, чтобы оно сохраняло равновесие с ростом населения. Если мы уясним это, то нам нетрудно будет понять, к каким результатам должно привести нарушение этого состояния равновесия.

Предположим, что численность населения увеличивается ежегодно на 5%. Если равновесие сохраняется, то и переменный капитал должен увеличиваться ежегодно на 5%. Постоянный капитал растет быстрее, чем переменный, – насколько быстрее, это определяется достигнутой в данный момент степенью развития техники. Предположим, что постоянный капитал увеличивается ежегодно на 10%. Тогда мы получаем, например, следующий ряд:

Таблица 1

	Постоянный капитал	Переменный капитал
1-й год	200 000	100 000
2-й »	220 000	105 090
3-й »	242 000	110 250
4-й »	266 200	115 762

Чтобы упростить исследование, предположим пока, что норма прибавочной стоимости остается неизменной. Пусть она равняется 100%. Масса прибавочной стоимости в каждом году столь же велика, как и масса переменного капитала. Какая часть прибавочной стоимости накапливается и какая потребляется? Накопляется часть, достаточная для увеличения переменного капитала на 5% и постоянного

капитала на 10%. Пусть прибавочная стоимость, например, составляет в первом году 100 000. Тогда для увеличения постоянного капитала (с 200 000 до 220 000) употребляется 20 000, а для увеличения переменного капитала (со 100 000 до 105 000) – 5 000. Всего, стало быть, накапливается 25 000, а потребляется 75 000. За четырехлетний период развитие представится в следующем виде:

Таблица 2

	Прибавочная стоимость	Потребляется	Присоединяется к постоянн. кап.	Присоединяется к перем. кап.
1-й год	100 000	75 000	20 000	5 000
2-й »	105 000	77 750	22 000	5 250
3-й »	110 250	80 539	24 200	5 511
4-й »	115 762	80 374	26 600	5 788

Каждый год 5% прибавочной стоимости отнимается от потребления капиталистов и затрачивается на увеличение переменного капитала. Но, кроме того, часть прибавочной стоимости должна быть употреблена на увеличение постоянного капитала. Но так как прибавочная стоимость растет в той же пропорции, что и переменный капитал, а постоянный капитал быстрее переменного, то к постоянному капиталу должна присоединяться из года в год возрастающая часть прибавочной стоимости. Норма накопления (отношения подлежащей накоплению части прибавочной стоимости ко всей прибавочной стоимости) выразится таким образом в следующих цифрах (округленно в %):

Таблица 3

1-й год.....	25
2-й »	26
3-й »	27
4-й »	28

В предположении неизменной нормы прибавочной стоимости воспроизводство в расширенном масштабе, при прогрессирующем росте органического состава капитала, возможно лишь тогда, когда норма накопления из года в год возрастает. Если равновесие между накоплением и приростом населения сохраняется, то рост нормы накопления должен находиться в определенно (*festen*) количественном отношении к росту населения и к росту постоянного капитала. Что это действительно так, показывают цифры нашего примера. Кто привык вести расчеты в общих числах, без особого труда найдет уравнение, выражающее это количественное отношение.

Мы рассматривали до сих пор рост всего капитала. Исследуем теперь, как весь капитал должен распадаться на две упомянутых выше крупных отрасли производства – на производство средств производства и потребительных благ.

Предположим, что производство в первом году представляется в следующем виде:

	Отрасли, произв. средства произв. (I)	Отрасли, произв. потребит. блага (II)	Все произ- водство
Постоянный капитал (с)	120 000	80 000	200 000
Переменный капитал (v)	50 000	50 000	100 000
Потребленная часть прибавоч- ной стоимости (k)	37 500	37 500	75 000
Подлежит присоединению к постоянному капиталу (α)	10 000	10 000	20 000
Подлежит присоединению к переменному капиталу (β)	2 500	2 500	5 000
Сумма	220 000	180 000	409 000

Каким же образом должен распределяться капитал во втором году? Производительное приложение накопленной в каждой из обеих сфер производства прибавочной стоимости в следующем году в той же самой сфере производства невозможно, ибо прогресс к более высокому органическому составу капитала требует передвижки капитала из отраслей, производящих потребительные блага, в производство средств производства. Мы, следовательно, должны рассчитать, какую часть прибавочной стоимости, накопленной в отраслях, производящих потребительные блага, нужно перенести в производство средств производства с целью расширения этой отрасли.

Согласно таблицам 1 и 2, мы во втором году должны иметь:

Переменный капитал.....	105 000
Потребленная часть прибавочной стоимости	77 750
Часть прибавочной стоимости, подлежащая присоединению к переменному капиталу	5 250
Сумма.....	188 000

Отсюда следует, что стоимость продукта отраслей, производящих потребительные блага, во втором году должна составлять 188 000, ибо только на эту сумму стоимостей могут быть выменены средства потребления.

В отраслях, производящих потребительные блага, в первом году накапливается 10 000 (α) (постоянного капитала) и 2 500 (β) (переменного капитала). Если стоимость продукта отраслей, производящих потребительные блага, составит во втором году 188 000, то от накопленной в них в первом году прибавочной стоимости в отраслях, производящих потребительные блага, может быть приложено лишь $5\,334\alpha + 1\,333\beta$; остаток должен быть перенесен в отрасли, производящие средства производства¹.

¹ Эти числа получены следующим образом: во втором году стоимость продукта отраслей, производящих потребительные блага, составляет

$$c + v + m = 188\,000.$$

Так как норма прибавочной стоимости 100%. т. е. $v = m$, то:

$$c + 2v = 188\,000.$$

Прирост постоянного капитала в производстве потребительных благ с первого года на второй составляет: $c - 80\,000$; прирост переменного капитала:

Итак, мы для второго года получаем:

	Отрасли, произв. средства произв. (I)	Отрасли, произв. потребит. блага (II)	Все произ- водство
Постоянный капитал (с)	134 666	85 334	220 000
Переменный капитал (v)	53 667	51 333	105 000
Потребленная часть прибавоч- ной стоимости (k)	39 740	38 010	77 750
Подлежит присоединению к постоянному капиталу (α)	11 244	10 756	22 000
Подлежит присоединению к переменному капиталу (β)	2 683	2 567	5 250
Сумма	242 000	188 000	430 000

Таковыми же расчетами мы высчитываем данные для следующих лет. Мы получаем таким образом следующий ряд:

Таблица 4

	с	v	k	α	β	
1-й год						
I.....	120 000 +	50 000 +	37 500 +	10 000 +	2 500 =	220 000
II.....	80 000 +	50 000 +	37 500 +	10 000 +	2 500 =	180 000
	<hr/>					200 000 + 100 000 + 75 000 + 20 000 + 5 000 = 400 000
2-й год						
I.....	134 666 +	53 667 +	39 740 +	11 244 +	2 683 =	242 000
II.....	85 334 +	51 333 +	38 010 +	10 756 +	2 567 =	188 000
	<hr/>					220 000 + 105 000 + 77 750 + 22 000 + 5 250 = 430 000
3-й год						
I.....	151 048 +	57 576 +	42 070 +	12 638 +	2 868 =	266 200
II.....	90 952 +	52 674 +	38 469 +	11 562 +	2 643 =	196 300
	<hr/>					242 000 + 110 250 + 80 539 + 24 200 + 5 511 = 462 500
4-й год						
I.....	169 124 +	61 738 +	41 465 +	14 186 +	3 087 =	292 600
II.....	96 876 +	54 024 +	38 909 +	12 414 +	2 701 =	204 524
	<hr/>					266 000 + 115 762 + 83 374 + 26 600 + 5 588 = 497 924

Цифры, которые Маркс берет во втором томе «Капитала» для представления процесса воспроизводства, выбраны произвольно и не свободны от противоречий. Это объясняется тем, что Энгельс нашел эту часть марксова труда в литературном наследстве нашего учителя незаконченной. Но если он изложил ход своих мыслей не в безукоризненном виде, то это отнюдь не значит, что самый ход этих мыслей неправилен. Роза Люксембург довольствуется указанием на произвольности марксовых схем и склонна верить, что без этих произвольностей вообще нельзя было бы построить схемы. Мы предпочитаем искать для марксова хода мыслей подходящее наглядное пояснение и вести наше исследование по схеме, освобожденной от произвольных элементов. Поэтому мы здесь построили схемы,

v – 50 000. Если одинаковая часть от α и от β переносится в отрасль, производящую средства производства, то мы получаем:

$$(с - 80 000) : (v - 50 000) = 10 000 : 2 500.$$

Решив эти уравнения, мы получаем v = 51 333, с = 85 334.

которые – раз приняты предпосылки – уже не содержат в себе ничего произвольного и числовые значения которых с железной необходимостью вытекают друг из друга.

Произвольны только предпосылки, взятые для первого года а именно, что постоянный капитал составляет 200 000 и переменный капитал 100 000, что переменный капитал распределен поровну между обеими сферами производства, что норма прибавочной стоимости равна 100% и что норма накопления одинакова в обеих сферах производства. Далее, произвольно допущение, что постоянный капитал возрастает ежегодно на 10%, а переменный капитал на 5%. Но если эти предпосылки приняты, то все цифры, представленные в схеме, вытекают из них с математической необходимостью. Развитие не может протекать иначе, пока норма прибавочной стоимости остается неизменной и поскольку норма накопления остается одинаковой для обеих сфер производства. Наша схема дает таким образом безупречную основу для исследования проблемы, поставленной товарищем Люксембург.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Руководствуясь таблицей 4, исследуем, может ли товарная масса, овеществленная в накопленной части прибавочной стоимости ($\alpha + \beta$), найти себе сбыт в самом капиталистическом мире, или она, как думает товарищ Люксембург, может быть сбита лишь вне капиталистического мира.

В о т р а с л я х , п р о и з в о д я щ и х с р е д с т в а п р о и з в о д с т в а , в первом году изготавливаются товары стоимостью в 220 000. Кто покупает эти товары?

Прежде всего капиталисты отраслей, производящих средства производства, сами нуждаются в средствах производства. Часть этих потребностей они покрывают, затрачивая средства производства, произведенные в их собственных предприятиях, для обновления или для расширения этих последних. Так, угольные копи сами употребляют уголь для отопления своих паровых котлов, железоделательные заводы сами применяют железо для обновления или расширения своего производственного аппарата. Другую часть потребностей они покрывают путем покупок друг у друга в пределах отраслей, производящих средства производства. Так, железоделательный завод покупает уголь у угольной копи, горное предприятие покупает машины у машиностроительного завода, машиностроительный завод покупает железо у железоделательного завода. Но как велика вся потребность отраслей, производящих средства производства, в новых средствах производства? Прежде всего должен быть восстановлен постоянный капитал, потребленный в производстве; для этой цели капиталисты отраслей, производящих средства производства, должны затратить средств производства стоимостью в 120 000. Но сверх того капиталисты затратят для расширения существующих или для основания новых предприятий накопленную ими в первом году прибавочную стоимость. Если они захотят применить в сле-

дующем году капитал, увеличенный на 12 500, то они уже в этом году должны строить новые рабочие помещения, покупать новые машины и увеличивать запас сырых материалов, чтобы рабочие, которых они хотят взять на работу в начале следующего года, нашли уже готовыми необходимые средства труда. Для этой цели они должны купить друг у друга средства производства стоимостью в 10 000. Всего, стало быть, из средств производства стоимостью в 220 000, произведенных в сфере I, внутри этой сферы находят себе сбыт: во-первых, 120 000 для обновления производственного аппарата и, во-вторых, 10 000 для расширения производственного аппарата в следующем году. Но что же происходит с оставшимися средствами производства стоимостью в 90 000?

Прежде всего капиталисты отраслей, производящих потребительные блага, должны купить средства производства стоимостью в 80 000 для обновления средств производства, потребленных в производстве в первом году. Но сверх того капиталисты отраслей, производящих потребительные блага, должны уже в этом году строить рабочие помещения, покупать машины, увеличивать запас сырых материалов, потому что они в следующем году намерены продолжать производство в расширенном масштабе. С этой целью сфера II покупает у сферы I средства производства стоимостью в 5 334. Всего, стало быть, капиталисты отраслей, производящих потребительные блага, покупают средств производства, необходимых для производства потребительных благ, на сумму в 85 334. Непроданными таким образом остались теперь лишь средства производства стоимостью в 4 666. Где они находят себе сбыт?

Капиталисты отраслей, производящих потребительные блага, переносят часть накопленной в первом году прибавочной стоимости в отрасли, производящие средства производства: они либо сами основывают фабрики, в которых производятся средства производства, либо при посредстве банков передают часть накопленной ими прибавочной стоимости капиталистам отраслей, производящих средства производства¹, для приложения ее в этих отраслях, либо покупают акции обществ, производящих средства производства. Если производственный аппарат сферы I расширится таким образом в следующем году, то элементы этого производственного аппарата (рабочие помещения, машины, сырье) должны быть куплены уже в этом году. Отрасли, производящие средства производства, продают поэтому товары стоимостью в 4 666 тому капиталу, который накоплен в отраслях, производящих потребительные блага, но который применяется в отраслях, производящих средства производства. Капиталисты отраслей, производящих потребительные блага, покупают, стало быть, наряду со средствами производства стоимостью в 85 334, которые затрачиваются на производство потребительных² благ, еще средства производства стоимостью в 4 666, предназначенные для производства средств производства.

¹ В подлиннике, очевидно, ошибка: напечатано вместо Produktionsmittelindustrien – Konsumtionsmittelindustrien. – Прим. пер.

² В подлиннике, очевидно, опечатка: вместо Konsumtionsguter напечатано Produktionsguter. – Прим. пер.

Итак, средства производства, произведенные в первом году, сбываются следующим образом:

1. Капиталистам отраслей, производящих средства производства:		
a) на обновление производственного аппарата в I	120 000	
b) на расширение производственного аппарата в I	10 000	
	<hr/>	
	Итого	130 000
2. Капиталистам отраслей, производящих потребительные блага:		
a) для обновления производственного аппарата в II	80 000	
b) для расширения производственного аппарата в II	5 334	
c) для расширения производственного аппарата в I	4 666	
	<hr/>	
	Итого	90 000

Этим самым вся товарная масса, произведенная в сфере I, сбыта без остатка.

Как же происходит сбыт потребительных благ? Для упрощения исследования допустим пока, что весь рабочий класс живет в фабричных квартирах (т. е. в квартирах, принадлежащих промышленным капиталистам) и покупает все необходимое только в фабричных лавках (т. е. в лавках, принадлежащих промышленным капиталистам). В этом случае все произведенные средства потребления попадают в руки промышленных капиталистов, причем одна часть потребляется ими самими, а другая часть продается ими рабочим.

В первом году стоимость товаров, произведенных в отраслях, производящих потребительные блага, составляет 180 000. Из этих товаров часть применяется в самих отраслях, производящих потребительные блага. Прежде всего сами капиталисты этих отраслей потребляют товаров стоимостью в 37 500. Сверх того капиталисты отраслей, производящих потребительные блага, должны сбыть часть своих товаров своим фабричным лавкам, чтобы продать их рабочим сферы II. Как велика должна быть эта часть? В первом году доход рабочих в II составлял 50 000, во втором году он будет составлять 51 333. Следовательно, капиталисты II должны из продукта первого года 51 333 передать в свои фабричные лавки, дабы запас, предназначенный для пропитания рабочих во втором году, был уже заготовлен. Таким образом из продукта сферы II внутри самой этой сферы было сбыто $37\,500 + 51\,333 = 88\,833$.

Капиталисты отраслей, производящих средства производства, должны покупать товары у отраслей, производящих потребительные блага. Для своего собственного потребления они нуждаются в товарах стоимостью в 37 500. Кроме того они должны купить товары для своих фабричных лавок. Доход рабочих сферы I составляет в первом году 50 000. Прибавлением сюда накопленной части прибавочной стоимости он во втором году повышается до 52 500. Таким образом капиталисты I должны в первом году купить для своих фабричных лавок 52 500 из годового продукта II, чтобы эти лавки могли покрыть потребности рабочих I. Вся потребность капиталистов, производящих средства производства, в потребительных благах составляет, следовательно, $37\,500 + 52\,500 = 90\,000$.

Наконец, капиталисты II затрачивают часть накопленной ими прибавочной стоимости на постройку новых предприятий, произ-

водящих средства производства. Эти предприятия также должны устроить фабричные лавки. Эти последние должны купить часть потребительных благ, произведенных в первом году, чтобы они могли покрыть потребности рабочих, занятых в этих предприятиях во втором году. Они покупают потребительных благ стоимостью в 1 167. Итак, потребительные блага, произведенные в первом году, сбываются следующим образом:

1. Капиталистам отраслей, производящих средства производства:	
а) для их собственного потребления	37 500
б) для фабричных лавок	52 500
	Итого
	90 000
2. Капиталистам отраслей, производящих средства потребления:	
а) для их собственного потребления	37 500
б) для фабричных лавок в II	51 333
в) для фабричных лавок в I	1 167
	Итого
	90 000

Следовательно, вся товарная масса, произведенная в сфере II, также сбывается. Вместе с тем мы видим, что капиталисты отраслей, производящих потребительные блага, покупают у отраслей, производящих средства производства, этих последних стоимостью в 90 000 и продают им потребительных благ на ту же стоимость. Обращение между обеими сферами заключается в том, что потребительные блага стоимостью в 90 000 обмениваются на средства производства той же стоимости. Таким образом оказывается реализованной стоимость всего продукта обеих сфер, следовательно, и вся прибавочная стоимость.

Мы предполагали до сих пор, что продажа товаров производится самими промышленными капиталистами, что промышленные капиталисты сами делают запасы товаров и продают их рабочим. Но в существе всего процесса ничего не изменится, если эта функция будет перенесена на особый капитал; если на место товарного капитала промышленных капиталистов станет товарно-торговый капитал. В этом случае имеют место следующие изменения: во-первых, вместо фабричных лавок товары покупаются купцами, во-вторых, часть товарного капитала находится не в руках промышленных капиталистов, а в руках купцов; первые делятся с последними своей прибавочной стоимостью, и, по мере того как это происходит, вместо спроса на товары, предъявляемого промышленными капиталистами, выступает спрос со стороны купцов. Совокупная потребительная сила общества этим обстоятельством совершенно не затрагивается. Вся прибавочная стоимость реализуется и в этом случае.

Руководствуясь таблицей 4, можно подобным же образом убедиться в том, что стоимость всего продукта обеих сфер сбывается без затруднений не только в первом году, но и в каждом из последующих годов и что реализуется также совокупная прибавочная ценность. Следовательно, допущение товарища Люксембург, что накопленная часть прибавочной стоимости не может быть реализована, — не верно.

Как же это возможно, что товарищ Люксембург пришла к этому ложному утверждению?

Мы допустили, что капиталисты уже в первом году покупают те средства производства, которые приводятся в движение приростом рабочего населения во втором году, и что капиталисты уже в первом году покупают те потребительные блага, которые они продают приросту рабочего населения во втором году, что, следовательно, часть продукта труда первого года покупается с тем, чтобы дать ей применение как добавочному производительному капиталу во втором году. Если бы мы не сделали этого допущения, то реализация прибавочной стоимости, произведенной в этом году, действительно была бы невозможна. Тогда были бы проданы:

Из средств производства:	
для обновления постоянного капитала в I	120000
для обновления постоянного капитала в II	80000
	Итого.....200000
Из потребительных благ:	
капиталистам I.....	37500
рабочим I.....	50000
капиталистам II	37500
рабочим II	50000
	Итого.....175000

В этом случае действительно не поддаются сбыту средства производства стоимостью в 20 000 и потребительные блага стоимостью в 5 000. На самом деле, как раз часть прибавочной стоимости ($\alpha + \beta$), предназначенная для накопления, не могла бы быть реализована.

Роза Люксембург полагает, что накопленная часть прибавочной стоимости не может быть реализована. В первом году она действительно не реализуется, раз вещественные элементы добавочного производительного капитала (новые рабочие помещения, машины, сырье, потребительные блага для прироста количества рабочих) покупаются лишь во втором году. Но в конце концов они все же должны быть куплены если не в первом, то во втором году, ибо без них расширение производственного аппарата, т. е. производительное приложение вновь образовавшегося капитала, невозможно. Лишь только они покупаются, как реализуется и до сих пор еще скрытая часть прибавочной стоимости, произведенной в первом году.

Сам Маркс представляет кругооборот капитала следующим образом:

$$D - T (C + P) \dots P \dots T_1 - D_1$$

Разложим T_1 на три части: $T + t + t_1$, где T равно издержкам производства ($c + v$), t – потребленной части и t_1 – накопленной части прибавочной стоимости. Тогда мы получим следующую картину:

$$D - T (C+P) \dots P \dots (T+t+t_1) - (D+d+d_1)$$

По окончании процесса производства кругооборот распадается на три частичных процесса. Разумеется, может случиться, что время, необходимое для превращения произведенных товаров в деньги, различно для каждого из трех частичных процессов. Пока закончен лишь процесс $T-D$, прибавочная стоимость вообще еще не реализована, реализованы только издержки. Когда закончен процесс $(T+t) - (D+d)$, реализована лишь потребленная, а не накопленная часть прибавочной стоимости. Накопленная часть прибавочной стоимости может быть реализована лишь в тот момент, когда t_1 превратилось в d_1 , т. е. когда проданы те товары, в которых овеществлена подлежащая накоплению часть прибавочной стоимости, – те товары, которые образуют материальные элементы добавочного производительного капитала следующего периода производства.

Итак, случай реализации только потребленной, а не накопленной части прибавочной стоимости действительно может иметь место: он наступает тогда, когда $(T+t)$ уже превратилось в $(D+d)$, но t_1 еще не превратилось в d_1 .

Но этот случай является лишь переходящей фазой во всем кругообороте. По мере того как происходит производительное приложение вновь образованного капитала, реализуется и накопленная часть прибавочной стоимости. Следовательно, если $(T+t)$ превратилось в $(D+d)$ уже в первом году, в то время как t_1 , произведенное в том же году, может быть превращено в d_1 лишь в следующем году, то в первом году реализуется, конечно, лишь потребленная часть прибавочной стоимости; часть прибавочной стоимости, произведенная в первом году и предназначенная для накопления, не остается однако нереализованной: она также реализуется, но лишь в течение второго года.

Прибавочный продукт, произведенный в первом году, состоит из двух частей: во-первых, из потребительных благ для капиталистов и, во-вторых, из материальных элементов добавочного производительного капитала. Когда продана первая составная часть, то реализована потребленная часть прибавочной стоимости; когда продана вторая составная часть, то реализована накопленная часть прибавочной стоимости. Невозможно с перва реализовать часть прибавочной стоимости (k) и затем только создать потребительные блага для капиталистов; реализация как раз и совершается в продаже первой составной части прибавочного продукта. Столь же невозможно с перва реализовать часть прибавочной стоимости ($\alpha+\beta$) и затем только покупать материальные элементы добавочного производительного капитала; реализация ($\alpha+\beta$) как раз и совершается в продаже второй составной части прибавочного продукта. Следовательно, нет ничего странного в том, что Роза Люксембург не может реализовать в первом году ($\alpha+\beta$), раз она принимает, что

капиталисты покупают материальные элементы добавочного производительного капитала лишь во втором году. Реализация $(\alpha+\beta)$ и производительное применение прибавочного продукта, в котором овеществлено $(\alpha+\beta)$, – две стороны одного и того же явления, они могут произойти только о д н о в р е м е н н о.

Вся трудность возникает лишь в том случае, если принять, что время продажи товаров, в которых воплощена накопленная часть прибавочной стоимости, длиннее времени продажи остальных товаров. В действительности время оборота отдельных капиталов и его расчленение на время покупки, производства и продажи весьма различны. Чтобы представить воспроизводство капитала в простой схеме, Маркс должен был отвлечься от этих различий и принять, что годовой продукт сбывается в пределах года. Но если бы мы даже не обратили внимания на эту предпосылку марксовой схемы, мы все равно не пришли бы ни к какому другому результату, как к той не неожиданной истине, что часть прибавочной стоимости, произведенной в одном году, реализуется лишь в течение следующего года.

Товарищ Люксембург думает, что товары, в которых воплощено $(\alpha+\beta)$, должны быть проданы вне капиталистического мира, чтобы была возможна реализация овеществленной в них прибавочной стоимости. Но что же это за товары? Ведь это – те средства производства, которые нужны капиталистам для расширения их производственного аппарата, и те потребительные блага, которые употребляются на прокормление прироста рабочего населения. Если бы эти товары были выброшены за пределы капиталистического мира, то в следующем году вообще не было бы возможно никакое производство в расширенном масштабе; нельзя было бы произвести ни средств производства, необходимых для расширения производственного аппарата, ни средств существования, необходимых для прокормления возросшего количества рабочих. И с к л ю ч е н и е э т о й ч а с т и п р и б а в о ч н о г о п р о д у к т а и з к а п и т а л и с т и ч е с к о г о р ы н к а н е т о л ь к о н е с д е л а л о б ы в о з м о ж н ы м н а к о п л е н и е, к а к д у м а е т Р о з а Л ю к с е м б у р г, н а п р о т и в т о г о, о н о с д е л а л о б ы н е в о з м о ж н ы м в с я к о е н а к о п л е н и е.

В действительности и накопленная часть прибавочной стоимости реализуется в капиталистическом обществе. Реализация происходит, конечно, шаг за шагом, постепенно. Так, например, средства существования, которые употребляются для прокормления добавочных рабочих во втором году, как правило, производятся и продаются производителями крупному торговому капиталу уже в первом году; стало быть, часть прибавочной стоимости, овеществленная в этих средствах существования, реализуется уже в первом году. Реализация другой части этой прибавочной стоимости происходит лишь в течение второго года, вместе с продажей этих средств существования крупными торговцами мелким и этими последними – рабочим. Всех частностей этого процесса схема обнять, конечно, не может, но весь процесс в целом от этого нисколько не изменяется. Хотя кругообороты отдельных капиталов поглощают и перекрещивают друг друга, но факт остается: реализация $(\alpha+\beta)$ и производительное приложение вновь образованного капитала происходят одно-

временно, иначе говоря, первая совершается во втором и посредством него. В этом смысле наша схема является верным отражением действительности. Это доказывает, что и часть прибавочной стоимости, подлежащая накоплению, реализуется в самой капиталистической сфере.

НЕДОСТАТОЧНОЕ НАКОПЛЕНИЕ И ПЕРЕНАКОПЛЕНИЕ

Наша схема (таблица 4) предполагает, во-первых, что количество рабочих возрастает ежегодно на 5%, во-вторых, что переменный капитал возрастает в такой же пропорции, что и количество рабочих, и, в-третьих, что постоянный капитал растет настолько быстрее переменного, насколько этого требует технический прогресс. При этих предпосылках нет ничего удивительного, что при реализации прибавочной стоимости не возникает никаких затруднений. Потребительная сила рабочих растет в этом случае с такой же быстротой, как их численность. Потребительная сила капиталистов возрастает столь же быстро, так как с количеством рабочих возрастает и масса прибавочной стоимости. Потребительная сила всего общества растет, следовательно, с такой же быстротой, как стоимость, воплощенная в продукте. Накопление не вносит в это никаких изменений; оно лишь означает, что требуется меньше потребительных благ, но больше средств производства, чем при простом воспроизводстве. Расширение поля производства, составляющее предпосылку накопления, дано здесь ростом населения.

Однако это состояние равновесия между накоплением и ростом населения может сохраниться лишь в том случае, если норма накопления повышается с такой быстротой, что переменный капитал, несмотря на увеличение органического состава капитала, растет так же быстро, как население (таблица 3). Если возрастание нормы накопления отстает от требуемой величины, то рост переменного капитала отстает от увеличения ищущего работы населения. Состояние, которое наступает при этом, мы можем назвать состоянием недостаточного накопления (или недонакопления – *Unterakkumulation*).

Первым следствием недостаточного накопления является образование промышленной резервной армии. Часть прироста населения остается безработной. Безработные пролетарии оказывают давление на заработную плату. Заработная плата падает, норма прибавочной стоимости возрастает. Так как в обществе, состоящем только из капиталистов и пролетариев, безработные пролетарии не могут найти никакого иного дохода, кроме заработной платы, то последняя будет до тех пор падать, а норма прибавочной стоимости до тех пор возрастать, пока все рабочее население найдет занятия, несмотря на относительно уменьшившуюся величину переменного капитала. Изменившееся распределение стоимости продукта, которое вследствие этого наступает, вызвано тем фактом, что с возрастанием органического состава капитала, в котором находит свое выражение технический прогресс, падает стоимость рабочей силы

и образуется, следовательно, относительная прибавочная стоимость.

Если норма прибавочной стоимости повышается, то при неизменной норме накопления увеличивается и подлежащая накоплению часть прибавочной стоимости. Возрастает, следовательно, и масса прибавочной стоимости, которая идет на увеличение переменного капитала. Ее возрастание должно идти по указанному пути до тех пор, пока снова не восстановится равновесие между ростом переменного капитала и ростом населения.

Я называю отношение накопленной части прибавочной стоимости ко всей прибавочной стоимости капиталистической нормой накопления, а отношение накопленной части прибавочной стоимости к стоимости всего продукта (переменный капитал + прибавочная стоимость) – общественной нормой накопления¹. Механизм, посредством которого все снова и снова уничтожается недостаточное накопление, мы можем таким образом представить в следующем виде: если общественная норма накопления слишком мала, то возникает промышленная резервная армия; заработная плата падает; норма прибавочной стоимости подымается; вследствие этого возрастает также – даже при неизменной капиталистической норме накопления – общественная норма накопления, ибо при равной капиталистической норме накопления общественная норма накопления возрастает вместе с нормой прибавочной стоимости. Под давлением промышленной резервной армии норма прибавочной стоимости, а вместе с ней и общественная норма накопления возрастают до тех пор, пока последняя не будет достаточно велика, чтобы, несмотря на возрастание органического состава, увеличить переменный капитал столь же быстро, как и рабочее население. Когда это имеет место, промышленная резервная армия рассасывается, и равновесие между накоплением и ростом населения снова восстанавливается.

Итак, капиталистический способ производства в самом себе несет механизм, который снова согласовывает накопление, отстающее от роста населения, с этим ростом. Но это согласование происходит за счет рабочего класса. Оно осуществляется путем повышения нормы эксплуатации. Прогресс к более высокому органическому составу капитала все снова и снова вызывает недостаточное накопление; возрастанием нормы прибавочной стоимости оно снова и снова преодолевается. Перенакопление является периодически возвращающимся, но все же лишь преходящей фазой промышленного цикла.

Если общественная норма накопления возрастает, то она в конце-концов достигает такого пункта, когда переменный капитал растет быстрее, чем народонаселение. Состояние, которое наступает в этом случае, мы называем состоянием перенакопления, но подобно недостаточному накоплению и перенакопление является все же лишь преходящей фазой промышленного цикла.

¹ Там, где я до сих пор говорил о норме накопления, я всюду имел в виду капиталистическую норму накопления.

Маркс описывает состояние перенакопления следующим образом: «Если бы капитал возрос по сравнению с рабочим населением настолько, что нельзя было бы ни удлинить абсолютное рабочее время, доставляемое этим населением, ни расширить относительное прибавочное рабочее время (последнее помимо того было бы невыполнимо при тех обстоятельствах, когда спрос на труд столь значителен, следовательно, когда существует тенденция к повышению заработной платы), т. е. если бы возросший капитал производил лишь такую же или даже меньшую массу прибавочной стоимости, чем до своего увеличения, то оказалось бы абсолютное перепроизводство капитала, т. е. возросший капитал $K+\Delta K$ произвел бы прибыли не больше или даже меньше, чем капитал K до своего увеличения Δ на K . В обоих случаях произошло бы сильное и внезапное понижение общей нормы прибыли, но на этот раз вследствие такой перемены в составе капитала, причиной которой было бы не развитие производительной силы, а повышение денежной стоимости переменного капитала (вследствие повышения заработной платы) и соответствующее ему уменьшение отношения прибавочного труда к необходимому труду»¹. Этот пункт обозначает а б с о л ю т н у ю г р а н и ц у н а к о п л е н и я. Если он достигнут, то согласование накопления с приростом населения осуществляется через опустошительный кризис с бездействием колоссальных капиталов, с массовым разрушением стоимостей и с быстрым падением нормы прибыли.

В действительности согласование может произойти еще раньше, чем достигнута абсолютная граница, описанная Марксом. Если норма накопления слишком велика, то промышленная резервная армия быстро рассасывается, заработная плата поднимается, норма прибавочной стоимости падает, вместе с ней падает общественная норма накопления, а уже вследствие этого снова замедляется рост переменного капитала. Уже вследствие этого может произойти согласование накопления с приростом населения.

Кроме того норма прибыли при состоянии перенакопления понижается очень быстро. Вследствие прогресса к более высокому органическому составу капитала норма прибыли падает даже тогда, когда между накоплением и ростом населения существует равновесие. Она падает еще быстрее, когда прогресс к более высокому органическому составу совпадает с падением нормы прибавочной стоимости, что имеет место в случае перенакопления. «Кризис наступает в тот момент, когда только что описанные тенденции к понижению нормы прибыли одерживают победу над тенденциями, которые приводили к повышению цены и прибыли вследствие возрастания спроса»². Во время кризиса и следующей за ним промышленной депрессии накопление существенно замедляется; рост переменного капитала в этом случае опять отстает от роста населения.

Следовательно, и перенакопление подобно недостаточному накоплению все снова и снова устраняется самим механизмом капиталистического способа производства. При капиталистическом способе производства существует тенденция к приспособлению

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. I. Москва, 1922 г. стр. 232-233.

² Гильфердинг, Финансовый капитал, Москва, 1918, стр. 380.

накопления капитала к росту населения. Это приспособление достигается, лишь только переменный капитал увеличивается столь же быстро, как и рабочее население, а постоянный капитал настолько быстрее, насколько этого требует развитие производительной силы. В социалистическом обществе общественные органы, направляющие производство, сознательно и планомерно заботились бы о том, чтобы рост общественного производственного аппарата был бы согласован с ростом населения. В капиталистическом обществе это согласование также должно произойти, но оно может здесь произойти не иначе, как через большие кризисы с безработицей, понижением заработной платы и возрастающей эксплуатацией, с одной стороны, и через бездействие капитала, разрушение стоимостей и падающую норму прибыли, с другой стороны.

Тенденция к согласованию накопления с ростом населения господствует над международными отношениями. Страны с постоянным перенакоплением прилагают большую и все возрастающую часть накапливаемой в каждом году прибавочной стоимости за границы. Таковы, например, Франция и Англия. Страны с постоянным недостаточным накоплением привлекают к себе капитал из-за границы и снабжают последнюю рабочей силой. Таковы, например, аграрные страны Восточной Европы. Увеличение производительного капитала в самой стране всегда остается ограниченным ростом находящегося в его распоряжении и рабочего населения: переменный капитал не может долгое время возрастать быстрее, чем население; постоянный может расти быстрее переменного лишь в пропорции, определенной степенью развития производительных сил. Отсюда становится понятным и беспокойство капиталистов по поводу уменьшения количества рождений: замедление прироста населения суживает границы, которые поставлены росту их капитала.

Если рассматривать капиталистическое мировое хозяйство как целое, то тенденция к приспособлению накопления к росту населения проявляется в промышленном цикле. Высокая конъюнктура есть перенакопление. Оно само себя уничтожает в кризисе. Следующая за последним депрессия есть недостаточное накопление. Депрессия сама себя уничтожает тем, что создает условия для возвращения к высокой конъюнктуре. Периодическое возвращение расцвета, кризиса и депрессии является эмпирическим выражением того факта, что механизм капиталистического производства самостоятельно уничтожает перенакопление и недостаточное накопление, все снова и снова приспособляет накопление капитала к росту населения. Отдельный капиталист думает, что величина «сберегаемой» им части прибавочной стоимости зависит только от степени его «воздержания». В действительности капиталисты при каждом кризисе убеждаются в том, что их накоплению поставлены объективные границы, что капитал лишь настолько может увеличиться, насколько общество может расширять свой производственный аппарат. На данной ступени развития производительных сил объективные границы накопления опре-

деляются ростом рабочего населения. Накопление предполагает расширение поля производства, а поле производства расширяется вследствие роста населения. «Размножение населения выступает в качестве основы накопления как постоянного процесса»¹. Если бы рост населения вообще прекратился, то переменный капитал долго увеличиваться не мог бы; накопление было бы тогда возможно лишь постольку, поскольку развитие производительных сил требует добавочного постоянного капитала, чтобы дать занятия количественно неизменившейся массе рабочих.

Товарищ Люксембург знает, что накоплению капитала поставлены объективные границы. Но она определяет эти границы неправильно. Товарищ Люксембург полагает, что в капиталистическом обществе, которое не могло бы сбывать своих товаров в крестьянские или мелкобуржуазные районы, накопление капитала было бы вообще невозможно. Этот взгляд неверен. Каждое общество с растущим населением должно расширять свой производственный аппарат. Расширение производственного аппарата при капиталистическом способе производства принимает особую форму накопления капитала.

Это накопление совершается беспрепятственно, пока оно только остается в определенном количественном отношении, с одной стороны, к росту населения, с другой стороны, – к развитию производительной силы, которая выражается в прогрессе к более высокому органическому составу капитала. Конечно, развитие все снова и снова выводит накопление за пределы этих границ, но накопление все снова и снова вводится в свои границы благодаря периодически возвращающимся хозяйственным кризисам. Результат нашего исследования состоит, стало быть, в следующем: во-первых, накопление капитала возможно и в изолированном капиталистическом обществе, поскольку оно только не выходит за пределы данных в соответствующее время границ; во-вторых, оно самостоятельно возвращается к этой границе благодаря самому механизму капиталистического способа производства.

Как апологию капитализма эту трактовку вопроса рассматривать нельзя. Ибо в то время как апологеты капитала хотят доказать безграничность накопления (вместе с производством возрастает автоматически и потребительная сила), мы вскрываем границы, которые поставлены накоплению. В то время как апологеты хотят доказать невозможность общих кризисов, мы показываем, что законы накопления могут осуществляться не иначе как через общие кризисы, в результате которых наступают безработица, понижение заработной платы, увеличивающаяся нищета масс, растущее озлобление и возмущение рабочего класса.

ОБЪЯСНЕНИЕ ИМПЕРИАЛИЗМА

Товарищ Люксембург объясняет империализм следующим образом. В изолированном капиталистическом обществе превращение прибавочной стоимости в капитал было бы невозможно. Оно стано-

¹ Marx, Theorien über den Mehrwert, II 2, стр. 244.

вится возможным потому, что класс капиталистов постоянно расширяет свой рынок для сбыта той части прибавочного продукта, в которой воплощена накопленная часть прибавочной стоимости, в страны, еще не производящие капиталистически. Для этой цели служит империализм.

Это объяснение, как мы видели, неверно. Накопление возможно и необходимо и в изолированном капиталистическом обществе. И часть прибавочного продукта, воплощенная в накопленной части прибавочной стоимости, не может быть продана крестьянству и мелкой буржуазии колоний, потому что она нужна в своей капиталистической родине для расширения производственного аппарата.

Но в этом неправильном объяснении все же скрыто здоровое зерно истины. Если накопление в изолированном капиталистическом обществе невозможно, то оно все же имеет свои границы. Империализм действительно служит для расширения этих границ.

Прежде всего накопление ограничено ростом рабочего населения. А империализм в колоссальных размерах увеличивает рабочую массу, вынужденную продавать капиталу свою рабочую силу. Он действует в этом направлении, разрушая старые способы производства колониальных областей и вынуждая этим самым миллионы людей либо эмигрировать в капиталистические страны, либо поработать себя на собственной родине применяемому там европейскому или американскому капиталу. Так как величина накопления при данном органическом составе капитала определена ростом наличного рабочего населения, то империализм действительно есть средство расширения границ накопления.

Наряду с ростом населения величина накопления определяется развитием производительных сил, прогрессом к более высокому органическому составу. Это развитие также может быть усилено империализмом, во-первых, потому, что он усиливает главным образом развитие отраслей производства с выше, чем средним органическим составом капитала; во-вторых, потому, что он доставляет капиталу материальные элементы производства, находящиеся вне его родины, и сильно способствует этим самым развитию производительных сил и росту производительности труда.

Согласование накопления и роста населения осуществляется в периодических кризисах. При каждом кризисе огромные массы товаров остаются непроданными, и значительная часть производительного капитала лежит без всякого движения. Преодоление кризисов облегчается, если удастся выбросить большие массы товаров на новые рынки. Эту возможность также пытается доставить капиталу империализм.

Итак, если империализм не есть средство, которое вообще делает возможным накопление, то это все же средство, чтобы раздвинуть его границы и облегчить преодоление кризисов, возникающих периодически от перенаселения. Это стремление действительно есть один из корней империализма, но не единственный корень его.

По мнению товарища Люксембург, капитализм вообще не мог бы существовать без непрерывной экспансии. Если расширению его рынков поставлены пределы, то он не может реализовать большую часть прибавочной стоимости. Он сам собою падает.

На наш взгляд капитализм мыслим и без экспансии. Но без экспансии или с экспансией – капитализм все равно идет к своей собственной гибели. Если экспансия для него возможна, то он приводит в возмущение рабочие массы вооружениями, растущим налоговым гнетом, военными катастрофами. Если пути к экспансии ему заказаны, то границы накопления суживаются, кризисы становятся более частыми, более длительными и более опустошительными. Как в том, так и в другом случае все возрастающая часть народных масс приходит к сознанию, что ее жизненные интересы несовместимы с дальнейшим существованием капиталистического способа производства.

Капитализм разобьется не о механическую невозможность реализовать прибавочную стоимость. Он падет от восстания, на которое он толкает народные массы. Капитализм рухнет не тогда, когда последний крестьянин и последний мелкий буржуа будут на всем земном шаре превращены в наемных рабочих и когда, следовательно, для капитализма не останется больше добавочных рынков; нет, он падет гораздо раньше от все возрастающего «возмущения рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самым механизмом капиталистического процесса производства».

Густав Экштейн
**О КНИГЕ Р. ЛЮКСЕМБУРГ
«НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА»**

**I. ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ
ОБЩЕСТВЕННЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ
И ПОТРЕБЛЕНИЕМ У К. МАРКСА**

Теоретическое понимание всякого товаропроизводящего общества основывается на знании закона стоимости. Только понимание законов, по которым происходит обращение товаров, дает возможность раскрыть тайны хозяйственной формы. В капиталистическом обществе стоимость товара определяется трудом, *о б щ е с т в е н н о*-необходимым для его производства.

Общественно же необходимым трудом – мы абстрагируемся от техники, которой мы здесь не касаемся – является тот труд, которого достаточно для удовлетворения общественной потребности в соответствующем роде товаров. Если, например, в данный момент доставлено на рынок большее количество шляп или паровых машин, чем то, которое соответствует общественной потребности, то труд, овеществленный в этих излишних товарах, не является общественно-необходимым: он не создает никакой стоимости, и товары остаются нераспроданными. Как же велика эта общественная потребность в каком-нибудь роде товаров и от чего зависят ее размеры? Нетрудно видеть, что здесь идет речь об одной из основных проблем политической экономии. Так называемая субъективная школа в политической экономии – представители учения о «предельной полезности» – хочет разрешить этот вопрос путем психологических рассуждений; но что мне могут дать самые лучшие психологические соображения насчет моей потребности в шляпе, когда у меня нет денег для ее покупки, и как психологический фактор может объяснить величину потребности фабриканта в паровой машине в 100 лошадиных сил? Ясно, что общественная потребность определяется величиной и распределением дохода общества, равно как возможностью получения прибыли через применение средств производства. Но вместе с тем очевидно, что эти определяющие моменты находятся в самой тесной связи и взаимодействии. Потребность в паровой машине определяется возможностью производить с ее помощью товары, которые можно продать с прибылью. Сколько товаров можно будет продать и по какой цене, это будет зависеть от того, сколько приходится на заработную плату, на прибыль, на земельную ренту и т. д.

Величина же этих отраслей дохода в свою очередь зависит от условий и отношений производства. Задача, которую приходится

здесь решать, таким образом ни в коем случае не проста и не легка.

Одна из самых гениальных заслуг Маркса состоит в том, что он не только впервые ясно поставил этот вопрос, но и разрешил его самым остроумным образом. Третий отдел второго тома «Капитала», где Маркс решает эту проблему, принадлежит к самым глубоким и вместе с тем к самым трудным частям всего его труда.

Маркс сначала исследует зависимость между производством и потреблением в случае, когда в капиталистическом обществе не происходит накопления, т. е. когда капиталисты потребляют всю прибавочную стоимость и ни малейшей доли ее не применяют для увеличения своего капитала. Конечно, это случай, который в капиталистическом обществе встречается лишь в виде весьма редкого исключения; но это единственный путь, которым наука может двигаться вперед: она сперва разлагает сложные явления на их наиболее простые элементы, обстоятельно эти последние изучает и лишь затем исследует влияние тех моментов, от которых она раньше сознательно абстрагировала. Этот так называемый «метод изолирования» вообще применяется Марксом в его главном труде, едва ли не с наибольшим мастерством он применяет его именно в интересующих нас отделах. Он делит все общественное производство на 2 группы: на производство средств производства, т. е. машин, сырья, фабричных зданий и т. д., и на производство средств потребления, т. е. средств существования, жилищ, словом, всех тех продуктов, которые, не возвращаясь в производство, входят в непроизводительное потребление общества; затем он исследует зависимость между этими двумя группами. Чтобы производство согласно нашей предпосылке могло протекать в прежнем масштабе, т. е. без расширения, в первую голову, должны быть возмещены средства производства обоих подразделений, поскольку они вошли в продукт годового производства; кроме того, должны быть произведены средства потребления для рабочих и капиталистов, потребляющих всю свою прибавочную стоимость. В чем выражается потребление капиталистов, содержат ли они большой штат прислуги, покупают ли художественные произведения, строят ли себе прекрасные дворцы или военные суда, – это для нас совершенно безразлично.

Для нас безразлично также, каким способом отнимается у рабочего прибавочная стоимость: отбирается ли она при выплате заработной платы или при продаже им (рабочим) средств существования по монопольным ценам, захватывается ли при помощи таможенных пошлин или косвенных налогов. Самое существенное заключается в том, чтобы показать, как обмениваются отдельные части произведенной стоимости и совокупного общественного продукта. Наглядное представление этого процесса Маркс дал во втором томе «Капитала» в его знаменитых числовых схемах.

Исследовав отношения простого воспроизводства (т. е. производства без накопления), Маркс переходит к более трудной задаче, к исследованию влияния, оказываемого накоплением на распределение продуктов между различными группами и на само производство. Конечно, и здесь данная Марксом картина не есть точная копия действительности; она представляет действительность еще в сильно

упрощенном виде. Но задача исследования именно в том и заключается, чтобы представить сплетения отдельных актов всего процесса обращения и их взаимную зависимость в основных чертах. При этом оба упомянутых подразделения – производство средств производства и производство средств потребления – конечно, не могут быть рассматриваемы отдельно, ибо речь идет именно об исследовании их взаимной зависимости. Если допустим, например, что капиталисты в одном подразделении накапливают в среднем половину своей прибавочной стоимости для увеличения своего капитала, то это еще не значит, что накопление и в другом подразделении будет происходить соответственно той же пропорции; напротив, необходимо предварительно произвести довольно сложный расчет: нужно установить, как обмениваются заработные платы обоих подразделений, равно как и части прибавочной стоимости, предназначенные для потребления, на продукты второго подразделения, состоящие из средств потребления; нужно установить не только, как должно происходить возмещение средств производства в обоих подразделениях, но и в какой пропорции они должны быть увеличены, чтобы между обоими подразделениями производства сохранилось равновесие. Несмотря на все введенные Марксом упрощения, это довольно трудная и сложная задача, но она имеет колоссальное значение. Изучение этого состояния равновесия в производстве только и делает возможным понимание нарушения этого равновесия, точно так же, как врач должен точно изучить процессы в здоровом теле, прежде чем вникнуть в сущность болезни. Лишь марксовы исследования закона простого и расширенного производства, взаимной зависимости обоих подразделений, взаимного обмена отдельных стоимостных и вещественных групп и, наконец, денег, выступающих посредниками в этом обращении, дали нам возможность подойти вплотную к проблеме кризисов, на которой вся буржуазная политическая экономия тщетно ломала себе зубы.

II. СХЕМЫ МАРКСА И КРИЗИСЫ

На эту сторону изложения Маркса особенно настойчиво указывал русский профессор Туган-Барановский, но он неправильно понял ее смысл.

Он продолжает развивать схемы Маркса, изменяет иногда различные их предпосылки, и тем не менее всегда оказывается, что равновесие сохраняется и при прогрессирующем накоплении. В схемах Маркса не остается места для каких бы то ни было нарушений равновесия, и из этого Туган-Барановский делает тот вывод, что эти нарушения, т. е. кризисы, представляют собой не необходимые, а лишь случайные явления, сопровождающие капиталистическое накопление; последнее, по его мнению, может беспрепятственно продолжаться, если только соблюдаются правильные пропорции в производстве.

Этот вывод, вызвавший в свое время оживленную дискуссию между русскими и немецкими марксистами, покоится на непонимании целей и значения марксовых схем. Задача последних заключается не в том, чтобы дать наглядное представление действительного процесса ка-

питалистического накопления, а в том, чтобы показать, при каких условиях мыслимо, при капиталистическом накоплении, состояние равновесия между производством и потреблением и как определяется общественная потребность в средствах производства и в средствах потребления. Вычисления Туган-Барановского показывают только превосходство схем Маркса, но ни в коем случае не оправдывают его (Туган-Барановского) выводов. Ибо для изучения проблемы кризисов необходимо прежде всего поставить вопрос о том, как относится действительность капиталистического накопления к марксовым схемам равновесия, которые сами по себе только показывают возможность равновесия.

Но здесь возникает вопрос о причинах, благодаря которым сохраняются установленные Марксом пропорции. Само собой разумеется, что сами производители не имеют никакого представления о схемах Маркса и что они отнеслись бы с большим презрением ко всем этим педантичным теоретическим выкладкам, ибо они в них ничего не смыслят. Кто же регулирует в таком случае производство? Это – цены. Капиталистический товаропроизводитель как таковой знает только одну цель: он хочет получать такие цены, при которых его прибыль была бы возможно больше.

В условиях простого товарного производства, рассчитанного на определенных покупателей, т. е. в условиях, известных еще до сих пор деревенскому портному или сапожнику некоторых местностей, даже с переходом к работе на рынок производство легко могло регулироваться ценами.

Если одного какого-нибудь товара было произведено слишком много, то цены сейчас же падали; производство в таком случае сокращалось, и равновесие вскоре снова восстанавливалось. Иначе обстоит дело в условиях высокоорганизованного капиталистического способа производства.

Здесь «рынок», т. е. общественная потребность, превратился в фактор, совершенно не поддающийся учету: устройство гигантских предприятий часто требует многих лет, в течение которых могут измениться все общественные отношения производства и потребления; кроме того существенное сокращение производства этих предприятий почти невозможно, тогда как их расширение сулит часто мимолетные большие барыши за счет более слабых конкурентов. Таким образом для отдельного производителя стало совершенно невозможным определить общественную потребность в доставленных им на рынок товарах. Здесь можно только строить предположения; над производством господствует самая разнузданная спекуляция.

Схемы Маркса показывают, как должно протекать капиталистическое производство, чтобы сохранилось равновесие; они показывают, как велики фактические размеры общественной потребности в различных продуктах.

Производство однако направляется только соображениями максимальной прибыли, но именно благодаря этому оно значительно отклоняется от общественной потребности. Выравнивание происходит время от времени насильственным путем в форме кризисов.

Профессор Туган-Барановский таким образом неправильно понял сущность марксовых схем, когда он полагал, что можно из них сде-

лать тот вывод, что кризисы являются не необходимым, а только случайным явлением капиталистического накопления. Это недоразумение объясняется главным образом тем, что самому Марксу не пришлось развить свою теорию кризисов на основании данных им схем. Последнее тем более достойно сожаления, что именно соприкосновение с конкретным хозяйственным процессом наполнило бы его схемы реальным содержанием. Только в применении к практике теория может отстоять свое право на существование и развиваться. Но гораздо менее основательно, чем Туган-Барановский, поняла сущность, цель и значение анализа Маркса товарищ Роза Люксембург.

III. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ У РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ

В первых шести главах своей книги автор дает изложение трактовки проблемы распределения годового общественного продукта, или, что то же, – процесса обращения всего общественного капитала у Кенэ, Смита и Маркса. Этот очерк, хотя и с некоторыми отступлениями, которых мы еще отчасти коснемся, тесно примыкает к анализу XVIII-XXI глав II тома «Капитала». В VI и VII главах она приводит упомянутые марксовы схемы расширенного воспроизводства и берется за их критику. В высказанных там положениях заключается суть выводов Р. Люксембург, характеризующих ее точку зрения. Эти выводы совершенно абстрактны, что заставляет критика, желающего на них остановиться, следовать по стопам автора.

Она утверждает, что у Маркса не видно, откуда берется тот постоянно возрастающий спрос, который лежит в основе прогрессирующего расширения производства в схемах Маркса.

Если этот упрек справедлив, то тем самым доказано, что все изложение Маркса неправильно, ибо цель его анализа, как мы уже видели, заключается в раскрытии тех законов, по которым происходит обращение различных стоимостей и продуктов, – законов, на основе которых производство и потребление поддерживаются в состоянии равновесия. Товарищ Люксембург подходит к анализу Маркса с резкой и даже высокомерной критикой, которую она подкрепляет различными восклицательными знаками (ср., напр., 93 стр. и сл. Такой же язвительной критикой отличаются в особенности главы 8 и 9).

В чем же заключаются аргументы, с которыми товарищ Люксембург выступает против Маркса?

«Он (постоянно возрастающий спрос) никак не может исходить от капиталистов I и II (подразделений средств производства и средств потребления), т. е. от их личного потребления. На самом деле накопление состоит как раз в том, что капиталисты часть прибавочной стоимости, – и притом часть возрастающую, по крайней мере абсолютно, – потребляют не лично, а применяют для создания благ, которыми пользуются другие... Для кого же производит эта другая накопленная часть прибавочной стоимости? Согласно схеме Маркса движение начинается с подразделения I, с производства средств производства. Кто же потребляет возросшее вследствие этого количество средств производства?»

Схема отвечает: потребляет подразделение II, чтобы иметь возможность производить больше средств существования. Но кто потребляет это возросшее количество средств существования? Схема отвечает: их потребляет подразделение I, потому что оно занимает теперь больше рабочих».

Это изложение соответствует схемам Маркса, равно как и действительности, с той только разницей, что в последнем предложении забыто потребление капиталистов и что речь идет не только о производстве средств существования, но и о производстве средств потребления, к которым принадлежат, например, частные и общественные дворцы, пушки, казармы, военные суда и т. д. Капиталистическим способом производства руководит стремление к прибыли. Спрашивается таким образом, показывают ли схемы Маркса, как реализуется для капиталистов эта прибыль?

Безусловно показывают.

В схемах Маркса, с особенной любовью рассматриваемых товарищем Люксембург, прибавочная стоимость, достающаяся на долю капиталистов, нарастает даже довольно быстро. Она равняется в первом году 1 285, во втором – 1 399, в третьем – 1 515, в четвертом – 1 642 (скажем, миллионов марок, – цифры выбраны произвольно и служат только для иллюстрации пропорции). Таким образом описанный автором процесс имеет вполне реальный смысл для капиталистов. Кто покупает продукты, – это как раз и показывают схемы. И если товарищ Люксембург говорит дальше:

«Мы вращаемся, очевидно, в кругу. Производить больше средств потребления только для того, чтобы содержать больше рабочих, и производить добавочное количество средств производства только для того, чтобы этим самым дать занятие этому увеличенному числу рабочих, – да ведь это абсурд с капиталистической точки зрения!», – то трудно понять, каким образом эти слова могут быть отнесены к схемам Маркса.

Целью капиталистического производства является прибыль, а последняя получается капиталистами из описанного процесса. Поэтому этот процесс является с капиталистической точки зрения не абсурдом, а воплощением разума, т. е. стремления к прибыли. Изложенный здесь ход мысли Р. Люксембург – центральная идея всей ее книги.

Здесь содержится все то новое, что автор может сказать о проблеме накопления.

IV. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СХЕМ РОЗОЙ ЛЮКСЕМБУРГ

Если уже это приводит нас к убеждению, что автор не понял смысла и цели марксова анализа, то это убеждение подтверждается остальным содержанием ее книги. Прежде всего для нее осталась совершенно неясной техника схем. Товарищ Люксембург возражает против того, что Маркс включает производство денежного материала, т. е. золота и серебра, в ряд I и относит их к производству средств производства. Это ошибочно. Поэтому она под обоими составленными Марксом рядами ставит еще третий ряд, который должен представить производство денежного материала. Это, конечно, можно допустить,

но с интересом ожидаешь, как должно происходить обращение между указанными тремя рядами. В схемах Маркса мы всегда находим только 2 ряда, и кто занимался их изучением, должен признать, что акты взаимного обмена между этими двумя рядами часто и достаточно сложны и трудны. В схеме, составленной товарищем Люксембург, это затруднение не только велико, – оно непреодолимо. Уже беглый взгляд на схему показывает, что сумма заработных плат и прибавочной стоимости равняется 3 010, а стоимость средств производства потребления – 3 000.

В рамках простого воспроизводства обмен просто невозможен. Правда, одной страницей раньше т. Люксембург твердо устанавливает, что «лишь представление производства и воспроизводства денег в их органическом сплетении с двумя другими подразделениями общественного производства дало бы исчерпывающую схему всего капиталистического процесса в его существенных пунктах».

Сама она однако не делает никакой попытки представить эти органические сплетения. Простая попытка должна была бы показать ей, что ее схемы, невозможны.

То же самое неумение пользоваться схемами Маркса автор обнаруживает в главе XXI, где она еще раз пытается опровергнуть его анализ.

Не довольствуясь приведенными уже аргументами, она пытается доказать недостаточность марксовых схем математически. Она хочет принять в качестве предпосылок схем растущую эксплуатацию пролетариата, равно как и то обстоятельство, что стоимость средств производства с развитием капитализма растет быстрее, чем вся сумма выплачиваемых заработных плат. Ее вычисления приводят к тому, что производство и потребление фактически не покрывают друг друга, и она с гордостью об этом заявляет. На самом деле этот результат получается оттого, что ее таблица вычислена совершенно неправильно. Но товарищ Люксембург делает здесь непростую арифметическую ошибку. Ошибка – в самом способе ее расчета, и последний показывает, что она не поняла сущности марксовых схем. Она полагает, что в их основе лежит требование одинаковой нормы накопления, т. е. она предполагает, что в обоих рассматриваемых подразделениях общественного производства накопление происходит в одинаковой пропорции, другими словами, что к капиталу присоединяются одинаковые части прибавочной стоимости.

Но это совершенно произвольное, противоречащее фактам допущение.

Этот случай представляет собой не правило, а лишь редкое исключение. «В ходе этого накопления и потребления (подразделения II), – говорит она, – нельзя усмотреть никакой закономерности, и то и другое служит лишь потребностям накопления в I». Это совершенно правильно. Ведь задача схем состоит в том, чтобы показать, как накопление в одном ряду зависит от накопления в другом.

Если бы точка зрения товарища Люксембург была правильна, то вообще невозможно было бы никакое изменение отношений между различными отраслями производства, всякое взаимное приспособление было бы исключено. В действительности нет никакой всеобщей

нормы накопления, и она с теоретической точки зрения была бы бессмыслицей. Когда товарищ Люксембург утверждает: «подобные отклонения в темпе накопления обоих подразделений прямо-таки исключаются марксовой схемой, основанной на строжайшей равномерности накопления», то здесь перед нами с трудом постижимая ошибка автора – ошибка, которая снова показывает, что для нее осталась совершеннейшей загадкой сущность марксовых схем. Накопление происходит в различных отраслях в зависимости от перспектив на прибыль, которую сулит вложенный в них капитал. А эти перспективы отнюдь не одинаковы во всех отраслях производства. Действительный закон одинаковой нормы прибыли находится в полном противоречии с воображаемым законом одинакового накопления. Способ вычисления товарища Люксембург тем более удивителен, что она даже не поставила себе вопроса, зачем Маркс прибег к такому неудобному и сложному способу вычисления, какое мы находим на стр. 491 и 496 II тома «Капитала», раз такой простой и примитивный метод, каким она сама пользуется, также ведет к цели.

Но наиболее поразительные результаты получаются из вычислений, данных в последней главе ее книги. Автор здесь принимает, что у рабочих обоих подразделений, и только у них, при помощи косвенных налогов отнимается сумма в 100, которая идет на военные расходы.

Результатом этого было бы только то, что в подразделении II, где производятся средства потребления, теперь будет производиться больше обмундирования, казарм и броневых панцирей, меньше – рабочей одежды, средств существования и доходных домов. Это изменение только косвенным путем могло бы повлиять на подразделение I. Военные заказы экономически ведь тоже принадлежат к средствам потребления.

Как уже указано, для рассматриваемых нами вопросов совершенно безразлично, потребляются ли «средства потребления» капиталистами или нет.

Здесь важно только то, что они не применяются больше в производстве, а потребляются непроизводительно. Но товарищ Люксембург конструирует противоречие между обоими способами использования продукта.

Товарищ Люксембург превращает средства потребления в «средства существования», полагая при этом, что усиление вооружений должно оказать совершенно особенное влияние на обращение всего капитала; она получает при этом и самые удивительные результаты. Если у всех рабочих отбирается сумма в 100, то по вычислению товарища Люксембург стоимость всего годового продукта этим самым уменьшается на 171,5, т. е. на сумму, почти в два раза превышающую всю сумму налогов.

Как это происходит, остается загадкой. Но автор продолжает свои расчеты, и в результате получается, что в совокупном продукте, уже после того, как учтено, что указанные 100 вложены в производство военных материалов, – сумма заработных плат уменьшается на 34,75, а стоимость средств производства, входящая в годовой продукт, – на 51.

Куда делись эти 51 – также остается загадкой.

V. ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Вышеупомянутые схемы у Маркса играют большую роль еще в другом отношении. Ясно, что для накопления необходимы все большие денежные суммы, ибо всякий капитал, ищущий себе применения, выступает сперва в форме денежного капитала. Накопление денег в виде сокровища имеет для хозяйства в целом огромное значение, ибо оно образует основу системы кредита; последнее можно понять только тогда, когда понят механизм, управляющий обращением денег и особенно образованием сокровищ (ср. «Капитал», т. III, главы XXX-XXXII).

Маркс посвящает исследованию этого вопроса особенное внимание, и как раз в тех главах, о которых здесь идет речь, он уделяет ему много места.

Удивительным образом товарищ Люксембург совершенно не поняла соответствующих рассуждений Маркса. Твердо придерживаясь того ошибочного взгляда, что схемы оставляют открытым вопрос, «откуда берется постоянно возрастающий спрос», она в исследовании Марксом вопроса об источнике денег, которые капиталисты должны накопить в виде сокровища, для того чтобы применить их для накопления, видит только неудачную постановку вопроса об источнике денег, потребных для покупки излишних продуктов, т. е. вопроса о том, кто является покупателем этих продуктов. Ввиду этого она, само собой разумеется, в анализе Маркса не может найти ответа на вопрос, который Маркс в своих схемах разрешил, но в разобранных здесь отделах даже не касался. Товарищ Люксембург однако не сознает своей ошибки и упрекает Маркса в том, что «он пытался разрешить проблему, неправильно поставив ее в форме вопроса о денежных источниках». В действительности же дело идет о фактическом спросе, о сбыте товаров, а не об источнике денег для уплаты. Насколько автор не понял, в чем заключается сущность вопроса у Маркса, особенно ясно вытекает из следующего предложения: «относительно денег как посредника обращения мы должны здесь... принять, что капиталистическое общество всегда имеет в своем распоряжении такое количество денег, которое необходимо для его процесса обращения, или что оно умеет создавать для этой цели суррогаты». Но Маркс именно этим допущением не удовлетворился и занялся подробным исследованием, удостоившимся столь резкого отзыва со стороны товарища Люксембург.

VI. РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Но если товарищ Люксембург не заметила проблемы там, где она действительно имеется, а нашла ее там, где ее вовсе нет, то решение, которое она предлагает, еще более удивительно, чем сама проблема.

Важнейший вопрос, на который должна была ответить ее книга, формулирован на стр. 304 следующим образом: «Для кого же капиталисты производят, когда и поскольку они не потребляют, а проявляют «подвиги воздержания», т. е. накапливают?»

Мы видели, что схемы Маркса отвечают на этот вопрос, но товарищ Люксембург не удовлетворена этим ответом.

А каков же ее ответ? «Следовательно, существование некапиталистических покупателей прибавочной стоимости, – говорит Люксембург, – является прямым условием существования капитала и его накопления, а потому и решающим вопросом проблемы накопления капитала».

И вот товарищ Люксембург описывает в пространных исторических экскурсах, как капитал стремится к экспорту в некапиталистические страны, как он всюду разрушает старые хозяйственные формы, как эксплуатирует население и как он часто путем насилия добывает себе то, чего не может добыть посредством торговли, создавая тем самым основы, на которых в этих странах развивается капитализм.

Области эксплуатации капитализма становятся все теснее: некапиталистические страны и слои населения все более вовлекаются в капиталистическое хозяйство. Так капитализм сам роет для себя могилу, в которую он в конце концов должен упасть. На вопрос, «для кого капиталисты производят?», дается поразительный ответ: для мелких крестьян в Европе и в Китае, для негров Центральной Африки, словом, для некапиталистических стран и слоев населения. Поразительно. Но дело становится еще более удивительным, если мы рассмотрим его ближе.

Товарищ Люксембург показывает, какой ужасной эксплуатации подвергаются эти некапиталистические страны и слои населения – факт, на котором останавливались многие другие авторы. Но эксплуатация состоит именно в том, что у эксплуатируемого отбирается больше стоимости, чем та, которую ему дают. Вопрос ставился так: куда девается излишняя стоимость, которая из года в год при накоплении капитала выбрасывается на рынок? Ответ гласит, что эта излишняя стоимость реализуется благодаря тому, что ее продают некапиталистическим народам и классам, которые взамен ее дают гораздо большую стоимость.

Как этим устраняется кажущееся затруднение, совершенно непонятно; оно этим только еще более обостряется.

В действительности происходит насильственный экспорт товаров, и описание этого явления у Розы Люксембург в общем правильно; но экономические причины этого экспорта, на которых я в рамках рецензии остановиться не могу, другие, чем те, какие дает автор.

Товарищ Люксембург думает, что она дала своей книгой экономическое объяснение империализма. К сожалению, это совсем не так. Действительными проблемами империализма занимается только глава XXX – «Международный заем», но она не содержит ничего нового.

Вообще ее книга имеет так мало общего с явлениями пульсирующей в настоящее время экономической жизни, что она с таким же успехом могла бы быть написана двадцать и более лет тому назад.

Вместе с теоретическими предпосылками падают и практические выводы, прежде всего теория катастроф, которую товарищ Люксембург построила на основании своего учения о необходимости некапиталистических потребителей.

Больно выносить такой приговор о книге, имеющей целью содействовать пролетарскому движению. Но товарищ Меринг с полным правом в подобном же случае недавно сказал! «Несомненно неприятно давать отрицательный отзыв о книге единомышленника. Но мы потеряли бы всякое право рассматривать под увеличительным стеклом буржуазную литературу о Марксе, как мы это привыкли делать, если бы мы с такой же остротой не критиковали таких вещей. Но это еще не решающий мотив

Не только из-за противника, но и в интересах нашей собственной партии не следует с этим считаться».

ТОМ ВТОРОЙ

НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА
ИЛИ
ЧТО ЭПИГОНЫ СДЕЛАЛИ
ИЗ ТЕОРИИ МАРКСА

(Антикритика)

I

Habent sua fata libelli – книги имеют свою судьбу. Когда я писала свое «Накопление», меня время от времени угнетала та мысль, что все интересующиеся теоретическими вопросами марксисты заявят что то, что я пытаюсь столь обстоятельно развить и обосновать, представляет собой нечто само собой разумеющееся. Я полагала, что никто собственно не представлял себе дело иначе и что мое решение проблемы вообще является единственно возможным и мыслимым. Оказалось иное.

Ряд критиков в социал-демократической прессе объявил мою книгу совершенно неудачной в ее основе, ибо проблема, которую надо было бы решить, в этой области вообще якобы не существует, а я стала достойной сожаления жертвой чистого недоразумения. С появлением моей книги связаны факты, которые во всяком случае надо признать необычными. Появившаяся в «Vorwärts'e» 16 февраля 1913 г. рецензия на «Накопление», даже для мало посвященного в дело читателя представляет собой по тону и по содержанию нечто совершенно странное, тем более, что критикуемая книга носит чисто теоретический характер, ни с кем из живых марксистов не полемизирует и отличается строжайшей объективностью. Но этого мало. Против тех, кто написал о моей книге благоприятный отзыв, был предпринят своего рода начальнический поход, который с замечательным усердием велся центральным органом. Беспрецедентный и сам по себе несколько комичный факт: по вопросу о чисто теоретической работе, посвященной сложной абстрактно-научной проблеме, выступила вся редакция политической ежедневной газеты, – из которой самое большее два члена вообще читали мою книгу, – чтобы вынести о ней коллективный приговор. При этом такие люди, как Франц Меринг и Ю. Карский, были объявлены людьми, ничего не понимающими в вопросах политической экономии, только для того, чтобы выставить в качестве «специалистов» тех, кто разругал мою книгу.

Подобная судьба, насколько помнится, не выпала на долю ни одной из новинок в партийной литературе с тех пор как она существует, а между тем ведь на самом деле не все же чистые перлы выпускаются в продолжение десятилетий социал-демократическими издательствами. Необычное во всех этих фактах ясно показывает, что моя книга, кроме «чистой науки», так или иначе затронула еще другие страсти. Но для того, чтобы правильно судить обо

всем

этом, нужно прежде всего хотя бы в основных чертах ознакомиться с относящимися сюда вопросами.

О чем идет речь в этой столь энергично оспариваемой книге? Читающей публике содержание ее кажется в высшей степени страшным благодаря внешнему и само по себе второстепенному обстоятельству, – благодаря часто применяемым в ней математическим формулам. В критических отзывах о моей книге эти формулы составляют центральный пункт, и некоторые из моих строгих господ критиков принялись даже основательно поучать меня на предмет составления еще более сложных математических формул, при одном взгляде на которые у обыкновенных смертных пробегают по телу легкая дрожь. Мы увидим, дальше, что эта слабость моих «специалистов» к схемам – не случайность, а теснейшим образом связана с их точкой зрения по данному вопросу. Однако проблема накопления сама по себе имеет чисто экономический, общественный характер; она не имеет ничего общего с математическими формулами и может быть изложена и понята без них. Если Маркс в отделе его «Капитала», посвященном воспроизводству совокупного общественного капитала, конструировал математические схемы, подобно тому как это делал на сто лет раньше основоположник школы физиократов и политической экономии как точной науки Кенэ, – то это служило им обоим исключительно для большей легкости и ясности изложения. Это послужило Марксу, как и Кенэ, также для наглядного представления того факта, что в явлениях хозяйственной жизни буржуазного общества, несмотря на его видимую хаотичность и кажущееся господство индивидуального произвола, дело по существу идет о таких же строго закономерных связях, как, например, в явлениях физической природы. Так как мои положения о накоплении покоятся на изложении Маркса и в то же время с ним критически расходятся, и так как Маркс специально в вопросе о накоплении не пошел дальше конструирования нескольких схем и начала их анализа, что собственно и дало повод к моей критике, то и я, само собой разумеется, должна была остановиться на марксовых схемах. Я должна была это сделать, во-первых, потому, что я не могла их произвольно исключить из изложения Маркса, и, во-вторых, именно для того, чтобы выяснить недостаточность данного им способа доказательства.

Попытаемся однако представить проблему в самой простой форме, без всяких математических формул.

Над капиталистическим способом производства господствуют интересы прибыли. Для всякого капиталиста производство лишь тогда имеет смысл и цель, когда оно дает возможность из года в год наполнять карманы «чистым доходом», т. е. прибылью, которая остается сверх всех его затрат капитала. Но основным законом капиталистического производства в отличие от всяких других форм хозяйства, покоящихся на эксплуатации, является не просто прибыль в виде чистого золота, но постоянно возрастающая прибыль. Для этой цели капиталист опять-таки в отличие от других исторических типов эксплуататора затрачивает плоды своей эксплуатации не исключительно и даже не в первую очередь для личного удовольствия: он затрачивает их во все возрастающей мере для повышения самой эксплуатации. Большая часть полученной прибыли опять

присоединяется к капиталу, затрачивается на расширение производства. Капитал таким образом накапливается, он, по выражению Маркса, «аккумулируется», и, как предпосылка и следствие накопления, капиталистическое производство все более расширяется.

Но для осуществления этого недостаточно однако доброй воли капиталиста: этот процесс связан с объективными общественными условиями, которые можно представить следующим образом.

Чтобы была возможна эксплуатация, прежде всего необходимо, чтобы была налицо рабочая сила в достаточном количестве. О том, чтобы это имело место, заботится капитал с того момента, как капиталистический способ производства выступил на историческую сцену и более или менее консолидировался; это достигается самим механизмом этого производства: во-первых, тем, что занятым наемным рабочим, худо ли, хорошо ли, дается капиталом возможность содержать себя на полученную заработную плату для целей дальнейшей эксплуатации и увеличиваться численно путем естественного размножения, но дается т о л ь к о эта возможность, и, во-вторых, тем, что капитал путем постоянной пролетаризации средних слоев и конкуренции, которую он подготавливает наемному рабочему при помощи машины в крупной промышленности, создает резервную армию индустриального пролетариата, находящуюся всегда в его распоряжении.

После того как это условие исполнено, т. е. после того как капиталу обеспечен в виде наемного пролетариата постоянно находящийся в его распоряжении материал для эксплуатации, и механизм эксплуатации регулирован самой системой найма, на сцену выступает новое основное условие накопления капитала: возможность все снова и снова продавать произведенные наемными рабочими товары, чтобы получить обратно в деньгах как собственные затраты капиталистов, так и в ы ж а т у ю из рабочей силы прибавочную стоимость. «Первое условие накопления выполнено, раз капиталисту удалось продать свои товары и снова превратить в капитал большую часть полученных за них денег» («Капитал», т. I, отдел седьмой, Введение). Поэтому, чтобы накопление совершалось как непрерывный процесс, для капитала необходима постоянно возрастающая возможность сбыта товаров. Основное условие эксплуатации капитал, как мы видели, создает себе сам. Первый том «Капитала» Маркса подробно анализировал и описал этот процесс. Но как обстоит дело с возможностями реализации плодов этой эксплуатации с возможностями сбыта? От чего они зависят? Во власти ли капитала и кроется ли в существе самого его механизма производства возможность расширить сбыт соответственно его потребностям, как он приспособляет к своим потребностям количество рабочей силы? Ни в коем случае. Здесь находит свое выражение зависимость капитала от общественных условий. Несмотря на все свои кардинальные отличия от всех других исторических форм производства, капиталистическое производство имеет с ними то общее, что оно в последнем счете, – невзирая на то, что для него субъективно важны лишь интересы прибыли как руководящая цель, – объективно должно удовлетворять материальные потребности общества; указанной субъективной цели оно может достигнуть лишь тем и лишь в том, постольку, поскольку оно служит этой

объективной задаче. Капиталистические товары лишь тогда и лишь постольку могут быть проданы и заключающаяся в них прибыль лишь постольку может быть превращена в деньги, поскольку эти товары удовлетворяют общественную потребность. Постоянное расширение капиталистического производства, т. е. постоянное накопление капитала, связано таким образом со столь же постоянным расширением общественных потребностей.

Но что такое общественная потребность? Можно ли ее каким-нибудь образом определить точнее, можно ли ее как-нибудь измерить, или же мы должны довольствоваться здесь лишь неопределенным понятием?

Если посмотреть на дело так, как оно выступает на поверхности хозяйственной жизни в повседневной практике, т. е. с точки зрения отдельного капиталиста, то оно по существу не осязаемо. Капиталист производит и продает машины. Его клиентами являются другие капиталисты, покупающие у него машины с тем, чтобы этим самым снова капиталистически производить другие товары. Первый может тем больше сбывать своих товаров, чем больше последние расширяют свое производство; он может тем больше накапливать, чем больше они "накапливают в своих отраслях производства. Здесь «общественной потребностью», с которой связан наш капиталист, была бы потребность других капиталистов, предпосылкой расширения его производства было бы расширение их производства. Другой капиталист производит и продает средства существования для рабочих. Он может тем больше продавать, стало быть, тем больше накапливать, чем больше рабочих занято у других капиталистов (и у него самого) или, другими словами, чем больше другие капиталисты производят и накапливают. Но от чего зависит возможность расширения «другими» их предприятий? Очевидно, опять-таки от того, могут ли «эти» капиталисты, например, производители машин, средств существования, покупать у них их товары в постоянно возрастающем количестве. «Общественной потребностью», от которой зависит накопление капитала, при ближайшем рассмотрении таким образом оказывается как-будто само накопление капитала. Чем больше капитал накапливает, тем больше он накапливает; ближайшее рассмотрение вопроса приводит, повидимому, к этой пустой тавтологии или к головокружительной карусели. Где здесь начало, инициатива импульса, – не видно. Мы явственно вращаемся в кругу, и проблема исчезает у нас под руками. Это на самом деле и происходит, но лишь до тех пор пока мы исследуем вопрос с точки зрения поверхности рынка, т. е. отдельного капитала, этой излюбленной формы вульгарного экономиста¹.

Но вопрос сразу получает определенный вид и строгие очертания, когда мы рассматриваем капиталистическое производство как целое, с точки зрения совокупного капитала, т. е. в последнем счете с един-

¹ Подобного рола пример дает рецензент моей книги из «Vorwarts'a» Г. Экштейн, которые после вступительных значительных обещаний просветить читателя насчет общественной потребности пару раз, подобно кошке, оборачивается вокруг собственного хвоста и, не подвинувшись с места, в конце концов объявляет, что дело «отнюдь не так просто и легко». Это, конечно, верно. Сказать пару нелепых фраз гораздо проще и легче.

ственно решающей и правильной точки зрения. Такова именно точка зрения, которую Маркс впервые систематически развил во втором томе своего «Капитала», но которую он однако положил в основу всей своей теории. Суверенное частное бытие отдельного капитала на деле есть лишь внешняя форма, поверхностное явление хозяйственной жизни, – форма, которую только вульгарные экономисты рассматривают как сущность вещей и единственный источник познания. При всех этих явлениях, выступающих на поверхность, и при всех противоречиях конкуренции, все же несомненно тот факт, что все отдельные капиталы образуют одно общественное целое, что над их бытием и движением господствуют общие общественные законы, которые через постоянные отклонения лишь в результате отсутствия планомерности и анархии современной системы осуществляются за спиной отдельных капиталистов и помимо их сознания.

Если мы рассмотрим капиталистическое производство как целое, то общественная потребность тотчас же становится осязаемой величиной, распадающейся на осязаемые части.

Представим себе, что все производимые в капиталистическом обществе товары ежегодно складываются на одном месте, в одну большую кучу, чтобы, как совокупная масса, быть использованной обществом. Мы тогда сразу же увидим, что вся эта товарная масса ясно распадается на несколько больших частей разного рода и разного назначения.

При всякой общественной форме и во все времена производство так или иначе должно было заботиться о двух вещах. Во-первых, оно должно было, плохо ли, хорошо ли, кормить общество, одевать его и удовлетворять материальными вещами прочие его культурные потребности, т. е. оно, коротко говоря, должно было доставлять населению всех слоев и возрастов средства существования в самом широком смысле слова. Во-вторых, всякая форма производства должна была, – для того, чтобы сделать возможным дальнейшее существование общества, следовательно, его дальнейший труд, – всегда производить новые средства производства для возобновления использованных; она должна была производить сырье, орудия, рабочие помещения и т. д. Без удовлетворения обеих этих элементарнейших потребностей всякого человеческого общества культурное развитие и прогресс были бы невозможны. И с этими элементарными требованиями должно считаться и капиталистическое производство, несмотря на всю его анархию и независимо от интересов прибыли.

Соответственно с этим мы в том общем капиталистическом складе товаров, которые мы себе представили, найдем прежде всего большую часть товаров, которые представляют возмещение использованных в истекшем году средств производства. Это новое сырье, машины, строения (или то, что Маркс называет постоянным капиталом), которые отдельные капиталисты произвели друг для друга в своих предприятиях и которыми они должны обмениваться между собой, чтобы сделать возможным во всех предприятиях производство в прежних размерах. Так как все необходимые для общественного процесса труда средства производства (согласно нашему допущению)

доставляются капиталистическими предприятиями, то обмен соответствующих товаров на рынке является, так сказать, внутренним, домашним делом самих капиталистов. Деньги, необходимые для того, чтобы всесторонне осуществить этот обмен товаров, получаются, конечно, из кармана класса капиталистов – ведь каждый предприниматель должен наперед располагать соответствующей денежной суммой для своего предприятия – и по завершении обмена возвращаются с рынка обратно в карман класса капиталистов.

Так как мы рассматриваем здесь лишь возобновление средств производства в прежнем размере, то достаточно из года в год иметь одну и ту же сумму денег, которая была бы посредницей в периодическом взаимном обеспечении капиталистов средствами производства и то и дело возвращалась бы на время обратно в их карманы.

Как и при всяком другом обществе, вторая, большая часть капиталистической товарной массы, должна заключать в себе средства существования населения. Но на какие части распадается при капиталистической общественной форме население и как оно получает свои средства существования? Два основных явления характеризуют капиталистический способ производства: во-первых, всеобщий товарный обмен; в данном случае это означает прежде всего, что ни один человек не может получить из общественной товарной массы ни малейшего количества средств существования, если он не владеет необходимыми для их покупки покупательными средствами – деньгами; во-вторых, капиталистическая система найма, т. е. отношение, при котором большая часть трудящихся получает средства для покупки товаров лишь благодаря обмену с капиталом своей рабочей силы и при котором имущий класс получает свои средства существования благодаря эксплуатации указанного отношения. Таким образом само капиталистическое производство предполагает два больших класса населения: капиталистов и рабочих, которые в отношении обеспечения себя средствами существования находятся в совершенно различном положении. Как бы безразлична ни была судьба рабочих для отдельного капиталиста, но их необходимо по крайней мере кормить, пока их рабочая сила применима для нужд капитала, дабы поддержать их существование для дальнейшей эксплуатации. Следовательно, класс капиталистов ежегодно уделяет рабочим из общей массы произведенных ими товаров такую часть средств существования, которая необходима как раз для того, чтобы они могли участвовать в производстве. Для покупки этих товаров рабочие получают от предпринимателей заработную плату в денежной форме, следовательно, рабочий класс путем обмена прежде всего получает ежегодно от класса капиталистов за проданную рабочую силу определенную денежную сумму, которую он обменивает на известное количество средств существования, взятых опять-таки из общественной товарной массы, составляющей собственность капиталистов; это количество средств существования соответствует культурному уровню и степени развития классовой борьбы рабочего класса. Деньги, которые выступают в качестве посредников при этом втором большом меновом акте, получаются таким образом опять-таки из кармана класса капиталистов: для того, чтобы предприятие работало, каждый предприниматель должен авансировать, по терминологии Маркса, «переменный

капитал», т.е. денежный капитал, необходимый для покупки рабочей силы. Но после того как рабочий закупил все нужные ему средства существования (а каждый рабочий должен это делать для содержания самого себя и своей семьи), эти деньги до последнего гроша вновь возвращаются в карман капиталистов как класса. Ибо капиталистические предприниматели продают рабочим средства существования как товар. Перейдем к потреблению самих капиталистов. Средства существования класса капиталистов принадлежат ему уже как товарная масса, до всякого обмена, в силу капиталистических отношений, согласно которым все товары вообще, за исключением единственного товара – рабочей силы, появляются на свет как собственность капитала. Конечно, эти «лучшие» средства существования именно потому, что они – товары, появляются на свет как собственность многих распыленных отдельных капиталистов, как их частная собственность. Чтобы класс капиталистов мог потребить принадлежащую ему массу средств существования, необходимо, чтобы и здесь, как в случае с постоянным капиталом, имел место всесторонний взаимный обмен между капиталистами. И в этом случае общественный обмен должен быть проведен при посредстве денег, и потребную для этой цели сумму денег должны бросить в обращение опять-таки сами капиталисты; здесь, как и при возобновлении постоянного капитала, дело идет опять-таки о внутренних, домашних обстоятельствах класса предпринимателей. Но указанная денежная сумма по завершении обмена и здесь возвращается в карман всего класса капиталистов как целого; она возвращается туда, откуда она ушла.

О том, чтобы ежегодно действительно, производилось потребное количество средств существования с необходимыми для капиталистов предметами роскоши, об этом заботится тот самый механизм капиталистической эксплуатации, который вообще регулирует отношения найма. Если бы рабочие производили лишь столько средств существования, сколько необходимо для их собственного содержания, то их занятие с точки зрения капитала было бы бессмыслицей. Оно приобретает смысл лишь тогда, когда рабочий сверх своего собственного содержания, соответствующего его заработной плате, обеспечивает также и содержание своего «кормильца», т. е. когда он, по терминологии Маркса, создает для капиталиста прибавочную стоимость. И эта прибавочная стоимость должна между прочим служить для того, чтобы обеспечить классу капиталистов, – как это имело место по отношению ко всякому классу эксплуататоров в прежние периоды истории – необходимый уровень жизни и известную роскошь. После этого у капиталистов остается еще своеобразный труд: путем взаимного обмена соответствующих товаров и ассигнования для этой цели необходимых денежных средств озаботиться о полном нужды и лишений существовании своего собственного класса и о его естественном размножении.

Этим было бы покончено с двумя большими частями в нашей общественной товарной массе: со средствами производства для возобновления процесса труда и со средствами существования для содержания населения, т. е. рабочего класса, с одной стороны, и класса капиталистов – с другой.

Легко может создаться представление, что мы до сих пор рисовали чисто фантастические картины. Какой же капиталист в настоящее время знает, что и сколько необходимо для возмещения всего изношенного капитала, для прокормления всего рабочего, класса или класса капиталистов, и какой капиталист вообще заботится обо всем этом? Ведь каждый предприниматель производит вслепую, чтобы конкурировать с другими, и видит только то, что происходит перед его носом. Но, несмотря на беспорядочность конкуренции и анархию, все же имеются, очевидно, в конце-концов невидимые законы, которые оказывают свое действие; без них капиталистическое общество уж давным-давно разлетелось бы в прах. И весь смысл политической экономии как науки и в частности сознательная цель экономического учения Маркса заключается в том, чтобы выявить те скрытые законы, которые при всей анархии частных хозяйств поддерживают порядок и связь всего общественного целого. Именно эти объективные невидимые законы капиталистического накопления – накопление капиталов путем прогрессивного расширения производства – мы и должны теперь исследовать. Из того, что излагаемые нами здесь законы не руководят сознательным образом действиями отдельных функционирующих капиталов, что в действительности не существует такого общественного органа, который сознательно вырабатывал бы эти законы и проводил бы их в жизнь, из этого вытекает лишь тот факт, что современное производство приспособляется к своим задачам путем шатаний, путем постоянного перепроизводства и недопроизводства, путем постоянных колебаний цен и кризисов. Но именно эти колебания цен и кризисы имеют в конце концов для общества как целого то значение, что они то и дело снова и снова вводят хаотическое частное производство в рамки общих связей; без этого оно очень скоро вышло бы из пазов своих. Если попытаемся здесь вместе с Марксом набросать крупными штрихами отношение совокупного капиталистического производства к общественным потребностям, то мы отвлекаемся лишь от специфических методов капитализма – от колебаний цен и кризисов, посредством которых он приводит в соответствие указанные отношения, – и рассматриваем самую сущность дела.

Но теми двумя большими частями общественной товарной массы, с которыми мы покончили, ограничиться однако нельзя. Если бы эксплуатация рабочих служила только для того, чтобы обеспечить эксплуататорам роскошную жизнь, то мы имели бы дело не с современным господством капитала, а со своего рода модернизированным рабским или средневековым феодальным хозяйством. Ее жизненная цель и призвание – прибыль в образе денег, накопление денежного капитала. Истинный исторический смысл производства начинается таким образом лишь там, где эксплуатация выходит за пределы указанных границ. Прибавочной стоимости не только должно хватать на то, чтобы обеспечить классу капиталистов «соответствующий его состоянию» образ жизни: она сверх этого должна заключать в себе часть, предназначенную для накопления. Более того. Эта господствующая над всем истинная цель имеет настолько важное значение, что рабочие лишь постольку получают работу, т. е. лишь постольку ставятся в положение, когда они сами создают себе средства существования, поскольку они производят ту часть прибыли, которая пред-

назначена для накопления, и поскольку имеются виды на возможность накопления ее в денежной форме.

Соответственно этому мы в нашем воображаемом едином складе капиталистического общества должны найти еще третью часть товаров, которая не предназначена ни для возобновления использованных средств производства, ни для содержания рабочих и капиталистов; все это мы уже рассмотрели. Это будет часть товаров, содержащая ту неоценимую долю выжатой из рабочих прибавочной стоимости, которая собственно и составляет жизненную цель капитала: прибыль, предназначенную для капитализации, для накопления. Какого это рода товары и какая часть общества в них нуждается, т. е. кто покупает их у капиталистов, чтобы в конце-концов дать им возможность превратить важнейшую часть прибыли в чистое золото?

Здесь мы подошли к существу проблемы накопления и должны рассмотреть все попытки ее решения.

Быть может, покупателями последней части товаров общественного склада являются рабочие? Но ведь рабочие, кроме полученной ими от предпринимателей заработной платы, не владеют никакими покупательскими средствами и лишь в размере этой платы получают в обрез ассигнованную им часть совокупного общественного продукта. Сверх этого они ни на грош не могут купить капиталистических товаров, как бы ни были велики их неудовлетворенные жизненные потребности. К тому же стремления и интересы класса капиталистов направлены к тому, чтобы уделить рабочим потребляемую ими часть совокупного общественного продукта и необходимые для этого покупательские средства по возможности в обрез, а отнюдь не в избытке. Ибо с точки зрения капиталистов как класса (очень важно держаться именно этой точки зрения в отличие от извращенных представлений отдельного капиталиста) рабочие – не покупатели, не «клиенты», как другие, а лишь рабочая сила, содержание которой за счет части ее же собственного продукта является печальной необходимостью; содержание это притом сводится к социально допустимому в данное время минимуму.

Но, может быть, сами капиталисты, расширяя собственное частное потребление, могут явиться покупателями рассматриваемой нами последней части их общественной товарной массы? Быть может, это разрешило бы задачу, хотя роскошь господствующего класса, включая сюда и всякие прихоти, и без того обеспечена в достаточной мере. Однако если бы сами капиталисты без остатка прокучивали всю выжатую из рабочих прибавочную стоимость, то накопления никакого не было бы. Мы имели бы тогда перед собой с точки зрения капитала совершенно фантастический возврат к своего рода модернизованному рабскому хозяйству или феодализму. Обратное, правда, мыслимо и при случае усердно практикуется: капиталистическое накопление с рабовладельческими и крепостническими формами эксплуатации мы могли найти до 60-х годов прошлого столетия в Соединенных штатах, и еще теперь находим в Румынии и в разных заокеанских колониях. Но противоположный случай – современная форма эксплуатации, т. е. свободные отношения найма с последующим античным или феодальным прокучиванием прибавочной стоимости при полном пренебрежении накоплением, – такой смертный грех про-

тив святого духа капитала попросту немислим. Здесь точка зрения совокупного капитала опять-таки весьма существенно отличается от точки зрения отдельного предпринимателя. Для последнего и роскошь «знатных господ», например, выступает как желанное расширение сбыта, стало быть, как первоклассные условия накопления. Для всех капиталистов как класса потребление всей прибавочной стоимости в виде роскоши является чистейшим безумием, экономическим самоубийством, потому что это означает не что иное, как уничтожение накопления в корне.

Итак, кто же является покупателем, потребителем той части всех общественных товаров, продажа которой только и делает возможным накопление? Ясно одно: этими покупателями не могут быть ни рабочие, ни капиталисты.

Но разве в обществе нет других слоев в роде чиновников, военных, духовенства, ученых, художников, которых нельзя отнести ни к рабочим, ни к капиталистам? Разве все эти категории населения не должны удовлетворять свои потребности? Быть может, они-то и выступают в качестве искомых покупателей избытка товаров? Для отдельного капиталиста это опять-таки так. Но иначе представляется дело, если мы рассматриваем всех предпринимателей как класс, если мы рассматриваем совокупный общественный капитал. В капиталистическом обществе все перечисленные слои и профессии с экономической точки зрения являются лишь придатком класса капиталистов. Если мы спрашиваем, откуда чиновники, военные, духовные, художники и т. д. получают свои покупательные средства, то оказывается, что источником последних является отчасти карман капиталистов, отчасти (через посредство системы косвенных налогов) заработная плата. Таким образом эти слои с экономической точки зрения для капитала, взятого как целое, не являются особым классом потребителей, так как они не обладают никаким самостоятельным источником покупательной силы и так как они в качестве сотрапезников обеих частей общества – капиталистов и рабочих уже подразумеваются, когда мы говорим о потреблении этих двух классов.

Итак, мы пока не видим покупателя, не видим никакой возможности сбыть последнюю часть товаров, продажа которых только и делает возможным накопление.

Есть, наконец, простой выход из затруднения. Может быть, мы уподобляемся тому всаднику, который безнадежно разыскивал коня, на котором он сидел? Может быть, капиталисты сами покупают друг у друга этот остаток товаров и притом не для того, чтобы прокутить их в свое удовольствие, а затратить именно на расширение производства с целью накопления? Ибо что такое накопление, как не расширение капиталистического производства? Но для того, чтобы удовлетворять этой цели, указанные товары должны состоять не из предметов роскоши для частного потребления капиталистов, а из разного рода средств производства (нового постоянного капитала) и средств существования для рабочих.

Пусть это будет так. Но подобное решение лишь переносит затруднение с данного момента на следующий. В самом деле, допустив, что накопление началось и что расширенное производство в следующем году выбрасывает на рынок еще большую массу товаров, чем в

этом году, мы снова наталкиваемся на вопрос: где же мы тогда найдем покупателей для еще более возросшего количества товаров?

Если нам ответят, что это возросшее количество товаров и в следующем году будет обменено капиталистами между собой и затрачивается ими всеми опять-таки для расширения производства, и так из года в год, то мы будем иметь перед собой карусель, которая вращается сама собой в пустом пространстве. Это будет в таком случае не капиталистическое накопление, т. е. не накопление денежного капитала, а нечто противоположное: производство товаров ради производства, стало быть, с точки зрения капитала совершеннейшая бессмыслица. Если капиталисты как класс всегда лишь сами являются покупателями всей своей товарной массы (за исключением той части, которую они постоянно должны уделять рабочему классу на его содержание), если они сами должны собственными деньгами постоянно покупать товары и превращать в золото заключающуюся в них прибавочную стоимость, то накопление прибыли, накопление классом капиталистов как целого невозможно.

Если мы хотим, чтобы накопление имело место, то необходимо, чтобы для той части товаров, в которых заключается предназначенная для накопления прибыль, нашлись совсем другие покупатели – покупатели, которые черпают свои покупательные средства из самостоятельного источника, а не из кармана капиталистов, как рабочие или сотрудники капитала – государственные органы, войско, духовенство, либеральные профессии. Стало быть это должны быть покупатели, которые получают покупательные средства на основе товарного обмена, следовательно, от производства товаров, которое имеет место за пределами капиталистического товарного производства; это должны быть, следовательно, производители, средства производства которых нельзя рассматривать как капитал, и которые сами не принадлежат ни к одной из двух категорий – категорий капиталистов и рабочих, но тем не менее так или иначе нуждаются в капиталистических товарах.

Но где же мы находим подобных покупателей? Ведь в современном обществе, кроме капиталистов и всей их свиты паразитов, нет никаких других классов или слоев!

Здесь мы подходим к узловому пункту вопроса. Во втором, как и в первом томе «Капитала», Маркс в качестве предпосылки своего анализа берет то положение, что капиталистическое производство является единственной и исключительной формой производства. В первом томе он говорит: «Мы оставляем здесь в стороне внешнюю торговлю, которая туземные сорта товаров замещает заграничными и при помощи которой нация может превратить предметы роскоши в средства производства и существования, или наоборот. Для того, чтобы рассмотреть предмет нашего исследования в совершенно чистом виде, независимо от затемняющих дело побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство укрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства» («Капитал», т. I, стр. 589, перев. Базарова и Степанова. Москва, 1920. Примечание 25). И во втором томе: «По нашему предположению – при всеобщем и исключительном господстве капиталистического производства, – кроме этого

класса вообще не существует никаких других классов, кроме класса рабочих»¹. При этих условиях в обществе есть, конечно, только капиталисты с их придатком и наемные пролетарии; других слоев, других товаропроизводителей и потребителей мы тут не находим. Но в таком случае капиталистическое накопление, как я попыталась показать, стоит как раз перед той неразрешимой проблемой, к которой мы в конце концов пришли.

Можно поворачивать вопрос как угодно, но до тех пор пока мы остаемся в предположении, что в обществе нет никаких других слоев, кроме капиталистов и наемных рабочих, капиталисты как класс не в состоянии отделаться от своих избыточных товаров, чтобы превратить прибавочную стоимость в деньги и получить таким образом возможность накапливать капитал.

Но марксово допущение является лишь теоретической предпосылкой в целях облегчения и упрощения исследования. В действительности капиталистическое производство, как это всякому известно и как это при случае подчеркивает в «Капитале» сам Маркс, отнюдь не является единственным и исключительно господствующим. В действительности во всех капиталистических странах, даже в странах с высоко развитой крупной промышленностью, наряду с капиталистическими предприятиями в индустрии и в земледелии имеется множество ремесленных и крестьянских хозяйств, которые ведут простое товарное производство. В действительности наряду со старыми капиталистическими странами даже в самой Европе есть страны, в которых крестьянское и ремесленное производство сильно преобладает даже в настоящее время. Таковы Россия, Балканы, Скандинавия, Испания. И, наконец, наряду с капиталистической Европой и Северной Америкой есть колоссальные континенты, где капиталистическое производство пустило корни лишь в немногих разбросанных пунктах, в то время как в остальных местах народы, обитающие на этих континентах, переживают всевозможные хозяйственные формы, начиная с первобытного коммунизма и кончая феодальным, крестьянским и ремесленным хозяйством. Все эти общественные формы и формы производства существуют и существовали не только в спокойном территориальном соседстве с капитализмом; напротив того, с самого начала капиталистической эры между ними и европейским капиталом развился усиленный обмен веществ совершенно особого свойства. Капиталистическое производство как подлинное массовое производство нуждается в покупателях как из крестьянских и ремесленных кругов старых стран, так и в потребителях всех других стран, в то время как оно со своей стороны технически совершенно не может обойтись без продуктов производства этих слоев и стран (будь это средства производства или средства потребления). Таким образом между капиталистическим производством и его некапиталистической средой с самого начала должны были развиваться отношения обмена, при которых для капитала создавалась возможность реализовывать в чистом золоте свою собственную прибавочную стоимость для целей дальнейшей капитализации, обеспечивать себя всякого рода необходимыми ему для расширения собственного производства товарами

¹ Стр. 331, по перев. Базарова и Степанова, изд. 1919 г.

и, наконец, путем разрушения этих некапиталистических форм производства получать все новый и новый приток пролетаризованной рабочей силы.

Но это только голое экономическое содержание создающихся отношений. Его конкретную картину в действительности создает исторический процесс развития капитализма на мировой арене со всем его пестрым и меняющимся многообразием.

Ибо капитализм при обмене с окружающей его некапиталистической средой прежде всего наталкивается на затруднения, вытекающие из натурального хозяйства, из устойчивых общественных отношений, и на ограниченные потребности как патриархально-крестьянского, так и ремесленного хозяйства. Тут капитал прибегает к «героическим средствам», к методам политического насилия. В самой Европе его первым шагом является революционное преодоление феодального натурального хозяйства. В заокеанских странах порабощение и разрушение традиционных общинных отношений являются первым делом, всемирноисторическим актом рождения капитала, и с этого времени указанные методы выступают в качестве постоянных спутников накопления. Путем разрушения первобытных, натурально-хозяйственных и патриархально-крестьянских отношений этих стран европейский капитал открывает там ворота товарообмену и товарному производству, превращает их жителей в покупателей капиталистических товаров и в то же самое время чрезвычайно сильно ускоряет собственное накопление при помощи прямого массового грабежа природных сокровищ и накопленных богатств поработанных народов. С начала XIX столетия рука об руку с этими методами идет вывоз накопленного капитала из Европы в некапиталистические страны других частей света, где он на новом поприще, на развалинах туземных форм производства, находит новый круг покупателей своих товаров и, стало быть, дальнейшие возможности для накопления.

Таким образом капитализм все более и более расширяется благодаря взаимодействию с некапиталистическими общественными кругами и странами: он накапливает за их счет, но в то же время на каждом шагу разъедает и вытесняет их, чтобы самому стать на их место. Но чем больше капиталистические страны участвуют в этой погоне за областями накопления и чем меньше становятся те некапиталистические районы, которые открыты еще для мировой экспансии капитала, тем ожесточеннее становится конкурентная борьба капитала вокруг указанных областей накопления, тем в большей мере его экскурсии по мировой арене превращаются в цепь экономических и политических катастроф: в мировые кризисы, войны и революции.

Но этим процессом капитал двояким образом подготавливает свою собственную гибель: во-первых, он своим расширением за счет всех некапиталистических форм производства держит курс на тот момент, когда все человечество в действительности будет состоять из одних лишь капиталистов и наемных пролетариев и когда дальнейшее расширение, следовательно, накопление, станет поэтому невозможным; во-вторых, он в то же самое время, по мере того как эта тенденция находит свое выражение, обостряет классовые противоречия, международную хозяйственную и политическую анархию настолько, что он должен вызвать восстание международного пролетариата

тив существования капиталистического господства задолго до осуществления крайнего результата экономического развития, т. е. задолго до того момента, когда будет достигнуто абсолютное и безраздельное господство капиталистического производства во всем мире.

Таковы в общих чертах проблема и ее решение, как я себе их представляю. На первый взгляд это может показаться чисто теоретическим мудрствованием. И тем не менее проблема имеет близкое к нашим дням практическое значение. Оно заключается в тесной связи данной проблемы с самым выдающимся фактом современной общественной жизни, с империализмом. Крайние типичные проявления империалистического периода: мировая борьба капиталистических государств за колонии, за сферы влияния, за возможности приложения европейского капитала, международная система займов, милитаризм, высокие таможенные пошлины, господствующая роль в мировой политике банковского капитала и картельной промышленности – все это в настоящее время общеизвестно. Их связь с последней фазой капиталистического развития, их значение для накопления капитала настолько очевидны, что их отчетливо сознают и признают как носители, так и противники империализма. Социал-демократия не может однако довольствоваться эмпирическим познанием этого факта. Для нее важно точно исследовать экономические закономерности указанных связей, установить подлинный корень больших и сложных комплексов явлений империализма. Ибо, как это постоянно бывает в таких случаях, лишь ясное теоретическое понимание сущности проблемы может нам дать в нашей практике борьбы с империализмом ту уверенность, ту ясность цели и ту ударную силу, которые столь необходимы в политике пролетариата. Факты эксплуатации, прибавочного труда и прибыли были известны до появления «Капитала» Маркса. Но только точная теория прибавочной стоимости и ее образования, закона заработной платы и промышленной резервной армии, как ее конструировал Маркс на основе своей теории стоимости, дали практике классовой борьбы тот железный базис, на котором развивалось немецкое, а вслед за ним международное рабочее движение вплоть до мировой войны. Что одной теорией не обойдешься, что самую лучшую теорию можно иногда связать с самой гнусной практикой, это показывает именно теперешнее крушение германской социал-демократии. Но это крушение произошло не в результате, а вопреки теоретическому учению Маркса, и оно может быть преодолено только тем, что практика рабочего движения будет приведена в соответствие с его теорией. Как в общих задачах, так и в каждой более важной области классовой борьбы мы можем получить совершенно прочную основу для нашей позиции лишь из теории Маркса, из многих неисчерпаемых сокровищниц его фундаментальных работ.

Что объяснение экономического корня империализма должно быть выведено специально из законов накопления капитала и приведено с ними в соответствие, – это не подлежит никакому сомнению, так как империализм в целом уже по всеобщему эмпирическому признанию является не чем иным, как специфическим методом накопления. Но как это возможно, пока мы без всякой критики придерживаемся предпосылок Маркса во втором томе «Капитала», имеющих в виду общество, где капиталистическое производство является един-

ственным и где все население состоит только из капиталистов и наемных рабочих?

Как бы ни определяли внутренние экономические движущие силы империализма, во всяком случае ясно и общепризнано одно: его сущность состоит именно в распространении господства капитала из старых капиталистических стран на новые области и в хозяйственной и политической конкурентной борьбе этих стран из-за подобных областей. Но Маркс, как мы видели, допускает во втором томе своего «Капитала», что весь мир является лишь «одной капиталистической нацией» и что все другие хозяйственные и общественные формы исчезли. Как же, спрашивается, объяснить империализм в таком обществе, где для него совершенно не осталось места?

Здесь, я полагаю, нужно подойти к вопросу критически. Теоретическое допущение общества, состоящего из одних лишь капиталистов и рабочих, которое для определенных целей исследования (например, в первом томе «Капитала» при анализе отдельного капитала и его практики эксплуатации на фабрике) вполне законно и уместно, кажется мне неприменимым и мешающим анализу там, где речь идет о накоплении общественного капитала, взятого в целом. Так как последнее представляет действительный исторический процесс капиталистического развития, то его, по-моему, невозможно понять, если отвлечься от всех условий этой исторической действительности. Капиталистическое накопление как исторический процесс с первого до последнего дня развивается в среде различных докапиталистических формаций, в постоянной политической борьбе и непрерывном экономическом взаимодействии с ними. Как же можно правильно понять этот процесс и внутренние законы его развития в бескровной теоретической фикции, которая объявляет несуществующими всю эту среду, эту борьбу и это взаимодействие?

Мне кажется, что здесь именно духу теории Маркса будет вполне соответствовать отказ от предпосылок первого тома «Капитала», которые превосходно сослужили там свою службу и постановка исследования накопления как совокупного процесса на конкретный базис обмена веществ между капиталом и окружающей его исторической средой. Если идти этим путем, то объяснение процесса, по моему мнению, получается совершенно свободно именно из основного учения Маркса и в полном соответствии с остальными частями его главного экономического труда.

Сам Маркс только поставил вопрос о накоплении совокупного общественного капитала, но не ответил на него. Он, правда, взял в качестве предпосылки своего анализа чисто капиталистическое общество, но он не только не довел анализа на этой основе до конца, а прервал его именно на этом кардинальном вопросе. Для наглядности своей концепции он составил несколько математических схем, но едва только он приступил к объяснению их социальной практической возможности и к проверке их с этой точки зрения, как болезнь и смерть вырвали из рук его перо. Решение этой проблемы, как и некоторых других, выпало, очевидно, на долю его учеников, и мое «Накопление» должно было быть попыткой в этом направлении.

Представленное мною решение можно было считать правильным или неправильным, его можно было критиковать, оспаривать, допол-

нять, можно было, наконец, дать другое решение. Ничего подобного не произошло. Произошло нечто неожиданное: «специалисты» заявили, что нет вообще никакой проблемы, которую следовало бы решить! Они заявили, что изложение Маркса во втором томе «Капитала» дает полное и исчерпывающее объяснение накопления; что этими схемами ясно доказано, что капитал превосходно может расти, а производство расширяться, если бы в мире и не существовало никакого другого производства, кроме капиталистического; что оно само является рынком для себя и что только моя полная неспособность понять азбуку марксовых схем могла побудить меня усмотреть здесь проблему.

Подумайте только!

Правда, вот уже столетие, как в политической экономии идут споры о проблеме накопления, о возможности реализации прибавочной стоимости; мы находим их в 20-х годах у Сисмонди с Сэем, Рикардо с Мак-Куллохом, в 50-х годах в полемике между Родбертусом и Кирхманом, в 80-х и в 90-х годах в полемике между русскими народниками и марксистами. Самые выдающиеся теоретики политической экономии во Франции, Англии, Германии и России все снова и снова рассматривали эти вопросы и притом как до, так и после появления «Капитала» Маркса. Повсюду, где под влиянием острой социальной критики в политической экономии пульсировала интенсивная умственная жизнь, проблема не давала покоя исследователям.

Правда, второй том «Капитала» представляет собой не законченную работу, как первый, а лишь торс, сборник более или менее готовых отрывков и набросков, как они были написаны исследователем для уяснения вопроса самому себе, – набросков, разработка которых то и дело тормозилась и прерывалась болезненным состоянием автора. Специально анализ накопления совокупного капитала, о котором здесь идет речь, как последняя глава манускрипта, разработан менее всего: из 450 страниц, составляющих второй том, он насчитывает едва 35 страниц и обрывается на полуслове.

Правда, этот последний отдел второго тома, по свидетельству Энгельса, самому Марксу казался «крайне нуждающимся в переработке» и, по его же свидетельству, остался «лишь предварительным рассмотрением вопроса». Достаточно того, что Маркс на протяжении своего анализа проблемы реализации прибавочной стоимости вплоть до конца рукописи все снова и снова возвращался к этому вопросу, что он все в новой форме выражал свои сомнения и тем самым уже показал трудность проблемы.

Правда, между предпосылками краткого отрывка в конце второго тома, где Маркс рассматривает накопление, и его рассуждениями в третьем томе, где он рисует «движение капитала, взятого в целом», и многими важными законами первого тома имеются явные противоречия, на которых я подробно останавливаюсь в своей книге.

Правда, неудержимое стремление капиталистического производства в некапиталистические страны обнаруживается с момента его первого выступления на историческую сцену, тянется красной нитью через все его развитие и приобретает все большее значение, пока оно четверть века тому назад не вступает в империалистическую фазу как решающий и господствующий фактор общественной жизни.

Правда, всякий знает, что нигде в реальной действительности не существует такой страны, где есть только общество, отвечающее предпосылкам второго тома «Капитала».

И несмотря на все это, официальные «специалисты» от марксизма заявляют, что проблемы накопления вообще не существует, что все уже окончательно разрешено у Маркса. Странная предпосылка накопления во втором томе их никогда не смущала, они вообще не заметили ее, как нечто, заслуживающее внимания. И теперь, когда их внимание обращено на это обстоятельство, они находят именно эту странность совсем в порядке вещей, упорно цепляются за это представление и яростно нападают на того, кто хочет видеть проблему там, где официальный марксизм в продолжение десятилетий не находил ничего другого, кроме удовлетворения самим собой!

Это такое глубокое падение эпигонов, что ему можно найти параллель лишь в анекдотическом происшествии из практики цеховых ученых, в известной истории с «перестановкой страниц» в кантовских «Prolegomena».

В продолжение столетия в философском мире неистово спорили насчет различных загадок учения Канта и в особенности насчет его «Prolegomena»; при толковании кантовского учения образовались целые школы, которые вцепились друг другу в волосы. Спорили, пока профессор Файгингер не разгадал миру по крайней мере самого темного места этих загадок самым простым образом, указавши на то, что часть § 4 «Prolegomena», совершенно не согласующаяся с остальным текстом главы, относится к § 2, от которого она отделена лишь по ошибке печатника оригинального издания и поставлена на неверное место. Всякому догадливому читателю этой работы в настоящее время дело сразу становится ясным. Но не так обстояло дело с цеховым ученым, который целое столетие строил глубокомысленные теории на опечатке. И нашелся так-таки ученый муж и профессор в Бонне, который в четырех статьях «Philosophische Monatshefte» возмущенно доказывал, что «воображаемой перестановки страниц» вовсе не существует, что именно лишь при наличии опечатки выступает единственно подлинный и фальсифицированный Кант, и что тот, кто посмел обнаружить опечатку, ничего не понимает в философии Канта.

Так приблизительно держатся теперь «специалисты» за предпосылки второго тома «Капитала» Маркса и за построенные на них математические схемы. Главное сомнение моей критики сводится к тому, что математические схемы в вопросе накопления вообще ничего не могут доказать, так как их историческая предпосылка несостоятельна. В ответ мне говорят: но ведь схемы разрешаются гладко, следовательно, проблема накопления разрешена, она вовсе не существует!

Вот пример ортодоксального культа формул. Отто Бауэр подходит в «Neue Zeit» к анализу поставленного мною вопроса – как реализуется прибавочная стоимость? – следующим образом. Он конструирует четыре больших числовых таблицы, в коих даже латинских букв, которые Маркс употребляет для сокращения обозначения постоянного и переменного капитала, оказывается недостаточно. Бауэр прибавляет еще несколько греческих букв. Его таблица имеет поэтому еще более отпугивающий вид, чем все схемы «Капитала» Маркса. И вот при по-

мощи этого аппарата он хочет показать, как капиталисты по возобновлении потребленного постоянного капитала сбывают тот избыток товаров, в котором заключается предназначенная для капитализации прибавочная стоимость. «Но сверх того (после замены старых средств производства) капиталисты хотят затратить накопленную ими в первом году прибавочную стоимость на расширение существующих или на учреждение новых предприятий. Если они в следующем году хотят применить капитал, увеличенный на 12 500, то они уже теперь должны строить новые рабочие помещения, покупать новые машины, увеличивать свой запас сырых материалов и т. д. и т. д.»¹.

Этим путем проблема была бы решена. «Если капиталисты хотят» расширить свое производство, то они, конечно, нуждаются в большем количестве средств производства, чем до тех пор, и выступают в качестве лиц, покупающих друг у друга. Одновременно с этим они, кроме того, нуждаются в большем количестве рабочих и в большем количестве средств существования для рабочих, которые они ведь тоже сами производят. Этим самым весь избыток средств производства и существования нашел себе приложение, и накопление может начаться. Итак, все зависит от того, «захотят ли» капиталисты приняться за расширение производства. Почему же им не «хотеть»? Конечно, они этого «хотят»! «Таким образом вся стоимость производства обеих сфер, следовательно, и вся прибавочная стоимость реализована», – победоносно заявляет Бауэр и делает отсюда следующий вывод:

«Руководствуясь таблицей 4, можно подобным же образом убедиться в том, что совокупная стоимость производства обеих сфер находит себе беспрепятственный сбыт, а совокупная прибавочная стоимость реализуется не только в первом, но и в л ю б о м и з п о с л е д у ю щ и х г о д о в. Следовательно, допущение товарища Люксембург, что накопленная часть прибавочной стоимости не может быть реализована, таким образом не верно»².

Бауэр даже не заметил, что для получения этого блестящего результата вовсе не нужно было таких длинных и обстоятельных расчетов с четырьмя таблицами, широкими, продолговатыми и заключенными в простые скобки, и с четырехэтажными формулами. Результат, к которому приходит Бауэр, вовсе не вытекает из его таблиц, а признается им попросту, как нечто данное. Бауэр просто предполагает то, что нужно доказать. В этом состоит все его «доказательство».

Если капиталисты хотят расширить производство и притом как раз в размере имеющегося у них добавочного капитала, то им надлежит только вложить этот добавочный капитал в собственное производство (предполагая, конечно, что они сами производят все необходимые средства производства и существования!), и тогда у них не остается никакого не могущего быть проданным остатка. Может ли быть что-нибудь проще, и нужна ли такая куча всяких формул с латинскими и греческими буквами, чтобы «доказывать» нечто само собой разумеющееся?

Но ведь дело зависит от того, с м о г у т ли капиталисты, которые всегда, конечно, «хотят» накапливать, фактически осуществить

¹ «Neue Zeit», № 24, 1913, стр. 863.

² L. c., стр. 866.

это, т. е. найдут ли они прогрессивно расширяющийся рынок для расширенного производства и где они его найдут? На этот вопрос могут ответить не арифметические операции с выдуманными числами, а лишь анализ экономических общественных связей производства.

Если сказать «специалистам»: «То, что капиталисты «хотят» расширять производство, – очень хорошо, но кому же они в таком случае будут продавать свою увеличенную массу товаров?» – то они отвечают: «Капиталисты все снова и снова сами будут покупать эти возрастающие массы товаров для своих предприятий, потому что они ведь «хотят» все более и более расширять производство».

«Кто покупает продукты, – это как раз и показывают схемы», – лаконически заявляет рецензент из «Vorwarts'a» Г. Экштейн¹.

Словом, капиталисты ежегодно расширяют производство как раз настолько, сколько они «сэкономили» прибавочной стоимости; они являются своими собственными покупателями, и поэтому рынок сбыта не доставляет им никаких забот. Это утверждение является исходной точкой всего «доказательства». Но подобное утверждение вовсе не нуждается ни в каких математических формулах, да его при их помощи абсолютно невозможно доказать. Само это наивное представление, что будто бы математические формулы играют здесь главную роль и что будто бы они в состоянии доказать экономическую возможность подобного рода накопления, является самым забавным *qui pro quo* «специалистов» – хранителей марксизма. Этого наивного представления само по себе достаточно, чтобы Маркс перевернулся в гробу.

Самому Марксу и во сне не приходила мысль выдавать свои собственные математические схемы за доказательства, что накопление фактически возможно в обществе, состоящем лишь из капиталистов и рабочих. Маркс исследовал внутренний механизм капиталистического накопления и выставил определенные экономические законы, на которых этот процесс покоится. Он рассуждал приблизительно следующим образом. Если накопление совокупного капитала, т. е. капитала всего класса капиталистов, имеет место, то между обоими большими подразделениями общественного производства – между производством средств производства и производством средств существования – должны существовать известные, вполне определенные количественные отношения. Только если эти отношения соблюдаются так, что одно большое подразделение производства работает постоянно на другое, возможно прогрессирующее расширение производства и одновременное с этим (а это является целью всего) вытекающее отсюда беспрепятственное прогрессирующее накопление капитала в обоих подразделениях. Чтобы уточнить и изложить эти свои мысли ясно и отчетливо, Маркс конструирует математический пример – схему с выдуманными числами, на которых он показывает, что для возможности факта накопления между отдельными величинами схемы (постоянным капиталом, переменным капиталом и прибавоч-

¹ То же самое говорит А. Паннекук в «Bremer Burgerzeitung» от 29 января . 1913 г.: «Ответ дает простейшим образом сама схема, так как все продукты находят там (т. е. на бумаге «Bremer Burgerzeitung») сбыт. Покупателями являются сами капиталисты и рабочие... Итак, перед нами вообще нет проблемы, которую нужно было бы решить».

ной стоимостью) должны существовать такие-то и такие-то количественные отношения.

Итак, математические схемы служили Марксу лишь примером, и л л ю с т р а ц и е й его экономических мыслей, как «Tableau economique» Кенэ была лишь иллюстрацией его теории, или, как, например, карты земли, относящиеся к разным временам, были иллюстрациями господствовавших в эти времена астрономических и географических представлений. Правильны ли установленные или, вернее, отрывочно намеченные Марксом законы накопления? На этот вопрос могут, очевидно, ответить экономический анализ этих законов, их сопоставление с другими законами, установленными Марксом, рассмотрение различных выводов, которые из них вытекают, проверка предпосылок, из которых они исходят, и т. п. Что же думать о таких «марксистах», которые отклоняют эту критику как сумасбродное начинание, так как правильность законов д о к а з а н а – д е м а т е м а т и ч е с к и м и ф о р м у л а м и! Я высказываю сомнение в том, что в обществе, состоящем только из капиталистов и рабочих, в обществе, лежащем в основе марксовых схем, возможен процесс накопления, и высказываю тот взгляд, что развитие капиталистического производства в целом вообще нельзя ограничить схематическими отношениями между чисто капиталистическими предприятиями. На это «специалисты» отвечают: а это все-таки возможно! Это можно блестяще доказать, «руководствуясь таблицей 4», «это показывают именно схемы»: придуманные для иллюстрации ряды чисел на бумаге беспрепятственно могут быть складываемы и вычитаемы!

В древности больше верили в существование разного рода мифических существ: карликов, людей с одним глазом, с одной рукой и ногой и т. п. Разве кто-нибудь сомневается в том, что подобные существа когда-то существовали? Но ведь мы видим, что они точно обозначены на всех старых картах мира. Разве это не д о к а з а т е л ь с т в о, что эти представления древности в точности соответствовали действительности?

Возьмем однако простой пример.

Для проектируемой железной дороги от города X до Y составляется смета и в точных цифрах высчитывается, как велика должна быть ежегодная перевозка пассажиров и грузов, чтобы, помимо амортизации, текущих расходов по эксплуатации и обычных «отчислений», можно было получать «подходящий» дивиденд, скажем, сперва 5%, а затем 8%. Для учредителей железнодорожного общества прежде всего важно конечно найдется ли в действительности на проектируемом участке пути такое количество пассажиров и грузов, которое могло бы обеспечить указанную в смете рентабельность. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, требуются очевидно точные данные об обращении грузов и пассажиров, которое до тех пор имело место на рассматриваемом участке, о его значении для торговли и промышленности, о росте населения расположенных на нем городов и деревень и другие данные социально-экономического характера. Что же сказать человеку, который заявил бы: «Вы спрашиваете, как получается рентабельность участка пути? Но помилуйте! Ведь это черным по белому показывает именно смета. Ведь там можно прочесть, что рентабельность является результатом курсирования пассажиров и

значение лишь для отдельного капиталиста, а не для всего класса, не для общества в целом? Отнюдь нет, ибо при рассмотрении вещей с точки зрения общественной «не следует, – говорит Маркс, – впадать в манеру, заимствованную Прудом из буржуазной экономии, и смотреть на дело таким образом, как будто общество капиталистического способа производства, взятое en bloc как целое, утрачивает этот свой специфический историко-экономический характер. Напротив, в таком случае приходится иметь дело с собирательным капиталистом»¹. Таким образом накопление прибыли как денежного капитала является именно специфической и весьма существенной чертой капиталистического производства и имеет такое же значение для класса, как и для отдельного предпринимателя. Сам Маркс при рассмотрении накопления совокупного капитала отмечает «образование нового денежного капитала, сопровождающее действительное накопление и обуславливающее его при капиталистическом производстве»². И он в ходе своего анализа то и дело возвращается к вопросу: каким образом возможно накопление денежного капитала классом капиталистов?

Рассмотрим с этой точки зрения остроумную концепцию «специалистов». Капиталист А продает свои товары В; он получает следовательно от В прибавочную стоимость в деньгах. В продает свои товары А и для превращения в золото собственной прибавочной стоимости получает обратно деньги от А. Оба они продают свои товары С и следовательно получают от того же С деньги и за их прибавочную стоимость. Но откуда получает их С? От А и от В. Ведь других источников для реализации прибавочной стоимости, т. е. других потребителей товаров согласно предпосылке не существует. Но может ли таким образом иметь место обогащение А, В и С в виде образования у них нового денежного капитала? Допустим на минуту, что количества товаров, предназначенных для обмена, возрастают у всех троих, что расширение производства идет беспрепятственно и что массы прибавочной стоимости, заключающиеся в товарах, таким образом возрастают. Пусть процесс эксплуатации закончен и пусть возможность обогащения, накопления налицо. Но для того, чтобы эта возможность превратилась в действительность, необходим обмен, реализация возросшей новой прибавочной стоимости в возросшем новом денежном капитале. *Nota bene*, мы не спрашиваем здесь, как это многократно делает Маркс во втором томе «Капитала», откуда берутся деньги для обращения прибавочной стоимости? – с тем, чтобы в конце концов ответить: от золотопромышленника. Напротив, мы спрашиваем: как новый денежный капитал попадает в карманы капиталистов, раз они (если не считать рабочих) являются единственными покупателями товаров? Ведь денежный капитал постоянно переходит здесь из одного кармана в другой.

И опять-таки: может быть мы такими вопросами только сбиваемся с пути? Может быть накопление прибыли и заключается в этом процессе постоянного перехода денег из одного капиталистического кармана в другой, в последовательной реализации частных прибылей,

¹ «Капитал», т. II.

² «Капитал», т. II, стр. 499-500.

при которой общая сумма денежного капитала вовсе не должна возрастать, так как нечто такое, как «совокупная прибыль» капиталистов, существует только в «серой» теории?

Но, увы! Сделав подобное допущение, мы попросту бросили бы в печку третий том «Капитала», ибо в центре его стоит, как видно из важнейших открытий экономической теории Маркса, учение о средней прибыли. Лишь оно придает реальный смысл теории стоимости первого тома; на последней в свою очередь покоится теория прибавочной стоимости и второй том. Таким образом мы вместе с третьим томом предали бы огню и первый и второй. Марксова экономическая теория держится и падает вместе с учением о совокупном общественном капитале как реальной, действительной величине, которая находит свое осязаемое выражение именно в совокупной капиталистической прибыли и ее распределении, и из невидимого движения которой вытекают все видимые движения отдельных капиталов. Совокупная капиталистическая прибыль на деле является гораздо более реальной величиной, чем например общая сумма выплаченной за данное время заработной платы. Ведь эта последняя получается как статистическое число, полученное путем сложения заработных плат за истекший период, в то время как совокупная прибыль, наоборот, имеет значение для всей общественной системы, взятой в целом: через конкуренцию и движение цен она в каждый данный момент распределяется между отдельными капиталистами в качестве «обычной для данной страны» средней прибыли или в качестве сверхприбыли.

Итак, мы остаемся при старом: совокупный общественный капитал приносит постоянно – и притом в денежной форме – совокупную прибыль, которая в целях совокупного процесса накопления должна постоянно возрастать. Но как эта сумма может возрастать, если слагаемые только путешествуют из одного кармана в другой?

По крайней мере совокупная товарная масса, в которой заключена прибыль, может повидимому, как мы принимали до сих пор, расти, и только доставление денег готовит затруднение, которое быть может является лишь техническим вопросом денежного обращения. Но и это лишь в и д и м о с т ь, получающаяся при поверхностном рассмотрении. Совокупная товарная масса вовсе не будет расти и расширение производства вовсе не будет иметь места, так как с к а п и т а л и с т и ч е с к о й т о ч к и з р е н и я их предпосылкой с первого же шага является превращение в деньги, всесторонняя реализация прибыли. А может продавать возрастающую массу товаров В, В – С и С снова А и В и все они могут реализовать прибыль только в том случае, если по крайней мере один из них в конце концов найдет сбыт вне этого замкнутого круга. Если этого не будет, то карусель после пары поворотов со скрипом остановится.

Исходя из этого, оцените глубокомыслие моих «критиков-специалистов», когда они мне заявляют:

«Итак, если товарищ Люксембург продолжает: «Мы вращаемся очевидно в кругу. Производить больше средств производства только для того, чтобы содержать больше рабочих, и производить добавочное количество средств производства только для того, чтобы этим самым дать занятие этому увеличенному числу рабочих, – да ведь это абсурд с капиталистической точки зрения!» Если т. Люксембург это говорит,

то трудно понять, как эти слова могут быть применены к марксовым схемам. Целью капиталистического производства является прибыль, а эта последняя получается капиталистами в результате описанного процесса. Этот процесс поэтому является с точки зрения капиталистической отнюдь не абсурдом; напротив того, он именно с этой точки зрения представляется воплощением разума, т. е. стремления к прибыли»¹.

Действительно, «трудно понять», чего здесь больше: полной ли неспособности наивно признавшегося Экштейна вдуматься в основу марксовой теории о совокупном общественном капитале в отличие от отдельного капитала или полного непонимания поставленного мною вопроса. Я говорю: производство во все возрастающем размере ради производства с точки зрения капиталистической является абсурдом, п о т о м у ч т о (при предпосылках, за которые цепляются «специалисты») для класса капиталистов, взятого в целом, невозможна в этом случае реализация п р и б ы л и, а стало быть и накопление. Мне на это отвечают: да ведь это же вовсе не абсурд, потому что здесь н а к о п л я е т с я прибыль! А откуда знаете вы это, гг. «специалисты»? То, что прибыль в действительности накапливается, «вытекает именно... из математических схем, из тех схем, в которых мы, чувствуя себя господами положения, при помощи чернил и бумаги выводим один под другим ряды чисел, с которыми можно превосходно производить математические действия и в которых мы совершенно не принимаем во внимание денежный капитал!

Ясно одно: всякая критика должна безнадежно разбиться об эту самодовольную «компетентность», потому что «специалисты» попросту стоят на точке зрения отдельного капиталиста, при помощи которой можно до известной степени обойтись для анализа процесса эксплуатации, т. е. производства, следовательно для понимания первого тома «Капитала», но которой, напротив того, совершенно недостаточно для обращения и воспроизводства капитала. Второй и третий томы «Капитала», через которые красной нитью проходит точка зрения совокупного общественного капитала, остались для них мертвым капиталом, в котором они изучали буквы, формулы, «схемы», но не заметили духа. Сам Маркс во всяком случае не был «специалистом», ибо он, не успокаиваясь арифметическим «ходом» своих схем, то и дело ставил вопрос: каким образом у класса капиталистов возможно накопление, образование нового денежного капитала? Привилегией эпигонов всегда было превращать плодотворные гипотезы учителя в безжизненную догму и находить полное успокоение там, где смелая мысль ощущает творческое сомнение.

Но точка зрения «специалистов» приводит к целому ряду интересных выводов, над которыми они очевидно не потрудились подумать, как следует.

П е р в ы й в ы в о д. Если капиталистическое производство является само для себя неограниченным покупателем, т. е. если производство и рынок сбыта идентичны, то кризисы, как периодическое явление, совершенно необъяснимы. Если производство, как «показывают схемы», может сколько угодно накапливать, затрачивая свой соб-

¹ Г. Экштейн, Vorwärts от 16 февраля 1913 г., приложение.

ственный прирост для нового расширения, то загадочно, каким образом и почему создаются такие положения, когда капиталистическое производство не находит достаточного сбыта для своих товаров. Ведь ему достаточно только по рецепту «специалистов» самому проглотить избыточные товары, применить их в производстве (отчасти как средства производства, отчасти как средства существования для рабочих) – «и так каждый год», как показывает «таблица IV» Отто Бауэра. Непереваримый остаток товаров, напротив того, превратился бы тогда в новую благодать накопления и производства прибыли. Во всяком случае специфически марксово понимание кризисов, согласно которому они вытекают из тенденции капитала во все более короткие промежутки времени перерастать всякие данные границы рынка, превращается в абсурд. Ибо в самом деле, как производство, могло бы вырасти за пределы рынка, раз оно само для себя является рынком, раз рынок постоянно сам по себе автоматически возрастает и притом с такой же скоростью, как и производство? Другими словами, как капиталистическое производство могло бы периодически перерастать свои собственные границы? Оно так же могло бы это сделать, как человек может перепрыгнуть через свою собственную тень. Капиталистические кризисы становятся необъяснимым явлением. Или у нас в таком случае остается лишь одно объяснение: кризисы истекают не из несоответствия между способностью к расширению капиталистического производства и способностью к расширению рынка сбыта, а исключительно только из диспропорциональности между различными отраслями капиталистического производства.

Достаточно, если отдельные отрасли будут друг у друга покупать, лишь бы только в результате анархии разных вещей было произведено в надлежащей пропорции, лишь бы одних продуктов не было произведено слишком много, а других слишком мало. Но этим мы ушли бы от Маркса и нашли бы последнее пристанище у язвительно высмеянного Марксом праотца вульгарной экономии, учения манчестерцев и буржуазных гармоний – у «жалкого человека» («Jammermensch») Сэя, который уже в 1803 г. возвестил миру следующую догму: представление, что всех вещей может быть произведено слишком много, абсурдно; возможны только частичные, а не общие кризисы; если поэтому одна нация имеет одного рода продуктов слишком много, то это только доказывает, что она другого рода продуктов произвела слишком мало.

В т о р о й в ы в о д. Если капиталистическое производство образует само для себя достаточный рынок сбыта, то капиталистическое накопление (объективно говоря) представляет собой неограниченный процесс. Так как производство может беспрепятственно расти, т. е. неограниченно развивать производительные силы и в том случае, когда положительно над всем миром будет господствовать капитал и когда все человечество будет состоять из одних только капиталистов и наемных пролетариев, и так как э к о н о м и ч е с к о м у развитию капитализма этим самым не поставлены никакие границы, то падает одна из основных марксовых опор социализма. По Марксу, восстание рабочих, их классовая борьба – а именно в ней кроется залог его победоносной силы – является лишь идеологическим отражением объективной исторической необходимости социализма, выте-

кающей из объективной хозяйственной невозможности капитализма на определенной ступени его развития. Само собой разумеется, что этим не сказано (подобного рода оговорки из азбуки марксизма как мы увидим ниже, все еще необходимы для моих «специалистов»), что исторический процесс должен быть, или даже лишь может быть исчерпан до конца этой экономической невозможности. Объективной тенденции капиталистического развития по направлению к указанной цели достаточно, чтобы уже гораздо раньше вызвать в обществе такого рода социальное и политическое обострение противоречий и такую шаткость положения, которые должны будут подготовить гибель господствующей системы. Но и эти социальные и политические противоречия в последнем счете сами являются лишь э к о н о м и ч е с к о й несостоятельности капиталистической системы, и их все возрастающее обострение черпается как раз из того источника по мере того как эта несостоятельность становится ощутительнее.

Если мы, напротив того, вместе со «специалистами» станем на точку зрения экономической безграничности капиталистического накопления, то из-под социализма вырывается гранитная основа его объективной исторической необходимости. Мы впадаем в таком случае в болезнь домарксовских систем и школ, которые выводили социализм исключительно только из несправедливости и ужасов современного мира и из революционной решимости трудящихся классов¹.

Т р е т ь и в ы в о д. Если капиталистическое производство само для себя образует достаточный рынок и допускает расширение за счет всей накопленной прибавочной стоимости, то становится загадочным еще другое явление современного развития: стремительность в погоне за отдаленнейшими рынками сбыта и вывозом капитала, т.е. наиболее яркие явления современного империализма. В самом деле, зачем же весь этот шум? К чему завоевание колоний, война из-за опиума в 40-х и 60-х годах и к чему наконец современная драка из-за болот Конго и месопотамских пустынь? Ведь капитал может остаться у себя дома и добросовестно питаться. Ведь Крупп охотно производит для Тиссена, Тиссен для Крупна: пусть бы они и вкладывали свои капиталы в собственные предприятия и расширяли их друг для друга, и так без конца. Историческое движение капитала становится попросту непонятным, а вместе с этим становится непонятным и современный империализм.

Остается еще однако неоценимое объяснение, данное Пакнекуком в «Bremer Burgerzeitung»: поиски за некапиталистическими рынками

¹ Остается однако несколько туманное утешение одного из малых «специалистов» из «Dresdener Volkszeitung», который после основательного изничтожения моей книги заявляет, что капитализм погибнет в конце концов «благодаря падению нормы прибыли». Как сей гражданин представляет себе собственно говоря дело, – неизвестно: так ли, что класс капиталистов в один прекрасный день в отчаянии из-за пакостей, чинимых нормой прибыли, целиком повесится, или же так, что класс капиталистов заявит, что такие скверные дела не стоят хлопот, и сами вручат пролетариату ключи? Как бы то ни было, это утешение разлетается в прах благодаря одному только указанию Маркса, гласящему, что «для больших капиталов падение нормы прибыли компенсируется ее массой». С гибелью капитализма от падения нормы прибыли время еще терпит примерно до охлаждения солнца.

сбыта являются лишь «фактом, но не необходимостью», но это уже подлинные перлы материалистического понимания истории. Впрочем совершенно верно! С принятием точки зрения «специалистов» социализм как конечная цель перестает быть исторической необходимостью, как империализм его подготовительной стадией. Социализм становится достойным похвалы решением рабочего класса, как империализм становится лишь проявлением подлости и ослепления буржуазии.

Так наши специалисты приходят к альтернативе, которой они не могут избежать. Или капиталистическое производство и рынок сбыта идентичны, как они это выводят из схем Маркса, – в таком случае сводятся на-нет марксова теория кризисов, марксово обоснование социализма и исторически-материалистическое объяснение империализма. Или же капитал может лишь постольку накапливаться, поскольку он находит в обществе потребителей не в лице капиталистов и наемных рабочих, – в таком случае необходима наличность предпосылки накопления в виде возрастающего сбыта некапиталистическим слоям и странам.

Для подтверждения всех сформулированных выше выводов у меня, несмотря на все мое одиночество, есть один вполне заслуживающий доверия и в высшей степени «компетентный» свидетель.

Случилось так, что в 1902 г. вышла книга под названием «Теория и история кризисов в Англии»¹, написанная русским профессором-марксистом Михаилом Туган-Барановским. Туган, который в указанной книге так «пересмотрел» Маркса, что заменил в конце концов всю его теорию старыми банальными премудростями буржуазной вульгарной политической экономии, защищал здесь в числе других парадоксов и тот взгляд, что кризисы происходят лишь от недостаточной пропорциональности, а не оттого, что платежеспособное потребление общества не поспевает за способностью производства к расширению. И эту позаимствованную у Сэя истину – в этом заключалось то новое и сенсационное, что было в его теории – он доказал марксовыми схемами общественного воспроизводства из второго тома «Капитала»!

«Если только возможно, – пишет Туган, – расширить производство, если хватит для этого производительных сил, то при пропорциональном распределении общественного производства можно соответственно расширить и спрос, ибо при этом условии каждый вновь произведенный товар есть вновь появившаяся покупательная сила для приобретения других товаров» (русск. изд. 1914 г., стр. 220). Это «доказывается» схемами Маркса, которые Туган дает в других числах и из которых он делает следующий вывод:

«Приведенные схемы должны были с очевидностью доказать мысль, которая сама по себе очень проста, но легко вызывает возражения при недостаточном понимании процесса воспроизведения капитала, а именно, что капиталистическое производство само для себя создает рынок» (там же, подчеркнуто мною).

В своей любви к парадоксам Туган-Барановский доходит до вывода, что капиталистическое общество в известном смысле вообще

¹ Первое издание этой книги на русском языке вышло в 1894 г., немецкое издание – в 1902 г. Прим. пер.

независимо от человеческого потребления. Однако нас интересует здесь не дальнейшие тугановские анекдоты, а лишь его «сама по себе простая мысль», на которой он строит все дальнейшее. И мы должны здесь установить следующее:

То, что мои «компетентные» критики выставляют против меня теперь, буквально было сказано Туган-Барановским уже в 1902 г. в двух его характерных утверждениях: во-первых, что капиталистическое производство само для себя создает расширение рынка, так что при накоплении сбыт сам по себе не представляет никаких затруднений (кроме случая недостаточной пропорциональности), и, во-вторых, что доказательство того, что это так, дается математическими схемами, составленными по образцу Маркса, т. е. арифметическими упражнениями со сложением и вычитанием на бумаге, которая все терпит. Туган это провозгласил в 1902 г. Но ему тут не поздоровилось. За него немедленно взялся Карл Каутский, который в «Neue Zeit» подверг жесточайшей критике смелые абсурдные утверждения русского ревизиониста и между прочим его вышеприведенную «основную мысль».

«Если бы это было действительно так, – писал Каутский (т. е. если бы, как это говорит Туган, при пропорциональном распределении общественного производства для расширения рынка не было никаких других границ, кроме производительных сил, которыми располагает общество), – тогда английская промышленность должна была бы развиваться тем быстрее, чем больше становилось ее богатство капиталами. Вместо этого она попала в тупик; все растущий капитал эмигрирует в Россию, в Южную Африку, в Китай, в Японию и т. д. Это явление совершенно свободно объясняется нашей теорией, которая видит конечную причину кризисов в недопотреблении и является одной из опорных точек этой теории; но это явление никак нельзя объяснить с точки зрения Туган-Барановского»¹.

Какова же «наша теория», которую Каутский противопоставляет теории Тугана? Вот как ее формулирует Каутский:

«Капиталисты и эксплуатируемые ими рабочие – первые благодаря росту своего богатства, вторые благодаря своему численному росту, который происходит одна к другой с скоростью, как накопление капитала и рост производительности труда, – создают рынок, правда, все более расширяющийся, но сам по себе недостаточный для поглощения всех созданных крупной промышленностью средств потребления. Ей приходится искать добавочный рынок за пределами своей страны в отраслях производства и в странах, не производящих еще капиталистически. Она находит этот рынок и все более его расширяет, но не с достаточной скоростью, ибо этот добавочный рынок далеко не обладает той эластичностью и способностью к расширению, которые свойственны капиталистическому процессу производства. Лишь только капиталистическое производство доходит до развитых форм крупной промышленности, как это имело место в

¹ «Neue Zeit», 1902, № 5 (31), стр. 140, ср. русский перевод Мотобера стр. 72-73.

Англии уже в XIX столетии, оно получает возможность делать такие крупные прыжки по пути своего развития, что оно в короткий промежуток времени оставляет далеко позади себя всякое расширение рынка. Таким образом всякий период процветания, который следует за значительным расширением рынка, уже заранее осужден на недолговечность, и кризис является его естественным завершением.

Такова в кратких чертах теория кризисов, обоснованная Марксом и, насколько мы знаем, принятая всеми «ортодоксальными марксистами»¹.

Мы не говорим здесь о том, что Каутский приклеивает к этой теории неправильный и двусмысленный ярлык объяснения кризисов «из недопотребления» – объяснения, высмеянного Марксом именно во втором томе «Капитала» на стр. 289.

Мы не говорим далее о том, что Каутский во всем этом деле не видит ничего, кроме проблемы кризисов, не замечая как будто, что капиталистическое накопление и невзирая на колебания конъюнктур представляет собой проблему.

Мы не говорим наконец о том, что мысль Каутского, что потребление капиталистов и рабочих растет «недостаточно быстро» для накопления, а последнее ввиду этого нуждается в «добавочном рынке», – что эта мысль довольно туманна и что в ней нет попытки выяснить кроющееся здесь затруднение в процессе накопления.

Нас интересует здесь только то, что Каутский во всяком случае черным по белому высказывает в качестве своего мнения и в качестве принятой «всеми ортодоксальными марксистами» теории следующие положения: 1) что сами капиталисты и рабочие не образуют рынка, достаточного для накопления; 2) что капиталистическое накопление нуждается в «добавочном рынке» в некапиталистических условиях.

Несомненно одно: Каутский в 1902 г. возражал против тех же самых положений Туган-Барановского, которые теперь выдвигаются «специалистами» против моего объяснения накопления. И «специалисты» марксистской ортодоксии спорят как против уклонения от пути истинной веры, с тем же самым пониманием, которое Каутский 14 лет тому назад противопоставил ревизионисту Туган-Барановскому, так и принятую «всеми ортодоксальными марксистами» теорию кризисов, которую я лишь детально разработала и применила к проблеме накопления.

И как Каутский доказывает своему противнику несостоятельность его тезисов? Именно на основе марксовых схем. Каутский показывает Тугану, что эти схемы при правильном манипулировании с ними (в своей книге я подробнее рассмотрела этот вопрос и не буду здесь говорить о том, как Каутский сам оперирует со схемами) доказывают не справедливость тезисов Туган-Барановского, а, напротив того, теорию кризисов из «недопотребления»!

Мир колеблется в своих основах. Неужели наконец сам обер-специалист понял «сущность, цель и значение марксовых схем» гораздо хуже нежели Туган-Барановский?

¹ Л. с; № 3 (20), стр. 80, подчеркнуто мной.

Но Каутский делает из концепции Туган-Барановского интересные выводы. Что эта концепция, по словам Каутского, решительно расходится с марксовой теорией кризисов, что она, далее, делает совершенно непонятным вывоз капитала в некапиталистические страны, мы уже говорили. Останемся еще только на общих тенденциях позиции Тугана:

«Какое практическое значение имеют... наши теоретические разногласия?» – спрашивает Каутский. «Происходят ли кризисы от недопотребления или от недостаточной пропорциональности общественного производства? Не есть ли это чисто академический вопрос?»

«Так вероятно склонны будут думать многие из «практиков». На самом деле этот вопрос имеет большое практическое значение и именно для понимания тех практических разногласий, которые дебатировались теперь в нашей партии. Это не случайность, что ревизионисты особенно жестоко нападают на марксову теорию кризисов».

И Каутский основательно доказывает, что теория кризисов Туган-Барановского сводится по существу к воображаемому «смягчению классовых противоречий», т. е. что она принадлежит к теоретическому инвентарю того направления, которое означает «превращение социал-демократии из партии пролетарской классовой борьбы в демократическую партию или в левое крыло демократической партии социалистических реформ»¹.

Так наш обер-специалист 14 лет тому назад на 36 страницах «Neue Zeit» по всем правилам искусства разделался с еретиком Туган-Барановским и торжествовал победу, снявши с побежденного скальп и прикрепив его к своему поясу.

И теперь я должна была дожить до того, что «специалисты», преданные ученики своего учителя, разделяются с моим анализом накопления при помощи того же самого «положения», за который русский ревизионист заплатил жизнью на полях битвы «Neue Zeit»! Что стало при этом приключении с теорией кризисов, «поскольку нам известно, принятой всеми марксистами», правда, не совсем ясно.

Но произошло нечто, еще более оригинальное. После того как мое «Накопление» таким образом было разнесено при помощи оружия Туган-Барановского в «Vorwärts'e», в «Bremer Btirgerzeitung», в «Dresdener Volkszeitung» и в «Frankfurter Volksstimme», в «Neue Zeit» появилась критика Отто Бауэра. Этот специалист, как мы видели, также верит в чудодейственную силу доказательства математических схем в вопросах общественного воспроизводства. Но он не вполне доволен схемами Маркса. Бауэр считает их «не безупречными», «произвольными и не лишенными противоречий», он объясняет это тем, что Энгельс нашел в литературном наследстве Маркса эту часть его труда «неготовой». Он поэтому в поте лица своего строит новые схемы: «Поэтому мы составили схемы, которые – поскольку приняты предпосылки – не содержат в себе больше ничего произвольного». Бауэр полагает, что лишь эти новые схемы дают ему «безупречную основу для анализа проблемы, поставленной то-

¹ L C. nb 5 (31), стр. 141.

варищем Люксембург»¹. Но Бауэр прежде всего понял то, что капиталистическое производство не может «беспрепятственно» протекать в пустом пространстве, он ищет поэтому какой-нибудь объективной общественной основы для накопления капитала, которую он находит наконец в р о с т е н а с е л е н и я.

И здесь начинается самое курьезное. На основании единогласного вотума «специалистов», получившего корпоративную санкцию редакции центрального органа, моя книга представляет собой чистейшую бессмыслицу, нелепое недоразумение; они утверждают, что проблемы накопления вообще не существует, что уже у Маркса все разрешено и что схемы дают удовлетворительный ответ. Но Бауэр считает себя вынужденным связать свои схемы с несколько более материальным базисом, чем простые правила сложения и вычитания: он принимает во внимание определенное общественное отношение – рост населения, соответственно которому и построены его таблицы. Расширение капиталистического производства, как оно образно представлено в схемах, не является независимым движением капитала вокруг своей собственной оси: это движение во всякий данный период следует за ростом населения.

«Накопление предполагает расширение поля производства; поле производства расширяется благодаря росту населения». «При капиталистическом способе производства существует тенденция к приспособлению накопления капитала к росту населения». «Тенденция приспособления накопления к росту населения господствует над международными отношениями... Если рассматривать капиталистическое мировое хозяйство как целое, то тенденция приспособления накопления к росту населения проявляется в промышленном цикле... Периодическое возвращение расцвета, кризиса и депрессии является эмпирическим выражением того факта, что механизм капиталистического производства самостоятельно уничтожает перенакопление и недостаточное накопление, все снова и снова приспособляет накопление капитала к росту населения»².

Мы впоследствии ближе подойдем к анализу теории народонаселения Бауэра. Ясно во всяком случае, что эта теория представляет собой нечто совершенно новое. Для прочих «специалистов» всякий вопрос об общественном и экономическом базисе накопления был простой бессмыслицей, которую им «действительно трудно было понять», Бауэр, напротив того, конструирует целую теорию, чтобы ответить на этот вопрос.

Но теория народонаселения Бауэра является новостью не только для остальных критиков моей книги: она в марксистской литературе всплывает впервые. Ни в трех томах «Капитала» Маркса, ни в его «Теориях прибавочной стоимости», ни в других его работах мы не находим и следа бауэровской теории народонаселения как основы накопления.

¹ «Neue Zeit», 1913, № 23, стр. 838.

² Там же, № 24, стр. 871-873, подчеркнуто у Бауэра.

Посмотрим, как Карл Каутский в свое время рекомендовал и оценивал второй том «Капитала» в «Neue Zeit». В подробнейшем изложении второго тома Каутский рассматривает самым обстоятельным образом первые отделы об обращении и точно приводит при этом все формулы и обозначения, которыми пользовался Маркс, но важнейшей и оригинальнейшей части всего тома, отделу о «воспроизводстве и обращении совокупного общественного капитала», он из 20 страниц, на которых рассматривается второй том, посвятил всего-на-всего три страницы. Однако и на этих трех страницах Каутский рассматривает исключительно только – разумеется, с точным изложением неизбежных «схем» – вводную фикцию «простого воспроизводства», т. е. капиталистического производства без накопления прибыли, которую Маркс сам рассматривает лишь как теоретический исходный пункт для анализа действительной проблемы – накопления совокупного общественного капитала. С последним Каутский разделяется буквально следующими двумя строчками: «Дальнейшее усложнение вносится наконец накоплением прибавочной стоимости, расширением процесса производства». Punktum. Ни единого слова не было больше сказано ни тогда, сейчас же после появления второго тома «Капитала», ни впоследствии за те 30 лет, которые отделяют нас от того времени. Следовательно, мы здесь попросту не находим никакого следа бауэровской теории народонаселения; более того, Каутский не обратил никакого внимания на весь отдел о накоплении. Он не замечает здесь ни особенной проблемы, для решения которой Бауэр создал теперь «безупречную основу», ни того факта, что Маркс обрывает здесь свое собственное, едва начатое исследование на полуслове, не ответив на вопрос, который он сам неоднократно ставил.

С тех пор Каутскому еще один раз пришлось говорить о втором томе «Капитала» именно в цитированной нами серии статей против Туган-Барановского. Здесь Каутский формулирует ту, «насколько нам известно, принятую всеми ортодоксальными марксистами обоснованную Марксом теорию кризисов», суть которой состоит в том, что потребление капиталистов и рабочих недостаточно в качестве базиса для накопления, что необходим «добавочный рынок» и притом «в производящих еще некапиталистически отраслях и странах». Но Каутский повидимому не заметил, что эта «принятая всеми ортодоксальными марксистами» теория кризисов совершенно не подходит не только к парадоксам Туган-Барановского, но и к марксовым схемам накопления и к их общей предпосылке во втором томе. Ибо предпосылкой марксова анализа во втором томе является как раз общество, состоящее только из капиталистов и рабочих, а схемы имеют своей задачей показать с точностью экономического закона, как два указанных нами выше недостаточных класса потребителей могут из года в год одним только своим потреблением делать возможным накопление. Еще менее мы находим у Каутского хотя бы самый незначительный намек на теорию народонаселения Бауэра как на истинную основу марксовых схем накопления.

Если мы возьмем «Финансовый капитал» Гильфердинга, то мы находим там в главе XVI – после введения, в котором марксово изложение условий воспроизводства совокупного общественного капитала в восторженных (и по существу вполне подходящих) выра-

жениях превозносится как гениальнейшее достижение «изумительного труда», – занимающее 14 печатных страниц, буквальное переложение соответствующих страниц из Маркса конечно со всеми математическими схемами, причем Гильфердинг (опять-таки с полным правом) жалуется, что на эти схемы обращали так мало внимания и что с ними стали более или менее считаться лишь благодаря Туган-Барановскому. Но что замечает сам Гильфердинг в гениальном творении Маркса? Вот его выводы:

Марксовы схемы показывают, что при «капиталистическом производстве как простое, так и расширенное воспроизводство может идти беспрепятственно лишь при том условии, е с л и с о х р а н я е т с я э т а п р о п о р ц и о н а л ь н о с т ь. Наоборот, при нарушении отношения пропорциональности, например между отмирающим и вновь прилагаемым капиталом, кризис может возникнуть и при простом воспроизводстве. Из этого следует во всяком случае, что причина кризиса лежит не вне допотребления масс, присутствующем капиталистическому производству... Точно так же из приведенных схем, взятых сами по себе, не вытекает возможность всеобщего перепроизводства товаров; напротив, можно было бы показать, что возможно всякое расширение производства, раз только оно допускается существующим состоянием производительных сил»¹.

Это все. И Гильфердинг следовательно усмотрел в марксовом анализе накопления единственно только основу для решения проблемы кризисов и нашел ее именно в том, что математические схемы показывают те пропорции, при соблюдении которых возможно беспрепятственное накопление. Отсюда Гильфердинг выводит два заключения:

1. Кризисы возникают исключительно только от диспропорциональности. Этим самым он низвергает в преисподнюю, «насколько нам известно, принятую всеми ортодоксальными марксистами обоснованную Марксом теорию кризисов» от «недопотребления», но зато перенимает отвергнутую Каутским в качестве ревизионистской ереси теорию кризисов Туган-Барановского, следуя которой он последовательно доходит до утверждения «жалкого человека» Сэя, что всеобщее перепроизводство невозможно.

2. Если отвлечься от кризисов как периодических нарушений, вытекающих из недостаточной пропорциональности, то капиталистическое накопление может путем постоянного «расширения» протекать (в обществе, состоящем только из капиталистов и рабочих) безгранично, пока это только позволяют соответствующие данному времени производительные силы. Этим Гильфердинг опять-таки буквально повторяет Тугана, столь беспощадно разбитого Каутским.

Итак, проблемы накопления, если отвлечься от кризисов, для Гильфердинга не существует, ибо «схемы показывают», что возможно «всякое» безграничное «расширение», т. е. что вместе с производством возрастает и сбыт. О бауэровской границе прироста населения и

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 285, пер. И; Степанова, изд. 1922 г.

здесь – ни следа и никакого намека на то, чтобы такая теория была н у ж - н а.

И наконец даже для самого Бауэра его теперешняя теория является совершенно новым открытием.

В 1904 г., значит, уже после спора между Каутским и Туган-Барановским, он впервые рассматривал в двух статьях «Neue Zeit» специально теорию кризисов в свете теории Маркса. В этих статьях он сам заявляет, что намерен в первый раз дать связное изложение этой теории. И он сводит кризисы – используя при этом одно из утверждений второго тома «Капитала», которое пытается объяснить десятилетний цикл современной промышленности – главным образом особенной формой обращения о с н о в н о г о к а п и т а л а. Бауэр ни одного слова не упоминает здесь о фундаментальном значении отношения между размером производства и ростом населения. Вся бауэровская теория – «тенденция приспособления к росту населения», которая должна теперь объяснить и кризисы, и высокую конъюнктуру, и накопление, и международную эмиграцию капитала из страны в страну, и наконец империализм – тот всемогущий закон, который приводит в движение весь механизм капиталистического производства и «автоматически его регулирует», – для Бауэра, как и для остального мира, вовсе не существовал! Теперь, в возражениях против моей книги, внезапно всплывает, появляется ad hoc, неведомо откуда, та основная теория, которая только и дает «безупречную основу» для марксовых схем, и все для того, чтобы решить проблему, которой ведь как будто вовсе не существует!

Что же говорить после этого об остальных «специалистах»? Сведем теперь к нескольким положениям то, что было сказано.

1. По мнению Экштейна и Гильфердинга (как и по Паннекуку), вообще не существует никакой проблемы накопления капитала. Все ясно, все само собой разумеется, все «показывают» марксовы схемы. Только моя полная неспособность понять схемы может объяснить мою критику этих схем. По Бауэру, приведенные Марксом цифры «выбраны произвольно и не свободны от противоречий». Только он, Бауэр, нашел теперь «подходящую иллюстрацию для хода мысли Маркса» и составил схему, свободную от произвольных моментов.

2. По мнению Экштейна и редакции «Vorwarts'a», моя книга, как не имеющая никакой ценности, должна быть «отвергнута»: по мнению маленького «специалиста» из «Frankfruter Volksstimme» (1 февраля 1913 г.), она даже «в высшей степени вредна». По мнению Бауэра, «в неверном объяснении все же есть зерно истины»: оно указывает на границы накопления капитала¹.

3. По мнению Экштейна и «Vorwarts'a», моя книга не имеет ничего общего с империализмом: «вообще книга имеет так мало общего с явлениями пульсирующей в настоящее время хозяйственной жизни, что она с таким же успехом могла бы быть написана 20 и более лет тому назад». По мнению Бауэра, мое исследование вскрывает, правда, «не единственный», «но по существу один из корней империализма» (I. с., стр. 874), что для такой маленькой персоны, как я, является уже приличным достижением.

¹ «Neue Zeit», 1913, № 24, стр. 879

4. По мнению Экштейна, марксовы схемы показывают прежде всего «как велика в действительности общественная потребность», они показывают возможность равновесия, от которого однако капиталистическая действительность «весьма существенно отклоняется», так как над ней господствует стремление к прибыли, приводящее к кризисам. В следующем же столбце «изложение соответствует марксовой схеме, а также действительности», ибо схема показывает, «как эта прибыль реализуется для капиталистов». (Vorwärts», 16 февраля 1913 г., приложение). По мнению Паннекука, вообще не существует никакого состояния равновесия, существует только пустое пространство: «Размер производства можно сравнить с невесомой вещью, которая может парить в любом положении. Для размеров производства не существует никакого положения равновесия, к которому оно возвращалось бы при отклонениях...» «...индустриальный цикл не является колебанием вокруг какого-то среднего положения, которое дано какой-то потребностью»¹. По мнению Бауэра, марксовы схемы, истинный смысл которых он наконец расшифровал, означают не что иное, как движение капиталистического производства в его приспособлении к росту населения.

5. Экштейн и Гильфердинг верят в объективную экономическую возможность безграничного накопления: «Кто покупает продукты, это показывают именно схемы» (Экштейн), которые на бумаге можно продолжать до бесконечности. «Невесомая вещь» Паннекука по давню «может парить в любом положении», как он сам выражается. По Гильфердингу, «можно было бы показать, что возможно всякое расширение производства, раз только оно допускается существующим состоянием производительных сил», так как вместе с производством автоматически возрастает, как показывают схемы, и сбыт. По мнению Бауэра, только «апологеты капитала могут доказывать безграничность накопления и утверждать, что вместе с производством автоматически растет и потребительная сила!»².

Как же быть теперь? Что же в конце концов думают господа «специалисты»? Есть ли у Маркса проблема накопления, которой до сих пор никто из нас не заметил, или же она все еще, после ее новейшего решения Отто Бауэром, представляет собой лишь плод моей «полной неспособности работать при помощи схем Маркса», как выразился рецензент из «Vorwärts'a»? Являются ли марксовы схемы окончательными истинами в последней инстанции, непогрешимыми догмами, или они действительно «произвольны и не свободны от противоречий»? Связана ли поставленная мною проблема с корнями империализма или же она «не имеет никакого отношения к явлениям пульсирующей в настоящее время жизни»? И что же в конце концов должны означать «ставшие знаменитыми», как выражается Экштейн, марксовы схемы: лишь теоретически-мыслимое «состояние равновесия» производства, картину реальной действительности, доказательство возможности «всякого расширения», т. е. безграничного роста

¹ «Neue Zeit», 1913, №22, «Theoretisches zur Ursache der Krisen», стр. 783, 792.

² «Neue Zeit», 1913, № 24, стр. 873

производства, доказательство его невозможности в виду недопотребления, приспособление производства к границам роста населения, паннекуковский «невесомый» игрушечный воздушный шар или еще что-нибудь другое вроде верблюда или ласки? Пора «специалистам» начать сталкиваться насчет всего этого.

Какая замечательная картина ясности, гармоничности и цельности официального марксизма по отношению к основной части второго тома «Капитала» Маркса! И какая поразительная рекомендация для того высокомерия, с которым эти господа обругали мою книгу!¹

¹ Рецензент из «Vorwarts'a», Экштейн, меньше всех остальных «специалистов» понял, о чем по существу идет речь. Он относится к числу того сорта журналистов, которые всплыли с ростом рабочей печати и которые во всякое время могут писать обо всем что угодно: о японском семейном праве, о современной биологии, об истории социализма, о теории познания, об этнографии, об истории культуры, о политической экономии, о тактических проблемах, словом, обо всем, что в данный момент требуется. Подобные универсальные писатели подвизаются на всех поприщах науки и с такой безграничной самоуверенностью, которой мог бы действительно позавидовать серьезный мыслитель. Но когда им недостает знаний вопроса, который они взялись обсуждать, они возмещают это тем, что становятся храбрыми и солидными. Приведу для этого только два примера. «Если уже здесь признать, – говорит Э. в одном месте своей рецензии, – что автор не понял смысла и цели марксова изложения, то это подтверждается остальным содержанием книги. Прежде всего для нее осталась совершенно неясной техника схем. Это обнаруживается совершенно отчетливо уже на стр. 72 ее книги». В этом месте речь идет о том, что Маркс в своих схемах причисляет производство денег к подразделению средств производства. В своей книге я критикую этот взгляд и пытаюсь показать, что, так как деньги, именно как таковые, не являются средствами производства, из этого смешения должны возникнуть большие затруднения при точном рассмотрении проблемы. И здесь Экштейн вставляет свое слово: «Товарищ Люксембург возражает против того, что Маркс включает производство денежного материала, т. е. золота и серебра, в ряд I и относит их к производству средств производства. Это ошибочно. Поэтому она подобоими, составленными Марксом рядами, ставит еще третий ряд, который должен представить производство денежного материала. Это конечно можно допустить, но с интересом ожидаешь, как должно происходить обращение между упомянутыми тремя рядами». Но тут его встречает разочарование! «В схеме, составленной тов. Люксембург, затруднение не только велико, – оно непреодолимо... Сама она однако не делает никакой попытки представить эти «органические сплетения». Простая попытка должна была бы показать ей, что ее схема невозможна, и т. д. с той же грациозностью. Но «составленная тов. Люксембург схема» на стр. 72 «составлена» вовсе не мной, а Марксом! Я здесь попросту списываю приведенные во втором томе «Капитала» на стр. 446 (нем. изд.) числа как раз для того, чтобы показать, что ч и с л о в ы е д а н н ы е М а р к с а не дают возможности включить производство денег в производство средств производства. Я подхожу к этому вопросу со следующими отчетливыми словами: «Впрочем один только взгляд на марксову схему воспроизводства показывает, к к а к и м н е у д о б с т в а м должно повести смешение средств обмена со средствами производства». И вдруг появляется Экштейн, приписывает мне критикуемую мною же схему Маркса и на основании этой схемы выставляет меня в качестве простофили, которой «даже техника этих схем» осталась непонятной.

Другой пример. На стр. 487 (нем. изд.) второго тома «Капитала» Маркс дает первую схему накопления, в которой он заставляет капиталистов первого подразделения капитализировать все время 50%, а капиталистов другого подразделения – как бог на душу положит, – без всякой видимой закономерности, только в соответствии с потребностями первого подразделения. Это допущение я пытаюсь критиковать как произвольное. И тут снова появляется Экштейн со следующим потоком слов: «Ошибка кроется в самом способе ее расчета,

После того, как Бауэр избавил меня от необходимости дальнейших споров с остальными «специалистами», я возвращаюсь к самому Бауэру.

II

1. На расчетах таблиц Бауэра я конечно останавливаться не буду. Основу его позиции и его критики против моей книги составляет теория народонаселения, которую он противопоставляет мне, как базис накопления, и которая сама по себе не имеет ничего общего с какими бы то ни было математическими схемами. Этой теорией нам придется в дальнейшем изложении заняться. Однако прежде всего все же необходимо по крайней мере со способом, с м е т о д о м, при помощи которого Бауэр производит свои табличные манипуляции. Если они совершенно не годятся для решения чисто экономической, общественной проблемы накопления, то они тем не менее весьма характерны для самого Бауэра, для понимания того, с чем он подходит к решению проблемы. А этот прием можно иллюстрировать на нескольких очень простых примерах, о которых легко могут судить и обыкновенные смертные, приходящие в ужас от головоломных таблиц и кабалистических знаков.

и последний показывает, что она не поняла сущности марксовых схем. Она полагает, что в основе этих схем лежит требование одинаковой нормы накопления, т. е. она предполагает, что в обоих рассмотренных главных подразделениях общественного производства накопление происходит в одинаковой пропорции, другими словами, что к капиталу присоединяются одинаковые части прибавочной стоимости. Но это совершенно произвольное, противоречащее фактам, допущение... В действительности нет ни какой всеобщей нормы накопления, и она с теоретической точки зрения была бы бессмыслицей». Здесь перед нами «с, трудом постижимая ошибка автора, которая снова показывает, что сущность Марксовых схем осталась для нее совершеннейшей загадкой». Действительный закон равной нормы прибыли «находится в полном противоречии с мнимым законом равного накопления» и т. д. в том же духе, с той самонадеянной основательностью и язвительностью, которые Экштейн решил применять для того, чтобы во что бы ни стало разделаться со мной. Но через пять страниц Маркс дает второй пример своей схемы накопления и притом основной пример, с которым он после этого оперирует вплоть до конца книги, тогда как первый пример был лишь попыткой, предварительным наброском. И в этом втором, окончательном примере Маркс постоянно берет одинаковую норму накопления – «мнимый закон» – в обоих подразделениях! «Теоретическую бессмыслицу», «полное противоречие с действительным законом равной нормы прибыли» – всю эту сумму уголовных преступлений мы находим в схеме Маркса на стр. 496 (нем. изд.) второго тома «Капитала», и Маркс упорствует в этих грехах вплоть до последней строки своей книги. Помоги таким образом опять выливаются на несчастного Маркса; именно он оказывается тем, для кого «сущность» его собственных схем «осталась полнейшей загадкой». Этот грех Маркс впрочем разделяет не только со мною, но и с Отто Бауэром, который в качестве предпосылки своих собственных «безупречных» схем берет то положение, что норма накопления в обеих сферах производства одна и та же («Neue Zeit», I. с., стр. 838). Такова критика Экштейна. И от такого молодца, который не прочитал даже как следует «Капитал» Маркса, приходится выслушивать наглости. Тот факт, что подобного рода «рецензия» вообще могла появиться в «Vorwarts'e», является характерным результатом господства «австро-марксистской» школы эпигонов в обоих центральных органах социал-демократии, и если я по воле господ бога доживу до второго издания моей книги, то я не премину полностью перепечатать эти перлы в приложении, чтобы спасти их для потомства!

Я беру для этого только три примера.

На стр. 836 «Neue Zeit» (l. c.) Бауэр показывает, как начинается процесс накопления общественного капитала. Он, по Марксу, берет два больших подразделения производства [1) производство средств производства и 2) производство средств существования] и принимает при этом в качестве исходного пункта для подразделения I постоянный капитал в 120 000 и переменный капитал в 50 000 (что должно означать тысячи или миллионы марок или вообще денежных единиц). В подразделении II он берет постоянный капитал в 80 000 и переменный капитал в 50 000 (что должно означать те пропорции, в которых они взяты: они выражают определенные экономические предпосылки, из которых исходит Бауэр. Так, постоянный капитал в обоих подразделениях больше переменного, что выражает высоту технического прогресса. Далее, это преобладание постоянного капитала над переменным в подразделении I еще больше, чем в подразделении II, так как техника в I делает обычно более быстрые успехи, чем во II. Наконец соответственно этому совокупный капитал первого подразделения больше совокупного капитала второго подразделения.

Все это, надо заметить, предпосылки самого Бауэра и притом весьма похвальные, так как они совпадают с предпосылками Маркса. Пока все обстоит благополучно.

Но вот начинается накопление. Оно начинается с того, что Бауэр увеличивает оба постоянных капитала на одну и ту же сумму в 10 000 и оба переменных капитала также на одну и ту же сумму в 2 500 каждая (l. c.). Но этим сразу же нарушаются приведенные выше экономические предпосылки, ибо, во-первых, меньший совокупный капитал подразделения II никак не может увеличиться на такую же сумму нового капитала, как больший совокупный капитал подразделения I, потому что в этом случае уменьшилось бы их взаимное отношение, обусловленное техникой, а, во-вторых, добавочные капиталы в обоих подразделениях нельзя распределить одинаковым образом на постоянный и переменный капитал, как так начальные капиталы тоже не были распределены одинаково. Бауэр и здесь сам опрокидывает принятую им же техническую основу.

Итак, дело начинается с того, что Бауэр в самом начале процесса накопления совершенно произвольно игнорирует свои же собственные экономические предпосылки. Но зачем же он это делает? Попросту в угоду арифметическим результатам, чтобы получить изящный расчет со сложением и вычитанием, без которых он иначе не мог бы выпутаться."

Далее. После проведенного таким образом расширения производства, Бауэр хочет нам показать, как происходит второй решительный акт накопления, известное «salto mortale», т. е. реализация прибавочной стоимости. Он хочет нам показать, как происходит обмен увеличенной массы продуктов и притом так, что этим достигается дальнейшая ступень накопления, т. е. вторичное расширение производства. Бауэр делает это на стр. 863.

Здесь речь идет о том, чтобы обменять обе товарные массы, полученные за первый производственный год, – 220 000 средств производства и 180 000 средств существования. Дело начинается, как

обычно: каждое подразделение применяет большую часть своей товарной массы отчасти непосредственно, отчасти посредством обмена для возобновления старого использованного капитала и для обеспечения собственного потребления класса капиталистов. До сих пор все в порядке, и до сих пор Бауэр идет по стопам Маркса. Но тут мы подходим к щекотливому месту – к расширению производства для следующего года, к накоплению. К рассмотрению этого процесса Бауэр приступает с известной нам цитатой: «Но помимо этого капиталисты хотят затратить накопленную ими в первом году прибавочную стоимость на расширение существующих или на учреждение новых предприятий». Нам здесь уже нечего больше рассматривать вопрос, которым мы уже занимались, – вопрос о том, достаточно ли «хотения» капиталистов. Мы вместе с Бауэром стоим на той точке зрения, что воля человека – его неограниченное царство; мы, со своей стороны, хотим лишь проследить ту манипуляцию, при помощи которой суверенная доля капиталистов находит свое выражение в действительности.

Итак, бауэровские капиталисты подразделения I «хотят» вновь вложить в предприятия 12 500 своей прибавочной ценности. Почему именно такое количество? Потому, что как раз это число нужно Бауэру для гладкого расчета. Подчинимся безропотно воле Бауэра, но пусть нам будет дозволено одно: придерживаться им же принятых предпосылок. Так и быть, капиталисты первого подразделения решили вложить из своей прибавочной стоимости в производство 12 500. Но тут получается следующее. Уже после того как они вложили 10 000 своих товаров в собственный постоянный капитал и сбывли 2 500 этих товаров другому подразделению, чтобы обменять на них средства существования для добавочных рабочих их собственных расширенных предприятий, у них на складах все же остается остаток совокупной товарной массы, и притом остаток в размере 4 666. Они закончили процесс потребления, они уже возобновили использованный капитал, они уже вложили для расширения своих предприятий как раз такую сумму, как будто они предварительно сговорились с Бауэром, и тем не менее у них все еще остается остаток. Что же делать с этим остатком в 4 666?

Но не забудем однако, что не только капиталисты I, но капиталисты II подразделения «хотят» накапливать. Хотя последние и владеют значительно меньшим капиталом, но и у них, как мы видели, есть тщеславное желание вложить в свои предприятия 12 500 и притом распределить их таким же образом, как и в первом подразделении; более того, то же желание подражать своим более богатым коллегам заставляет их игнорировать технические соображения. Как бы то ни было, но они нуждаются для указанного расширения производства в добавочном количестве средств производства подразделения I, так не представляется ли здесь случай самым простым образом освободиться от непереваримого остатка этого подразделения? Оказывается, нет: все это уже принято во внимание и уже имело место. Расширение подразделения II уже произошло «планово» – по плану, сочиненному самим Бауэром. Здесь нельзя уже вколотить ни одного гвоздя. И тем не менее во втором подразделении после всего этого остается остаток в размере 4 666! Что же делать с этим остатком?

«Где они находят для себя сбыт?» – спрашивает Бауэр (1. с., стр. 863). Тут, по его мнению, происходит следующее:

«Капиталисты отраслей, производящих потребительные блага, переносят часть накопленной ими в первом году прибавочной стоимости в отрасли, производящие средства производства: они либо сами основывают фабрики, в которых производятся средства производства, либо при посредстве банков передают часть накопленной ими прибавочной стоимости капиталистам отраслей, производящих средства производства, для приложения ее в этих отраслях, либо, наконец, покупают акции обществ, производящих средства производства. Отрасли, производящие средства производства, продают поэтому товары стоимостью в 4 666 тому капиталу, который накоплен в отраслях, производящих потребительные блага, но который применяется в отраслях, производящих средства производства. Таким образом отрасли, производящие потребительные блага, наряду со средствами производства стоимостью в 85 334 (которые полностью покрывают их собственные потребности. – Р. Л.), покупают также и средства производства стоимостью в 4 666, которые предназначены для производства средств производства» (1. с., стр. 863).

Решение стало быть таково: подразделение I продает непереваримый остаток в 4 666 подразделению II, но последнее применяет его не у себя, а «переносит его» обратно в подразделение I, где он применяется для вторичного расширения постоянного капитала I.

Нам опять-таки нечего здесь заниматься ближе экономическими фактами бауэровских «переносов» прибавочной стоимости из подразделения II в подразделение I. Мы слепо идем по пятам Бауэра и хотим лишь проследить одно: все ли протекает благополучно при этих его собственных, им же свободно избранных операциях? Соблюдает ли он свои собственные предпосылки?

Капиталисты I «продают», стало быть, свой товарный остаток в 4 666 капиталистам II, а эти последние «покупают» его, перенося в подразделение I «часть накопленной ими прибавочной стоимости». Но позвольте! На что же они его покупают? Где же та «часть прибавочной стоимости», которой оплачивается покупка? В бауэровской таблице нет и следа этого! Вся масса товаров подразделения II уже ушла на потребление класса капиталистов обоих подразделений и на возобновление и увеличение переменного капитала (см. расчеты самого Бауэра на стр. 865); исчерпано во всяком случае все, за исключением 1 167. Эти 1 167 в потребительных благах составляют все, что осталось от прибавочной стоимости подразделения II. И эти 1 167 употребляются теперь Бауэром не для того, чтобы по крайней мере «уплатить их в счет» упомянутых 4 666 средств производства, а затрачиваются в качестве переменного капитала для тех добавочных рабочих, которые требуются для будто бы «купленных» на 4 666 средств производства! Что бы мы ни придумывали, капиталисты II затратили всю свою прибавочную стоимость: они могут вывернуть все свои карманы и не найдут в них ни гроша, чтобы купить находящиеся на складах средства производства стоимостью в 4 666. С другой стороны, если бы указанная покупка состоялась, то мы на стороне подразделения I видели бы обмененные на средства производства стоимостью в 4 666 средства потребления. Но где же

они и что с ними делает подразделение I? Бауэр по этому поводу не говорит ни единого слова. Мистические 4 666 в потребительных благах, которые все же должны были быть обменены при «покупке», исчезли без следа. Или, может быть, нам следует представлять себе дело так: капиталисты подразделения II, быть может, имеют еще запасные капиталы, которых мы в таблице не видим; они имеют, скажем, вклады в Немецком банке, откуда они теперь и берут 4 666 деньгами, чтобы купить на них упомянутые средства производства? Но позвольте! Если Бауэр имел в виду нечто подобное, если он конструировал свои таблицы как картину «совокупного общественного капитала» и при этом с украдкой поглядывал на потайные ящики с запасными капиталами, из которых он может черпать, если он не знает, как в своих таблицах свести концы с концами при обмене, то ведь это издевательство над схемами Маркса. Совокупный общественный капитал есть совокупный общественный капитал! К нему ничего не прибавишь и ничего от него не отнимешь. Сюда должно быть включено все, чем владеет общество, весь его капитал до последнего гроша, стало быть и немецкий банк с его вкладами; все обращение должно происходить в рамках схемы; из таблицы, следовательно, должно быть видно все – или вся схема и все расчеты не стоят и выеденного яйца!

Мы приходим к тому, что манипуляции бауэровских капиталистов представляют собой манипуляции с тришкиным кафтаном: эти господа занимаются только тем, что продают друг другу средства производства на 4 666. На самом же деле нет никаких средств для этой покупки. Стало быть, если капиталисты подразделения I отдают капиталистам подразделения II остаток своей товарной массы, то это – настоящий подарок, за который «вознаградит господь бог». И чтобы не оказаться скрягами, капиталисты II отвечают на это великодушие великодушием: они немедленно возвращают этот подарок своим коллегам и еще прибавляют к нему собственный остаток в потребительных благах стоимостью в 1167 (который им впрочем некуда девать) и притом тоже бесплатно: берите мол, добрые люди, и тогда у вас сейчас же будет переменный капитал, чтобы привести в движение ваши избыточные машины.

Таким образом мы по окончании процесса накопления в подразделении I (после того как накопление произошло «планово» по Бауэру) имеем еще новый постоянный капитал в 4 666 и переменный капитал в 1 167. И Бауэр, обращаясь с улыбкой к публике, прибавляет: *voilà*. «Итак, вся стоимость, заключенная в продуктах обеих сфер, а стало быть вся прибавочная стоимость, реализована (I. с., стр. 865). – Руководствуясь таблицей IV, можно подобным же образом убедиться в том, что стоимость всего продукта обеих сфер сбывается без затруднений не только в первом году, но и в каждом из последующих годов и что реализуется также вся прибавочная стоимость. Следовательно, допущение товарища Люксембург, что накопленная часть прибавочной стоимости не может быть реализована, неверно» (I. с., стр. 866).

Результат в высшей степени утешительный, но он многое теряет благодаря тем приемам, при помощи которых он получен. В грубых чертах они состоят в следующем. После того как завершился обмен

между обоими подразделениями общественного производства для обновления и расширения капитала, на стороне подразделения I остается неподдающийся сбыту остаток средств производства стоимостью в 4 666 и на стороне подразделения II такого же рода остаток потребительных благ стоимостью в 1 167. Что же делать с обоими остатками? Может быть их следует обменять хотя бы в размере меньшей суммы? Но, во-первых, в таком случае в первом подразделении все же остался бы совершенно неподдающийся сбыту остаток, и мы уменьшили бы только числа, но не стоявшее перед нами затруднение, а во-вторых, и прежде всего, какой экономический смысл, какую цель имел бы подобного рода обмен? Что подразделение I стало бы делать с приобретенными таким путем потребительными благами для добавочного числа рабочих, раз оно после обмена не обладает уже достаточным количеством средств производства, чтобы предоставить этим рабочим работу? И что стало бы делать подразделение II с полученными таким путем новыми средствами производства, раз оно именно благодаря обмену лишилось потребительных благ, необходимых для добавочного количества рабочих? Обмен, таким образом, невозможен, и оба остатка в схеме абсолютно не поддаются сбыту.

Чтобы выйти из создавшегося положения, Бауэр прибегает к следующим фокусам. Он, во-первых, п р и д у м ы в а е т «продажу» второму подразделению не поддающегося сбыту остатка товаров первого подразделения, не говоря ни единого слова о тех средствах, которыми второе подразделение оплачивает свою покупку. Во-вторых, он заставляет капиталистов второго подразделения предпринять после воображаемой «покупки» еще нечто более оригинальное: вместе с вновь приобретенными средствами производства перекочевать из своего подразделения в другое и применить их там в качестве капитала. В-третьих, он вынуждает их захватить с собой их собственные, не поддающиеся сбыту средства потребления, чтобы и эти последние также применить, в чужом подразделении в качестве переменного капитала.

Можно было бы спросить, зачем Бауэр выдумывает всю эту оригинальную сделку вместо того, чтобы просто сразу оставить избыточные средства производства в первом подразделении и применить их здесь для расширения производства, как это в конце концов и происходит после всех его уловок? Но Бауэр в таком случае попал бы из огня в полымя, т. е. в другое затруднение: он должен был бы объяснить, каким образом необходимый для этого переменный капитал в виде 1 167 в потребительных благах оказался перенесенным из второго подразделения в первое. Но так как это именно неосуществимо, другими словами, так как безостаточный сбыт продуктов путем обмена абсолютно невозможен, то Бауэр прибегает к искусному фокусу, чтобы после нескольких уловок объединить в первом подразделении свои не поддающиеся сбыту остатки товаров для последнего акта накопления.

Это во всяком случае – весьма смелая выдумка. Маркс первый в истории политической экономии разграничил и схематически представил два подразделения общественного производства. Это – основная мысль, которая поставила всю проблему на новый базис и впер-

вые сделала возможным ее точный анализ. Предпосылкой этого проведенного Марксом разграничения, равно как и его схем, является однако тот факт, что между обоими подразделениями существуют только о т н о ш е н и я о б м е н а, которые как раз и составляют основную черту капиталистического или товаропроизводящего хозяйства. Эти основные условия Маркс при его операциях со своей схемой соблюдает с такой же железной последовательностью, как и все свои предпосылки. Но появляется Бауэр и, ничто же сумняшеся, мимоходом опрокидывает все построение Маркса: он без п о с р е д с т в а о б м е н а «переносит» товары из одного подразделения в другое и, по польской поговорке, прогуливается по строгой схеме, как дикий гусь в небе.

Бауэр основывается на том, что с техническим прогрессом производство средств производства растет за счет производства потребительных благ и что капиталисты последнего подразделения соответственно с этим в той или иной форме (посредством банков, покупки акций или основания собственных предприятий) постоянно вкладывают часть своей прибавочной стоимости в первое подразделение. Все это превосходно. Однако «перенесения» накопленной прибавочной стоимости из одной отрасли производства в другую возможны только в форме д е н е ж н о г о к а п и т а л а, этой безразличной, абсолютной и потому совершенно необходимой для общественной флюктуации, для посредничества в передвижках общественного товарного производства формы капитала. Нельзя при помощи одной партии не поддающихся продаже стеариновых свечей купить акции медных рудников, или при помощи склада не поддающихся сбыту резиновых галош основать новый машиностроительный завод. Ведь как раз и нужно было показать, как капиталистические товары посредством всестороннего обмена превращаются в денежный капитал что только и делает возможным переливание из одной отрасли производства в другую. Следовательно если кто-нибудь в тот момент, когда невозможно осуществить обмен, попросту «переносит» не поддающиеся сбыту продукты в другую отрасль без обмена, то это только пустая уловка.

Столь же удивительна увертка Бауэра заставить одно подразделение общественного производства «основывать» предприятия в другом подразделении. Марксовы подразделения означают не персональный список предпринимателей, а объективные экономические категории. Если капиталист подразделения II, пользуясь частью своего денежного капитала, «основывает» предприятия и накапливает и в подразделении I, то это не значит, что подразделение потребительных благ участвует в производстве подразделения средств производства, ибо это было бы абсурдом с экономической точки зрения. Это означает только, что одно и то же лицо в одно и то же время выступает в качестве предпринимателя в обоих подразделениях. Мы с экономической точки зрения в таком случае имеем дело все же с д в у м я к а п и т а л а м и, из которых один производит средства производства, а другой – потребительные блага. Тот факт, что оба капитала могут принадлежать одному и тому же лицу, что получаемая с них прибавочная стоимость смешивается в одном кармане, объективно, для анализа условий общественного воспроизводства, не имеет ровно

никакого значения. Поэтому о б м е н все же остается единственным связующим звеном между обоими подразделениями. Если же, подобно Бауэру, смешать оба подразделения в одну беспорядочную массу и этим самым разрушить строгие построения Маркса, которые являются результатом столетней борьбы за ясную постановку вопроса в политической экономии, то анализ процесса воспроизводства опять вырождается в хаос, в котором могут бесстрашно орудовать Сэй и подобные ему господа.

Nota bene. Сам Бауэр вначале исходит из этой предпосылки. При составлении своих таблиц он говорит, например, следующее: «Отсюда следует что стоимость продукта отраслей, производящих потребительные блага, во втором году должна составлять 18 800, и б о т о л ь к о н а э т у с у м м у с т о и м о с т е й м о г у т б ы т ь в ы м е н е н ы с р е д с т в а п о т р е б л е н и я» (I. с., стр. 837). То же самое он говорит после того, как его таблицы уже готовы и накопление началось; он спрашивает: «Кто покупает эти товары?» (I. с., стр. 863). Стало быть сам Бауэр берет в качестве предпосылки то, что он будет осуществлять накопление, сбывая без остатка общественную товарную массу путем обмена между обоими подразделениями. И вот в конце, когда у него в обоих подразделениях после разных меновых сделок остаются партии товаров, которые никак не могут быть выменены, он выбирается из затруднительного положения тем, что заставляет оба подразделения преподносить друг другу подарки и заниматься не своим делом. Таким образом он уже в исходном пункте своих таблиц отказывается здесь от своих собственных предпосылок и в то же самое время от основных условий марксовой схемы.

И вот еще третий пример.

Как известно, Маркс для иллюстрации накопления развивает свои схемы в предположении, что постоянный капитал остается в неизменном отношении к переменному и что норма прибавочной стоимости также неизменна, хотя бы капитал и возрастал прогрессивно. В противоположность этому я указываю в своей книге между прочим и на то, что это допущение противоречит действительности и что оно лишь облегчает гладкий ход накопления в марксовой схеме. Я указывала, что если принять во внимание технический прогресс, т. е. постепенное изменение отношения постоянного капитала к переменному, равно как и рост нормы прибавочной стоимости, то одно только это вызвало бы при представлении процесса накопления в рамках марксовых схем непреодолимые затруднения и показало бы, что процесс капиталистического накопления невозможно втиснуть исключительно в рамки взаимоотношений между чисто капиталистическими отраслями промышленности.

Отто Бауэр в отличие от Маркса в своих таблицах принимает во внимание технический прогресс. Он явственно принимает его в расчет, когда заставляет постоянный капитал из года в год расти в два раза быстрее, чем переменный, да и в дальнейшем изложении он признает решающую роль за техническим прогрессом в смене конъюнктур. Но что мы видим на другой странице? Бауэр тут же «для упрощения исследования» принимает твердую, неизменную норму прибыли! (I. с., стр. 835).

Научный анализ может, конечно, для упрощения предмета абстрагировать от условий действительности или соответственно своим задачам свободно их комбинировать. Математик может по своему усмотрению возвышать свои уравнения в степень или извлекать из них корни. Физик может для объяснения относительных скоростей падения тел производить опыты в пустом пространстве. Экономист для известных целей исследования точно так же может отвлечься от известных реальных условий хозяйственной жизни. Маркс во всем первом томе своего «Капитала» исходит из следующих предпосылок: во-первых, что все товары продаются по их стоимости и, во-вторых, что заработная плата соответствует полной стоимости рабочей силы. А между тем это допущение, как известно, на каждом шагу противоречит практике. Маркс применил этот прием для того, чтобы показать, как осуществляется капиталистическая эксплуатация даже при наличии этих наиболее благоприятных для рабочих условий. Его анализ из-за этого отнюдь не перестает быть научным; наоборот, идя именно этим путем, он только и дает нам непоколебимую основу для точной оценки ежедневной практики с ее отклонениями.

Но что стали бы говорить математику, если бы он одну часть уравнения помножил на 2, а другую оставил неизменной или разделил на 2? И что стали бы думать о физике, который при сравнении относительных скоростей падения различных тел наблюдал бы падение одних в воздухе, а других в безвоздушном пространстве? Так именно поступает Бауэр. Маркс, правда, принимает во всех своих схемах воспроизводства неизменные прибавочные стоимости, и именно это допущение можно считать недопустимым при исследовании процесса накопления. Но в своем допущении и в пределах своего допущения Маркс во всяком случае был совершенно последователен: он повсюду абстрагировал от технического прогресса.

Бауэр поступает совершенно иначе: он вместе с Марксом принимает неизменную норму прибавочной стоимости, но в то же время в противоположность Марксу предполагает сильный и беспрестанный технический прогресс! Он принимает в расчет технический прогресс, который однако совершенно не повышает эксплуатации, т. е. два условия, которые противоречат друг другу и друг друга взаимно уничтожают. После этого он великодушно предоставляет нам самим проверить все свои операции, произведенные в предположении возрастающей нормы прибавочной стоимости, от которой он «вначале» абстрагировал, и уверяет нас, что и тогда все будет протекать при всеобщем удовлетворении. Жаль, что Бауэр не счел нужным взять на себя труд разделаться с таким пустяком вместо того, чтобы подобно иным учителям арифметики прервать головоломную задачу и проститься с нами из-за неотложных дел как раз в том месте, где должно начаться настоящее доказательство¹. В таком случае было бы дано по крайней мере арифметическое «доказательство» утверждения Бауэра.

¹ Составив свои таблицы с быстрее растущим капиталом, но с неизменной нормой прибавочной стоимости, Паннекук тоже говорит: «Равным образом можно было бы принять во внимание постепенное изменение нормы эксплуатации («Bremer Burgerzeitung» от 29 января 1913 года). Но и он предоставляет этот труд читателю.

То, что он дал теперь, является уже не помощью для научного анализа, а пачкотней, которая ничего не может объяснить и ничего не может доказать.

До сих пор я еще ни одного слова не сказала об экономическом содержании бауэровских таблиц: я только пыталась на нескольких примерах показать, какие методы применяет Бауэр и как он соблюдает свои же собственные предпосылки. Я столь подробно останавливалась на его манипуляциях не для того, чтобы отпраздновать дешевую победу над неуклюжестью его схематических операций. Кое-какие из его затруднений можно было бы легко обойти при помощи несколько более удачно составленных схем (в этом деле большим мастером является Туган-Барановский), не доказывая, правда, ничего по существу. Важно однако, как Бауэр использует марксову схему, важен факт, что та путаница, которую Бауэр внес в свои таблицы, ясно показывает, что он сумел извлечь из схемы Маркса.

Коллега Бауэра по части «компетентности», Экштейн, может публично обвинить его в «основательном незнании марксовых схем», в полнейшей «неспособности работать при помощи марксовых схем». Я же довольствуюсь тем, что указала на пару примеров, и делаю это не потому, что я хотела столь сурово судить Бауэра, как его австро-марксистский коллега, а потому, что он наивно заявляет:

«Роза Люксембург довольствуется указанием на произвольности марксовых схем... Мы предпочитаем искать для марксова хода мыслей подходящее наглядное пояснение и вести наше исследование по схеме, освобожденной от произвольных элементов. Поэтому мы здесь построили схемы, которые – раз приняты предпосылки – уже не содержат в себе больше ничего произвольного, и числовые значения с железной необходимостью вытекают друг из друга» (1. с., стр. 837).

Но да простит меня Бауэр, что я, после приведенных примеров, все же предпочитаю «неисправленного Маркса с его произвольностями». В конце мы еще будем иметь случай видеть разницу между ошибками Маркса и ошибками его «компетентных» эпигонов.

Бауэр, сей основательный муж, знает не только, как направить меня на путь истины, но как выявить мою ошибку. Он открыл, в чем заключается моя ошибка: «Допущение товарища Люксембург, что накопленная прибавочная стоимость не может быть реализована, неверно», пишет он после того, как в его таблицах благодаря указанным выше манипуляциям удалось «полностью» свести концы с концами. «Как же это возможно, что товарищ Люксембург пришла к этому неверному утверждению?». И он дает следующее невероятное объяснение:

«Мы допустили, что капиталисты уже в первом году покупают те средства производства, которые приводятся в движение приростом рабочего населения во втором году, и что капиталисты уже в первом году покупают те потребительные блага, которые они продают приросту рабочего населения во втором году... Если бы мы не сделали этого допущения, то реализация прибавочной стоимости, произведенной в этом году, действительно была бы невозможна». И далее:

«Роза Люксембург полагает, что накопленная часть прибавочной стоимости не может быть реализована. В первом году она дей-

ствительно не реализуется, раз вещественные элементы добавочного производительного капитала покупаются лишь во втором году» (стр. 866).

Так вот где с о б а к а з а р ы т а! Я, оказывается, не знала, что если кто-нибудь хочет в 1916 г. открыть фабрику и пустить ее в ход, то нужно уже в 1915 г. возвести необходимые для этого постройки, купить машины и материалы и иметь в запасе средства потребления для нанимаемых рабочих. Я, оказывается, воображала себе, что сперва открывают фабрику, а затем строят для нее помещения; что сперва нанимают рабочих, а затем сеют рожь, из которой выпекают для них хлеб! Это на самом деле смеха достойно, тем более, что подобные откровения преподносятся в научном органе марксизма.

Бауэр на самом деле думает, что марксовы формулы имеют какое-нибудь отношение к «годам», и этот добрый человек употребляет все усилия на протяжении двух страниц, чтобы популярно разъяснить мне это при помощи трехэтажных формул и латинских и греческих букв. Но марксовы схемы накопления капитала не имеют ничего общего с календарными годами. Чему Маркс придает значение, так это - э к о н о м и ч е с к и м м е т а м о р ф о з а м продуктов и их капиталистическому сцеплению и тому, что в капиталистическом мире ряд экономических явлений сводится к следующей схеме: производство – обмен – потребление, снова производство – обмен – потребление, и так до бесконечности. Так как обмен является необходимой промежуточной фазой для всякого продукта и единственным связующим звеном между производителями, то для производства барыша и накопления важен в первую очередь отнюдь не тот момент, когда товары реализуются, а следующие два очевидных факта: 1) то, что собирательный капиталист, как и всякий отдельный капиталист, не может приступить к расширению производства, прежде чем он не обменял свою товарную массу, и 2) то, что собирательный капиталист, как и всякий отдельный капиталист, не приступает к расширению производства, если он не имеет в виду увеличенного рынка сбыта.

Но где же класс капиталистов в целом находит возрастающий сбыт для накопления? Таков был вопрос, Бауэр дает в конце концов следующее более близкое объяснение:

«В действительности и накопленная часть прибавочной стоимости реализуется в капиталистическом обществе. Реализация происходит, конечно, шаг за шагом, постепенно; так, например, средства существования, которые употребляются для прокормления добавочных рабочих во втором году, как правило, производятся и продаются производителями крупному торговому капиталу уже в первом году; стало быть, часть прибавочной стоимости, овеществленная в этих средствах существования, реализуется уже в первом году. Реализация другой части этой прибавочной стоимости происходит лишь в течение второго года, вместе с продажей этих средств существования крупными торговцами мелким и этими последними – рабочим. Поскольку это так, наша схема является точной картиной действительности» (1. с., стр. 868).

Здесь Бауэр дает нам по крайней мере осязаемый пример того, как он представляет себе реализацию прибавочной стоимости; будь это в первом или во втором году, она совершается тем самым, что производители продают средства существования оптовым торговцам, оптовые торговцы – мелким торговцам, а мелкие торговцы – «добавочным» рабочим. В конце концов теми, кто помогает капиталисту реализовать свою прибавочную стоимость, превратить ее в наличное золото, являются рабочие. «Поскольку это так», бауэровская схема является точным отражением горизонта отдельного капиталиста и его теоретического Санчи Панса – буржуазного вульгарного экономиста.

Для отдельного капиталиста, конечно, безразлично, кто является покупателем его товаров, рабочий или другой капиталист, соотечественник или иностранец, крестьянин или ремесленник. Отдельный капиталист кладет свою прибыль в карман независимо от того, кому он сбывает свои товары, и отдельный предприниматель, работающий в отрасли средств существования, прикарманивает себе прибыль при продаже своих товаров рабочим с таким же успехом, как предприниматель, производящий предметы роскоши, при продаже своих кружев, золотых изделий и бриллиантов прелестным дамам из «высшего десятка тысяч». Если однако Бауэр, сам того не замечая, переносит эту плоскую эмпирическую мудрость отдельного предпринимателя на совокупный капитал, если он не в состоянии отличить условий общественного воспроизводства от условий воспроизводства отдельного капитала, так зачем, спрашивается, Маркс написал второй том «Капитала»? Ведь суть марксовой теории воспроизводства и огромное значение «изумительного труда» Маркса, как выражается коллега Бауэра Гильфердинг, в том и состоят, что Маркс из хаоса противоречий и робких попыток Кенэ, Адама Смита и их позднейших вульгаризаторов первый с классической ясностью выделил фундаментальное разграничение между обеими категориями: между отдельным капиталом и совокупным общественным капиталом в их движении! Исследуем, хотя бы самыми простыми средствами, концепцию Бауэра с этой точки зрения.

Откуда рабочие берут деньги, при помощи которых они должны при покупке средств существования реализовать прибавочную стоимость капиталиста? Отдельному капиталисту нет никакого дела до того, откуда его «клиент» берет презренный металл, лишь бы он его только имел; ему все равно, подарен ли он, украден ли, или приобретен путем проституции. Для класса капиталистов в целом существует однако тот непоколебимый факт, что рабочие получают при продаже своей рабочей силы средства только от него, т. е. от самих капиталистов; они получают заработную плату, которой и покрывают свои жизненные потребности. Они получают заработную плату, как я указала выше, в соответствии условиями современного товарного производства в двояком виде: сперва в виде денег, а затем в виде товара, причем деньги все снова и снова возвращаются к своей исходной точке – к классу капиталистов. Это обращение переменного капитала целиком исчерпывает покупательную силу рабочих и их обмен с капиталистами. Стало быть, если рабочему классу даются средства существования, то это с о б щ е с т в е н н о й т о ч к и з р е н и я

отнодъ не означает, что капитал реализовал прибавочную стоимость; это означает только, что капиталисты поставили переменный капитал в товарах (в реальной заработной плате), причем они из истекшего периода получили в денежной форме собственный капитал в таком же размере. Эта так называемая реализация прибавочной стоимости, по рецепту Бауэра, состояла бы таким образом в том, что класс капиталистов все снова и снова обменивал бы часть нового капитала в товарной форме на равную часть собственного уже раньше усвоенного капитала в денежной форме! Класс капиталистов в действительности постоянно совершает эту сделку, так как он должен подчиняться печальной необходимости уделять рабочей силе часть совокупного продукта, чтобы заставить ее за это производить новую прибавочную стоимость в товарной форме. Но класс капиталистов никогда не воображал, что он посредством этой самой сделки «реализует» свою прежнюю прибавочную стоимость. Это открытие предоставлено было сделать Бауэру¹.

Впрочем и у самого Бауэра есть смутное представление о том, что превращение прибавочной стоимости в переменный капитал представляет собой все, что угодно, но не «реализацию прибавочной стоимости». Он, например, ни слова не говорит об этом, пока он рассматривает возобновление переменного капитала в прежнем масштабе. Этот кунштюк начинается только там, где речь заходит о «добавочных рабочих». Рабочие, которые уже много лет работают для капитала, получают просто заработную плату – сперва деньгами, а затем средствами существования – и производят за это прибавочную стоимость. Напротив того, рабочие, которые вновь привлекаются при расширении предприятия, делают еще нечто большее: они «реализуют» капиталисту его прибавочную стоимость, причем это выражается в том, что они на полученную от капиталиста денежную заработную плату покупают у того же самого капиталиста средства существования! Рабочие, вообще говоря, реализуют только для себя свой собственный товар – рабочую силу, и с них достаточно, что они производят для капитала прибавочную стоимость. Но если их назвать «добавочными» рабочими, то они должны делать для капитала двойное чудо: во-первых, производить в виде товаров прибавочную стоимость и, во-вторых, реализовать еще эту прибавочную стоимость в деньгах!

¹ Маленький «специалист» из «Dresdener Volkszeitung» (от 22 января 1913 г.) разрешил проблему накопления весьма своеобразно. «Каждая лишняя марка, – поучает он меня, – которую получает рабочий, создает новое приложение капитала для десяти и большего числа марок, так что борьба рабочих создает рынок для прибавочной стоимости, и накопление капитала становится возможным в собственной стране». Умно сказано, что и говорить! Если бы в будущем подобному «специалисту» пришло в голову в середине экономического исследования пропеть «кукареку», то и это было бы без просмотра напечатано в социал-демократическом органе. Ведь господа редакторы, в особенности те из них, которые получили академическое образование и только тем и заняты, что вращают колесо истории в залах заседаний и кулуарах парламентов, давно считают старомодным препровождением времени сидеть и читать теоретические книжки, чтобы составить себе известное суждение о всплывающих проблемах. Последнее оказывается удобнее свалить на первого встречного компилятора, который при помощи ножниц составляет экономические обзоры из английских, американских и иных статистических изданий.

Здесь мы счастливо подошли к элементарным понятиям процесса воспроизводства и вступили, так сказать, в область второго тома «Капитала». И ясно до очевидности, насколько Бауэр способен не только к толкованию второго тома Маркса, но даже к тому, чтобы «освободить» изложение Маркса от его противоречий и «произвольных элементов» и «дать для хода его мыслей подходящее выражение».

Бауэр венчает общую часть критики моей книги словами:

«Товарищ Люксембург думает, что товары, в которых воплощено $(a+b)$ ¹, должны быть проданы вне капиталистического мира, чтобы была возможна реализация овеществленной в них прибавочной стоимости. Но что же это за товары? Ведь это – те средства производства, которые нужны капиталистам для расширения их производственного аппарата, и те потребительные блага, которые употребляются на прокормление прироста рабочего населения». И Бауэр с изумлением восклицает против путаницы понятий, которую я вношу. «Если бы эти товары были выброшены за пределы капиталистического мира, то в следующем году вообще не было бы возможно никакое производство в расширенном масштабе; нельзя было бы произвести ни средств производства, необходимых для расширения производственного аппарата, ни средств существования, необходимых для прокормления возросшего количества рабочих. Исключение этой части прибавочного продукта из капиталистического рынка не только не сделало бы возможным накопление, как думает Роза Люксембург, напротив того, оно сделало бы невозможным всякое накопление». (1. с., стр. 868, подчеркнуто у Бауэра)

И далее, в конце статьи, Бауэр категорически заявляет: «Часть прибавочного продукта, воплощенная в накопленной части прибавочной стоимости, не может быть продана крестьянам или мелкой буржуазии колоний, потому что она нужна в своей капиталистической родине для расширения производственного аппарата» (1. с., стр. 873).

Всякое дыхание да хвалит господа! Что же сказать по поводу подобного представления и подобной критики? Мы вступили здесь уже в область экономической невинности; ведь это значит стоять на одном уровне с честнейшим фон-Кирхманом или с достопочтенным русским архипутанником Воронцовым. Бауэр вполне серьезно думает, что если капиталистические товары «выбрасываются» в некапиталистические слои и страны, то они попросту исчезают, как будто они были выброшены в море, и оставляют в капиталистическом хозяйстве зияющую брешь! Мудрствуя насчет марксовых схем, Бауэр в усердии не заметил того, что в настоящее время знает всякий ребенок, а именно, что если товары вывозятся, то они не уничтожаются, а о б м е н и в а ю т с я, и что на них, как правило, как раз у этих некапиталистических стран и слоев покупаются другие товары, которые служат для того, чтобы снова обеспечить капиталистическое хозяйство средствами производства и потребления! Он с пафосом характеризует как нечто в высшей степени губельное для капитала и как продукт

¹ Для обыкновенных смертных: те товары, в которых воплощена предназначенная для капитализации прибавочная стоимость. – Р. Л.

моей слепоты то, что является повседневной действительностью капитализма с его первого до последнего дня!

Поистине удивительные вещи! Английский капитализм с 20-х до 60-х годов XIX столетия непрерывно «выбрасывал» в тогда еще некапиталистическую северную и южную Америку собственные средства производства – уголь и железо – и при этом не только не погиб, а расширялся и расцветал, получая из той же Америки хлопок, сахар, рис, табак, а впоследствии и хлеб. Германский капитализм в настоящее время лихорадочно «выбрасывает» в некапиталистическую Турцию машины, железо, локомотивы и продукты текстильного производства и вместо того, чтобы погибнуть от этого, он, на против того, готов во всех четырех сторонах зажать мир, лишь бы монополизировать для себя в гораздо большем масштабе эти гибельные коммерческие дела. Чтобы создать себе возможность «выбрасывания» собственных капиталистических товаров в некапиталистический Китай, Англия и Франция в продолжение трех десятилетий вели кровавые войны в Восточной Азии, а объединенный капитал Европы на рубеже XX столетия предпринял против Китая международный крестовый поход. Да весь обмен с крестьянами и ремесленниками, т. е. с некапиталистическими производителями в самой Европе, происходит в каждой стране перед нашим носом, он является одним из повседневнейших явлений и в то же самое время, как всякому известно, одним из необходимейших условий существования капиталистической промышленности. И тут Отто Бауэр внезапно делает открытие: если бы капиталисты «выбрасывали» в некапиталистическую среду товары, которых они сами или их рабочие не потребляют, то никакое накопление не было бы возможно! Как будто, наоборот, капиталистическое производство было бы исторически возможно, если бы капиталу с самого начала были представлены исключительно те средства производства и потребления, которые им же произведены!

Так можно запутаться в пылу теоретического мудрствования! Для всего этого «компетентного» направления эпигонов марксизма как в теории, так и на практике характерно то, – и мы найдем этому в дальнейшем немало подтверждений, – что оно при своем углублении в абстрактную «схему» теряет всякое чувство действительности и чем бесстрашнее оно орудует в дебрях теории, тем беспомощнее оно спотыкается о самые быющие в глаза явления действительной жизни.

Мы покончили таким образом с прелиминарными положениями Бауэра и познакомились с его методами и приемами. Остается самое главное: его теория народонаселения.

2. «Всякое общество, численность населения которого возрастает, должно ежегодно расширять свой производственный аппарат. Эта необходимость будет существовать для социалистического общества, точно так же, как она существует для капиталистического общества настоящего, как она существовала для простого товарного производства или для крестьянского хозяйства прошлого, которое производило для своих собственных потребностей» (1. с., стр. 834).

Здесь бауэровское решение проблемы накопления дано в своей основе. Для накопления капитал нуждается во все возрастающем

сбыте, который делает возможным реализацию прибавочной стоимости. Откуда же появляется этот сбыт? Бауэр на это отвечает: ведь население капиталистического общества, как и население всякого другого общества, растет; отсюда возрастание спроса на товары, а этим дана основа для накопления вообще. «При капиталистическом способе производства существует тенденция к приспособлению накопления капитала к росту населения» (1. с., стр. 871). Исходя из этого положения, Бауэр последовательно выводит характерное движение капитала и формы этого движения.

Вначале мы имеем состояние равновесия между производством и народонаселением, т. е. ту среднюю линию, около которой колеблются конъюнктуры.

Бауэр делает примерное допущение, что население ежегодно возрастает на 5%.

«Чтобы равновесие не нарушилось, необходимо, следовательно, чтобы и переменный капитал возрастал ежегодно на 5%». Так как технический прогресс все снова и снова относительно повышает постоянную часть капитала (мертвые средства производства) за счет переменного (заработной платы за рабочую силу), то Бауэр с целью резко подчеркнуть это обстоятельство предполагает, что постоянный капитал возрастает в два раза быстрее переменного, т. е. на 10% ежегодно. На этой основе Бауэр строит те «безупречные» таблицы, с операциями которых мы уже знакомы и которые теперь интересуют нас исключительно только со стороны их экономического содержания. В этих таблицах Бауэр аккуратно находит приложение для всего общественного продукта и заключает:

«Расширение поля производства, образующее предпосылку накопления, дано здесь ростом населения» (1. с., стр. 869).

Существенным пунктом этого «состояния равновесия», при котором накопление протекает гладко, является таким образом условие, что переменный капитал растет так же быстро, как население. Остановимся на минутку на этом бауэровском основном законе накопления.

Население в его примере возрастает ежегодно на 5%; поэтому и переменный капитал должен возрастать на 5%. Но что же это означает?

Ведь «переменный капитал» является некоторой величиной стоимости, он представляет собою сумму выплаченной рабочим заработной платы, выраженную в известной сумме денег. Эта сумма денег может представлять собой самые различные количества средств потребления. Вообще говоря, в предположении всеобщего технического прогресса, т. е. возрастающей производительности труда, определенной массе средств потребления должна соответствовать относительно все меньшая сумма переменного капитала. Так что если население возрастает ежегодно на 5%, то переменный капитал, чтобы сделать возможным тот же самый уровень жизни, должен ежегодно возрастать, скажем, только на $4\frac{3}{4}\%$, $4\frac{1}{2}\%$, $4\frac{1}{4}\%$, 4% и т. д. А ведь Бауэр именно и предполагает всеобщий технический прогресс, так как он для его выражения принимает, что постоянный капитал растет в два раза быстрее переменного.

прогресса идет на пользу рабочему классу? По Марксу, производство «относительной прибавочной стоимости», повышение нормы эксплуатации посредством удешевления рабочей силы является для класса капиталистов как целого единственной объективной движущей силой для усиления технического прогресса в производстве и единственным подлинно объективным результатом, к которому бессознательно стремится конкурентная борьба между отдельными капиталами из-за сверхприбыли. Удивительное допущение Бауэра является таким образом чистойшей экономической невозможностью пока существует капитализм. Если предположить вместе с Бауэром технический прогресс, т. е. повышение производительности труда, то отсюда с очевидностью вытекает, что переменный капитал, сумма денежной заработной платы, никоим образом не может возрасть «в такой же пропорции», как население. Если население возрастает ежегодно на один и тот же процент, то переменный капитал возрастает лишь на постоянно убывающий процент; если население возрастает ежегодно на 5%, то переменный капитал возрастает, скажем, на $4\frac{5}{6}\%$, $4\frac{4}{5}\%$, $4\frac{3}{4}\%$, $4\frac{1}{2}\%$ и т. д. И наоборот: чтобы переменный капитал регулярно возрастал ежегодно на 5%, необходимо, чтобы население при быстром техническом прогрессе увеличивалось в возрастающей прогрессии, скажем, на $5\frac{1}{4}\%$, $5\frac{1}{2}\%$, $5\frac{3}{4}\%$, 6% и т. д.

Но этим самым построенный Бауэром закон «равновесия» распадается как карточный домик. Достаточно констатировать, что его «состояние равновесия», т. е. исходный пункт всей его теории накопления в его приспособлении к росту народонаселения, достигается при одном из следующих двух случаев, одинаково абсурдных с экономической точки зрения и противоречащих сущности капитализма и цели накопления: либо когда технический прогресс вообще не удешевляет товаров, либо когда это удешевление идет исключительно только на пользу рабочих, а не накопления!

Присмотримся немного к окружающей действительности. Допущение Бауэром 5-процентного ежегодного прироста населения является, конечно, лишь теоретическим примером. Он с таким же успехом мог бы взять 2% или 10%. Не безразличен однако действительный рост населения, к которому, по Бауэру, должно в точности приспособляться капиталистическое развитие. Ведь на этом основном положении покоится вся его теория накопления. Но что показывает нам действительный рост населения, например, в Германии?

Годовой прирост населения, по официальным статистическим данным, составлял здесь в среднем за 1816-1864 гг. 0,96%, за 1864-1910 гг. - 1,09%. Стало быть, в действительности прирост населения увеличивается с таким темпом, что годовой прирост почти за целое столетие, с 1816 до 1910 года, поднялся с 0,96% до 1,09%, на целых 0,13%. Или если мы обратимся лишь к периоду крупнокапиталистического развития Германии, то окажется, что ежегодный прирост населения составлял с 1871 г. по 1888 г. 1,08%, с 1880 г. по 1890 г. - 0,89%, с 1890 г. по 1900 г. - 1,31% и с 1900 г. по 1910 г. - 1,41%. Следовательно, и здесь увеличение ежегодного прироста населения на протяжении 40 лет выразилось в виде целой трети процента. Как это похоже на бешеный беспримерный темп роста германского капитализма в продолжение последней четверти века!

Еще более прелестные виды откроются нам, если мы рассмотрим другие капиталистические страны. По последним демографическим переписям ежегодный прирост населения составляет (в %).

Австро-Венгрия.....	0,87	Бельгия.....	1,03
Европейская Россия.....	1,37	Нидерланды.....	1,38
Италия.....	0,63	Англия с Шотландией и Ир-	
Румыния.....	1,50	ландией.....	0,87
Сербия.....	1,60	САСШ.....	1,90
Франция.....	0,18		

Итак, как абсолютные числа прироста населения, так и сравнение различных стран между собой дают с точки зрения бауэровского воображаемого базиса накопления капитала удивительные результаты. Чтобы шутки ради, найти в действительности подтверждение бауэровской гипотезе о 5-процентном приросте населения, нам пришлось бы уже съездить в страны с более жарким климатом, например, в Нигерию, на Зондский архипелаг. Ежегодный прирост населения составляет по последним переписям (в %):

Уругвай.....	3,77
Британские малайские государства.....	4,18
Южная Нигерия.....	5,55
Северное Борнео.....	6,36
Гонконг.....	7,84

Как жаль, что столь сочные пастбища, как бы нарочно рассчитанные на накопление капитала, манят нас там, где еще нет никакого капиталистического производства, и что эти перспективы столь печально превращаются в высохшие луга по мере нашего приближения к коренным капиталистическим странам.

Рассмотрим теперь вопрос несколько подробнее. Накопление капитала, – говорит Бауэр, – зависит от роста населения, оно в точности к нему приспособляется. Как, например, обстоит дело во Франции? Здесь прирост населения постепенно сокращается; по последней переписи он составляет лишь 0,18%; прирост населения таким образом медленно приближается к нулю и, быть может, что оно идет к сокращению. Однако несмотря на стационарное население, капитал во Франции продолжает накапливаться с таким успехом, что Франция может снабжать резервами своих капиталов чуть ли не весь мир. В Сербии мы видим вдвое более быстрый прирост населения, чем в Англии, но капитал, как известно, накапливается в Англии гораздо сильнее, чем в Сербии. Как все это согласовать?

Ответ на это сомнение, очевидно, указывает только на нашу собственную путаницу в понятиях: теория Бауэра относится отнюдь не к какой-нибудь отдельной стране с ее населением, она имеет в виду народонаселение вообще. Следовательно, нужно рассматривать прирост человечества в целом. Превосходно. Но тогда возникают еще более удивительные загадки.

Ведь совершенно ясно, что ежегодный прирост «человечества» может иметь значение для капиталистического накопления лишь постольку, поскольку это человечество выступает в качестве потребителя, т. е. покупателя капиталистических товаров. Не подлежит никакому сомнению, что отрядное явление быстрого прироста населения в Южной Нигерии и на Северном Борнео пока что играет для

капитала весьма малую роль как базис для накопления. Но может быть, расширение круга покупателей капиталистических товаров находится в какой-нибудь связи с естественным приростом населения? Ясно во всяком случае одно: если бы капитал со своими перспективами на увеличение круга своих первоначальных покупателей дожидался их естественного размножения, то он, по всей вероятности, еще до настоящего времени лежал бы в пеленках мануфактурного периода, а быть может, и до этого не дошел бы. В действительности капиталу и во сне не приходит мысль дожидаться этого. Напротив, он для расширения базиса накопления прибегает к другим, более сокращенным методам: он при помощи всех средств политического насилия атакует, во-первых, натуральное хозяйство и, во-вторых, простое товарное производство, чтобы в результате последовательного разрушения того и другого создавать во всех частях света все новые круги покупателей его товаров. Но все эти методы самым неожиданным образом перекрещиваются с приростом населения соответствующих стран и народов.

Так, круг покупателей товаров может расширяться в то время, когда численность населения с о к р а щ а е т с я. На деле капиталистический метод создания мирового рынка идет рука об руку с нападением на первобытное натуральное хозяйство, сопровождаемым убийствами и даже истреблением целых племен. Этот процесс сопровождает капиталистическое развитие, начиная с открытия Америки и вплоть до наших дней: стоит только вспомнить испанцев в Мексике и Перу в XVI веке, англичан в Северной Америке в XVII и в Австралии в XVIII веке, голландцев на Малайском архипелаге, французов в Северной Африке, англичан в Индии в XIX веке и немцев в Южной Африке в XX веке. Войны европейского капитала за «открытие» Китая также приводили к периодическим массовым истреблениям китайского населения, а стало быть к неизбежному замедлению в естественном росте его населения.

В то время как расширение базиса капиталистического накопления в некапиталистических странах сопровождается частичным истреблением населения, оно в старых капиталистических странах сопровождается иного рода изменениями в естественном приросте населения.

В обоих факторах прироста населения, в рождаемости и в смертности, мы во всех капиталистических странах наблюдаем две противоположные тенденции. Число рождений повсюду показывает устойчивое падение. Так, в Германии число рождений на 1 000 жителей составляло: за 1876-1880 гг. – 40,7, за 1881-1890 гг. – 38,2, за 1891-1900 гг. – 37,3, за 1901-1910 гг. – 33,9, в 1911 г. – 29,5, в 1912 г. – 29,1. Эта тенденция ясно выступает при сравнении высокоразвитых капиталистических стран со странами отсталыми. На 1 000 жителей рождалось (в 1911 или 1912 г.) в Германии – 28,3, в Англии – 23,8, в Бельгии – 22,6, во Франции – 19,0, в Португалии – 39,5, в Боснии и Герцеговине – 40,3, в Болгарии – 40,6, в Румынии – 43,4, в России – 46,8. Все статистики, социологи и врачи ставят это явление в зависимость от влияния жизни больших городов, фабричной промышленности, необеспеченности существования, подъема культуры и т. п., словом, – в зависимость от капиталистической культуры.

Но в то же самое время современное развитие науки и техники и тот же культурный подъем дают методы для успешной борьбы со смертностью. Так, в Германии на 1 000 жителей приходилось ежегодно смертных случаев за 1871-1888 гг. – 28,8, за 1881-1890 гг. – 26,5, за 1891-1900 гг. – 23,5, за 1901-1910 гг. – 19,7, в 1911 г. – 18,2, в 1912 г. – 16,4. Ту же картину, что и раньше, мы получим при сравнении высокоразвитых капиталистических стран с отсталыми. Число смертных случаев на 1 000 жителей составляло (в 1911 или 1912 г.) во Франции – 17,5, в Германии – 15,6, в Бельгии – 14,8, в Англии – 13,3, в России – 29,8, в Боснии и Герцеговине – 26,1, в Румынии – 22,9, в Португалии – 22,5, в Болгарии – 21,8.

В зависимости от того, какой из обоих факторов влияет сильнее, прирост населения происходит медленнее или быстрее. Во всяком случае именно развитие капитализма с сопровождающими его экономическими, социальными, материальными и духовными явлениями, именно накопление капитала влияет на прирост населения и определяет его, а не наоборот. Во всяком случае влияние капиталистического развития на движение населения можно вообще констатировать в том смысле, что оно в той или иной мере, но все же безусловно, вызывает замедление в приросте населения. Гонконг и Борнео по сравнению с Германией и Англией, Сербия и Румыния по сравнению с Францией и Италией говорят за это достаточно ясно.

Из всего этого вытекает с полной ясностью, что теория Бауэра ставит на голову действительные отношения. Приспосабливая в своих схематических построениях накопление капитала к естественному приросту населения, Бауэр и здесь совершенно упустил из виду тот повседневный, общеизвестный факт реальной действительности, что капитал моделирует население; он то истребляет его, то ускоряет, то замедляет его рост во всех случаях с одним и тем же конечным результатом: чем быстрее идет накопление, тем медленнее рост населения.

Великолепное *qui pro quo* для исторического материалиста, который забывает оглянуться немного на окружающую действительность, чтобы спросить себя: а от чего же зависит самый прирост населения, от которого якобы зависит накопление капитала? Фридрих Альбер Ланге говорит между прочим в своей «Истории материализма» следующее: «Мы еще до настоящего времени имеем в Германии так называемых философов, которые, упорствуя в своего рода метафизической глупости, пишут длинные сочинения об образовании представлений и притом еще с претензией на «точное рассмотрение посредством внутреннего смысла», не задумываясь над тем, что, может быть, в их собственном доме есть детские, в которых они собственными глазами и ушами могли бы наблюдать по крайней мере симптомы образования представлений».

Имеются ли еще теперь подобные философы в Германии, я не знаю, но вид «метафизической глупости», который собирается точными схематическими вычислениями посредством «внутреннего смысла» разрешить общественную проблему, забывая при этом глаза, уши, весь мир и детскую комнату, кажется, нашел в лице «специалистов»

официального марксизма призванных «наследников классической немецкой философии».

3. Но мы найдем у Бауэра еще лучшие перлы. Мы рассматривали до сих пор экономические условия прироста населения, потому что Бауэр вообразил будто он, исходя из этого роста, обосновал свою теорию накопления. В действительности его теория имеет другой базис. Говоря о «народонаселении» и о «росте народонаселения», он в действительности имеет в виду капиталистический класс наемных рабочих и только его!

Чтобы доказать это, достаточно привести следующие места: «Мы предполагаем, что население ежегодно увеличивается на 5%. Для сохранения равновесия (между производством и общественными потребностями) необходимо, чтобы и переменный капитал (т. е. сумма выплаченной заработной платы) увеличивался ежегодно на 5%» (I. с., стр. 835).

Если потребление населения, на которое рассчитано производство, равно переменному капиталу, т. е. сумме выплаченной заработной платы, то под этим «населением» можно подразумевать только рабочих. Но и сам Бауэр формулирует это вполне отчетливо:

«Увеличение переменного капитала (т. е. суммы заработной платы) выражает производство средств существования для прироста народонаселения» (I. с., стр. 834). И в еще более категорической форме в цитированном уже мною месте: «Наша схема предполагает, во-первых, что количество рабочих возрастает ежегодно на 5%, во-вторых, что переменный капитал возрастает в такой же пропорции, как и количество рабочих, и, в-третьих, что постоянный капитал (т. е. издержки на мертвые средства производства) растет настолько быстрее переменного, насколько этого требует технический прогресс.

При этих предпосылках нет ничего удивительного, что в реализации прибавочной стоимости не возникает никаких затруднений» (I. с., стр. 869).

Надо заметить, что согласно предпосылкам Бауэра в обществе вообще существуют только два класса: рабочие и капиталисты. «Так как в обществе, – говорит он, например, несколькими строками дальше, – состоящем только из капиталистов и рабочих, безработные пролетарии не имеют никакого другого дохода, кроме заработной платы», и т. д. (I. с., стр. 869). Это допущение тоже не простая случайность, напротив того, оно имеет решающее значение для позиции Бауэра по отношению к проблеме: ведь ему подобно другим «специалистам» нужно в противовес мне доказать, что накопление возможно и гладко протекает соответственно схеме и в обществе, знающем исключительно только капиталистическое производство и состоящем лишь из капиталистов и рабочих. Таким образом, в теории Бауэра существует только два общественных класса: капиталисты и пролетарии. Но накопление капитала в своем росте держит курс только на класс пролетариев. Следовательно, Бауэр при помощи своих предпосылок сперва сводит все население только к капиталистам и рабочим, а затем при помощи своих операций молчаливо сводит его только к рабочим. Именно они составляют, по Бауэру, то «население», к потребностям которого приспособ-

ляется капитал. Поэтому если Бауэр в качестве базиса своих схематических представлений берет пятипроцентный ежегодный «прирост населения», то под этим нужно понимать, что рабочее население возрастает ежегодно на 5%. Или, быть может, мы этот рост пролетарского слоя должны понимать как частичное проявление общего равномерного ежегодного прироста на 5% всего населения? Но это было бы совершенно новым открытием после того как Маркс теоретически обосновал, а статистика профессий доказала, что в современном обществе каждый класс следует своему собственному закону народонаселения.

В действительности и Бауэр не думает о равномерном росте всего населения. Для его капиталистов это во всяком случае не имеет силы; их ежегодный прирост, как легко сказать, совсем не равняется 5 процентам.

На странице 835 Бауэр берет в качестве потребительного фонда капиталистов за четыре года, следующих один за другим, следующие цифры: 75 000, 77 750, 80 539 и 83 374. Если Бауэр допускает, что заработная плата рабочих возрастает в такой же пропорции, то мы должны допустить, что с жизненным уровнем капиталистов дело обстоит по крайней мере не хуже, чем с жизненным уровнем рабочих, и что доходы, предназначенные для их потребления, возрастают с такой же быстротой, как их численность. Но если это так, то в схемах Бауэра на основании размеров потребления капиталистов в продолжение четырех лет получается следующий годовой прирост капиталистов: 5% во втором году, 3,6% в третьем и 3,5% в четвертом. Если бы дело продолжалось дальше в том же духе, то бауэровские капиталисты скоро начали бы вымирать, и тогда проблема накопления была бы разрешена весьма своеобразным способом. Впрочем нас здесь не касается вопрос о судьбах отдельных бауэровских капиталистов, нам важно только установить, что Бауэр, говоря постоянно о приросте населения, как об основе накопления, постоянно имеет в виду прирост класса наемных рабочих.

И, наконец, Бауэр, на стр. 869 совершенно откровенно заявляет следующее: «Ее возрастание (т. е. возрастание нормы накопления) должно идти по этому пути до тех пор пока снованевостановится равновесие между ростом переменного капитала и ростом населения». За этим на стр. 870 следует пояснение: «Под давлением промышленной резервной армии норма прибавочной стоимости, а вместе с ней общественная норма накопления возрастают до тех пор, пока последняя не будет достаточно велика, чтобы, несмотря на возрастание органического состава, увеличить переменный капитал столь же быстро, как и рабочее население. Когда это имеет место, промышленная резервная армия рассасывается, и равновесие между накоплением и ростом населения снова восстанавливается». Столь же отчетливо то же самое, как общее правило, повторяется еще раз на стр. 871: «В капиталистическом обществе существует тенденция к приспособлению накопления капитала к росту населения. Это приспособление достигается лишь только переменный капитал (т. е. заработная плата) увеличи-

вается столь же быстро, как рабочее население, а постоянный капитал настолько быстрее, насколько этого требует развитие производительных сил».

Наконец, быть может, в самой лапидарной форме то же самое высказано в конце статьи Бауэра, где он резюмирует ее содержание: «Прежде всего накопление (в изолированном капиталистическом обществе, лежащем в основе его схемы) ограничено ростом рабочего населения... Так как величина накопления при данном органическом составе капитала определена ростом наличного рабочего населения и т. д.» (I.e., стр. 873).

Итак, ясно как день: под видимостью приспособления накопления капитала к приросту населения Бауэр заставляет капитал ориентироваться исключительно лишь на рабочий класс и на его естественный прирост. Мы говорим определенно: на его естественный прирост, потому что в бауэровском обществе, не знающем никаких промежуточных классов и состоящем только из капиталистов и пролетариев, рекрутирование пролетариата из мелкобуржуазных и крестьянских слоев наперед исключается, а потому естественный прирост является единственным методом увеличения его численности. Именно это приспособление к пролетарскому населению Бауэр считает к тому же центральной осью капиталистической смены конъюнктур. Исходя из этого, мы должны проверить его теорию.

Мы видели, что равновесие общественного производства и потребления достигается тогда, когда переменный капитал, т. е. часть капитала, предназначенная для заработной платы, растет с такой же быстротой, как рабочее население. Но у капиталистического производства есть механическое устремление все снова и снова выходить из состояния равновесия то в одну сторону, сторону «недонакопления», то в другую сторону, в сторону «перенакопления». Рассмотрим сперва первое движение этой качели.

Если первоначальная «норма накопления» слишком мала, т. е. если капиталисты откладывают недостаточно нового капитала для применения его к производству, «то рост переменного капитала, – говорит Бауэр, – отстает от увеличения ищущего работы населения. Состояние, которое наступает при этом, мы можем назвать состоянием недонакопления» (I. c., стр. 869). И Бауэр ближе описывает это состояние. Первым результатом недонакопления является, по его мнению, образование промышленной резервной армии. Часть прироста населения остается без работы. Безработные пролетарии давят на заработную плату имеющих работу, заработная плата падает, и норма прибавочной стоимости возрастает. «Так как в обществе, состоящем только из капиталистов и рабочих, безработные пролетарии не могут найти никакого другого дохода кроме дохода от заработной платы, то заработная плата должна до тех пор понижаться, а норма прибавочной стоимости до тех пор повышаться, пока все рабочее население, невзирая на относительно сократившийся переменный капитал, найдет себе работу. Наступающее вследствие этого изменение в распределении стоимости, воплощенной в продуктах, вызвано тем фактом, что наряду с возрастанием органического состава капи-

тала, в котором находит свое выражение технический прогресс, стоимость рабочей силы понизилась, и образовалась потому относительная прибавочная стоимость. Этот прирост прибавочной стоимости дает капиталистам свежий фонд для нового усиленного накопления, а тем самым и повод для нового оживленного спроса на рабочую силу. «Возрастает, следовательно, и масса прибавочной стоимости, которая идет на увеличение переменного капитала». Его увеличение этим путем должно продолжаться до тех пор «пока снова не восстановится равновесие между ростом переменного капитала и ростом населения» (1. с., стр. 869). Так мы от недонакопления снова приходим к равновесию. Мы описали здесь одну половину маятникообразного колебания капитала около линии экономического равновесия. Остановимся на этом первом акте представления несколько подробнее.

Состояние равновесия, – вспомним об этом еще раз, – означает, что спрос на рабочую силу и рост пролетарского населения друг друга уравновешивают, т. е. что весь рабочий класс в целом и его естественный прирост находят себе дорогу. Но вот производство выводится из этого состояния равновесия, спрос на труд отстает от роста пролетариата. Чем вызывается это нарушение равновесия? Что вызывает это первое отклонение маятника от средней точки состояния равновесия? Обыкновенному смертному, конечно, очень нелегко ответить на эти вопросы, исходя из приведенной выше ученой тарабарщины Бауэра. К счастью, он приходит на помощь нашей немощности в несколько менее темных выражениях на следующей же странице, где он говорит: «Прогресс к более высокому органическому составу капитала все снова и олова вызывает недонакопление» (1. с., стр. 870).

Это по крайней мере коротко и ясно. Итак, не что иное, как технический прогресс, обуславливает вытеснение живой рабочей силы машинами и тем самым вызывает периодически относительное замедление спроса на рабочих, образование промышленной резервной армии, падение заработной платы, словом, состояние «недонакопления».

Устроим Бауэру очную ставку с Марксом.

1) При недонакоплении, – говорит Бауэр, – «стоимость рабочей силы падает», и вследствие этого «образуется относительная прибавочная стоимость», которая служит для нового фонда накопления. Но позвольте! Если благодаря применению машин «часть прироста населения остается без работы», а «заработная плата падает» вследствие давления этих безработных, то это отнюдь не означает, что «стоимость рабочей силы падает»; это означает только, что цена товара – рабочая сила (денежная заработная плата) – падает вследствие чрезмерного предложения ниже его стоимости (т. е. ниже уже достигнутого рабочими культурного уровня жизни). Но относительная прибавочная стоимость возникает, по Марксу, не вследствие падения заработной платы ниже стоимости рабочей силы как результата сократившегося спроса на рабочих, а при том ясном предположении, – и Маркс повторяет это в первом томе «Капиала» несметное число раз, – что цена рабочей силы, т. е. заработная плата равняется ее стоимости, другими словами, что спрос и предложение рабочей силы уравновешивают друг друга. По Марксу, при этой предпосылке от-

носительная прибавочная стоимость возникает вследствие удешевления издержек содержания рабочей силы, т. е. вследствие того фактора, который Бауэр-то и исключает, когда он, как мы видели, для равновесия признает безусловно необходимой «точную пропорциональность в росте переменного капитала и рабочего населения». Выражаясь проще, образование нового капитала, за счет которого Бауэр хочет питать будущее накопление, на самом деле выводится им под видом «относительной прибавочной стоимости» из понижения заработной платы, которая навязывается рабочим понижательной конъюнктурой.

2) Заработная плата должна «непрерывно падать, пока все рабочее население не найдет себе работы». Что же это за удивительный экономический закон для движения заработной платы? Мы наблюдаем здесь оригинальное явление: чем ниже падает заработная плата, тем большее число рабочих находит себе работу. При наиболее низком падении заработной платы вся резервная армия рассасывается! На грешной земле, на которой мы живем, происходит как раз наоборот: падение заработной платы идет в ногу с возрастанием безработицы, повышение заработной платы – с увеличением спроса на рабочую силу. При низком уровне заработной платы промышленная резервная армия достигает обычно наибольшей величины, при наивысшем уровне заработной платы она в большей или меньшей мере рассасывается.

Но в бауэровской схеме есть еще более замечательные вещи.

Из юдоли недонакопления капиталистического производства выбирается при помощи простого и в то же время жестокого средства: глубокое падение заработной платы помогает капиталистам делать новые сбережения (которые Бауэр вследствие маленького непонимания первого тома «Капитала» Маркса называет «относительной прибавочной стоимостью»), а тем самым они ведь опять находят новый фонд для приложения капитала, для расширения производства и для оживления спроса на рабочую силу. Мы опять-таки очутились не на грешной земле, а не луне бауэровского «общества». Выходит, что капитал в наше время, прежде чем рискнуть на новые затраты и на новые предприятия, нуждается в том, чтобы сколотить себе пару грошей на всеобщем падении заработной платы! Он сперва должен был бы ждать всеобщего и длительного падения заработной платы до крайней границы, чтобы этим путем получить для расширения производства необходимый новый капитал! На воображаемой бауэровской луне, где капитализм достиг наивысшей ступени развития, где он разложил все промежуточные слои и превратил все население исключительно только в капиталистов и пролетариев, в этом обществе все-таки нет никаких запасов капитала; оно живет еще, перебиваясь изо дня в день, совсем как во времена «доброе д-ра Айкина» в Англии XVI столетия. В этом обществе, разумеется, нет еще никаких банков, которые здесь, на земле, давно уже хранят огромные накопленные капиталы и только дожидаются возможности, чтобы при к а к о й у г о д н о высоте заработной платы броситься в производство Лихорадочное накопление в самом широком масштабе, которое как раз теперь началось во всех воюющих и нейтральных государствах чтобы в условиях сильнейшего повышения промышленной заработ-

ной платы поспешно собрать на складах барышников кровавую жатву мировой войны, является самой поразительной сатирой на чахоточный капитализм бауэровской фантазии, который только благодаря периодическому всеобщему понижению жизненного уровня рабочих до уровня глубочайшей нужды может набраться жиру, чтобы снова решиться на накопление! Недаром Бауэр, описывая вновь достигнутое состояние «равновесия», еще раз подчеркивает: «Под давлением промышленной резервной армии норма прибавочной стоимости, а вместе с ней и общественная норма накопления возрастают до тех пор, пока последняя не будет достаточно велика, чтобы несмотря на возрастание органического состава, переменный капитал увеличивался столь же быстро, как рабочее население. Когда это имеет место, промышленная резервная армия рассасывается (*nota bene*: уже во второй раз, потому что один раз она уже рассосалась при низшем уровне заработной платы, т. е. при состоянии наиболее сильного «недонакопления!»), и равновесие между накоплением и ростом населения снова восстанавливается» (I. с., стр. 870).

За этим вновь достигнутым положением «равновесия» немедленно следует второе отклонение маятника в другую сторону, в сторону «перенакопления». Этот процесс описан Бауэром необыкновенно ловко.

«Если общественная норма накопления возрастает (благодаря известному нам понижению заработной платы! – Р. Л.), то она в конце концов достигает такого пункта, когда переменный капитал растет быстрее народонаселения. Состояние, которое в этом случае наступает, мы называем состоянием перенакопления».

Этими двумя строками вопрос исчерпывается, больше Бауэр на возникновении перенакопления не останавливается. Если он по отношению к «недонакоплению» по крайней мере указал нам на осязаемый факт, именно на технический прогресс как на побудительную силу, все снова и снова вызывающую это явление, то он по отношению к противоположному колебанию маятника предоставляет дело целиком нашему собственному, недостаточному на сей раз, остроумию. Мы узнаем только то, что возрастающая норма накопления (т. е. образование капитала, который можно вкладывать в предприятия) «в конце концов» достигает такой точки, когда спрос на рабочую силу превышает ее предложение. Но почему она «в конце концов» должна достигнуть этой точки? Может быть, – по физическому закону инерции, потому что она уже находится в состоянии повышения. Но припомним, отчего происходит это повышение? Под давлением безработицы заработная плата, как общее явление, падает. Из этого падения заработной платы получился прирост свободного капитала. Этот прирост может во всяком случае продолжаться лишь до тех пор, пока все безработные не нашли себе работы, а ведь это происходит в замечательном бауэровском обществе при самом низком уровне заработной платы. Но лишь только все рабочее население находит работу, заработная плата даже в этом замечательном обществе перестает падать; более того, она подобно тому, как это происходит на нашей грешной земле, начинает постепенно повышаться. Но лишь только заработная плата снова начинает подниматься, «норма накоп-

ления», которую Бауэр черпает только из этого источника, немедленно должна перестать подниматься, и образование нового капитала должно со своей стороны сокращаться. Итак спрашивается, каким образом она может беспрестанно продолжать увеличиваться, чтобы «в конце концов» достигнуть пункта «перенакопления», раз все безработные уже получили работу. Мы напрасно ждем ответа.

3) Если мы остались непросвещенными на счет возникновения перенакопления, то не лучшая судьба постигает нас по отношению к последнему акту представления, к процессу, посредством которого перенакопление со своей стороны преодолевается и возвращается к средней точке состояния равновесия.

«Если норма накопления слишком велика (разумеется, только по отношению к наличному количеству рабочих и его росту! – Р. Л.), то резервная армия быстро рассасывается (что с ней, следовательно, происходит уже в третий раз), заработная плата подымается, а норма прибавочной стоимости падает». Благодаря этому норма прибыли падает еще быстрее, чем это происходило бы и без этого, в результате возрастающего органического состава капитала. В итоге всего этого получается «опустошительный кризис с бездействием колоссальных капиталов, с массовым разрушением ценностей и резким падением нормы прибыли». Теперь накопление опять замедляется, «рост переменного капитала опять отстает от роста накопления» (I. с., стр. 871), и мы опять падаем в бездну уже известного нам «недонакопления».

Но почему у Бауэра, «опустошительные кризисы» вспыхивают при наивысшем пункте перенакопления? Ведь перенакопление означает у Бауэра не что иное, как то, что переменный капитал растет быстрее, чем народонаселение. Попросту говоря, это означает, что спрос на рабочую силу перегоняет предложение рынка труда. И от этого должен вспыхнуть современный торгово-промышленный кризис? Бауэр прибегает здесь к цитате из Гильфердинга, которая должна некоторым образом заменить собой объяснение возникновения кризиса. Эта цитата гласит: «Кризис наступает в тот момент, когда только что описанные тенденции к понижению нормы прибыли одерживают победу над тенденциями, которые приводили к повышению цены и прибыли вследствие возрастания спроса». Однако не говоря уже о том, что эта цитата из Гильфердинга ничего не может объяснить у Бауэра, потому что она сама дает не объяснение, а лишь описание кризиса в более неуклюжих словах, – это предложение, вкрапленное в бауэровские рассуждения, подходит к ним примерно так же, как корове седло.

Ведь у Бауэра во всем его изложении не существует ни падающего, ни возрастающего «спроса» на товары, который мог бы вызвать «повышение цены и прибыли». У Бауэра есть только пляска двух фигур: переменного капитала и пролетариата («народонаселения»). Все движение накопления, центральная ось его «равновесия», его колебания вокруг этой оси – все это является лишь результатом взаимоотношения обоих указанных факторов: переменного капитала и рабочего населения. О спросе на товары, о сбыте товаров и его трудностях у Бауэра и речи нет, он не говорит об этом ни слова. Соответственно с этим перенакопление, по Бауэру, состоит не в чем другом,

как

в

избытке переменного капитала т. е. в избытке спроса на рабочих по сравнению с их естественным приростом. Это единственный «спрос», который Бауэр все время принимает во внимание. И отсюда должен возникнуть кризис и притом еще «опустошительный»? Такой кунштштюк надо еще показать!

Правда, на грешной земле, на которой мы живем, возникновение кризиса следует за конъюнктурой, при которой спрос на рабочих достигает высших пределов, а заработная плата возрастает. Но на земле это явление не причина кризиса, а лишь его «буревестник», как выражается Маркс во втором томе «Капитала», лишь с о п у т с т в у ю щ е е я в л е н и е других факторов, а именно соотношения между п р о и з в о д с т в о м и р ы н к о м с б ы т а.

Какими бы более глубокими зависимостями ни пытались теоретически объяснить современные периодические торговые кризисы, во всяком случае ясно для всех, что они в реальной действительности возникают из несоответствия между производством, т. е. предложением товаров, и сбытом, т. е. спросом на товары. У Бауэра, для которого вопроса о сбыте товаров вовсе не существует, периодические кризисы возникают из несоответствия между спросом на рабочую силу и естественным размножением рабочих!! «Опустошительный кризис» возникает оттого, что рабочие размножаются не так быстро, как возрастает спрос со стороны капитала! Периодический недостаток рабочих как единственная причина торговых кризисов разве это – не одно из самых неожиданных открытий политической экономии не только со времени Маркса, но и со времени Вильяма Петти, и разве это не достойный венец всех других замечательных законов, которые управляют в бауэровском неземном обществе накоплением капитала и сменой конъюнктур?

Теперь мы знаем движение капитала во всех его фазах. Бауэр характеризует их в целом следующим заключительным аккордом:

«Итак, капиталистический способ производства в самом себе носит механизм, который согласовывает накопление, отстающее от роста населения (он хочет сказать: от роста рабочего населения), с этим ростом» (I. с., стр. 870). И еще раз – подчеркиванием:

«Если рассматривать капиталистическое мировое хозяйство как целое, то тенденция к согласованию накопления с ростом населения (он хочет сказать: с ростом рабочего населения) проявляется в промышленном цикле. Высокая конъюнктура есть перенакопление. Она сама себя уничтожает в кризисе. Следующая за ним депрессия есть время недонакопления. Она сама себя уничтожает тем, что создает условия для возврата к высокой конъюнктуре. Периодическое возвращение расцвета, кризиса и депрессии является эмпирическим выражением того факта, что механизм капиталистического производства самостоятельно уничтожает перенакопление и недостаточное накопление, все снова и снова приспособляет накопление капитала к росту населения» (он хочет сказать: рабочего населения) (I. с., стр. 872, все подчеркнуто у Бауэра).

Теперь уже не может быть никаких недоразумений. Бауэровский механизм состоит, попросту говоря, в том, что в центре капиталистического мирового хозяйства стоит рабочий класс. Он и его естественный прирост составляют ту данную величину, ту ось, вокруг которой вращается хозяйственная жизнь. Вокруг этой оси колеблется переменный капитал (а вместе с ним и постоянный в пропорции, требуемой техникой). То наличный капитал слишком мал, чтобы предоставить работу всем пролетариям, – тогда он при помощи низкой заработной платы выколачивает некоторое приращение; то он слишком велик, чтобы найти достаточное количество рабочих, – тогда он отчасти уничтожает себя в процессе кризиса. Во всех случаях все движение современного производства и его смена конъюнктур являются лишь вечной тенденцией капитала приспособиться по величине к численности пролетариев и к их естественному приросту.

Такова квинт-эссенция бауэровского «механизма», его запутанных таблиц, арифметических кунштюков и его объяснений к ним.

Более или менее марксистски образованный читатель, вероятно, уже предчувствует, какое великое открытие по отношению к основному закону капиталистического хозяйства кроется в этой бауэровской теории накопления. Но прежде чем оценить это открытие во всем его блеске, нам нужно еще посмотреть, с какой легкостью Бауэр, исходя из своего вновь открытого центра тяжести, объясняет все частные явления капиталистического мирового хозяйства.

Со сменой конъюнктур, т. е. колебаниями капитала во времени, мы уже знакомы. Остается еще смена конъюнктур в пространстве:

«Тенденция к согласованию накопления с ростом населения (он хочет сказать: с ростом рабочего населения) господствует над международными отношениями. Страны с длительным перенакоплением прилагают большую и все возрастающую часть накапливаемой в каждом году прибавочной стоимости за границей. Таковы, например, Франция и Англия (надо полагать и Германия! – Р. Л.). Страны с длительным недонакоплением привлекают к себе капитал из-за границы и снабжают последнюю рабочей силой.

Таковы, аграрные страны восточной Европы» (1. с., стр. 871).

Как все это замечательно согласуется! Как все это кратко и ясно! Так и видишь перед собой самодовольную улыбку, с которой Бауэр при помощи своего вновь изобретенного основного закона разрешил самые запутанные проблемы как детскую игру. Попытаемся оценить его приемы несколькими легкими прикосновениями критики.

Итак, есть страны с «длительным перенакоплением» и страны с «длительным недонакоплением». Что такое «перенакопление» и что такое «недонакопление»? Ответ на эти вопросы мы находим на следующей же странице. «Расцвет есть перенакопление... Депрессия есть период недонакопления». Соответственно этому есть страны с длительным расцветом, – таковы Франция, Англия и Германия! – и страны с длительной депрессией, – таковы аграрные страны восточной Европы! Удивительно, не правда ли?

Вторая проверка. Что является причиной недонакопления? Ответ на этот вопрос мы находим на предыдущей странице: «Прогресс к более высокому органическому составу (или попросту, технический прогресс) все снова и снова вызывает недонакопление». Соответственно

этому страны с постоянным недонакоплением должны быть странами, в которых технический прогресс действует с наибольшим постоянством и энергией, – таковы «аграрные страны восточной Европы». Странами с длительным перенакоплением должны быть страны с наиболее медленным и слабым техническим прогрессом, – таковы Франция, Англия, Германия.

Чудесно, не правда ли?

Венцом здания выступают явным образом Североамериканские соединенные штаты, которым удастся в о д н о и т о ж е в р е м я быть страной с «длительным перенакоплением» и с «длительным недонакоплением», с наиболее энергичным техническим прогрессом и с наиболее медленным техническим прогрессом, с длительным расцветом и с длительной депрессией, ибо Соединенные штаты, – о, диво, – о д н о в р е м е н н о и «постоянно» привлекают к себе из других стран как капитал, так и рабочую силу!..

4) Сопоставим бауэровский механизм с тем, что мы находим у Маркса.

Квинт-эссенция теории Бауэра состоит в тенденции приспособления капитала к росту наличного рабочего населения и к его приросту. Ведь перенакопление означает у Бауэра, что капитал растет слишком быстро по сравнению с пролетариатом; недонакопление, – что он растет слишком медленно по сравнению с ним. Избыток капитала и недостаток рабочей силы, недостаток капитала и избыток рабочей силы – таковы оба полюса накопления в бауэровском «механизме». Что же мы видим у Маркса?

Бауэр среди своих рассуждений вплетает цитату из третьего тома «Капитала» Маркса, в которой речь идет о «перенакоплении», и этим создается иллюзия, что бауэровская теория является лишь «безупречным» разъяснением концепции Маркса. Так, Бауэр, подошедши к своему состоянию «перенакопления», заявляет: «Маркс описывает состояние перенакопления следующим образом»:

«Следовательно, если бы капитал возрос по сравнению с рабочим населением настолько, что нельзя было бы ни удлинить абсолютное рабочее время, доставляемое этим населением, ни расширить относительное прибавочное время (последнее помимо того было бы невыполнимо при таких обстоятельствах, когда спрос на труд столь значителен, следовательно, когда существует тенденция к повышению заработной платы), т. е. если бы возросший капитал производил лишь такую же или даже меньшую массу прибавочной стоимости, чем до своего увеличения, то оказалось бы абсолютное перепроизводство капитала, т. е. возросший капитал $K+\Delta$ произвел бы прибыль не больше, или даже меньше, чем капитал K до своего увеличения на ΔK . В обоих случаях произошло бы сильное и внезапное понижение общей нормы прибыли, но на этот раз вследствие такой перемены в составе капитала, причиной которой было бы не развитие производительной силы, но повышение денежной стоимости переменного капитала (вследствие повышения заработной платы) и соответствующее ему уменьшение отношения прибавочного труда к необходимому труду» («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 227, перев. Базарова и Степанова, изд. 1907 г.).

К этой цитате Бауэр присоединяет следующий хвостик: «Этот пункт обозначает абсолютную границу накопления. Если он достигнут, то согласование накопления с ростом населения (подразумевается, как всегда у Бауэра, рост рабочего населения) осуществляется через опустошительный кризис» и т. д. Соответственно этому неосведомленный читатель должен предположить, что у Маркса точно так же, как у Бауэра, речь идет о постоянном приспособлении капитала к рабочему населению, и будто Бауэр лишь кратко излагает своими словами то, что сказано у Маркса.

Но в той же главе, почти непосредственно перед приведенной Бауэром цитатой, у Маркса сказано следующее.

«Этот избыток капитала возникает вследствие тех же обстоятельств, которые вызывают относительное перенаселение, и потому он представляет явление, дополняющее это последнее, хотя оба они находятся на противоположных полюсах: на одной стороне – незанятый капитал, на другой стороне – незанятое рабочее население» («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 222-223).

Как же быть теперь? Ведь у Бауэра «перенакопление» означает не что иное, как избыток капитала по сравнению с ростом рабочего населения; избыток капитала, следовательно, всегда идентичен недостатку рабочего населения как недонакопление, т.е. недостаток в капитале, всегда идентично избытку рабочего населения. У Маркса как раз наоборот: избыток капитала и одновременно избыток рабочего населения, и оба возникают из одной и той же третьей причины.

И в той же главе несколько дальше цитированного Бауэром места мы читаем:

«Нет никакого противоречия в том, что такое перепроизводство капитала сопровождается более или менее значительным относительным перенаселением. Те самые обстоятельства, которые повысили производительную силу труда, увеличили массу товарных продуктов, расширили рынки, ускорили накопление капитала как по количеству, так и по стоимости и понизили норму прибыли, – эти же самые обстоятельства создали и постоянно создают относительное перенаселение рабочих, которыми избыточный капитал не дает заняты вследствие низкой степени эксплуатации труда, при которой они только и могли бы иметь работу, или по крайней мере вследствие низкой нормы прибыли, которую они приносили бы при данной ступени эксплуатации».

Несколько дальше на той же странице Маркс пишет: «Если капитал посылается за границу, то это происходит не потому, что он абсолютно не может быть помещен в дело внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли. Но такой капитал – абсолютный и избыточный капитал для занятого рабочего населения и для данной страны вообще. Он существует как таковой наряду с относительно избыточным населением, и это служит примером, как избыточный капитал и избыточное население существуют рядом друг с другом и взаимно обуславливают одно и другое».

Кажется, достаточно ясно. Но как озаглавлена вся глава у Маркса, из которой Бауэр берет краткую цитату? Она озаглавлена: «И з б ы т о к к а п и т а л а п р и и з б ы т к е н а с е л е н и я»¹. И Бауэра осенила замечательная мысль вплести в свой «механизм» цитату из этой главы и, присоединив непосредственно к ней собственное предложение, создать иллюзию, что он дает только разъяснение концепции Маркса! Ведь одно только выразительное оглавление соответствующей главы «Капитала», которая на деле дает всю суть теории Маркса в этой части, наносит столь сильный удар построениям Бауэра, что весь его остроумно сконструированный механизм летит вверх тормашками.

Совершенно очевидно, что бауэровское «перенакопление» и марксово перенакопление – два совершенно различных экономических понятия; это – прямо противоположные вещи!

У Бауэра перенакопление идентично периоду расцвета, периоду наивысшего спроса на рабочую силу, рассасыванию промышленной резервной армии. У Маркса избыток капитала существует наряду с избытком рабочих, с огромной безработицей; перенакопление, следовательно, идентично кризису и глубочайшей депрессии. Бауэр говорит: периодически имеется слишком много капитала, потому что имеется слишком много рабочих. Маркс говорит: периодически имеется слишком много капитала и в с л е д с т в и е э т о г о с л и ш к о м м н о г о р а б о ч и х. Но по отношению к чему имеется – «слишком много» капитала и рабочих? По отношению к возможностям сбыта при «нормальных» условиях, гарантирующих требуемую прибыль. Так как рынок сбыта оказывается периодически слишком узким для капиталистических товаров, то часть капитала, а п о т о м у и часть рабочей силы должны бездействовать. Значит, по Марксу связь между экономическими причинами и результатами такова:

Р ы н о к с б ы т а (и притом сбыта «по нормальным» ценам, т. е. включающим в себя по крайней мере среднюю прибыль) для капиталистических товаров является в каждый данный м о м е н т и с х о д н ы м п у н к т о м. Им и его изменениями определяется соответствующая величина применяемого капитала. Им же определяется во вторую очередь и соответствующее количество занятого рабочего населения. Это видно у Маркса в первой части третьего тома на каждом шагу.

Это видно, например, на странице 220, где он рассматривает «внутреннее противоречие» капиталистического производства – противоречие, которое разрешается «путем расширения внешнего поля производства». Бауэр в одном месте тоже говорит о «расширении внешнего поля производства», необходимом для накопления, что явным образом представляет искаженное изложение приведенного выше положения Маркса, и опять-таки присоединяет сюда хвостик в духе своей *idée fixe*: «Поле производства расширяется благодаря росту населения» (т. е. рабочего населения) (1. с., стр. 872). Но Маркс дает ясное и понятное объяснение того, что он понимает под расширением в н е ш н е г о поля производства. Непосредственно перед цитированным положением Маркс кратко заявляет: «П о э т о м у

¹ «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 226.

рынок должен постоянно расширяться» («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 220). То же самое мы находим на стр. 231 после описания кризисов и их преодоления: «И таким образом круг был бы снова закончен. Часть капитала, обесценившаяся вследствие приостановки функционирования, снова приобрела бы свою прежнюю стоимость. Впрочем при расширенных условиях производства, при расширенном рынке и при повышенной производительной силе был бы опять совершен такой же порочный кругооборот». То же, как мы видели, на стр. 238:

«Те самые обстоятельства, которые повысили производительную силу труда, увеличили массу товарных продуктов, расширили рынки, ускорили накопление капитала как по количеству, так и по стоимости, и понизили норму прибыли, – эти же самые обстоятельства создали и постоянно создают относительное перенаселение, перенаселение рабочих, которым избыточный капитал не дает занятий», и т. д.

Здесь совершенно ясно, что под «расширением поля внешнего производства», т. е. рынков, Маркс не мог подразумевать роста рабочего населения. Ибо расширение рынков идет здесь рука об руку как параллельное явление, с образованием избыточного количества рабочих, с расширением армии безработных, т. е. с сокращением покупательной силы рабочего класса!

То же на стр. 233:

«Когда говорят, что (при кризисах) происходит не общее перепроизводство, а только нарушение пропорции между различными отраслями производства», то «вместе с тем требуют, чтобы в странах, в которых не развит капиталистический способ производства, производство и потребление стояли на такой ступени, как а свойственна странам капиталистического способа производства».

Следовательно, Маркс сводит здесь кризисы не к нарушению пропорции между наличным капиталом и свободным рабочим населением, а главным образом к нарушению обмена между капиталистическими и некапиталистическими странами; он притом рассматривает здесь этот обмен между прочим, как само собой разумеющуюся основу накопления!

И всего лишь несколькими строками дальше мы читаем:

«Иначе как же мог бы отсутствовать спрос на такие товары, в которых нуждается масса народа, и как было бы возможно то явление, что приходится искать этот спрос за границей, на отдаленных рынках для того, чтобы иметь возможность платить рабочим у себя дома среднее количество необходимых средств существования». Маркс ясно и отчетливо заявляет здесь, что количество рабочих, занятых в производстве капиталистических стран, зависит от возможности найти для капиталистических товаров сбыт «на отдаленных рынках».

Этим можно было бы ограничить оценку ссылок Бауэра на третий том «Капитала». Но как обстоит дело с теми краткими предложениями, которые Бауэр цитирует из «Теорий прибавочной стоимости» (т. II, ч. 2, стр. 244): «Увеличение населения выступает в качестве основы

накопления как постоянного процесса». Разве в этих словах не заключается, как в скорлупе, весь бауэровский «механизм»? Но и тут Бауэр выдернул лишь одну изюминку из пирога. Весь абзац говорит нечто иное.

Маркс исследует здесь условия «превращения прибыли в капитал», т. е. производительного применения прибавочной стоимости. Он показывает, что это возможно только при том условии, когда новое добавочное количество капитала будет превращено в большей своей части – в постоянный капитал и в меньшей своей части – в переменный. «Следовательно, прежде всего нужно превратить часть прибавочной стоимости и соответствующего ей прибавочного продукта, заключенного в средствах существования, в переменный капитал, т. е. купить на нее новый труд. Это возможно только тогда, когда численность рабочих возрастает или когда удлиняется рабочее время, в течение которого они работают». Последнее наступает, когда пролетариям, до сих пор занятым лишь частично, предоставляется работать полное время, или когда рабочий день удлиняется сверх нормального. Далее выступают слои пролетариата, которые прежде не занимались производительным трудом: женщины, дети и пауперы. «Наконец, – говорит Маркс, – это возможно благодаря абсолютному приросту рабочего населения с приростом населения вообще. Если накопление должно быть постоянным, непрерывным процессом, то условием является этот абсолютный прирост населения, хотя оно относительно по сравнению с примененным капиталом и уменьшается». И только за этим следует выдернутое Бауэром предложение: «Увеличение населения выступает в качестве основы накопления как постоянного процесса».

Вот что Маркс говорит на той самой странице «Теория прибавочной стоимости», которую Бауэр приводит как классическое доказательство в пользу своего «механизма»! Если читателю с первого же взгляда что-нибудь должно стать ясным из цитированного места, то это следующий ход мысли Маркса:

Если и накопление, т.е. расширение производства, должно иметь место, то для этого необходимы и добавочные рабочие силы. Стало быть, без возрастающего рабочего населения никакого постоянного расширения производства быть не может. Это понимает впрочем самый простой рабочий. Следовательно, только в этом смысле «увеличение населения выступает в качестве основы накопления».

Но у Бауэра вопрос заключается не в том, требуется ли для накопления увеличение рабочего населения, ибо этого, насколько нам известно, не оспаривал еще ни один смертный, а в том, является ли оно достаточным условием. Маркс говорит: накопление не может иметь места без возрастающего рабочего населения. А Бауэр переиначивает это так: чтобы накопление имело место, достаточно, чтобы рабочее население возрастало. У Маркса накопление является здесь предпосылкой, а возможность сбыта без затруднений дана; то, что он исследует, это – формы, в которых накопление протекает. И здесь он находит, что в числе других моментов и увеличение количества рабочих является необходимым моментом накопления-

У Бауэра увеличение численности рабочих есть некоторая данная, с о о т - в е т с т в е н н о к о т о р о й и д л я к о т о р о й протекает вне всякой зависимости от рынка расширение производства! Мы, следовательно, имеем здесь точно такое же превращение мысли Маркса в ее противоположность, как в случае с классическим свидетельством из третьего тома «Капитала».

Но, может быть, мы из цитаты Маркса вычитываем слишком много? Может быть, Бауэр мог истолковать или, скажем, исказить слова Маркса в с в о ю пользу. Однако прямо-таки загадочно, как может в этом пункте не понять Маркса человек, относительно которого мы предполагаем, что он действительно читал главу, откуда цитирует Бауэр. Ибо несколькими страницами дальше Маркс сам точно формулирует основную мысль и суть проблемы своего анализа в следующих ясных словах:

«Вопрос нужно теперь формулировать так: п р е д п о л а г а я в с е о б - щ е н а к о п л е н и е (подчеркнуто у Маркса), т.е. предполагая, что капитал во всех отраслях производства в большей или в меньшей мере накапливается, что в действительности является условием капиталистического производства, – каковы у с л о в и я этого всеобщего накопления, в чем оно находит свое разрешение?» И он отвечает: эти условия заключаются в том, что на одну часть денежного капитала покупается рабочая сила, а на другую часть – средства производства (l. c., стр. 250, 1).

И с целью устранения всякого сомнения Маркс, как бы имея в виду своего «компетентного» ученика, прибавляет: «Мы здесь совершенно не оста- навливаемся на случае, когда накоплено больше капитала, чем может быть применено в производстве, когда капитал без употребления лежит, напри- мер, в виде денег у банкиров. Отсюда также случаи дачи займы за границу и т. д., короче, грюндерские спекуляции. Так же мало мы рассматриваем случай, когда невозможно продать всю массу произведенных товаров, слу- чай кризисов и т. д. Это относится к отделу о конкуренции. Мы и м е е м в в и д у а н а л и з и р о в а т ь з д е с ь л и ш ь ф о р м ы к а п и т а л а в р а з л и ч н ы х ф а з а х е г о д в и ж е н и я, причем все время предполагается, что товары продаются по их стоимости» (l. c., стр. 252, подчеркнуто мною).

Итак, Маркс п р е д п о л а г а е т расширение сбыта, в о з м о ж н о с т ь накопления и затем только исследует, в каких явлениях процесс накопле- ния находит свое выражение. Одно из таких явлений на его взгляд – при- влечение новой рабочей силы, для чего необходим, конечно, прирост рабо- чего населения. Отсюда Бауэр выводит следующее: для того, чтобы накоп- ление имело место, достаточно, чтобы рабочее население возрастало, и на- копление происходит потому, что рабочее население возрастает. Объек- тивный смысл и цель накопления и его «механизма» состоят в их приспособлении к росту рабочего населения.

Условием существования человека является дыхание. Отсюда вывод а la Бауэр: человек живет воздухом, он живет потому, что он может дышать воздухом, весь его жизненный процесс представляет собой не что иное, как «автоматическое» приспособление механизма

его тела к вдыханию и выдыханию. Великолепный результат бесцельного парения в области абстрактного мудрствования!

Но мы кончаем здесь со всей этой юмористикой, так как это поистине не так уже весело. Речь идет совсем не о моей персоне и моей книге, а об элементарных положениях учения самого Маркса. Теперь мы можем уже покинуть туманные высоты третьего тома «Капитала» и «Теорий прибавочной стоимости», оставшихся, к сожалению, за небольшими исключениями, неизвестными марксистской публике. Мы возвращаемся к первому тому «Капитала», который до настоящего времени оставался подлинным политико-экономическим базисом социал-демократии. Здесь любой читатель, которому известно содержание первого тома главного труда Маркса, может сам без особого труда проверить всю конструкцию Бауэра: для этого ему стоит только открыть 23 главу и прочитать следующее:

«В самом деле, хорош был бы для современной промышленности, с ее десятилетним циклом, закон, который ставил бы движение капитала в зависимость от абсолютного движения численности населения, вместо того, чтобы регулировать спрос и предложение труда расширением и сокращением капитала, следовательно, в соответствии с его изменяющимися потребностями самого возрастаania... Однако этот закон – догмат политической экономии». Маркс имеет здесь в виду старый «догмат» буржуазной политической экономии, так называемый фонд заработной платы, – догмат, который рассматривал имеющийся в данное время в распоряжении общества капитал как вполне определенную данную величину и в противоположность ему ставил численность занятого рабочего населения в зависимость от его естественного прироста. Маркс подробно полемизирует против этого догмата и в то же время без всякого умысла наносит также удар за ударом и своему «компетентному» адепту. Так Маркс говорит:

«Спрос на труд не тождествен с возрастанием капитала, предложение труда не тождественно с возрастанием рабочего, класса, так что здесь нет взаимного воздействия двух сил, независимых друг от друга. Les des sont ripés (кости подделаны). Капитал одновременно действует на обе стороны. Если его накопление, с одной стороны, увеличивает спрос на труд, то, с другой стороны, оно увеличивает предложение рабочих посредством их освобождения» и т. д.

В бауэровском «механизме» промышленная резервная армия возникает, как мы видим, в результате слишком медленного накопления, отстающего от прироста населения. Бауэр категорически заявляет: «Первым результатом недонакопления является образование промышленной резервной армии» («Neue Zeit», I. с., стр. 869). Следовательно, чем меньше накопление капитала, тем больше промышленная резервная армия. Так обстоит дело по Бауэру. Маркс же через четыре страницы после только что приведенной цитаты говорит:

«Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышлен-

на резервная армия. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширения капитала».

На следующей странице Маркс принимает саркастический тон:

«Можно понять глупость той экономической мудрости, которая проповедует рабочим, что они должны соразмерять свою численность с потребностями капитала в самовозрастании. Механизм капиталистического производства и накопления всегда соотносит эту численность с этими потребностями самовозрастания».

Но что составляет большую «глупость»: старая буржуазная «глупость», проповедывавшая рабочим приспособление своего прироста к капиталу, или новая «австро-марксистская», которая учит рабочих, что капитал, напротив того, постоянно приспособляется к их приросту? Я полагаю, что последняя глупость больше, ибо старая «глупость» была лишь неправильно сублимированным отражением действительных отношений, в то время как другая ставит действительность на голову.

Во всей главе, посвященной рабочему населению и его росту, Маркс постоянно говорит о «потребностях самовозрастания» капитала. К ним, по Марксу, приспособляет свой рост рабочее население, от них зависит соответствующая данному моменту величина спроса на рабочую силу, уровень заработной платы, более оживленная или более низкая конъюнктура, расцвет или кризис. Что же это за «потребности самовозрастания», о которых Маркс постоянно говорит и о которых Бауэр во всем его «механизме» не упоминает ни слова?

В той же главе Маркс постоянно говорит о «внезапном расширении» капитала, которому он в вопросе о движении накопления капитала и рабочего населения придает огромное значение. Ведь способность капитала к внезапному и безграничному расширению является, по Марксу, характерной чертой и определяющим моментом современного крупнопромышленного развития. Так что же нужно понимать под теми «внезапными расширениями», которые столь важны для Маркса и о которых Бауэр не говорит ни единого слова?

Ответ на оба эти вопроса Маркс дает в начале той же главы в следующих ясных словах:

«... И так как, наконец, подгоняемое особенно сильным стремлением к обогащению, например, при открытии новых рынков, новых сфер приложения капитала, вследствие вновь развивающихся общественных потребностей и т. д., накопление может быстро расширить свой масштаб...» и т. д.

То же самое, но еще подробнее говорится далее:

«С накоплением и с сопровождающим его развитием производительной силы труда возрастает сила внезапного расширения капитала не только потому, что возрастает эластичность функционирующего капитала и то абсолютное богатство, лишь некоторую эластичную часть которого составляет капитал, – не только потому, что кредит привсяком образом возбужден и разом отдает в распоряжение производства необычную часть этого богатства в качестве прибавочного капитала. Масса общественного богатства, возрастаю-

щая с прогрессом накопления и способная превратиться в добавочный капитал, бешено устремляется в старые отрасли производства, рынок которых внезапно расширяется, или вновь открывающийся, как железные дороги и т. д., потребность в которых возникает из развития старых отраслей производства. Во всех таких случаях необходимо, чтобы возможно было разом и без сокращения размеров производства в других сферах бросать в важнейшие пункты огромные массы людей; их доставляет перенаселение».

Итак, Маркс не только объясняет здесь внезапное расширение капитала, являющееся результатом внезапного расширения рынков сбыта, он формулирует также особенную функцию промышленной резервной армии; она заключается в том, что эту армию можно «бросать» (в важнейшие пункты) для указанных экстраординарных расширений капитала. В этом Маркс усматривает важнейшую подлинную функцию промышленной резервной армии; благодаря этой функции он называет ее условием существования современного крупного капиталистического производства: образование промышленного перенаселения является, по словам Маркса, «рычагом капиталистического накопления, даже условием существования капиталистического способа производства... Следовательно вся характерная для современной промышленности форма движения возникает из простоянного превращения некоторой части рабочего населения в незанятые или полужанятые руки» (во всех цитатах подчеркнуто мною). Пожалуй, наиболее ясную и сжатую формулировку своего взгляда Маркс дает в другом месте, где он говорит:

«Когда созданы общие условия производства, соответствующие крупной промышленности, способ производства (Betriebsweise) приобретает эластичность, способность к внезапному и скачкообразному расширению, пределом которого является наличность сырья и рынка сбыта».

Как со всем этим обстоит дело у Бауэра? В его «механизме» для внезапного расширения капитала, следовательно, для его эластичности вообще нет места, – и по двум причинам. Во-первых, потому что производство ориентируется здесь исключительно на рабочее население и его рост: рынки сбыта ведь у Бауэра вообще не играют никакой роли. Но народонаселение в своем росте, обусловливаемом естественным размножением, само собой разумеется, не обнаруживает никакого скачкообразного расширения. Рабочее население периодически обнаруживает, правда, внезапное увеличение промышленной резервной армии, но это происходит у Бауэра именно в периоды «недонакопления», следовательно, в периоды медленного роста, недостатка свободного капитала по сравнению с рабочим классом.

Но, во-вторых, к предпосылкам внезапных экспансий относится не только внезапное расширение рынков сбыта, но и наличность свободных, уже накопленных резервов капитала, тех резервов, которые, по выражению Маркса, «кредит при всяком особом возбуждении разом отдает в распоряжение производства... в качестве прибавочного капитала». У Бауэра нечто подобное совершенно

исключено. Ведь в его «механизме» новый подъем на фазы «недонакопления» возможен лишь постольку, поскольку всеобщее понижение заработной платы как результат безработицы допускает новое скопление капитала!

Ввиду того, что внезапная экспансия капитала, равно как и возникновение кризиса, остаются необъясненными с точки зрения бауэровского «механизма», промышленная резервная армия в нем естественно не имеет никакой функции. Правда, Бауэр заставляет ее периодически выплывать на поверхность как продукт технического прогресса, но он не может отвести ей никакой роли, кроме той, которая у Маркса выступает лишь на втором плане: Бауэр указывает, что она подобно свинцовому грузу давит на заработную плату занятых рабочих. Напротив, то, что делает, по Марксу, резервную армию «условием существования», «рычагом» капиталистического способа производства, для Бауэра вовсе не существует. И что Бауэр на деле не знает как ему быть с резервной армией, доказывает хотя бы то юмористическое обстоятельство, что он на протяжении промышленного цикла заставляет ее три раза «рассасываться»: на крайнем уровне «недонакопления», на высшей точке «перенакопления» и, кроме того, еще на среднем уровне равновесия!

Эти чудеса вытекают из простой причины, именно из того, что, по Бауэру, все движение рабочего населения происходит не ради капитала и его «потребностей самовозрастания», как это имеет место у Маркса и в реальной действительности, а, наоборот, движение капитала вращается вокруг рабочего населения и его прироста. С капиталом у Бауэра происходит то же самое, что в истории зайца с ежом: капитал, задыхаясь, спешит за рабочим населением, чтобы то с разбега обогнать его, то отстать от него и то и дело слышать у цели голос: «а я уже здесь!»

Но у Маркса та мысль, что рабочее население в своем увеличении целиком приспособляется к капиталу и к его рыночным перспективам, соответствующим данному моменту, что они господствуют над рабочим населением, является основной мыслью всей последней части первого тома. Начиная со стр. 575 до стр. 611, т. е. почти на сорока печатных страницах, Маркс выясняет это составляющее эпоху экономическое открытие. «Э т о – в с е о б щ и й а б с о л ю т н ы й з а к о н н а к о п л е н и я к а п и т а л а», подчеркивает он в своем резюме. Далее следует еще отдел «иллюстраций», которые занимают добавочных 60 страниц. И что показывает здесь Маркс на примере Англии как типичной и руководящей страны капиталистического производства? Он показывает, что в то время как ежегодный прирост населения в Англии от 1811 года до 1861 года постоянно сокращался, богатство, т. е. капиталистическое накопление, все время шло гигантскими шагами вперед!! Маркс доказывает это бесчисленными статистическими данными, подходя к вопросу с разных сторон.

Однако, может быть, Бауэр здесь скажет: но ведь этот гигантский рост английской промышленности в XIX столетии, само собой разумеется, был рассчитан не на одно только английское население, и его поэтому нельзя сравнивать с одним только английским насе-

лением как с экономическим базисом; посмотрите на английский сбыт в Североамериканские соединенные штаты, в Южную и Центральную Америку, посмотрите на периодические кризисы в английской промышленности, которые от 1825 г. до 1867 г. возникали всякий раз после внезапного расширения рынка в этих странах. Превосходно! Но если Бауэр знает это, то он знает все; то он знает и то, что его теория приспособления накопления к росту рабочего населения есть шарлатанство; то он знает и то, что Маркс доказал и иллюстрировал в первом томе «Капитала», именно, что численность рабочего населения в п р о т и в о п о л о ж н о с т ь тому, что мы находим у Бауэра, постоянно приспособляется к накоплению капитала, к его меняющимся «потребностям самовозрастания», т. е. к возможностям сбыта.

Ведь именно в этом кульминационная точка первого тома «Капитала». Этими новыми мыслями Маркс охватывает весь дух своей теории капиталистической эксплуатации, кардинальное отношение между капиталом и трудом, особый «закон народонаселения» периода капитализма!

И вот приходит Бауэр и со спокойнейшей миной опрокидывает всю эту постройку и открывает миру, что все движение капитала вытекает из тенденции его приспособиться к росту рабочего населения! С точки зрения внутреннего содержания, конструкция Бауэра, как мы видели, представляет собой мыльный пузырь. Если исправить Бауэра, предположив вместе с Марксом наличие эластичного общественного резерва капитала и постоянной неограниченной способности капитала к экспансии, то его «недонакопление» идет на смарку. Если исправить его, допустив вместе с Марксом п о с т о я н н о е образование промышленной резервной армии, функция которой заключается в том, чтобы и при наивысшей конъюнктуре удовлетворять потребностям капитала, то идет на смарку его специфическое «перенакопление». Если его исправить, допустив вместе с Марксом, что в результате технического прогресса происходит постоянное относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с численностью рабочих, то идет на смарку его «равновесие». «Механизм» Бауэра разлетается в прах. Но существеннее, чем легкомыслие этой конструкции, ее основная мысль: воображаемая тенденция приспособления капитала в его движении к рабочему населению.

Здесь перед нами полное игнорирование самого духа теории Маркса.

И эта система чудовищной нелепости, вымученная с самодовольным педантизмом, нашла себе место в официальном органе марксистской теории!

В усердии совершить доброе дело сожжения нескромного еретика люди не заметили, что удар приходится по большему еретика!

На поприще естествознания в настоящее время стоят на страже всеобщий контроль и общественная критика. Совершенно исключен, например, случай, что кто-нибудь вдруг для более точного объяснения современной астрономической системы даст точный расчет, построенный на движении всех небесных светил вокруг земли, и будет при этом серьезно принят образованной публикой. Более того, если

бы подобного рода вещь взбрела кому-нибудь на ум, то она даже не дошла бы до публики, так как не нашлось бы редактора естественнонаучного журнала, который пропустил бы такую чепуху. При господстве австромарксистских диadoхов нечто подобное, кажется, может легко случиться! Бауэровская теория накопления, возвещенная с такой трибуны, представляет собой не обычную ошибку, которую во всякое время можно сделать, стремясь к научному познанию; совершенно независимо от отношения к моей книге она является позором для современного официального марксизма и скандалом для социал-демократии.

5. Таково собственное объяснение накопления капитала у Бауэра. Каков же его практический вывод? Бауэр формулирует его в следующих словах:

«Результат нашего анализа таков: во-первых, накопление капитала возможно и в изолированном капиталистическом обществе, поскольку только оно не выходит за определенные для данного времени границы (речь идет о росте находящегося в распоряжении капитала рабочего населения. – Р. Л.); во-вторых, оно самостоятельно вводится в эти границы самим механизмом капиталистического производства» (1. с., стр. 873).

И сейчас же после этого Бауэр в особой заключительной главе еще раз дает квинт-эссенцию своего анализа в его практическом приложении. Мы читаем здесь:

«Товарищ Люксембург объясняет империализм следующим образом. В изолированном капиталистическом обществе превращение прибавочной стоимости в капитал невозможно. Оно становится возможным лишь благодаря тому, что класс капиталистов постоянно расширяет свои рынки сбыта, чтобы сбыть в районах, еще не производящих капиталистически, ту часть прибавочного продукта, в которой овеществлена накопленная часть прибавочной стоимости. Для этой цели служит империализм. Это объяснение, как мы видели, не верно. **Н а к о п л е н и е в о з м о ж н о и н е о б х о д и м о и в и з о л и р о в а н н о м к а п и т а л и с т и ч е с к о м о б щ е с т в е**» (1. с., стр. 873, подчеркнуто мною).

Итак, Бауэр, окольным путем, основываясь на новой, специально для данной цели изобретенной «теории народонаселения», подобно другим «специалистам» силится доказать, что капиталистическое производство и накопление могут развиваться и процветать даже при таких условиях, каких ни один смертный никогда не видал в реальной действительности. И на этой основе он хочет подойти к проблеме империализма!

Но здесь нужно прежде всего установить следующее. Создавая иллюзию, что он защищает против меня концепцию Маркса, как она изложена во втором томе «Капитала», Бауэр еще раз приписывает Марксу предпосылки своего собственного изобретения, коренным образом отличающиеся от предпосылок Маркса.

У Маркса речь идет отнюдь не «об изолированном капиталистическом обществе», рядом с которым наперед предполагается существование другого, некапиталистического общества, и о подобного рода обществе я никогда не говорила. Эта бессмыслица родилась лишь в теоретической фантазии Отто Бауэра, как Венера из морской пены.

Вспомним, как формулирует Маркс свои предпосылки. В первом томе «Капитала» он ясно говорит, что для того, чтобы взять предмет анализа «в совершенно чистом виде, независимо от затемняющих дело побочных обстоятельств», он предполагает, что «весь торгующий мир образует одну нацию, одно экономическое целое», и что «капиталистическое производство укрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства» (стр. 543). Во втором томе он так же категорически заявляет, что предпосылкой его анализа накопления является «всеобщее и исключительное господство капиталистического производства».

Это, конечно, достаточно ясно. То, что Маркс берет в качестве предпосылки, является, следовательно, не сочиненным детской фантазией капиталистическим обществом на острове Робинзона, которое процветает в таинственном месте, изолированном от континентов некапиталистических народов; это – не общество, в котором капиталистическое развитие достигло наивысшей ступени (ведь его население состоит лишь из одних капиталистов и наемных пролетариев), не общество, которое не знает ни ремесла, ни крестьянства и не имеет никаких связей с окружающим некапиталистическим миром. Предпосылка Маркса – не фантастический абсурд, а научная фикция. Маркс берет в качестве предпосылки действительную тенденцию капиталистического развития. Он предполагает, что то состояние всеобщего и абсолютного господства капитала во всем мире, то крайнее развитие мирового рынка и мирового хозяйства, к которым действительно идут капитал и все современное экономическое и политическое развитие, уже достигнуто. Следовательно, Маркс ставит свое исследование на рельсы действительной исторической тенденции развития, крайний предел которого он предполагает достигнутым. Это с научной точки зрения – вполне правильный и, например, при анализе накопления отдельного капитала, как я это изложила в своей книге, вполне достаточный метод, но при рассмотрении главной проблемы, проблемы накопления совокупного общественного капитала, по моему убеждению, отказывается служить и приводит к ошибкам.

Напротив того, Бауэр изобретает фантастическую картину «изолированного капиталистического хозяйства», без промежуточных слоев, без ремесленников, без крестьян, – хозяйство, которое никогда не существовало, никогда не возникнет и которое не имеет ничего общего с действительностью и с тенденцией развития; он выдумывает, следовательно, картину, искусный «механизм» которой так же пригоден для объяснения законов капиталистического развития, как знаменитые механические фигурки Vaucanson'a для объяснения физиологии и психики человеческого организма. До сих пор только буржуазные экономисты оперировали детским средством «изолированного хозяйства», чтобы на этом манекене демонстрировать законы мирового капиталистического производства. Никто не вышутит так зло экономические «робинзонады», как Маркс. И вот сам Маркс на добрый конец разъясняется робинзонадой и ставится на «безупречный базис»!

Но это «разъяснение» Бауэра имеет свои основания. Если вместе с Марксом взять в качестве предпосылки «всеобщее и исключитель-

ное господство капиталистического производства» во всем мире, как нечто уже достигнутое, то империализм во всяком случае исключается, и объяснения для него нельзя найти, так как он благодаря самому допущению отошел уже в прошлое, ликвидирован и сдан в архив истории. При этом допущении можно так же мало показать и описать развитие империалистической фазы, как, например, процесс крушения Римской империи при допущении уже достигнутого всеобщего господства в Европе феодализма. Следовательно, поставленные перед задачей согласовать современный империализм с теорией накопления, как она набросана в отрывке второго тома «Капитала», «компетентные» эпигоны Маркса должны были решиться на одно из двух: либо отрицать империализм как историческую необходимость, либо отказаться, как я это делаю в своей книге, от предпосылок Маркса как ошибочных и исследовать процесс накопления в реальных, исторически данных условиях – как капиталистическое развитие, протекающее в постоянных взаимоотношениях с некапиталистической средой. Какой-нибудь Экштейн, который вообще ничего не понял в рассматриваемом вопросе, конечно, не попал в затруднительное положение, делая свой выбор в этой альтернативе. Напротив того, Отто Бауэр, который в конце концов заметил, в чем тут дело, в качестве типичного представителя «марксистского центра» нашел исход в компромиссе: капитализм может, правда, по его мнению, превосходно развиваться на острове Робинзона, но он все же наталкивается в своей изолированности на некоторую «границу» и эту границу он может преодолеть, только вступив в общение с некапиталистической средой. В неверном объяснении (т. е. в моем объяснении. – Р. Л.) все же кроется «зерно истины», заявляет он в конце. «Если накопление в изолированном капиталистическом обществе невозможно, то оно все же ограничено известными пределами. Империализм в действительности служит для расширения этих пределов... Эта тенденция на деле является одним из корней империализма, но не единственным» (1 с., стр. 873, 874).

Следовательно, Бауэр отнюдь не принял свою робинзонаду «изолированного капиталистического хозяйства» за научную предпосылку, а конструировал его, поглядывая одним глазком на прочие некапиталистические страны. Он широковещательно распространялся насчет искусного «механизма» капиталистического общества, которое может самостоятельно существовать и процветать, и при этом втихомолку все время держал в запасе некапиталистическую среду, чтобы, попавши в затруднительное положение на острове Робинзона, при объяснении империализма пустить ее, наконец, в ход!

Кто внимательно читал примечания и попутные критические замечания первого тома «Капитала», в которых Маркс разбирает теоретические приемы Сэя, Д.С. Милля, Кэри и др., тот приблизительно может себе представить, как Маркс разделался бы с подобного рода научным методом.

Как бы то ни было, но мы подошли в конце концов к империализму. Заключительная глава статьи Бауэра носит заголовок: «Объяснение империализма». Ввиду этого читатель может надеяться, что он, наконец, это объяснение найдет. После заявления Бауэра, что я вскрыла

лишь о д и н, «не единственный», к о р е н ь империализма, можно было бы смело ожидать, что он сам выяснит д р у г и е корни империализма с точки зрения его концепции. К сожалению, мы ничего подобного не видим. До конца своей статьи Бауэр ни слова не говорит об остальных корнях, он хранит свой секрет про себя. Несмотря на многообещающее заглавие и вступительную часть заключительной главы, читатель остается при том жалком «корне» империализма, который составляет «зерно истины» моего неверного объяснения.

Но Бауэр при всем том сделал мне слишком много уступок и как раз в вопросе об «о д н о м корне», который он благосклонно признал «истинным». Речь идет здесь об альтернативе: или – или, и компромиссе, который Бауэр пытается заключить, по существу столь же несостоятельном и бессильном, как большинство компромиссов.

Если бы его теория накопления, связанная с «ростом населения», была правильна, то известный нам «корень» был бы вовсе не нужен, так как империализм в таком случае был бы попросту невозможен.

В самом деле, вспомним, в чем состоит «механизм» бауэровского накопления? Он состоит ведь в том, что капиталистическое производство постоянно все снова и снова приспособляет свою величину к росту рабочего класса. В каком же смысле можно здесь говорить о «пределе» накопления? Ведь у капитала нет при этом ни потребности, ни нужды, ни возможности выйти за этот «предел». Ибо, если производство один раз – в фазе бауэровского «перенакопления» – обгоняет рост населения, то оно зато в следующей фазе «недонакопления» снова отстает от свободного рабочего населения. В бауэровском «механизме» нет, следовательно, никакого избыточного капитала, который мог бы выйти за свои «пределы». Ведь эта теория, как мы видели, именно по тем же причинам исключает образование резерва капитала и способность производства к внезапному расширению. Избыток капитала появляется здесь лишь как переходящая фаза, чтобы периодически безусловно компенсироваться противоположной крайностью – недостатком капитала: обе фазы в бауэровской теории сменяют друг друга с такой же педантичной регулярностью, как новолуние сменяет полнолуние. Как-нибудь «пределы» накопления капитала существуют здесь так же мало, как тенденция выйти за эти границы; недаром Бауэр ясно говорит, что накопление постоянно автоматически в в о д и т с я в эти пределы благодаря «самому механизму капиталистического производства» (l. c., стр. 873). Следовательно, здесь нет никакой коллизии между стремлением к расширению и воображаемым пределом капитала. Бауэр только связывает со своим «механизмом» эти понятия, чтобы как-нибудь перекинуть искусственный мост между его концепцией и империализмом. Вынужденность этого построения лучше всего доказывается тем изложением, которое он должен был дать империализму с точки зрения своей теории.

Так как осью, вокруг которой, по Бауэру, колеблется капитал, является рабочий класс, то расширение пределов накопления означает у Бауэра увеличение рабочего населения! Это черным по белому написано в «Neue Zeit» (l. c., стр. 873).

«Накопление прежде всего ограничено ростом рабочего населения. И вот империализм увеличивает рабочую массу, которая вынуждена продавать капиталу свою рабочую силу. Он осуществляет это, разрушая старые способы производства колониальных стран и вынуждая тем самым миллионы людей либо эмигрировать в капиталистические страны, либо самим у себя на родине работать на вложенный туда европейский или американский капитал. Так как величина накопления определена при данном органическом составе капитала ростом свободного рабочего населения, то империализм действительно является средством раздвинуть границы накопления».

Таковы, следовательно, главные функции и главная забота империализма: они заключаются в том, чтобы путем привлечения рабочих из колоний или использования их тут же на месте «насильственно» увеличивать их численность! И это говорится, несмотря на то, что всякий человек, владеющий пятью органами чувств, знает нечто п р о т и в о п о л о ж н о е, а именно, что на родинах империалистического капитала, в старых империалистических странах всегда существует вышколенная консолидированная резервная армия, в то время как в колониях постоянно слышатся жалобы капитала на недостаток рабочих рук! В усиленных поисках за новыми наемными рабочими империалистический капитал уходит таким образом из стран, в которых быстрый технический прогресс, энергичный процесс пролетаризации промежуточных слоев, разложение пролетарской семьи постоянно пополняют резервы рабочих рук, и с большой охотой устремляется в такие страны, где застывшие социальные отношения традиционных форм собственности держат рабочие силы в столь крепких оковах, что проходят десятилетия, пока благодаря всеистребляющей силе капиталистического господства и как конечный результат этого господства не освобождается пролетариат, который с грехом пополам может быть использован капиталом!

Бауэр фантазирует о «насильственном» привлечении новых рабочих из колоний в старые страны капиталистического производства, в то время как всякий здравомыслящий человек знает нечто о б р а т н о е, именно, что параллельно с эмиграцией капитала из старых стран в колонии имеет место и эмиграция «избыточных» рабочих сил, которые, по выражению Маркса, «на деле лишь переселяются вслед за эмигрирующим капиталом». В самом деле, вспомним «могучий» поток людей, который на протяжении XIX столетия устремлялся в Северную и Южную Америку, в Южную Африку и Австралию. Вспомним далее те формы «умеренного» рабства и принудительных работ, к которым прибегают европейский и североамериканский капиталы, чтобы обеспечить себе в африканских колониях, в Вест-Индии, в Южной Америке и на Великом океане необходимый минимум рабочих рук!

Стало быть, английский капитал на протяжении полувека вел кровавые войны против Китая прежде всего, чтобы ввиду ощутительного недостатка в английских рабочих обеспечить себя могучим притоком китайских кули, и именно о той же крайней нужде в рабочих силах шло дело при объединенном крестовом походе империалистической Европы против Китая на рубеже XX столетия! Французский капитал явным образом покушался в Марокко

по

преимуже-

ству на берберов, чтобы заполнить ими недостаток во французских фабричных пролетариях. Австрийский империализм охотился, конечно, в Сербии и Албании прежде всего за свежей рабочей силой. И немецкий капитал с фонарем разыскивает теперь в Малой Азии и Месопотамии турецких промышленных рабочих: ведь в Германии накануне мировой войны господствовал такой ошутительный недостаток в рабочих во всех отраслях.

Ясно, что Отто Бауэр в качестве «человека, который спекулирует», и здесь, оперируя в пустом пространстве, забыл про грешную землю. Он совершенно спокойно превращает современный империализм в натиск капитала с целью получения новых рабочих сил. И это, на его взгляд, является сущностью, внутренним движущим принципом империализма. Лишь во вторую очередь Бауэр рядом с этим напоминает еще о потребности в заокеанском сырье, которая уже не находится ни в какой экономической связи с его теорией накопления и сваливается прямо-таки с неба. Ибо, если накопление может процветать в известном «изолированном капиталистическом обществе» так пышно, как это изобразил нам Бауэр, то оно должно иметь под руками на этом чудесном острове и все нужные естественные сокровища и божьи дары, – совсем не так, как при жалком капитализме суровой действительности, который, начиная с первого дня своего существования, находится в зависимости от средств производства всего мира. Наконец, Бауэр упоминает попутно о двух предложениях, как о побочном мотиве империализма, о приобретении новых рынков сбыта, и то только, как средство смягчения кризисов, что тоже само по себе является «хорошим местом», так как на планете, на которой мы живем, всякое значительное расширение рынка, как известно, имеет своим результатом могущественнейшее обострение кризисов.

Таково «объяснение империализма», которое сумел дать в конце концов Отто Бауэр: «н а н а ш в з г л я д к а п и т а л и з м м ы с л и м и б е з э к с п а н с и и» (1. с., стр. 874). В этом пункте теория «изолированного» накопления кульминирует, и автор отпускает нас с богом, с утешительным заверением, что «сам капитализм» во всяком случае так или иначе, «с экспансией или без экспансии, подготавливает свою собственную гибель».

Таков исторически-материалистический метод исследования в его применении «специалистами». Капитализм мыслим и без экспансии. Пусть, по Марксу, стремление капитала к внезапным расширениям составляет прямо-таки руководящий момент и характернейшую особенность современного развития; пусть экспансия сопровождает капитал на всем его историческом пути и пусть она приняла в его современной империалистической фазе такой бешеный характер, что она ставит под знак вопроса все культурное существование человечества; пусть именно это необузданное стремление капитала к экспансии, которая шаг за шагом создавала мировой рынок, связало воедино современное мировое хозяйство и только этим путем создало историческую основу для социализма; пусть пролетарский интернационал, который должен доконать капитализм, сам является продуктом мировой экспансии капитала. Но всего этого ведь могло и не быть, так как мыслимо и совершенно иное течение истории. На са-

мом деле, что «немыслимо» для большого мыслителя? «На наш взгляд, капитализм мыслим и без экспансии». На наш взгляд, современное развитие мыслимо и без открытия Америки и без открытия мореплавателями пути вокруг Африки. При зрелом размышлении история человечества мыслима и без капитализма. Наконец, солнечная система мыслима и без земного шара. Немецкая философия мыслима, быть может, и без «метафизических нелепостей». Только нам кажется совершенно немыслимым, чтобы такой «мыслящий» официальный марксизм, идущий в духовном авангарде рабочего движения, мог в империалистической фазе притти к другим результатам, чем к жалкому фиаско социал-демократии, которое мы пережили во время мировой войны.

Конечно, тактика и практическое поведение в борьбе не находятся в прямой зависимости от того, рассматривается ли второй том «Капитала» Маркса как законченное произведение, или только как фрагмент; есть ли вера в возможность накопления в «изолированном» капиталистическом обществе, или нет; рассматриваются ли марксовы схемы воспроизводства так или иначе. Тысячи пролетариев являются честными и стойкими борцами за социализм, ничего не зная об этих теоретических проблемах, – просто в силу всеобщего принципиального признания классовой борьбы, в силу неподкупного классового инстинкта и революционной традиции движения. Но между пониманием, способом рассмотрения теоретических проблем, с одной стороны, и практикой политических партий – с другой, если брать более продолжительный период, всегда существует теснейшая связь. В десятилетие, предшествовавшее возникновению мировой войны, в германской социал-демократии, этой метрополии интернационала и духовной жизни пролетариата, во всеобщем упадке как в области теоретической, так и в области практической обнаружилась полная гармония: и тут и там чувствовались та же беспомощность и то же окостенение, и не что иное, как тот же империализм в качестве явления, безраздельно господствующего над всею общественной жизнью, победил как политический, так и теоретический генеральный штаб социал-демократии. Подобно тому, как законченное гордое здание официальной германской социал-демократии при первом всемирно-историческом испытании оказалось не более, как потемкинской деревней, так кажущаяся теоретическая «компетентность» и непогрешимость официального марксизма, благословлявшего каждый практический шаг движения, обнаружили себя лишь как пышная кулиса, которая за нетерпимой и высокомерной догматической строгостью скрывала внутреннюю неустойчивость и неспособность к активным действиям. Безжизненной рутине, которая умела двигаться лишь по рельсам «старой испытанной тактики», не знавшей ничего, кроме парламентаризма, соответствовали теоретические эпигоны, которые цеплялись за формулы учителя, отрицая живой дух его учения. Некоторых из этих эпигонов мы видели в предыдущем изложении в ареопаге «специалистов».

Но связь с практикой в нашем случае еще ощутительнее, чем это могло бы показаться с первого взгляда. Речь идет о двух разных способах преодоления империализма.

Анализ накопления у Маркса был набросан в такое время, когда империализм не вступил еще на мировую арену, и предпосылка, которую Маркс кладет в основу своего анализа, т.е. всеобщее абсолютное господство капитала во всем мире, наперед исключала процесс империализма. Но разница между промахами Маркса и прошлыми ошибками его эпигонов заключается в том, что самая ошибка Маркса в данном случае оплодотворяет мысль и ведет ее дальше. Поставленная, но не разрешенная во втором томе «Капитала», проблема, заключающаяся в том, чтобы показать, как совершается накопление при исключительном господстве капитализма, неразрешима. Накопление именно при этих условиях невозможно. Но стоит только перевести кажущееся неподвижным теоретическое противоречие на язык исторической диалектики в соответствии с духом всего учения Маркса и способами его мышления, чтобы противоречие марксовых схем превратилось в живое зеркало мирового развития капитала, его расцвета и его конца.

Накопление невозможно в исключительно только капиталистической среде. Отсюда, начиная с первого момента развития капитала, – стремление к экспансии за счет некапиталистических слоев и стран, разрушение ремесленного и крестьянского хозяйства, пролетаризация промежуточных слоев, колониальная политика, «политика открывания дверей», вывоз капитала. Только путем постоянного распространения капитализма на новые отрасли производства и новые страны с самого начала становились возможным развитие и существование капитализма. Но экспансия в своем мировом натиске приводит к столкновению между капиталом и докапиталистическими общественными формами. Отсюда – насилие, война, революция, словом, катастрофа, которая составляет жизненный элемент капитализма. Накопление капитала прогрессирует и расширяется за счет некапиталистических слоев и стран; оно разъедает и вытесняет их со все ускоряющимся темпом. Всеобщей тенденцией и конечным результатом этого процесса является исключительное мировое господство капиталистического производства. Если это состояние достигнуто, то вступает в силу марксова схема: накопление, т. е. дальнейшая экспансия капитала, становится невозможным, капитализм попадает в тупик, он не может больше функционировать в качестве исторического двигателя развития производительных сил, он достигает своей объективной экономической границы. Противоречие марксовой схемы накопления в диалектическом смысле является лишь живым противоречием между стремлением капитала к безграничной экспансии и тем пределом, который он сам себе ставит путем все прогрессирующего разрушения всех других форм производства; это – противоречие между могущественными производительными силами, которые он в процессе своего накопления пробуждает во всем мире, и тем узким базисом, который он сам отводит себе благодаря законам накопления. Марксова схема накопления в ее правильном понимании как раз своей неразрешимостью дает точно поставленный прогноз экономической неизбежной гибели капитализма в результате процесса империалистической экспансии, специальной задачей которого является осуществление предпосылки Маркса, т. е. установление всеобщего безраздельного господства капитала.

Может ли этот момент когда-нибудь наступить? Это во всяком случае только теоретическая фикция именно потому, что накопление капитала представляет собой не только экономический, но и политический процесс.

«Империализм является историческим методом для продления существования капитала, но он в то же время служит вернейшим средством, чтобы кратчайшим путем положить его существованию объективный предел. Этим однако не сказано, что этот предел обязательно должен быть достигнут. Уже сама тенденция капиталистического развития к этой конечной цели проявляется в формах, которые делают заключительную фазу капитализма периодом катастроф»¹.

«Чем больше насилия проявляет капитал, когда он посредством милитаризма уничтожает во всем мире и в своей родной стране существование капиталистических слоев и ухудшает условия существования всех трудящихся слоев, тем скорее история современного капиталистического накопления на мировой арене превращается в непрерывную цепь политических и социальных катастроф и конвульсий, которые вместе с периодическими хозяйственными катастрофами в форме кризисов делают невозможным продолжение накопления; восстание международного рабочего класса против капиталистического господства становится необходимостью еще раньше, чем оно наталкивается на свои естественные, им же самим созданные перегородки» (I. с., стр. 489).

Как вообще в истории, теория приносит нам здесь пользу, когда она выявляет т е н д е н ц и и развития, логический предел, к которому она объективно идет. Этот самый предел так же не может быть достигнут, как ни один из предшествовавших периодов исторического развития не мог развиться до своего логического конца. Он тем менее может быть достигнут, чем больше в слепую игру сил вмешивается в качестве активного фактора общественное сознание, носителем которого в данном случае является социалистический пролетариат. А правильное понимание марксовой теории и в данном случае действует на общественное сознание как плодотворнейший и могущественнейший возбудитель.

Современный империализм является не первым шагом к экспансии капитала, как в схеме Бауэра, а лишь заключительной частью исторического процесса его экспансии: он представляет собой период всеобщей обостренной мировой конкуренции капиталистических государств за последние остатки некапиталистической среды на земле. Экономическая и политическая катастрофы являются в этой заключительной фазе столь же жизненным элементом, такой же нормальной формой существования капитала, как и в период первоначального накопления, т. е. в фазе его возникновения. Как открытие Америки и морского пути в Индию было не только прометеевским достижением человеческого духа и культуры, каковым оно изображается в либеральных легендах, но и рядом неотделимых от него периодических массовых убийств в среде первобытных народов Нового света и грандиозной торговлей рабами Африки и Азии, так в современной заключительной фазе империализма хозяйственная экс-

¹ «Накопление капитала», стр. 466.

пансия капитала неотделима от той серии колониальных завоеваний и мировых войн, которые мы переживаем. Признаком империализма как последней конкурентной борьбы за капиталистическое мировое господство являются не просто особенная энергия и всесторонность экспансии, но перенесение решающей борьбы во имя экспансии из местностей, которые являются ее объектом, в страны, где она зародилась; это между прочим является специфическим признаком того, что круг развития начинает замыкаться. Этим самым империализм переносит катастрофу как форму бытия с периферии капиталистического развития назад, к своей исходной точке. После того как экспансия капитала на протяжении четырех столетий обрекала существование и культуру всех некапиталистических народов Азии, Африки, Америки и Австралии на беспрестанные конвульсии и массовую гибель, – она бросает теперь культурные народы самой Европы в ряд катастроф, конечным результатом которых может быть только гибель культуры или переход к социалистическому способу производства. Если рассматривать вопрос в свете этого понимания, то позиция пролетариата по отношению к империализму определяется как признание необходимости раз навсегда разделаться с господством капитала. Тактическая линия его поведения дана указанной исторической альтернативой.

Совершенно иначе проходят тактические линии поведения с точки зрения официального «компетентного» марксизма. Вера в возможность накопления в «изолированном капиталистическом обществе», вера, что «капитализм мыслим и без экспансии», есть теоретическая формула вполне определенной тактической тенденции. Цель этой концепции заключается в том, чтобы представить фазу империализма не как историческую необходимость, не как фазу решающей борьбы за социализм, но как злой умысел кучки заинтересованных в этом лиц. Эта концепция метит на то, чтобы убедить буржуазию, что империализм и милитаризм вредны с точки зрения ее собственных капиталистических интересов, чтобы тем самым изолировать воображаемую кучку людей, извлекающих выгоду из империализма, и таким путем образовать блок пролетариата с широкими слоями буржуазии с целью «умерить» империализм, истощить его «частичным разоружением» и «лишить его жала»! Как либерализм на закате дней своих апеллировал от плохо информированной монархии к монархии, которая была бы более информирована, так «марксистский центр» хочет апеллировать от буржуазии, которая слушается плохих советов, к буржуазии, поддающейся внушению, от курса империалистических катастроф к международным договорам о разоружении, от борьбы великих держав за мировую диктатуру сабли к мирной федерации демократических национальных государств. Генеральный бой за уничтожение всемирноисторического противоречия между пролетариатом и капиталом превращается в утопию исторического компромисса между пролетариатом и буржуазией с целью «смягчения» империалистических противоречий между капиталистическими государствами¹.

¹ Экштейн, который в своей рецензии в «Vorwärts'e» в январе 1913 г. доносит на меня «за теорию катастроф», делая при этом простые заимствования из словесной сокровищницы Кольб-Гейне-Давида («Вместе с теоретическими предпосыл-

Отто Бауэр заключает критику моей книги следующими словами: «Капитализм потерпит крушение не на механической невозможности сбить прибавочную стоимость. Он падет от восстания, на которое он толкает народные массы. Капитализм рухнет раньше того момента, когда последний крестьянин и последний мелкий буржуа во всем мире превратятся в наемных рабочих и когда поэтому для капитализма не останется больше никаких свободных добавочных рынков; он падет значительно раньше под ударами все возрастающего «возмущения рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самым механизмом капиталистического процесса производства». Специально на предмет моего поучения Бауэр как мастер абстракции должен был абстрагироваться не только от всего духа и тенденции моего понимания накопления, но и от ясного текста моего изложения. Но то, что его собственные храбрые слова опять-таки должны быть восприняты лишь как типичная абстракция «компетентного» марксизма, т. е. как невинный проблеск «чистого мышления», доказывает поведение этой группы теоретиков, когда вспыхнула мировая война. Возмущение непрерывно увеличивающегося, вышколенного и организованного рабочего класса вдруг превращается в политику «воздержания от голосования» при решении важнейших вопросов мировой истории – в политику «молчания» до того момента, пока не раздадутся звуки колокола мира. «Путь к власти», с виртуозностью разрисованный до мельчайших деталей еще среди глубочайшего мира, когда все еще было спокойно, при первой исторической буре превратился в «путь к бессилию»¹. Эпигоны, которые в последнее десятилетие держали в своих руках официальное теоретическое руководство рабочим движением Германии, при первой вспышке мирового кризиса обанкротились и прямо передали это руководство в руки империализма. Ясное понимание этого факта является одной из необходимейших предпосылок при воссоздании пролетарской политики, достойной исторических задач периода империализма.

ками падают и практические выводы, прежде всего теория катастроф, которую товарищ Люксембург строит на своем учении о необходимости некапиталистических потребителей»), доносит на меня теперь, когда теоретики болота опять стали «ориентироваться» налево, за противоположное преступление, выражающееся в содействии правому крылу социал-демократии. Он усердно ссылается на то, что Леншу, тому самому Леншу, который во время мировой войны примкнул к Кольб-Гейне-Давиду, в свое время понравилась моя книга, и он дал о ней благоприятный отзыв в «Leipziger Volkszeitung». Разве эта связь не ясна? Она в высшей степени подозрительна! Именно поэтому Экштейн счел себя вынужденным так основательно разнести мою книгу в «Vorwarts'e». Но ведь тому же самому Леншу до войны гораздо больше нравился «Капитал» Маркса. Более того, Макс Грюнвальд долгие годы выступал в берлинской рабочей школе в качестве вдохновенного интерпретатора «Капитала» Маркса. Разве это не быющее в глаза доказательство того, что «Капитал» Маркса прямо ведет к тому, чтобы мечтать об уничтожении Англии и писать юбилейные статьи по случаю рождения Гинденбурга? Но подобного рода штуки случаются именно с Экштейнами, которые в своей неуклюжести портят то дело, которое они «на себя взяли». Уже Бисмарк, как известно, частенько жаловался на слепое усердие своих рептильных писак.

¹ В подлиннике: «Weg zur Macht» и «Weg zur Ohnmacht» – непередаваемая игра слов: «Macht» значит и власть и сила. – Прим. пер.

Прекраснодушные люди опять будут жаловаться, что «марксисты спорят между собою», что нападают на признанные «авторитеты». Но марксизм – не дюжина людей, которые выдают друг другу свидетельство в «компетентности» и перед которыми масса правоверных должна благоговеть в слепом доверии.

Марксизм – революционное мирозерцание, которое должно постоянно бороться за новые достижения в области познания, которое ничего не презирает так, как закоснение в раз-навсегда данных формах, которое с наибольшим успехом черпает свою живую силу из идейной борьбы самокритики и в исторической грозе. Поэтому я согласна с Лессингом, который писал младшему Реймарусу:

«Но что делать! Пусть каждый говорит то, что он считает правдой, а сама правда пусть будет достоянием бога».

